Спасибо, что скачали книгу в бесплатной электронной библиотеке Royallib.ru
Все книги автора
Эта же книга в других форматах

Приятного чтения!

Михаил Погодин
ДРЕВНЯЯ РУССКАЯ ИСТОРИЯ ДО МОНГОЛЬСКОГО ИГА
Том 2

ОБОЗРЕНИЕ СОСТАВНЫХ ЧАСТЕЙ ГОСУДАРСТВА И ОТНОШЕНИЙ ИХ МЕЖДУ СОБОЮ В ПРОДОЛЖЕНИЕ УДЕЛЬНОГО ПЕРИОДА

Мы представили Историю княжеств, на которые была разделена Русская земля перед грозой, несшейся на нее с дальнего Востока. Извлечем заключения из наших известий о том состоянии, в каком она находилась вообще, исследуем причины, содействовавшие к ее расстройству, и, наконец, постараемся отыскать основы ее лучшего будущего, залог ее спасения.

Обозревая историю удельного, по преимуществу, периода, от кончины Ярослава до нашествия татар, мы видим в действии: князей с дружинами, города с воинами и волости с народом, церковь.

Чтобы составить себе ясное понятие о ней, необходимо рассмотреть эти составные государственные части порознь.

Начнем с князей, и поговорим прежде об их происхождении и увеличении их числа.

В продолжение норманнского периода, к счастью молодого государства, бывало большей частью по одному князю: Рюрик (1 степень), Олег, Игорь (2 ст.), Святослав (3 ст.), следовали один за другим поодиночке и расширяли пределы своей земли. Наследство Святослава, вскоре по кончине старших, Ярополка и Олега, досталось одному Владимиру (4 ст.). От Владимира, хотя у него было и двенадцать сыновей, уделы соединились через короткое время в руке Ярослава (5 ст.), который, собственно, и стал родоначальником всех русских князей, кроме полоцких, происходивших от его старшего

брата Изяслава.

Как укреплению, усилению молодого государства, содействовало малое число князей, так беспрестанно умножавшееся их количество постепенно ослабляло его, и, наконец, привело на край гибели.

Ярослав оставил пять сыновей: Изяслава, Святослава, Всеволода, Вячеслава и Игоря (6 ст.), родного внука Ростислава (от старшего сына Владимира), и двоюродного Всеслава (от Изяслава, сына Владимира Святого) (7 ст.)

От них пошли дети, и с этой шестой степени, в которой считалось князей 11, число их начало умножаться следующим образом:

в седьмой известных было 13,

в восьмой 39,

в девятой 49,

в десятой 66 и т. д.

Рассмотрим эти роды по старшинству.

1 род, Изяслава, сына Владимира (5 ст.), через Брячислава (6 ст.) и Всеслава (7 ст.), составлял совершенно отдельное целое, владея Полоцким княжеством, отчиной праматери Рогнеды. Перед татарским нашествием известия о нем прерываются.

2 род, старшего сына Ярослава, Владимира (6 ст.), при нем умершего, через сына его Ростислава (7 ст.), и внуков — Володаря, Василька и Рюрика (8 ст.), получил Галич, где и пресекся в 11 степени, за 25 лет до татар.

3 род, второго сына Ярослава, Изяслава (6 ст.), вступившего после него на великокняжеский стол, получил себе во владение, при потомках Святополка Изяславича (7 ст.), отчину свою, Туров. В эпоху татарского нашествия этот род ослабел. От него ведут, впрочем, до сих пор свое происхождение многие княжеские и дворянские роды в Литве, Польше и в нынешних западных губерниях.

4 род, самый многолюдный, третьего сына Ярослава, Святослава, от которого, через сына Олега (7 ст.) пошли князья черниговские и северские, а через сына Ярослава, муромские и рязанские.

5 род, также многолюдный и самый славный, четвертого сына Ярослава, Всеволода, сын которого Владимир Мономах (7 ст.) стал родоначальником большей части великих князей, а через сына Георгия, великих князей суздальских, и впоследствии великих князей московских и царей всея Руси.

Род Мономаха имел еще несколько ветвей: от старшего сына его

Мстислава, через сына Изяслава, пошли князья владимиро-волынские, и один из них, Роман, стал родоначальником вторых галицких князей; через сына Ростислава пошли князья смоленские.

От этих двух родов, Святослава и Всеволода, происходит большая часть нынешних природных русских князей, кроме жалованных и пришлых.

6 род, пятого сына Ярослава, Вячеслава, вскоре пресекся в Смоленске.

7 род, шестого сына Ярослава, Игоря, получившего удел во Владимире-Волынском, потерялся в неизвестности; ближайшие потомки княжили в Городне.

Родоначальницами всех русских князей были: Рогнеда, дочь варяжского князя Рогволода полоцкого, одна из супруг великого князя Владимира, и Ингигерда, супруга великого князя Ярослава, дочь шведского короля Олофа.

Потомство Ярослава соединялось брачными союзами, преимущественно в ближайших степенях, с иностранными владетельными родами, например, сыновья его:

Владимир был женат на какой-то северной княжне.

Изяслав — на сестре Казимира, короля польского, дочери Мечислава II, умершей в 1107 г.

Всеволод — на греческой царевне (по иным: внучке греческого императора Константина Мономаха).

Вячеслав — на Оде, дочери Леопольда, графа штадского.

Игорь — на Кунигунде, графине орламиндской.

В 7 степени сын Изяслава, Святополк, был женат на дочери половецкого хана Тугоркана.

Сын Всеволода, Мономах, в первом браке имел Гиду, дочь английского короля Гаральда.

Сын Мономаха, Мстислав, был женат в первом браке на Христине, дочери шведского короля Инга Стенкильсона; во втором браке на дочери новгородского посадника Дмитрия Завидича.

В последующих степенях брачные союзы с иностранными владетельными домами продолжались, хотя реже, вплоть до нашествия татар.

Точно так же и русские княжны выходили замуж за иностранных государей.

Дочери Ярослава: Елизавета — была в замужестве за Гаральдом, принцем норвежским.

Анна — за Генрихом I, королем французским.

Анастасия — за Андреем I, королем венгерским.

Неизвестная княжна была в замужестве за Болеславом II Смелым, королем польским.

Дочь Всеволода, Евпраксия, была за маркграфом штаденским, Генрихом Долгим, а потом в 1089 году за императором Генрихом IV.

Дочери Святополка Изяславича: Сбыслава была замужем за Болеславом Кривоустым, королем польским, 1103 г.

Передслава, 1104 г., за венгерским королевичем, сыном Коломана.

Дочь Владимира Мономаха за венгерским королем Коломаном.

Другая дочь Мономаха, Мария, была за царевичем Леоном, сыном императора греческого Диогена.

Дочь Володаря Ростиславича (ст. 9) за греческим царевичем Алексиничем.

Дочь Всеволода Ольговича, Звенислава, за польским королем Болеславом Кудрявым (1142 г.).

Другая еще прежде (1140 г.) была замужем за герцогом Владиславом братом его.

Дочери Мстислава Владимировича и Христины шведской были выданы замуж — одна за норвежского короля Сигурда, а после за датского Эрика Эдмунда.

Вторая за Канута Святого, короля оботритского — от них родился Волдемар I, славный датский король.

Третья за греческого царевича, 1124 г., и проч.

Переходим к владению князей и рассмотрим дробление княжеств.

Русская земля делилась и дробилась между перечисленными родами князей. Ярослав разделил ее между пятью своими сыновьями на пять частей: кроме великого княжества, составлявшего как бы майорат, Туровское княжество, Черниговское, Переяславское, Смоленское, Владимиро-Волынское, — с принадлежащими к ним волостями.

Некоторые из них вначале иногда соединялись между собою, но впоследствии разделились окончательно.

Кроме сих Ярославовых княжеств, было еще Новгородское, не вошедшее в состав его деления, и Полоцкое, отделенное при Владимире Святом.

Новгородское, принадлежавшее в первое время как бы к

Киевскому майорату, тогда получало себе князей от великих князей киевских, но вскоре утвердило у себя избирательное правление и избирало из рода Ярослава, не допуская никаких делений, и давая иногда во временный удел, вследствие особых обстоятельств, Псков, Торжок, Ладогу, Волок Ламский.

Псков впоследствии отделился от Новгорода и составил особое владение.

Полоцкое, совершенно особое княжество, осталось в роде Изяславовом (Владимировича), и имело в числе уделов, кроме Полоцка, Минск, Изяславль, Витебск и проч.

От Киевского великого княжества, с которым при великом князе Изяславе соединилось Владимиро-Волынское, а при брате его Всеволоде Переяславское и Смоленское, отделились:

Галицкое, отданное Всеволодом Ростиславичам.

Владимиро-Волынское, отошедшее в род старшего сына Мстислава, Изяслава.

Смоленское, отошедшее в род второго его сына Ростислава.

Черниговское княжество разделилось при сыновьях Святослава Ярославича на Черниговское с Давыдом Святославичем, Северское с Олегом Святославичем, Муромское с Ярославом Святославичем, Тмутораканское, вскоре уничтоженное половцами.

От Муромского отделилось Рязанское.

От Рязанского Пронское.

От Переяславского отделилось Суздальское, отданное Мономахом младшим детям.

От Суздальского или Владимирского отделились Ростовское и Переяславское.

Каждое из этих княжеств дробилось впоследствии более и более, так что, наконец, перед нашествием татар, иным городом на юге кормилось в одно время по два князя.

Самый важный вопрос при князьях состоит в их праве наследства или преемственности.

В древней России право старейшинства пользовалось особенным уважением. Беспрестанно встречаются в летописях места, свидетельствующие о его значении, как в глазах князей, так и в глазах народа.

По этому праву, принесенному, вероятно, с Севера, как в первом или великом княжестве, так и во всех княжествах, в случае смерти князя, старший в его роде занимал его место, то есть брат после

брата, а не сын после отца (например, после великого князя Изяслава брат его Всеволод, а не сын Ярополк, и тому подобное).

Право старейшинства было, однако же, ограничено, относительно наследства, судя по событиям, то есть имело некоторые исключения. Старший в роде имел право занять только такой стол, который был занимаем когда-нибудь его отцом. Таким образом, деды и прадеды не принимались в расчет, то есть, нельзя было, или, лучше, не должно было внуку искать и получить то, чем владел его дед или прадед, но не владел отец; хотя, разумеется, внук или правнук имел сугубое право на то владение, которым владел не только отец его, но и дед, и прадед, на свою отчину и дедину.[1]

Изяслав, старший сын Владимира Святого от полоцкой Рогнеды, умер при жизни отца (1001), следовательно, не владел Киевом, и потому потомство его лишилось права на этот стол. Оно осталось во владении своею отчиною, Полоцком.

Потому и Ростиславичи, потомки старшего сына Ярослава, Владимира, должны были ограничиться княжеством Галицким, ибо родоначальник их Владимир умер в Новгороде (1032) прежде своего отца.

Теперь перейдем к потомству Изяслава. Он владел Киевом, и Киев достался по степени старшинства сыну его Святополку-Михаилу, но старший сын Святополка, Ярослав, умер в 1123 году, не владев Киевом, который принадлежал при нем еще старшему дяде его, Мономаху. Потомство его, следовательно, утратило по этому случаю свое право на Киев.

Младшие сыновья Святополка, не имевшие даже никаких уделов, умерли через год с небольшим после Мономаха и не могли состязаться, если не было других причин (незаконного происхождения), с могущественным Мстиславом, которому Владимир предоставил Киев.

Впрочем, право их, если и было какое, продолжалось после смерти Мономаха только год.

Из двух потомств, Святослава и Всеволода, первое было старшее, но оно утратило свои права, потому что дети Святослава, Олег, Давыд и Ярослав, уступили, или вынуждены были уступить, киевский стол, по кончине Святополка Изяславича, Владимиру Мономаху (1113), избранному киевлянами.

---

[1] Соответственное явление представляется после в истории местничества.

Впрочем, некоторые князья из его рода, старшие сыновья, попадали на киевский стол, а именно: Всеволод Ольгович насильственно (1139), сын его Святослав (1177) вследствие полюбовной сделки, и внук Всеволод Чермный, несколько раз (1206, 1207, 1210), вследствие различных обстоятельств.

Князь получал свой стол по прямому наследству: Изяслав после Ярослава (1031).

На основании старшинства: так наследовали в Киеве Всеволод Ярославич брату Изяславу (1078), в Чернигове Ярослав Святославич брату Давыду (1123), в Смоленске Мстислав Романович дяде Давыду Ростиславичу (1192) и проч.

По предоставлению и назначению предшественника: Мстислава назначил отец Мономах (1123) в Киеве, Владимира Давыдовича двоюродный брат Всеволод Ольгович (1140) в Чернигове, Георгия — отец Всеволод во Владимире (1212).

По народному избранию: Мономах (1113) в Киеве, Рогвольд Всеславич (1128) в Полоцке.

Вследствие полюбовной сделки: Мстислав Изяславич (1169) в Киеве, Святослав Ольгович (1158) в Чернигове.

Или решения князей: Ярослав Изяславич (1174), Владимир Мстиславич в Киеве (1175).

А иногда и насильно: Святослав Ярославич (1073) занял Киев, Всеволод Ольгович (1128) Чернигов.

Случалось соединяться некоторым из этих условий, например, законный наследник был вместе и избираем: Всеволод Юрьевич во Владимире (1176) после брата Михаила.

Или садился на стол с бою: Константин Всеволодович (1216) после войны с младшим братом Георгием, во Владимире.

Рассмотрим отношения князей между собой.

ВЕЛИКИЙ КНЯЗЬ

Что такое был между ними великий князь?

Это было именное старшинство, почетный титул, завидное владение, особенно сначала, когда силы у него было больше, волость обширнее, дружина многочисленнее, земля обильнее и богаче, и ничего более. По завещанию Ярослава, князь киевский должен был быть «в отца место» своим младшим братьям, прочим князьям. Отеческое влияние продолжалось недолго. Братья вскоре восстали на

Изяслава, старшего сына Ярослава. Никакой власти над ними он не имел. Еще более сказалось это во втором после них поколении и следующих. Князю киевскому не было никакого дела, что происходило в Чернигове, Галиче или Полоцке. Все князья совершенно от него не зависели. Ни о каких правах и преимуществах помину нет нигде. Он имел влияние только на князей, живших в пределах его собственного, т. е. Киевского княжества, где он распоряжался уделами: раздавал кому хотел, разумеется, согласно с древними обычаями, и отбирал. Остальная власть великого князя условливалась совершенно личными его качествами и обстоятельствами, в которых он находился. Если случилось великому князю быть не только старше, но и умнее других, иметь искусство воспользоваться своей силой, тогда он повелевал ими, имея в виду обычаи, отношения, сообразно своему характеру. Таковы были Святополк, Мономах, Мстислав, Всеволод Ольгович, хотя и им часто оказывалось сопротивление, смотря по обстоятельствам.

А в чем состояли его повеления? В следующих словах Мономаха заключается полное их содержание (1117): «Ярославу покорившюся и ударившу челом перед стрыем своим Володимером, и наказав его Володимер о всем, веля ему к себе приходити, когда тя позову».

С Ярополка Владимировича (1133) начинаются сторонние покушения на Киев, беспрестанные споры, и великий князь постепенно терял свою силу и значение, тем более, что пределы его княжества уменьшались, вследствие увеличения числа князей.

Но Киев все-таки считался первым, старшим, главным городом; помнились еще слова Олега, после его переселении с Волхова к Днепру: «се буди мати градом Русским». С Киевом связывались все воспоминания княжеского рода, как с колыбелью: отсюда вещий Олег ходил воевать Константинополь, и сюда приносил золотую греческую дань; здесь правила Ольга, мудрейшая из всех людей; Святослав разносил из Киева страх русского имени по всем соседним странам; Владимир принял святое крещение и просветил народ свой, основал славную Десятинную церковь; Ярослав, создатель Софийского собора и Золотых ворот, с лишком тридцать лет творил здесь суд и правду и предлагал пристанище королям и князьям иноземным; святые мученики Борис и Глеб прославились здесь и посылали исцеление приходившим с верой. Печерский монастырь со своими святыми угодниками был вместе и рассадником святителей, управлявших Русской церковью. Митрополит киевский был ее

главой. Все эти воспоминания жили между князьями, как и в народе, передавались от отцов к детям, и Киев был в то время тождествен со всей землей Русской, которая, несмотря на разновластие, сознавалась и чувствовалась повсеместно. Святополк и Мономах, призывая Святославичей, говорят им: «придета Киеву, на стол отец наших и дед наших, яко то есть старейший град в земле во всей, Кыев; ту достойно снятися и поряд положити».> Так передалось и их детям: Киев — стольный город; киевский князь — первое лицо в Русской земле, особенно сначала. Потому-то некоторые князья, чуть кто из них был способнее, предприимчивее, получив какой-нибудь предлог, устремлялись к Киеву, желали стола киевского, а не черниговского, полоцкого или иного другого. Те столы были бесспорны, разве между своими князьями. Из прочих княжеств иным и не случалось воевать между собою, например Черниговскому со Смоленским, или Галицкому с Переяславским.

Общие предприятия против половцев происходили по преимуществу из Киева.

Наконец, великий князь суздальский Андрей, владея обширной, почти неприкосновенной страной, взял верх над Киевом, обобранным и ослабевшим. Став вскоре и старшим из потомков Мономаха, он располагал им по своему произволу, оставаясь сам во Владимире (1155–1174).

Такое же влияние приобрел себе Всеволод, брат его, благодаря своим государственным способностям (1176–1212). Достоинство великого князя киевского принизилось и в общем мнении.

Старшим во всех смыслах стал великий князь владимирский.

Великого князя владимирского слушались соседние князья, рязанские и муромские, равно как и дальние, — более нежели прежде великих князей киевских, потому что он был гораздо сильнее их.

Название отцом при владимирских князьях продолжалось, как прежде при киевских, также не без возражений, смотря по обстоятельствам. «Мы нарекли тебя отцом своим, говорят Ростиславичи Андрею (1174), но если ты говоришь с нами, не как с князьями, а как с подручниками, то пусть рассудит нас Бог…» Точно так же поступил и Рюрик Ростиславич с Всеволодом в 1195 году.

После смерти Всеволода (1212), достоинство великого князя владимирского начало принижаться так же, как прежде киевского, и Георгию, сыну его, было много хлопот дома с братьями, а до Киева ему уже и дела не стало.

Таковы были отношения великого князя к прочим князьям; какие отношения были у них между собою?

Все князья считали себя, как бы в праве, хоть и безотчетно, иметь что-нибудь, участвовать во владении Русской землей, собранной трудами их отцов и дедов, иметь что-нибудь в своем владении, точно как теперь всякий поселянин считает себя в праве участвовать во владении землей своего села. Как сельская земля находится в общем владении всего села, так вся Русская земля, земля Руси, находилась как бы в общинном владении княжеского рода, на которое все князья имели притязание, кому по происхождению и родству где что приходилось.

Все князья были равны между собой, находясь в зависимости, в некотором смысле отвлеченной, каждый у старшего в своем роде, княжившего в стольном отчинном городе, а вместе от великого князя киевского, после суздальского.

Провинившийся князь терял волость по приговору князей (например, Давыд Игоревич, в 1096 году).

Старший князь раздавал своим детям или родственникам города, в пределах его княжества находившиеся, и удельные князья обязаны были его слушаться, то есть, ходить на зов его (например, Мономах, сын его Мстислав и проч.).

Главной заботой всех князей, источником и причиной всех их войн и сношений, было владение.

Князья, в своем роде, или в отношении к Киеву, ссорились между собой из-за волостей, желая каждый себе больше власти: ломоть в чужой руке каждому из них казался длиннее.

Известен даже особый глагол, вышедший теперь из употребления, определяющий характер междоусобных войн — волоститься; а князья или государи в этом отношении назывались волостелями. О многих войнах именно так и сказано самими князьями или летописцами, без всяких околичностей, просто и ясно.

Одним из предлогов к войнам служило право наследства, с его исключениями, право, по которому не сын наследовал после отца, а брат или вообще старший в роде.

Часто искали князья владений без всякого предлога (например, Ростислав Владимирович (1064), Всеволод Ольгович (1132)).

Иногда искали с предлогами, более или менее справедливыми, например: месть, подозрение (Святослав Ярославич (1072), Георгий Владимирович (1149)), желание вернуть свое (Ольговичи (1133)).

Для чего князья искали себе владений? Для доходов.

Волости и города они ценили количеством доходов, с них собираемых. Роман волынский говорит (1193) тестю своему, великому князю Рюрику Ростиславичу на предложение его об уступке данной Роману волости: «Мне любо иную волость в тое место даси, любо кунами даси за нее, во что будет была».

Смоленский князь Ростислав Мстиславич получал одной дани, судя по десятине, предоставленной им новопоставленному епископу, до 3150 гривен серебра.

Кроме владения, причин к междоусобиям было мало, и то в начале этого периода, а именно: принуждение к покорности (Мономах и Глеб минский (1109), Ярослав Святославич (1119)), наказание (Мстислав и полоцкие князья (1129)), заступление (Всеволод за Ярополка (1084)); наконец, надо заметить немногие походы с общего согласия (например, вследствие ослепления Василька (1096)).

Войны состояли часто из одних движений или занятий, без всякого кровопролития, и решались почти всегда одним сражением (Ярославичи с Всеславом (1066)), или даже одним походом (Мономах (1083) против Ярополка), набегом (Ростислав Владимирович (1064) в Тмуторакани), осадой (города Владимира Святополком в 1099 году).

На месте сражений убитых оставалось мало: князей погибло не более пяти в продолжение всего периода, а по ним можно заключить и о прочих.

Вред от междоусобных войн испытывали по большей части князья.

После князей терпели их бояре и дружина.

Много доставалось городам.

Народ страдал меньше, особенно в первой половине этого периода, от 1055 до 1146 года.

Междоусобные войны оканчивались: со стороны наступавших — достижением цели, то есть овладением, принуждением к покорности, изгнанием, опустошением волости; без успеха — бегством, переговорами и мирами.

Со стороны оборонявшихся: уступкою без обороны, отражением.

Междоусобные войны не имели, особенно сначала, характера непримиримости: это были часто условные, полюбовные, если можно так выразиться, схватки с оружием в руках, как Бог рассудит, т. е. чья возьмет, а после враги становились друзьями, и наоборот, как в

кулачных боях. Это в отношении к князьям, а до народа касались они тогда еще менее. Князья воевали друг с другом, а не против народа; они, по большей части, хотели владеть теми волостями и городами, на которые нападали, следовательно, не могли, для своей собственной пользы, разорять их кроме особенных случаев. (Князья с дружиной сами по себе, а поселяне сами по себе).

Все сношения князей между собой, все их договоры, союзы и ссоры, имели также причиной, самой главной, владение, кроме немногих частных случаев: например, князья сносились между собой и помогали друг другу, иногда по родству, — брат помогал брату, имея общие выгоды: Изяслав Мстиславич и Ростислав Мстиславич (1147); Игорь Олегович и Святослав Олегович (1146); все Олеговичи Всеволоду Чермному (1207) и проч.

Поневоле, — если какому князю случалось взять верх над другими и заставить их ходить под его рукою: так слушались многие князья Мономаха, Мстислава, Всеволода Олеговича, Андрея Боголюбского.

Из страха навлечь на себя месть, например, Давыдовичи помогали сначала Изяславу Мстиславичу, а потом Святославу Ольговичу (1146).

По условию, например, Святополк и Мономах, Святослав Всеволодович и Рюрик Ростиславич, действовали заодно (1189).

Князья входили между собой в союзы, составляли своего рода артели или товарищества, чтобы действовать заодно, выбирали себе старших, для которой цели и обязывались клятвой, целуя крест, по-древнему: ходили роте, почему и назывались ротниками.

Великие князья, сильнейшие, принуждали иногда к тому силой. Так, Мономах постановил условием Глебу минскому (1116), Ярославу Святополковичу (1117), приходить к себе на зов. Мстислав жаловался на полоцких князей, почему они не приходят к нему на помощь против половцев, и за то лишил их отчины (1130).

Князья сносились и переговаривались на съездах, обсылались послами (1195), или посольниками (1144), которыми были мужи или бояре (1159, 1197), лица духовные (1161), даже иногда митрополиты (1140), союзные князья.

В случае неудачи прибегали к чужой помощи: к половцам, ляхам, уграм.

Таковы были отношения князей между собой и к великому князю, сначала киевскому, а потом владимирскому.

При всяком новом обстоятельстве, столонаследовании по кончине старшего князя и по прибытии нового, при столоприобретении вследствие войны, выигранной или проигранной, происходило новое рассаживание князей и новая разверстка или переверстка, как у крестьян весной, волостей, по воле главного или старшего князя, если он был не только старше, но и умнее, и сильнее всех, — по взаимному соглашению князей, имевших какие-либо права или притязания, умевших поддерживать свои требования силой, — по назначению победителя, если дело доходило до схватки, — по требованию людей и городов, если они, призывая или уступая, предлагали какие условия. Сила, ум, характер, возраст и старшинство, определяли наделы при всяком случае.

Если было несколько лиц равносильных, они договаривались между собой и налагали условия на прочих (например, Святополк и Мономах относительно Ольговичей (1093)).

При перемене обстоятельств они торговались и вновь уступали, или требовали, воевали.

Умирал великий князь киевский, — наследник ему, то есть, старший в роде, приходил из другого города, Чернигова, Турова, Смоленска и распределял киевские города по своему усмотрению, стараясь привести других к покорности и распространить свою область, наделить лучше своих детей, братьев, союзников.

Оставленный тем или другим князем стол занимался ближайшим к нему членом семейства, который передавал свой удел другому князю, как ему заблагорассудилось.

Появлялись иногда незаконные притязатели, овладевавшие, благодаря стечению благоприятных для сего обстоятельств, Киевом или другим стольным городом, и распоряжавшиеся произвольно.

Иногда решала дело война, и победители были еще безотчетнее в своих решениях.

А в чем состояла власть князя в пределах его княжества?

Власть княжеская, в продолжение норманнского периода, сосредоточенная в Киеве, разнеслась, по кончине Ярослава, по многим другим городам, сделавшимся средоточиями особых княжеств, столицами.

Во всяком новом уделе князь заводил тот же порядок, какой установился в Киеве, и становился таким же государем в пределах своего княжества, каким был сначала великий князь киевский.

Сев на стол, князь договаривался с людьми. Например: Игорь

Ольгович (1146), Ростислав Мстиславич (1116).

Вот круг его деятельности:

От князя зависело назначение должностных лиц в городах и волостях: посадников — Олег Святославич в Ростове и Суздале (1096), Ярополк Владимирович в Курской волости (1133).

Тысяцких — Игорь Ольгович (1146).

Тиунов — Мстислав Изяславич (1169).

Даже в назначении духовных властей князь мог принимать непосредственное участие: митрополитов — Ярослав назначил митрополитом Илариона, Ростислав Мстиславич требовал назначения Клима, Мстислав Изяславич — Константина.

Епископов — Андрей Боголюбский (1162), Всеволод (1190).

Игуменов — Святополк Изяславич (1112).

Князь давал и отнимал, изменял уделы в границах своих владений, — детям: Мономах (1113), Юрий Долгорукий (1155).

Родственникам: Ярополк Владимирович племянникам — Мстиславичам (1133). Всеволод Георгиевич послал в Новгород свояка Ярослава Владимировича.

Чужим: Изяслав Мстиславич дал города Святославу Всеволодовичу (1146), Рюрик великому князю Всеволоду (1195).

Как бы в поместье или за службу, даже иноплеменникам: Рюрик Ростиславич дал Дверен (1192) Кунтувдею половчанину.

Сроков никаких не назначалось: случалось и при начале княжения, и в продолжение, и по завещанию, на время. Случалось, что князь поневоле должен был уступать тот или другой город: великий князь киевский Рюрик Ростиславич уступил великому князю суздальскому Всеволоду Георгиевичу пять городов (1195), а прежде зятю Роману.

Или в исполнение обязательства: Ярополк дал Переяславль племяннику Всеволоду (1133).

Князь получал с народа дань. Он собирал ее лично, объезжая свои волости. Вместе со сбором здесь соединялся и суд. Такие древние объезды получили название полюдья. Напомним полюдья Юрия Владимировича (1134), Всеволода Юрьевича (1186).

Сбор дани поручался иногда избранным мужам: Ян собирает дань по Волге для великого князя Святослава Ярославича (1071).

Употребление предоставлялось в полную его волю, по усмотрению.

Дань, а равно и прочие доходы с известной волости или города,

князь предоставлял иногда кому заблагорассудится — жене: под 1189 г. есть известие о городе княгини Святослава Ольговича.

Детям: Рюрик Ростиславич (1173).

Боярам: при Изяславе Мстиславиче (1150).

Монастырям: Мстислав Владимирович (1125).

Церквям: Андрей Боголюбский (1155).

Князь издавал законы по поводу известных случаев. См. в Правде Ярославичей о пене за убийство конюха.

Был верховным судьей, см. в описании 1093 о Всеволоде, 1147 о Вячеславе Владимировиче.

Творил суд и правду: Ярослав Всеволодович (1229).

Определял пени: Ростиславичи (1173).

Получал пошлину с суда, с торговли, с промыслов, как видно из Русской правды, Уставов Всеволода, Святослава Ольговича, Ростислава смоленского.

Имел дружину, жившую на его содержании, и распоряжался ею во время войны, — Вячеслав Владимирович (1131).

Предпринимая войну, он собирал войско, расселенное по городам и волостям, — Ярополк (1135).

Ходил обыкновенно сам, иногда посылал вместо себя сына, брата, родственника, воеводу: Мстислав Владимирович — братьев и сыновей (1125); Андрей Боголюбский — сына Мстислава, воеводу Бориса Жидиславича (1169); Святополк Изяславич Путяту (1097).

В сражении принимал личное и непосредственное участие и чуть ли не начинал его: Андрей Боголюбский (1131, 1152).

Находился при большом полку: Глеб Юрьевич (1172).

По окончании войны распускал войско: Рюрик Ростиславич (1195).

Заключал мир: братья Изяслав и Всеволод (1072).

С приобретением или уступкой волостей: Андрей Боголюбский (1169).

Переговаривался с князьями лично: общие съезды (1097, 1100), Всеволод Ольгович с братьями (1142).

Или через послов, им назначенных: Давыдовичи с Изяславом Мстиславичем (1147).

Подчинял себе противников: Мономах (1117), сын его Мстислав.

Пересылался по усмотрению с иностранными государями: Изяслав Мстиславич с королем угорским, ляшским и чешским (1149).

Ходил к ним на помощь: Мономах и Олег к ляхам на чехов

(1076).

Посылал — Всеволод Ольгович зятю Владиславу (1142).

И получал помощь: Изяслав Мстиславич от угров (1149).

Предпринимал походы в чужие страны: Андрей Боголюбский на болгар (1164), Георгий Всеволодович на мордву (1220).

Ставил города по мере надобности: Ярополк Владимирович город Желди (1116), Юрий Долгорукий Переяславль, Юрий Всеволодович Нижний.

Переводил людей из города в город: Святополк Изяславич (1093).

Распоряжался в городе: Изяслав Ярославич (1069).

Князю принадлежали особые села, дворы, волости, земли, холопы, изгои, стада, пчелиные борти, рыбные ловли, сеножати (1140, 1146, 1156, 1158, 1159, 1171), что видно и по грамотам — Мстиславовой (1125), смоленской Ростиславовой (1150) и проч.

Князь имел при себе особых исполнителей и служителей, из которых упоминаются ключники (1154, 1174), стольники (1230), меченоши (1210).

Князья считались властелинами своих подданных и господами земли (1071), впрочем, всегда в смысле временного владения, а не собственности (1197).

Таков был круг княжеской деятельности. Рассматривая его, подумаешь, что князь делал, что хотел в своем княжестве. Нет, власть его ограничивалась другими деятелями, которые по временам также делали, что хотели, и тем восстанавливали равновесие сил, или производили новое замешательство, беспорядок.

Эти деятели — дружина, войско, города.

ДРУЖИНА

Дружина, в продолжение норманнского периода, пополнялась преимущественно выходцами с дальнего севера, приходившими в Гольмгард по зову князей, участвовать в их удалых походах на берега Черного и Каспийского морей, в Европе и Азии, на Константинополь, в Дунайские страны. В свободное время дружинники жили с князем в Киеве или уходили от него на промысел, где казалось им выгоднее.

После кончины Ярослава движение из Скандинавии прекратилось, и жители Швеции, Норвегии и Дании уселись крепко на своих местах, в благоустроившихся государствах. Дружина киевская должна была замкнуться в своем составе, но еще долго

держался в ней дух старого движения, и при первом преемнике Ярослава, вследствие распри с князем, она сбиралась по знакомому пути идти в Грецию, предав Киев сожжению.

Потом и туда путь закрылся нахлынувшими толпами половцев, которые заняли низовья Днепра и Дона: дружинники сохранили первоначальный обычай перехода, изменив только цели своих путешествий, т. е. переходя от князя к князю, по усмотрению.

У каждого князя была своя дружина (1055, 1067), которая всюду следовала за ним (1093, 1140), жила большей частью при нем, в его стольном городе, в детинце, так как он часто имел в ней нужду при беспрестанных войнах и поводах к столкновениям.

Дружина удерживала свое первоначальное разделение: на старшую (первую, лучшую, большую), т. е. бояр и мужей (1093, 1147), и младшую, отроков или детских (1149, 1169).

При умножении князей значение дружины увеличилось еще более: князь без дружины не значил почти ничего, и потому дружина составляла драгоценнейшее его сокровище (1146, 1181), пользовалась его уважением (1145), имела на него всегда сильное влияние, принимала живое участие во всех делах (1147), выражала свое мнение свободно и действовала часто по своему произволу (1067), владела домами, селами, дворами (1146), многим товаром, т. е. имуществом (1159), получала часть добычи, пировала вместе с князем (1064); но поземельной наследственной собственности у дружины, в политическом или государственном смысле, следов не замечается.

Дружина назвалась впоследствии двором (1192), а члены, ее составлявшие, дворянами.

Оставаясь после смерти князя в городе, она поступала на службу к его преемнику, пользуясь тем же окладом, или расходилась, иногда частью, к его детям (1154, 1171).

Бояре назывались и мужами (1136).

Бояре имели своих отроков, чадь, которые составили впоследствии дворню — родоначальников дворовых людей (1095, 1177).

Боярам поручались главные должности: посадника, тысяцкого или воеводы, тиуна (1146, 1176).

Звания боярские и детские были наследственны, то есть, точно как были с самого начала роды княжеские, так точно были роды боярские и роды отроков или детских (впоследствии детей боярских).

О пожаловании в это звание, о приобретении его заслугами, нет нигде ни малейшего указания в древнее время, ни даже намека.

То же следует сказать о некоторых должностях, например, воеводы или тысяцкого: они передавались наследственно, или, по крайней мере, принадлежали, поручались лицам известных родов по преимуществу, причем было нужно, разумеется, утверждение княжее, точно как для самих князей народное. Так, у Андрея Боголюбского воеводой был Борис Жидиславич (1171), у брата его Всеволода Михаил Борисович (1204, 1207), у сына его Георгия Жиславич Михайлович (1237).

Между отроками следует отметить гридней (1166), мечников (1146, 1175), пасынков (1177), и кощеев (1170).

ГОРОДА (НАСЕЛЕНИЯ, ВЕЧА)

Городское население, потомки пришлых варягов-руси, сохранило свой древний военный характер. Все действия, приписываемые летописями жителям городов, обличают в них первоначально военных людей, например, угроза Ярославичам уйти в Грецию. Так же под гг. 1147, 1151 и проч. Прежнее их население подчинилось совершенно пришлому. Города стали военными посадами, вроде древних римских колоний, как теперь это посады по большей части правительственные.

Города получали свое значение, преимущественно, как места пребывания князей, придававших им блеск и важность, а сами по себе значили немного, разве который имел особенно выгодное положение или славен был древностью, например, Киев.

Военное сословие, составляя главную часть городского народонаселения, принимало, вместе с дружиной, участие в общих княжеских и своих местных делах, смотря по обстоятельствам, в так называемых вечах.

Веча встречаются по летописям во всех городах: в Киеве (1067, 1068, 1113, 1146, 1147, 1150), Владимире Волынском (1097), Звенигороде (1147), Полоцке (1159, 1186), Смоленске (1185), Ростове (1157, 1175), Суздале (1157, 1175), Владимире Залесском (1157, 1175, 1176), Переяславле (1175), Рязани (1177), Галиче (1231).

Веча бывали иногда на походе (1185).

Мирские сходки нашего времени по селам есть древние волостные веча.

Веча созывались самими горожанами (1146), князем (1147, 1148, 1150, 1231), его уполномоченными (1147), в отсутствие князя (1159), против воли князя (1159), в междукняжие (1068, 1079, 1113, 1147, 1154, 1157, 1175, 1177).

На вече присутствовало все население городское, преимущественно все военное сословие, населявшее город (что видно из всех мест): князь, бояре, остальная дружина (1147), купцы (1177).

Место собрания веча в Киеве было: на торговой площади (1067), у Туровой божницы (1146), у Св. Софии (1147).

Вечевые собрания происходили вследствие обстоятельств. Это было явление случайное, право по обычаю: городской люд, быв доволен или не имея сил, молчал и жил спокойно; недовольный — созывал вече и принимал свои меры.

Вечевые решения в старших городах были законом для младших или пригородов (1151, 1175), но не безусловно (1175, 1177).

Что касается предмета веча — горожане на вече избирали князей (1113), принимали (1138) или отвергали (1095), изгоняли князей (1128).

Право это было также отрицательное, если можно так выразиться, т. е. соблюдалось и не соблюдалось. Князья следовали, как мы уже видели, одни за другими по своему порядку, без возражения со стороны горожан, согласие которых предполагалось; иногда наоборот, города предлагали условия князьям, договаривались и взаимно присягали, приносили жалобы; князь делал горожанам лично или через своих поверенных предложения, которые принимались ими или отвергались; горожане предлагали свои меры; без князя рассуждали об общественных делах (1146, 1147), продолжать ли войну или мириться, сдаваться и т. п.

Вече открывалось с соблюдением некоторых обычаев (1157).

Городское население, военное сословие, происходившее от прежнего племени варяго-русского, было весьма немногочисленно, и у самых сильных князей, например, киевского, владимирского, число воинов, которых могли они выставить в поле, в нужнейших случаях, кроме чрезвычайных, например, в половецком походе, простиралось тысяч до трех; у других оно должно было быть гораздо менее, по 300 и т. п. Так точно и в городах их, больших и малых, жило по количеству соразмерному.

Этим малым количеством воинов, бывших в действии, объясняется, как случалось, что князья с поля сражения убегали

иногда в одиночку, например, Святополк (1093), Изяслав Мстиславич (1149), Юрий и Ярослав (1216). Этим объясняется и неудача большей части осад. Сил вообще было недостаточно, взяться было некем; воинов было мало, так что небольшого перевеса в средствах у одной из двух противных сторон было довольно для успеха, и осажденные, затворясь в городе, всегда могли долго бороться со своими врагами.

Малочисленностью воинов объясняется также легкость их движения; это были толпы, которые могли удобно ходить по дорогам, не разделяясь и не затрудняясь нисколько в продовольствии. Иначе нельзя было бы понять некоторых походов и многих явлений в междоусобных войнах, например, в 1064 г., Ростислав, бежав из Новгорода с Пореем и Вышатою, мог выгнать внезапно Глеба из Тмуторакани. Он вышел оттуда, когда отец, Святослав черниговский, пришел на помощь к сыну, и по удалении занял в другой раз. Так, Ярополк Изяславич в 1085 г., княжа во Владимире Волынском, считал для себя возможным бороться с дядей, великим князем киевским, Всеволодом Ярославичем.

Воины разделялись на тысячи и сотни. Самое название тысяцкого и сотского служит доказательством о бывшем существовании тысячей и сотен: если были тысяцкие и сотские, то были тысячи и сотни.

ЗЕМЛЯ, ВОЛОСТИ, ДАНЬ

К каждому городу принадлежало известное пространство земли, составлявшее его округ, как бы уезд, разделенный на волости, прежде верви, имевшие, вероятно, отношение к тысячам, на погосты, впоследствии на станы.

Разделение земли по городам от первых князей было основано преимущественно на различии племен и наречий, вместе с некоторыми живыми урочищами, в особенности реками.

Волости, приписанные, говоря по-нынешнему, к городу, или, выражаясь древним складом, притянутые, обложены были данью еще от первых варяжских князей.

Дани наложены были огульно (например, Новгороду Олег назначил платить две тысячи гривен) и раскладывались плательщиками между собой или порознь, по щлягу, черной куне, белке, от дыма, от рала. Так точно и доставлялись подданными племенами и делились в городах, вероятно по раскладке.

Дани с одних волостей шли «в клеть княжую», то есть принадлежали собственно князю; другие, по его распоряжению, предоставлялись жене, детям, родственникам; некоторые волости отдавались боярам; остальные определены были на содержание воинов, то есть городов, в которых обитали воины. Чуть ли не с самого начала все земли первыми князьями были разделены на княжьи, боярские, городовые.

По мере увеличения числа князей города со своими волостями поступали им в удел; некоторые образовали удельные княжества, которые иногда отделялись совершенно, приобретая полную независимость.

Князья, в удельных княжествах, основывали свое пребывание в старых главных городах, средоточиях древних племен, например, в Смоленске у кривичей, в Чернигове у северян; иногда выбирали себе по усмотрению другие, в пределах доставшейся волости находящиеся, например: Овруч (Рюрик Ростиславич (1160)), Пересопницу (Мстислав Немой); иногда строили новые города, например, Владимир Залесский.

Князья, садясь на столы отдельных княжеств, определяли дани с места еще точнее и подробнее первых князей, как мы видим то из грамоты Ростислава в Смоленске (1150) и Святослава Ольговича в Новгороде (1137). Они делали новую раскладку: брали себе княжеские волости; боярам и отрокам, остававшимся на их службе, отдавали прежние их волости; вновь пришедшим с ними отдавали волости ушедших или назначали вновь из свободных.

Чем больше волости или волостей принадлежало к городу, и чем больше эти волости приносили дохода, тем город был желаннее, завиднее.

Князья удерживали себе некоторые волости и в оставленных княжествах, смотря по условиям и полюбовным сделкам с заступившими там их место братьями.

Содержание, т. е. количество волостей служивым людям, боярам и отрокам, определялось сначала, вероятно, большей частью везде равное (как и после в царский период), что и избавляло, с одной стороны, от затруднений дележа при всяком новом водворении, а с другой препятствовало усилению, обогащению и даже оседлости сословия высшего, т. е. боярского и отроческого.

Волости, определенные сначала на содержание воинов или городов, оставались за ними, за городами, не переменяя так часто

господ. Может быть, — это черные волости, которые за разбродом, переводом, если не истреблением, первого военного поселения, остались на время без хозяев.

СЕЛЬСКОЕ НАСЕЛЕНИЕ

Крестьяне работали, т. е. возделывали землю и платили дань натурой, как, например, сказано это о радимичах: «повоз везут и до сего дня (т. е. до времени летописца), мехами — белками (поляне, северяне, вятичи), черными кунами (древляне) и деньгами — шлягами (радимичи)».

Назывались они в отношении к пришедшим князьям, или от них, смердами (а после черными людьми).

Местное народонаселение славянского племени не принимало никакого участия в войнах, а спокойно продолжало свои занятия, как прежде, даже и после водворения между ними варягов-руси; занималось ремеслом и торговало, особенно в городах.

Судьба поселян, или, как называла их первая Русь, смердов, оставалась без больших перемен. Для них было все равно, кому бы ни шла их дань — князю ли, боярину, монастырю, или для содержания воинов. Состояние их, кажется, было сносное; никакой особенной тягости они не несли. Исполнить свои обязанности было легко; средства для пропитания были везде в изобилии, земли удобной было много, лесов с дикими зверями и птицами, воды с рыбою также. Война — это было дело княжее, и поселян она не касалась. Изредка приходилось терпеть во время походов и междоусобных войн, и то по большим дорогам. После пожара выстроиться было не трудно.

Земля искони была у поселений в общем владении — отличительное явление Русской Истории, и справедливо замечают, что «только в общем владении можно искать причины молчания древнейших наших законов касательно наследства поземельной собственности. Земля в Русской Правде совсем не упоминается, как предмет наследства».

Неизмеримое количество земли по всем сторонам было причиною, что цены ей долго не придавалось, относительно частного владения, и всякий мог селиться, где ему было угодно, неся известную повинность.

Свобода переходить была у поселян полная (живи где хочешь), и не встречается ни в летописях, ни в грамотах никакого места, из

которого бы можно заключить об их принадлежности к земле или личной зависимости. Положительные известия о холопах, закупах и кабальных людях доказывают свободу прочих областей земли Русской, которая, так сказать, разумелась сама собою.

ОБЩИЕ ЗАМЕЧАНИЯ

Приложим несколько общих замечаний об отношениях всех этих сословий — князей, дружины и войска, городов, смердов, между собой.

Отношения князя к волостям и смердам состояли в получении дани, в праве суда и разных поборах.

Дружина обыкновенно жила в городах при князьях, да и неудобно, опасно было князьям отпускать от себя дружину при частых поводах к столкновениям и междоусобных войнах. Имея возможность и удобство помогать и мешать, дружина сама по себе не могла для себя делать ничего; сборная, бродячая, она не составляла замкнутого целого, не могла приобрести особого отдельного значения и потому, что была малочисленна, состояла из двух различных отделений, уменьшалась более и более, по мере увеличения числа князей, между которыми беспрестанно размещалась, и часто меняла местопребывание, не имея наследственной поземельной собственности.

Сами бояре не могли сделать ничего без князя, как и князь без них. Ходившие взад и вперед за князьями, привязанные только к одному лицу своего князя, дававшего им кормление, рассеянные по княжествам и городам, без всякой связи между собой, в зависимости от князей, они не могли составить особого живого сословия; связи же между ними не могло быть никакой, так как не было и общих выгод.

В таких же отношениях к князю находились и города, выражавшие часто свою волю, совершенно несогласную с его видами, но неспособные к собственной деятельности, по своей отдельности и беспомощности, относительному малочислию, завися от главного города, где князь имел силу и большое влияние.

Отношение их к волостям ограничивалось получением определенной дани. Меняя их, не имея мысли об их удержании, бояре не привыкали, как и князья, ни к какой местности.

Смерды жили особой жизнью; заплатив дань с дыма, с плуга, — князю, боярину, монастырю, городу, могли быть спокойны; кроме

особенных случаев, где следовали с них определенные пошлины, им не было дела до княжеских междоусобий, в которых они лично не участвовали.

Земля, заселенная преимущественно по большим судоходным рекам, не составляла ничьей собственности, не имела, сама по себе, никакой цены. Между жилыми местами находилось везде много пустого пространства, где свободно было ставить слободы князьям, боярам и всяким сильным людям: туда сходились со всех сторон смерды, желая под покровительством пользоваться еще большим спокойствием, защитой, и в наших древнейших законах уже встречается много статей о так называемых ролейных закупах.

Таковы были особенности и отношения различных государственных сословий. Но эти особенности и отношения мы видим уже в самом проявлении, действии, событии: они отнюдь не были определены никакими правилами с ясностью, и не были с точностью разграничены. Никакой народ не представляет такого отвращения от обряда (формы), как русский. Да и нужды в этом обряде (форме) не оказывалось. В нашей истории все происходило смотря по обстоятельствам и решалось по усмотрению действующих лиц, по требованиям минуты, или соглашению, полюбовным сделкам в известное время; господствовали не правила, а обстоятельства, свободная воля, здравый смысл. О писанном праве никогда и помину нет, везде имеется в виду только живое право, как оно действующими лицами в данную минуту себе представляется.

Мы усматриваем несколько, очень мало, коренных обычаев, и то по большей части в их уклонениях, каковы: для князей — право старшинства, отчинность, провинность, для бояр — право перехода, для городов и волостей — вечевые собрания, для смердов обязанность платить дань, разделение волостей по городам.

Как ни мало было этих коренных правил, но часто не исполнялись и они, служа князьям только предлогами к спорам.

Князь наследовал по старшинству, но случалось, что являлся ему соперник, нарушавший его право и занимавший, ни с того ни с сего, его место (Всеволод Ольгович), или народ противопоставлял ему своего избранника (Изяслава Мстиславича). Иногда князь назначал себе сам преемника (Всеволод Ольгович), иногда народ выбирал его (Мономаха), и даже изгонял своего законного государя (Изяслава Ярославича). Иногда князья, по взаимному соглашению, сажали одного из своей среды на стол (Мстислава Изяславича).

Теряли волость князья за вину по приговору князей, которые, случайно, брали на себя эту обязанность.

Бояре имели право перехода, но случалось, что князь подвергал их заточению (Даниила заточеника), изгнанию (Владиславичей).

В одних случаях бояре выражали свою волю, в других — люди, те и другие требовали войны, или отказывались от войны, и князь должен был их слушаться.

Веча собирались, как случится: князем, против князя, боярами, простыми людьми.

НЕОПРЕДЕЛЕННОСТЬ И СЛУЧАЙНОСТЬ В ДЕЙСТВИЯХ И ОТНОШЕНИЯХ КНЯЗЕЙ

Вспомним теперь события удельного периода именно с этой точки, в отношении к их случайности и неопределенности, подтверждая наше замечание об отличительном характере Русской Истории. Мы войдем в некоторые повторения, но они необходимы для ясности.

Ярослав разделил свое владение между пятью сыновьями: Изяслава посадил он в Турове, Святослава в Чернигове, Всеволода, любимого, в Переяславле, Вячеслава в Смоленске, Игоря во Владимире. Выбор стольных городов зависел, разумеется, от его воли и усмотрения.

К Черниговскому княжеству присоединены еще Муромская страна и Тмуторакань, а к Переяславскому Суздальская и Ростовская.

В Новгороде оставался сын Владимира, умершего незадолго до смерти отца, малолетний Ростислав, но Изяслав, ездивший туда во время кончины Ярослава, вероятно, присвоил стол себе с согласия новгородцев и назначил там посадником Остромира, как прежде Ярослав Коснятина.

На киевском столе братья должны были следовать по старшинству.

Старший брат должен был занимать отца место, а все прочее предоставлялось обстоятельствам, под влиянием некоторых обычаев, например, права старейшинства, права отчинного, и обязанности князей отвечать за вину волостью, как бояре отвечали головой.

Братья сначала жили мирно. Скончался (1057) один младший брат, Вячеслав, в Смоленске, и старшие братья переводят туда младшего Игоря из Владимира, по своему усмотрению, а наследство

его присваивают себе. (Старший брат Изяслав не наделяет в правду прочих братьев, чем, вероятно, и возбуждает их злобу).

Потом вскоре умирает и Игорь. Его наследство братья делят на три части.

Малолетние дети умерших Ярославичей, Вячеслава и Игоря, остаются на руках у матерей, или у дядей, от которых должно было зависеть их будущее наделение, без отношения к их отчинам, а как случится.

Оставался в живых еще сын Владимира, брат Ярослава, Судислав, но о нем никто и не подумал, как о киевском законном наследнике: просидев 24 года в темнице, он только был освобожден, приведен к кресту, чтоб не идти против племянников и не искать их власти в ущерб им, вскоре постригся в монахи, а потом и умер.

Как сын первого полоцкого князя, Изяслава, получившего с матерью Рогнедой в особый удел, в отчину, Полоцк, Брячислав нападал на Новгород, в начале княжения Ярослава, и выговорил себе увеличение волости (Витебск и Усвят); так точно и теперь при Изяславе первое междоусобие замышлено сыном Брячислава Всеславом без всякой законной причины: он напал на Новгород, ограбил, потом был разбит и пленен (1067).

Вследствие нападения половцев и мятежа в Киеве, этот Всеслав из темницы посажен был на стол великого княжества дружиной, а великий князь Изяслав вынужден был удалиться, лишенный всего владения (1068).

Он вернулся вскоре с польской помощью, а Всеслав, не будучи в силах бороться с ним, бежал в свой Полоцк (1069). Дружина и войско явились с повинной головой.

Дела и отношения пришли в прежний порядок, и Ярославичи начали опять властвовать мирно в своих уделах.

Через четыре года после возвращения Изяслава из изгнания, через двадцать лет после смерти Ярослава, начинается открытая война, о которой в летописях сказано прямо: Святослав, желая больше власти, вероятно, как выше замечено, вследствие обделения (1073). Здесь младшие братья шли против старшего, имевшего несомненное право, точно как прежде шел младший брат Мстислав против старшего Ярослава, ища себе владения, или прежде Владимир против Ярополка, а Ярополк старший шел на младшего Олега, желая властвовать один.

В этих войнах, повторяю, нет и помину ни о старшинстве, ни об

отчине, ни о праве, ни о причине: князья просто ищут расширения своих волостей.

Изяслав вынужден был бежать во второй раз, и оставшиеся братья разделили между собой Русскую землю; Святослав сел в Киеве, а Всеволод в Чернигове, ему от брата уступленном, разумеется, по договору или сделке.

После продолжительных скитаний, Изяслав вернулся с помощниками, а Святослав, между тем, умер, и Всеволод уступил ему Киев, выговорив себе опять Чернигов (1077).

Два брата, в сознании своей силы, держали всю землю, и племянники остались ни при чем.

Олег Святославич и Борис Вячеславич пришли с половцами искать себе части. В сражении, проигранном, впрочем, ими, пали великий князь Изяслав и Борис Вячеславич, а Олег должен был спасаться бегством (1078).

Всеволод взял власть в Русской земле и распорядился по собственному усмотрению: главные ближайшие города, Чернигов и Переяславль, отдал сыновьям. Племяннику, сыну убитого за него брата Изяслава, он предоставил Владимир вместе с Туровом, выговорив, разумеется, подчиненность, а другой племянник, Святополк, оставался в Новгороде.

Святославичи, побежденные и вновь пытавшиеся неудачно добиться своего, были совершенно лишены владений, и всякое право их было забыто.

Другие племянники, возмужав, стали искать себе волостей, и нападали кому как случалось удобнее: на Тмуторакань, Владимир. Всеволод после разных столкновений дал им: Давыду Игоревичу Дорогобуж, а Ростиславичам города Червенские, отрезав их от Ярополкова удела.

Этими разделами уменьшался удел Ярополка, и он, «послушав злых советник», вознамерился идти на самого великого князя Всеволода, своего дядю (1085). После разных превратностей, он был убит, по наущению, как подозревали, Ростиславичей, видевших в нем главного своего противника (1086).

Святополк, после смерти Ярополка, перешел из Новгорода в Туров, как в отчину, на княжение, а Владимир взял себе Всеволод; в Новгород он послал внука Мстислава.

После смерти Всеволода (1093), Владимир, из уважения к праву, а также из опасения подвергнуться случайностям войны, по доброй

воле призвал на великокняжеский стол старшего двоюродного брата, Святополка Изяславича, из Турова.

Святополк и Владимир ходили на Давыда к Смоленску и дали ему по своему усмотрению Новгород, а Мстислав ушел в Ростов, опять вскоре призванный новгородцами. Давыд возвратился тогда в Смоленск.

Олег Святославич пришел в третий раз с половцами и достал себе Чернигов, а Владимир перешел в Переяславль (1094).

Святополк и Владимир выгнали вскоре его оттуда (1095) за дружбу с половцами, и он удалился в Муром, откуда овладел было Владимировыми городами — Суздалем и Ростовом, хотел идти на Новгород, но был предупрежден, и должен был возвратить их подоспевшему на помощь из Новгорода Мстиславу (1096).

Положено было решить спорные дела в Любече на общем совете (1097), где и постановлено держать князьям свои отчины: Святополк — Изяславлю, Киев; Владимир — Всеволожу, Переяславль; Давыд, Олег и Ярослав — Святославлю, Чернигов. Всеволодовы дачи утверждены: Владимир за Давыдом, Червенские города за Ростиславичами.

Пало подозрение на связь Владимира с Ростиславичами, и Василько был ослеплен, по уговору Святополка с Давыдом Игоревичем. Началась междоусобная война, которая несколько раз изменяла все отношения по обстоятельствам и кончилась съездом в Уветичах (1100).

На совете положено отнять у Давыда Игоревича за его вину Владимир, который Святополк отдал сыну Ярославу.

Давыду предоставлен Бужск, к которому Святополк прибавил Дубно и Черторыск, а Владимир и Святославичи по двести гривен.

Потом (1102) Святополк и Владимир имели частный ряд между собою, чтобы Новгород был отдан Святополку для сына, а Мстислав занял Владимир, но новгородцы воспротивились.

Власть сосредоточилась в их руках, и они, согласясь между собою, начали действовать заодно, по своему благоусмотрению.

Главное внимание их было устремлено на половцев, и они достигли до того, вследствие многократных нападений и побед, что те не осмеливались тревожить более Русских пределов.

После кончины Святополка (1113) киевляне настоятельно призвали к себе Владимира, хотя он и медлил к ним приехать.

Святославичи, Давыд, Олег и Ярослав, не предъявили никакого

сопротивления, потому ли, что не чувствовали себя в силах бороться с Владимиром, или потому что получили себе какое-нибудь вознаграждение (вероятно, Курск).

Олег, впрочем, вскоре умер (1115), а потом и Давыд (1123), Ярослав же оставался в Муроме.

Владимир соединил в своих руках всю власть, и все князья его слушались без прекословия. Он раздал уделы сыновьям: Мстиславу Новгород, а потом Белгород, оставив в Новгороде внука Всеволода, Ярополку Переяславль, Вячеславу Туров (вероятно, по малолетству наследника), Святославу Смоленск, Георгию Залесскую страну.

Оказали сопротивление полоцкие князья, и он два раза ходил войной на Глеба минского (1116), который был пленен и заточен в Киеве, где и умер.

Ярослав Святополчич, который получил, вероятно, от него Владимир, женившись на его внучке, дочери Мстислава, поднялся против него и был смирен, дав обещание являться на его зов. Впрочем, скоро бежал в ляхи, и Владимир прислал во Владимир сына Романа, а после Андрея.

Ярослав через три года явился с многочисленным войском из угров, ляхов, чехов, с Ростиславичами, но был случайно убит при осаде Владимира (1123).

По кончине Владимира (1125), стол его наследовал старший сын Мстислав, заблаговременно вызванный отцом из Новгорода и посаженный на всякий случай подле себя в Белгороде.

Ни Ярослав Святославич, троюродный дядя его, княживший после смерти братьев в Чернигове, ни старшие троюродные братья его, Брячислав и Изяслав Святополчичи, по причине своей слабости, или малолетства, или незаконности, ни дети Олеговы и Давыдовы, по причине, что отцы их не княжили в Киеве, не могли спорить. Мстислав с братьями был сильнее их всех вместе и стал таким же неограниченным распорядителем, как и его отец. Братья его слушались. О детях и говорить нечего.

Он хотел распространить свою власть еще далее и подчинить себе полоцких князей, которые до сих пор жили особняком. Под предлогом их нежелания участвовать в действиях против половцев, он выслал против них войско и заставил полочан сменить князя, а потом и всех князей отправил в ссылку в Грецию, Полоцк же отдал сыну Изяславу (1129).

В Чернигове, до того спокойном, в княжение Мстислава

произошла внутренняя перемена. Младший племянник, Всеволод Ольгович, без малейшего права выгнал дядю Ярослава и заставил его удалиться в Муром. Всеволод Ольгович занял Чернигов, который и без Ярослава должен был бы принадлежать Давыдовичам, как старшим, и удержал его, несмотря на обещания Ярославу Мстислава, которого, тестя, Всеволод успел умилостивить просьбами и бояр его дарами.

(Может быть, теперь Курск достался Мстиславу, т. е. Всеволод за помощь уступил ему Курск, приобретенный Святославичами при вступлении на киевский стол Мономаха).

Мстислав был сильнее всех современных князей и распоряжался по усмотрению, но при брате его Ярополке начались распри и смятения (1132).

Братья его сначала испугались, чтобы он не отдал Киева после себя племянникам. Ряды между ними изменились несколько раз.

Полоцкие князья вернулись из Греции и добыли себе свою отчину, выгнав Мстиславичей. В распрях Мономаховичей приняли участие и Ольговичи.

Соседний князь черниговский, Всеволод Ольгович, овладевший Черниговом насильственно, из рук дяди, мимо старших двоюродных братьев, начал притязания. «Мы хотим держать то, что наши отцы держали при ваших отцах». (Вероятно, опять идет речь о Курске). Ярополк не уступил ему, впрочем, ничего, и при возобновлении войны заставил отказаться от притязаний (1038), но после его смерти Всеволод выгнал Вячеслава, брата его, даже из великого княжества и овладел Киевом, как прежде Черниговом, насильственно, без всякого права, вопреки обычаю (1039).

Что здесь действовала сила, а не право, видно из того, что он хотел было отнять и Владимир, Переяславль, Смоленск, Новгород, от Мономаховичей, но вынужден был отказаться от своего намерения, хотя и удержал за собой Киев. Мономаховичи не смели спорить с ним и находились в его воле.

Тот же произвол видим мы и в его действиях в отчине: обещав прежде Чернигов братьям, он отдал, однако же, Давыдовичам, имевшим, действительно, большее право. Братья напрасно просили у него наделения в отчине: он настоял на том, после многих покушений с их стороны, чтобы они удовольствовались некоторыми киевскими городами (1142). Таким образом, Всеволод продолжал держать много и из прежнего своего владения, вятичей.

Всеволод перед смертью хотел закрепить Киев за братом Игорем и взял присягу со многих князей. Игорь имел обещание и со стороны галицкого Владимирка помогать ему «про Киев».

Но лишь только Всеволод скончался (1146), как и началась война. Игорь пленен, киевляне хотели Изяслава Мстиславича, которому явился соперником дядя Юрий, нашедший себе естественного союзника в Святославе Ольговиче северском, мстителе за брата Игоря.

Давыдовичи, напротив, хотели было, к своему Чернигову, овладеть и его областью, Северским княжеством, которую и покорил им Изяслав Мстиславич за их союз, но ненадолго.

Для укрепления себя на киевском престоле, он призвал старшего дядю Вячеслава и правил его именем. Юрия, после многократных схваток с переменным успехом, он выгнал даже из его Переяславля и Городца.

По кончине Изяслава (1154), Вячеслав призвал его брата Ростислава смоленского, а до прибытия племянника его Святослава Всеволодовича, сказав ему: «Перебуди у меня Киеве, доколе же придет Ростислав, а тогда ряд вси учиним».

Киевляне говорят ему: «До живота твоего Киев тебе».

Ростислав дает Святославу Всеволодовичу, из чужого рода, Туров и Пинск, принадлежащие к другой отчине (1154).

Но вдруг умер Вячеслав (1155), и Ростислав стал лицом к лицу перед дядей Юрием, который имел перед ним право и силу.

Испугавшись Изяслава Давыдовича с половцами, против которого пошел было войной, он уступил ему под собой Киев, а под племянником Мстиславом Переяславль. Тогда Мстислав оставил его, и он должен был бежать, а Изяслава Давыдовича приняли киевляне, опасаясь половцев.

Он начал ладиться со Святославом Ольговичем, княжившим в Новгороде, чтобы ему сесть в Чернигове, а Изяславу в Киеве; но вскоре все они увидели, что не могут бороться с подходящим Юрием.

Юрий, заняв Киев, сделал свои распоряжения, раздал сыновьям города: Вышгород Андрею, чтобы иметь возле себя на случай, как то делал и Мономах, Борису Туров, Глебу Переяславль, Василько Поросье. Кроме того, за ним оставалась Залесская страна (1155).

Юрий, считая себя не в силах держать Русскую землю в одиночку, искал союзников, и кроме галицкой помощи, на которую надеялся по родству с Ярославом, женившимся на его дочери,

пригласил к себе Ростислава из Смоленска.

Ростислав, нужный Юрию, счел себя обязанным хлопотать за своих племянников, сыновей Изяслава, с которым он жил душа в душу и столько лет делил все труды и опасности. Хлопоты и ходатайство были тем важнее, что Юрий, не любивший их, ходил уже на них войной, выгнал Мстислава из Пересопницы и посылал воинов в Луцк на Ярослава.

Дело было в том, чтобы удержать за ними, по крайней мере, Владимир. Ростислав же, «пришед Киеву, нача просити о братанех своих. Гюрги же послуша». Ростислав послал за братом Владимиром во Владимир и за племянниками Мстиславом и Ярославом в Луцк, привел их обоих, и с полкома ею, а Мстислав оставался во Владимире, потому что он боялся плена. Юрий «принял всех в любовь», но не искренно.

Договорившись с ними и получив галицкую помощь, он послал к Изяславу Давыдовичу спросить: «Хочешь ли придти к нам в мир, а не то мы придем к тебе». Изяслав, увидев, что одолеть его не может, целовал им крест.

На сейме в Лутаве Юрий дал ему Корческ, а Святославу Ольговичу Мозырь (1155).

Точно так же распоряжались князья и в других княжествах. Святослав Ольгович тогда «Сновеск себе отъя, и Карачев, и Воротынеск» у Святослава Всеволодовича, племянника, «занеже бе его отступил», и дал ему за них другие три города, вероятно, худшие.

Рязанские князья целовали крест Ростиславу, смоленскому князю: «имеяхуть и отцем себе».

Племянник Изяслава Давыдовича, Святослав Владимирович, вероятно, недовольный уделом, уехал из Березого во Вщиж и занял города Подесненские (1157).

Андрей, сын Юрия, без отчей воли, отошел в Суздаль (1155).

Мстислав Изяславич напал на дядю Владимира Мстиславича, пленил его жену и тещу, отнял имение, занял Владимир.

Юрий, обещавший своему брату Андрею удержать за его сыном Владимир, пошел на Владимир, чтобы отнять его у Мстислава Изяславича, взявшего его у Владимира Мстиславича (1156).

О праве тут речи быть не могло: Мстиславу Изяславичу не следовало отнимать его у дяди, а Юрию для Владимира Андреевича и подавно.

Юрий не мог взять Владимира, но все-таки дал племяннику

Дорогобуж.

Как Юрий действовал неискренне в отношении к Мстиславичам, так и они в отношении к нему. Как Юрий после клятвы хотел отнять Владимир у них, так и они не упускали случая против него. Изяслав Давыдович все думал о Киеве и примирил к себе Ростислава и Мстислава Изяславича. Только свой родной, Святополк Ольгович, не хотел участвовать в его предприятии, ссылаясь на клятву (1157).

Юрий скоропостижно умер, и Изяслав Давыдович занял Киев, уступив Чернигов племяннику Святославу Владимировичу по своему решению.

Появились претенденты на Чернигов: Святослав Ольгович, который пришел со Святославом Всеволодовичем. Владимировичу дал помощь Изяслав Давыдович с Мстиславом Изяславичем. «Начаша слати межи собою, и тако умирившеся, и хрест целоваша межи собою». Разверстка. Чернигов отдан Святославу Ольговичу только с семью маловажными городами, а вся область осталась у Изяслава Давыдовича с племянником, на что Святослав Ольгович после жаловался. Новгород отдан Святославу Всеволодовичу.

Изяслав Давыдович, ни с того, ни с сего, со многими князьями союзными или подручными, пошел отнимать Туров и Пинск у Юрия Ярославича для Владимира Мстиславича (1157).

Туров был первоначально отчиной Изяслава, принадлежал сыну его Святополку и Ярополку. Ближайшее право на него имел единственный представитель рода, Юрий Ярославич.

Союз не имел успеха.

Возникла война за Ивана Берладника, которому Ярослав Владимирович галицкий не давал части, и которого принял под свое покровительство великий князь Изяслав Давыдович. Ожидая нападения, он предлагал Святославу Ольговичу за помощь Мозырь и Чечерск, и они уладились. Противники отложили нападение, но Изяслав решил искать Берладнику волости, побуждаемый самими галичанами.

Попытка не удалась, и Изяслав должен был спасаться бегством (1158).

Киевский стол освободился, и союзники призвали на него Ростислава Мстиславича (1159).

Ростислав в то же лето снимался со Святославом Ольговичем.

Изяслав Давыдович «шатался воюя», и, наконец, успел составить новый союз против Ростислава и занять Киев, но от Белгорода,

вследствие измены, должен был бежать и при бегстве убит (1162).

Мстислав Изяславич не уладился с братией и выехал из Киева недовольный; города его отобрал Ростислав: Торческ, Белгород, Триполь.

С другой стороны, Андрей выгнал братьев из Суздаля, «хотя быти самовластец».

Многие князья пошли на Владимира Мстиславича, который вынужден был уступить им Случеск.

Брат, великий князь Ростислав, дал ему Триполь и придал еще четыре города к Триполю (1162).

Помирясь с Мстиславом Изяславичем, он возвратил ему все города: Торческ, Белгород, а за Триполь дал Канев (1163).

Так точно и в Чернигове: после смерти Святослава Ольговича (1164), сын его Олег уступил Чернигов Святославу Всеволодовичу, а себе взял Новгород.

Они поссорились опять по случаю дележа, после смерти Святослава Владимировича, и Олег получил, наконец, четыре города.

После смерти Ростислава (1168), братья послали за Мстиславом Изяславичем, но, не дожидаясь его, хотели разобрать себе волости: Владимир Мстиславич, которому, как старшему, следовал бы собственно Киев, брал к Триполю Торческ, все Поросье, Владимир Андреевич Берестье, Ярослав Владимир. Но Мстислав, прибыв, «возмя (другой) ряд» с братьями, и с дружиной, и с киевлянами, и уладишася о волости целовали крест.

Мстислав возбудил против себя сильного Андрея суздальского, особенно за то, что вопреки ему дал сына Романа новгородцам. Ростиславичи питали к нему подозрение. Владимир Андреевич припрашивал волости. Андрей прислал сильное войско, к которому пристали все русские князья, и Мстислав, после отчаянного сопротивления, должен был бежать в свой Владимир.

Андрей отдал Киев брату, Глебу переяславскому (1169).

Мстислав напрасно пытался возвратить его, и, настигнутый болезнью, «начася слати к брату Ярославу, рядовы деля о детех своих. Урядився добре с братом и крест целовав, якоже ему не подозрети волости под детьми его, преставися» (1172).

После смерти Глеба, Ростиславичи послали в Дорогобуж, за Владимиром Мстиславичем, который, «утаився ротников», пришел в Киев; они договорились между собой, но он, посадив сына Мстислава в Дорогобуже, вскоре умер, и Андрей, выгнавший его, отдал Киев

Роману, но вскоре прислал на него войско вместе с братьями, за ослушание (1173).

Войско было прогнано, Ростиславичи «положиша» на Ярославе Изяславиче, пришедшем нечаянно на место распри, старейшинство, и «даша ему Киев».

Святослав Всеволодович напомнил ему первый ряд и просил наделения; получив отказ, занял Киев, но должен был его оставить. Ярослав также.

Ростиславичи просили Киев у Андрея брату Роману (1175), который и приехал туда, уже после убийства Андрея, но ему вместе с его братьями явился соперник Святослав Всеволодович, которому так же хотелось Киева, как его отцу. Ростиславичи начали договариваться и уступили ему Киев после разных столкновений (1177).

«Иде Святослав к Любчю, и призва к себе братью свою, Ярослава, Игоря, Всеволода, ряды ему деющу…»

Всеволод владимирский захватил его сына, помогавшего зятю, рязанскому князю, против великого князя. Святославу хотелось отомстить, «но нелзе Ростиславичи, а те ми во всем пакостят в Русской земле… Давыда иму, а Рюрика выжену из земле, и прииму един власть Русскую и с братьею» (1179).

Ошибившись в расчете, после неудачного похода, он увидел невозможность удержать Киев и уехал в Чернигов, а Рюрик занял его и распорядился со своими родными (1180).

Святослав, соединившись с братьями и половцами, сказал: «Я старше Ярослава, а ты, Игорь, старше Всеволода, я остался вам в отца место, и велю тебе, Игорь, остаться здесь и блюсти Чернигов и всей волости, а я пойду со Всеволодом к Суздалю, выручать сына Глеба, как рассудит нас Бог со Всеволодом».

После возвращения Святослава Рюрик, «размыслив, с мужи своими угадав, бе бо Святослав старей леты, и урядився с ним, сступися ему старейшинства и Киева, а собе взя всю Русскую землю, и утвердившеся крестом честным».

Святослав Всеволодович и Рюрик Ростиславич начали действовать сообща, как прежде Святополк и Мономах, преимущественно в отношении половцев.

На Галич открылись виды. Рюрик и Святослав пошли. «И бывшим им по месту всим и рядящимся о волость Галицкую, Святослав же даяшеть Галич Рюрикови, а собе хотяшеть всей

Русской земли, около Кыева. Рюрик же сего не улюбяшеть лишитися отчины своеи, не (но?) хоте поделитися Галича, и тако урядившеся, и возвратишася во свояси.

…Бяшеть ему (Святославу) тяжа с Рюриком и с Давыдом и Смоленскою землею, того деля и с братьею совокупился бяшеть, как бы ему ея не ступити. Рюрик же сослався со Всеволодом, сватом своим, и с Давыдом братом своим, послаша ко Святославу мужи своя, рекущи ему: „ты, брате, нам крест целовал на Романове ряду, такоже наш брат Роман седел в Кыеве: дажь стоиши в том ряду, то ты нам брат, пакы ли поминаешь давныя тяжа, которыя быле при Ростиславе, то ступил еси ряду, а мы ся в то недамы; а се ти крестныя грамоты“» (1190).

Святослав «позва братью свою в Рогов, Ярослава, Игоря, Всеволода, и поча с ними думати, хотя на Рязаньскии князи: бяхуть бо им речи про волости. И послашася ко Всеволоду в Суздаль, просячися у него на Рязань. Всеволод же их воле не створи» (1194).

«Посла Рюрик по брата своего Давыда (по смерти Святослава) к Смоленску, река ему: брате, се ве осталася старейши всех в Русьской земле, а поеди ко мне Кыеву; что будет о Русской земле думы и о братьи своей, о Володимери племени, и то все укончаеве».

Давыд приехал и с братом своим Рюриком «ряды вся уконча о Русской земле и о братьи своей, о Володимере племени» (1195).

Всеволод суздальский прислал к нему послов сказать: «вы есте нарекли мя во своем племени во Володимере старейшаго; а ныне сел еси в Кыеве, а мне еси части не учинил в Русской земле, но роздал еси инем моложьшим братьи своей; даже мне в ней части нет; да то ты, а то Киев и Руская область; а кому еси в ней часть дал, с тем же еи и блюди и стрежи; до како ю с ним удержишь, а то узрю же, а мне ненадобе».

Рюрик испугался и спросил, чего он хочет.

Всеволод «бо просяше у него Торцького, Треполя, Корсуня, Богуславля, Канева, еже бе дал зятю своему Роману».

Рюрик предоставил ему их, а Всеволод из них отдал зятю Ростиславу Торческ. Роман почувствовал неладное.

Рюрик после этой передачи дал Роману Полоной и половину Торческа Русского.

Но Роман был недоволен и соединился с Ольговичами, а Рюрик со Всеволодом.

Рюрик, сговорясь с Всеволодом и с братом своим Давыдом,

послал мужей к Ярославу и всем Ольговичам: «Целуй нам крест со всею братьею, чтобы не искать нашей отчины, Киева и Смоленска, под нами, и под нашими детьми, и под всем племенем Владимировым, и оставаться навсегда, как разделил Ярослав, по Днепр, а Киева вам нет». Ольговичи, посоветовавшись, отвечали: «Киева блюсти под тобою, и под сватом твоим Рюриком, в том стоим, но отказываться от него навсегда не хотим; мы не угры и не ляхи, но единого деда внуки, при вашем животе не ищем Киева, а после кому Бог даст».

Началась война. Всеволод заключил отдельный мир, и умолви с ним (Ярославом) «про волость свою и про дети своя, а Кыева под Рюриком не искати, а под Давыдом Смоленьска не искати, и води Ярослава ко честному кресту и всех Ольгович; Ярослав же посла своя мужа и води Всеволода и Давыда кресту, и Рязанскыя князи на своих рядах».

Рюрик рассердился на Всеволода и отнял те города, которые дал ему в Русской земле, и раздал опять своей братье (1196).

Когда было мироположенье о русских волостях по возвращении из половецкого похода, кому что следует за его труды для Русской земли, возникла новая ссора у Рюрика с Романом, и он был пострижен (1205).

После смерти Романа Рюрик поднялся опять и договорился с Ольговичами.

Рюрик и Ольговичи, после многих сношений, пошли на Галич, но не успели (1205).

Вернувшись, Всеволод Чермный, «надеясь на множество вой, вниде в Киев (1206), и седе в нем, и разосла наместники своя» по городам киевским, и хотя несколько раз был изгоняем, но, наконец, утвердился в Киеве, а Рюрик в Чернигове.

Потом, приписывая Ростиславичам гибель своих родных в Галиче, Всеволод Чермный выгнал было их из Русской земли, но явился им мститель, Мстислав галицкий, который установил порядок. Всеволод бежал и умер в Чернигове (1214).

Мстислав Романович и Владимир Рюрикович действовали заодно с Мстиславом галицким по особым договорам (1214–1235).

На севере происходили точно такие же явления: Всеволод назначил наследником младшего сына, Георгия, в обход старшего, Константина.

После его смерти начались споры между братьями, которые

кончились полюбовной сделкой (1214).

Мстислав галицкий, воюя против младшего их брата Ярослава, достал Константину владимирский стол (1216).

После смерти Константина новые ссоры между братьями, которые разделились на две стороны, пока, наконец, не помирились (1218).

Рязанские князья беспрестанно ссорились между собой и отдавались на суд великого князя владимирского Всеволода, который, пользуясь их распрями, подчиняет себе на время Рязань.

Так неопределенны, или, лучше сказать, так изменчивы были отношения между князьями и высшими государственными сословиями, потомством пришлого норманнского племени, дружиной и ее членами, боярами и отроками, городами и воинами.

Вследствие этой зыбкости, мы видим, в течении двухсот лет, от кончины Ярослава до нашествия монголов, беспрерывное движение князей. Как в великом княжестве, так и в каждом отдельном княжестве, в каждой отчине, князья переходили по старшинству из одного удела в другой, старший, значительнейший, как будто по лестнице, а все вместе смотрели на Киев, красовавшийся на ее вершине, как на свою вожделенную цель. Таким образом, вследствие этого права, принесенного, без сомнения с Севера, или чаще, под его предлогом, в земле происходила беспрестанная перестановка князей. Ни один князь не был и не считал себя крепким на своем месте; да и никто того не желал, а стремился куда-то на лучшее место. Так должно было быть, и иначе быть не могло, по внутреннему коренному убеждению и заведенному порядку вещей. Почти никогда князь не мог надеяться, чтобы после его смерти княжество досталось его детям; нет — приходил со стороны иной князь садился на его стол, а дети часто оставались не только без владения, но даже без пристанища, и их наделение всегда зависело от старших князей, их дядей, и вообще от обстоятельств. Отсюда происходило, что князья искали владения, всю свою жизнь о том только и думали, а собственности постоянной у них и в заводе не было, в совершенную противоположность с Западом, где кто сначала сел, тот там и прирос. Поземельное владение в высшей мере было у нас пожизненное, а не наследственное, временное пользование, потому что и при жизни переменялось по большей части несколько раз, и, таким образом, не могло укорениться. Вследствие этого обычая не установились с самого начала у князей на Руси мысли о поземельной и

наследственной собственности.

Князья переходили из города в город, ища, где себе лучше, как рыба ищет, где ей глубже, а за князьями следовали их дружины, неотлучные их спутники, делившие с ними счастье и несчастье, выгоды и потери. Если князю становилось лучше, то и дружине его было лучше; с новыми приобретениями она получала новые выгоды, постоянные или временные. Села с данями были везде для нее готовы, во всяком княжестве, чуть ли не по генеральному общему первоначальному варяжскому размежеванию.

Потому же бояре и отроки не могли также приобрести себе оседлости, и меняли свои волости так, как князья меняли города. Ходя постоянно по городам с князьями, имевшими беспрестанную нужду и не могшими отпускать их от себя на житье, они не могли снискать постоянных привычек.

Кроме перехода с князьями, бояре имели еще свое собственное право перехода, то есть право оставлять своего князя, в случае личного неудовольствия, и переходить на службу к другому князю. Это право также принесено с Севера и имеет начало в глубокой древности, когда норманны ходили на службу в Гольмгард, в Грецию, к хозарам и по разным владениям Скандинавии. Так, приходили они к Олегу, Игорю, Владимиру. Так, при Изяславе киевляне, т. е. не только бояре, но и люди, хотели уйти в Грецию. Когда внешние пути были закрыты, бояре ходили между князьями от одного к другому.

В этих переселениях принимали иногда участие и низшие воины, люди, жители городов, из любви к князю, в надежде больших выгод, вследствие неустановившегося образа жизни. Так, в 1146 году мы видим из прямого указания летописи, что три города вышли, были пойманы и задержаны.

А глядя на них, приучались переходить с места на место и сами поселяне, ища себе больше льготы и покоя под защитой и покровительством значительнейших бояр, удаляясь от главных путей сообщения, по которым следовали воины, — тем более, что свободной земли было везде много, и она считалась ни по чем, совершенно не сходно с Западом, где каждой лоскуток ее был дорог. Срубить избу, где бы то ни было, ничего не стоило.

Князья переходили, бояре переходили, воины переходили, смерды переходили, города, в смысле гарнизонов (засад), переходили. Города переходили и в смысле столиц, то есть, пребываний княжеских. Князья получали себе во владение ту или

другую волость, выбирали себе новое местопребывание, и таким образом переносили средоточие силы и власти. Так, по временам получали и теряли значение Овруч, Галич, Пересопница, Вщиж, Туров.

Пределы княжеств беспрестанно изменялись, да их почти и не было, а были пределы временных владений княжеских, например, княжество Киевское при великом князе Изяславе Ярославиче имело одни пределы, другие при брате его Всеволоде, при Святополке, при Мономахе, при Мстиславе, при Всеволоде Ольговиче, при Ярополке Владимировиче.

И главный центр княжеств (средоточие) переносился с места на место — Новгород, Киев, Владимир (как после Тверь, Москва, Петербург…)

Наконец, странное явление, большая часть древних городов наших даже вещественно, как поселения, не остались на первых своих местах, например, Новгород, Белозерск, Ростов, Муром, Рязань, Переяславль…

В этом движении, представляющем как бы переход от кочевой жизни азиатской к оседлой европейской, в этом брожении, вслед за основанием государства и распространением его пределов, представляется одно из главных отличий русской истории от истории западных европейских государств, и вместе основание, условие, многих последующих событий.

ЗАКОНЫ

Русская Правда, данная Ярославом, распространенная его сыновьями и внуком Владимиром Мономахом, получила в течение этого периода новые дополнения и определения и заключала постановления об убийстве, увечье и побоях, краже, уликах и свидетелях, о долгах, ростах и уплате, о завещаниях и наследстве, о холопах и наемниках, об испытании, в случае неизвестности или невозможности добраться до истины, железом и водой.

Пени или вирные пошлины, в пользу князя и в пользу обиженного, составляли сущность этих постановлений, имевших в виду преимущественно военное, городское население.

Пени были наказанием, которым оканчивались всякие преступления, в особенности высшего сословия.

Рабству подвергались несостоятельные должники и неисправные

наемники.

Предлагаем перевод этой Правды с подлинника, сохранившегося в списке 1284 года.

СУД ЯРОСЛАВА ВЛАДИМИРОВИЧА

ПРАВДА РУССКАЯ[2]

1. Если муж убьет мужа, то мстить брату за брата, сыну за отца, отцу за сына, или племяннику, как по брате, так и по сестре; если же некому мстить, то с убийцы взыскать деньгами: за голову мужа или тиуна княжеского 80 гривен. За русина, гридня, купца, тиуна боярского, мечника, изгоя и славянина 40 гривен.

2. По кончине Ярослава, соединились сыновья его: Изяслав, Святослав, Всеволод и их мужи: Коснячко, Перенег и Никифор, и отменили мщение смертью за убийство, и постановили, вместо того, откупаться кунами, а прочее все оставили в том виде, как узаконено было при Ярославе.

Об убийстве

3. Если кто убьет княжеского мужа, сделав насильственное на него нападение, и если убийца не будет отыскан, то платить за него виру — 80 гривен с округа, где совершилось убийство; если же убитый будет людин (свободный человек), то 40 гривен.

4. Если какая округа начнет таким образом платить дикую виру, то платеж сей, поскольку он делается без участия убийцы, может быть рассрочен на несколько лет.

Если же убийца находится сам в оной округе, то, поскольку он равномерно участвует в платеже пени, и она взаимно должна помогать ему или же платить дикую виру, то есть, заплатить, со своей стороны, общими силами 40 гривен, а другие 40 гривен пени на свою часть платить самому убийце из (?) дружины.

Если кто убьет человека в ссоре, или в пьянстве явно, то убийца платит пеню также с помощью от округи

Если кто убьет человека без причины, разбоем

6. Если кто убьет человека без всякой ссоры, то волостные обыватели не платят за убийцу, но выдают его вместе с женою и детьми на заточение и разграбление.

5. Если кто не взносил для дикой виры, тому и другие не помогают, но платит сам один.

Определение вирных пошлин

---

[2] Числами показан естественный порядок по сущности предметов.

19. Следующие вирные пошлины установлены были при Ярославе: вирнику получать 7 ведер солоду на неделю, одного барана, или полоть, или вместо того деньгами 2 ногаты; в середу или сыр (сырный день?) и в пятницу также, по одной куне, а в прочие дни по 2 курицы на день; также 7 хлебов на неделю, 7 убороков пшена, 7 убороков гороху и 7 голважен соли. Это должно идти вирнику с отроком; да кроме того четыре лошади, которым давать овса вдоволь. Ему же 8 гривен, и 10 кун перекладных; а метельнику 12 векш, да ссадная (?) гривна.

О вирах

7. Если вира будет в 80 гривен, то вирнику брать 16 гривен, 10 кун и 12 векш; да предварительно ссадную гривну; за убийство 3 гривны.

О княжеском служителе

8. За убийство княжеского служителя, конюха или повара, полагается 40 гривен.

9. За тиуна огнищан и тиуна конюшего 80 гривен.

10. За княжеского тиуна сельского или земледельческого 12 гривен, а за простого служителя 5 гривен; то же и за боярского.

О ремесленнике

11. За убийство ремесленника и ремесленницы взыскивать пени 12 гривен.

12. За простого человека и холопа 5 гривен; за рабу 6 гривен.

13. За дядьку и кормилицу, хотя бы они были и рабского состояния, 12 гривен.

О вире по подозрению

14. Если будет на кого вира по подозрению, то он должен представить 7 свидетелей для оправдания; варяг или кто иной (чужестранец?) двоих.

За кости или мертвеца вервь не платит виры.

Если кто отведет от себя виру

15. Если кто оправдает себя в убийстве и через то устранит от себя платеж пени, тот платит отроку за труды по производившемуся делу гривну кун, да обвинитель другую, а от верви в помочь 9 кун.

16. Если тяжущиеся, поискав свидетеля, не найдут его нигде, а между тем истец обвиняет в убийстве, то дело должно решиться испытанием железа. Таким же образом вершить и всякие тяжбы в воровстве и поклепе при недостатке других очевидных доказательств, если только иск простирается до полугривны золота.

А если менее, то испытывать водою, даже до двух гривен, а менее — достаточно привести к присяге по своих кунах.

Если кто ударит мечом

20. Если кто кого ударит необнаженным мечом или его рукояткою, то платит 12 гривен пени за обиду.

21. Если же обнажит меч, но, впрочем, не ударит, то гривну кун.

22. Если кто кого ударить тростью, или чашею, или рогом, или тупой стороной меча, то платит 12 гривен; а ежели ударенный, не стерпев обиды, сам ударит обидчика мечом, то того в вину ему не ставить.

23. Если кто ударит кого по руке или по ноге, и нога или рука от того отпадет или усохнет, или выколет глаз: то с такового взыскать в половину против пени за убийство, т. е. 20 гривен, да в пользу раненого за увечье десять гривен.

24. Ежели кто отрубит у кого какой-нибудь палец, то пени 3 гривны, а раненому гривна.

Если кто придет окровавленный

25. Если кто придет на княжеский двор в крови или в синих пятнах, то таковый не имеет нужды представлять свидетелей, но и без того получает в удовлетворение свое 3 гривны.

Если же на нем не будет знаков, то должен представить очевидцев драки для точного объяснения дела, и тот, кто окажется зачинщиком драки, должен заплатить 60 кун.

Если же истец и явится на суд окровавлен, но свидетели покажут, что он сам начал драку, то это вменяется ему в платеж, хотя его и били.

26. Если кто поранит кого мечом, но не смертельно, то с такового взыскать 3 гривны пени, да в пользу раненого и на леченье гривну; если же убьет до смерти, то полная вира взыскивается.

27. Если кто кого пихнет к себе или от себя, или заушит, или ударит жердью, и если то засвидетельствуют два очевидца, то взыскать с такового три гривны пени.

Если же учинивший сие будет варяг или колбяг, то истец должен вывести полное число свидетелей и идти к присяге.

О рабах

65. Если раб убежит, и о побеге его будет провозглашено на торгу, а тот, у кого он кроется, не выведет его через три дня после того, и, наконец, это обнаружится, то господину в сем случае взять своего раба, а с того, кто держал его, взыскать 3 гривны пени.

Если кто сядет на чужую лошадь

52. Если кто сядет на чужую лошадь без спросу хозяина, то с такового взять 3 гривны.

53. Ежели кто потеряет лошадь, оружие или платье и о том обнародует на торгу, а после опознает потерянную вещь у кого-нибудь из своих сограждан, то потерявший имеет право взять ее у него лицом, и сверх того взыскать с него 3 гривны за обиду.

54. Ежели кто опознает у кого потерянную им или украденную у него вещь, например, одежду, лошадь или другую какую скотину, то не говори ему: «Это вещь моя», но спроси его: «У кого взял ее», и на кого покажет, с тем свести его; на ком воровство остановится, тот и должен быть признан виновным; тогда отыскавший берет свою собственность и вместе получает вознаграждение за все то, что пропало с нею.

55. Если кто уличится в краже лошади, тот должен быть выдан князю на поточение; клетный вор платит ему 3 гривны.

О своде

56. Ежели тот, у кого будет опознана украденная вещь, станет показывать, что он получил ее от одного из сограждан своих, и сей будет также показывать на другого, в том же городе живущего человека, то истцу идти с поличным до конца свода, то есть, до действительного вора, который уже не в состоянии будет показать ни на кого другого.

Но ежели ссылка пойдет на жителей посторонних, то истцу взять за украденное деньги с третьего ответчика, который, между тем, идет с поличным далее, пока, наконец, не отыщется истинный вор, которому платить все и пеню.

О воровстве

58. Если кто купит что-нибудь краденое, одежду ли, или лошадь, или другую какую-нибудь скотину, и настоящий хозяин того объявится, то покупатель должен представить двух свидетелей, людей свободных или сборщика пошлин, которые бы клятвенно подтвердили, что он купил у неизвестного ему человека; а истцу взять свое лицом; а что с тем пропало, того взять негде, равно и купцу не на ком взыскивать цены купленной им вещи, ибо не знает, у кого купил.

59. Если же впоследствии времени опознает он того человека, который продал ему краденную вещь, то взять ему с него свои деньги, а хозяину вещи доправить с него за свои убытки и, кроме

того, князю пеню.

О рабе

78. Ежели кто опознает у кого украденного своего раба, то, взяв его, вести по кунам на свод до третьего ответчика, который даст ему своего собственного раба, а опознанного берет с собою, и идет с ним до окончательного свода.

Ответчик не может сказать: «Не знаю, у кого купил», ибо раб не скот бессловесный, следовательно, по языку его можно дойти до действительного вора. Когда же таким образом отыщется виновный, то господин берет (сведенного) холопа, а взятого (в залог от третьего ответчика) возвращает. Виновный же платит хозяину все протори или убытки.

79. Да князю пени 12 гривен за кражу раба.

О своде

57. А из своего города в чужую область свода не допускается; в таком случае ответчик обязан представить свидетелей или сборщика пошлин, в присутствии коих купил он опознанную у него вещь. (Когда свидетели подтвердят истину слов его), то истцу взять вещь лицом, а прочих убытков не искать; равно и покупщик невозвратно лишается денег, заплаченных им за взятую у него вещь.

О воровстве

30. Вора убить в клети на воровстве можно как собаку; но если он продержан будет до света, то вести его на княжеский двор.

Если же он будет убит, а другие видели его связанным, то в этом случае платить за убийство его 12 гривен.

31. Если кто украдет скот из хлева или в клети и будет один, то платит он 3 гривны и 30 кун; если же воров будет много, то взыскать со всякого по 3 гривны и 30 кун.

О воровстве же

32. Если кто украдет скот с поля, овец ли, или коз, или свиней, тот платит 60 кун; если же при краже было много, то с каждого взыскать по 60 кун.

33. Ежели украдут с гумна или из ямы жито, то со всякого, кто воровал, взять по 3 гривны и по 30 кун; а тот, у кого было украдено, если украденное будет в наличности, должен взять оное лицом; за пользование же вора украденным взять с него за лето по полугривне.

34. Если украденного в наличности не окажется, и если это будет княжий конь, то (доправлять с вора) за покражу его 3 гривны, а за покражу у других 2 гривны.

Пени за кражу скота

33. За кражу кобылы брать хозяину 60 кун, за быка гривну, за корову 40 кун, за трехлетнего быка 30 кун, за годовика полгривны, за теленка 5 кун, за свинью тоже, за поросенка ногату, за овцу 8 кун, за барана ногату, за жеребца неезжалого гривну кун, за жеребенка 6 ногат, за коровье молоко 6 ногат.

Эти цены постановляются для земледельцев, которые они должны платить в пеню на князя.

Если уличатся в воровстве холопы. Суд княжеский

30. Если будут пойманы в воровстве холопы княжеские, боярские или монастырские, то князь не взимает с них пени, поскольку они не свободные, но должно платить истцу вдвое за обиду.

Если кто будет с другого требовать скота (денег)

102. Если кто будет требовать с другого денег, и тот начнет запираться, то истец должен представить свидетелей, при которых он давал деньги, и когда свидетели в том присягнут, то он берет с должника свои деньги, да сверх того 3 гривны за обиду (причиненную ему долговременной проволочкой).

103. Если купец поверит купцу свои деньги для употребления их во внутреннюю ли то, или заграничную торговлю, и должник начнет запираться: то в таком случае истцу нет нужды представлять свидетелей, но сам ответчик должен присягнуть.

О поклаже

104. Ежели кто отдаст кому-нибудь под сохранение свои пожитки, то в свидетелях нет нужды. Но если хозяин начнет большего требовать, то принявший вещи на сохранение должен утвердить клятвой, что именно столько, а не более, дано ему (под сохранение); ибо (кто берет под сохранение), тот благодетельствует и хранит имение другого.

О ростах

105. Если кто отдаст деньги в рост, или мед и жито с уговором некоторой наддачи; тому в случае спора представить свидетелей, и, согласно их показанию, какая была между ими ряда, взять все с заимобрателя.

О месячном росте

106. Месячные росты позволяется единственно брать за малое время.

Если же заем растянется на целый год, то заимодавец берет уже третные росты, а месячные уничтожаются.

Ежели заем будет в три гривны, и заимодавец свидетелей не представит, то в таком случае идти ему к присяге.

Если же будет простираться свыше сей суммы, то сказать заимодавцу: «Пропали твои деньги; зачем давал без свидетелей».

А это уставил Владимир

107. По Святополке, Владимир Всеволодович собрал в Берестове дружину свою: тысяцких: Ратибора киевского, Прокопия белогородского и Станислава переяславского, Нажира, Мирослава и боярина Олегова, Иоанна Чудиновича, и (посоветовавшись с ними) определил (брать третный рост только) до третьего платежа. Кто возьмет со своего должника третный рост два раза, тому более никакого роста не требовать, а взять только свой капитал; если же заимодавец возьмет три раза третные росты, то он лишается своего капитала.

О росте

108. Если кто берет по 10 кун с гривны на год, то таковых ростов взимать не воспрещается.

О наемнике

82. Ежели наемник уйдет от своего господина, то он через то делается полным крепостным холопом. Если же он отлучался для отыскания денег, или открыто ходил к князю, или судьям, для прошения на своего господина в обиде, то не обращать его в рабство, но дать ему расправу.

О свидетельстве

79. Раба в свидетели не призывать; но если не случится свободного гражданина, то по нужде можно сослаться на боярского тиуна, но ни на кого более.

Но в малом иске дозволено сослаться и на наемника.

О бороде

28. Если кто вырвет у кого клок бороды, так что вырванное место будет приметно, и если свидетели то подтвердят, то взыскать (с обидчика) 12 гривен пени; но если очевидцев нет, которые бы утвердили истину жалобы, то пени с ответчика не взыскивать.

О зубе

29. Если кто у кого выбьет зуб, так, что кровь будет видна во рту, и если это будет подтверждено очевидцами, то взыскать с (обидчика) 12 гривен пени, да (обиженному) за зуб гривну.

О борти

36. Кто украдет борть, с того взыскать 12 гривен.

43. Если земля будет разрыта, или на земле будут оставлены признаки ловли, или сети, то округа обязана искать у себя вора или платить пеню.

44. Кто стешет бортные знаки, срубит бортную грань или дуб, или межевый столб, или запашет межу полевую, или перегородит дворовую, с того взять 12 гривен пени.

Определение накладов

48. Следующие наклады или прибавки постановляются к 12 гривнам: отроку брать 2 гривны и 20 кун; а самому (судье?) с отроком ехать на двух лошадях, и брать на них овса, сколько они могут съесть; в пищу себе получать из мясного: барана или полоть и из другого корма, сколько двое съедят. Писцу давать 10 кун, перекладного 5 кун, да за мех (?) 2 ногаты.

О жене

17. За убийство жены тот же суд, что и за убийство мужа; с виноватого взыскать полвиры, то есть, 20 гривен.

18. За раба и рабыню виры не полагается; но кто убил их безвинно, должен заплатить господину, как за раба, так и за рабу, урок или цену убитого, да князю 12 гривен пени.

О наследстве

90. Когда простолюдин умрет бездетен, то имение его поступает к князю; если остались дочери (не замужние), то выделить на них некоторую часть; если же будут замужем, то не имеют ни малейшей доли в наследстве.

О наследстве после бояр и дружины

91. Но имение после бояр или дружины не может поступать на князя; если они не оставили после себя сыновей, то дочери имение их получают.

92. Если кто, умирая, разделит имение свое, то воля его остается непременной; если же умрет без завещания, в таком случае отдать все детям, с исключением части на помин души.

93. Если жена захочет остаться вдовой по смерти мужа, то взять ей часть из наследства; но что дал ей муж при жизни, то остается неотъемлемо в ее владении; на имение, оставшееся после мужа, вообще она не имеет никакого права.

Дети первой жены наследуют ее имение, или вено, назначенное отцом для их матери.

94. Если останется сестра в дому, то она не имеет доли в наследстве; но она получает приданое от своих братьев, по

возможности, при поступлении в замужество.

О том, если жена обречется пребыть вдовой по смерти мужа

95. Если жена, обрекшись сидеть во вдовстве, по смерти мужа, проживет имение и вступит в брачный союз, то обязана возвратить детям все (прожитое).

Если же она захочет жить в одном доме со своими детьми, а дети не захотят того, то в сем случае удовлетворять воле матери, а не детей.

И что дал ей муж, или что следовало получить ей на свою часть из имущества (оставшегося после мужа), то составляет ее достояние.

96. На материнскую часть дети не могут иметь никакого притязания, но кому ее назначит, тому и взять; назначит всем, — то и разделить между всеми; если же умрет без языка, то, у кого она жила и кто ее содержал, тому и взять ее достояние.

97. Если будут дети разных отцов, но одной матери, то каждый сын берет отцовское.

Если второй муж растратил имение своего иночима, их отца, и умер, то дети его должны возвратить оное (единоутробной) братии, согласно с показанием свидетелей; они владеют (только) отцовским имением.

98. Что касается до матери в сем случае, то она отдает имение тому сыну, который был добрее (не разбирая того, с которым мужем прижит ею); если сыновья все были злы, то она вправе отдать имение и дочери, которая ее содержит.

Пошлины судебные

111. Следующие пошлины определяются с судов: из виры судье 9 кун, метельнику 9 векош; с бортной земли 30 кун, а во всех прочих тяжбах с того, кого оправдают, судье брать по 4 куны, а метельнику 6 векош.

О наследстве

112. Если братья станут между собою тягаться о наследстве перед князем, то детский, посланный для их раздела, получает гривну кун (за труд).

Пошлины присяжных

113. Следующие пошлины определяются с дел, присягой решаемых: от уголовного суда 30 кун, с тяжбы о бортной и пахотной земле 27 кун; по делам о свободе 9 кун.

О купце, потерпевшем кораблекрушение

109. Если какой-нибудь купец, взяв чужие (товары или) деньги,

потерпит кораблекрушение, или подвергнется пожару, или будет ограблен неприятелем, то (веритель) не вправе сделать ему какое-нибудь насилие, или продать его в рабство, но должен позволить ему рассрочку платежа погодно; ибо он не виноват в несчастной утрате товара: власть Божия.

Но если купец вверенный ему товар или пропьет, или промотает, или испортит от небрежения, то он отдается в полную волю верителей: хотят ждут, хотят продадут в рабство, их воля.

О долгах

110. Если кто многим должен, а купец, приехавший из другого города, или из другой земли, не зная про то, поверит ему товар свой, и он окажется после не в состоянии заплатить сему верителю за товар, по причине требований со стороны первых заимодавцев; в таком случае вести должника на торг и продать, и удовлетворить наперед требованиям гостя, а остальное разделить между прочими заимодавцами.

Также, если он должен будет князю, то очистить наперед князя требования, а остальное в дележ.

Если кто из них взял уже много ростов, тот лишается своих денег.

О наемнике

83. Если у господина будет наемный земледелец и потеряет войсковую (?) лошадь, то ему не за что ответствовать, а ежели утратит плуг и борону, данные ему господином, от которого он получает плату, то он должен за эту потерю заплатить господину.

Если же эти вещи пропали в его отсутствие, когда он послан был за господским делом, то в сем случае наемник не обязан платить.

О наемнике

84. Наемник не ответствует за скотину, уведенную из хлева; но когда растеряет ее в поле, или не загонит на двор, или не затворит в хлеве, вопреки приказанию своего господина, или утратит ее за своим делом, то наемник подлежит ответственности.

85. Если господин обидит наемного слугу, не выдаст ему полного жалованья (?)… то господин должен возвратить ему удержанное; да кроме сего заплатить ему за обиду 7 кун пени.

Равным образом, когда господин возьмет и станет удерживать деньги наемника, то взятые деньги возвратить, да за обиду заплатить ему 3 гривны пени.

86. Ежели господин продает вольного слугу за холопа, то слуга

очищает весь свой долг, за который он пошел в служение, а продавец вносит 12 гривен пени.

Если господин бьет наемного слугу за дело, то в сем вины нет; если же бьет его в пьянстве и без всякой вины, то платит ему как свободному.

О холопе

76. Ежели чей крепостной холоп уведет лошадь, то платит за то 2 гривны.

О наемнике

87. Если наемник украдет что-нибудь, то господин не ответствует; но если он будет пойман, то господину отдается на волю, хочет ли он заплатить известную сумму за учиненную слугой его покражу, например, лошади, или какого-нибудь другого предмета, и в таком случае наемник делается полным его холопом.

Если же господин не захочет платить за него, то должен продать его и из вырученных денег заплатить за покраденное им: лошадь ли то будет, или бык, или товар, или другое что им унесенное; а что останется за уплатой, то взять себе.

О том, если холоп ударит

77. Если холоп ударит свободного человека и скроется в дому, а господин не выдаст его, то платить за него господину 12 гривен.

Но если после сего ударенный встретит где-нибудь того, кто ударил его, то Ярослав определил было убивать его; но дети Ярослава, отменив сию казнь, дали истцу одно право бить, развязав (?), виновного холопа, или взять за бесчестие гривну кун.

О борти

46. Кто срубит борть, платит 3 гривны пени, а за дерево хозяину полгривны.

47. За выдрание пчел 3 гривны, а хозяину, буде мед еще не был вынут, 10 кун, буде же уже вынут, 5 кун.

48. Если тать скроется, должно искать его по следу. Если след приведет к селу, или к какому-либо имению, и если жители или хозяева не отведут от себя следа, не пойдут на след и станут отбиваться, то платить им за покраденное с пеней.

А следить надлежит с чужими людьми и свидетелями. Но буде след кончится на большой дороге, при коей не будет никакого селения, или на пустом, не застроенном и безлюдном месте, то не платить ни пени, ни цены украденного.

О простолюдине

88. Если простолюдин чинит истязание простолюдину без княжеского повеления, то 3 гривны пени, да гривна битому за муку.

89. За истязание же огнищанина 12 гривен пени, и гривна кун самому битому.

42. Если кто украдет ладью, то 6 кун пени, с возвращением хозяину лицом; за морскую ладью 3 гривны, за набойную 2, за челн 8 кун, за струг гривна.

О перевесах

40. Если кто перерубит веревку в перевесе, то 3 гривны пени, да за веревку (птицелову) гривну.

37. Кто украдет в чьем-нибудь перевесе собаку, сокола или ястреба, платит пени 3 гривны, да хозяину гривну.

38. За голубя 9 кун, за куря то же.

39. За утку, гуся, лебедя и журавля 30 кун.

41. За кражу сена и дров 9 кун, а хозяину за каждый украденный воз по две ногаты.

О гумне

49. Поджигатель гумна выдается князю на заточение, и дом его на разграбление, из которого наперед вознаграждается убыток (хозяина), а остальным располагает по своей воле князь.

Так же поступать и с поджигателем двора.

50. Если кто по злобе зарежет чужого коня или другую скотину, тот платит в казну 12 гривен пени, да (хозяину) за причиненный ущерб гривну.

60. Все изложенные доселе тяжбы судятся по свидетельствам свободных людей. Если же случится быть свидетелем холопу, то он не может быть представлен к суду.

Но истец, если хочет, может воспользоваться свидетельством раба, и, сказав ответчику: «Я требую тебя к суду по поводу свидетельства сего раба, впрочем от своего собственного лица, а не единственно по речам холопьим», может требовать от ответчика, чтобы оправдался испытанием железа.

Если последний окажется виновным, то платит иск. Если же явится невиновным, то истец дает ему за муку гривну, поелику вызвал его на испытание по поводу холопьих речей.

61. Пошлины железной 40 кун, мечнику 5 кун, княжескому отроку полгривны; это называется железной пошлиной, взимаемой по случаю таких вызовов на испытание железом.

Если же истец вызовет кого на железо по показанию свободных

людей, или по подозрению (?), если, например, видели обвиняемого проходящим ночью, или другим каким образом, то ответчик, оправдав себя невреждением от железа, не берет ничего за муку с истца, который платит только железное.

Пошлины для строителей городских стен

114. Строителю города вот какая плата: закладывая городни брать куну, да по окончании ногату; на пищу и на питье, на мясо и рыбу полагается 7 кун в неделю, 7 хлебов, 7 убороков пшена, 7 лукон овса на 4 лошади; что и получать ему, пока не будет город срублен; солоду давать ему на все время 10 лукон.

Пошлины для строителей мостов

115. Строителю моста вот какая плата: по построении (нового) моста брать с 10 локтей по ногате.

Если же будет починен только старый мост, то, сколько городень будет починено, брать со всякой по куне.

Сверх того давать ему с помощником две лошади, на которых брать им по 4 лукна на неделю; а пищи, сколько съесть могут.

О наследстве

99. Дети, прижитые с рабой, не имеют участия в наследии, но получают свободу и с матерью.

100. Если останутся в доме дети малолетние, которые не в состоянии еще заботиться о себе, а мать выйдет замуж, то отдать их при свидетелях на руки ближайшему родственнику вместе с имуществом и домом.

А что опекун присовокупит к имению, отдавая его в рост или пуская в торговые обороты, то возьмет себе за труд и попечение, но сам капитал должен им возвратить.

Приплод же от рабов и от скота остается в пользу детей, которые получают его лицом (от опекуна). Если опекун утратит что-нибудь из принятого им имения, то он обязан за все то заплатить детям.

101. Если и отчим возьмет детей вместе с имуществом (под свою опеку), то при возвращении имения поступать на тех же основаниях, но двор отеческий всегда поступает к младшему сыну.

О крепостном состоянии

62. Холопство полное есть трех родов: первое, когда кто купит человека, хотя бы и за полгривны, поставит свидетелей и отдаст деньги (?) при самом холопе.

63. Второе, когда кто женится на рабе без всякого условия; если же сделано будет при этом условие, то оно остается в своей силе.

64. Третье, когда кто без условия же пойдет в тиуны или в ключники. Если же было учинено условие, то как условливался, так при том и оставаться.

81. Ни дача заработной платы, ни содержание, ни снабжение домашним обиходом не делают никого холопом; и если кто, из таковых наемников, не дослужив года, захочет отойти прочь, то ему не возбраняется; только должен он в таком случае возвратить господину полученное.

66. Ежели холоп бежит, и господин о побеге его заявит, и если кто, слышав сию явку или зная, что холоп беглый, даст ему хлеба или укажет дорогу, то платит господину за холопа 5 гривен, а за рабу 6.

67. Если кто переимет чужого холопа и даст о том знать господину, то взять ему за переем гривну кун. Если же, поймав беглеца, не устережет его, то платит господину 4 гривны, а за рабу 5 гривен; в первом случае пятая, а во втором шестая уступается ему за то, что он поймал беглого.

68. Если кто сам дознается, что холоп его находится в известном городе, а между тем посадник не знает о том, то, донесши о том посаднику, он имеет право вытребовать у него отрока, дабы вместе с ним связать беглеца; за каковое содействие даст ему 10 кун; но за переем не платит ничего.

Но если преследователь упустит раба, то жаловаться на себя самого; и никто не платит за то, как и он никому не отвечает за переем его.

69. Если кто по неведению встретит чужого холопа, подаст ему весть или станет держать его у себя, и беглец сойдет от него, то, буде он присягает, что по неведению поступал таким образом с беглецом, освобождается от всякого взыскания.

70. Если холоп (обманом) испросит у кого деньги под именем вольного человека, то господин его должен или заплатить, или отступиться от него; но если веритель, зная, что он холоп, дал ему деньги, то лишается своих денег.

71. Если кто дозволит своему холопу торговать, и холоп тот одолжает, то господин обязан платить за него долги, но не властен от него отступиться.

72. Если кто возьмет (?) чужого холопа не зная, то первый господин берет своего холопа обратно, а последний буде присягнет, что купил его по неведению, получает свои деньги; если же откроется, что купил его заведомо, то лишается своих денег.

73. Если холоп, будучи в бегах, приобретет себе имение, то как долг за холопа оплачивает господин, так и приобретение, сделанное им, принадлежит господину вместе с лицом раба.

74. Если холоп, бежав, снесет с собою что-либо из принадлежащего соседу, то господин обязан заплатить (за снесенное им по надлежащей цене).

75. Если холоп обокрал кого-нибудь, то господин обязан или заплатить за него, или выдать его вместе с другими участниками воровства, или хоронившими краденое, кроме их жен и детей.

Если (с холопом) крали и хоронили свободные люди, то с таковых, при выкупе господином, взять пеню для князя.

Из предложенных статей Русской Правды, как и из ниже предлагаемых статей договоров видно, что во все продолжение удельного периода, до татар, преступления, как убийство, побои, воровство, укрывательство, наказывались или оплачивались пенями по прежнему.

Статьи о купцах, ссудах, долгах, резах, покровительство гостям, которые удовлетворяются прежде туземцев, после князя, показывают значительное развитие торговли (44, 46, 47, 48, 49, 74, 75).

Статьи о закупах ролейных и прочих доказывают многочисленность этого класса и вновь возникшее обыкновение обрабатывать землю наймом. Примечательно покровительство, оказываемое законом наймитам (50, 76, 77, 78, 80).

То же должно сказать о холопах, челядинах, которым посвящено очень много статей, сравнительно с другими предметами (26, 33, 34, 42, 51, 61, 79, 81, 102–115).

Общинное (артельное) начало с круговой порукой приметно в статьях о дикой вире (3, 4, 6), на которую заранее вкладывались жители вервей, точно как новгородские купцы вкладывались в иванское купечество на торговлю воском (см. ниже).

Замечательно в статьях о наследстве предпочтение младшего сына, которому предоставлялся отеческий дом, в противоположность западным майоратам (101).

Наследство боярское при неимении сыновей делится между дочерьми (63), а наследство смердов в таком случае идет на князя (62).

Пени за убийство различаются по званию убиенного (1, 9, 14).

Некоторые из важнейших статей Русской Правды, или им соответственные, появляются и в торговых договорах этого времени с

немцами. Мы присоединим к ним оттуда и прочие законоположения.

В договоре новгородского князя Ярослава Владимировича с немецкими послами, около 1199 года, было постановлено:

«А если убьют новогородца посла за морем, или немецкого посла в Новгороде, то за ту голову 20 гривен серебра.

А если убьют купчину новогородца (у немцев) или немчина купчину в Новгороде, то за ту голову 10 гривен серебра.

А если свяжут мужа без вины, то 12 гривен за бесчестье, старых кун (денег).

Если ударят мужа оружием или колом, то за рану 6 гривен старых.

Если толкнет (кто) или разорвет одежду (мантию, mantel, мятель), то 3 гривны старых.

Если прибьет (кто) мужнюю жену или дочь, то князю 40 гривен старыми кунами. А жене или мужней дочери 40 гривен старыми кунами.

Если сорвет (кто) повойник с головы у чужой жены или дочери, и (она) явится простоволосою, то 6 гривен старых за бесчестие.

В случае спора (драки?) без крови, свидетели, русь и немцы, бросают жребий: кому вынется (тот), присягнув, получает следующее вознаграждение.

При взыскании денег варягом с русина, или русином с варяга, в случае его запирательства (истец), в присутствии 12 свидетелей, идет к присяге и берет свое.

Если кто повалит рабу насильно, но не обесчестит, то за обиду гривна.

Если обесчестит, то раба свободна.

Если убьют заложника или попа новгородского, или немецкого в Новгороде, то 20 гривен серебра за голову».

В договоре смоленского князя Мстислава Давыдовича (1228) с Ригой и Готским берегом следующие 11 статей в начале, после вступления, полностью совпадают со статьями Русской Правды.

«Если случится убийство, то за жизнь вольного человека платить 10 гривен серебра деньгами или кунами, пенязями, считая оных (кун) 4 гривны на одну гривну серебра. Кто ударит холопа, платит гривну кун.

Та же пеня в Смоленске, в Риге, и на Готском берегу.

За повреждение глаза, отсечение руки, ноги и всякое увечье, 5 гривен серебра; за вышибленный зуб 3 гривны серебра.

За окровавление человека посредством дерева 1 1/2 гривны; кто ударит по лицу или схватит человека за волосы, или ударит батогом, дает 3/4 гривны.

Пеня за обиду посла и священника должна быть двойная.

За рану, без знаков увечья, пеня в полторы гривны.

Если русский гость провинится в Риге или на Готском берегу, то нельзя посадить его в дыбу, когда он представит поруку за себя; если поруки не будет, то можно заковать в железа.

Если немецкий гость провинится, то нельзя бросить его в погреб; не будет у него поруки, то можно заковать его в железа.

Если холоп княжеский или боярский умрет, заняв деньги у немца, то наследник первого — или кто взял его имение, — платит долг.

И немец, и россиянин обязаны в тяжбах представлять более двух свидетелей из своих единоземцев.

Испытание невинности посредством раскаленного железа дозволяется только в случае обоюдного на то согласия; принуждения нет.

Русин не может звать немчина на поле в Смоленске, ни немчин в Риге и на Готском берегу.

Если немецкие гости (вздумают когда) биться между собою мечами или сулицами, то князю до этого нет дела, и никакому русину; пусть правятся своим судом.

Если россиянин застанет немца или немец россиянина у своей жены, виноватый платит 10 гривен серебра за бесчестие; так и русин в Риге и на Готском берегу.

Если немец или россиянин обесчестит девицу или вдову хорошего поведения, то взыскать с виновного 10 гривен серебра за бесчестие».

ОБЩИЕ ЗАМЕЧАНИЯ

Преступления, которые имелись в виду Русской Правдой XII века, были следующие:

Убийство-душегубство. Головник — убийца; голова (1, 2, 3), кости, мертвец (14) — убитый человек. Клепать головою (16) — взводить убийство.

Век, увечье (4). Порвать бороду (28), выбить зуб (29).

Ударить (77) — побои.

Разбой — самоуправство, своеволие, насилие. Разбойник —

озарник, виноватый в разбое (5).

Тать, татьба, татебное, красть, — вор, воровство (58, 59 30, 31).

Поджог (49) гумна, двора.

Порезать коня, скотину (50).

Свада (4) — ссора, распря, спор.

Поклеп, клепать (16) — обвинение по подозрению, клепать большим — (104) требовать лишнее.

Сором-бесчестие (77), оскорбление чести побоями и проч.

Обида (102), пагуба (49, 50, 68) — убыток, причинение убытка.

Побег (холоп бежит — 66). Укрывательство.

Мука, мучить (88, 89) — бить, истязать.

Протор (78) — издержки, убытки.

Наказания за эти преступления полагались:

Вира — пеня за убийство, которую платил убийца; дикая вира, — которую платила вервь, когда убийца неизвестен (3–7, 19); поклепная вира (14) — по подозрению; полвиры, за женщину (17).

Вывести виру (14), снять вину, оправдать.

Свергнуть виру (15) — оправдаться.

Головничество (4) — плата пени за убийство.

Поток, поточить — заточение, заключение (6), выдать на поток (55, 49).

Потоком называлось и изгнание. Так, половцы (1079) убили Романа, а «Олга емше поточиша и за море Царюгороду». Мстислав, великий князь киевский, поточи (1130) полоцких князей, с женами и с детьми, в греки.

Разграбление, разграбеж (5, 49) — конфискация, отобрание в казну, т. е. на князя.

Продажа (20, 56, 79) — пеня за разные преступления. Продать — обложить пеней.

Железо, дать железо (16) — доказательство вины посредством железа. Брать на железо. Вода (16) — посредством воды.

Покони вирные (19). Уроки судебные (111), ротные (113), железные, — повинности по делам, подвергаемым суду, решаемым присягой, через испытание железом.

Наклады (45) — надбавки к пеням.

Сметная (15), плата отроку при оправдании. Перекладное (19, 45). Помоченое (15). Вязебное (68). Железное, железной урок (61). Ссадная (19), переди ссадная (7) гривна(?). Лечебное (26).

Для определения различных общественных отношений

встречаются в Правде XII столетия следующие слова:

Ряда, ряд (92, 63) распоряжение; рядиться (105) — условливаться, договариваться.

Суд, судить, (17) судья. Дать правду (82) рассудить дело по закону.

Тяжа (16) — судебное производство спора, дело; малая тяжа — не важная; растяжутся (112) — начнут тяжбу. Утягать — выиграть тяжбу.

Свод, извод (54), хождение с поличным от одного лица, у кого оно найдено, к другому, чтобы отыскать виновного. Идти на свод. Конечный свод (78).

Запиратися (103) — отрекаться, отказываться.

Рота — клятва, присяга. Идти роте (16), на роту (58, 59, 102) — присягать.

Задница (90, 91, 101) наследство, остающееся по смерти имение.

Дать на руки (100) — сирот под опеку.

Дел, раздел (113, 101).

Долг, одолжать (71), задолжать.

Поклажа, класть поклажи (102), давать на сохранение.

Рост, резы, — проценты, излишек за ссуду. Давать куны в рез (105) — деньги в проценты. Срезить (100) — накопить процентами. Давать жито в присоп, настав на мед (105). Резы месячные, третные (106). Два реза, три реза (107).

Дача денег в куплю и гостьбу (103).

Прикуп (100) — барыш, торговые выгоды во внутренней торговле.

Пригостить (100) — наторговать в иностранной торговле.

Исто (107) — капитал.

Лицо (16, 53, 56), поличное.

Взыскивать (102) — требовать.

Платить (100, 67, 74).

Жалеть (58, 59, 57) — считать потерянным, не искать.

Закликать, заповедать — на торгу объявлять о бегстве рабов (65), о пропаже (52).

Отходить (81, о холопах) — оставлять службу.

Выкуп, выкупать кунами свою вину, убийство холопа, (70) его воровство, (75) долги, (71) убытки, им причиненные.

Переем (67, 68) — поимка, перехват беглого.

Из удельного периода дошли до нас следующие памятники права,

относящиеся преимущественно к делам церковным, их имениям и доходам (см. ниже).

Грамота сына Мономаха Мстислава новгородскому Юрьеву монастырю, 1125 года, на земли и судные пошлины (древнейшая из подлинных).

Грамота сына его, новгородского князя Всеволода (1127–1132) церкви Св. Иоанна Предтечи, им основанной. В этой грамоте есть статьи о торговле.

Устав новгородского князя Святослава Ольговича (1137) о жалованье епископу вместо десятины с даней.

Грамота и духовная Антония Римлянина (ум. 1147) о монастырском владении.

Грамота Варлаама Хутынского монастырю (1192) на земли и рыбные ловли.

Уставная грамота смоленского князя Ростислава Мстиславича (1130 г.), об учреждении епископии.

Об этих грамотах см. в разделе о церковном управлении.

Торговый договор новгородского князя Ярослава Владимировича с немцами, 1199 года.

Торговый договор смоленского князя Мстислава Давыдовича, 1228 года, с Ригой, Готским берегом и др. (см. ниже в разделе о торговле).

Дела, подведомые епископскому суду, согласно с уставами великого князя Владимира Святого и сына его Ярослава:

«Епископлих дел не судить никому кроме самого епископа: первое дело — развод; второе — двоеженство; третье — незаконный брак; четвертое — похищение: пеню за похищение девки берет князь или посадник с епископом пополам; пятое — за похищение замужней женщины (пеня) епископу; шестое — вопрос (?) епископу, что касается до зелий и душегубства (через волхвование); седьмое — поединок двух женщин; осьмое — вины церковного человека подлежать епископу; девятое — если кто из церковных людей отойдет, без причинения зла церкви».

УПРАВЛЕНИЕ

Князь, при вступлении своем на стол, всякий раз договаривался с людьми, как ему сидеть, ходить и их держать. (Сидеть, на древнем языке, значило начальствовать; сажать кого — делать кого

начальником; ходить — собирать дань; держать — управлять; вводить — назначать; выводить — отрешать; рядиться — договариваться). «Се Бог поял стрыя твоего Вячеслава, говорят бояре Ростиславу Мстиславичу, а ты ся еси еще с людми Киеве не утвердил; а поеди лепле в Киев, же с людми утвердися» (1154).

«Взьмя ряд (Мстислав Изяславич) с братьею, и дружиною, и с Кияны, занял стол Киевский» (1169).

Владимирцы приняли к себе Ярополка Ростиславича, «весь поряд положьше» (1175).

«Михалко (1176) ежа в Суздаль, а из Суждаля Ростову, и створи людям весь наряд, утвердився крестным целованьем с ними».

Князь был везде главным судьею, а княжий двор — местом суда.

При обозрении жизни Всеволода Ярославича (ум. 1093) сказано о его старости: «людем недоходити княже правды, начаша тиуны грабити, людей продавати (облагать пенями), сему не ведущу в болезнех своих».

«Заутренюю воздавши хвалу Богови, говорит Мономах в своем поучении детям, и седше думати с дружиною, или люди оправливати… И худаго смерда, продолжает он, ставя себя в пример, и убогия вдовицы не дал есмь сильным обидети».

«Нам стати пред Святославом», говорят волхвы (ок. 1071 г.) боярину Яну, их судившему.

При вступлении на стол Игоря Ольговича (1146): «почаша Кияне складывати вину на тиуна на Всеволожа на Ратьшу, и на другаго тиуна Вышегородьского, на Тудора, рекуче: Ратша ны погуби Киев, а Тудор Вышегород, а ныне… целуй нам крест; аще кому нас будет обида, то ты прави».

«Все богатство в един день, месяца Сентября в 7 (1229), говорит Суздальская летопись, отъяся (от епископа ростовского Кирилла) никакою тяжею, судившю Ярославу тако, ту сущу ему насонме. Бяшеть бо Кирил богат зело, кунами и селы, и всем товаром, и книгами, и просто рещи — так бе богат всем, так ни един епископ быв в Киевской области. Он же о всем о том вздасть Богови хвалу, пострижеся в схиму… а что ся ему оста, то раздая любимым и нищим».

Осенью и весной князь объезжал все свои волости, по древнему норманнскому обычаю, и, собирая дань, творил везде суд и правду, как ему Бог на сердце полагал, что составляло вместе и важнейший источник его доходов.

Эти объезды назывались в древности путями: «Всех путей, говорит Мономах, (совершил я) 80 и 3 великих, а прока не испомню меньших».

Впоследствии пути назывались чаще полюдьями, которые упоминаются в грамоте великого князя Мстислава Владимировича (1125), в грамотах смоленского князя Ростислава Мстиславича (1150), и в свидетельствах летописей о времени великих князей суздальских, Юрья Долгорукого и сына его Всеволода (1154, 1190).

Место князя по городам и волостям занимали определенные им посадники и тиуны, как это видно из вышеприведенных мест о великом князе Всеволоде Ярославиче и Игоре Ольговиче. Это видно и из следующего места Суздальской летописи об управлении Ростиславичей, по кончине великого князя Андрея Боголюбского: «седящема Ростиславичема в княженьи земли Ростовьскыя, роздаяла бяста по городам посадничьство Русьскым детьцким; ониже многу тяготу людем сим створиша продажами и вирами. А сама князя молода бяста, слушая боляр, а боляре учахуть я на многое имание».

Естественный здравый смысл, на степени своего развития в данное время, указания и требования обстоятельств, сообразно с принятыми обычаями, — вот какие были главные основания для решения всех дел и споров между князьями: так решались они и вообще в народе назначенными от князя и избранными лицами.

Лицо князя в городах и волостях представляли мужи, им посаженные, его наместники, посадники, которые управляли народом.

Сборщиками податей, блюстителями доходов княжеских, облагателями и взыскателями пропаж или пеней по суду за вины, были тиуны.

В Русской Правде, распространенной после Ярослава, упоминаются следующие должностные лица: тиуны княжие, управители княжие, боярские, т. е. исполнявшие эту должность в волостях боярских; огнищные — у огнищан; конюшие — над конюхами (за убийство тиуна кон. полагалась высокая пеня, 80 гривен) ратайные или сельские княжие — над земледельцами, сельские старосты (за них полагалось по 12 гривен).

Тиунами назывались и вообще управляющие. Так, Изяслав Мстиславич (1149) послал «мужи своя и тивуны своего деля товара и своих деля стад, а мужи одни сами поехали, а другие послали своих тивунов» для разбирательства к Юрию Долгорукому. Ростислав, по

смерти дяди Вячеслава (1154) «созва тивуны и ключники».

Тиуны вообще не пользовались доброй славой, как то видно, например, из приведенных выше свидетельств летописей и из известного в древности вопроса: «Где быти тиуну на оном свете?» То же подтверждают слова Даниила Заточника: «Не имей себе двора близ княжа двора, не держи села близ княжа села: тиун бо его яко искры; аще от огня устержешися, но от искры не можешь устрещися жжения порт».

В Русской Правде значатся еще следующие должностные лица.

Вирники — чиновники, определявшие (?) и взыскивавшие виру и получавшие за то определенное вознаграждение. Помощники у них были из отроков или детских. (Слово судья, встречающееся однажды, употреблено, вероятно, в нарицательном смысле и относится или к посаднику, или к тиуну, вирнику).

Метельники, вероятно, были то же, что писцы, упоминаемые однажды.

Все эти лица получали запасы и пошлины для себя со всякого дела.

Мытники — собирали мыть, пошлину с предметов внутренней торговли. (Мытники встречаются и в летописи).

Что касается населения, народа, сословий, то в Правде встречаются следующие наименования:

Бояре, мужи княжие, за умерщвление полагалось 80 гривен, — та же пеня и за тиуна княжего, за тиуна огнищного, конюшего.

Отроки, детские, которые употреблялись в помощь высших чиновников. За убийство отрока княжего, как и конюха, повара, вира полагалась в 40 гривен.

Огнищане, сословие, принадлежащее исключительно Новгороду и замененное там впоследствии житыми людьми, среднее между боярами и людинами. (За убийство тиуна огнищаного та же высшая пеня, что и за боярина, 80 гривен).

Купцы, гости, иноземные купцы.

Гриди, вероятно, то, что после дворяне, дружинники.

Мечники — какой-нибудь особый вид их.

Люди, людин, — так продолжали называться все свободные люди, члены военного сословия. За убийство людина полагалась пеня половинная в сравнении с мужем княжим или тиуном, то есть 40 гривен.

Смерды — поселяне, земледельцы; упоминаются и холопы

«смердьи». За убийство 5 гривен. Над ними были старосты или тиуны сельские.

Холопы — княжие, боярские чернчи, рабы временные (за убийство) 5 гривен раба, холопы обельные, обель — полные.

Закупы — наймиты, наемники, ролейные — которые брались возделывать землю.

Рядовичи (княжие) и боярские — вероятно, вообще служители.

Общие нарицательные наименования, по званиям и занятиям, встречаются следующие: судья, свободный, муж, свободный послух, господин (в отношении к рабам), госпожа, хозяина, роба, робить, роботять, челядь, челядин, рядович (рядовые люди, простолюдины), кормилец, кормилица, ремественник, ремественница.

По обстоятельствам, в которых кому случается быть: истец, — человек, который ищет (истец или от исто?), жалуется. Должбит — заимодавец, должну быть.

Видок, послух, — свидетель-очевидец; послушество. Складывать послушество на кого — призывать кого в свидетели.

Поручник, принимающий виновного к себе на поруки, на свою ответственность.

Собирательные имена местностей по Русской Правде:

Мир — общество.

Верви, напоминавшие самим именем норманнское межевание веревкой, представляются общинами, члены которых были как бы связаны между собой, по крайней мере, в некоторых случаях, круговой порукой: верви обязаны были платить виру в известных случаях, когда в их пределах находилось мертвое тело. Члены ее складывались предварительно, и убийца, если участвовал в складчине, платил уже половину виры, а если не складывался, то сполна.

Торг. На торгу оглашались пропажа, бегство рабов, происходил сбор свидетелей.

Село — заселенное место, селитьба.

Город. Варяго-русские города были без всякого сомнения укреплениями, крепостями, а так как они наряду и вместе упоминаются с прежними, славянскими, то есть Новым городом, Киевом, Смоленском, Ростовом и проч., то нет никакой причины предполагать и в этих последних что-либо другое.

Города или крепости были деревянные, что видно из самых слов, выражающих их строение: «рубити, ставити» (1044, 1116). Каменные

имел только Новгород и Ладога (1116), может быть, Киев, Переяславль.

Город разделялся на внешний, окольный — острог, и внутренний, детский — детинец, называвшийся так, вероятно, от пребывания там детских.

Стены назывались заборолами и вообще городом.

В городе, т. е. стенах, было по несколько ворот, которые запирались, например, Золотые в Киеве (каменные), Жидовские, Лядские, Угорские, во Владимире Волынском — Киевские, в Галиче — Немецкие, и проч.

Улицы встречаются рано в Киеве: Пасынча беседа, Козары (1045): в Полоцке (1095).

Жители назывались вообще гражанами (1146), людьми градскими (1096), между которыми упоминаются люди «лепшие», лучшие (1141, 1156).

В городах упоминаются торговища (1067).

Погреб, поруб — общественная темница.

«Селитьба», ближайшее к городу населенное место, называлась предгородьем.

Города окружались валами, которые назывались также «спами, приспами, переспами». При валах выкапывались рвы. Греблею называлась дорога через ров и сам ров. Гатью — искусственная дорога через реку. О мосте искусственном первое известие — через Днепр, в Киеве — устроил Владимир Мономах (1115).

ТОРГОВЛЯ, КУНЫ (ДЕНЬГИ)

Русская торговля, в продолжение норманнского периода, т. е. в IX, X и начале XI столетия, как мы видели, была очень обширна, производилась между отдаленными странами — Самаркандом, Бухарой, Бактрией, Каспийским морем, Волгой, Уральскими горами, Скандинавией, Германией и Грецией. Русские торговали с арабами, хозарами, болгарами, весью, югрой, норманнами, немцами, греками.

Во второй половине XI столетия, в XII и в начале XIII, то есть в продолжение удельного периода, до нашествия татар, русская торговля несколько стеснялась в своих пределах, потому что арабы перестали под конец ездить на Север, вследствие каких-то малоизвестных переворотов на их Востоке, козары в устьях Волги были совершенно поражены, болгаре ослабли; но она была еще очень

значительна и увеличилась внутри, а также вскоре и на Севере, со вновь образовавшейся Ганзой. Живое торговое движение ясно примечается в летописях, как ни разбросаны мелкие известия. Киевские купцы ездили в Крым, Грецию и Константинополь, к половцам и в страну Залесскую или Суздальскую. Новгородские плавали по Балтийскому морю, торговали в Дании и Готланде, ходили за Урал и рассыпались по всей Русской земле, в Киеве и Смоленске, Чернигове, Переяславле и Владимире. Смольняне, полочане, видбляне торговали с Ригой и немцами. Латины приходили в Киев, Владимир, в землю Болгарскую. Жиды принимали деятельное участие в этой торговле, живя в Киеве, и, вероятно, в других городах. Немцы приезжали из внутренней Германии, галичане с солью от Карпатских гор, дунайские болгаре сообщались между собой и Русью. Норманны не забывали еще своего Austurvigi, Константинополя и древней Биармии, которую ограбили особенно в 1222 году.

Средоточием греческой торговли был Киев. Средоточием северной торговли был Новгород.

О торговле киевской в продолжение как норманнского, так и удельного периода, свидетельствуют писатели — греческие (Константин Багрянородный, около 930, Зонара, 1118), северные (Адам Бременский, до 1076, Саксон Грамматик, ум. 1201), немецкие (Дитмар, около 1020) и арабские (вновь найденные: Ибн Хордадбег, во второй половине IX века, Ибн Даста, около 913, Ибн Фоцлан, 922, Ибн Гаукал, после 973, Якут, 1178–1229).

Киевская торговля с Грецией в продолжение удельного периода, до татар, была так велика, и предмет ее был так важен для князей, что они иногда вынуждены были брать на себя сами, сообща, обязанность провожать купцов, торговавших с Грецией, охраняя обозы от нападения хищных племен, кочевавших по их пути.

Купцы, торговавшие с Грецией, назывались гречниками. Гречники — это, без всякого сомнения, северные Griskir, Grickir, как назывались норманны, ездившие в Грецию. Название их перешло после и к нашим киевским купцам, торговавшим с Грецией.

Первое известие о греческих купцах встречается под 1084 годом: Давыд Игоревич, младший внук Ярослава, один из князей, наиболее буйствовавших в это время, захватил в Олешье (ныне Алешки, город Екатеринославской губернии) гречников, т. е. купцов, торговавших с Грецией, и отнял у них много товара.

Под 1167 г. встречается известие еще любопытнее: Киевская летопись говорит, что половцы, услышав о несогласиях князей русских между собой, начали «пакостити» гречникам. Значит, что князья, в мирное время, не допускали половцев причинять вреда купцам. И в этом году, впрочем, великий князь киевский Ростислав, внук Мономаха, послал рать для «возведения» гречников, т. е. для сопровождения их вверх по Днепру.

Но самое важное место о греческих купцах находится под следующим, 1168 годом: тогда Ростислав снарядил целую многочисленную экспедицию для охраны греческих купцов из Владимира, Луцка, Бужска, Дорогобужа, Овруча, Городна, Галича и др.

Одиннадцать князей со всей Руси, даже отдаленная галицкая помощь, оказались нужными для охраны купцов из Греции. Больших ополчений не бывало и для наступательной войны с половцами. Не ясно ли из этого следует, что обозы были огромные, и что польза от торговли простиралась на всю Русь, которая принимала в ней деятельное участие, так что князья, из самых отдаленных стран, считали своей обязанностью, для собственных своих выгод, ей покровительствовать. Заметим еще выражение в пользу нашего заключения о многочисленности купцов и товаров: князья стояли долгое время, пока «не взошли гречник и залозник»; следовательно, долгое время восходили купцы; следовательно, их было очень много. Далее: не может быть, чтобы это случилось только в одном году; следовательно, торговое сообщение было обыкновенное, как оно было «обыкновенно» в норманнском периоде, и только в летопись оно попало под этим годом, по особенному случаю, равно как и следующее под 1170 г., когда великий князь Мстислав Изяславич созвал также князей почти со всей Южной Руси и «возбудил» их против половцев именно потому, что последние «изотымали» у Руси пути: Греческий (т. е. Днепр), Соляный (т. е. тот, по которому русские промышленники ездили за солью в Крым, по свидетельству Рубруквиса) и Залозный.

«Река (Мстислав Изяславич) тако: „братье! пожальтеси о Русской земли и о своей отцине и дедине, оже несуть хрестьяны на всяко лето у веже свои, а с нами роту взимаюче, всегда переступаюче; а уже у нас и Гречьский путь изотимають, и Соляный, и Залозный, а лепо ны было, братье, възряче на Божию помочь… поискати отец своих и дед своих пути и своей чести. И угодна бысть речь его преже Богу, и всее

братье, и мужем их. И рекоша ему братья вся: Бог ти, брате, помози в том, оже ти Бог вложил таку мысль в сердце, а нам дай Бог за крестьяны и за Русскую землю головы свое сложити, и к мучеником причтеном быти“» и пр.

Вот и второе ополчение, столь же многочисленное, как и Ростиславово, через короткое время после того.

Поход был очень успешен, и князья вернулись с добычей и славой. Но вследствие этого похода они сочли за необходимое принять новые сильные меры для охраны гречников в следующем году. Опять собрались они из Киева, Вышгорода, Луцка, Дорогобужа, Овруча, Турова и пошли в Канев.

«…И потом по мале посла Мьстислав по братью свою, и съвкупишася вся братья у него Киеве: Ярослав из Лучьска, Володимир Андреевич из Дорогобужа, Рюрик из Вручего, Давыд из Вышегорода, а Гюргевич Иван из Турова. И нача молвити Мьстислав братьи своей: се, братье, Половцем есме много зла створили, веже их поимали есмы, дети их поимали есмы, и стада, и скот, а тем всяко пакостити Гречнику нашему и Залознику; а быхом въшли противу Гречнику. И люба бысть речь всее братье, и рекоша ему братья: тако буди, то есть нам на честь и всее Рускей земли — и шедше сташа у Канева».

Под Каневым обыкновенно князья стерегли землю Русскую от нападений половцев, например, в 1192 году: «Князь Святослав со сватом своим с Рюриком совокупившеся с братьею, и стояше у Канева все лето стерегучи земли Русские».

Эти известия наших летописей разительно поясняются и подтверждаются известиями арабских писателей, например, Ибн Хордадбехом, который у нас был мало известен, обнародованный после книги Френа; он жил во второй половине IX века. Вот его слова: «Что касается до Русских купцов, принадлежащих к Славянам, то они из отдаленнейших стран Славянских привозят бобровые меха, меха черных лисиц и мечи к берегу Румского моря, то есть Черного, где оно касается Византийского государства, и к морю около Константинополя. Там дают они десятую часть Византийскому Императору».

Вот они, наши гречники!

«Иногда они на кораблях ходят по реке Славян (то есть Волге) и проезжают по заливу Хазарской столицы (Итиля), где платят десятую часть тамошнему Царю. Оттуда отправляются они в Каспийское море

и выходят на берег, где им угодно. Иногда они возят свой товар на верблюдах до Багдада». В Булгаре, как и в Итиле, русские купцы имели целые слободы и складочные амбары, живя там подолгу.

О вывозе мехов русскими в другие страны повторяют писатели X века: неизвестный сочинитель Книги стран, Массуди, Истахри; в XI в. Мукаддези, в XII Идризи, и другие. Согласно с этими древними известиями, позднейший писатель Ибн аль-Атир (ум. в 1233 г.) говорит, что после поражения русских и половцев монголами в 1224 году, «соединились многие из важнейших купцов Русских и богачей (в Корсуне), нагрузили, что имели ценного, и отправились морем в земли мусульманские на нескольких судах; но когда они приближались к пристани, к которой шли (вероятно, Синопу), одно судно разбилось, а люди спаслись… остальные суда уцелели. Об этом и рассказывали бывшие на них люди».

У Ибн аль-Атира есть темное известие о русских купцах в Таврисе.

Первые западные путешественники к татарам свидетельствуют то же:

Плано-Карпини (1246) встречает русских в Орне или нынешнем Азове.

По словам Рубруквиса (1233) русские торговцы приезжали в Судак или Сурож в крытых телегах, запряженных волами, меняли меха на шелковые и бумажные ткани и пряные коренья. В Крым за солью приезжали со всех концов России (это нынешние чумаки). За воз соли давались две бумажные ткани, стоившие половину константинопольского червонца.

Киевляне торговали также с половцами.

Еще митрополит Иоанн (1080–1089) в своем церковном правиле доказывает всякому гостю или купцу, сколь грешно торговать крещеными рабами в земле язычников половцев, даже ездить туда, и для выгод сребролюбия осквернять нечистыми яствами.

От половцев, как прежде печенегов, получали лошадей, овец, рогатый скот.

Под 1184 г. находим мы известие в Киевской летописи, что русские князья, в походе своем против половцев, встретили гостей или купцов, шедших из земли Половецкой, которые доставили им сведения о местах, где тогда кочевали половцы, а именно по реке Хоролу.

О торговле солью из Галича есть известие у Нестора в житии Св.

Феодосия: «Егда же Святополк с Давыдом Игоревичем рать зачаста за Василькову слепоту… не пустиша купцев ко Киеву от Галича и Перемышля, и не бысть соли во всей Российской земли».

Когда, по словам Патерика, Прохор, чудотворец Печерский, раздавал пепел вместо соли, «вздвижеся зависть от продающих соль, и створися им неполучение хотения своего: мневшеся в ты дни всего мира богатство приобрести в соли; и сеже бысть им тщина велия, иже прежде драго ценяще, по две головажни на куну, ныне же и по 10 не брегоме».

В 1164 г. «пойде вода из Днестра велика в болонье, и взиде оли до Выковаго болота, и потони человек более 300, - иже бяху пошли с солью из Удеча».

Из наших городов видим мы киевских купцов только во Владимире Залесском, как свидетельствует Суздальская летопись под 1173 г., и то совершенно случайно.

Как киевские купцы ездили по другим городам, так новгородские и прочие приезжали в Киев.

Наконец, кроме домашних купцов, жили в Киеве и иноземные, латинские или немецкие, что всего яснее видно из следующего места в летописи:

В 1174 г. Ярослав луцкий, подозревая киевлян в измене, будто они навели на него Святослава Всеволодовича черниговского, «попродал (обложил контрибуцией) весь Киев, игуменов и попов, чернцов и черниц, Латину, и гостей, и затворы, и всех киевлян». Под затворами нельзя разуметь ничего, кроме магазинов, амбаров. (Затворами назывались иногда монастыри, но здесь местом, которое занимает это слово — между Латинами, гостями и киевлянами, уже после духовенства, исключается последнее значение).

Еще лучшее свидетельство о пребывании иностранных купцов в Киеве сохранилось в Новгородской летописи, что весьма замечательно, указывая именно на торговое сообщение (известие принесено было, вероятно, в Новгород из Киева новгородскими купцами), а именно под 1203 годом: половцы, взяв Киев, дали жизнь иноземцам всякого языка, затворившимся в церквях, разделив товары с ними пополам. («1203, января 1 дня, Рюрик с Ольговици и с погаными Половци… взяша град Кыев на щит… а что гости иноземьця всякаго языка, затворишася в цьрквах, и въдаша им живот, а товар с ними разделиша наполы»).

Свидетельства наших летописей подтверждаются словами

современника Нестора, польского летописца Мартина Галла, который так выражается (в предисловии) о своем отечестве: «Польша делалась известною преимущественно только потому, что через нее проезжали иностранные купцы в Русь».

Из немецких грамот мы узнаем, что Регенсбург в XII веке, случалось, имел в Киеве свои торговые дома, и что через Енс (?) и Вену отправлялись регенсбургские торговцы в Киев за покупкой меховых товаров. Они (Ruzarii — купцы, торговавшие с Русью, как наши гречники торговали с Грецией?) платили подать при отъезде и по возвращении в отечество.

В начале X столетия русские купцы приходили со своими телегами через Богемию на берега Дуная, продавать баварцам лошадей и невольников.

В 1027 году поляки с русскими доходили до Сицилии.

Жиды имели особую улицу в Киеве и отличались, видно, богатством, потому что при смерти Святополка в 1113 г. киевляне бросились грабить жидов.

1124 г. «Погоре гора… и Жидове».

Жидовские ворота упоминаются под 1151 годом.

Переходим к Новгороду.

Новгород и его область, сырая, болотистая, бесплодная, не изобиловала никакими естественными продуктами, напротив, она чувствовала недостаток в главнейших потребностях. Но новгородцы были посредниками всей русской торговли с Севером и Германией. Они сами ездили за море:

1130 г. «Идуце из замория с Гот (из-за моря с острова Готланда), потопи лодей семь, и сами истопоша и товар, а друзии вылезоша, но нази, и в доми придоша здорови».

В 1134 году новгородские купцы были посажены под стражу в Дании.

В 1142 году шведский король, на 60 шнеках, напал на новгородцев, возвращавшихся в трех ладьях из-за моря, но не успел ничего, потеряв даже полтораста человек в сражении и три шнека. (Ладьи новгородские, видно, были очень велики, если они могли бороться с 60 шнеками, и, побив 150 человек, отойти безопасно).

В 1188 году у новгородцев была серьезная ссора с варягами, т. е. со скандинавами, которые заточили их купцов на острове Готланде. Новгородцы, по праву мщения, поступили, кажется, так же с их купцами у себя и в Торжке, и хотя отпустили их на другой год, но не

позволили своим купцам ехать за море, ни отправили послов.

Иностранные купцы приезжали в Новгород, жили там постоянно, имели свой двор и церковь. В Ярославовом уставе о мостовых упоминается о целом участке, заселенном немцами.

Св. Антоний Римлянин (1106 г.) нашел в Новгороде «человека Греческия земли гостьбу деюща… иже умеяше Греческим, Римским и Русским языком».

1128 г. матери отдавали иностранным гостям в крепость детей во время голода. «Отец и мати чадо свое всажаше в лодью даром гостем».

1152 г. сгорела Варяжская церковь.

1156 г. «Поставиша заморьстии (купцы) церковь святыя Пятнице на търговищи».

1201 г. «Варягы пустиша без мира за море… на осень придоша Варязи горою (вот, следовательно, и сухопутное сообщение) на мир, и даша им мир, на всей воли своей».

1207 г. «Съвьршиша цьрковь святыя Пятниця заморьскии (купцы)».

1217 г. «В Варязьской божници изгоре товар весь Варязьскый без числа».

1230 г. «Купляхом по гривне хлеб и по болшю, а ржи 4 часть кади… по гривне серебра, и даяху отци и матери дети свое одьрень, из хлеба, гостем».

1231 г. «Прибегоша Немьци из заморя с житом и с мукою».

Наши свидетельства о торговле новгородской с Севером подтверждаются иностранными. Исландские саги наполнены ими. Адам Бременский свидетельствует, что датчане в его время приезжали в Новгород в 4 недели, а от устья Одера совершали туда путь обыкновенно в 43 дня. Город Волин XI века называет он величайшим из городов европейских и знаменитейшим сборным местом для варваров и греков окрестных, то есть наших гречников.

В 1157 году Свенд, король датский, при осаде Шлезвига захватил русские купеческие корабли, и товары, на них взятые, роздал своим ратникам вместо жалованья.

В 1158 г. бременские купцы явились в устье Двины и начали с тех пор постоянно торговать с ливами и русскими.

1161–1180 из заключения древнейшей Новогородской Скры видно, что с Русью торговали, между прочими городами, Сест, Дортмунд и Любек.

В грамоте епископа кельнского Рейнольда (1165 г. августа 31) есть известие, что жители городка Медебаха в Вестфалии торговали с Русью.

В 1187 г. император Фридрих грамотой, данной городу Любеку, освободил от пошлин руссов, готов, норманнов и других восточных обитателей, приходивших для торговли.

Торговые сношения Новгорода с немецкими землями были так значительны, обширны и постоянны, что очень рано оказалось нужным постановлять правила и обязываться в их исполнении. Около 1199 года заключен новгородцами торговый договор с немцами следующего содержания, со ссылкой на старый мир:

Я, князь Ярослав Владимирович, рассудив с посадником Мирошкою, с тысяцким Яковом и со всеми новгородцами, подтвердим старый договор с послом Арбудом, со всеми немцами и готами, со всем латинским языком.

Посылаю посла своего Григу со следующими условиями:

1. Ходить новгородскому послу и всякому новгородцу в мирное время в Немецкую землю и на Готский берег, — также и немцам, готам, ходить в Новгород, — без всяких притеснений и обид.

2. Если случится суд (раздор) новгородскому князю в Новгороде или немецкому в немцах, то гостю идти домой без притеснения; в случае раздора, с новым князем имеет быть подтвержден тот же мир.

Статьи 3-11, см. ниже в разделе о торговле.

12. Если случится тяжба у новгородца в немцах или у немчина в Новгороде, то задержки не делать (тяжущимся) придти, на другое лето. В случае неудовлетворения, по объявлении князю и людям взять свое у гостя (?), если тябжа случится в Новгороде.

13. Если тяжба случится в ином месте, в других русских городах, то там и спрашивать своего решения; в Новгороде искать нечего. Тяжба в городах, немчин и новгородцы свободны.

14. Если кто, пришед в своей (?) немецкой ладье домой (?), не пойдет опять в ней сам, то поручает кормнику.

15. Немчина не сажать в тюрьме в Новгороде, ни новгородца в немцах, но взыскивать свое с виноватого (?).

По основании Риги в 1201 г., и по окончательном водворении немцев в устье Западной Двины, торговые сношения распространились еще более: в летописи Ливонской встречается о них много сведений.

1204. Датский король Вальдемар подтвердил грамоту Фридриха

I.

1210. Рыцарь Арнольд ездил в Полоцк и упросил полоцкого князя позволить латинским купцам торговлю по-прежнему.

В 1212 г. рижский епископ заключил торговый договор с полоцким князем при посредстве Владимира псковского, и вместе оборонительный против литовцев.

1213. Гроссмейстер Волквин провожал купцов вниз по Двине.

В 1228 году заключен обширный торговый договор смоленского князя Мстислава Давыдовича с Ригой и Готским берегом (см. ниже).

Касвини, писатель XIV века, нашедший в Майнце много восточных монет, удивляется, что здесь, на отдаленном западе, встречаются в огромном количестве пряные коренья, свойственные лишь крайнему Востоку, — перец, имбирь, гвоздика, нард, кост, галанга, которые вывозятся из Индии. Эти произведения привозились на Запад через Россию еще в XI веке.

Переходим к внутренней торговле Новгорода.

Новгородцы после древних, вероятных, своих поселений в Бежецке, Волоке Ламском, Торжке, Ростове, Муроме, Белозерске, селились с торговыми целями по рекам Ваге, Северной Двине, Пинеге, Мезени, Печере, даже до Оби.

Под 1096 г. помещен в Новгородской летописи рассказ о самом дальнем северо-востоке: «Четыре года тому назад вот что я слышал от Юряты Роговича Новогородца, говорит вводный свидетель: я посылал отрока своего в Печеру, к людям, дающим дань Новугороду. Из Печеры отрок мой ходил в Югру. Югра — народ немой, сидит на границе с Самоядью, в полуночных странах. Они рассказывали моему отроку о случившемся за три пред тем года: за лукою моря есть горы, путь к ним непроходим — пропастями, снегом и лесом, высота им яко до небесе, и в горах тех клич велик и говор, и секут гору хотяще высечися, и в горе той просечено оконце мало. Оттуда говорят они, но нельзя понять что; они показывают на железо, давая знаки рукою, прося железа. За нож или секиру, кто даст им, они платят мехами. Мудрено доходить до тех мест, а есть еще и дальше на север поселения».

Под 1114 годом есть еще воспоминание, переданное летописцу ладожанами, «что мужи старые ходили за Югру и за Самоядь», рассказывая многое удивительное о тамошних странах.

В 1193 г. новгородцы ходили войной на югру, которая, желая спасти свой город от осады, прислала сказать им, «яко копим сребро

и соболи, и ина узорочья, а не губите своих смерд и своей дани».

Новгородцы получали оттуда меха, морских птиц, моржовое сало, клыки и доставляли преимущественно железные изделия. Новгородские купцы ездили в Киевское княжество. Это мы видим из того, что в 1161 году великий князь киевский Ростислав, рассердясь на новгородцев, велел перехватить их купцов, что были в Киеве, и посадить в погреб, где их в одну ночь умерло 14 человек, а остальные разосланы были после по городам.

Новгородцы торговали с Черниговом, что видно из предложения князя Михаила черниговского принимать к себе их купцов.

1225. «Кн. Михаил рече Новгородьчем: не хочу у вас княжити, иду Цьрнигову, гость ко мне пускайте, а яко земля ваша, тако земля моя».

В Суздальском княжестве бывало их множество, и беспрестанно встречаются в летописях известия, что князья, по неудовольствиям с Новым городом, захватывают их купцов и не пускают к ним хлеба — самое действенное средство против Новгорода:

1141. (в Суздальской летописи) «Новгородци не стерпяче без князя седети, и ни жито к ним не идяше ни отколеже, — и емлюще метахуть и в погреб».

1148. «Ходи архиепископ Нифонт… и прият и с любовию Гюрги… и Новотържце все выпроси, и гость весь цел».

О количестве новгородских купцов лучше всего мы можем судить по известию о том, сколько князь Ярослав, который был после великим князем владимирским — поссорясь с ними, захватил в Торжке в 1213 г. мужей новгородских и купцов — более двух тысяч. Каково количество, большую часть которого составляли, без сомнения, купцы! «Ярослав… гость Новъгородьскый всь прия (в Торжке)… Посла князь Мьстислав (сказать ему): мужь мои и гость пусти… Князь же Ярослав того не улюбил… а Новгородце съзва на поле за Тържьк… вьси мужи и гостьбици, изъимав я вся, посла исковав по своим городом, а товары их раздая и коне; а бяше всех Новгородьць боле 2000».

О пребывании новгородских купцов в Переяславле (Залесском) находим известие в истории того же Ярослава; он перехватил там новгородских купцов в 1216 г.: «Ярослав (разбитый Мстиславом), въбег в Переяславль и изыма Новогородцы и Смолняны, иже бяху зашли гостьбою в землю его, повеле в погребы вметати их, что есть Новогородцев, а иных в гридницу, и ту ся изодхоша, а иных повеле

затворити в тесне избе, и издуши их полтораста, а Смолнян 13 муж затвориша кроме, те же быша все живы».

«Мстислав поиде к Переяславлю… пояли что живых Новгородьць, и что было с Ярославом в пълку».

Из грамоты новгородского князя Всеволода Мстиславича (1136) мы узнаем об одной важной отрасли новгородской торговли, а именно о воске. «Даю Св. Великому Иоанну от своего велико имения на строение церкви во веки вес вощаный».

Соорудив каменную церковь во имя Св. Иоанна Предтечи на Петрятине дворище, что на Опоках, и предназначив ей быть соборною, княжескою, он хотел обеспечить содержание как самой церкви, так и ее причта на будущее время. С этой целью он, применительно к уставу Св. Владимира, предоставлявшему духовному ведомству наблюдение за торговыми мерами и весами, дал означенной церкви право держать в притворе весы, взвешивать на них воск, и, вероятно, некоторые другие товары, и за то брать с торговцев весчие пошлины. Мера пошлин была назначена различная: одна с гостей низовских, другая с полоцких и смоленских, и еще иная с новоторжцев и новгородцев. Для производства торга отведено было вокруг церкви Св. Иоанна Предтечи определенное пространство земли, где места отдаваемы были на откуп и плата за них шла в церковь Св. Иоанна. Наконец, за право торговать здесь, или, точнее, включиться в постоянное «купечество Ивановское», желавшие должны были вносить известную сумму, 30 гривен серебра, из которой часть отделялась в казну той же церкви.

Вот древнейшие следы русского обычая действовать сообща, общинами, артелями.[3]

(Монастырские общины и братчины представляют соответственное явление).

Чтобы смотреть за правильностью весов, собирать разные подати в пользу церкви, хранить и употреблять их соответственно назначению, князь поставил ей трех старост от житых людей, одного тысяцкого от черных и двух старост от купцов и повелел «ни во что Ивановское» не вмешиваться ни посаднику, ни боярам новгородским, ни самому владыке. Из доходов церкви положено было ежегодное жалованье: священникам, закону, сторожам. Из тех же доходов

---

[3] Намек на них встречается еще в следующем несколько позднейшем известии летописи под 1342 г. Новгородцы отправились спешно к Пскову на помощь, «обчины все попечатав».

ежегодно отпускаема была значительная сумма для храмового праздника Св. Иоанна Предтечи на свечи и другие издержки.

«А в Торжку, князь продолжает, даю пуд вощаный, половина Св. Спасу, а половина Св. Великому Иоанну на Петрятино дворище». Отсюда можно заключить, что и в других местах, кроме Новгорода, были церкви, например, в Торжке — Спасская, которые пользовались жалованьем княжеским. Так и Андрей Боголюбский предоставил Владимирскому собору десятой торг.

Иногородние купцы в Новгороде назывались гостями.

По Всеволодовой грамоте мы видим низовских, смоленских, полоцких, новоторжских гостей, также тверских, бежецких, деревских с Помостья (т. е. с живших по реке Мсте).

Новгородские купцы принадлежали к числу почетнейших граждан, ходили послами и участвовали в войнах, условиях с князьями.

1137. «Имаше (на приятелях кн. Всеволода Мстиславича из бояр) с полуторы тысяцы гривен, и даша купцем крутитися на войну».

1166. «Приде Ростислав из Кыева и позва Новгородьце на поряд: огнищане, гридь, купьце вячьшее».

1193. «Идоша с князем Ярославом огнищане, и гридьба, и купци» (на Чернигов), по вызову великого князя суздальского Всеволода.

Кроме Новгорода производили торговлю псковичи, новоторжцы, ладожане, рушане, как видно из некоторых выше и ниже предложенных мест, а именно: Ярослав в 1232 г. не пустил в Псков купцов с солью.

В 1234 г. Литва нападала на Русу, в которой отбивались купцы.

О смоленских купцах в Переяславле и встречается известие в летописи по тому поводу, что Ярослав Всеволодович, после поражения под Липицами, захватил их вместе с новгородцами, пятнадцать человек; они были заключены особо и остались в живых.

В ливонских летописях есть известие, что в 1210 году некто Лудольф из Смоленска был послан в Ригу полоцким князем к епископу Альберту для переговоров о мире: без сомнения, это был купец, проживавший в Смоленске.

О торговле Смоленска, вместе с Полоцком и Витебском, сохранилось в Рижском архиве драгоценное подлинное свидетельство — договор смоленского князя Мстислава Давыдовича с Ригой и Готским берегом, 1228 года. Пропади этот документ, что знали бы мы из наших летописей о торговле Смоленска? Решительно ничего. А

между тем, она была так обширна и велика, что для содержания ее в законных пределах потребовалось определить множество частностей, доказывающих самое живое и частое сообщение. Мы узнаем теперь, что смоленских купцов бывало множество в Немецкой земле; что немецких купцов бывало множество в Смоленске; что немецкие купцы имели в Смоленске церковь и ездили из Смоленска и в другие города, что Полоцк и Витебск производили такую же торговлю с немцами, как и Смоленск, и что Двина по всему своему течению была свободна. Предлагаем полный текст договора:

«Князь Мстислав Давыдовиць послал свои мужи, Еремея попа, Пантелея Сотьского, от Смольнян в Ригу, и из Ригы на Готьскый берег, утверживати мир, а розлюбье на сторону отверечи, которое было межи Немци и Смольняны; а за тот мир страдал (старался) Рулф из Кашля (Касселя) и Тумаш Михайлович, абы добросердье межь их было, абы Рускым купцем в Ризе и на Готьском березе, а Немечкым купцем в Смоленьской волости любо было, как мир утвержен, и добросердье абы в векы стояло, и князю любо бы и всим Смолняном и Рижаном и всим Немчем, по Восточному морю ходящим, оже такую правду въпсали, которою правдою быти Русину в Ризе и на Готьском березе, а быша тоя правды держали и в векы.

Бог того не дай, оже розбои по грехом пригодитьсь межи Немци и Руси, что за что платити, абы мир не раздрушен, абы Немчицю любо было. А се починок правде.

Первые 13 статей, относящихся к праву, см. выше, в разделе о законах.

14. А како услышить Волоскый тиун, еже гость Немечкый приехал в Смолняны на Волок, послати ему своего человека вборзе к Волочаном, ать перевезуть Немечкый гость с товаром; а никтожь иметь им пакостити, занеже в той пакости велика пагуба бываеть Смолняном от поганых. И Немцем метати жеребьи, кому пойти наперед. Аще иный гость будеть Рускый, тому пойти позади.

15. А како будеть гость Немечкый в городе, дати им Княгини постав частины, а тивуну Волочному рукавичь перьстатый Готьскый (рукавицы с перстами или перчатки).

16. А который Волочанин вскладываеть товар Немечкый или Смоленскый на кола своя черес Волок везти, а что погынеть того товара, всим Волочаном платити. Таже правда буди Русину и на Готьском березе.

17. А како будеть Немечкый гость в Смоленьске городе, тако ему

продати свой товар безо всякия борони (препятствия); а како будеть Рускый гость в Ризе и на Готьском березе, вольножь ему продати безо всякой борони.

18. Аще который Немчиць хочеть пойти с своим товаром в иный город, князю не боронити, ни Смолняном; или который Русин всхочеть с Готьскаго берега в Немечкую землю в Любок (Любек), Немцем не боронити пути того.

19. Аще который Русин возмет товар у Немчица, а понесеть товар из двора, тый товар не ворочаеться; или который товар купил у Русина, и понесеть из двора, тый товар не ворочаеться.

20. Русину же не лзе позвати на опций (общий) суд, развее на Смоленскаго князя; аже возлюбить Немчиць на опьчий суд, то его воля. А Немцичю не лзе позвати Русина в Риге или на Готьском береге на опьчий суд: всхочеть ли Русин на опчий суд, то его воля.

21. Русину же не лзе приставити Дечкаго (детского, отрока, военного пристава), к Немчицю в Смоленьске, но преже обвестить старейшему их: оже старейшина его не умолвить, то лзе ему приставити. Такоже и Нъмчицю в Риге и на Готьском березе, не лзе ему приставити детьского.

22. Оже будеть Русину товар имати на Немчичи или в Риге, или на Готьском березе, в котором городе в ином Немечком: пойти истьцю к истьчю, и взяти ему тая правда, которая в том городе; а рубежа (лишения) им не деяти; а Немчицю таже правда взяти в Руси.

23. А Немчичю платити весцю от двою капью (с 24 пуд) куна Смоленьская.

24. Оже купити Немцичю гривну золота, дати ему ногата весцю, или продасть, не дати ему ни векши.

25. Или который Немцичь купить суд (сосуд) серебряный, дати ему от гривне куна весцю, или продасть, не дати ему ни векши.

26. Аще купить Немцичь гривну серебра, дати весцю 2 векши, или продасть, не дати ему.

27. Оже Немчин дасть серебро платить, дати ему куна Смоленьская гривень (с гривны).

28. Аще вощный пуд (вощаной вес или 12 пуд) исказиться, дожить капь во святий Богородици на горе, а другая в Ньмечкой Богородици: то тыи пуд изверяче, право учинити. Та же правда буди Русину в Ризе и на Готьском березе.

29. Немчичю же всякой товар вольно купити без борони в Смоленске, такоже и Русину вольно купити всякый товар без борони

в Ризе и на Готьском березе.

30. Немчичю же не надобе никое мыто из Смоленьска до Риге, а из Ригы до Смоленьска; такоже и Русину не надобе мыто с Готьскаго берега и до Риге, а из Риги до Смоленьска.

31. Аще Смоленьскый князь пойдеть на войну, не надобе ему (Немцу) ехати; оже всхоцеть с князем, то своя ему воля; такоже буди и Русину воля в Ризе и на Готьском березе.

32. Аже Русин или Немчичь иметь татя у своего товара, в том его воля, что хочеть учинити.

33. Русину же не дати пересуда (судной пошлины) ни в Риге, ни на Готьском береге, ни Немчичю же платити пересуда в Смоленьске, или у князя, или у тиуна, или урядили будут добрии мужи; боле же того не поимати ни в Риге, ни на Готьском березе. Таже правда буди Немечкому гостю в Смоленьске.

34. А пуд (вес) дали Немчи Волочаном, иже им товар возити всякому гостю, и коли исказиться, а подруг (такой же) его лежить в Немечькой божнице, а другый ковати изверивше тими.

35. Епископ же Рижьскый, Фолкун Мастер Божиих Дворян (Рыцарей Христовых), и вси волостели по Рижеской земли дали Двину волену от устья до верху по воде, и по берегу, всякому гостю Рижьскому и Немечькому ходящим вниз и верх. Бог того не дай, аще кого притца прииметь, или ладья уразиться Руская, или Немечькая, вольно ему свой товар привезти к берегу без всякой борони. Аще будеть в пособление людей мало будеть, а к тому принаймати людий в помощь; то, что будеть сулил найма, через то боле не взяти. Таже правда буди Русину в Ризе и на Готьском березе, и Немчицю в Смоленьской волости, и в Полтьской, и в Витебьской.

А си грамота написана бысть при попе Иване и при мастере Фулкине и при Рижских мужех, и при многых купчех Рижьскаго царства, еже есть тех печать на сей грамоте. А се суть сему послуси (свидетели): Регембод, Тетарт, Адам, горожане на Готьском березе; Мемебер, Вередрик Домом из Люпка (Любека); Индрик, Тонлиер: таже суть из Южата (Данцига?); Кондрат кривый, Еган Кинот: ти суть из Мунстера (Минстера). Берник и Фолкирь, ти же суть из Глугли (Гренингена?). Ярем, Брахт: ти же суть из Дротмины (Дортмунда). Индрик, Чижик: ти же из Дрямь (Бремена?). Альбрях Слук, Берняр Велетерь, Алеберь судья Рижский: тоже суть Рижане.

Аще который Русин или Немчиць противитися всхочеть сей правды, да тот противен Богу и сей правде».

Из городов Смоленского княжества известен по торговле Торопец: в летописи еще под 1074 годом упоминается «богатый» купец Торопчанин, который роздал имение свое нуждающимся и постригся в монастыре Феодосиевом, нареченный Исакием.

В былинах поется о Димитрие, богатом госте черниговском.

Что во Владимир Суздальский приходили купцы: греческие, немецкие, киевские и восточные, — о том мы случайно узнаем из причитанья Кузмища Киянина над трупом Андреевым. «Иногда бо аче и гость приходил из Царягорода, и от иных стран из Руской земли, и аче Латинин, и до всего хрестьяньства, и до всея погани…» Андрей всем велел показывать церковные богатства.

О купцах во Владимире, как части заселения городского, есть два места, под годами 1177 и 1206.

Низовые купцы должны были платить в Новгороде от двух берковец вощаных по гривне серебра, да гривну перцу. Перец не откуда было получать низовым купцам, кроме Востока. Следовательно, восточная торговля через Астрахань и Булгар продолжалась еще в XIII веке.

В житии князя Глеба Андреевича (неизвестного по летописям) говорится о множестве иностранных гостей, бывших во Владимире при смерти этого молодого князя.

Иностранные купцы, торгуя с русскими, проезжали через Русскую землю в соседние страны с той же целью, а именно:

В Болгарию, что узнаем мы в известии об умерщвлении в болгарском городе богатого купца, который не хотел там изменить христианству и был замучен.

1229. «Страсть новаго мученика Христова (Аврамия), его же убиша Болгаре в великом граде их; сь бысть иного языка не Русскаго, хрестьян же сы, имеяше именье много, гостешбу дея по градом…» Болгаре принуждали его отречься от христианской веры и умертвили.

Едризи, арабский писатель половины XII века, говорит о продолжавшейся, хотя в меньшем объеме, торговле Итиля.

Норманнов мы видим при взятии Константинополя латинами, которые их выгнали.

1204. «Грекы же Варягы изгнали из града, иже бяхутся остали».

Такова была торговля внутренняя и внешняя Руси в удельном периоде. Она находилась под особым покровительством князей, что видно по летописям и по договорам, и была ограждена законами, очень подробными в Русской Правде, чем и доказывается ее

значительное развитие с кредитом (заимством), процентами (ростом, резами, лихвою), поручениями (комиссиями). Не только деньги давались взаем, но и «жито в присоп, настав в мед, скот в приплод» (см. в Русской Правде). Деньги давались «в куплю и в гостьбу», т. е. в торг домашний и заграничный. Резы, росты (откуда нын. ростовщик) обыкновенные. Против резоимства очень сильно протестовали проповедники.

Церковь также покровительствовала торговле и наблюдала за ее верностью: мерила торговые, например, сказанные в уставе Всеволода Мстиславича скалвы (весы) вощаные, пуды медовые, гривенки рублевые… каждый год взвешивались и т. д.

Киев, Новгород, Смоленск, Полоцк, Витебск, Торопец, Псков, Руса, Ладога, Торжок, Владимир, Переяславль, Чернигов — вот города, о которых положительные известия сохранились в летописях.

Арабские монеты IX–XII ст., находимые во множестве на всем пространстве России (в губерниях: Новгородской, Псковской, Тверской, Минской, Могилевской, Витебской, Смоленской, Московской, Владимирской, Ярославской, Костромской, Тульской, Рязанской, Казанской, Саратовской, Таврической, Вятской, Пермской, Тобольской, Петербургской, Эстляндской, Лифляндской, Курляндской, в Финляндии, а равно и в восточной Швеции, и по всему Балтийскому поморью, и нигде более), свидетельствуют вернее всего и осязательнее об обширности восточной торговли и местах производства. Они находятся в различных количествах, весом от семи пудов, ценой от семи тысяч целковых (близ Великих Лук) до нескольких сот и десятков (древнейшие русские клады). Недавно еще близ Глазова в Вятской губернии найдено 1300 серебряных монет, из которых самые новые принадлежат к 843–844 г. Из Сассанидских монет есть 587 и 619 г. В Муроме в прошлом году найдено до 11 тыс. куфических серебр. монет.

В 1817 году считалось восточных монет в академическом Минц-кабинете до 20 тысяч. Теперь, вероятно, несравненно более. Сколько же их пропало и находится в частных руках!

В Швеции было тогда известно до 6 тысяч.

Русь продавала свои товары в Болгаре и Итиле всегда на чистые деньги, по свидетельству самых арабских писателей Ибн Дасты и Ибн Фоцлана.

Вместе с арабскими монетами, шедшими преимущественно из Мавераннегра (Хивы и Бухары), попадаются древние греческие,

римские, немецкие, англо-саксонские. Восточная торговля, впрочем, значительно уменьшилась в продолжение удельного периода.

Главные предметы заграничной торговли, как на запад, так и на восток, были меха — соболя, горностаи, куницы, песцы, волки, медведи, бобры, зайцы, рыбьи зубы, поташ, воск, мед, лес, кожи (юфть), иногда хлеб; на юг в особенности челядь.

Получались по-прежнему: драгоценные ткани, янтарь, сукна (ипское из Ипра во Фландрии), железные изделия, из Греции церковные принадлежности: иконы, сосуды, мозаика, вина; с востока вина, пряные коренья, благовония.

Из смоленского договора видно, что в Смоленске продавалось и покупалось золото и серебро.

Предметы торговли мы видим во внутреннем обороте, в употреблении, например, в 1148 году:

«Изяслав да дары Ростиславу, что от Рускыи земле и от всих царских земель (т. е. греческих), а Ростислав да дары Изяславу, что от верхних земель и от Варяг (т. е. северных, немецких)».

Что касается до внутренней торговли, — различие в климате и почве земли, обилие тех или других естественных произведений, по местам были причиной происхождения разных отраслей местной промышленности и меновой торговли. Так, например, Новгород (1141) должен был получать хлеб с юга из Суздаля, или даже от немцев, а Суздаль, в случае нужды, от Болгар.

Главные пути — реки: Волга, Ока, Днепр, Дон, Нева, и прочие, между которыми находились волоки. Два волока, между Бабиновичами и Оршей, и Болиголовичами и рекой Уллою, где впоследствии прорыт Березинский канал, почти до нашего времени служили путями торговых сообщений между речными системами Днепра и Двины. На первом из этих волоков найдены в четырех разных местах монеты из Халифата и Парфии, преимущественно VIII века. В одном лишь кладе были сассанидские, X века. Волоки дали имя городам Вышнему Волочку, Волоку Ламскому.

Доставлялись по местам товары и сухим путем: например, из жития Феодосия видим, что он встретил близ Курска обоз, шедший в Киев. Последуя за ним, он достиг Киева через три недели, следовательно, в день делалось верст по 20.

Ибн Гаукал говорит, что из Булгара купцы доходили до Киева через Мордовскую землю.

В городах везде были торговища, т. е. торговые площади

(которые до сих пор сохранились и во всех славянских городах на западе).

В Новгороде искони целая сторона называлась торговой.

В Киеве (1067) «людье Кыевстии…. створиша веча на торговищи».

Изяслав «възгна (1069) торг на гору».

Там же упоминается (1146) Бабин торжок.

Упоминается торговище (1096) в Вздвижени, торг (1234) в Русе.

Смоленский торг упоминается в житии Св. Авраамия.

Пригород новгородский Новый Торг, Торжок, получил свое имя отсюда.

При монастырях, особенно в дни их праздников, происходили торги, подавшие впоследствии повод к учреждению ярмарок.

По одному слову в Русской Правде можно заключить об особых площадях за городами, куда привозились товары: гостинница великая, — если, впрочем, оно не означает большой дороги.

Предметы торговли внутренней, о которых говорится в современных памятниках, например, в Русской Правде: хлеб — рожь, пшеница, пшено, овес, сено, мясо, рыба, соль, воск, мед, лен, дрова, вообще съестные припасы, рогатый скот и все нужное для одежды и обуви. (Затворники печерские плели копытца и клобуки и носили на продажу в город, где покупали жито).

Внутренняя торговля была обложена пошлинами, о которых можем судить по уставу Всеволода.

Одно место и в летописи подтверждает то же: в 1150 году князь Борис Юрьевич вынужден был бежать от Владимирка галицкого, напавшего внезапно на его Белгород. Владимирко захватил бы его самого, говорит летопись Киевская, если бы «мытник» не успел разметать моста. Если был мытник, то было и мыто, пошлина. Селения с именем Мытищи указывают на места собирания древних пошлин, как Исады — древних пристаней, а Волоки древних промежуточных пространств между реками.

Были пошлины на перевозах, на мостах, передмер (с меры, померное), осмничее, весчее (с веса, за вес).

Древняя русская, и по преимуществу новгородская, торговля, воспета в современной былине о богатом купце новгородском Садко, имя которого встречается и в летописи Новгородской под годом 1167: «На весну заложи Садко Сытиниць церковь камяну святую мученику Бориса и Глеба, при князи Святославе Ростиславиче, при

архиепископе Илии».

Жил-был Садко, богатый гость. Все-то у Садка по-небесному: На небе солнце, во тереме солнце, На небе звезды, во тереме звезды, На небе месяц, во тереме месяц, — Все-то у Садка по-небесному.

Потом Садко купец, богатый гость, Зазвал к себе на почестен пир Тыих мужиков Новогородскиих, И тыих настоятелей Новогородских, Фому Назарьева и Луку Зиновьева. Все на пиру наедалися, Все на пиру напивалися, Похвальбами все похвалялися: Иный хвастает бессчетной золотой казной, Другой хвастает силой-удачей молодецкою, Который хвастает добрым конем, Который хвастает славным отечеством, Славным отечеством, молодым молодечеством. Умный хвастает старым батюшкой, Безумный хвастает молодой женой.

Говорят настоятели Новогородские: «Все мы на пиру наедалися, Все на почестном напивалися, Похвальбами все похвалялися. Что же у нас Садко ничем не похвастает, Что у нас Садко ничем не похваляется?»

Говорит Садко купец, богатый гость: «А чем мне, Садку, хвастаться, Чем мне. Садку, похвалятися? У меня ль золота казна не тощится, Цветно платьице не носится, Дружина хоробра не изменяется. А похвастать не похвастать бессчетной золотой казной: На свою бессчетну золоту казну Повыкуплю товары Новогородские, Худые товары и добрые!»

Не успел он слова вымолвить, Как настоятели Новогородские Ударили о велик заклад, О бессчетной золотой казне, О денежках тридцати тысячах: Как выкупить Садку товары Новогородские, Худые товары и добрые, Чтоб в Новеграде товаров в продаже боле не было.

Ставал Садко на другой день раным рано, Будил свою дружину хоробрую, Без счета давал золотой казны, И распущал дружину по улицам торговыим, А сам-то прямо шел в гостинный ряд, Как повыкупил товары Новогородские, Худые товары и добрые На свою бессчетную золоту казну.

На другой день ставал Садко раным рано, Будил свою дружину хоробрую, Без счета давал золотой казны, И распущал дружину по улицам торговыим, А самт-то прямо шел в гостинный ряд: Вдвойне товаров принавезено, Вдвойне товаров принаполнено На тую на славу на великую Новогородскую. Опять выкупал товары Новогородские, Худые товары и добрые, На свою бессчетную золоту

казну.

На третий день ставал Садко раным рано, Будил свою дружину хоробрую, Без счета давал золотой казны, И распущал дружину по улицам торговыим, А сам-то прямо шел в гостинный ряд: Втройне товаров принавезено, Втройне товаров принаполнено, На ту на великую на славу Новогородскую Как тут Садко пораздумался:

«Не выкупить товара со всего бела света:……. Подоспеют товары заморские. Не я, видно, купец богат Новогородский, Побогаче меня славный Новгород». Отдавал он настоятелям Новогородским Денежек он тридцать тысячей.

На свою бессчетную золоту казну Построил Садко тридцать кораблей, Тридцать кораблей, тридцать черленых; Корму он строил по-гусиному, А нос он строил по-орлиному, В очи выкладывал по камешку, По славному камешку по яхонту. На ты на корабли на черленые Свалил товары Новогородские. Поехал Садко по Волхову, Со Волхова во Ладожско, А со Ладожска во Неву реку, А со Невы реки во сине море.

Вспомним: «бе путь из Варяг в Греки, и из Грек по Днепру, и верх Днепра волок до Ловоти, по Ловоти внити в Илмер озеро великое, из него же озера потечет Волхов, и втечет в озеро велико Нево, того озера внидет устье в море Варяжское».

Как поехал он по синю морю, Продавал товары Новогородские, Получал барыши великие, Насыпал бочки сороковки красна золота, чиста серебра, Поезжал назад во Новгород, Поезжал он по синю морю. На синем море сходилась погода сильная, Застоялись черлены корабли на синем море. А волной-то бьет, паруса рвет, Ломает кораблики черленые, А кораблики нейдут с места на синем море. Говорит Садко купец, богатый гость Ко своей дружины ко хоробрыя:

«Ай же ты дружинушка хоробрая! Как мы век по морю ездили, А морскому царю дани не плачивали: Видно, царь морской от нас дани требует, Требует дани во сине море. Ай же братцы, дружина хоробрая! Взимайте бочку сороковку чиста серебра, Спущайте бочку во сине море».

Потом поезжали корабли по синю морю, Полетели как черные вороны. Говорит-промолвится Садко богатый гость: «Это, братцы, жеребья на жеребья! Вырежем-те жеребья из красна золота, Из того из чистого из серебра, А кинем-ка жеребья на верх воды, Нам кому итти да во сине море: Чей жеребей на дно пойдет, Тому итти во сине

море». Вырезали жеребья из красна золота, Из того из чистого из серебра;

Кинули оны жеребья на верх воды: Все-то жеребья пловут на верх воды, — А купца Садко-то на дно идет. Тут Садко купец, богатый гость, Садился на дощечку на дубовую: Пошла тая дощечка во сине море, Приходила дощечка во сине море, Ко царю пришла ко морскому.

Садко приобрел благосклонность морского царя своей игрой на гуслях — это прежде было его ремесло, — и получил себе его дочь в замужество, которая и доставила его в Новгород, а по другому варианту былины он отказался от такой невесты.

Куны (деньги)

Гривна серебра весила фунт или около фунта; в Новгороде соответствовала марке, в Киеве соответствовала литре.

Из гривны или фунта серебра выливалось в Новгороде две гривны кун (денег). В гривне кун (денег) было, следовательно, полфунта или около того.

Вот эти гривны=полуфунты и должно разуметь под гривнами кун, которые упоминаются в новгородских документах, то есть ходячей монетой, и сохраняются в наших минц-кабинетах, весом от 40 до 48 золотников.

Представим теперь таблицу мелких денег, составлявших гривну кун, по Карамзину, и переведем ее только с кожи на серебро по нашему исследованию.

Гривна серебра = фунт сер. = 20 р. с.

Гривна кун = полфун. сер. = 10 р. с.

- = 20 ногат,

- = 25 кун,

- = 50 резаней,

Ногата = 2 1/2 резани — 50 к. с.

Куна = 2 резани — 40 к. с.

Резань =….. - 20 к. с.

Это расчет новгородской гривны кун, денег, ходячей монеты, в полфунта.

Смоленская ходячая монета была вдвое легче: в Мстиславовом (смоленского князя) договоре с Ригой 1228 г. полагалось пени за убийство 10 гривен серебра, считая в гривне серебра по 4 гр. кун. Следовательно, ногата равнялась 25 к. с., куна 20 к. с., резань 10 к. с.

Киевская гривна была средней между новгородской и

смоленской. Она весила треть фунта по следующему положительному показанию в договоре Ольговом: «по Русскому закону», назначена пеня за удар мечом или каким-нибудь сосудом, 3 литр серебра, а в Русской Правде за эту вину назначалось пени 12 гривен: следовательно, 12 гривен равнялись пяти литрам серебра, а в литре было 72 зол., в 3 литрах, следовательно, 360 зол., следовательно, в киевской гривне кун было 30 золотников, каковые мы, говоря вообще, в киевских так называемых гривнах и находим 30–38 золотников.

Следовательно, киевская ногата 40 к. с.

— куна 30 к. с.

— резань 13 к. с.

Из фунта в 96 золотников в Новгороде выливалось две гривны кун, в Киеве почти три, в Смоленске четыре.

Отсюда счет новгородский, киевский, низовый (смоленский, тверской, московский).

Затруднение и замешательство происходит от разных значений гривны, которые нам трудно разобрать, хоть и сами мы теперь употребляем это слово в разных значениях, но общепринятых и потому легко понятных: гривна серебра, гривна меди, гривна ассигнациями суть различные гривны, точно как и рубль серебра, рубль меди, рубль золота, рубль ассигнациями различные рубли; в гривне меди считается 10 копеек, а в гривне серебра 35 и т. п.

Гривны сперва были весовые, потом весовые и денежные, потом одни денежные, которые ценились сперва по весу, а потом и курсу.

Важный вопрос состоит в том, с какого времени начинаются гривны кун, то есть с какого времени появились у нас слитки денежный гривны в 48, 36, 24 зол.?

Ярослав назначил пени за убийство 40 гривен, — должно разуметь не сорок, кажется, гривен весом, то есть не 40 фунтов, а 40 гривен литых, ходячей монетой.

Части гривны кун — ногаты, куны, резани, встречаются в Ярославовой Правде: они были, следовательно, частью гривны кунной, денежной, а не гривны весовой, следовательно, гривны денежные тогда уже существовали.

Вновь найденные в Нежине монеты должны быть киевские резани.

Кожаные деньги могли существовать только по местам, для домашнего обихода, как существовали и существуют в наше время по

местам разные условные знаки. Еще Владимир говорит наемным варягам, требовавшим по две гривны с каждого человека в Киеве: «Пождите, пока куны сберут». Прохожие варяги, разумеется, требовали не кожи, для них никуда не годной, а серебра.

ЦЕНЫ, ПЕНИ

По Правде Ярославичей
(Киевский счет)

В нижеследующих исчислениях, как и выше, принимаются везде круглые числа.

По исследованиям
автора Д. И. Прозоровского
грив. фунт. руб. коп. фунт руб. коп.

За несправедливое убийство огнищанина 80 25 500 — 29 1/6 663 73 1/3
А в подъездном княжи 80 25 500 — 29 1/6 663 73 1/3
За княжеского старосту 80 25 500 — 29 1/6 663 73 1/3
За конюха старого у стада 80 25 500 — 29 1/6 663 73 1/3
За сельского старосту княжего и ратайного 12 4 80 — 4 3/8 99 56
За рядовика княжего 5 1 1/2 30 1 79/96 41 48 1/3
За смерда и холопа 5 1 1/2 30 1 79/96 41 48 1/3
За кормилицу рабу и кормильца 12 4 80 — 4 3/8 99 56
За княжего коня с пятном 3 1 20 — 1 3/32 24 89
За смердьего 2 2/3 15–70 зол. 16 59 1/3
За кобылу 60 рез. — 9–9 96
За вола 1 1/3 7 — 35 зол. 8 29 2/2
За корову 40 рез. — 6–6 64
За третьяка 15 кун. — 4 1/2 — 2 44
За лонщину 1/2 1/6 3 1/2 — 17 1/2 зол. 4 14 5/6
За теля 5 рез. — 75–81 1/3
За яря, барана 1 ног. — 40–41 1/2

По исследованиям
автора Д. И. Прозоровского
грив. фунт. руб. коп. фунт руб. коп.

За уведение чужого холопа, рабы, хозяину 12 4 80 — 4 5/8 99 56
За украденного коня или быка, за окраденную клеть,
с одного 1 30 р. 12–56 зол. 13 27 2/3
Если вдесятером, с каждого (?) по 3 30 р. 12 — 1 5/16 29 87

За княжую борть 3 1 20 — 1 3/32 24 89
За побои смерда, без княжего слова 3 1 20 — 1 3/32 24 89
За огнищанина, тивунина, мечника 12 4 80 — 4 3/8 99 56
За запаханную межу 12 4 80 — 4 3/8 99 56
За украденную ладью 30 р. — 4 1/2 — 4 98
да пени 60 р. — 9–9 96
За голубя и куря 9 к. — 2 70 — 1 49 2/5
За утку, гуся, журавля, лебедя 30 р. — 4 1/2 — 4 98
да пени 60 р. — 9–9 96
За пса, ястреба, сокола 3 1 20 — 1 3/32 24 89
За покраденное сено 9 к. — 2 70 — 1 49 2/5
дрова 9 к. — 2 70 — 1 49 2/5
За украденную овцу, хоть вдесятером, продажи по 60 р. — 9–9 96
Поймавшему 10 р. — 1 1/2 — 1 66
Мечнику из гривны 1 к. — 15–16 2/3
в десятину 15 к. — 4 1/2 — 2 44
князю 3 1 20 — 1 5/32 24 89
Из 12 гривен поимщику 70 к. — 21–11 62
в десятину 2 2/5 15–70 зол. 16 59 1/3
князю 10 4 80 — 3 31/48 82 96 2/3
Баран или полоть ветчины 2р. — 30–33 1/3
Вирнику в неделю 15 к. — 4 1/2 — 2 44
Вирнику (?) 60 20 400 — 21 7/8 497 80
и 10 р. 12 векшей — 2 —
Предварительно ему 1 1/3 7 — 35 зол. 8 29 2/3
За рыбу вирнику 7 р. — 10 5–1 16 2/3
Мостовщикам за работу и за сваи по 1 н. — 40–41 1/2
По Правде распространенной
За убийство мужа или тиуна княжеского 80 25 500 — 29 1/6 663 73 1/3
Вервь платит за убийство, если убийца не найден 80 25 500 — 29 1/6 663 73 1/3
За людина 40 12 1/2 250 — 14 7/12 331 86 2/3
Вирнику 7 вед. солода, барана, или полоть ветчины, или деньгами 2 н. — 80 — 83
Вирнику в сырные и постные дни по 1 к. — 30–16 2/3
А в скоромные 2 курицы на день 1 к. — 30–16 2/3
ему же 8 2 1/3 50 — 2 11/12 66 37 1/3
По исследованиям

автора Д. И. Прозоровского
грив. фунт. руб. коп. фунт руб. коп.
И перекладных 10 к. — 3–1 66 2/3
Метельнику судная 1 1/3 7 — 35 зол. 8 29 2/3
и 12 в.
С виры в 80 г. вирнику 16 5 100 — 5 5/6 132 74 2/3
и 10 к. 2 в.
Предварительно судная 1 1/3 7 — 35 зол. 8 29 2/3
За убийство 3 1 20 — 1 3/32 24 89
За убийство княжего отрока, конюха, повара 40 12 1/3 250 — 14 7/12 331 86 2/3
Тиуна огнищан и тиуна конюшего 80 25 500 — 29 1/6 663 73 1/3
За сельского или ратайного 12 4 80 — 4 3/8 99 56
За рядовича 5 1 1/2 30 — 1 79/96 41 48 1/3
Также и за боярского 5 1 1/2 30 — 1 79/96 41 48 1/3
За убийство ремественника и ремественницы 12 4 80 — 4 3/8 99 56
За смерда и холопа 5 1 1/2 30 — 1 79/96 41 48 1/3
За рабу 6 2 40 — 2 3/16 49 78
За кормильца и кормилицу 12 4 80 — 4 3/8 99 56
При снятии виры отроку г. к. 1 1/3 7 — 35 зол. 8 29 2/3
От обвинителя ему же 1 1/3 7 — 35 зол. 8 29 2/3
В то число помоченого 9 к. — 2 70 — 1 49 2/3
Испытание железом за дело в 1/2 г. — 17 1/2 з. 49 77 7/9
Присяга за дело в 2 г. — 70 зол. 16 59 1/2
За удар мечом и проч. 12 4 80 — 4 3/8 99 56
За обнажение меча г. к. 1 1/3 7 — 35 зол. 8 29 2/3
За удар чем-нибудь 12 4 80 — 4 3/8 99 56
За увечье в казну 20 6 120 — 7 7/24 165 93 1/3
Раненому 10 3 1/2 60 — 3 31/48 82 96 2/5
За палец в казну 3 1 20 — 1 3/32 24 89
Раненому 1 1/3 7 — 35 зол. 8 29 2/3
За побои видимые битому 3 1 20 — 1 3/32 24 89
Без знаков 60 к. — 18 — 9 96
За рану 3 1 20 — 1 3/32 24 89
Раненому и на леченье к. 1 1/3 7 — 35 зол. 8 29 2/3
За толчок или удар жердью 3 1 20 — 1 3/32 24 89
За скрытого челядина продажи 3 1 20 — 1 3/32 24 89
Кто сядет на чужого коня 3 1 20 — 1 3/32 24 89

За утаенного чужого коня 3 1 20 — 1 3/32 24 89
Клетной вор платит 3 1 20 — 1 3/32 24 89
За кражу челядина князю 12 4 80 — 4 3/8 99 56
За убиение вора связанного 12 4 80 — 4 3/8 99 56
Кто крадет скот в хлеве или клети 3 1 20 — 1 3/32 24 89
За кражу на поле по 60 к. — 18 — 9 96
На гумне и т. п. с вора 3 1 20 — 1 3/32 24 89
и 30 к. — 9–4 98
По исследованиям
автора Д. И. Прозоровского
грив. фунт. руб. коп. фунт руб. коп.
За пользование в лето по 1/2 1/6 3 1/2 — 17 1/2 зол. 4 41 5/6
За княжего коня 3 1 20 — 1 3/32 24 89
За простого коня 2 2/3 15–70 зол. 16 59 1/3
За покражу кобылы платят смерды 60 к. — 18 — 9 96
За быка 1 1/3 7 — 35 зол. 8 29 2/3
За корову 40 к. — 12 — 6 64
За трехлетнего быка 30 к. — 9–4 98
За годовика 1/2 1/6 1 1/2 — 17 1/2 зол. 4 41 5/6
За теленка, свинью 5 к. — 1 1/2 — 81 1/3
За поросенка, барана 1 н. — 40–41 1/2
За овцу 5 н. — 2–2 7 1/2
За жеребца неезженного г. к. 1 1/3 7 — 35 зол. 8 29 2/3
За жеребенка 6 н. — 2 1/4 — 2 49
За коровье молоко 6 н. — 2 1/2 — 2 49
Уличенный должник платит пени 3 1 20 — 1 5/32 24 89
По Правде Мономаха
Позволяется брать резу в лето с гр. 10 к. — 3–1 66 2/3
За клок вырванный из бороды 12 4 80 — 4 3/8 99 56
За выбитый зуб, продажи 12 4 80 — 4 3/8 99 56
А за зуб 1 1/3 7 — 35 зол. 8 29 2/3
За украденный борт 12 4 80 — 4 3/8 99 56
За уничтожение межевых и пр. знаков 12 4 80 — 4 3/8 99 56
Сверх того отроку 20 к. и в. 2–6 —
Писцу 10 к. — 3–1 66 2/5
Перекладного 5 к. — 1 1/2 — 81 1/3
За мех 2 н. — 80 — 83
За убийство женщины виноватой 20 6 120 — 7 7/24 165 93 1/3
За убийство холопа князю 12 4 80 — 4 3/8 99 56

Из виры судье 9 к. — 2 70 — 1 49 2/3

Метельнику 9 в.

С бортной земли 30 к. — 9–4 98

С оправданного, судье 4 к. — 1 20–66 2/3

Метельнику 6 в. — —

Детскому за дележ наследства к. 1 1/3 7 — 35 зол. 8 29 2/3

По присяжным делам, от уголовного суда 30 к. — 9–4 98

О бортной и пахатной земле 27 к. — 8–4 40

О свободе 9 к. — 2 70 — 1 49 2/3

Господин платит закупу за удержанное жалование 60 к. — 18 — 9 96

За удержанные деньги, продажи 3 1 20 — 1 3/32 24 89

Продавец закупа за холопа платит продажи 12 4 80 — 4 3/8 99 56

По исследованиям

автора Д. И. Прозоровского

грив. фунт. руб. коп. фунт руб. коп.

Холоп платит за украденную лошадь 2 2/3 15–70 зол. 16 59 1/3

Господин платит за скрытого им холопа, виноватого в побоях вольному мужу 12 4 80 — 4 3/8 99 56

Встреченный после холоп платит за сором к. 1 1/3 7 — 35 зол. 8 29 2/3

За срубленный борт, продажи 3 1 20 — 1 3/32 24 89 2/3

За дерево 1/2 1/6 3 1/2 — 17 1/2 зол. 4 14 5/6

За выдрание пчел 3 1 20 — 1 3/32 24 89 2/3

Если мед не будет вынут 10 к. — 3–1 66 2/3

Если мед будет вынут 5 к. — 1 1/2 — 81 1/3

Смерд платит за побои смерда без княжеского повеления, продажи 3 1 20 — 1 3/32 24 89 2/3

Ему за муку к. 1 1/3 7 — 35 зол. 8 29 2/3

За побои огнищанина 12 4 80 — 3 1/3 24 89 2/3

Ему за муку 1 1/3 7 — 35 зол. 8 29 2/3

За кражу ладьи, если возвратится 6 к. — 1 80–99 3/5

А если не возвратится, за морскую 3 1 20 — 1 3/32 24 89 2/3

За набойную 2 2/3 15–70 зол. 16 59 1/3

За челн 8 к. — 2 40 — 1 33 1/3

За струг 1 1/3 7 — 35 зол. 8 29 2/3

За перерубл. веревку в перевес, продажи 3 1 20 — 1 3/32 24 89

За веревку к. 1 1/3 7 — 35 зол. 8 29 2/3

За украденного в перевесе пса, сокола, ястреба, продажи 3 1 20 —

1 3/32 24 89

Господину 1 1/3 7 — 35 зол. 8 29 2/3

За голубя и куря 9 к. — 2 70 — 1 49 2/3

За утку, гуся, лебедя, журавля 30 к. — 9–4 98

За сено и дрова 9 к. — 2 70 — 1 49 2/3

Господину с воза по 2 н. — 80 — 83

За зарезанного коня и др. скотину продажи 12 4 80 — 4 3/8 99 56

За вину 1 1/3 7 — 35 зол. 8 29 2/3

Вызванный несправедливо по холопьим речам на железо получает за муку 1 1/3 7 — 35 зол. 8 29 2/3

Железной пошлины 40 к. — 12 — 6 64

Мечнику 5 к. — 1 1/2 — 81 1/3

Детскому 1/2 1/6 3 1/2 — 17 1/2 зол. 4 14 5/6

Городнику за заложение города 1 к. — 30–16 2/3

За окончание 1 н. — 40–41 1/2

На пищу и питье, мясо и рыбу в неделю 7 к. — 2 10 — 1 16 2/3

Мостнику с 10 локтей по 1 н. — 40–41 1/2

За починку старого моста с городни по 1 к. — 30–16 2/3

За указание дороги беглому холопу или снабжение пищей 5 1 2/3 — 30 1 79/96 41 48 1/3

За рабу 6 2 40 — 2 3/16 49 78

Перенявший беглого холопа получает к. 1 1/3 7 — 35 зол. 8 29 2/3

Не удержавший платит господину 4 1 1/3 27 1/2 — 1 11/24 33 18 2/3

За рабу 5 1 2/3 30 — 1 79/96 41 48 1/3

За помощь при поимке беглого холопа 10 к. — 3–1 66 2/3

По уставу Всеволода Мстиславича, 1137 года

(Новгородский счет)

Оброку попам из вощаного веса 8 4 80 — 6 18/25 152 91 5/9

дьякону 4 2 40 — 3 9/25 76 45 7/9

сторожам 3 1 1/2 30 — 2 1/2 57 34 1/3

дьяку 3 1 1/2 30 — 2 1/2 57 34 1/3

Желающий вступить в товарищество давал вклада 50 25 500 — 42 955 72 2/9

Из этого количества в церковь 25 12 1/2 250 — 21 477 86 1/9

С 2 берковцев от низовского купца 1/2 1/4 5 — 40 8/25 зол. 9 55 13/18

Да гривенка перца

От полоцкого и смоленского с берков. 2 1 20 — 1 17/25 38 22 8/9

От новоторжского 1 1/2 3/4 15 — 1 13/50 28 67 1/6

У новгородца 6 мордок

Князь получал в год 25 12 1/2 250 — 21 477 86 1/9

На празднование назначалось 25 12 1/2 250 — 21 477 86 1/9

Владыке за служение на празднике 1 1/2 10–80 16/25 зол. 19 11 4/9

Архимандриту…за служение на второй день 1/2 1/4 5 — 40 8/25 зол. 9 55 13/18

Игумену…за служение на третий день 1/2 1/4 5 — 40 8/25 зол. 9 55 13/18

По договору смоленского князя Мстислава Давыдовича с Ригой, 1228 год

(Смоленский счет)

За убийство в ссоре 40 10 200 — 8 2/5 191 15 5/9

За удар холопу 1 1/4 5 — 20 4/25 зол. 4 77 8/9

За всякое увечье 5 1 1/4 25 — 1 1/20 23 89 4/9

За выбитый зуб 3 3/4 15–60 12/25 зол. 14 33 2/3

За окров. деревом и за рану без увечья 1 1/2 3/8 7 1/2 — 30 6/25 зол. 7 16 5/6

За побои 1/4 1/16 1 1/4 — 10 1/25 зол. 1 19 17/36

За прелюбодеяние 10 2 1/2 50 — 2 1/10 47 75 8/9

Весовщику за 2 капи 1 к. — 20 — 9 5/9

За гривну купленного золота 1 н. — 25–23 43/48

За гривну серебра 2 в.

За серебряный сосуд от гривны 1 к. — 20 — 9 5/9

При покупке вещей на серебро с гр. 1 к. — 20 — 9 5/9

По Новогородской летописи:

(Новгородский счет)

Цены хлебные

По исследованиям

автора Д. И. Прозоровского

грив. фунт. руб. коп. Новг. ден. фунт руб. коп.

1123. Купляху по ногате хлеб — 50 7 — 31 1/9

1127. Ржи осминка (1/2 четверти) по 1/2 1/4 5 — 30 — 1 33 1/3

1128. Осминка ржи по 1 1/2 10–60 — 2 66 2/3

1137. Осминка великая 7 рез. — 1 40 14–62 2/3

1161. Кадка малая (то же, что осминка) 7 к. — 2 80 14–62 2/3

1170. Кадь ржи (4 четверти) 4 2 40 — 240 45 зол. 10 66 2/9

Хлеб 2 ногаты — 1 — 14–62 2/9

Меда пуд 10 кун — 4 — 20–88 8/9
1188. Хлеб по ногате — 50 7 — 31 1/9
Кадь ржи 6 3 60 — 360 67 1/2 з. 16 -
1215. Кадь ржи 10 5 100–600 1 11/64 ф. 26 2/3
Овса 3 1 1/2 30 — 180 33 3/4 з. 8 -
Репы воз 2 1 20 — 120 — 5 33 1/3
1228. Хлеб по 2 к. — 80 180 — 17 7/9
Кадь ржи 3 1 1/2 30 — 180 33 3/4 з. 8 -
Пшеницы 5 2 1/2 50 — 300 56 1/4 з. 13 1/3
Пшена 7 3 1/2 70 — 420 78 3/4 з. 18 66 2/3
1230. Хлеб по 8 к. — 3 20 16–71 1/9
Кадь ржи по 20 10 200 — 1200 2 11/32 ф. 53 1/3
В дворах по 25 12 1/2 250 — 1500 2 15/16 ф. 66 2/3
Пшеницы 40 20 400 — 2400 4 11/16 ф. 106 2/3
Пшена 50 25 500 — 3000 5 7/8 ф. 133 1/3
Овса по 13 6 1/2 130–780 1 67/128 ф. 34 2/3
Хлеба по 1 1/2 10–60 — 2 2/3
1233. Соль по 7 3 1/2 70 — 420 78 3/4 з. 18 66 2/3

О ценах на хлеб известия есть только в летописи Новгородской. Хлеб по преимуществу в Новгороде был значительным предметом торговли для жителей, бедных собственными запасами для продовольствия. Цены отмечаются, разумеется, самые высокие, вследствие неурожая и совершенного недостатка, в виду голодной смерти.[4]

В обыкновенное время хлеб был дешевле, даже и в Новгороде, а в прочих местах, на юге, без всякого сравнения.

ПРОМЫШЛЕННОСТЬ

Сельская промышленность предопределялась самой природой обитаемой страны: обширные поля, заливные луга, дремучие леса и многоводные реки, представляя обилие естественных произведений для удовлетворения главных потребностей человека: пищи, питья, одежды, устройства жилищ, были источниками, побуждениями первых промыслов: земледелия, скотоводства, звероловства,

[4] «Инии простая чадь резаху люди живыя и ядяху, а инии мертвая мяса и трупие обрезающе едяху, а друзии конину, псину, кошкы. Брат брату не съжаляшетьси, ни отечь сынови, ни мати дчери, ни сусед суседу не уломляше хлеба… даяху отци и матери дети свои одьрень из хлеба гостем». Это известие находится в Новгородской летописи под 1230 годом, кажется, по ошибке писца, соединившего два года в одном.

рыболовства, птицеловства и пчеловодства. Хлеб, рогатый скот, овцы, свиньи, домашние птицы, дичь, рыба, мед, лен, лес, — вот произведения, которые добывались искони, разводились и обрабатывались нашими предками, и о которых встречаются положительные свидетельства в летописях.

ЗЕМЛЕДЕЛИЕ

Пахотная земля называлась рольею. Пахать выражалось словом орать. Орали лошадьми, а не волами, как ныне в Малороссии. Когда в 1103 году Мономах звал своего двоюродного брата, киевского великого князя, Святополка Изяславича, против половцев, то дружина его возражала (по Лавр. списку), «яко негодно ныне, весне, ити хочем, погубити смерды и ролью их. И рече Володимер: дивно ми, дружино, оже лошадий жалуете, ею же то ореть (смерд), а сего чему не промыслите, оже то начнет орати смерд, и приехав Половчин ударит и стрелою, а лошадь его поимет, а в село его ехав, имет жену его, и дети его, и все его именье (по Ипат. списку: и гумно его зажжет), то лошади жаль, а самаго не жаль ли?»

Земледельческие орудия: плуг, рало, упоминаются у Нестора и в Русской Правде, борона в Русской Правде.

Коса и серп (в Сузд. летописи 1178) известны с глубокой древности.

Жатва, сено сечи, выражения в правиле Кирилла митрополита.

В Слове о полку Игореве так описывается уборка хлеба иносказательно: «на Немизе снопы стелят головами, молотят чепи харалужными, на токе живот кладут, веют душу от тела».

В житии Феодосиевом упоминаются ручные жернова.

Прочие орудия: мотыки, лыскари (1074), рогалии (1091), кирки.

Сено уп. в Русской Правде, в Новг. летописи (1145), сеножати в грамоте Ростислава. В селе северского князя Игоря Ольговича, в 1146 г., военными противниками найдено было на гумне 900 стогов (сена?).

Хлеб сушился в овинах, упоминаемых в уставе Владимира Святого, хранился на гумнах, в ямах, как значится в Русской Правде; в житии Св. Феодосия говорится о сусеках, в Слове Даниилове упоминаются житницы, в Киевской летописи (1146 г.) бретьяницы.

Роды хлеба, упоминаемые в памятниках: рожь, жито (1193); пшеница (1114, в ВК.) пшено, измерявшееся по Русской Правде

убороками (четвериками?), просо (1095), ячмень, солод (ведрами), овес (лукнами), отруби, ярь (яровое); в Новгородской летописи под 1127 г. вершь (всходы), озимица.

В церковном уставе 1051–1054: «Аще муж имет красти коноплю или лен или всяко жито, митрополиту в вине с князем на полы, також и жонка».

Гобино — урожай, обилие (оттуда: угобзить); готовизною, вероятно, назывались всякие припасы, слово, от которого остался у нас глагол: готовить кушанье.

Меры хлеба: кадь (после бочка, оков), содержала 4 четверти, четверть 2 осмины. Кадка малая должна быть что осминка великая, а осминка малая — четверик?

В житии Феодосия бъчьвь (оттуда бочка) полна меду.

К земледелию относятся в Русской Правде законы: «Аже будеть росечена земля… то платити продажу, аже межу… ролейную разорет, то 12 гривен продажи. Оже дуб перетнет знаменный или межьный, то 12 гривен продажи».

Особенного имени для земледельцев в древности не было, как теперь крестьяне, разве мужи (откуда нынешние мужики). Пришлое, господствующее племя называло этих мужей-туземцев смердами. Впоследствии, однажды (1216) встречается имя поселей, откуда нынешние поселяне.

В Правде значатся особенные батраки, которые назывались ролейными закупами, наймитами. (Это имя кажется переведенным с чужого языка и указывает на иностранное происхождение обычая). Закупы получали от хозяина особую плату и обязывались за нее служить ему, обрабатывать землю. Их, видно, было столько, что для определения их отношений понадобились многие особые правила:

Плата, содержание, снабжение нужными вещами, не давали права на личность; получавший мог до срока отходить, с обязанностью возвратить все полученное. За потерянный плуг и борону закуп должен платить, а если пропажа случится в его отсутствие по делам хозяйским, то она не причитается ему в вину. За уведенную скотину из хлева закуп не отвечает, но если он потеряет ее в поле, не загонит во двор, не затворит, где хозяин велит, то должен платить. Если господин обидит закупа и не выдаст ему полного жалованья, то должен удовлетворить его и заплатить 60 кун за обиду. Если возьмет у него деньги, то должен возвратить с прибавлением 3 гривен пени. Если господин продаст закупа в крепость, то лишается всех денег,

ему выданных, и платит 12 гривен продажи. Если господин побьет закупа про дело, то есть без вины, а не смысля, пьяный, то платить, как за свободного человека. Закуп за кражу, выплаченную его господином, делается ему крепостным. Бегство наказывалось закрепощением, жалобы за неплатеж или обиду не ставились в вину, а требовали суда.

Из этих правил должно заключить, что уже в древнее время было очень много земли, которая обрабатывалась по найму. Вероятно, свободные мужи-поселяне шли в такие заработки, чтобы пользоваться покровительством князя или боярина, зажиточного человека, и иметь для себя все нужное, готовое.

Закупы были, так сказать, родоначальниками свободного перехода крестьян, который установился впоследствии (Юрьев день).

В Русской Правде упоминаются сельские, ратайные тиуны, княжие, боярские.

В одном, хотя и не очень ясном, месте говорится о холопях смердиих.

Св. Феодосий в детстве «начать на труды подвижен бывати, якоже исходити ему с рабы на село и делати с великим смирением».

Бояре «села вдаваюче на попечение им» (инокам Печерского монастыря).

О работе закупов есть место и в древней былине об Илье Муромце:

Илья Муромец пошел к отцу на пожню; Приходит на пожню, Отец с семейством отдыхают — спят, И с работниками своими. И ен приходит, и взял топоры, И начал пожни чистить: И столько он с работниками и семейством Не начистили в три дни, Сколько ен одново часа, И развалил поле великое, И топоры во пни воткнул, И никому не вынять.

Сюда относится и следующее место в другой песне:

Они тут-то садились на добрых коней, Они поехали ко славному ко городу Чернигову, Ко своим посельям ко дворянскиим.

Следы древнего земледелия встречаются в былинах, следы, по которым можно судить, каким уважением пользовалось в древности это занятие.

Молодой Вольга Святославич…….. Выехал в раздольице чисто поле. Он услышал в чистом поле ратая; Сошка у ратая поскрипывает, Омешики по камешкам почеркивают…… Орет в поле ратай, понукивает, С

края в край бороздки пометывает; В край он уедет, другого не видать; Коренья, каменья вывертывает, А великие-то все деревья в борозду валит. Кобыла у ратая соловая, Сошка у ратая кленовая, Гужики у ратая шелковые.

Иначе поется это место:

У оратая сошка красна дерева, А омешики серебряные, А присошечек красна золота. У оратая сапожки на ножках — зелен сафьян: Шилом пяты, носы востры, Под пяту-пяту воробей пролетит, Около носа-носа яйцо прокатит; Кудри у молодца качаются, — Не скатен жемчуг рассыпается; Брови черного соболя, Глаза — ясного сокола.

Вольга Святославич настиг его, увиденного издали, уже на третий день, и пригласил ехать вместе с ним.

Дорогой ратай вспомнил об оставленной сошке:

Ай же Вольга Святославович! Оставил я сошку в бороздочке…….. Как бы сошка с земельки повыдернута; Из омешиков земелька повытряхнута, И бросить бы сошка за ракитов куст.

Посланная дружина ничего не могла сделать:

Они сошку за обви вокруг вертят, А не могут сошки с земельки повыдернуть, и проч.

Ратай должен был воротиться и распорядиться своей сошкой. На вопрос удивленного Вольга Святославича, между прочим, отвечал ему:

А я ржи напашу, да во скирды сложу, Во скирды сложу, домой выволочу, Драни надеру, да и пива наварю. Пива наварю, да и мужичков напою. Станут мужички меня покликивати: Молодой Микулушка Селянинович!..…… Тоби было, Микулушка, пахать да орать, Тоби было, Микулушка, крестьянствовать!

Бог тя благословит, Илья Муромец, силой своей, Так и стой за веру Християнскую, И за дом Пресвятыя Богородицы; На бою тобе смерть не писана. Бейся же со всею силой неверною, И противу всея поленицы удалыя; А сильнее тебя на белом свете Самсон Самойлович да Святогор Колыванович; Еще сильнее от матушки сырой земли Микула Селянинович.

Огородничество

Об огородах в летописях известия встречаются часто:

1146. «Изяслав… взяша Игоревы товары перед Золотыми вороты

и под огороды».

Черные клобуки около Киева (1151) «села пожгоша и огороди все присекоша».

(Сузд. 1149, Киев. 1172, 1173).

Печерские затворники «в огради копахуть зелиннаго ради растения».

Огород Святоши, насажденный им самим, существовал еще при еп. Симоне.

Над сыном огородника совершено чудо Св. Борисом и Глебом, как значится в современном свидетельстве жития.

Овощи в Вол. летописи под 1229 г.

В житии Авраамия Смоленского говорится, что Игнатий, епископ смоленский, «скупил огради овощныя окрест града, и постави церковь».

1131. Смоленский князь Ростислав Мстиславич отдал епископу Мануилу огород с капустником.

Из овощей упоминается в Русской Правде горох, измерявшийся убороками; в некоторых изводах говорится о полбе.

Мак, горох, тыква, бобы, чеснок и лук, известны по Печерским житиям.

Хмель известен из древности.

В 1213 г. воз репы в Новгороде стоил две гривны.

Огороды упоминаются в Патерике «с древами плодовитыми», следовательно, в смысле садов.

Под 1159 г. в летописи град сравнивается с яблоками.

В 1091 и 1169 г. родилось много плодов.

В 1228 году новгородский князь Ярослав Владимирович вез псковичам в коробьях дары, паволоки и овощ (вероятно, иностранные плоды).

СКОТОВОДСТВО

В Русской Правде упоминаются кони (жеребцы, кобылы), быки и коровы, волы (третьяки, лонщины-годовики), телята, поросята, овны-бараны, овцы, козы, свиньи. Мясо, полоть, сыр, молоко.

В летописях под 1141 г.: «Поима Всеволод городы Гюргеве — конь, скот, овце, и кде что почюя товар».

Под 1158 г. упомянут скот рогатый.

Скотина содержалась в хлевах, хлевинах. В пищу ей шел овес,

сено, трава.

Из описания войны великого князя Изяслава Мстиславича из-за Игоря Ольговича (1146 г.) можно заключить, как обширно бывало сельское хозяйство у удельных князей: «шедше сташа в Мелтекове селе, и оттуда пославше и заграбиша Игорева и Святославля стада, в лесе, по Рахни, кобыл стадных 3000, а конь 1000; пославше же по селом, пожгоша жито и дворы. На гумне в Игореве сельце было стогов девятьсот».

1159. «Мстислав зая товара много Изяславли дружины, и коний и скота». О стадах его под 1170 г.

Стада конские и кобыльи в Вол. летописи под 1225 г.

Там же о борзом коне актазе, что подарил Мстислав галицкий зятю Даниилу.

Коневый тать выдавался князю на поток (поточение, заточение).

За убийство своего конюха великий князь Изяслав наложил виру на дорогобужцев 80 гривен: так было велико значение этой должности. (Сравни значение конюшего в царском периоде).

У Нестора под 1103 г. встречается лошадь.

В Слове о полку Игореве комони.

В Киевской летописи фари, 1150 г.

ЗВЕРОЛОВСТВО

Древнейшая дань, которую платили славянские обитатели норманнам, состояла в черных кунах (не отсюда ли произошло и имя денег — куны, как у латинян pecunia от pecus?) и белых веверицах или белках.

Пардусы или рыси часто встречаются в летописях.

Бобры в Русской Правде.

Югра говорила новгородцам, что готовит для них соболей.

Богатство князей заключалось столько же в золоте и серебре, как и в мехах; например, в 1067 г., во дворе Изяславовом разграблено бесчисленное множество злата и серебра, кунами и скорою.

Ростислав смоленский одарил в 1159 году Святослава Ольговича соболями, горностаями, черными кунами, песцами, белыми волками и рыбьими зубами.

Звероловство было любимым занятием князей.

В Поучении Мономаха описывается звериная охота.

Говоря об охоте с отцом на всякого зверя, он упоминает о диких

конях, турах, оленях, лосях, вепрях, медведях.

Была известна охота за зайцами: «Мстистав (1176 г.) поехал из Суздаля борзо, яко и на заяц».

У новгородцев были строго определены места, где их князья могли пользоваться ловлей диких зверей и птиц.

В уставе Всеволода Мстиславича упоминается о «лове княже».

В Слове Даниилове упоминается о «серне в тенете».

В песнях сохранились следующие следы этого занятия и промысла. Вольга Святославич посылал свою дружину ловить зверей:

Вейте веревочки шелковыя, Становите веревочки по темну лесу, Становите веревочки по сырой земле.

(Вот перевесища летописи, и верви, перевесы Русской Правды!)

И ловите вы куниц и лисиц, Диких зверей и черных соболей.

Дружина работала неудачно, и Вольга сам

Поскочил по сырой земле, по темну лесу, Заворачивал куниц, лисиц, И диких зверей, черных соболей, Больших поскакучиих заюшек, Малых горностаюшек.

В другом изводе этой былины так описываются подвиги витязя на звериной ловле:

Дружина спит, так Волх не спит: Он обернется и серым волком, Бегал, скакал по темным лесам и по раменью, А бьет он звери сохатые, А и волку, медведю, спуску нет, А и соболи, барсы, любимый кус. Он зайцам, лисицам, не брезгивал.

ПТИЦЕЛОВСТВО

В Русской Правде значится: «аже будет росечена земля, или на земли знамение, имь же ловлено, или сеть, то по верви искати вора, либо платити продажу.

Аже перетрет вервь в перевесе, то три гривны продажи, а за вервь гривну кун».

За украденного в перевесе сокола или ястреба пени три гривны.

Пругло, тенето, упоминаются в житии Федосиевом; ловчий наряд в Поучении Мономаха; тенета, кляпцы, в Слове Даниилове.

Варлаам Хутынский отдал монастырю ловища гоголины.

В Слове о полку Игореве встречаются: белые гоголи, чернеди (дикие утки), сизые орлы, галицы (галки), кречеты (белые соколы), черные вороны, сороки, чайки, соколы, дятлы.

Тетерева в ответах Нифонта и грамоте Ростислава.

В Слове о богатом: ряби, елени, вепреве, дичина и проч.

Игорь Святославич северский в плену ястребом ловяшет (1185).

О птицеловстве из песен — выше упомянутый Вольга Святославич посылал дружину по лесам:

Вейте силышка шелковыя, Становите силышка на темный лес, На темный лес, на самый верх, Ловите гусей, лебедей, ясных соколей, И малую птицу пташицу.

Из домашней птицы в Русской Правде упоминаются: куры, голуби, утки, гуси, лебеди; для охоты: сокол, ястреб.

ПЧЕЛОВОДСТВО (БОРТНИЧЕСТВО)

Это слово происходит от борть, выдолбленное дерево для помещения пчел; оно процветало в наших странах с глубокой древности. Леса давали обильную пищу пчелам, разводившимся в дуплах («бортное ухожье»), и мед, воск, принадлежали к числу наиболее распространенных произведений: мед для домашнего употребления в пищу и питье, а воск для иностранной торговли.

Русская Правда представляет особые постановления для охраны этого прибыточного промысла:

За украденную борть назначалось 12 гривен пени.

Кто «раззнаменает борть, или перетнет межу бортную», тот платит 12 гривен пени.

За «борть ссеченную» 3 гривны пени, а за дерево полгривны.

За выдрание пчел 3 гривны, а хозяину за мед нелаженого улья 10 кун, 1 за лаженный 5 кун.

Если тать скроется, то должно искать его по следу, но с чужими людьми и с свидетелями.

Кто не отведет следа от своего жилища, тот виноват; но если след кончится у «гостинца великого» (большой дороги?), или «на пусте», где села нет, то не платить ни пени, ни татьбы.

О пчеловодстве наших славян говорят древние арабские писатели и даже знают слово улей, описывают борти.

РЫБОЛОВСТВО

Принадлежит также к древнейшим промыслам, и с учреждением постов по принятии христианства употребление рыбы в пищу

значительно увеличилось.

Св. Антоний Римлянин купил «рыбную ловитву» на потребу монастыря.

Варлаам Хутынский отказал монастырю «ловища рыбные» в Болховском селе, «на Волховци коле», в селе на Слудице.

По смоленской грамоте епископу Мануилу дано в Торопче урока — невод… и бредник.

Невод упоминается и в Слове Даниила Заточника.

Рыболовам галицким мешал Иоанн Берладник с половцами (1159).

В песнях также остались следы этого промысла. Вольга Святославич посылал свою дружину рыбу ловить:

Возьмите топоры дроворубные, Стройте суденышко дубовее, Вяжите путевья шелковыя, Выражайте вы на сине море, Ловите рыбу семжинку и белужинку, Щученьку и плотиченьку, И дорогую рыбку осетринку.

Рыболовные охотники княжеские жалуются:

Свет, государь, ты Владимир Князь! Ездили мы по рекам, по озерам, На твои щаски княженецкие, Ничего мы не поимывали: Нашли мы людей — есть молодцов За триста и за пятьсот, Называются дружиною Чуриловою. Всю они белую рыбицу повыловили, Щуки, караси повыловили жь, И мелкую рыбицу повыдавили. Нам в том, государь, добычи нет, Тебе, государю, приносу нет.

СОЛЕВАРЕНИЕ

Соль вываривалась в Галиче и на северо-востоке России, что видно из устава новгородского князя Святослава Ольговича (1137), по которому назначались в пользу духовенства пошлины от чрена (железная сковорода для варения соли), и «от салгы по пузу» (какая-то мера для соли).

В былине о Микуле Селяниновиче говорится:

Был-то он в городе во Киеве: Вывез он соли два меха, А во который мех всходить Пудов по сороку.

РЕМЕСЛА

Рассеянное житье, недостаток в сообщении и множество других

препятствий, — были причиной, что жители везде научились сами рано удовлетворять главные свои потребности, не прибегая к посторонней помощи.

Русский крестьянин с женой до сих пор изготавливает все нужное для своего обихода — одежду, летнюю и зимнюю, обувь, посуду, орудия; женщина прядет лен и точет холстину, муж валяет сукно, плетет лапти, шьет тулуп из домашней овчины, делает сани и телеги.

О ремественниках и ремественницах есть особая статья в Русской Правде. За убийство пеня полагается в 12 гривен.

Слово ремесло почти нигде более не встречается. Только в Слове о богатом упоминается врaческое ремество.

Плотники, этот промысел принадлежал преимущественно новгородцам, у которых особый конец в городе назывался Плотенским. Еще Святополковы воины корили их: «А вы плотницы сущи!»

Из дерева вырезались разные вещи, например, стрелы:

Потому тем стрелам цены не было: Колены оне были из строcть-дерева, Строганы те стрелки в Новегороде, Клеены оне клеем осетра рыбы, Перены оне перыщами сиза орла.

Улица Лубяница указывает на промысел там лубяной.

Гончарный конец населен был гончарами — глиняное и горшечное искусства.

В летописях встречаются гарнцы.

Каменщики. Ростовцы говорят о владимирцах (1176): «Ти суть холопи наши каменщики».

В 1119 году заложена в новгородском Юрьеве монастыре церковь Георгия каменная, «а мастер трудился Петр».

Андрею Боголюбскому при возведении Владимирского собора (1156) «приведе Бог из всех земель мастеры».

О стене под Выдубецким монастырем (1199) Киевская летопись говорит: «Благоверный Великий князь Рюрик Ростиславич… заложи стену камену под церковью святаго Михаила у Днепра, иже на Выдобычи. О ней же мнозе не дерзнуша помыслити от древних, али на дело ятися… изобрете бо подобна делу и художника во своих си приятелех, именем Милонег, Петр же по крещению» (который и построил ее с небольшим в год).

1194. «Обновлена бысть церкы святая Богородица в Суждали… и покрыта бысть оловом от верху до комар и до притворов, и то чюду подобно… а иже не ища мастеров от Немець, но налезе мастеры от

клеврет Св. Богородици и от своих, иных олову льяти, иных крыти, иных извистью белити».

О постройках церковных, см. ниже.

Каменные стены имели некоторые города: Новгород, Киев, Переяславль, Ладога.

При возведении Печерской церкви оказалась сменная доска на алтарь, неизвестно кем принесенная; игумен посылал «тамо, идеже делаются таковыя вещи, три гривны серебра, да тоя мастер возьмет за свой труд».

Упоминаются в летописях мраморные гробницы после Ярослава: великого князя Изяслава, сына Ярополка, и др.

Вытесывались из камня кресты и разные украшения.

В вопросах диакона Кирика упоминаются сосуды деревянные, глиняные, стеклянные, медные, серебряные.

Кузнецы. В житии Феодосия есть известие, что он «шед единому от кузнец, и повеле ему железо счепито (из цепей) сковати». Клещи (1114).

Даниил Заточник говорит: «не огнь творит разжение железу, по надыманье мешное (посредством мехов)».

У него же встречаются выражения: «железо варити, камень долотити».

Литейное искусство было известно, в чем удостоверяет множество оставшихся медных крестов и образков.

В 1151 году епископ Нифонт «оби свинцем Св. Софию».

Серебряных и золотых дел мастерство было довольно распространено.

Оклад Мстиславова евангелия, сделанный, впрочем, в Греции, сохранился до нашего времени (около 1125).

Андрей Боголюбский вскова на образ Владимирской Божией Матери более 30 гривен золота, проче серебра.

В Слове о полку Игореве говорится о «злате стремени». В Слове Даниила Заточника о златокованных трубах. В древних песнях о разных золотых изделиях.

В предисловии к Новгородской Софийской летописи, вероятно, около 1200 г., сказано, при сравнении древних князей и мужей их с новыми: «не жадаху, мало ми есть сто гривен; не кладаху на свои жены златых обручей, но хожаху жены их в серебре, и расплодили были Русскую землю».

Под 1234 г. упоминается в Новгородской летописи серебреник.

Были, вероятно, и денежники, которые чеканили монету.

Плано-Карпини видел (1245) в Орде русского золотых дел мастера Козму, который сделал престол для хана.

Золотошвейное искусство было известно искони.

Еще под 1024 г. о варяге Якуне, пришедшем на помощь к великому князю Ярославу, сказано: «луда бе у него золотом исткана».

Под 1146 г., союзные князья ограбили церковь Св. Вознесения в Путивле, принадлежавшем к владениям их врага, Святослава Ольговича северского: «индитьбе (одежды, покровы) и платы служебныя (воздухи), а все шито золотом».

В 1183 году сгорела Владимирская соборная церковь, и что «бяше в ней… порт шитых золотом и женчюгом, яже вешали на праздник в две верви от Золотых ворот до Богородицы, а от Богородице до Владычних сеней во две же верви чюдных» (Киевская летопись по Ипат. списку).

Под 1216 г. упоминается об оплечьях, шитых золотом: Ярослав перед сражением под Липицами говорит своим боярам и первым своим людям: «Аще и золотом шито оплечье будет, убий!»

В летописях упоминаются: котельник, опоньник (1216), кожевник (1240).

В житии Феодосиевом говорится о делании полотен.

В житии муромского князя Константина о ткании красна.

В песнях упоминаются чеботные и портные мастера (порты — платье, одежда).

Солнышко Владимир стольно-Киевский! Есть у Ставра чем похвастати: Есть у Ставра тридцать молодцев, Тридцать молодцев — чеботных мастеров, — Оны шьют сапожки с нова на ново; Которы сапоги я день держу, День держу, я другой проношу, Снесу-то я сапожки на рыночек, Князьям-боярам повыпродам И возьму-то за них цену полную. Още есть у Ставра чем похвастати: Есть у Ставра тридцать молодцев, Тридцать молодцев — портных мастеров, Оны шьют-то кафтанцы с нова на ново, Который кафтанчик я день держу, День держу, я другой проношу, Снесу эти кафтанцы на рыночек, Князьям-боярам повыпродам И возьму за них цену полную.

ЧАСТНАЯ ЖИЗНЬ

(Большая часть сохранившихся о ней сведений относится к князьям. Без сомнения, они относятся и к боярам, вообще к высшим

сословиям).

Князьям и княжнам при рождении давалось имя.

Как Владимир, приняв святое крещение, получил второе имя христианское Василия, так и сыновья его, что достоверно известно о некоторых, например: Борис — Романа, Глеб — Давыда, Ярослав — Георгия.

В его потомстве удерживались прежние языческие имена, которые давались при рождении, и одновременно начались новые, или христианские, так что все князья, до нашествия татар, имели по два имени: одно так называемое княжее, мирское, а другое христианское.

Древнейшее известие о таких двойных именах мы имеем в Хождении игумена Даниила ко святым местам (в начале XII века), который в Лавре Св. Саввы записал для поминовения следующие имена: Святополка-Михаила (Изяславича), Владимира-Василия (Мономаха), Олега-Михаила (Святославича), Мстислава-Андрея (Всеволодовича, Игорева внука).

А вот свидетельства из летописей:

1113. «Преставися Князь Михаил, зовомый Святополк».

1151. «Родися у Святослава Ольговича сын, и нарекоша ему имя в Св. крещеньи Георгий, а мирьски Игорь».

Женщины имели также по два имени:

1178. «Родися у Великаго Князя Всеволода дчи, и нарекоша имя ей в святом крещении Пелагия, княже Сбыслава».

1198. «Родися дщи у Ростислава Рюриковича, и нарекоша имя ей Ефросинья, прозванием Исмарагд, еже наречеться дорогый камень».

Употребительных имен было очень мало, не больше двадцати.

Мирские, княжие имена, были:

норманнские: Рюрик, Олег, Игорь.

славянские: Брячислав, Всеслав, Вячеслав, Изяслав, Мстислав, Ростислав, Святослав, Ярослав, Святополк, Ярополк, Владимир, Володарь, Всеволод.

(Станислав, Судислав, Позвизд, встречаются по одному разу).

Некоторые князья известны были только под христианскими именами, каковы в особенности Давыд и Роман (христианские имена Бориса и Глеба), Василько, Андрей, Юрий или Георгий (Дюрги, Гюрги).

Женские норманнские имена: Ольга (1150), Малфридь (1167), Рогнеда (1108).

Славянские: Передслава (1104, 1116), Верхуслава (1137, 1187), Звенислава (1142), Болеслава (1166), Сбыслава (1178), Ярослава (1187), Всеслава (1197).

В каждом из родов, на которые разделилось потомство Ярослава, были свои собственные любимые имена, например, в Святославовом имена Олега, Всеволода, Игоря, Святослава.

Во Всеволодовом имена Владимира, Мстислава, Ростислава, Изяслава.

О многих князьях именно сказано, что им даны имена в честь отца или деда, например, о Ростиславе Рюриковиче (1173), о Георгии Всеволодовиче (1187), о Владимире Всеволодовиче (1192), о Всеволоде Георгиевиче (1213).

Константин Всеволодович первому своему сыну дал имя женина отца, Василька, а второму своего, Всеволода.

Замечательно, что княжих имен в народе не встречается, как будто бы они были особенной собственностью княжеского рода, и никому более не позволялось такие иметь.

У частных людей бывали также по два имени: из послесловия к известному Евангелию 1056 года мы видим, что владелец его, посадник Изяслава Остромир, имел христианское имя Иосифа.

1200. «Изобрете бо подобна делу (по строению стены, под Выдубицким монастырем) и художника в своих сприятелех (киевский князь Рюрик Ростиславич), именем Милонег, Петр же по крещении».

Князья назывались по имени своему и отеческому (не говорю по отчеству, ибо это слово имело тогда другое значение), которое очень рано заменилось вичем: Ростислав, сын Володимерь (1064), Всеслав, сын Брячиславль (1066), Володимер, сын Всеволожь, и Олег, сын Святославль (1076).

«Бежа Игоревич Давыд с Володарем Ростиславичем (1081). Ярослав Ярополчич, Ярослав Святополчич (1102)».

Бояре назывались также по имени и отчеству с древних времен: Иван Жирославич (1078), Иванко Захарьич (1106), Иван Войтишич, Петр Ильич (1146), Петр Бориславич (1178).

У князей и бояр оставались иногда уменьшительные имена: Василько, Владимирко.

Уменьшительные употреблялись и в бранном значении, например, великий князь Рюрик Ростиславич уведомляет (1185) великого князя Всеволода Георгиевича об измене своего зятя:

«Романко от нас отступил».

Уменьшительные имена употреблялись и у бояр: например, Иванко Жирославич (1078). Иногда употреблялись только отеческие имена, например, Ростиславичи, для означения детей (1180), и иногда для всего потомства, например, Олеговичи (1148).

Для отличия употреблялись иногда и материнские имена, например:

1136. «Внук Володимера Василько Маринич убиен бысть ту», т. е. сын дочери его Марины.

1187. «Бяше бо Олег Настасьич», т. е. рожденный от Настасьи, наложницы Ярослава Владимировича галицкого.

Восприемниками при крещении бывали, вероятно, большей частью родственники. Мономах напоминает двоюродному своему брату Олегу Святославичу о его крестнике: «егда же убиша детя мое и твое». Также: «аще ти добро, то с тем, али ти лихое, да то ти судить сын твой хрестный с малым братом своим… или хочеши того убити».

1178. «Родися у великаго князя Всеволода… дчи, и крести ю тетка Ольга» (жена Ярослава галицкого, брошенная мужем и жившая у брата во Владимире).

Князья отдавались родителями на воспитание кормильцам или дядькам, то есть, к ним приставлялись, с самых юных лет, особые знатные мужи из бояр, которые за ними ходили.

(Еще у Святослава мы видели кормильца Асмуда, 942).

1131. Когда Андрей Юрьевич бросился через Лыбедь, в сражении под Киевом с Изяславом Мстиславичем, — двоюродного брата его Владимира Андреевича, бывшего с ним в сражении, «не пусти кормилець его, зане молод бе в то время».

1171. Мстислав Изяславич пленил Пука, кормильца Владимира Мстиславича.

1178. «Се приказываю детя свое Володимера Борисови Захарьичу, и со сим даю брату Рюрикови и Давыдови с волостию на руце», говорит умирающий Мстислав Ростиславич.

«Малу же времени минувшю, приведоша кормиличича, иже бе загнал великыи князь Роман, неверы ради», то есть: пришли (в Галич) сыновья кормильцевы, которых изгнал великий князь Роман. (Волынская летопись ошибочно под 1202 г.).

1208. «Володислав кормиличичь (кормильцев сын), бежал в Угры» (при избиении бояр галицких Игоревичами).

Есть известие и о кормилицах под годами 1202, 1231.

Там же княгиня (супруга Романова) «совет сотвори с Мирославом, с дядьком, и на ночь бежа в Ляхы. Данила же возмя дядька перед ся, изъиде из града; Василька же Юрья поп с кормилицею возмя».

1231. «Давыдови уполошнишуся, теща бо его бяше верна Судиславу, кормильчья Нездиловая, матерью бо си наречашьть ю, веща ему: яко не можешь удержати града сего».

Княжон брали иногда к себе на воспитание бабушка и дедушка:

1198. «Взяста ю (Евфросинию, дочь Ростислава Рюриковича и Верхуславы Всеволодовны), к деду и бабе, и тако воспитана бысть в Киеве на горах».

На третьем или четвертом году князей подвергали постригам, принадлежавшим к семейным праздникам: у ребенка обрезались волосы (что происходило в соборе, через епископа), и сажался он потом на коня.

1191. «Быша постригы у Великаго князя Всеволода, сына Георгева, внука Володимеря Мономаха, сыну его Георгеви, в граде Суждали; того же дни и на конь его всади, и бысть радость велика в граде Суждали (а он родился 1188 г.)».

1194. «Быша постригы у благовернаго и христолюбиваго князя Всеволода, сына Георгева, сыну его Ярославу (который родился в 1190 г.)».

1212. «Быша постригы у Костянтина, сына Всеволожа, сынома его Василку (род. 1209 г.) и Всеволоду (род. 1210 г.)».

1230. Князь Михаил «створи постригы сынови своему Ростиславу, Новегороде, у Св. Софье, и уя влас архиепископ Спиридон».

Князья смолоду учились грамоте, вероятно, у духовных лиц: Мстислав (1096) писал к отцу; Мономах писал к Олегу и требовал от него ответа.

1164. «Святослав прочте грамоту вборзе от епископа о смерти дяди».

1172. «Галичане, списавше грамоту ложную, пославше к Мстиславу Изяславичу».

При князе Владимире Мстиславиче (1169) упоминается дьячок Имормыж. В Волынской летописи (1213) упоминается «дьяк Василь, рекомый Молза».

О полоцкой княжне Евфросинии: «случижеся девице сей учене быти книжному писанию, еще недостигше ей в совершен возраст

телеснаго естества».

Век живи, век учись, — эта пословица прикладывается к древнему воспитанию, о чем мы имеем и любопытное замечание Мономахово: «его же умеючи, того не забывайте доброго, а его же не умеючи, а тому ся учите; яко же бо отец мой, дома седя, изумеяше пять язык, в том бо честь есть инех земель. Леность бо всему мати: еже умееть, то забудеть, а его же не умееть, тому ся не учить; добре же творяще, не мозите ся ленити ни на что же доброе».

Вероятно, значительную часть воспитания занимали следующие упражнения, упоминаемые в песне:

У меня за маленька[5] да было хожено, У меня за маленька да было боротось, С за маленька было стреляно. Горит душа, мне-ко хочется С вашими стрельцами пострелятися, Пострелятися во чистом поле.

Князья получали себе от родителей уделы очень рано.

Как Владимир Святой разослал своих сыновей в самой ранней молодости по их городам, точно так встречаем мы множество примеров и в нашем периоде:

1102. О Мстиславе Владимировиче говорят новгородцы: «сего ны дал Всеволод, а въскормили есмы себе Князь». Мстислав родился в 1076 г., а Всеволод скончался в 1093 г., следовательно, новгородское княжение Мстиславово начинается никак не позднее 13 или 14 лет.

1119. Андрей Владимирович получил от отца Мономаха Владимир 17-ти лет.

1146. Ярослав Всеволодович посажен отцом в Турове шести лет (род. 1140).

1146. Владимир Андреевич посажен дядей во Владимир, а его через пять лет еще не пускал кормилец биться в опасном месте (1151), следовательно, верно, он сидел младенцем.

1154. Давыд Ростиславич, 14 лет, оставлен отцом в Новгороде на столе (род. 1140).

1169. Глеб Георгиевич, получив от брата Киев, отдал Переяславль сыну Владимиру, едва десяти лет, потому что через два года ему было только 12.

1198. Ростислав, сын Ярослава Владимировича (род. 1190), умер в Луках восьми лет, где посажен был князем.

1201. Ярослав Всеволодович послан в Переяславль Русский на десятом году (род. 1191).

---

[5] В малолетстве.

1208. Святослав Всеволодович отпущен в Новгород на княжение пяти лет (род. 1196).

1218. Константин Всеволодович послал сыновей своих на княжение — Василька в Ростов на девятом году (род. 1209), а Всеволода в Ярославль на восьмом году (род. 1210), Всеволод был послан дядей в Русский Переяславль на семнадцатом году (1227).

1221. Великий князь Георгий послал сына Всеволода на девятом году в Новгород (род. 1213).

Точно так же очень рано выступали они и на поприще действий, принимали участие в походах, и пример Святослава, начавшего сражение с древлянами (945) тогда, как едва он мог бросить копье, есть отнюдь не необыкновенный пример.

Владимир Мономах свидетельствует, что он начал свои пути и ловы тринадцати лет.

Владимир Мстиславич (род. 1131), оставленный братом Изяславом в Киеве, защищал Игоря Олеговича от убийц с опасностью собственной жизни (1146), пятнадцати лет, и с тех пор принимал участие во всех следующих войнах, послан за помощью в угры и т. д.

Владимир Андреевич в 1151 г. не был пущен своим кормильцем биться через Лыбедь, «зане молод бе», а он уже три года перед тем участвовал в походах и не переставал действовать.

Игорь Святославич родился в 1151 г., а мы видим его, уже восьми лет (1159) на сейме в Лутаве.

1159. Ярослав Всеволодович принял бежавшую княгиню Изяслава Давыдовича, проводил ее до Гомеля, потом участвовал в походах ее мужа на Переяславль восемнадцати лет (род. 1140).

Святослав Ольгович (род. 1167) отводил полки назад из несостоявшегося похода на половцев, шестнадцати лет, 1183 г., и потом в том году ходил опять на половцев.

Всеволод Юрьевич, 16 лет (1174), ходил под Киев в войске своего брата Андрея Боголюбского, а двадцати должен уже был выдерживать сильную борьбу со своим племянником и рязанским князем Глебом, т. е. был главным действующим лицом.

Олег Игоревич (род. 1174) послан отцом, семи лет, провожать полки домой вместе с двоюродным братом, из несостоявшегося к половцам похода (1183).

Святослав Игоревич (род. 1176) послан семи лет провожать галицкого князя Владимира Ярославича по примирении с ним отца (1183).

Константин Всеволодович (род. 1185) ходил четырнадцати лет с отцом на половцев (1199).

Ярослав Всеволодович участвовал в походе на половцев также на четырнадцатом году.

Владимир Всеволодович (род. 1192) на тринадцатом году участвовал с отцом в походе на Рязань (1207).

Иван Всеволодович, с 14 лет (род. 1194), участвовал во всех взаимных отношениях старших братьев.

Ростислав Рюрикович (род. 1172) ходил в поход на Галич четырнадцати лет (1186).

Василько Константинович (род. 1209) послан был дядей, великим князем Георгием, против татар, в 1224 г., четырнадцати лет.

Всеволод Константинович (1213) послан на помощь к дяде Ярославу в Торжок пятнадцати лет (род. 1200), и четырнадцати уже ходил с полками.

Федор Ярославич (род. 1218) послан дядей, великим князем Георгием, на мордву, одиннадцати лет (1230).

Даниил Романович, лет девяти, был уже на коне и не сходил с него, а в восемнадцать принимал самое жаркое участие в сражении с татарами на Калке.

О всех князьях, год рождения которых записан, уверенно можно сказать, что они с самых молодых лет начинали принимать участие во всех происшествиях, следовательно, это следует заключить и о тех, год рождения которых не записан.

В брак князья вступали в самой ранней молодости.

1117. Андрей, сын Мономаха, женился на Тугаркановой внучке пятнадцати лет.

1187. Святослав Игоревич, десяти лет, женат на дочери Рюрика Ростиславича (род. 1177).

1187. Ростислав Рюрикович, четырнадцати лет, женат отцом на восьмилетней дочери великого князя Всеволода суздальского (род. 1173).

1187. Владимир Игоревич, семнадцати лет (род. 1170), «привел из половец Кончаковну, и с детятем, и обвенчан».

1196. Константин Всеволодович женат был отцом десяти лет (род. 1186).

1205. Ярослав Всеволодович женился пятнадцати лет (род. 1191).

1227. Василько Константинович (род. 1209), семнадцати лет, на дочери Михаила черниговского (1227).

1229. Всеволод Константинович (род. 1210), девятнадцати лет, на дочери Олега Святославича курского.

1230. Всеволод Игоревич семнадцати лет (род. 1213),

1233. Федор Ярославич, четырнадцати лет (род. 1219), среди приготовлений к свадьбе скончался.

Браки устраивались преимущественно родителями жениха и невесты, — кроме особенных случаев; по крайней мере, все выражения, встречающиеся при записанных браках, это показывают:

1102. «Ведена бысть дщи Святополча Сбыслава в Ляхы за Болеслава, месяца ноября в 16 день».

1107. «Поя Володимер за Юрья (Долгорукого) Осеневу внуку, а Олег поя за сына… Гиргеневу внуку, месяца генваря 12 день».

1142. «Всеволод (Ольгович) отда дчерь свою Звениславу в Ляхы за Болеслава».

1143. «Всеволод (Ольгович) ожени сына своего Святослава Василковною, Полотскаго князя».

1148. «Ростислав Смоленский проси дчери у Святослава Ольговича за Романа, сына своего, и ведена бысть Новогороду… января в 9 день».

1133. «Ожени Гюрги (Владимирович) сына своего Глеба, в Руси, Изяславною Давыдовича».

1189. «Князь Великий Всеволод отда дчерь свою Верхуславу Белугороду за Рюриковича Ростислава, м. иулия в 30 день».

1206. «Великий князь Всеволод ожени сына своего Ярослава, и приведоша за нь Юрьевну Кончаковича».

1211. «Великий князь Всеволод ожени сына своего Георгия Всеволожною Кыевьскаго князя».

1227. «Ожени Великий князь Гюрги, сын Всеволожь, сыновца своего Василка Константиновича, и поять за нь Михаиловну, Черниговьскаго князя».

Замечательно, что о новгородцах, в отношении к их князьям, употребляются выражения, как о родителях:

1155. «Ожениша Новгородци Мстислава Гюргевича, и пояша за нь Петровну Михалковича».

Собственный выбор (когда родителей не было в живых) выражался следующим образом:

1094. «Поя Святополк себе жену, дщерь Тугорканю, князя половецькаго».

1175. «Оженися Ярополк Ростиславич, князь Володимерьский,

послав Смоленьску, поя за ся княгиню Всеславлю, дщерь князя Витебьскаго».

1215. «Оженися Володимер, сын Всеволожь, в Переяславли Русском, Глебовною, Черниговьского князя».

1232. «Оженися князь Володимер Константинович».

К особенным случаям должно отнести следующие:

1116. «Ярополк жену полони собе Ясыню».

1153. «Изяслав повел жену собе из Обез».

Браки первых поколений после Ярослава совершались преимущественно с иностранными владетельными домами, а именно — королей угорских и польских, царей греческих и князей германских, ханов половецких.

А потом, когда законы о родстве стали то позволять, князья брали себе жен дома, друг от друга.

Из частных лиц известны только несколько браков с новгородками:

1122. (Н.) «Оженися Мстислав (Владимирович) Кыеве, поя Дмитровьну, Новегороде, Завидиця».

1123. «Оженися Всеволод, сын Мьстиславль, Новегороде».

1155. «Великий князь повеле Дюрги Мстиславу, сынови своему, Новегороде, женитися Петровною Михалковича, и оженися».

1176. (Н.) «Оженися князь Мьстислав (Ростиславич) Новегороде, и поя у Якуна дчерь у Мирославиця».

Свадебные пиры отличались пышностью и роскошью: князья созывались издалека, родственные и союзные. За невестами посылались многочисленные поезда.

1114. (СЛ.) «Изяслав отда дщерь свою Полотску за Борисовича за Роговолода, и Всеволод, князь Киевский, приде с женою, и со всеми боляры, и с Кыяны, Переяславлю, на свадьбу».

Самое подробное описание относится к браку дочери великого князя суздальского, Всеволода Юрьевича, Верхуславны с Ростиславом, сыном великого князя киевского Рюрика Ростиславича.

1187. «Посла князь Рюрик Глеба князя, шюрина своего, с женою, Славна тысяцкого с женою, Чюрыну с женою, многи бояре с женами, ко Юрьевичу к Великому Всеволоду в Суждаль, по Верхуславу, за Ростислава. А на Боришь день отда Верхуславу, дщерь свою, Великий князь Всеволод, и да по ней многое множьство, без числа, злата и сребра, а сваты подари великими дары, и с великою честью отпусти; еха же по милое своей дочери до трех станов, и плакася по

ней отец и мати: занеже бе мила има, и млада сущи осми лет; и тако многи дары дав и отпусти в Русь, с великою любовью, за князя Ростислава. Посла же с нею сестричича своего Якова с женою, и ины бояры с женами; приведоша же ю в Белгород на Офросеньин день, а заутра Богослова, а венчана у святых Апостол, у деревянной церкви, блаженным епископом Максимом. Створи же Рюрик Ростиславу велми силну свадбу, акаже несть бывала в Руси, и быша на свадбе князи мнози, за 20 князей; сносе же своей дал многи дары и город Брягин; Якова же свата и с бояры отпусти ко Всеволоду в Суждаль, с великою честью, и дары многими одарив».

Сваты, тысяцкие, поезда, дары, приданое, представляют сходство с обрядами, которые сохранились до сих пор в наших селах, и следующая песня как будто пелась в Суздале или Киеве.

Повелел мне, сударь-батюшко, Повелела моя матушка: «Подойди, дите любимое, Ко столу да ко дубовому, Поклони свою головушку, Покори свое сердечушко Этим гостям незнакомыим, Господину честну тысяцку, Княжаям-брюдгам боярыням, Всему кругу молодецкому, Поезду да княженецкому, Молоду князю в особину; Называй его по имени, Звеличай его по изотчины, Не кори его отечества: Он честного отца-матери, Роду-племени почтенного».

С терема на терем краевая девица шла Желтые кудри за стол пошли, Русую косу за собой повели: Желтыя кудри — (Ростислав) молодец, Русая коса — душа (Верхуслава). На улице дождик накрапывает, Доброй молодец у девицы выспрашивает: «Ты скажи-скажи, красна девица! Кто тебе из роду мил?» — Мил мне милешенек Батюшко родной. — «Девица красная — душа! Эта не правда твоя, не истинная: Свое сердце тешишь, а мое гневишь». На улице дождик накрапывает, У красной девицы перстень с руки выпадывает, Добрый молодец у девицы выспрашивает: «Ты скажи, скажи правду всю, Кто тебе из роду мил, душа девица?» — Мил мне милешенек добрый молодец. — «Красная девица — душа! Это правда твоя, это истинная: Свое сердце тешишь, мое веселишь».

Присоединим прочие описания свадеб.

1194. «Заутра же в понедельник, приде ему весть от сватов, иже идяхуть поимати внукы Святославле Глебовны Офимьи за царевича. Святослав же посла противу има мужи Кыевьскыя».

1196. (Ник.) «Великий князь Всеволод жени сына своего князя Константина у князя Мстислава Романовича… ту сущу и самому князю… и со княгинею своею и з детьми, и Рязанскому князю

Роману… и с ним братия его князь Всеволод… и Владимир с сыном своим Глебом, и князь Муромский Володимер, и Давыд, и Юрьи, с мужи своими, и бысть радость и любовь велия в городе Володимери».

Есть еще любопытное описание приготовлений к княжеской свадьбе в Новгородской летописи, по поводу смерти старшего Ярославова сына Феодора, который внезапно среди этих приготовлений скончался:

1233. «Еще млад, и кто не пожалует сего, — сватба пристроена, меды изварены (в Т. посычены), невеста приведена, князи позвани, и бысть в веселия место плач и сетование».

Совершение брака не мешало принимать участие немедленно в войне, если обстоятельства того требовали. Так, в 1144 г. начался галицкий поход тотчас после свадьбы в Переяславле. Василько Константинович, женившись на восемнадцатом году (1227), на другой же год (1228) ходил войной на мордву; Ярослав Всеволодович, женившись пятнадцати лет, ходил вскоре по приглашению в Галич и действовал в происшествиях на юге, принимал участие в рязанском походе отца, и проч.

Об отношениях мужа к жене приводим наставление Владимира Мономаха детям: «Жену же свою любите, но не дайте им над собою власти».

Княгини пользовались всеми правами, им принадлежавшими, имели особые уделы и были предметом любви и уважения.

Как ни скудны наши летописи известиями этого рода, но мы все-таки можем указать несколько, в подтверждение своего положения, именно: когда князья появились под Киевом, вследствие ослепления Василька, и грозили войной, вдова Всеволода с митрополитом вышла из города просить их о пощаде; Мономах «преклонися на молбу княгинину, чтяшеть ю, акы матерь, отца ради своего… и послуша ея, акы матере».

1180. «Святослав (Всеволодович) ходяшет ловы дея… и тогда сдумав с княгинею своею и с Кочкарем, милостьником своим, и не поведе сего мужем своим лепшим думы своея, и абие устремися Святослав на рать…»

1194. «Сего же болми охудевающи силе и отемняющи язык, и возбнув, и рече ко княгине своей: коли будет, рче, Св. Макковей. Она же: в понедельник. Князь же рче: о не дождочю я того… Княгини же усмотревши, яко ино видение виде некако князь, нача прошати», и проч.

Напомним об отношениях великого князя Ростислава Мстиславича к сестре Рогнеде (1168), великого князя Рюрика Ростиславича к снохе Верхуславе (1187), великого князя Всеволода Георгиевича к сестре Ольге, и проч.

Браки бывали иногда не без греха, — впрочем, судя по беспристрастию и вообще по духу наших летописей, не скрывающих с умыслом ничего предосудительного, нельзя предполагать, чтобы нарушения были часты. Из летописей мы узнаем только о неправильности жизни в этом отношении Ярослава Святополковича, который (1117) отослал от себя жену свою, Мономахову внучку; Романа галицкого, который поступил так же (1197) с женой своей, дочерью великого князя Рюрика Ростиславича, и хотел постричь ее, и, наконец, двух галицких князей, а именно знаменитого Ярослава галицкого, и преимущественно сына его Владимира.

О Ярославе сказано, в Киевской летописи, под 1173 годом:

«Выбеже княгиня Ярославляя из Галича в Ляхи, с сыне с Володимером, и мнози бояре с нею». Вскоре они были вызваны назад: «Поеди вборзе, отца ти есмы взяли, и приятеле его, Чаргову чадь, избиле, а се твой ворог Настаска. Галичане же пакладше огонь, сожгоша ю, а сына ея в заточение послаша, а князя водивше ко кресту, яко ему имети княгиню в правду, — и тако уладившеся».

Неудовольствия, однако, продолжались, и Ярослав, умирая, завещал было свой стол Олегу, рожденному от Настасьи.

О Владимире сказано (1188): «Мужи Галичьскии недобро живут с князем своим про его насилье, зане где улюбив жену, или чью дочерь, поимашеть насильем… поя у попа жену, и постави собе жену, и родися у нея два сына».

Роман волынский, в беспрерывной распре со своим тестем, великим князем Рюриком Ростиславичем, «нача отпущати» его дочь. Неизвестно, что с нею сталось, а Роман вскоре взял себе другую жену, впрочем, может быть, вследствие ее смерти.

У Ярослава Всеволодовича тесть, Мстислав новгородский, взял к себе его жену (1216), неизвестно по какой причине и не отпустил ее, несмотря на его просьбы.

У Святополка-Михаила был, по известиям летописи, сын, рожденный от наложницы.

Кажется, не будет смелостью утверждать по малому количеству этих записанных нарушений, что брак между князьями соблюдался строго и свято в общем образе той жизни.

На радостях о рождении детей, князья ставили церкви:

1127. «Заложи церковь камену Св. Иоанна во имя сына своего» (новгородский князь Всеволод Мстиславич).

1173. «Родися (у Рюрика Ростиславича) сын… Михаил-Ростислав… в Лучине… и поставиша на том месте церковь, Св. Михаила, кде ся родил».

Родины праздновалися также пиром, равно как и постриги, о которых известия представлены выше. Предложим одно по Никоновскому Сборнику:

1196. «Быша постриги у… Великаго Князя Всеволода… сыну его Володимеру… ту сущу… епископу Ивану, и ту сущу князю Рязанскому Роману, и з братьею своею, и с мужи своими, и быша в радости, и в веселии, и в любви, и в соединении вечнем, и тако разидошася во свояси».

Праздновались также именины.

1097. «Не ходи от именин моих, просит Святополк несчастного Василька. Да аще не хощешь остати до именин моих, да приди ныне, целуеши мя, и поседим вси с Давыдом».

Праздновались церковные праздники: Пасха, Рождество Христово и др.

1084. «Приходи Ярополк ко Всеволоду на Велик день».

1096. Подожди Святок, приглашает Святополк Василька Ростиславича, приезжавшего, 4 ноября, помолиться в Выдобиче.

1159. «Начаша Ростислава звати лестью у братщину (полочане) к Св. Богородици старей на Петров день».

Братчинами назывались преимущественно монастырские торжественные обеды.

Кроме семейных пиров бывали роскошные угощения по случаю освящения церквей:

1072. «Пренесоша… Св. Бориса и Глеба (Ярославичи) и отпевше литургию, обедаша братья, на скупь, кождо с бояры своими».

1115. «Обедаша у Ольга и пиша, и бысть учрежение велико (по случаю основания новой церкви Св. Бориса и Глеба), и накормиша убогыя и странныя по три дни».

1184. «Священа бысть ц. Св. Василья… и созва (великий князь Святослав Всеволодович) на пир от Св. митрополита Никифора, ины епископы, игумены и весь святительский чин, и Кияны, и быша весели, и отпусти е, и разидошася во свояси».

1200. «Приеха Великый Князь Рюрик со княгинею, и со

сынома… и с дочерью… и со снохою, и постави кутью у Св. Михаила, и молитву принесе…. и створи пир не мал, и трапезу со приготовлением, и накорми игумены, и со калугеры всими… и подари вся яже от первых и до последних, не токмо ту сущая, но и прилучившаяся тогда… и возвесели духовно о пришедшей в дело таково царьской мысли его».

1218. Великое торжество было во Владимире по случаю принесения полоцким епископом мощей Логина сотника для великого князя Константина.

В Ростове при освящении церкви Св. Бориса и Глеба, великий князь Константин сотвори пир и учреди люди, и проч.

На всех подобных праздниках угощались обыкновенно убогие и странные (1115).

Владимиров прекрасный обычай рассылать на возах по улицам пищу и питье больным и бедным исполнялся и другими князьями, например, по известию, сохранившемуся в КИ. и великим князем Андреем Боголюбским:

1175. «Веляшеть по вся дни возити по городу брашно и питье разноличное, больным и нищим на потребу».

По случаю княжеских съездов и свиданий происходили роскошные пиры, с которыми соединялось богатое одариванье.

1147. «Прислав Гюрги и рече: приди ко мне, брате, в Москов. Святослав же еха к нему с детятем своим Олгом, в мале дружине, пойма с собою Володимера Святославича. Олег же еха наперед к Гюргеви, и да ему пардус. И приеха по нем отец его Святослав, и тако любезно целовастася, в день пяток, на похвалу Св. Богородицы, и тако быша весели. Наутрии же повеле Гюрги устроити обед силен (первый московский славный обед!), и створи честь велику им, и да Святославу дары многы, с любовию, и сынови его Олгови и Володимеру Святославичу, и муже Святославле учреди, и тако отпусти и».

1149. «Изяслав же позва (пришедших к нему на помощь угров и ляхов) к собе на обед, и тако обедавше быша весели, великою честью учестив е, и дарми многыми дарова е, а тако поехаша кождо в своя товары».

1151. «Вячеслав… позва сына своего Изяслава к собе на обед, и Кияны все, и королевы мужи и Угры, с их дружиною, и пребыша у велице любви. Вячеслав же и Изяслав велику честь створиста Угром, Вячеслав же от себе, а Изяслав же от себе, и дарми многыми одариста

и, и сосуды и порты и комонми и паволоками, и всякими дарми».

1160. «Снимася Ростислав с Святославом Ольговичем Моровийске, м. мая в 4 день. Бысть же съезд ею на великую любовь. Тогда же Ростислав позва Святослава к собе на обед. Святослав же еха к нему безо всякаго извета, и бысть же радость в тъ день межю има и дарове мнози: да бо Ростислав Святославу соболми, и горностайми, и черными кунами, и песци, и белыми волкы, и рыбьими зубы: на заутрие же позва Святослав Ростислава к собе на обед… да Святослав Ольгович Ростиславу пардус и два коня борза у кована седлу».

1193. «Ростислав испросися у отца ко строеви своему, ко Смоленьску, с сайгаты… Всеволод, тесть его, позва и (Ростислава) к собе. Ростислав же еха к отцю своему в Суждаль, со сайгаты: тесть же его держав у себе зиму сюя и одарив даръми многими, и со честью великою, зятя своего и дчерь свою, отпусти во свояси».

1229. «Благоразумный князь Юрги призва (братьев и племянников, на него вознегодовавших) на снем в Суздаль, и исправивше все нелюбье между собою, и поклонишася Юрью вси… целоваша крест… и праздновавша Рождество Пресв. Богородицы у епископа Митрофана, бывше весели и одарены с мужи своими, и разъехашася».

Бывали угощения общие, в которых весь город принимал участие, например:

1148. Изяслав с сыном Ярославом «посласта подвойскеи и бириче по улицам кликати, зовучи к князю на обед, от мала и до велика; и тако обедавше, веселишася радостью великою и честью, разъидошася в свои домы».

1150. «Изяслав от святой Софьи поеха, и с братьею, на Ярославль двор, и Угры позва с собою на обед, и Кияны, и ту обедав с ними на велицем дворе на Ярославли, и пребыша у велице весельи; тогда же Угре на фарех и на скоках играхуть, на Ярославли дворе, многое множество. Кияне же дивяхутся Угром множеству, и кметьства их, и комонем их».

1195. «Позва и Рюрик на обед, Давыд же приеха ко Рюрикови на обед, и быша в любви велици и во весельи мнозе, и дарив дары многими и отпусти и. И оттоле позва сыновец его Ростислав Рюрикович к собе на обед к Белугороду… Ростислав одарив дары многими и отпусти и. Давыд же позва великого князя Рюрика на обед к собе, брата своего, и дети его, и ту пребыша в весельи и в любви

велиц, и одарив Давыд брата своего Рюрика дарми многими и отпусти и; потом же Давыд позва монастыре все на обед, бысть с ними весел, и милостыню силну раздава им и нищим, и отпусти и; потом же позва Давыд Чернии Клобуци вси, и ту попишася у него вси Чернии Клобуци, и одарив их дарми многими и отпусти их. Кыяне же почаша звати Давыда на пир, и ту подаваючи ему честь велику и дары многи; Давыд же позва Кыяне к собе на обед, и ту бысть с ними в весельи мнозе и во любви велици, и отпусти их».

Преимущественно, кажется, отличались расположением к таким угощениям Изяслав Мстиславич и Рюрик Ростиславич.

Дары были данью в некотором смысле, как мы видели прежде, но вместе служили и знаком почтения, уважения, а также и приязни, равно как и залогом ходатайства, например:

1123. После неудачной попытки Ярослава Святославича под Владимиром помогавшие ему «Угры же, и Ляхове, и Володарь, и Василько, разидошася, а к Володимеру с молбою и дарами, послаша посла».

1128. Всеволод Ольгович «нача ся молити Мьстиславу (Владимировичу), и бояры его подъучивая и дары дая, моляшеться им», чтоб они убедили великого князя не помогать дяде его Ярославу.

1159. «Установи людье Ростислав (в Полоцке, по укрощении мятежа), и одарив многими дарами, и води я к хресту».

Впрочем, вообще князья любили пировать со своей дружиной. Пировать называлось пить. Одно это выражение показывает, что знаменитое изречение Владимира Святого не утратило своего значения: «Руси есть веселие пити».

В особенную похвалу внуку его Всеволоду говорится о воздержании его от пьянства и похоти.

Мономах в своем Поучении намекает на то же.

1063. «Единою пьющу Ростиславу с дружиною».

1115. «Князья обедаша у Олега и пиша» (при перенесении мощей свв. Бориса и Глеба).

1143. «Скопишася братья вся и безбожнии Ляхове, и пиша у Всеволода, и тако разидошася».

1150. «В то время (при нападении Изяслава Мстиславича) Борис (Георгиевич) пьяшет в Белегороде на сеньници с дружиною своею и с попы Белогородьскими».

1151. «Мстиславу… ставшю у Сапогыня, а Угре сташа около его. Тогда выслал ему бяшет Володимер Андреевич питье из Дорогобужа

много и Угром. Мстиславу же пьючи с Угры…»

1157. «Пив Гюрги (Владимирович) в (у) осменика у Петрила, в тъ день на ночь разболеся».

1154. «Сы ночи был весел с своею дружиною (великий князь Вячеслав Владимирович), и шел спать здоров; якоже легл, так боле того не встал».

1188. «Князящу Володимеру в Галичской земли, и бе бо любезнив питию многому» (т. е. пированью).

1217. «Глеб Володимерович с братом позва (братьев) к себе, яко на честь пиренья, в свои шатер… скры (людей своих вооруженных) близь шатра, в нем же бе им пити… и яко начаша пити и веселитися…»

Принадлежностью княжеских пиров были песни, пляска и гульба, если не музыка.

В Несторовом описании Святославова пира (Ярославича) читается: «яко вниде (Феодосий) во храм, идеже бе князь седя, и се виде многия играющи перед ним, овы гусльные гласы испущающе, другые же органные гласы поюще, и инем заморьскыя пискы гласящим, и так всим играющем и веселящимся, яко же обычай есть пред князем… Блаженный вскрай его седя и долу ник, и яко мало восклонився, рече к тому: то будет ли еще на онем свете тоже, ту абие он… умилися, и мало прослезися, повеле тем престати».

В Слове о богатом описывается пир «с гусльми и свирельми, веселие многое… смехословци, плясания, воплеве, песни…»

Слово о полку Игореве свидетельствует, что были особые певцы, — вроде северных скальдов, — которые на таких пирах воспевали славу князей.

«Боян бо вещий, аще кому хотяше песнь творити, то растекашеться мышию по древу, серым волком по земли, сизым орлом под облакы. Помняшеть бо речь первых времен усобице, тогда пущашеть десять соколов на стадо лебедей — который дотечяше, та преди песнь пояше: старому Ярославу, храброму Мстиславу, иже зареза Редедю пред полки Касожьскими, красному Роману Святославичю. Боян же, братие, не десять соколов на стадо лебедей пущаше, но своя вещия персты на живыя струны въскладаше, они же сами князем славу рокотаху. Почнем же, братие, повесть сию от стараго Владимира до нынешняго Игоря…»

В былинах эти певцы изображаются еще живее. Приведем некоторые подобные места, соединяя их из разных песен.

Во славном во Новеграде Как был Садко купец, богатый гость, А прежде у Садка имущества не было: Одни были гуселки яровчаты, По пирам ходил-играл Садко. Садка день не зовут на почестен пир, Другой не зовут на почестен пир, И третий не зовут на почестен пир. Потом Садко соскучился…

Он мастер Ставер в гусли играть, Игр играть и напевок напевать Про старые времена и про нынешни, И про все времена досюлешны.

…Пошел Добрынюшка Микитинец К князю Владимиру на почестен пир. Сокручивается в платы скоморошныя, Идет в терем златоверхватый По ступенчикам идет по наличныим, Ступенчики гибаются, весь терем шатается. Говорит Владимир князь стольно-Киевский: Скоморошье место на запечье. А Добрыня скочил на печку на муравленую, Он натягивал в гусельках, налаживал Двенадцать струночек золоченыих,

И зыграл он в гуслицы яровчаты, Выигрывал хорошенько из Царя-града, А из Царяграда до Иерусалима, Из Еросалима к той земле Сорочинския. Третий раз стал поигрывати Все свое похоженьице рассказывати. На пиру игроки все приумолкнули, Все скоморохи приослушались: Этакой игры на свете не слыхано, И на белоем игры не ведано.

Все народы приближалися, И Добрынюшке покланялися.

Тая-то игра прилюбилася Всему кругу молодецкому Всему поезду княженецкому.

Князю игра-та по уму пришла, Сам говорил таково слово: Ай жа ты детина (молода) скоморошина! Опущайся со печки муравлены, Выбирай себе место, где тебе любое.

Ставал Владимир князь на резвы ножки, Наливал-то он чару зелена вина, Подносил к молодой скоморошине.

В былине о Чуриле Пленковиче указывается еще на следующее занятие скоморохов:

И возговорит княгиня Опраксия: Ай же ты, солнышко Владимир князь! Положи-тко Чурилу в постельнички, Чтобы стлал он перину пуховую, И складал бы зголовьице высокое, И сидел бы у зголовьица высокого, Играл бы в гуселышки яровчаты, И спотешал бы князя Владимира.

Во вступлении к Волынской летописи встречается следующее, не совсем ясное место о подобном обычае у половцев: «По смерти же Володимере оставшю у сырьчана единому гудцю же Ореви, посла и в Обезы, река: Володимер умерл есть, а воротися, брате, поиди в землю

свою; молви же ему моя словеса, пой же ему песни Половецкия».

Есть древний след тостов или здравиц.

1065. «Княже, хочу на тя пити, говорит катапан греческий Ростиславу Владимировичу в Тмуторакани. Ономуже рекшю: пий…»

Посты, однако же, строго наблюдались. Доказательством тому служит, какое страшное смятение произошло во всем православном мире (1164) вследствие учения владимирского епископа Леона.

«Неести мяс в господьскыя праздникы, в среды и в пяткы, ни на Рождество Господне, ни на Крещенье. И бысть тяжа про то велика пред князем Андреем, предо всеми людьми, и упре его (Леона) владыка Феодор. Он же иде на исправление Царюгороду».

Все наши князья сочли обязанностью снарядить особые посольства в Константинополь, чтобы там удостовериться в истинном учении. Победа осталась на их стороне.

Через четыре года воинами великого князя Андрея суздальского взят был Киев (1169), «его же не было никогда же», и летописец Суздальский торжественно приписывает это несчастье новому учению, которое разделял киевский митрополит.

Вообще, образ жизни князей, их времяпрепровождение в дни мира было следующим:

Вставали они рано поутру, со светом. «Первое к церкви, — говорит Мономах, — да не застанет вас солнце в постели, тако бо отец мой деяшеть блаженный и все добрии мужи свершении. Заутренюю отдавше Богови хвалу, и потом солнцю всходящю и узревше солнце, и прославити Бога с радостью».

По праздникам князья присутствовали при богослужении.

1125. О Мономахе сказано: «Жалостлив же бяше отинудь, и дар си от Бога прия, да егда в церковь внидяшеть, и слыша пенье, и абье слезы испущашеть, и тако молбы ко владьще Христу со слезами воспущаше».

Смоленский князь Давыд Ростиславич ежедневно посещал церковь (1199).

С Владимирком галицким (1152) случился удар, когда он шел от вечерни.

Андрей Боголюбский «к заутрени в нощь входяшеть в церковь и свещи вжигивашет сам».

1169. Великий князь Ростислав «по вся недели (в продолжение Великого поста) причащение имаше, слезами омывая лице свое и воздыханием частым смиряя себе, и стонание от сердца своего

испущая, всим видящим его в толици смиреньи стояща, и тако не можаху удержатися от слез».

Службу слушали, вероятно, на полатях, в домовых церквях:

1152. «Якоже съеха Петр (посол великого князя Изяслава Мстиславича) с княжа двора, и Володимер (галицкий) поиде к божнице, ко святому Спасу на вечернюю, и якоже бы на переходех до божници, и ту виде Петра едуща, и поругася ему… и то рек иде на полати, и отпевше вечернюю», и проч.

Такие полати, кажется, мы видим при церкви в Боголюбовом монастыре близ Владимира, где великий князь Андрей слушал божественную службу.

Затем следовал завтрак.

«Да заутрокай, брате, говорит Святополк приглашенному Василько, и обещася Василко заутрокати».

1095. «На утрия в неделю, заутрени суще године, пристрои Ратибор отрокы в оружьи, истобку пристави истопити им. И присла Володимер отрока своего по Итлареву чадь… зоветь вы князь Володимер, рекл тако: обувшеся, в тепле избе заутрокавше у Ратибора, придите ко мне».

После завтрака князь садился думать с дружиной или оправливать людей, как то видно из Поучения Мономаха:

«Тоже и худаго смерда и убогыя вдовицы не дал есмь сильным обидети, и церковнаго порядка и службы сам есмь призирал».

О Владимире Ярославиче галицком сказано, что он «думы не любяшет с мужами своими».

Вместо думы и суда, иногда, Мономах предлагает детям:

«Или на лов ехати или поездити».

Охота, за зверями и птицами, была любимым занятием в древности. Предлагая места об охоте, напомним прежде об охоте Олега и Люта Свенельдича из норманнского периода.

Яснее всего княжеская охота видна из описания Мономаха:

«Конь диких своима рукама связал есмь, в пущах 10 и 20 живых конь, а кроме того иже по рови ездя имал есмь своима рукама те же кони дикие: тура мя два метала на розех и с конем, олень мя один бол, а 2 лоси, один ногама топтал, а другый рогама бол, вепрь ми на бедре меч отял, медведь ми у колена подклада укусил, лютый зверь скочил ко мне на бедры, и конь со мною поверже: и Бог неврежена мя съблюде, и с коня много падах, голову си розбих дважды, и руце и нозе свои вередих».

1091. «Всеволоду ловы деющю звериныя за Вышегородом, заметавшим тенета, и кличаном кликнувшим…»

1144. «Вшедшю Володимеру в Тисмяничу на ловы».

1180. Давыд Ростиславич по Днепру «в лодьях, ловы дея, а Святослав ходяшеть по Черниговьской стороне, ловы дея противу Давыдови».

1190. Святослав с Рюриком «идоста на ловы по Днепру в лодьях, на устья Тесмени, и ту ловы деявша, и обловишася множеством зверей; и тако наглумистася, и во любви пребыста и во весельи, по вся дни».

1193. Ростислав Рюрикович «еха с ловов от Чернобыля в Торцькый вборзе, не поведая отцю, а по дружину свою посла».

1185. Игорь Олегович северский в плену у половцев, «где хочет ту ездяшеть, и ястребом ловяшеть, а своих слуг с 5 с 6 с ним ездяшеть».

Это место словом ездяшеть напоминает еще Мономахово известие: «Или на лов ехать, или поездити».

Что значит поездьство?

Военные игры, чтобы не сказать рыцарские упражнения.

1161. Великий князь Ростислав предложил союзнику своему черниговскому князю, Святославу Ольговичу, прислать сына в Киев для знакомства. Святослав отпустил Олега:

«И бысть у него по два дни на обеде; третий же день едущю Олгови из товар на поездьство».

Под 1150 г. ездить выражено другим словом: угры, отобедав у великого князя Изяслава, после обеда, «на фарех и скоках играхуть на Ярославли дворе».

Следующее место из песни относится, вероятно, к военным играм:

Кто из вас горазд стрелять из луку из каленого, Прострелить бы стрелочка каленая По тому острею по ножовому, Чтобы прокатилася стрелочка каленая На две стороны весом равна, И попала бы в колечко серебряное.

В полдень был обед:

1096. «Мстиславу седящю на обеде».

1146. Игорь Ольгович «еха на обеде… И ту бехут (Изяслав Мстиславич и Владимир Давыдович) стали обедати».

1149. Святослав Ольгович «позва и (Юрия Долгорукого) к собе на обед».

После полудня спали.

«Спанье есть от Бога присужено полудне, — говорит Мономах, — от чина бо почивает и зверь и птици и человеки». Посему он советует детям это отдохновение по исполнении утренних дел.

1097. «Приде Святоша и Путята… Давыдовым, воем облежащим град, в полуденье Давыдови спящу».

День перед вечером оканчивался ужином.

«Иде Василко поклонится к святому Михаилу в монастырь, и ужина ту… вечеру же бывшю приде в товар свой».

Сну предшествовала молитва.

«Не грешите ниедину же ночь (то есть, не пропускайте ни одной ночи), аще можете поклонитися до земли; али вы ся начнеть немочи, а трижды, а того не забываете не ленитеся; тем бо ночным поклоном и пеньем человек побежает дьявола, и что в день согрешит, а тем человек избывает».

Молитву творить советует Мономах и в продолжение дня:

«Аще и на кони ездяче, не будет ни с кым орудья, аще инех молитв не умеете молвити, а Господи помилуй зовете беспрестанно втайне; та бо есть молитва всех лепши, нежели мыслити безлепицю».

Князья любили беседовать с духовными лицами.

Святослав Ярославич приказывал умолкать своему пиру, лишь покажется в дверях Св. Феодосий, всякое посещение которого он считал особенным для себя счастьем.

1093. Всеволод «въздая честь епископом и пресвитером, излиха же любяше черноризци, подаяние требованье им».

То же рассказывается о Глебе Святославиче (ум. 1078), о великом князе Ростиславе Мстиславиче (ум. 1168), Глебе Георгиевиче (ум. 1171), Андрее Боголюбском (ум. 1174) и др.

Строили церкви и основывали монастыри, уступая им часть своих доходов, например, Ярополк Изяславич «вда всю жизнь свою Небольскую волость и Дерьвьскую, и Лучьскую и около Киева. Глеб же вда в животе своем с княгинею 600 гривен серебра, а 50 гривен золота».

Наконец, должно заметить, что хозяйственное управление своими домашними делами, селами, дворами, стадами и проч., счеты и расчеты с тиунами, занимало у князей много времени.

О банях, упоминаемых еще в предании о Св. Апостоле Андрее, встречается известие в Волынской летописи, под 1205 г. Бенедикт,

посланный Андреем, королем угорским, в Галич, «я (захватил) Романа в бани мыющася».

В Густынской летописи под 1205 г. рассказывается, что русские князья «бишася со Литвою и Ятвяги, и победиша их, и уставиша на них дань лыка и кошницы и веники до бани: не имяху бо сребра, ни иного чего краснаго».

Такова была их жизнь во время мира, но война с ее подвигами и опасностями, удачами и неудачами, добычей и славой, составляла любимое их занятие с молодых ногтей до глубокой старости. Мы говорим война, повинуясь употреблению, но собственно это была не война, а какая-то борьба, вроде мирных кулачных боев, по большей части без ненависти и злобы, без долговременной мести, которых почти нет следов в наших летописях, кроме двух-трех частных случаев, которые могут назваться исключениями.

Крайности сходятся. Князья, воюя между собой из-за владений, думали о монашеской жизни. В XI веке Никола Святоша Давыдович, с бранного поля, становится сторожем перед воротами монастырскими и подчиняет себя всем требованиям строгого монастырского устава. Вскоре после него многие князья перед смертью принимают схиму, думая о ней заранее, например:

1146. Плененный и больной Игорь Ольгович говорит своему счастливому сопернику, Изяславу Мстиславичу:

«Брат! се болен есмь велми, а прошю у тебе пострижения, была бо ми мысль на пострижение еще в княжении своем, ныне же у нужи сей…. не чаю собе живота. Он же сжалив си и рече: аще была ти мысль на пострижение, в том еси волен, но яз тя и без таче выпущаю, болести деля твоей… Повеле ся постричи Ефимью епископу, потом Бог отда ему немощи, и приведоша Киеву в монастырь Св. Федора, и призва игумена и братью, свершив же ся обещал, пострижеся… в скиму».

1168. «Не могу зде лечи, говорит великий князь Ростислав сестре (уговаривавшей его „лечи Смоленьске в своем ему зданьи“), повезите мя Киеву; аще мя Бог отъиметь на пути, то положите мя в отни благословеньи у Св. Феодора; аще ми Бог отдасть болезнь сию, молитвами пречистые и Св. отца нашего Федосья… то постригуся в Печерском монастыре.

Егда бо отходя житья сего маловременнаго молвяше… отцю своему духовному: Тобе воздати слово о том Богу, занеже възборони ми от пострижения. Молвяше бо Ростислав часто то слово к игумену

Печерьскому Поликарпу: тогда, игумене, взях мысль от пострижения, егда же приде ми весть из Чернигова о Святославли смерти Олговича. Молвяше же и то всегда к игумену: постави ми, игумене, келью добру, бояся напрасныя смерти, а что си о мне Бог устроить и наша молитва».

1194. Великий князь Святослав Всеволодович, умирая, «веля ся постричи в черньци».

1197. «Преставися князь Смоленский Давыд, сын Ростиславич… приим мнишскый чин, его же желаше, о коем думал еще и прежде… Моляся помышляше в сердце своем, дабы мя Бог сподобил мнишьскому чину, и свободился бых от многомятежнаго житья и маловременнаго света сего».

1228. Сам удалой Мстислав Мстиславич принял перед смертью схиму.

Женщины привержены были к церкви, разумеется, еще более, например, внучки Ярослава, дочери Всеволода, пошли в монашество очень рано:

1086. «Всеволод заложи церковь Св. Андрея, и сотвори у церкви тоя монастырь, в нем же пострижеся и дщи его девою, именем Янька… и совокупи черноризицы многи, и пребываше с ними по монастырскому чину».

1106. «Пострижеся Еупракси, Всеволожа дщи (вдова немецкого императора Генриха IV), м. декабря в 6 день».

Княгини, вдовы, постригались вслед за своими мужьями, например:

1197. «Видивши княгини его (Давыда Ростиславича смоленского) приимши мнискый чин, и пострижеся и сама княгини его».

Назовем еще славную своими добродетелями в древности княгиню, супругу великого князя суздальского Всеволода Георгиевича, Марию, родом Ясыню.

1206. «Пострижеся великая княгиня Всеволожая во мнишеский чин, в монастыри Св. Богородице, юже бе сама создала, и нарекоша ей имя Мария, въ то же имя крещена бысть преже».

В летописях встречаются следы причитаний над покойниками.

По Андрею Боголюбскому:

1173. «Поча весь народ (во Владимире) плача молвити: уже ли Киеву поеха, господине, в ту церковь, теми Золотыми вороты, их же делать послал бяше той церкви на велицем дворе на Ярославля, а река: хочю создати церковь таку же, акаже ворота си золота, да

будеть память всему отечеству моему».

По Мстиславу Ростиславичу:

1179. «Новогородцы молвяху плачющеся: уже не можем, господине, поехати на иную землю, поганыих поработити в область Новгородьскую: ты бо много молвяшеть, господине наш, хотя на все стороне поганыя; добро бы ныне, господине, с тобою умрети створшему толикую свободу Новгородьцем от поганых, яко же и дед твой Мстислав свободил ны бяше от всех обид; ты же бяше, господине мой, сему поревновал и наследил путь деда своего; ныне же, господине, уже к тому не можем тебе узрети, уже бо солнце наше зайде ны и во обиде всим остахом».

По смоленскому князю Роману Ростиславичу:

1180. «Княгини его безпрестани плакаше, предстоящи у гроба, сице вопиюще: царю мой благый, кроткий, смиреный, правдивый! воистину тебе наречено имя Роман, всею добродетелию сын подобен ему, многия досады прия от Смольян, и не виде тя, господине, никому же противу их злу ни котораго зла воздающа, но на Бозе вся покладывая провожаше».

Князья погребались очень скоро, обыкновенно на другой день по кончине, например:

1115. «Преставися Олег Святославич августа в 1 день, а во 2 погребен бысть у Св. Спаса».

1093. Всеволод Ярославич «преставися апреля в 13 день, а погребен в 14 день».

1113. «Преставися апреля в 16 день Святополк за Вышгородом, и положиша и в церкви Св. Михаила, иже бе сам создал».

1132. «Преставися Мьстислав (Владимирович) апреля в 13, празной недели в пяток, положен бысть у церкви Св. Феодора, а Ярополк выиде в Киев в 17 день, в неделю».

1141. Андрей Владимирович умер 22 января, а похоронен 23.

1158. «Преставися Гюрги м. мая в 15 в среду в ночь, а заутра в четверг положиша у монастыря Св. Спаса».

Тела князей полагаемы бывали обыкновенно при церквах, подле родителей, например:

1093. Всеволод положен был во гроб, в церкви Св. Софьи. «Да ляжеши, идеже аз лягу, у гроба моего», говорил ему отец Ярослав.

1123. Мономах положен был у Св. Софьи, у отца своего.

1154. Вячеслава «положиша у Св. Софьи, идеже лежит Ярослав, прадед его, и Володимер, отец его».

1133. Мстислав «положен бысть у церкви Св. Феодора, юже бе сам создал».

1154. Изяслав (Мстиславич) «в церкви Св. Феодора в отни ему монастыре».

1168. Ростислав Мстиславич «вложен бысть в гробу у Св. Феодора, в отни ему монастыре».

Раки или гробы часто упоминаются мраморные, например:

1078. Для великого князя Изяслава; 1086 для Ярополка Изяславича.

Тела князей, умерших в удалении, привозились и погребались в их отчинных городах.

1076. Тело Святослава Ярославича, скончавшегося в Киеве, отвезено было в Чернигов.

1077. Глеб, сын его, убитый в Заволочье, погребен был в Чернигове.

1086. Тело Ярополка Изяславича, убитого около Звенигорода, ноября в 22 день, привезено было в Киев, декабря 5.

1168. Тело великого князя Ростислава, скончавшегося близ Смоленска, 14 марта, привезено было в Киев и погребено 21.

По кончине князя, у его гроба ставилось копье.

1152. Ярослав Владимирович галицкий, вернув, по случаю внезапной смерти отца, посла от великого князя Изяслава Мстиславича, говорит ему:

«Бог отца моего понял… полк его и дружина его у мене суть… разве одино копие поставлено у гроба его».

За гробом при выносе следовала дружина, и был несом стяг (знамя) умершего князя, и веден его конь:

1171. Игумен Поликарп объявил вышгородскому князю Давыду Ростиславичу, по случаю принесения тела Владимира Андреевича из Дорогобужа, для погребения в Киеве: «княже! се дружина его не едуть с ним, а пусти своее дружины несколько, не кто ни конь доведа, ни стяга донеса. Давыд рече: того стяг и честь с душею исшла».

1175. Когда тело князя Андрея Боголюбского несли из Боголюбова во Владимир для погребения, то жители вышли к нему навстречу, и «бысть по мале времени, и поча выступати стяг от Боголюбого».

По смерти надевалось особое скорбное платье, траур.

1152. Умер князь Владимир галицкий, перед смертью отправив киевского посла. Ярослав, сын, велел воротить его, «и приеха на княж

двор, и ту снидоша противу ему с сеней слугы княжи вси в черних мятлих… взиде на сени, и виде Ярослава на отни месте в черни мятли и в клобуце».

Платье умершего князя вывешивалось в церкви на память:

1237. «Татарове… иконы ободраша… и кресты честные и ссуды священныя… и порты блаженных первых князей, еже бяху повешали в церквах святых на память себе, то все положиша себе в полон».

Судя по этому месту, можно и в другом, нижеследующем, под портами подразумевать также княжеские одежды.

1183. «Сгоре (во Владимире)… сборная церкви святая Богородиця Златоверхая… и что бяше вне и вну… порт шитых золотом и жемчугом, яже вешали на празник в две верви от Золотых ворот до Богородицы, а от Богородице до Владычних сеней во две верви чудных».

По случаю кончины князя раздавалась милостыня и устраивалось поминовение.

1113. «Преставися князь… Святополк… положиша в церкви Св. Михаила… Княгини же его много раздели богатство монастырем и попом и убогым, яко дивитися всем человеком, яко такоя милости никтоже можеть творити».

1154. При кончине великого князя Вячеслава Владимировича, «Ростислав, спрятав тело его и еха на Ярославль двор, и съзва мужи отца своего Вячеславли, и тивуны и ключникы, каза нести именье отца своего перед ся, и порты, и золото, и серебро, и снес все, и нача роздавати по манастырем, и по церквам, и по затвором, и нищим, и тако раздая все, а себе ни прия ничто… а прок имения да, чем же над ним деяти на последния дни, чим свечю и просфору его побдети».

Известие под 1185 г.: «По княжи животе княгини (вдова Ярополка Изяславича), вда сто гривен серебра, а 50 гривен золота, а по своем животе вда княгини пять сел и с челядью, и все да и до повоя».

Милостыня раздавалась иногда и перед смертью.

Ярослав Владимирович галицкий (1187) «ко преставлению своему, в болезни тяжьце, познася худ, и созва мужи своя, и всю Галичкую землю, позва же и сборы вся и манастыре, и нищая, и силныя и худыя, и тако глаголаша плачася ко всем: отци и братья и сынове! се уже отхожю света сего суетнаго, и иду ко Творцю своему, а сгреших паче всих, якоже ин никто же сгреши, а отци и братья! простите и отдайте. И тако плакашеться по три дни, передо всими

сборы и передо всеми людми, и повеле раздавати имение… свое манастырем и нищим, и тако даваше по всему Галичю по три дня, и не могоша раздавати».

ПИЩА

Хлеб из ржаной муки пекся кислый на квасу (дрожжи). В Несторовом житии Феодосия читается: «бесы овогда муку разсыпающе, иногда же поставленный квас, на устроение хлебом, разливаху».

Вот еще какие там встречаются слова и выражения, относящиеся к пище и ее приготовлению: пища, ядь, брашно; жито, мука, отруби. Молоть жито. Огонь сечи. Мешать, месить тесто, печь хлебы. Хлеб сухой, хлеб ржаной, хлебы чисты, с маком и медом; хлебцы, укрух хлеба, коврижки.

Масло деревянное, из льняного семени. Корчага масла. Бить масло.

Сочиво. Зелие вареное, без масла.

По вопросам Кирика «в чистую неделю достоить мед ясти пресный, квас житный, а икра по все говение бельцем».

Соль мерилась головажнями, по Русской Правде. В 1233 г. в Новгороде соль продавалась по 7 гривен берковец.

В случае голода в народе употреблялась лебеда.

В Русской Правде говорится о корме, о хлебах, о солоде, о мясе, о рыбе, о домашних птицах.

Мясо, рыба, дичь, домашние птицы употреблялись в пищу, как видно в Слове XII века о богаче и нищем. Предлагаем описание его роскошного обеда.

«На обеде же его служба бе многа, сосуди златом сковани и сребром, брашно многое (различно): тетеря, гуси, жеравие и ряби, голуби, кури, заяци и елени, вепреве, дичина, чамри (?), търтове (?), печени, кръпания (?), шемьлизи (?), пирове (?), пътъкы, множество сокачии (поваров), работающе и делающе с потом; инии мнози текуще, и на перстех блюда носяще, ини же махающе с боязнию; ини же сребреныя умывальница держаще, ини же укропьниця дъмуще, ини стклянница с вином носяще, чаше сребрены великыя позлащены, кубци и котьли…»

«Егда веселишися многими брашны, говорит Даниил Заточник, а мене помяни сух хлеб ядущ, или пиеши сладкое питие, а мене помяни

теплу воду пьющи».

В житии Феодосиевом рассказывается, как великий князь Изяслав удивлялся сладости простых монастырских брашен, между тем как дорогие, изготовленные его рабами, не приходятся так ему по вкусу. Святой отшельник приписывал это различие способу изготовления: в монастыре с молитвою, а у князя с бранью и ссорами.

В древних песнях встречаются беспрестанные упоминания о почестных пирах красного солнышка князя Владимира.

Вот рассказ об угощении Добрыни Никитича матерью Дюка Степановича:

Брала за белы руки, Повела в палаты белокаменны, Садила за те столы дубовые, за яства сахарные (медвяные), Подносила ему калачики крупичаты…… Калачик ест, другой хочется, Другой ест — по третьем душа горит. Ешь, молодец, до сыти, пей до люби.

ПИТЬЕ

В Русской Правде питье называется вообще вологою.

Обыкновенные напитки квас, мед, вино, олуй.

1146. «Двор Святославль раздели (великий князь Изяслав Мстиславич)… в погребех было 500 берковьсков меду, а вина 80 корчаг».

1151. «Мстиславу… ставшу у Сапогыня, а Угре сташа около его. Тогда выслал ему Володимер Андреевич питье из Дорогобужа много и Угром… пьюче… пьяни».

Олуй (1226) напиток норманнский, нынешний английский эль.

1233. «Свадьба была пристроена, меды изварены (насычены)» для князя Федора Ярославича, — в Новгороде.

В Слове о богатом: «питие же много: мед и квас, мед чистый пъпьряный (с перцем), пития обнощная».

Корчага вина упоминается и в житии Феодосия. Там же викня, сосуд для вина.

В рассказе об убийстве Андрея Боголюбского говорится о медуше, где заговорщики для ободрения напились (1175), бретьяницы (1146) может быть от борть, следовательно, то же, что медуши?

В песнях упоминаются часто меды стоялые, питьица медвяные, вино зелено.

Из посуды упоминаются сосуды серебряные и золотые (1152), блюда, чаши, кубки, котлы, стклянницы (в Слове о богатом). Чаши встречаются и в летописи Волынской (1230). Горнцы (1217), горшки.

В песнях слышатся чары, стопы зелена вина, меду ярого, пива пьяного.

Дюк Степанович хвастается: У нас вина пьют виноградные, Чарочку пьешь, а по другой душа горит: У вас вина-ты хлебные, Меды-ты у вас кислые, А у нас меды-ты стоялыи. У вас все не по-нашему: У нас столы кости слоновыя, Скатерти у нас на столах шелковые, А по углам висят кисти золоченые.

ОДЕЖДА

Общеупотребительное слово было порты (оттуда портной, портомойное, в песнях портомойницы), — одежда, платье.

В Русской Правде: «аче кто конь погубит, или оружье, или порт… аже кто познает свое… или конь, или порт» и проч.

1183. Сгорело во Владимире «множество порт шитых золотом и женчюгом, аже вешали на празник в две верви от Золотых ворот до Богородице, а от Богородице до владыцних сений, во две же верви чюдных».

1216. Перед Липецкой битвой Ярослав Всеволодович, уверенный в победе, распоряжался так: «се пришел бы товар в руки, вам же буди кони, брони, порты, а человека оже кто иметь живаго, то сам будет убит; аще и золотом шито оплечье будет, убий».

Княжеская одежда лучше всего представляется на рисунке, приложенном к Сборнику Святослава, и в житии Св. Бориса и Глеба.

Перечислим прежде всего древние материи.

Паволоки норманнского периода встречаются еще и в XII веке: 1115. Мономах (чтобы рассеять толпу при перенесении мощей Св. Бориса и Глеба) «повеле метати паволоки, фофудьи и орниче».

Фофудьи (оттуда фуфайка) теплая одежда. Орниче — опушки.

1146. «Присла Юрий (Долгорукий) дары многи Святославу (Ольговичу) паволокою и скорою, и жене его, и дружину его одари по велику».

1164. Греческий царь прислал к Ростиславу «дары многи, оксамиты и паволоки, и вся узорочья разноличная».

В Слове о богаче: «Ты облачишися в паволоце и кунах, а убогий руба (оттуда рубаха, рубище), не имеет на телеси.

Тъ богат в багре и паволоце хожаше».

Готовят же ему (богачу) и «одр перин паволочитых».

Паволоки встречаются и в древних песнях.

В Несторовом житии Св. Бориса и Глеба упоминается о багрянице — порфир.

1168. «Снял бых венец и багряницу», говорит умирающий Ростислав.

Аксамит — род парчи.

1173. Киевлянин Козма упрекает ключника Анбала: «помнишь ли, жидовине, в которых портех пришел бяшеть. Ты ныне в оксамите стоиши, а князь наг лежит». Анбал бросил ему ковер.

В Слове о полку Игореве упоминаются дорогие аксамиты. (Эта ткань употреблялась и для церковных принадлежностей). В древних песнях поется об аксамите, о скарлат-сукне, о смуром сукне, о крашенине.

Камочка, камочка моя Мелкотравчатая, узорчатая! Не давайся развертываться Ни атласу, ни бархату, Ни тому что аксамиту на золоте.

На старом шубочка соболья была, Под дорогими под зеленом под самитом.

Голой шап Давыд Попович Приходил ко ласкову князю Владимиру, Принес сукно смурое, Да крашенину.

По свидетельству Рубруквиса, русские женщины носили горностаевые платья или делали опушки и накладки из горностаев снизу до колен.

Ярославна причитает в Слове о Полку Игореве: «полечю зегзицею по Дунаеви, омочю бебрян рукав в Каяле реце».

Теперь приведем названия одежд, которые встречаются в памятниках.

Корзно, епанча, верхняя одежда.

1015. Святополк «нача даяти овем корзня, а другым кунами».

1147. «Огну и (Игоря Ольговича) корзном (Владимир Мстиславич)».

Кочь, также верхняя одежда: полукафтан.

1240. Михаил черниговский «съима с себе кочь свой и верзе к ним (татарам)».

В Слове о полку Игореве есть место: «ортьмами (?) и япончицами (епанчи?) и кожухи (тулупы) начаша (русские) мосты мостити по болотам и грязивым местом (у половцев)».

В Несторовом житии Феодосия говорится об одежде боярской: «облече в одежю славну, светлу, якоже е лепо бояром».

Мятель (оттуда прозвание Мятлевых) мантия.

1152. «Снидоша слуги княжи в черних мятлих… Видя Ярослава (галицкого, Владимиркова сына) седяща на отни месте, в черни мятли и в клобуце».

Относительно одежды духовенства, в правиле м. Иоанна говорится о ризах различных и шелковых.

Шапочка архиеп. Никиты опушена горностаем.

В ответах Нифонта встречаются следующие выражения об одежде:

«Студения ради иереем можно облачиться в порты исподни, — от кож животных, их же едять, и не снедных, — нетуть беды ходити, хотя в медвежине».

В житии Феодосиевом упоминается одежда чистая, светлая, худая, заплатаная; свита власяная, вотолина (из грубой ряднины), козлина.

Там же: «Копытцы плетуще (вероятно, что-нибудь вроде стелек, подкладок под подошвы), и клобуки».

Сорочица, сорочка, рубашка.

Под 1097 г. о Васильковой сорочке: «вдаша попадьи опрати».

(Прати, стирать, мыть, оттуда прачка).

1216. «Князь Юрьи прибеже в Володимерь о полудне, на четвертом кони, а трех удушил, в первой сорочице, подклад и тый вывергл» (по Троицкому списку).

В древних песнях упоминается о рубашечках, чулочках, сапожках, лапотках, чеботах, платьицах, пуговках, петельках, поясах, — шапки, шляпы, колпаки земли греческой, подсумка, войлоки, сукно одинцовое, особое платье скоморошеское.

ОБУВЬ

Сапоги, лапти, черевья, чеботы.

1093. «Обувшеся».

1216. Новгородцы «сседше с конь, и порты… сапозе, сметавше, боси, поскочиша».

Слово Даниила Заточника: «Луче бо ми видети нога своя в лычницы (лапти из лыка), нежели в червлене сапозе в боярстем дворе».

Нестор пишет в житии Исаакия: «Егда же приспеша зима, стояша в прабошнях, в черевьях протоптанных, яко примерзняшета нозе его к камени в церкви».

1229. «Сице умирающим (уграм) инии же выступахуть из подошев акы из червия».

Рукавицы перстатыя, перчатки, упоминаются в смоленском договоре 1228 г.

Постель упоминается в Поучении Мономаха, в летописи под 1189 годом.

В Слове о богатом: «Богат красен несмыслен, той яко поволочитое зголовье соломы наткано».

Там же упоминаются перины, одр слонов.

1168. «И бе видите слезы его (умирающего великого князя Ростислава Мстиславича) лежачи на скранью его (подушка), яко жемчужья зерна».

Подушка упоминается в житии Святоши.

Даниил Заточник жалуется: «егда ляжеши на мягких постелях под собольими одеялы, а мене помяни, господине, под единым платном лежаще зимою умирающе».

Паполома упоминается в Слове о полку Игореве, покрывало.

Ковры в летописях под 1097, 1175 г.

Пояс усьян у Кирилла Туровского.

Поволочник, скатерти, убрусья, упоминаются в грамоте Ростислава 1150 г.

Понява, понявица, в Суздальской летописи под 1237 г. «Женщина взя тело Василька (убитого татарами), и понявицею обит, рекше саваном».

Вот как описывается богатый наряд юноши, который собрался странствовать:

У батюшки, у матушки, жил молодец, Одинакий сын во дрокушке (в неге) Ел сладко, и носил красно, работал легко. Захотелося дородню добру молодцу Сходить на чужую дальнюю сторонушку, Людей посмотреть и себя показать. Сряжается во путь во дороженьку; Шубоньку сшил он собе куньюю, По подолу острочил чистым серебром, По рукавчикам и окол ворота Строчил шубоньку красным золотом; Ворот в шубоньке он сделал выше головы: Спереду-то не видать лица румяного, И сзаду не видать шеи беленькой; Шапочку на головушку сшил он соболиную, Дорогих-то соболей заморскиих; Кушачок он опоясал семишелковый,

Перчаточки на руках с чистым серебром; Сапожки-то на ноженьках сафьянные.

К сведениям о древней одежде можно присоединить и следующие места из песен:

Добрыня Никитич садился под окошечко косящетое, Зрел-смотрел в поле чистое… Как из далеча-далеча чиста поля, От матушки от Сорочи от реки, Идет с поля толпа — сто молодцев: Кони под нима одношерстные, Узды на них одномедные, Кафтанчики на молодцах скурлат-сукна, Источенкамы (?) подпоясанные, Сапожки на ножках зелен-сафьян, Носы по нос шилом, пяты востры, Око носов-носов яйцо покати, Под пяту-пяту воробышко летит, Воробышко летит, перепуркивает.

Калика перехожая по приказанию Ильи Муромца

…Скидывал подсумки рытого бархата, И скидывал он гуню сорочинскую, И разувал он лапотки шелковые, И втыкнул он клюшку волжанку (из дерева иволги) Во матушку сыру землю, — И уходила та клюшка до коковочки (загнутый верхний конец). И скидывал он шляпу греческую, И одевал он платье богатырское, Садился на добра коня…

Строчечка одна строчена чистыим серебром, Другая строчена красныим золотом; В пуговки воплетано по доброму по молодцу В петелки воплетано по красной по девушке: Как застегнутся, так обоймутся, А растегнутся, и поцелуются.

Молода Настасья Микулична Скорешенько бежала на широкий двор В одной тонкой рубашечке без пояса, В одних тонких чулочиках без чеботов. А у матушки нижняя одежа дорогой камки, Верхняя одежда золотой парчи, На головушке шляпа из крупного жемчуга, Спереди положен камень самоцветныий, Лапотики на ножках плетеные, Плетеные из шелков да шамаханскиих, А в носики вставлено по славному по каменю по яхонту.

К украшению одежды принадлежали золотые и серебряные вещи.

1147. «Биюче же Михаила (во время киевского мятежа), отторгоша хрест на нем, и с чепьми, а в нем гривна золота».

1213. «Убиша Михаила Скулу (в Галиче), главу его сусекоша, трои чепи сняше золоты».

«Не кладаху на свои жены златых обручей (древние бояре), но хожаше жены их в серебре», говорит Новгородский летописец во введении к летописи (ок. 1200 г.).

Серьги. 1150. Жители Мичска «емлюче серебро из ушью,

сливаюче серебро, даяхуть Володимеру (галицкому, как контрибуцию)».

Богатство состояло в золоте, серебре, меди, железе, мехах, портах, паволоках.

1065. «Двор княж (Изяслава Ярославича) разграбиша: безчисленное множество злата и сребра, кунами и скорою».

1073. Святослав Ярославич показывал немецким послам «богатство свое… безчисленное множество злата и сребра и паволок».

1147. «Идоста на Игорево селце, идеже бяше устроил двор добре; бе же ту готовизни много в бретьяницах и в погребех вина и медове, и что тяжкого товара всякого, до железа, и до меди, не тягли бяхуть от множества всего вывозити».

1175. «Поидоша на сени (убийцы Андрея Боголюбского), и выимаша золото и каменье дорогое и жемчюг и всяко узорочье, и до всего любимаго имения».

Движимое имущество называлось вообще товаром 1141, 1152.

«Бяше двор княж вне города… и ту бе товар в нем мног».

Вот описание жизни богатого: «Тъ богатыи на земли живяши, и в багре (в паволоце) хожаще, кони его тучни беша, иноходи златом и тварьми украшени, седла его позлащена, раби его предтекуще мнози, в брачине и в гривьнах златых, а друзии позади в обручих, и в монистех, и отинудь рещи в велице славе излазя (далее следует описание его обеда, см. выше). Готовяще ему и одр слонов с претыканами понявами, свильнами, мякками (настьлан перин паволочатых). Возлежащу же ему и немогущю уснути, друзии нозе ему гладять, инии по лядвиям тешать его (ини по плечема чишуть, ини бають ему, и кощюнять), ини гудуть ему».

Повозы (экипажи).

Самое обыкновенное слово: кола, колеса.

1146. «На колих и на санех».

1147. «С коль».

1164. «Многи человекы снимаху с древ (после страшного наводнения) и кола».

Сани какие-то употреблялись и летом, например, 2 мая при перенесении мощей Св. Бориса и Глеба, как и прежде при переносе тела Св. Владимира, 15 июля.

Возила встречаются под 1113 годом.

Воз. 1156. «Всадив я (жену и мать) Володимер Мстиславич, на

возы, везе я».

Повоз, подвода, 1152, 1209.

Телеги упоминаются только в Слове о полку Игореве.

ЖИЛИЩА

Хоромы, храм, клети, дом, двор, истопка, истба-изба, терем, двор княж, сени, — вот названия, относящиеся к жилищам.

Двор княж, в Киеве (1067, 1096, 1097), в Переяславле (1098), двор Брячиславль, двор Коснячков (1067), Мстиславль двор, Глебов двор (1147).

Дворы огораживались тыном (забором). «Если кто межу дворную тыном перегородит, то платить пени 12 гривен», по Русской Правде.

Под 1147 г. упоминаются ворота, под 1173 г. двери. «Почаша бити в двери (убийцы Андрея Боголюбского) и выломаша двери». (Также в Волынской летописи под 1204).

1216. «Бяше плетенем оплетено то место (под Липицами, перед сражением) насовано колья».

1151. «Верх (у божницы) бяше нарублен деревом».

Хоромы упоминаются в Русской Правде и в летописях.

1228. «Сгореша хоромы княжи».

1129. «Бысть вода велика, хоромы снесе».

Храмина, 1229.

Сенница. Сени. (Антресоли, верхнее жилье).

1067. «Изяславу седящу на сенех, из оконца зрящю».

1146. «И седшим братье всей у Всеволода (Ольговича в Киеве) на сенях».

1147. «Затвори ворота, а Игоря пусти на сени… Людие вшедше во двор, узреста Игоря на сенех, и разбиша сени о нем, и сомчавше его с сеней убиша».

1150. «Вячеслав седяще на сеньници, и мнози начаша молвити кн. Изяславу: ими и».

1150. «Подсечем под ним сени».

1152. «Петр приеха на княж двор, и ту снидоша противу ему с сеней… слугы… взиде на сени, и виде Ярослава седяща на отни месте».

1175. «И бежаше с сений, шедше в медушу, и пиша вино… поидоша на сени.

Андрей избитый иде под сени. Убийцы услышали его голос…

рече один: стоя видех князя яко идуща с сений долов… Седящу ему под столпом всходным» (убийцы нашли и убили его).

В песнях упоминаются сенные девушки.

1093. «Изымав слы всажа и в истобъку», Ипатьевская «в ыстбу».

1102. Изба.

1093. «Възлезше на истобку, прокопа и верх, и тако Олбег Ратиборич прима лук и, наложив стрелу, удари Итларя в сердце».

1097. «Идоша в истобку» (Новгородская), в гридницу (Ипатьевская).

Клети упоминаются в Русской Правде: «Аже убиють кого у клети, аже кто крадеть клеть», и в летописи: 1143. «Розноси (бурею) хоромы, и товар, и клети, и жито из гумен».

Клетью назывался, вероятно, прежде амбар, магазин, кладовая, и также холодная горница.

Горенка. 1152. «Несоша и (Владимирка галицкого, внезапно пораженного ударом) в горенку, и вложиша и в укроп».

Ложница, спальня (1175).

Одрины. 1200. Новгородцы «засташа (лотыголу) в одринах».

Погреб. 1067. «Пойдем, высадим дружину свою из погреба», говорят возмутившиеся киевляне. «Приде половина от погреба… отворивше погреб».

Поруб. 1067. «Людие высекоша Всеслава из поруба». 1146. «Повеле над ним поруб розимати, и тако выяша из поруба (князя Игоря Ольговича)».

Медуша. 1175. Бретьяница.

1230. «Паде перевод с кровлею трех комар», в Переяславле Русском.

«Снемше доску с печи» (1197) слуги Давыда Игоревича, ослепивши Василька.

«Уже доски без кнеса (без князя) в моем терем златоверхием» — в песнях.

Из домашней утвари упоминаются в летописях только:

Столец, стул, вроде табуретки, судя по древним рисункам, ларец, носилицы (1175).

Выберем из разных былин и песен места о жилищах и утвари, приводя их в некоторый порядок.

Добрыня Никитич, посланный князем Владимиром освидетельствовать Дюково богатство.

…Доезжает Индеи богатыя, До того Волын-города до Галича, До

того до Дюкова посельица. Увидел кругом двора булатний тын, Наведено медью яровицкою, Столбики были точеные, А маковки были золоченые, Двери-то были решатчатые, Подворотеньки были серебряные. И поехал Добрыня на широкий двор: По этому широкому двору Разостланы сукна одинцовые. Соходил Добрыня со добра коня, Зашел во гридню во столовую: Все окошечки скутаны, Вкладены в стены камни драгоценные.

На том дворе на Чуриловом, Стояло теремов де до семидесяти, Во которых теремах Чурила сам живет. Трои сени у Чурила де касерчатые, Трои сени у Чурила де решетчатые, Трои сени у Чурила де стекольчатые.

Построены терема высокие, Просечены окошка косявчатые, И поставлены колоды белодубовые, Наличники положены серебряные.

Во сени ведет (Пленчище Сорожанин) во решатчатые, Во другие ведет частоберчатые, Во третьи ведет во стекольчатые, И в теремы ведет златоверхие. И такому-то князь диву дивуется: На небе солнце, — и в тереме солнце, На небе месяц, — и в тереме месяц, На небе звезды, — и в тереме звезды, На небе зори, — и в тереме зори: Все в терему по-небесному.

Хорошо теремы изукрашены: Пол-середа из одного серебра, Печки-то были все муравленые. Потики-то были все серебряные, Потолок у Чурила из черных соболей, На стены сукна навиваны, На сукна стекла навиваны, Все в терему по-небесному: Вся небесная луна понаведена была, Ин всякие утехи несказанные. У вас все не по-нашему: Я подъехал ко подъезду княженецкому, Ко тому столбу точеному, к кольцу луженому; У нас столбики точеные, верхи и кольца золоченые. У вас все не по-нашему: Дорожки не расчищены, Желтым песком не засыпаны, Ковры да сукна не подостланы; У нас дорожки-ты расчищены, Желтым песком призасыпаны, И сукна-ты подостланы, сукна одинцовые, А по крыльцам и по ступенькам ковры все шелковые, Тех шелков шемаханскиих, А по обе стороны рассажены сады виноградные. У вас все не по-нашему. И мы пришли на княжий двор, У вас ворота-ты сосновые, А на дворе хоть медведь ногу моми; У нас ворота кости слоновыя, А в воротах столбы-ты золоченые, Дворы-ты у нас убраны, Ковры и сукна-ты подостланы, Ковры-ты шелковые, Сукна одинцовые. Конюхи и дворники по двору гуляют, В бабки и шашки играют. У вас все да не по-нашему: Мы шли в палаты белокаменны, У вас ступени из черного каменя, А порученки у вас точеные; А у нас ступеньки кости слоновыя, И

подостланы ковры-ты шелковые, Порученки точеные, и вовсе золоченые. И пришли-то мы во гридни во столовые: У вас мосты (полы?) сосновые, Стены и потолки у вас не расписаны, Столы у вас дубовые, Скатерти забраные; У нас во гриднях во столовыих Мосты-ты все кленовые, Стены-потолки все расписаны, У вас все не по-нашему: У вас печки-то кирпичные, А помяльца-то сосновые, (Печки биты глиняны, А подики кирпичные, А помелечко мочальное В лохань обмакивают). У нас печки-ты изразцовые, карнизы золоченые, Подики медные. У нас помяльца-ты мочат в меды стоялые, У вас все не по-нашему: Как идет-то Владимир-князь ко церкви-то соборныя, По дороже у вас сукна-ты не славные, А у князя сапожки на ножках сафьянные; А у нас-то матушка моя пойдет во церковь-то соборную, Впереди идут лопатники, Во след идут метельщики, Още идут постельщики: Лопатники дорожку разгребают, А метельщики песочком посыпают, А по ступенькам стелют ковры-ты шелковые, Тех шелков шемаханскиих. И тут няньки наперед идут, А служанки под руки ведут…

ВОЕННОЕ ДЕЛО

Все войско называлось воями. Это было самое обыкновенное, общее, древнее имя, например:

1093. «Святополк поча сбирати вои, хотя на (половцев). И реша ему мужи смыслении: не кушайся противу им, яко мало имаши вои. Он же рече: имею отрок своих 800. (Однако решился просить помощи у Владимира). Володимер же собра вои свои».

1096. «Олег… (в Смоленске) поим вои… бысть же весть Изяславу…. посла по вое Суздали и Ростову, и по Белозерци, и собра вои многы… надеяся на множество вои».

Из этих мест мы видим, что вои — было собирательное имя, под которым подразумевались собственно воины, низшее военное сословие, и дружина, то есть бояре и отроки.

Кроме общего значения, вои имели частное, означая низшее военное сословие, в противоположность дружине, например: 1136. «Ярополк (великий князь киевский) с дружиною своей и братьею, ни вой своих сождавше, ни нарядившеся гораздо…»

Чаще назывались вои по имени обитаемых ими городов, киевляне, владимирцы, суздальцы, звенигородцы и др.

Случалось иногда, воями назывались даже одни бояре, одни

отроки, например, в месте, приведенном выше о 1093 г.

Иногда все войско называлось также дружиной (хотя дружина имела определенное частное значение, что показано выше), например:

1066. «Святослав собрав дружины неколико, изыде. Узреша Половцы идущ полк, пристроишася противу».

1096. (Изяслав Владимирович, ожидая нападения Олега Святославича, послал за воями в Суздаль, Ростов и Белоозеро, а после, по его смерти, о брате его Мстиславе сказано): «к Мстиславу собрашася дружина… Новгородци, и Ростовци, и Белозерци. Мстислав исполчив дружину…»

Наконец, войско называлось полком, ратью.

1096. «Олег поиде к ним полком. Брани велице бывши и мнозем падающим от обою полку».

1150. «Изяслав взъеха на двор на Ярославль всим своим полком».

1195. «Победи Межька Романа, и избиша в полку его Руси много».

О значении рати см. ниже.

Воями начальствовал воевода. Воевода, в этом периоде, — имя нарицательное, общее, как ныне предводитель, вождь, военачальник: воевода — всякий, кто ведет войско.

1067. «Начаша людие (в Киеве, на вече во время мятежа против Изяслава Ярославича) говорити на воеводу на Коснячка».

1172. «Коснятин же… бяше воевода с Галичаны (присланный в помощь к Мстиславу Изяславичу)».

1172. «Борису Жидиславичу воеводе в то время (в походе против болгар) наряд весь держащю…»

1173. «Андрей посла сына Мстислава со всею дружиною, и со всими полкы… и Бориса Жидиславичу воеводу же своего… к великому Новугороду».

1174. «Князь Андрей посла сына… и со всею дружиною, и с воеводою Борисом Жидиславичем… к Вышегороду».

1187. «Преставися Галичьский князь Ярослав… сам не ходяшеть с полкы своими, но посылашеть я с воеводами».

1228. «Великий князь Гюрги посла на Мордву Василька Константиновича и своего мужа Еремея Глебовича воеводством с полком».

1231. «Воеводство держащю тисяща Киевская Иоанну Славновичу…»

1237. «Убиша (татары) у Всеволода (Юрьева сына, под Москвой) воеводу его Еремея… Поидоша к Москве и взяша… и воеводу убиша Филиппа Няньку».

Воеводство преимущественно принадлежало тысяцким.

Война называлась ратью.

1064. «Всеслав рать почал», т. е. начал войну.

1093. «Поидита противу поганым, любо с миром, любо ратью», т. е. войной.

«Володимер хотяше мира, Святополк… рати», т. е. войны.

1187. «Бе князь крепок на рати (т. е. на войне) Володимер Глебович».

Иногда в слове рать с понятием о войне сливается понятие о войске.

1150. «Рать идет из Галича, а другая от Чернигова, то ты мне Киев даешь», говорит Вячеслав племяннику своему Изяславу Мстиславичу.

А иногда рать значит именно войско:

1162. «Начашася просити Чернии Клобуци у Мьстислава наперед, ать соглядаем, княже, велика ли рать… устерегоша рать, и пригнаша к Изяславу, и поведаше ему рать велику».

Неприятель назывался ратным.

1093. «Предашася ратным», т. е. неприятелям.

1096. «Наши погнаша в след ратных», т. е. неприятелей.

1183. «Перебродися на ратьную сторону Днепра», т. е. неприятельскую.

1135. «Заратишася Ольговичи», т. е. стали неприятелями, начали войну.

1180. «Всеволод… заратися с Болгары».

В следующем месте ратные употреблены в смысле военных.

1151. «Ратнии наши вси на коних», говорят черные клобуки.

Слово война употреблялось в летописях очень редко, чуть ли не один раз:

1138. «Мнози пеши придоша с тое войны».

Есть два-три места, где война названа еще полком, как, например:

«Отца налезох с полку», т. е. с войны пришедше… (Мономах, к Переяславлю).

Приготовления к войне выражались преимущественно словом доспевать — собираться, готовиться, спешить.

1146. «Володимер нача доспевати, яко взяти город».

«Се брате, стрый мой идет на мя, доспевай (сбирайся)».

1149. «Изяслав ти уже доспевает», т. е. собирается.

1152. «Отце! прислал еси ко мне про обиду Галицкого князя, а яз ти зде доспеваю, а ты доспевай же (т. е. собирайся, готовься)», говорит король венгерский шурину своему, великому князю Изяславу Мстиславичу.

1195. «Седел есмь доспев, жда от тебе вести», говорит Рюрик Ростиславич великому князю Всеволоду, т. е. приготовившись.

Иносказательное употребительное выражение о начале военных действий князем было сесть на коня, например:

1149. «Изяслав… поча ся слати в Угры… и в Ляхы… и к Чехом…. а бяша всели на коня сами… пойти к Киеву».

1194. «Не всел на конь — ныне же абы не стряпа всел на конь», зовет великий князь Рюрик Ростиславич суздальского великого князя Всеволода Юрьевича.

Вооружение в продолжение удельного периода оставалось то же, какое мы видели в норманнском: меч, копье, лук со стрелами, сабля, сулица, рогатина, нож, топор, оскеп, броня, щит, шлем.

Оружие — общее слово.

1071. «Ян пойде сам без оружья… повеле (отрокам) взяти оружье».

1195. «Пристрои отроки в оружьи», т. е. вооружил.

Меч. 1149. «Андрей вынзе меч свой».

1151. «Един… вынза меч свой, и нача сечи по шелому (Изяслава Мстиславича)».

Копье. 1078. «Изяславу, стоящу в пешцих, приехав един, удари и копьем за плече».

1151. «Андрей Дюргевич възмя копье, и еха наперед съехася переже всех, и изломи копье свое».

Лук со стрелами. 1095. «Ратиборич приима лук свой и, наложив стрелу, удари».

Идут… три богатыря могучиих, И несут тугий лук разрывчатый, Подносят к Добрынюшку Микитинцу: Молодой Добрынюшка Микитинец Принимает этот лук одной рукой, Одной рукой, ручкой правою; Стал Добрынюшка он стрелочки накладывать, Стал Добрынюшка тетивочки натягивать; Стал тугий лук разрывчатый покрякивать, Шолковые тетивочки полопывать. Он поразорвал этот лук и весь повыломал. Потом он шел в палаты белокаменны, Надевал он платья дорожные, Кладывал те луки во налучники, Калены стрелы

во колчана, Вязал он крепки палицы на бедро свое.

Сабля. 1086. «Саблею с коня (Нерадец) прободе… Ярополк выторгну из себе саблю».

1162. «Воибор Негечевич сече по главе (Изяслава Давыдовича) саблею».

1175. «Секоша и (Андрея) мечи и саблями, и копийныя язвы даша ему».

Сулица. 1231. «Сулици его кроваве сущи и оскепищю (древку?), изсечену (у Василька Романовича)».

Рогатина. 1149. «Един от Немчичь хоте просунути рогатиною (Андрея Боголюбского)».

Нож. 1097. «Торчин, держа нож, хотя ударити (Василька)».

«Вверже в ны нож», говорит Мономах об ослепителе Василька, т. е. подал повод к междоусобию.

1237. «Козляне ножи резахуся с ними (с татарами)».

Топор, топорец. 1071. «Яневи идущю с топорцем (на волхвов)… един грешися Яня топором, Ян же оборотя топор удари и тыльем (обухом)».

1216. «Бе у него (Мстислава Мстиславича) топор с паворозою на руце (в сражении под Липицами)».

Кий. 1216. «Они (из суздальцев, под Липицами), вергше кий, а они топор».

Оскеп, проскеп. 1071. «Ян повеле бити я (волхвов) и потергати браты его Симаже тепенома и браде его поторгон проскепом».

1123. «Пободоста (Ярослава Святополковича) оскепом (ляхи под Владимиром)».

Палица. Под 1114 г. упоминается палица при описании первобытных времен. «Прежде палицами и камением бьяхуся».

Брони. 1111. «Оболочишася в броне».

1143. «Налезоша броне у болоте (занесенные бурею)».

1158. «Изволочивше в броне под порте (надевши брони под платье — полочане)».

Шлем. 1151. «Шелом спаде с него (с Андрея Боголюбского)».

На шлеме бывали изображения, например, у великого князя Изяслава Мстиславича:

1151. «Бе же на шеломе написан святый мученик Пантелеймон злат, удари и мечем, и тако вшибеся шелом до лба».

Щит. 1151. «Щит на нем оторгоша» (об Андрее Боголюбском).

Следовательно, щит привязывался или прикреплялся как-нибудь

к доспехам.

(Не называлась ли прилбицей передняя часть шлема надо лбом, как бы козырек?)

1169. «Володислав замысли стяг взяти Михалков (с которого сорвана была челка), и наткнути на нь прилбицю».

Оружие вообще, кажется, не носилось при себе, а употреблялось только в нужных случаях, например:

1071. «Боярин Ян пойде сам без оружья, и реша ему отроци его: не ходи без оружья, осоромят тя; он же повеле взяти оружья отрокам».

Оружие хранилось у князя.

1067. «Дай, княже, оружье и кони, и еще бьемся с ними» (говорят киевляне великому князю Изяславу, желая идти на половцев).

Оружие возилось за воинами на возах.

«Оружье услали бяхом наперед».

На ночь воины снимали оружие, по крайней мере, иногда:

1207. «Выходяще ночью (осажденные проняне) крадяху воду. То слышав князь Всеволод повеле стрещи в оружьи день и ночь около града».

Если эта мера была необыкновенная, то значит, обыкновенно, ночью не соблюдалось всех мер осторожности.

Осадные орудия: таран, порокы, праща.

1231. «Лют бо бе бой у Чернигова, оже и таран нань поставиша, меташа бы каменем полтора перестрела, а камень якоже можаху 4 мужа сильнии подьяти».

1233. «Угры воротишася к Галичю (от Перемиля), и порокы пометаша».

1237. «Исшедше из града (козляне), и секоша праща их (татарские)».

Камни вообще употреблялись осажденными издавна для обороны, хотя имен метательных орудий и не встречается в летописях раньше вышеозначенных.

1219. «Бе граде (т. е. укрепление) сотворен на церкви (в Галиче); онем же стреляющим, и камение мещющим на гражаны».

Говоря об оружии, в заключение, приведем известие о живом огне.

1184. «Бяше обрел (половецкий князь Кончак) мужа таковаго Бесерменина, иже стреляше живым огнем… И онаго Бесерменина яша, у него же бяшеть живый огонь, то и того к Святославу

(Всеволодовичу, великому князю киевскому) приведоша со устроеньем».

Войско состояло из конных и пеших.

1059. «Ярославичи поидоша (против торков) на коних и в лодиях».

1151. «Кияне всими своими силами, и на конех и пеши (против Юрия), и тако сташа».

1152. «Вышедшим пешьцем из города (из Чернигова) стреляться».

«Пешци видивше полкы не смеша выити из города».

Встречается в летописях имя седельников.

1170. «Братья вси пожаловаша на Мьстислава, оже утаився их пусти на вороп седельникы свое и кощее, ночь, заложився отай… Вси здрави быша, разве бо из всех полков два убьена бысга: Кснятин Васильевич и седельник Ярославль Изяславича».

1172. «Глеб пусти Половце в веже, и сташа за Васильевом у седельников, сжидаюче дружины своея… Половци совокупившеся с седельникы бишася с ними».

Венгерские конники названы однажды фаревниками.

1229. «Оставившю ему (королю угорскому) люди за собою оружники многи и фаревники (конь = фарь; 1150).

Кони, или, по крайней мере, запас коней содержался у князя:

1067. „Кияне, желая идти на Половцев, говорит великий князь Изяславу: дай, княже, оружие и кони“.

1185. „Бяхуть бо у них кони тучни вельми (у воинов Игоря Святославича северского)“.

Кони милостные (?). 1175. „Выимаша… до всего любимаго имения, и вскладше на милостьные коне, послаша до света прочь (заговорщики, по убиении великого князя Андрея)“.

Кони сумные. 1208. „Изяслав бися… и отъяша от него коня сумныя“.

Кони поводные и товарные.

1152. „Бе (у) короля 70 и 3 полци проче Изяславлих полков и проче поводных конии и товарных“.

1185. „Посла Игорь к Лаврови, конюшаго свого, река ему: перееду на ону сторону Тора (?), с конем поводным“.

Из конской сбруи упоминаются:

Седла. 1216. „Аже нынешнии полци, право навержем их седлы“.

1149. „Ят бо бе двема кониема под ним конь, а третьим в

передний лук седельный“.

Стремень. 1152. „Подле твой стремень еждю“, посылает сказать великому князю Изяславу Мстиславичу галицкий Ярослав.

1240. „Галичаном текущим у стремени его (боярина Доброслава)…“

Повод. 1172. „Берендееве яша коня (Глебова, Юрьевича) за повод“.

Подклад. 1216. „Князь Юрьи… прибеже… на четвертом кони… подклад и той вывергл“.

Приведем места из песен о сбруе:

Выводил (Добрыня) добра коня на широкий двор, Стал он седлать добра коня, Кладал он потнички на потнички, Войлочки на войлочки, На верех кладал ковано седло Черкасское, (Обсажено есть седелышко тое камешком Дорогим камешком самоцветныим). Затягивал двенадцатью подпругами богатырскими, Натягивал тринадцату продольную, Подпруги те были чистого серебра, Пряжки-шпильки красного золота, Стремена булата заморского, Шолк-то был да Шемахатныий: Шелк-то не трется да не рвется, Булат не ржавеет, Красно золото не мидиет (не медится) Чисто серебро не зелизиет (не железится). Срочена была попона в три строчки; Перва строка была красна золота, Другая строка чиста серебра, Третья медью-казаркою, Которая медь подороже злата и серебра, Подороже скатного жемчуга.

Бывали сражения и на воде.

1150. „Начаша ся бити по Днепру у насадех… исхитрил Изяслав лодьи дивно: беша бо в них гребци невидимы — токмо весла видити, а человек бяшеть не видити, бяхуть бо лодьи покрыти досками, и борци стояше горе в бронях и стреляюще, а корьмника два беста, един на носе, а другый на корме, аможе хотяхуть, тамо пойдяхуть, не обращающе лодий… Бьяхуться съездячеся в насадех о брод“.

1160. „Бьяхуться с ними о реку Десну крепко, они на коних, а ини в насадех ездяче“.

1180. „Ту… (на устье Цевцы) оставиша все насады и галее и Белозерский полк. Прибегоша (болгаре) к Волге, и воскакаша во вчаны, и ту абие испровергоша учан, и тако потопоша боле тысячи их“.

В Русской Правде упоминаются: ладья морская, набойная, струг, челн, ужи = канаты, гужи.

В повести о взятии Царяграда мачта называется шигою, рея — райною.

1159. Упоминаются кубары.

За того ли моря, моря за Турецкого, С-под того ли то дуба, дуба сырого, Из-под того ли вяза, вяза черного, Из-под той-то было березы кудреватыя, Из-под того креста Леванидова, Из-за того ли было острова Кодольского, Той-то земли Веденецкия, Плыло-выплывало три корабля, Три корабля да три черные. Всем корабли изокрашены: Нос да корма по-звериному (по-туриному) была, А бока-те были по-туриному (по-лосиному), Якори-кодолы все серебряные (булатные), (У якорей колечики серебряные У колечиков кодолы семи шелков) Тонкие парусы дорогой (крупчатой) камки, Дорогой камочки кручатыя (хрущатыя), Еще было на кораблях черненыих, Вместо рук (руля) было белое повешенное, — По дорогу по заюшку (соболю) заморскому, Вместо личика повешено По дорогой лисицы по заморския; Вместо оцей (глаз) было врощено (вставлено) По дорогу по соколу заморскому пролетному; (по заморскому камени по яхонту). Вместо бров было повешено По дорогу по соболю заморскому; Вместо лба было врощено По дорогу камешеку самоцветному; Вместо кудрей было повешено По дорогу бобру по заморскому. Еще было на корабле черненым — Поделаны чердачки помуравлены, В чердачках были беседочки сидельные, Обиты были лисицами-куницами заморскими И черными соболями заморскими.

В походе воины располагались товарами.

Товары = стан. 1097. „Ужина ту (Василько), а товары своя постави на Рудице. Вечеру же бывшу приде в товар свой… Повелел товаром поити впереди…“

1116. „Мономах нача ставити истьбу у товара своего“.

1150. „Глеб стояше выше Пересопницы товары (станом)“.

Вячеслав, Изяслав, „стаста товары перед Золотыми вороты“.

Слово станы употреблялось сначала редко:

1180. „Всеволод посла в станы его, и много взяша“.

1195. „Возвратишася (угры) во колымагы свои, рекше во станы“.

Товарище = место товаров, стана.

1159. Изяслав Давыдович „вседше на конь, гна до товарищ их, и виде товарища горяща и воротц ся опять“.

1066, 1152. Шатер.

1149. „Поставиша ему шатер особно, и ту повеле Изяслав (великому князю) Ростиславу (Юрьевичу)… ити в шатер“.

1216. „Внидоста в шатер с братьею (Ярослав Всеволодович)“.

За войском следовал обоз = возы.

1146. Изяслав Давыдович, выпросясь у братьев, пошел на Святослава Ольговича на конях без воз.

1150. „Володимер стояше у Бельза, и ту услышав, оже король уже вшед в гору, и ту поверга возы свои, а сам гна с дружиною своею Перемышлю“.

1170. „Ярослава Всеволодовича оставиша“ (князья, поехавшие за половцами) у воз».

1176. (Всеволод) «пусти возы на ту сторону рекы, идеже Глеб (рязанский) стояше».

Повозы = подводы. 1151. «Повозы да ему (Святослав Ольгович — Юрию)».

О конях поводных и товарных см. выше.

Перед началом военных действий воюющие посылали сторожей.

1096. «Олег… помышляше Новгород переяти, и посла брата… в стороже».

«Мьстислав же сдумав с Новогородци, и послаша Добрыню Рагуиловича пред собою в стороже. Ярослав стояше на Медведице в сторожих, и побеже… и поведа… яко стороже изъимани. Мстислав… не постави сторожев…»

1150. «Пустиста сторожи перед собою (Владимир галицкий и Андрей Юрьевич)».

1152. «И ту узрешася стороже ее обои Вячьславли, Изяславле и Гюргеви».

1216. «Изымаша сторожев Ярославлих 30 и 3, а 73 их убиша, а инии убежаша в Тверь».

Языки. 1152. «Яша Половци язык, и приведоша к Гюргеви».

1173. «Стрете Половьце, иже ту ловяшеть языка, изъима е».

1185. «Сторожеви приехаша, их же бяхуть послале (кн. Игорь северский) языка ловить».

Зажитники. Собрание припасов для продовольствия поручалось зажитникам.

1146. «Ту прибегоша зажитници (к Изяславу Давыдовичу), яша бо у них Берендиче 3 муже».

1152. «Володимер (галицкий) изоима зажитникы королеве».

1159. «Яли бяху в зажитьи Козьму Сновидича с отроком».

1216. «Ездяху (воины Мстислава) в зажитье не боящеся».

Внезапное нападение, врасплох, называлось изгоном, изъездом.

«Изъехахом город (Минск)».

1125. «Наворопиша…. (половцы) изгоном к Барочю и ко Броню

княжю».

1128. «Всеволод я стрыя своего Ярослава, изъехав и».

1150. «Изяслав…. поеха от Луческа Пересопници, и ту изъеха Глеба».

1195. «Ольговичи поехавши к Смоленьску изъездом».

Вороп = приступ. Пустить на вороп — значило устремиться на опустошение, разорение.

1093. «Половцы пустиша на вороп между Киевым и Вышегородом».

1128. Великий князь Мстислав велел посланным своим в один день «пустити всем на вороп» в Полоцком княжестве.

1172. «Иде (Мстислав Изяславич) Вышегороду, и пустиша на вороп (приступ), и бишася крепко из града».

1184. «Рюрик (Ростиславич) и Святослав (Всеволодович) отрядиста Володимера Глебовича. Врядиша в навороп… наворопници, перешедше Хороль» и проч.

1190. «Половци… хотеша пустити на вороп по земле, и яша язык в воропцех».

Полки. В правильном сражении воины были разделены на полки или отряды, так что полк, означая иногда, как мы видели, все войско, имел и частное значение, то есть означал известную часть войска, отделение, полк, в собственном, вроде нынешнего, смысле.

1151. «Изяслав въеха в свой полк, и посла по всим своим полком, река: зрите же на мой полк, а како вы поидеть мой полк, такожде и вы поидите — и тако полци пойдоша к собе (т. е. друг на друга)… Яко же и еще полком идущим к собе».

1152. «Беже у короля полков 70 и 3, проче Изяславлих полков, и проче поводных коней и товарных».

1169. «Галицких полков пять да (Мстиславу, Изяславу) Ярослав».

1174. «Бяхуть бо ратнии на полкы стояще (под Вышгородом)».

1185. «И ти изрядиша полков шесть: Игорев полк (северского) середе, а по праву брата его Всеволожь, а по леву Святославль сыновца его… а третий полк на переди же, стрелци же бехуть от всех князий выведени».

Место о числе стягов Ярослава и Юрия Всеволодовичей в сражении под Липицами может также служить подтверждением разделения воинов на полки.

При разделении войска на полки, перед сражением, может быть, происходило и распределение между ними дружины, т. е. бояр и

отроков, которые находились, кажется, во всяком полку.

1151. «Изяслав повеле изрядити дружину из полков, а полков не рушати».

Не значит ли это, что Изяслав вызвал бояр и отроков из полков, приказав, чтоб полки оставались в своем определенном на тот раз виде, хотя и без бояр и отроков. Слово рушити показывает здесь, кажется, что полки были не постоянные, а подвижные, т. е. назначались, устраивались перед самым сражением. Исполчиться — приготовиться к сражению, стать во фронт.

1124. «Всеволод ста исполчився».

1146. «Утреи же день исполчишася (Давыдовичи) и поидоша к вротам Курьским, во Новегород Северском».

Еще принадлежат сюда выражения: рядить, пристраиваться.

1160. «Володимер ста изрядив полкы».

1136. «И ту пристроившася (Всеволод Ольгович) дождаша их (великого князя Ярополка)».

В Новгороде велось очень долго выражение: крутиться на войну (1137).

Войска имели стяги = знамена.

1093. «Нашим ставшим межи валома поставиша стяги свои… и Половцы… поставиша стягы свое».

1096. «И вдасть Мстислав стяг Володимерь Половчину, и вдав ему пешьце, и напя стяг Володимерь, и узре Олег стяг Володимерь, и ужас нападе на нь. И виде Олег, яко поиде стяг Володимерь, нача заходити в тыл его… побеже».

1146. «Где узрим стяг твой (говорят киевляне Изяславу Мстиславичу), ту и мы с тобою готови есм».

1149. «Стяг его (Андрея Боголюбского) видяхуть не възволочен: не величаву бо ему сущю на ратный чин».

1153. «Изяслав постави стяги Галичьския, и поидоша Галичане под своя стягы».

1172. «Стрельци сняшася обои, и бысть сеча зла, и потяша стяговника нашего, и челку стяговую сторгоша с стяга».

«Володислав же замысли взяти стяг Михалков, и натьче (надкину, натисну), на нь прилбицю».

Из этих мест мы видим, что у всякого князя был свой стяг, свое знамя: 1096, 1136, 1146 и проч.

(Эти знамена служили, в некотором смысле, вместо западных гербов).

Знаменосец назывался стяговником (1169).

Стяг для сражения устанавливался в землю: 1093, 1097, 1107, 1153, 1105, 1216.

Стяг поднимался, взволачивался, и распускался в начале сражения, см. выше под 1149 и 1176 гг., что служило знаком какой-то торжественности.

Заметим выражение: напять, напялить (1096).

Челка = хвост волосяной, который навешивался на стягах.

При полках были трубы и бубны.

1151. «В Дюрги (у Юрья) в бубны и полку и в трубы вострубиша… Такоже и у Изяслава, и у Ростислава, почаша бити в бубны и в трубы трубити, полци же начаша доспевати».

1216. «Вострубиша в Константиновых полках. Бяше бо у князя Юрья стягов 13, а труб и бубнов 60; молвяхуть бо и про Ярослава стягов у него 17, а труб и бубнов 40».

В правильном сражении воины разделялись на крылья.

1093. «Мстислав вдав (половчину) Куную пешце и постави и на правом крыле».

Большой полк, столько славный в средней истории, примечается уже и теперь.

1172. «Глеб… хоте на не сам ити, и Берендееве яша коня за повод, рекуще: княже, не ездь, тобе лепо ездити в велике полку… а ныне пошли брата».

1183. «Володимер Глебович посла ко Игореви, прося у него ездити на переди полком своим: Князи бо Русции дале бяхуть на переде ездити в Русской земли. Игорь же не да ему того; Володимер же разгневався и возвратися».

Были заступы, как бы эшелоны, шеренги, ряды.

1096. «Угри исполчишася на заступы. Алтунопа пригна к заступу».

Непосредственная, ближайшая подготовка к сражению выражалась преимущественно словом пристраиваться.

1067. «Узреша Половци идущ полк пристроиша противу, сташа полки (в творит. падеже, т. е. стали во фронт, выстроились)».

Сражение называлось очень часто полком.

«Дивно ли, оже муж умерл в полку ти (пишет Мономах о сыне Изяславе, убитом в сражении)».

1103. «Убиша ту в полку князий 20».

1139. «Отци наши… братья… сынови на полку, они изоимани, а

друзии избьени».

1162. «Володарь не да ему полку в дне, но ночь выступи на нь из города… онех избиша, а другыя руками изоимаша».

Отсюда и место сражения = полка, называлось полчищем.

1136. «Тысячкый с бояры их переже гнаша по Половчих, избиша е и воротишася опять на полчище».

Сражение во время самого действия называлось боем, сечей, бранью: 1078, 1093, 1097, 1099, 1137, 1153, 1172. Сеча зла, брань люта, крепка. Бишася крепко: 1069, 1136, 1140, 1146 и др.

Иногда противники стояли долго, один против другого, без действий, выжидая благоприятного случая для нападения.

1096. «Не поступи ни Олег на Мстислава, ни Мстислав на Олега, стояста противу себе четыре дня».

Ждали подкрепления. Присоединение подкрепления выражалось особенно глаголом притягнути.

1150. «Вячеславль полк к нему не притягл».

1160. «Бяше бо Володимер в тъ день притягл с полком своим».

1177. «Давыд же (Ростиславич) не притягл».

Утягнуть = успеть.

1132. «Киян тогда много побиша Литва, не втягли бо бяху с князем, но последи идяху по нем особе».

1136. «Не утягшим перевезтися (киевлянам)».

Иногда уклонялись от сражения, ставя преграды, строя временные укрепления или тверди, уничтожая средства сообщения.

1132. «Володимерко выступися назад, за твердь ста».

1216. «Ярославли мужи учиниша твердь, а пути от Новагорода засекоша, и реку Тверцу».

«Надеяше бо ся на твердь, бяше бо плетенем оплетено то место, и насовано колья».

1161. «Загорожено бяше столпием от горы оли и до Днепра, в Киеве».

Обыкновенный глагол для выражения преград по пути: заложиться.

1180. «Давыд же заложися ночью, и бежа Смоленьску».

Делали разные движения.

1149. «Гюрги, оборотя полки своя… поидоша в товары своя… Друзии рекоша: бежать ти уже. Изяславу же то любо бысть. И поиде по них… Возворотишася опять, и поидоша полкы своими противу им».

1150. «Угада Изяслав… поити через ночь к Мичьску, и нача велети всим воем своим огни великыи класти, и тако, накладше, огни, а сами поидоша через ночь к Мичьску».

Призыв к сражению встречается еще иногда древний:

Потягнем: 1067, 1221.

Стремительное начало сражения, или вообще действия, выражалось глаголом: поткнуть — ударить, напасть, двинуться.

1149. «Неведущим мысли брата своего Андрея, яко хощеть ткнути на пешце».

1151. «Изяслав… положи совет одиною всим поткнути на нь, и поткоша на нь вси, и тако вбодоша е в Лыбедь».

Употреблялось и ударить:

1067. «Удариша в коней».

1096. «Володимер хоте нарядити полк, они же не послушаше, но удариша в коне к сопротивным».

Ввертеться.

1183. «Узреша полкы… абие поскочиша, Русь же ввертевшеся в не, и нача е сечи».

Обыкновенное начало сражения выражалось глаголом сступиться.

1097. «Сступишася полци. Сшибошася».

1111. «Бывшу соступу».

1136, 1146. «Бывшю съступлению обеима полкома».

1111. «Сразившемася челома, полкома».

Но всего чаще, без особенных случаев и обстоятельств, сражения начинались стрельцами, лучниками.

1097. «Стреляющим межи собою, идяху стрелы акы дождь».

1146. «Идоша стрелци из товар к граду, и ту бишася много. Съехашася… пустиша стрелце свои ко граду».

Стрельцы часто перестреливались через реки, например, через Ушу (1150).

Через Лыбедь (1151).

1180. «Две недели бьяхуся обои об реку ту (Влену)».

1185. Перестреле — пространство, пролетаемое стрелой.

В ходе сражения противники старались больше всего зайти друг другу в тыл, в бок.

1096. «Завед Куную пешце».

1096. «Виде Олег, яко пойде стяг Володимерь нача заходити в тыл его, и побоявся побеже».

1231. «Даниилу заехавшу в тыл им, и бодующим е».

Обращалось также особенное внимание на то, чтобы пресечь дорогу, предупредить, что выражалось глаголами: заехать, загнать.

1144. «Заступиша (Берладника) от града (Галича)», т. е. отрезали дорогу.

1147. «Нача (Изяслав Мстиславич) думати с братом своим Ростиславом, с дружиною и с Черными Клобуки, куда бы им (половцам) пойти перекы к ним к Суле, иде же стояхуть. То рекше поидоша им перекы, не перестигоша их до Всеволожа».

1185. «Гада Игорь (северский) с дружиною, куда бы переехати полкы Святославле… хоте ехати полем перек, возле Сулу».

Бывали предложения сражаться в открытом поле.

1180. Святослав Всеволодович говорит Всеволоду Юрьевичу: «но же еси умыслил на мя зло… да не далече ти мене искати, отступи дале от речкы тое, дай ми путь, ать ближе к тобе перееду, ать нас розсудить Бог; мне ли путь не даси, а яз тобе дам, ты перееди на сю сторону, а зде нас Бог розсудить».

1211. «Посласта князья (Мстислав новгородский и прочие) к князю Юрью… мира просяще; или не даси мира, да отступите дале на ровно место, а мы на ваши стороны пойдем; или мы отступим на Липици, а вы на наши станы».

Победа выражалась глаголами: победить 1071, одолеть 1066, 1167, 1137.

Прочие выражения, сюда относящиеся:

1093. «Налегше на Святополка, взломиша полк его».

1136. «Полки взмятены».

1150. «Весь полк Изяславль изцеле».

Необходимость уступить выражалась словом: не стерпеть.

1093. «Не терпяче ратных противления».

1147. «Глеб не терпя противу стати поскочи».

«Не стерпя быти (в Городце), бежа к Чернигову (Юрий Владимирович)».

Бегство выражалось глаголом поскочить = бежать.

1147. «Глеб… не терпя противу стати поскочи».

1149. «Бысть лесть в Переяславлех… и поскочиша».

«Побеже перескок от Гюргя из полка».

Поскок значил и просто движение вперед.

1051. Под Ростиславом «на первом поскоке лете (упал), под ним конь».

Преследование выражалось следующими оборотами:

1093. «Наши погнаша вслед ратных».

1096. «Мстислав не бе ту, но загнал бе с передними в след полка Олегова».

1231. «Данилови гонящу по Половцех».

1173. Загонцы.

Заметим еще употребительный глагол: бодоти = колоть.

1123. «Пободоста и оскепом».

1146. «Вбодоша е во врата острожная».

1173. «Мстислав въеха в ворота, и пободе мужей несколько, возворотися опять к своим».

Отступление выражалось так:

1064. «Ростислав отступи кроме из града» (т. е. оставил, вышел из Тмуторакани).

«Половци начаша отыматися прочь».

По окончании брани войска рассылались на покорм.

Вспомним Болеслава, короля польского:

1018. «Рече… разведе дружину мою по городом на покорм, и бысть тако».

1096. «Мстислав распусти дружину по селом».

1150. «Изяслав послал бяше Угры на покорм Устилуг».

Оборонительные меры. Запирались в городе, с засадою (гарнизон).

1066. «Меняне затворишася в граде».

1078. «Черниговци затворишася в граде».

1159. «Вошла бяше засада Ярославля в город (Ушицу) и начашася бити крепко засадници из города».

1093. «Половци… оступиша Торцийскый град… Половцем осядещем Торцьскый».

«Воем облежащим град».

1097. «Святополк оступи (Дорогобуж)».

«Оступиша Святошу в граде (Луцке)».

Осажденные делали вылазки.

1144. «Выездяче из города (Галича) бьяхуся крепко, мнози падаху от обоих».

1146. «По зорям бишася до поздное вечерне (под Звенигородом)».

Города брались приступом.

1097. «Взяста (Ростиславичи) город (Всеволож) копьем».

Или — осажденные принуждаемы были сдаться от голода.

1093. «Изнемогати начаша людье в (Торческом) водною жажею и голодом».

1175. «Володимерцы, не терпяше глада, реша Михалку: мирися, либо промышляй собе».

Жители взятого приступом города брались в плен = на щит.

1066. Ярославичи «взяша Менеск, исекоша муже, а жены и дети вдаша на щит».

1050. «Дайте ми серебро… пакы ли я възму вы на щит», говорит Владимирко галицкий мичанам.

1159. Изяслав Давыдович «взя город княгинин на щит Святославле».

1177. Глеб рязанский «села пожже боярьския, и жены, и дети, и товар да поганым на щит».

1185. «Взях на щит город Глебов у Переяславля… (раскаивается в плену Игорь северский) тогда бо не мало зла подъяша безвинии хрестьани отлучаеми отец от рожений своих… все смятено пленом» и пр.

Пленные назывались колодниками.

1111. «Колодников много изымаша руками (у половцев)».

1192. «Бяхуть бо у них колодницы от Черных Клобуков».

1193. «Колодник много изоимаша».

«Ополонишася».

ЦЕРКОВЬ, РАСПРОСТРАНЕНИЕ ХРИСТИАНСКОЙ ВЕРЫ

Христианская вера, от кончины Ярослава, распространялась далее и далее по обширным областям его державы. После соседних с Киевом областей, населенных славянскими племенами, она проникала на дальний север и восток, где русские были окружены финскими племенами. Успехи ее на этом пути могли быть, разумеется, только постепенными; не говоря о других естественных препятствиях, сама подготовка способных священнослужителей, устроение церквей и снабжение их всеми принадлежностями, сопряжено было с великими затруднениями и требовало много времени.

Из Ростова первый епископ Феодор, присланный еще Св. Владимиром, вместе с сыном его Борисом, и построивший в 992 году церковь «дубовую, дивную и великую» (которая сгорела в 1160 году),

вынужден был бежать. Он водворился в Суздале, где, видно, дело обращения было успешнее.

Преемник его Иларион не был счастливее его в Ростове.

Св. Леонтий, ученик Св. Антония печерского, также нашел сильное сопротивление у здешних язычников: он был изгнан из города и поселился неподалеку, близ ручья Брутовицы. Сюда он стал призывать детей, кормил и ласкал их, учил началам Св. веры и крестил. Крестились вместе с детьми и взрослые. Прошло некоторое время. Укрепившись силой крестной, постом и бдением, он возвратился в свой соборный храм. Здесь продолжал он святое дело — учить детей и проповедовать о пустоте и нечестии идолослужения. Язычники решили убить его и толпой собрались к собору. Святитель в полном облачении, сопровождаемый духовенством, явился перед ними с крестом в руках и укротил их ярость. Многие тогда приняли христианство. Но вражда в большинстве не прекращалась. Св. Леонтий был убит среди нового возмущения, вероятно, около 1074 года. Первый ростовский священномученик, по выражению Св. Симона, жизнеописателя печерского, «его же Бог прослави нетлением… и се третий гражданин небесный бысть Русскаго Мира с онема Варягома (Феодором и Иоанном, убитыми при Владимире), венчався от Христа».

Преемнику Леонтия Исаие, также печерскому подвижнику, оставалось еще много трудов. В церковной службе ему поется: «Разжигаемый любовью Божиею, больше чем огнем, ты, отче, обходил города и села в Ростовской и Суздальской области, разорял идольския капища, созидал церкви и научил народы петь: слава силы твоей, Господи!» (пес. 4). «Благодатию Св. Духа ты до конца истребил оставшееся в Русской (Ростовской) земле идольское нечестие, и явился крепким поборником православия» (пес. 3).

Он скончался около 1090 года.

Еще известен ростовский проповедник Авраамий, живший во время Мономаха, который сокрушил тростью каменный идол Велеса. Житие его говорит, что он в юности, «ревнуя о жизни духовной», оставил дом, родителей, принял иночество и поселился у озера Неро, в хижине, им поставленной. Здесь скорбевший об идолослужении, которое продолжалось в Чудском конце Ростова, имел он видение, ободрившее его совершить свой подвиг. На месте сокрушенного идола он основал Богоявленский монастырь, доныне существующий.

Есть известие, что несколько жителей ростовских, не хотевших

принять христианство, выселились куда-то на берег Волги.

Обращение вятичей, соседних с Курской областью, в нынешней Орловской губернии должно относить к первой трети XII столетия. Нестор, описав языческие обряды древних русских славян, прибавляет: «се же творят Вятичи ныне», т. е. в начале XI и начале XII столетия. У вятичей проповедовал Св. Кукша. Св. Симон в послании к Поликарпу говорит, что он вызвал дождь, иссушил озеро и сотворил много чудес. Он был усечен язычниками и в муках скончался с учеником своим Никоном, что в Киевских пещерах прозрел Св. Пимен постник, который, став среди церкви, возгласил, по Печерскому сказанию: «Брат наш Кукша предается смерти», — и с этими словами скончался сам.

Муром обязан своим просвещением преимущественно ревности первого после Глеба своего князя Константина, который, идя сюда на княжение, прислал сначала сына Михаила — он был убит. Константин взял город и поставил церковь Св. Благовещения. Там похоронил он своего убитого сына Михаила с христианскими обрядами. «Невернии же люди, сказано в житии, весьма подновленном, видяще сия, дивляхуся, еже не по их обычаю творимо бе погребение, яко погребаему сыну самодержцеву в зник т восток лицем, могилы верх холмом не сыпаху, но равно с землею, ни тризнища, ни дани (по др. сп. дымы), ни битвы, ни кожекроения, ни лицедрания, ни плача безмернаго, не творяху. И о том безумнии ругающеся и смеющеся вопрошаху христианы: что не по их обычаю погребение?»

После описания действий князя на пользу христианства, житие сообщает любопытные сведения о современных языческих суевериях в Муроме: «Где рекам и озерам требы кладущии? Где дуплинам древяным ветви убрусцами обвешающии и сим поклоняющиися? Где кладезем и поникам поклоняющиися, очныя ради немощи умывающеися, и сребреницы в ня поверзающеи? Где кони закаляющеи по мертвых, и ременная плетения древолозная с ними в землю покоповающеи, и битвы, и кроения, и лиц настрекания, и драния творящеи? Где сверилия и горкая согрешения восклицающеи?.. Идеже бо в Муромстей стране пройдеши, нигде не услышишь проклятых многобожных имен, ни Перуна, ни Ждабога, ни Мокоша, им же погании требы творяху».[6]

---

[6] В Муромских курганах IX и X в., разрытых в недавнее время, найдены остатки коней, изображения змей, сожженные кости зверей и птиц, идолов из глины.

Жители упорствовали и умышляли против своего князя. Однажды толпы собрались с дубинами перед его жилищем. Князь со своей семьей, — говорит житие, — с духовными и несколькими из добрых слуг стал на молитву. Затем один явился, с иконою Богоматери на руках, к волновавшейся толпе. Бунтовщики были поражены ужасом и вместо угроз выражали мольбу просветить их Св. крещением. Обрадованный князь воздал благодарение Господу и Пречистой Матери, назначил день, когда все непросвещенные должны явиться на реку Оку. «Священницы мазаху их хризмою чело, очи, уста, ноздри, уши. И надеша на ня венцы червленые на главы их обязаша; на них же крест, и белы ризы, и ногавицы, и сапоги, и даша всем свещи горящи в руце, и повелеша ити в церковь».

К 1147 году принадлежит обращение Вологды Св. Герасимом, пришельцем из Киева. Он основал обитель у ручья Кайсарова, приобретя землю у одного купца, род которого (Пятышевых) пресекся только в наше время.

На берега Северной Двины принесли святое учение новгородцы, где уже в XII столетии имели свои монастыри.

В 1174 году некоторые из них поселились на Вятке и принесли туда христианство.

К карелам (в южной Финляндии) Ярослав Всеволодович отправил в 1227 году священников.

Прибалтийская чудь просвещаема была христианством из Новгорода и Пскова, о чем есть следы и в летописях ливонских.

СЛЕДЫ ЯЗЫЧЕСТВА

Так распространялась христианская вера, но языческие верования долго еще были живы по местам. Наша первая летопись, под 1067 г., свидетельствует о том, вставляя следующие слова в заимствованное из древнего Злотоструя осуждение своего времени: «Се бо не поганьски ли живем… аще бо кто усрящет черноризца, то возвращается, — ли единиць, ли свинью… се бо по дьяволю наученью кобь сию держать, друзии же и закыханью веруют, еже бывает на здравье главе».

Древний, неизвестный проповедник говорит в одном своем слове, что ревнитель христианской веры не может терпеть христиан двуверных; они христиане, но веруют в Перуна, Хорса, Мокошь,

Сима, Рекла, Вилы, которых числом несчастные невежды полагают тридесять. Все это считают они богами и богинями и кладут им жертвы, ломают караваи, режут кур; они молятся огню и зовут его Сворожицем; и чеснок считают за бога, и когда у кого бывает пир, кладут его в ведра, в чаши, и так пьют. «Не одни невежи, но и вежи это делают, попы и книжники; если и не творять того книжники и вежи, то пьют и едят сие моленное брашно; если же не пьют и не едят, то видят деяния их злыя, если же не видят, то слышат и не хотят поучать».

«И ноне, говорит другой древний ревнитель, по украинам молятся ему проклятому богу Перуну, и Хорсу, и Мокоши, и Вилу, и то творят отаи, сего немогуть ся лишити проклятаго ставленья, и вторыя трапезы нареченныя роду (?) и рожаницам (девам жизни и судьбы, паркам?)».

Даниил Заточник в своем слове говорит: «Дети бегают рода, а господь пьяного человека».

Сказания о волхвах, рассеянные в летописях, до позднейшего времени представляют такие следы древнего язычества. Сообщим их сполна:

1071. Волхв пришел в Киев и рассказывал людям, что через пять лет Днепр потечет назад, и земли переменятся: Греческая станет там, где есть Русская, а Русская, где Греческая, — так изменятся и прочие. Глупые верили, а умные говорили, что бес им играет на пагубу ему. Так и случилось, замечает летописец: в одну ночь он пропал без вести.

По поводу этого известия летописец рассказывает следующее: был голод в Ростовской области. Два волхва, идя по Волге от Ярославля, обвиняли женщин, что они скрывают у себя обилье… Жители приводили к ним жен, матерей, сестер. Волхвы прорезали у женщин «в мечте» за плечом и вынимали жито, рыбу, мед; несчастных убивали, а их имущество доставалось убийцам. Таким образом пришли они на Белоозеро в сопровождении трехсот человек. Там собирал дань от Святослава Ян, сын Вышаты. Белозерцы сообщили ему, что два кудесника уже избили многих женщин по Волге и Шексне. Ян спросил, чьи они смерды, и, узнав, что они принадлежат к области его князя, послал к их спутникам требовать их выдачи. Те не послушались. Ян хотел идти к ним сам без оружия, но отроки его остановили: «Не ходи без оружия — осрамят тебя». Он велел 12 отрокам своим взять с собою оружие и пошел вместе с ними

к лесу, держа топорец в руке. Шайка исполчилась. Навстречу выступили три человека и сказали Яну: «Что идешь на смерть, не ходи!» Ян велел убить их и двинулся вперед к прочим. Те бросились на Яна: один промахнулся топором, Ян, оборотя топор, ударил его обухом и велел отрокам сечь их. Все разбежались. В схватке убит был поп Яна. Ян, вернувшись в город, сказал белозерцам: «Поймайте волхвов, если не поймаете, то не уйду от вас за лето». Белозерцы поймали и привели волхвов к Яну. Между ними произошло состязание. «За что погубили вы столько людей?» — «За то, что они держали гобино». «Ложь это, Бог сотворил человека из земли, человек имеет кости и жилы, и нет в нем больше ничего». Волхвы сказали: «Мы знаем, как сотворен человек». «Как?» «Бог мылся в мовнице, и, вспотев, отерся ветошкой, которую бросил с неба на землю. Сатана заспорил с ним, кому сотворить из нее человека, и сотворил человека дьявол, а Бог вложил в него душу: потому и идет тело человека по смерти в землю, а душа к Богу». «Поистине, прельстил вас бес, сказал Ян, какому Богу вы веруете?» «Антихристу». «Где он?» «Сидит в бездне». «Какой же это Бог, если сидит в бездне? Это бес, а Бог есть на небеси. Бес свержен оттуда за величанье и сидит в бездне, ожидая, когда придет Бог и велит связать его со слугами его и ввергнуть во тьму кромешную. Вы же примите муку от меня здесь, а по смерти там». «Боги поведают нам, что ты не можешь сделать с нами ничего». «Лгут вам боги», сказал Ян. Волхвы сказали: «Нам стать перед Святославом, а ты не можешь сделать с нами ничего». Ян велел бить их и драть бороду. «Ну, что говорят вам теперь боги?» спросил Ян. «Стати перед Святославом». Ян велел вложить им в рот рубль, и, привязав к упругу, пустить по реке в ладье, а сам поплыл за ними в устье Шексны. Он спросил их опять: «Что говорят вам боги?» «Не быть нам живыми от тебя». «Вот это правду говорят они вам», подтвердил Ян. «Но если ты пустишь нас, сказали они, то много добра тебе будет; а если погубишь, то примешь зло и многу печаль». «Если я пущу вас, то зло будет мне от Бога», и, обратясь к перевозчикам спросил, не убит ли кто ими из родных. Один назвал мать, другой сестру, третий ребенка. «Мстите же за своих». Перевозчики убили волхвов и повесили на дубе. В ту же ночь медведь пожрал их тела.

Под этим же годом рассказывает летописец: пришел один новгородец в чудь и попросил у кудесника волхвованья. Тот начал призывать бесов в храмину. Новгородец сидел на пороге, кудесник

же упал, оцепеневши: «шибе им бес». Встав, кудесник сказал новгородцу: «Боги не смеют придти — у тебя есть что-то, чего они боятся». Новгородец вспомнил, что на нем есть крест, вышел и положил его в стороне. Позванные вновь бесы объяснили, зачем он пришел. Новгородец спросил после, почему они боятся креста. «То есть знаменье небесного Бога, которого наши боги боятся». Он спросил: «Какие у вас боги, и где они живут?» «В бездне: суть же образом черны, крылатые, с хвостами, восходят и под небо, слушая ангелов. Кто умирает из ваших людей, того ангелы возносят на небо, а кто умирает из наших, тот несется к нашим богам в бездну». Так и есть, заключает летописец, грешника в аду ждут муки вечные, а праведники водворяются с ангелами в небесном жилище.

Нестор, рассказав этот случай, заключает свои рассуждения о волхвовании так: «Паче же женами бесовьская волшвенья бывают… тако в си роди много волхвують жены чародейством, и отравою, и инеми бесовьскими козньми».

При Глебе явился волхв в Новгороде и прельстил чуть ли не весь город, «творяся яко Бог», хуля веру христианскую, говоря о себе: все знаю, и вызываясь перейти Волхов перед всем народом. Случился мятеж в городе, хотели убить епископа. Епископ облекся в ризы, и, с крестом в руке, став перед ним, сказал: «Кто верить волхву, иди к нему; кто верует, тот иди ко кресту». Князь Глеб с дружиной стали около епископа, а все люди пошли за волхва. Глеб спрятал топор под скутом и подошел к волхву. «Знаешь ли, что случится завтра поутру и ныне вечером?» спросил он волхва. «Все знаю», отвечал тот. «А что будет теперь?» продолжал спрашивать Глеб. «Чудеса великие сотворю». Глеб вынул топор и ударил его. Волхв упал мертвый, и народ разошелся.

В 1091 г. явился волхв в Ростове, но вскоре погиб.

1227. «Новогородцы сожгоша волхвы четыре, творяхуть е потворы деюще, а Бог весть, и сожгоша их на Ярославли дворе».

Ныне употребительные слова волшебник, волшебство, остались памятником древних волхвов.

ЦЕРКОВНОЕ УПРАВЛЕНИЕ

Митрополиты, епископы, епархии, настолование, рукоположение, власть митрополита, соборы, участие князей и народа в назначениях, особенности новгородские, примечательные

епископы, отношения духовенства к светской власти, содержание духовенства, десятины, пошлины, благотворительные учреждения духовенства

Церковь Русская управлялась митрополитами, присылаемыми из Константинополя. Ярослав сам избрал митрополита — священника берестовского, Илариона, в 1031 году, может быть, вследствие недавних распрей с Грецией, или намерения приобрести независимость. Но после опять митрополитами посылались из Константинополя греки, кроме избранного при великом князе Изяславе в 1147 г. русского, Клима Смолятича, что после подало повод к распре князей и епископов.

Митрополиты руководствовались греческой Кормчией, обращаясь в важных случаях к патриарху или к созванию собора.

Из киевских митрополитов примечательнейшие были после Илариона: Иоанн II, поставленный около 1080 года. Нестор прославляет его следующими словами: «муж хитр книгам и ученью, милостив убогим и вдовицам, ласков же ко всякому богату и убогу, смирен же, и кроток, и молчалив, речист же, книгами святыми утешая печальныя, и сякаго не бысть преже в Руси, ни по нем не будет сяк».

Св. Ефрем (около 1092–1097), из русских, любимец великого князя Изяслава, постриженик Феодосиева Печерского монастыря, для которого в Константинополе списал устав Студийский. Будучи епископом в Переяславле, он построил там многие церкви, «украсив всякою красотою», заложил город каменный и строение банное, учредил больницы и странноприемницы. В Суздале также остались памятники его благочестивой ревности.

Никифор, грек (1104), известен своими посланиями к Владимиру Мономаху, — о посте, о вере латинской, — в которых является пастырем просвещенным, попечительным о спасении душ, готовым говорить правду князьям и ревностным к охранению православия.

Климент Смолятич, избранный по желанию великого князя Изяслава Мстиславича в 1147 г. собором русских епископов и посвященный, вместо патриарха, по мысли черниговского епископа Онуфрия, главой Св. Климента, папы римского, хранившейся в Софийском соборе. Некоторые епископы, например, Нифонт новгородский, не признавали этого избрания, равно и князья, например, Юрий Долгорукий, и он вынужден был по обстоятельствам оставить кафедру, которой уже более не занимал. Летопись свидетельствует, что он подвизался в затворе и был такой

книжник и философ, какого прежде в России не бывало.

После избрания Климента киевская церковь опять подчинилась константинопольскому патриарху, который, впрочем, обещал великому князю Ростиславу (1162) не присылать в Киев митрополита без согласия великого князя.

Помощниками митрополита киевского были епископы.

Кроме древнейших епархий: Новогородской, Ростовской, Черниговской, Белгородской, Владимирской на Волыни, во второй половине XI века стали известными: Тмутораканская, около 1068, Переяславская и Юрьевская на Роси в 1072. В XII веке: Полоцкая около 1105 г., Туровская в 1114 г., Смоленская в 1137 г. Галицкая в 1157 г., Рязанская около 1207 г., Владимирская на Клязьме в 1215 г., и Угровская, перед нашествием татар.

Замечателен обряд настолования новопоставленных епископов и митрополитов, совершавшийся тогда у нас по примеру греческой церкви: через несколько дней после рукоположения епископа или прибытия митрополита из Греции, новый святитель возводим был другими святителями, во время литургии, по прочтении Евангелия на стол, или кафедру, стоявшую посреди церкви, и торжественно приветствован возглашением его епархии и целованием. Так, митрополит Иларион сам свидетельствует о себе, что он, по рукоположении, был настолован; о митрополите Никифоре замечено, что он прибыл на Русь 6 декабря, а 18 того же месяца на столе посажен; о черниговском епископе Феоктисте сказано, что он поставлен епископом 12 января, а посажен на столе 19.

Рукоположение, большей частью, совершалось в Киеве, а после, иногда и в новой великокняжеской столице — Владимире на Клязьме; и для участия в рукоположении обыкновенно приглашались окрестные иерархи.

Власти митрополита подчинялись епископы. Он иногда сам непосредственно избирал епископов, иногда только утверждал избранных князьями и людьми.

Некоторые посвящения сопровождались великой торжественностью, например, суздальского епископа Кирилла II, при князе Владимире (Рюриковиче) и сыне его Ростиславе, «воеводство тогда держащу киевской тысячи Иоанну Славновичу». Были в то время в Киеве и многие другие князья: Михаил, князь черниговский, и сын его Ростислав, Мстислав Мстиславич, Ярослав, Изяслав и Ростислав Борисович, и многие другие. С митрополитом Кириллом

священнодействовали: Порфирий черниговский, Олекса полоцкий, епископы белогородский и юрьевский, архимандрит печерский Анкудин, игумены спасский, андреевский, федоровский, васильевский, воскресенский, кирилловский, из Чернигова игумен мученический. После посвящения был великий праздник в монастыре: «еша и пиша… много множество людий преизлиха зело, ихже не бе мощи и счести». Дома встречен он был торжественно «и бысть радость велика во граде Ростове».

Митрополит пользовался правом суда и расправы над епископами: так, митрополит Климент Смолятич вытребовал (1149) в Киев и заключил в Печерский монастырь новгородского епископа Нифонта, который не хотел повиноваться ему и поминать его в церковных молитвах, а митрополит Константин (1163) на время лишил епископии ростовского епископа Нестора по доносу на него «от своих домашних», но потом возвратил ему епархию, увидев его невинность и заключив в темницу самих доносчиков.

После епископов, власть митрополита простиралась и на все духовенство: тот же митрополит Константин, как только прибыл в Киев, лишил было сана всех, рукоположенных Климентом, но вскоре разрешил священнослужение пресвитерам и диаконам, а митрополит Константин II писал послание к игуменам и священникам епархии ростовской, чтобы они не повиновались своему епископу Феодору, пока он не придет в Киев и не примет благословения у первосвятителя Русской церкви.

Соборов, бывших у нас в настоящий период по важнейшим делам церковным, известно четыре, которые все происходили в Киеве. Первый созван был в 1147 г. великим князем Изяславом для избрания и рукоположения митрополита Климента. Второй собирался около 1160 г. по случаю изгнания из епархии князем Андреем Боголюбским ростовского епископа Нестора: собор рассмотрел все обвинения, какие возводил князь на этого епископа, и признал его совершенно невинным. Третий (1168) имел целью решить волновавшие тогда церковь споры о посте в среду и пятницу, когда в эти дни случится великий праздник, хотя вследствие сильного разногласия во мнениях между членами не решил ничего. На четвертом (1169) был судим и осужден на смерть ростовский епископ Феодор, как нераскаявшийся еретик и злодей.

Впрочем, кроме этих четырех, вероятно, были и другие соборы: по крайней мере, в летописи не раз упоминаются епископы,

собранные в Киеве.

Участие князей и народа в церковных делах постоянно обнаруживалось при избрании епископов. Если в какой-либо епархии епископ умирал или оставлял кафедру, местный князь вместе со своими подданными избирал кандидата, отправлял его в Киев к великому князю киевскому и митрополиту, просил о рукоположении. Такое избрание, согласное с древними обычаями церкви, считалось законным. Если же митрополит сам, без сношения с местным князем, ставил куда-либо епископа, то избрание могло оспариваться. В 1183 г., когда скончался ростовский епископ Леон, митрополит Никифор поставил в Ростов епископом Николая Грека, но великий князь владимирский и суздальский, Всеволод Юрьевич, не принял его, говоря: «не избраша сего людие земли нашея», и послал в Киев просить князя Святослава и митрополита, чтобы в Ростов поставлен был епископом смиренный игумен Спасского монастыря на Берестове Лука. Митрополит, со своей стороны, не хотел уступить; но «неволею великою Всеволода и Святославлею» поставил Луку епископом в землю Суздальскую, назначив Николаю другую епархию, полоцкую. Летописец при этом замечает: «несть бо достойно наскакати на святительский чин на мзде, но его же Бог позовет и Св. Богородица, князь восхочет и людье», — указывая тем на общее правило, какого держались тогда искони при избрании епископов.

Вследствие такого близкого участия князей в избрании епископов и говорится в летописях, что, например, киевский князь Рюрик «постави епископом в Белгород отца своего духовнаго, Выдубицкаго игумена Адриана»; суздальский князь Всеволод «посла на епископство в Русский Переяславль Павла (1198)» и др.

В Новгороде, где все важнейшие дела решало народное вече, избрание епископа также совершалось вечем. В 1136 году, когда скончался новгородский епископ Нифонт, собрались, говорит местная летопись, жители всего города, и изволили поставить (т. е. избрать) себе епископом мужа богоизбранного Аркадия; они пошли всем народом, взяли его из монастыря от Св. Богородицы, — князь Мстислав Юрьевич, весь клир Св. Софии, и все городские священники, игумены и чернецы, ввели его в двор Св. Софии и поручили ему епископию. Точно так же, по смерти архиепископа Илии (1186), новгородцы, совместно со своим князем Мстиславом, с игуменами и со священниками, изволили поставить себе епископом

брата Илии Гавриила. В 1193 г., по смерти архиепископа Гавриила, новгородцы вместе с князем Ярославом, игуменами, софийским духовенством и всеми священниками, гадали между собой: одни желали избрать на епископию Митрофана, другие Мартирия, третьи какого-то Гричина (мирское имя, или переделанное из Григория), «и была между ними распря». Тогда положили на святой трапезе (в Софийском соборе) три жребия и послали с веча слепца, чтобы он взял жребий того, кого Бог даст, и вынулся Божией милостью жребий Мартирия. Немедленно послали за ним, привели его из Русы и посадили во дворе Св. Софии.

Кроме того, в деле избрания епископов у новгородцев замечаются и другие особенности. Тогда как в прочих епархиях в епископы избирались почти исключительно настоятели обителей, новгородцы часто избирали себе владык из простых иноков, даже из белого духовенства. Так, Илья и брат его Григорий избраны были из священников приходских новгородских церквей, Спиридон из иеродиаконов Юрьевского монастыря, а Антоний и Арсений из простых черноризцев Хутыня монастыря. Князь Михаил, предлагая новгородцам в 1229 году избрать нового владыку, соответственно их обычаю, выразился: «Поищите себе такого мужа, в попех ли, в игуменех ли, в черницех ли». Тотчас по избрании нового епископа, новгородцы вводили его во двор Св. Софии и предоставляли ему управлять епархией, а сами отправляли послов к митрополиту с просьбой поставить им и избранного владыку. Когда митрополит изъявлял свое согласие и присылал за новоизбранным с великой честью, этот последний торжественно ехал в Киев со свитой и принимал там рукоположение. Случалось, что избранный в епископы управлял новгородской епархией до своего посвящения довольно долго, дожидаясь, пока «будет от митрополита позвание»; например, Аркадий управлял около двух лет, Илия и Митрофан по стольку же, а Арсений, возведенный на владычные «сени» из чернецов Хутыня монастыря, хоть и правил епархией два года, но посвящения вовсе не дождался, потому что, по происшествии двух лет, был изгнан новгородцами в ту же обитель.

Принимая такое полное участие в избрании для себя архипастырей, князья, а по местам и народ, иногда присваивали себе право и удалять их с кафедры прежде суда над ними церковного, или даже вовсе без этого суда. В 1157 г. изгнан был из своей епархии ростовский епископ Нестор за то, что не разрешал поста в среду и

пятницу для праздников Господских, кроме Рождества Христова и Богоявления, и еще за какие-то другие вины, которые взводил на него князь Андрей Боголюбский. Киевский митрополит Феодор рассмотрел дело Нестора на соборе и совершенно оправдал его; но Боголюбский не хотел принять избранного епископа, и Нестор должен был искать себе защиты у царьградского патриарха. Патриарх также нашел его невиновным и неоднократно просил Боголюбского о принятии его, но не видно и после этого, чтобы Нестор был принят.

В 1159 г. ростовцы и суздальцы, с согласия князя своего, Андрея Боголюбского, изгнали от себя епископа Леона за то, что он, будучи поставлен в Ростов незаконно, еще при жизни Нестора, без нужды умножал число церквей и грабил духовных. Через некоторое время Боголюбский принял Леона, но в 1164 г. изгнал опять. Вскоре возвратил его снова, впрочем, только в Ростов, а не в Суздаль; но через четыре месяца изгнал в третий раз, потому что Леон не соглашался разрешить пост в среду и пятницу ни для каких Господских праздников.

В 1168 г. черниговский князь Святослав изгнал из епархии своего епископа Антония, будучи недоволен тем, что Антоний строго возбранял ему разрешать пост среды и пятницы для праздников Господских кроме двух: Рождества Христова и Богоявления.

Таким образом, и в церковных делах мы видим ту же неопределенность, как и в гражданских, по крайней мере, возможность, обычай, уклоняясь от правил, соображаться с обстоятельствами и современными требованиями.

В делах, собственно гражданских, епископы зависели от князей. Так, когда в 1208 году великий князь Всеволод владимирский, огорченный непокорностью рязанцев, повелел их город сжечь, а самих всех отвести в свою столицу, он пленил и епископа их Арсения, который содержался во Владимире четыре года, пока не был отпущен со всеми рязанцами.

В 1229 г. ростовский епископ Кирилл, вследствие княжеского суда, происходившего на «сонме», лишился всего своего богатства.

Но более всех позволяли себе власти по отношению к своим владыкам новгородцы. В 1212 г. они прогневались за что-то на архиепископа Митрофана, и, не дав ему оправдаться, удалили его в Торопец, а себе избрали нового владыку, хутынского чернеца Антония. Через шесть лет Митрофан возвратился в Новгород, и новгородцы проводили его в Благовещенский монастырь, а в

следующем (1219) году, когда Антоний поехал в Торжок, ввели Митрофана в двор владычный и посадили снова на кафедру, послав сказать Антонию: «Иди себе, куда хочешь». Антоний, однако же, пришел в Новгород и остановился в Спасском Нередицком монастыре. Не зная, что делать, новгородцы отправили обоих архиепископов на суд к митрополиту. Митрополит решил так, что Митрофана возвратил в Новгород, а Антонию дал Перемышльскую епархию. По смерти Митрофана (1223), новгородцы избрали себе владыкой хутынского чернеца Арсения, но через два года с радостью приняли своего прежнего архиепископа Антония, пришедшего из Перемышля, и Арсений должен был оставить свое место. Когда Антоний, лишившись употребления языка, добровольно отказался от кафедры (1228) и заключился в Хутынском монастыре, Арсению снова предоставлено было управление епархией. Но вскоре, по случаю беспрестанных дождей, опустошавших поля, народ восстал на Арсения и составил против него вече, говоря: «Это за то мы страждем, что он выпроводил Антония в Хутынь, а сам несправедливо занял владычний престол, подкупив князя». С шумом ворвались безрассудные в архиерейский дом, выгнали из него Арсения и едва не умертвили, так что он с трудом спасся в Софийском соборе, а на другой день извлекли архиепископа Антония, больного и немого, из Хутыня монастыря и посадили на святительской кафедре, дав ему в помощники двух светских чиновников. Только князь Михаил черниговский, прибывший (1229) управлять новгородцами, убедил их избрать нового владыку, вместо больного и изнемогшего старца.

Участие князей и народа обнаруживалось также в открытии новых епархий, например, Рязанской, Смоленской и иногда в установлении праздников, — например, 18 июля, в память явления Богоматери Андрею Боголюбскому, и 1 августа, по случаю победы его над болгарами, — в избрании игуменов, перемещении их и удалении от должности.

Из епископов примечательнейшие были в Новгороде: Лука Жидята, — первый из русских епископов (1036), — при котором строился и освящен был Софийский собор (в 1051). Будучи оклеветан слугой своим Дудиком, он был вызван на суд митрополита в Киев и содержался там три года. По оправдании приезжал в другой раз в Киев, и на пути скончался (вероятно, 13 октября 1058 г.). После него осталось поучение.

Св. Никита, из печерских затворников, прославился святостью своей жизни (1096–1107). Новгородская летопись приписывает его молитвам дождь во время засухи и прекращение одного губительного пожара.

Св. Нифонт, также из печерских затворников (1130), отличался знанием церковных законов и строгостью правил; не хотел венчать новгородского князя Святослава Ольговича и запретил подведомому духовенству; не соглашался на избрание митрополитом Климента мимо воли патриаршей, за что после (1149) посажен был великим князем Изяславом Мстиславичем в Печерский монастырь, где и оставался до прибытия Юрьева, который отпустил его в Новгород. Отсюда отправился он опять в Киев для встречи нового митрополита, занемог там и скончался. Летописец новгородский прославляет его, осуждая хулителей: «который епископ тако украси святую Софию, притворы исписа, кивот сотвори, и всю извну украси, а Плесков святаго Спаса церковь созда камяну, другую в Ладозе святаго Климента. Мню бо, яко нехотя, по грехом нашим, дати нам на утеху гроба его, отведе и Киеву, и тамо преставися и положиша и в Печерским монастыре у Святой Богородицы в печере».

Сохранились ответы его, по поводу разных церковных недоумений, доместику Кирику.

Св. Илия (Иоанн) родился в Новгороде, где служил сначала священником при церкви Св. Власия; его молитвам приписывается спасение Новгорода от рати Андрея Боголюбского. Ему и брату его Гавриилу, бывшему преемником, принадлежит основание многих церквей в Новгороде.

Во Владимире Волынском, святой Стефан, ученик и сотрудник Св. Феодосия, назначавшего быть ему его преемником в Печерском монастыре, рукоположенный в 1091 году.

В Ростове Св. Леонтий, деятельность которого мы видели выше в описании распространения христианской веры.

Св. Исаия, киевлянин, из печерских иноков, продолжавший с успехом дело Св. Леонтия.

Пахомий (ум. 1218). «Сь бе агня, а не волк, не бе бо хитая от чюжих домов богатьства, ни сбирая его, ни тем хваляся, но паче обличаше грабителя и мздоимца; поревновав нраву Златоуста и преходя от дела в дело уншее… не согбене руце имея на вданье их, но отверзене отинудь».

Кирилл I, оставивший в 1229 г. епископию по болезни. Это был

богатейший из ростовских епископов, кунами и селами, книгами и всяким товаром. По суду князя Ярослава, случившегося на сонме в Ростове, он лишился всего своего имения, «некакою тяжею». Что же? Он нимало не огорчился, воздал хвалу Богу, и все остальное раздал любимым и нищим, а сам принял схиму.

Кирилл II. Он прежде служил архимандритом в Рождественском монастыре во Владимире. Ростовские князья — Василько, Всеволод и Владимир, послали просить своего дядю великого князя Георгия и владыку Митрофана, чтобы он отпустил Кирилла на епископство в Ростов, на что и последовало согласие (1230). Князья и княгини, бояре и все мужи ростовские, духовенство и все граждане от мала и до велика вышли к нему навстречу и ввели его в соборную церковь Святой Богородицы. Летописи прославляют единогласно этого епископа, свидетельствуя, что он был достойный настольник и наместник святых Леонтия, Исайи и Нестора, «не оста ничим же прежних епископ, следуя нравом их и учению, не токмо бо словом уча, но и делом кажа». Князья и вельможи всех возрастов, не только простые люди, но попы и игумены, приходившие из окрестных городов, дивились, «послушающе ученья его яже от святых книг, со страхом и покореньем».

Этот епископ также прославился украшением соборной церкви Ростовской.

Св. Кирилл Туровский, родился и воспитывался в Турове, на реке Припети, у богатых родителей. С молодых лет пристрастился к книжному учению и поступил в монастырь. Там вскоре прославился он духовными добродетелями, и по просьбе князя и жителей города со столпа, где подвизался в посте и молитвах, возведен был на епископскую кафедру. На кафедре проповедями заслужил имя российского Златоуста. Около 1182 года, оставив служение, уединился.

Св. Симон, первый епископ владимирский, поставлен в 1216 г. и скончался в 1226 году, известен посланием к иноку Поликарпу, в котором заключаются известия о некоторых печерских угодниках.

Духовенство не принимало у нас участия в управлении и вообще в светских делах: митрополит и епископы были в строгом смысле только учителями и блюстителями веры и благочестия. Только ходатайство за обвиненных и умиротворение противников принимали они на себя перед князьями, и голос их всегда имел значение и силу.

Так, духовенство ходатайствовало за Василька (1097). Так, митрополит Николай уговорил Мономаха помириться со Святополком (1097). Когда Юрий Долгорукий хотел выдать Ярославу галичскому двоюродного брата его, митрополит говорил Юрию: «Грех тебе, целовав крест, держать его в такой нужде, а ты ему хочешь выдать его на убийство». И Юрий послушался (1157). «Князь! мы Богом поставлены в Русской земле, чтоб удерживать вас от кровопролития», говорил митрополит великому князю Рюрику и предотвратил войну с великим князем Всеволодом суздальским (1195).

Иногда сами князья отдавали себя на суд духовных лиц.

Что касается содержания — кафедры святительские пользовались: а) десятиной или недвижимым имением. Владимир назначил построенному им Богородичному храму десятину из своих доходов. Митрополит Кирилл писал, что князья выполняли устав Владимира о десятине, даже делали более — «к тому и много приложили… и волости дали со всеми прибытки». Известны по летописи населенные поместья Киевской десятинной церкви. Грамоты новгородского князя Святослава и смоленского Ростислава показывают, что завещание Владимира о десятине отнесено было ко всем кафедрам епископов, но с применением к средствам того или другого края. Князь Святослав, находя, что сбор десятины произведениями земли затруднителен и для князя, и для епископа, определил вместо того для кафедры новгородского епископа постоянный денежный оклад, равный десятой части доходов князя. Другие князья заменяли ту же десятину частью денежным окладом, частью же угодьями. О кафедральной владимирской церкви сказано, что боголюбивый князь Андрей наделил ее лучшими поместьями, отдал ей пошлину с десятого торга и княжеских стад.

В пользу епископов определены были судные пошлины, как пеня с виновного и вознаграждение за труд судье.

По памятникам видно, что назначена еще плата с новопоставляемых духовных лиц и с церквей.

Эти доходы митрополит и епископы употребляли не для себя одних. Митрополит Кирилл писал, что имущество кафедры идет на содержание клира, кафедрального храма и дома, на содержание нищих, больных, странников, сирот и вдов, в пособие потерпевших от пожара и несправедливого суда, на возобновление церквей и монастырей. Так, дом епископа был домом призрения всякой

нищеты.

По Несторову житию пр. Феодосия видим, что для Печерской обители еще при жизни пр. Феодосия пожертвованы были поместья. То же сделано было и для других обителей. Обители, со своей стороны, как и епископы, обращали часть пожертвований в пользу людей нуждавшихся. Так, пр. Феодосий отделил десятую часть доходов на содержание больных и бедных и сверх того каждую субботу посылал воз хлебов заключенным в темницах.

Приходские храмы были отчасти обеспечиваемы пожертвованиями своих строителей и благотворителей, как, например, для вышгородского храма назначена была десятина. Ярослав, строя по городам и селам храмы, давал священникам от имения своего урок.

Общим же источником содержания причту были добровольные пожертвования прихожан, как это было с первых времен христианства. Кроме того, священникам дозволялось обращать в свою пользу доход от продажи ладана и церковного вина.

БОГОСЛУЖЕНИЕ

Св. таинства, службы, обряд погребения, церковные правила, — митрополита Иоанна к Иакову черноризцу, ответы на вопросы диакона Кирика, постановление новг. архиепископа Илии, — богослужебные книги, праздники, 9 мая, святцы, пасхалии, летоисчисление церковное и гражданское, посты, кресты, церковное пение, храмы, их украшения, иконы, мощи, церковные вещи, монастыри

Обращаясь к священнодействиям церкви, остановимся прежде всего на важнейших из них, Св. таинствах.

Крещение совершалось тогда у нас через троекратное погружение. «Они, говорит преп. Феодосий о латинянах, крещаются в едино погружение, а мы в три». Крещаемых называли непременно именами святых, а не какими-либо другими, вопреки обычаю тех же латинян, хотя оставался еще обычай, особенно между князьями, кроме христианского имени, давать детям и народные имена. Крещение совершалось преимущественно на сороковой день, как и в Греции того времени.

Вслед за крещением совершалось таинство миропомазания: «Мы крещающагося мажем миром и маслом, а они крещающемуся сыплют

соль в уста», говорит о латинянах преп. Феодосий и повторяют некоторые другие наши писатели. Совершать миропомазание предоставлялось не одним епископам, как уже было у западных христиан, но и священникам. В житии просветителя муромцев, князя Константина, хотя и в позднейшей редакции, повествуется, что вслед за тем, как жители Мурома крестились в Оке, «епископы и священицы мазаху хризмою чело, очи, уста, ноздри и уши крестившихся, и, надевши венцы червленные на главы их, обязаша кресты и возложиша на них белыя ризы, и даша всем свещи горящия в руце».

О таинстве покаяния ясно свидетельствует известное послание черноризца Иакова к великому князю Изяславу, где Иаков, как духовный отец, освобождает своего духовного сына от всех грехов, им исповеданных, и преподает ему различные наставления. Митрополит Никифор в слове на неделю сыропустную объясняет условия истинного покаяния, убеждает приносить чистосердечную исповедь перед отцами духовными и исполнять налагаемые от них епитимии. Относительно кающихся, правила русских пастырей отличались благоразумной снисходительностью. «Если человек кается, и грехов у него много, как поступить?» спрашивал Кирик. Святитель Иоанн не велел тогда же налагать епитимии, но «назначить что-нибудь малое, да обучится; потом понемногу прибавлять, без излишнего отягчения».

Таинство евхаристии совершаемо было у нас на хлебе квасном и на вине, растворенном водой. Все похожее на латинские индульгенции строго воспрещалось.

Кирилл спрашивал епископа Нифонта, можно ли служить на одной просфоре. Нифонт отвечал: «Если это будет далеко в селе, а взять другой просфоры негде — достоит служить; если же будет близко торг, где можно купить, то не достоит».

Давая наставления о заупокойной литургии, тот же Святитель говорит: «Всегда же служи на трех просфорах, одна великая, от нее отделяй агнец — здесь мертвый не поминается, а те две за упокой».

Относительно других просфор в древних служебниках нет счета и не видно определенного положения об их числе.

О совершении таинства священства, т. е. рукоположения и постановления на священные степени епископа, пресвитера и закона, многократно упоминает пр. Нестор в своей летописи и житии Св. Феодосия.

Таинство брака, т. е. благословение церкви и венчание считалось необходимым для всех брачующихся, и так как некоторые простые люди вступали в браки без благословения церковного и венчания, предоставляя это только боярам и князьям, то пастыри церкви принимали меры для вразумления невежд.

«Прекрасно обыкновение русского христианства того времени, замечает пр. Филарет черниговский, приобщаться Св. тайн брачующимся».

Наконец, сохранилось свидетельство и о таинстве елеосвящения, что оно совершалось в нашей церкви. Если кто, повествует летописец, приносил в монастырь больное дитя, каким бы недугом оно ни было одержимо, или и взрослый человек, одержимый каким-либо недугом, приходил в монастырь к блаженному Феодосию, то он повелевал пресвитеру Дамиану творить молитву над больным, и тотчас, как Дамиан совершал молитву и помазывал маслом святым, приходившие исцелялись.

Обычай погребать умерших при церквях, начавшийся у нас еще прежде, продолжился и в настоящий период. Почти все князья, о смерти которых упоминает летопись, погребены были в церквях. Даже простые миряне удостаивались этой чести: так, благочестивая супруга киевского посадника Яна, по имени Мария, бывшая духовной дочерью преп. Феодосия, положена была по смерти своей в великой Печерской церкви на левой стороне, против гроба самого Феодосия.

Разрешительную молитву, по свидетельству еп. Симона, начали полагать в руки умершим со времени погребения варяга Шимона, участвовавшего в построении Печерской церкви и просившего о том преп. Феодосия.

Что касается церковных служб — из ответов русских пастырей Нифонта, Саввы и Иоанна видим, что тогда известны были литургии Златоуста и Василия Великого, также чин преждеосвященной литургии.

Из других священнодействий, древние свидетельства упоминают о вечерне, навечерне, полунощнице, утрени, часах, и вообще о всех службах вседневных; еще об освящении церквей, которое иногда совершалось очень торжественно самим митрополитом и даже собором епископов по чину, сходному с настоящим.

Из богослужебных книг, кроме переведенных еще при Св. Кирилле и Мефодии, употреблялись и вновь переводимые, например, службы избранным святым, писанные Феофаном Никейским (857) и

Иосифом Песнопевцем (887), триодь Феодора и Иосифа Студитов. До нас дошло несколько памятников этого рода, из XI и XII века, как-то стихирарь, октоих, служебник, праздничная минея, тропари праздников, стихиры и каноны великих праздников, начиная с Благовещения.

В конце XI века упоминается и русский творец канонов, Григорий, который написал, вероятно, службу пр. Феодосию, также Св. Борису и Глебу.

Что касается праздников — Русской церковью приняты были все праздники Греческой, — и установлено несколько своих.

Самым радостным из своих был праздник Св. Страстотерпцев, Бориса и Глеба, мощи которых были найдены нетленными, и положены в построенном великим князем Ярославом Вышегородском храме 2 мая; в 1072 году они были торжественно перенесены великим князем Изяславом с братьями, и в 1115 г., Мономахом с Ольговичами, 14 августа, во вновь построенную каменную церковь.

В 1108 г. митрополитом Никифором вписано в синодик имя пр. Феодосия, мощи которого открыты летописцем Нестором.

В 1164 г. при копании рвов для новой соборной церкви в Ростове, по воле великого князя Андрея Боголюбского, обретены мощи святителей Леонтия и Исайи.

Нет сомнения, говорит пр. Филарет, что в XI веке уже ублажалась память равноапостольного князя Владимира и бабки его великой княгини Ольги, но неизвестно, когда и кем были установлены эти празднества.

Из славянских святых, кроме первоучителей Св. Кирилла и Мефодия, чествовались дни чешского князя Вячеслава и бабки его Людмилы.

Праздновался Покров Богоматери, виденный болгарином Св. Андреем в Константинополе.

Празднование Кресту Христову, или, как говорят в просторечии, первому Спасу, 1 августа, подтверждено по случаю победы в тот день великим князем Андреем Боголюбским над болгарами, и императором Мануилом над арабами. Прежде в Греции праздновалось поклонение Честному Древу, 31 июля.

Местно чтилась память Св. Антония, убиенного князя Игоря, новгородского епископа Никиты и др.

О святых отцах и святых женах, причтенных к лику святых в

продолжение периода 1054–1240 гг. см. ниже.

Кроме праздников, явившихся по случаю перенесения или открытия Св. мощей в нашем отечестве, установлен тогда у нас праздник 9 мая, в память перенесения Св. мощей святителя Николая из Мир Ликийских в город Бар. Древние наши летописи совершенно молчат об этом событии; позднейшие говорят только о перенесении мощей, не упоминая об установлении праздника. Но сохранилось слово на перенесение мощей святителя Николая, сказанное у нас одним из современников событий и свидетельствующее, что к концу XI или в начале XII века, праздник этот уже существовал в Русской церкви, как действительно он и означен в месяцеслове при Евангелии 1144 года.

Почему в нашей церкви был он установлен, — главными побуждениями могли быть: а) глубокое уважение к святителю Николаю, издавна господствовавшее на всем Востоке и из Греции перешедшее в Россию; б) еще более — весть о многочисленных чудесах, какими сопровождалось перенесение мощей в Апулийский город Бар, где еще жили христиане православного исповедания, подведомые цареградскому патриарху, хотя находились уже и латиняне; в) наконец, то важное обстоятельство, что, во время самого перенесения мощей святителя Николая, он и в Киеве совершил разные чудеса, и, между прочим, чудо над утопшим в Днепре младенцем, ставшее известным митрополиту и поразившее всех жителей. Первосвятители наши еще прежде установили своей властью несколько местных праздников в России, не существовавших на Востоке: так точно могли установить и настоящий, хотя в Греции он не был. Пр. Филарет приписывает установление праздника митрополиту Ефрему, около 1092 г.

После церковных уставов Владимира и Ярослава, руководством служили в продолжение этого периода следующие, частные установления, возникавшие вследствие вопросов.

Церковное правило митрополита Иоанна к Иакову черноризцу, в ответ на его вопросы: 1) о делах веры, священнодействии и церковной святыне; 2) иерархии и вообще духовенства; 3) о делах брачных, семейных и домашних; 4) об отношениях православных к латинянам, евреям и язычникам.

Ответы новгородского епископа Нифонта (ум. 1156) и других духовных лиц на вопросы доместика Кирика, преимущественно о богослужении.

В записках Кирика три части: в первой, самой обширной, содержатся вопросы его и ответы на них преимущественно Нифонта, епископа новгородского, и отчасти какого-то Клима, вероятно, Климента Смолятича, тогдашнего митрополита киевского, игумена Аркадия, бывшего преемником Нифонта на епископской кафедре, игуменьи неизвестного монастыря Марины и какого-то епископского чернца Луки-Евдокима.

Во второй части помещены ответы неизвестного епископа Саввы в 24 главах или правилах.

В третьей — ответы новгородского владыки Илии, преемника Аркадия, в 28 правилах.

Предлагая свои вопросы современным пастырям, Кирик несколько раз приводит правила и древних Св. Отцов, вошедшие в состав Кормчей, именно: Тимофея Александрийского, Св. Василия Великого и Св. Иоанна Постника, и тем показывает, что Кормчая книга тогда у нас употреблялась; ссылается также на правила наших древних пастырей — митрополита Георгия, преп. Феодосия печерского и еще на какие-то заповеди неизвестного происхождения, о которых Нифонт заметил, что их следовало бы сжечь.

Постановление новгородского архиепископа Илии, касательно двух особенных случаев при совершении евхаристии.

Вопросы Кирика показывают, какое строгое внимание обращалось на все случаи, касавшиеся богослужения и вообще церковных постановлений, до какой тонкости доходили в их наблюдении, и с какой строгостью судились все уклонения.

(Это служит в некотором отношении объяснением происхождения раскола в позднейшее время, когда духовное управление коснулось даже буквы только священнослужения).

СВЯТЦЫ

ПО ОСТРОМИРОВУ ЕВАНГЕЛИЮ

(Сборник церковный. Начинается от месяца сентября, до месяца августа, рекомого Зарева)

Сентябрь

1. Св. Симеона Столпника, и Св. 40 жен черниц, и Св. Амона (Аммуна), и Св. муч. Итала (Аифала), и покой (преставление) Иисуса Навина, и новое лето и начаток Индикту.

2. Св. Маманта.[7]

Св. Иоанна и Павла, епископов в граде Константин.

3. Св. святителя Афанасия в Никомидии, Св. мцы Василисы.

4. Св. муч. Вавилы, Ермиони, младенцев, и Св. Романа, и Св. Моисея пророка.

5. Св. прор. Захарии.

6. Св. Евдоксия (Евдоксии?).

7. Св. мч. Созонта при Максимияне цари и Св. мц. Харити.

8. Рождество Св. Богородицы.

9. Св. Иоакима и Анны.

10. Поклонение Св. и честному Кресту.

11. Св. муч. Диодора, и Св. мц. Феодоры и поклонение Св. и честному Кресту.

12. Св. мч. Автонома епископа.

13. Св. мч. Симеона, по плоти южика (сродника) Господня, архиеп. Иерусалимского.

14. Воздвижение Св. Креста.

15. Св. мч. Никиты и Св. Акакия.

16. Св. мц. Евфимии.

17. Св. Харлампия и Пантелеонта и дружины его (их).

18. Св. мч. Симеона, архиеп. Иерусалимского, преп. отца нашего и чудотворца Евмения, еп. Готунска (Гортинского).

19. Св. мц. Сусанны, и Св. мч. Трофима и Дородомедонта (Доримедонта) и Саввата.

20. Св. мч. Евстафия, и жены его Феопистии, и чад его Феописта и Агапия.

21. Св. мч. Исака, еп. Кипрского, и Симеона, южики Господня, и священие Св. Мины и Св. мч. Феодора в Пергии Памфильсцей.

22. Св. мч. Приска, Мартина и Николы, и Св. мч. Фоки.

23. Новое лето, и зачатие Иоанна Крестителя.

24. Св. мц. Феклы.

23. Св. мч. Романа и Св. мцы Ии.

26. Преставление Св. Иоанна Евангелиста и богословца в отоце (острове) Патме и Св. мц. Рипсимии и дружины ее.

---

[7] В подлиннике имена святых везде почти поставлены в дательном падеже: память Св. Маманту, пам. Св. Иоанну и Павлу и т. д. Мы заменили дательный падеж родительным: Маманта, Иоанна, Павла и т. д. Правописание здесь употреблено нынешнее, кроме некоторых особых случаев; в скобках помещены необходимые пояснения; наиболее употребительные слова напечатаны местами сокращенно, напр. Св. святой, муч. мч. мучеников, ап. апостол, еп. епископ, предт. предтеча, еванг. евангелист, ц. царь.

27. Св. мч. Калистрата и дружины его, числом 500 и 60, при Диоклитьяне царе.

28. Св. мчч. Калунтина, Алфия, Александра, Зосимы, Никона, Харитона.

29. Св. мчч. Трофима и Дорумедонта.

30. Св. Григория в Армении.

Октябрь

1. Св. ап. Ананнии, еп. Дамасского, и Св. Домнина, и Арея (Иарея?) и Романа.

2. Св. Киприяна и (И)устины.

3. Св. Дионисия Ареопагита.

4. Св. мчч. Домета и Диогена, и Св. священномч. Петра, капетуля их (Капетолийского), и Св. Богородицы и Св. Иеротия. Сей бе на погребении Св. Богородицы.

5. Св. Ираиды и Св. Мамелхиты.

6. Св. ап. Фомы.

7. Св. мчч. Сергия и Вакха.

8. Преп. Пелагеи, (в) Тарсе Киликия (Тарсийской), при Диоклитьяне цари, и другыя Пелагии в Антеохии, при Нумерияне цари, юже Златоуст похвалами почте.

9. Авра(а)ма и Лота, и Св. Анны и Елисавефеи и дружины их.

10. Св. мч. Евлампа и Евлампии, при Максимияне цари в Никомидийсце граде.

11. Св. отец наших, патриарх Царяграда: Нектария, Арсака, Атика и Сисина, и Св. мц. Зинаиды и Феонилы (Филониллы), сестры ее.

12. Св. мч. Тараха, Прова, Андроника, при Диоклитьяне цари яти бывше.

13. Св. мчч. Папила, Карпа, Анавла и дружины ею (их), и Св. мч. Трофима.

14. Св. мч. (Н)азария, Герваса, Протаса и Келса, при Нероне цари, в Риме.

15. Св. мч. Лукияна.

16. Св. мч. Лонгина сотника, бывша при страсти Христове.

17. Священие (храма?) Богородицы в месте, рекомем Рай, и архангела Уриила, и Св. мчч. Леонта, Домента, Теронта.

18. Св. ап. и евангелиста Луки.

19. Св. мч. Мносона, еп. Кипрского и иже с ним 120 святых, в Персиде, при Саворе цари.

20. Св. мчч. и чудотв. Аресмы и Аверкия, при Улиане преступнике.

21. Преп. Илариона.

22. Св. мчч. Иракля, Елисавефеи, и Феодотия, и Гликерии и Св. Богородицы.

23. Св. ап. Иякова, брата Господня.

24. Св. Прокла, еп. Константиня града и Св. мч. Арефы.

25. Св. мч. Маркияна и Мартирия и Св. Нутария (нотариев).

26. Св. Димитра, и Васиана и Артемидора.

27. Св. мц. Капетулины и Поротиды (Еротииды), рабы ея, при Диоклитьяне цари.

28. Преп. Аврамия и дружины его, исповедник святых 73.

29. Св. мчч. и апп. Петра и Павла, Иоанна Крестителя, Иосифа патриарха, Козмы и Дамиана, Трофима.

30. Св. мч. Кирияка патриарха, и Зиновия епископа, и Зановии, сестры его, и Астерия.

31. Св. мч. Пантелеонта, Ираклия и Епимаха.

Ноябрь

1. Св. безмездников Козмы и Дамиана.

4. Св. мч. Порфира.

3. Св. мч. Галактиона и Домнина и Еписимии. Священие (храма) Св. Феодора, в Споракии.

6. Св. Павла исповедника.

7. Св. мчч. 33, иже в Мелетини.

8. Сонм (собор) архангела Михаила в Арвадинех.

11. Св. мч. Мины.

13. Покой (преставление) Иоанна Златоуста, архиеп. Константиня града.

14. Св. ап. Филиппа.

15. Св. исповедников: Гурия, Самона и Авива.

16. Св. ап. и евангелиста Матфея.

17. Св. Григория чудотворца.

18. Св. мч. Платона.

20. Св. Маимина, и Генадия и Св. Григора, нового чудотворца.

21. Внесение Св. Богородицы, егда внесена бысть в церковь Господню, 3-м летом сущи, и Св. Иулиянии.

25. Св. мч. Климента Румех (Римского), и Петра в Александрии и мч. Меркурия.

27. Св. мчч. Козмы и Дамиана, от Аравии и других многих.

28. Св. мч. Иеринарха (Иринарха) и благовер. цц. Константина и Маврикияиа и чад их.

30. Св. ап. Андрея.

Декабрь

(4?). Св. мц. Варвары и (И)улиянии, преп. отца нашего Иоанна, Мансура презвитера.

5. Св. мч. Аверкия и Св. наставника Савы.

6. Св. отца нашего Николы.

Нед. 2 преж Рождества Христова, Св. праотец.

13. Св. мчч. Евстрата, Евксента (Авксентия), Евгена, Мардара и Ореста.

14. Св. мчч. Турса (Тирса-Фирса), Левкия и Калиника, Филимона, и Аполлония и дружины их.

15. Св. отца нашего Елевтерия.

16. Св. 3-х отрок, Анания, Азария, Мисаила, иже в Вавилоне угасиша пещь огненну, и Данила пророка.

18. Священие церкви Св. Богородицы, сущия близ великия церкве в Халкопратиих.

19. Св. мчч. Евтиха, Фоки, в Ермона в Генифата (Бонифатия?).

Неделя пред Рождеством Христовым.

Память Св. отц. Авраама, Исаака и Иякова.

20. Св. святителя Игнатия.

22. Св. мц. Анастасии.

25. Св. 10 мчч., иже в Крите, при Декии ц.

23. Св. мц. Евгении.

Рождество Христово.

26. Наутрие по Рождестве Христове.

27. Св. первомуч. Стефана.

28. Св. о. н. архиеп. бывша Феодора.

29. Св. младенец.

Нед. преж Епифании.

30. Св. мц. Анастасии Солуняныни; при Максимияне цари.

31. Св. мч. Селвестра папежа.

Январь (просипец).

1. Обрезание Господа нашего Иисуса Христа, и память отца нашего Василия, архиеп. бывша в Кесарии Кападокии.

2. Св. Аполинарии, и преп. отца Григора чудотворца в Акрите (Крит), и навечерие Св. Богоявлений.

6. Священие Епифанием (Богоявление).

7. Собор Св. Иоанна Крестителя.

8. Св. Григора, еп. Мусии.

10. Св. отца нашего Иоанна и преп. отца нашего Григора, еп. Нисска.

14. Св. отец наших и мч., избиенных на Синайсцей горе, Феодула, Нила, Иоанна, и память Св. Авваде.

16. Целование и покланяние веригам Св. ап. Петра.

17. Преп. Антония.

18. Св. Афанасия, и Кирила и Александра.

20. Преп. Евфимия.

22. Св. ап. Тимофеа и Анастасия.

24. Св. мч. Климента.

25. Св. Григория Феолога.

26. Св. Поликарпа еп., и Св. Ксенофонта и жены его, и обоих сыновей ея, и Оркада (Аркадия), Иоанна.

27. Возвращение мощей Св. Иоанна Златоуста.

28. Преп. Ефрема.

29. Игнатия Богоносца.

Преп. Иакова затворника.

30. Обретение мощей честных Св. Климента, папежа Римска, 4-го по апостоле Петре.

31. Св. мчч. аввы Кира (и) Иоанна.

Февраль

1. Св. мч. Трифона.

2. Сретение Господа нашего Иисуса Христа.

3. Св. Симеона, приимша Господа.

14. Преп. Авксента чудотворца, и преп. отца нашего Константина Философа, нареченного в чернечестве именем Кирила.

16. Св. мч. Памфила и инех мног.

20. Св. мч. Поликарпа еп. Змиринска.

24. Обретение главы Св. Иоанна прор. и предтечи и крестителя.

Март

(9) Св. мученик 40.

17. Св. Алекса, наричемого человека Божия, и великого труса.

18. Св. отца Кирила, архиеп. и муч.

22. Св. Фомы, нового архиеп. Царяграда.

24. Св. 50 мученик в Кесарии.

25. Благовещение Св. Богородицы.

Апрель

6. Страсть Св. 120 и пам. священного отца нашего Евтиха, архиеп. Костянтиня града.

11. Мч. Антипы, еп. Перрамска.

22. Преп. Феодора Сикеотского.

23. Св. мч. Георгия.

25. Ап. и еванг. Марка.

26. Св. мч. и еп. Василия в Амасоне.

30. Св. ап. Иакова, брата Св. Иоанна еванг.

Май

1. Св. прор. Иеремии.

2. Св. мч. Есперия и Зосии (Зои), жены его, и чад ее: Кирияка и Феодола.

Афанасия.

4. Св. Афродисия Ганмида.

6. Св. Дмитра, Днакта (Данакта?).

8. Св. ап. и еванг. Иоанна Феолога.

11. Св. Генетлия и многих (с ним), и Св. мч. Мокия.

12. Св. Епифана, еп. Кипра.

14. Св. Сидора и Св. Пахома.

21. Св. Василия, Константина и Елены, матери его.

22. Св. Василиска.

Июнь

1. Св. мч. Ермила, Стратоника, Июстина Философа.

2. Св. отца нашего Никифора.

4. Св. о. н. Митрофана, архиеп. Царяграда.

5. Св. мч. Маркиана.

6. Св. 5 дев: Марфы, Марии, Феклы, Зинаиды и Еммонии.

11. Св. ап. Варфоломея и Варнавы.

14. Св. прор. Елисея.

13. Св. Вита и Медоста, пестуна его.

18. Св. мч. Леонтия.

24. Рождество Иоанна предт. и крестителя.

23. Св. Февронии.

27. Преп. Сампсона.

28. Обретение мощей Св. Кира и Иоанна.

29. Апп. Петра и Павла.

30. Апостолов 12.

Июль

1. Св. безмездник Козмы и Дамияна.

2. Положение ризы Св. Богор. во Влахерне.

7. Св. Евстафия, Поликарпа.

8. Св. Прокопия.

11. Собор Св. Евфимии.

14. Св. ап. Акилы, Илария.

13. Св. Кирика и Улиты, матери его.

16. Св. отец 630, иже в Халкидоне.

20. Св. прор. Илии и Елисея.

22. Св. мироносныя Марии Магдалины.

23. Св. Аполинаря, архиеп. Равенского.

25. Успение Св. Анны, матере Богородичины, и Св. Евпраксии (и) Олумпы (Олимпиады?).

26. Св. Симеона в Мандре.

27. Св. Пантелеймона.

29. Св. мч. Калиника.

31. Блаж. Едекима (Евдокима), и Феодосия царя и священие церкви Св. Богородицы.

Поклонение честн. древ.

Август

1. Св. Маккавеев.

2. Св. 7-ми детей, иже в Ефесе.

3. Св. Иасы.

6. Преображение Господа нашего И. Христа.

7. Св. Варвары во Влахерне.

9. Св. Константина патриарха.

10. Св. Лаврентия.

14. Св. Маркела.

Навечерие пресв. Богородицы.

13. Преставление Св. Богородицы.

16. Св. Диомида.

18. Св. Флора и Лавра.

20. Св. ап. Фадея.

21. Самоила пророка.

22. Св. мч. Агафоника.

23. Св. Калиника патриарха.

24. Св. о. н. Калиника, патриарха Царяграда.

23. Св. ап. Тита.

29. Усекновение Св. Иоанна предтечи и крестителя.

30. Св. Ермогена и дружины его, и Св. о. н. архиеп. Царяграда,

Александра.

31. Положение честного пояса Св. Богородицы в Халкопратии.

ВРЕМЯИСЧИСЛЕНИЕ

Из этих Святцев мы получаем древнейшее свидетельство — во-первых, что были славянские названия месяцев, которые полностью показаны в евангелии 1144 года, хранящемся в Синодальной библиотеке, а именно:

Январь — Просинец.

Февраль — Сочень.

Март — Сухий.

Апрель — Березозол.

Май — Травный.

Июнь — Изок (птица какая-то певчая).

Июль — Червень.

Август — Зарев.

Сентябрь — Рюен (Ревунт?).

Октябрь — Листопад.

Ноябрь — Грудень.

Декабрь — Студеный.

Во-вторых, что церковный год, индикт, начинался у нас, как в Греции, с сентября, а гражданский с марта, как у норманнов, что видно из всех летописей (сочинявшихся, следовательно, со светским или княжеским участием), например:

Нестор под 6612 (1104) годом описывает происшествия июля, августа, декабря, и после декабря говорит: «Сего же лета исходяща, посла Святополк Путяту на Менеск и проч., в се же лето бысть знаменье… стояше солнце в крузе… такоже знаменье и в луне… месяца Февраля в 4, 5 и 6 день».

В Киевской летописи:

1112. «Исходящу сему лету, поставиша Феоктиста епископом Чернигову, игумена Печерьскаго, Генваря в 12 день».

1171. «Того же лета исходяча, преставяся князь Володимер Андреевич, м. Генваря в 28 день».

В Суздальской летописи:

1203. «Тогоже лета исходяча, февраля в 16, приходи Роман к Вручеву на Рюрика».

1237. «Взяша (татары) городов 14, опрочь слобод и погостов в

один месяц Февраль, кончевающуся 45-му лету (6743)».

В Новгородской летописи:

«В лето 6645 (1137) настанущу в 7 Марта, индикта лето 13, бежа Константин посадник к Всеволоду».

«В лето 6705 (1197) приде князь из Цернигова Новугороду Ярополк Ярославиць на Вербницу, настанущу лету Мартом месяцем».

Так точно во всех этих летописях, то есть — Несторовой, Киевской, Суздальской, Новгородской, происшествия описываются по такому порядку месяцев:

У Нестора:

1076… Декабрь, Январь.

1104… Июль, Август, Декабрь… Февраль.

1106… Июнь… Декабрь, Февраль.

1107… Май… Август… Январь, Февраль.

В Киевской летописи:

1112… Май… Ноябрь, Январь, Февраль.

1146… Август… Январь, Февраль.

1173… Октябрь… Январь, Февраль, (Март).

В Суздальской:

1113… Май… Ноябрь, Январь.

1124… Июнь, Август… Февраль.

1146… Июль, Август… Январь.

1196… Март, Май, Октябрь, Ноябрь, Январь.

1127… Март, Май… Сентябрь… Январь, Февраль.

В Новгородской:

1134… Август, Декабрь, Январь, Февраль.

1154… Март, Апрель… Ноябрь, Январь.

1199… Август… Январь.

1120. Март… Февраль.

Поэтому месяцы январь и февраль мартовского года должны причисляться всегда уже к следующему январскому году, например: Всеволод вышел против половцев 1061 (мартовского) года, в феврале, — следует считать в 1062 январском году, так и в 1065, 1076, 1104, 1106, 1107 и проч.

Год же от С. М. переводится на год от Р. Х., по вычете числа 5508, т. е. времени, прошедшего, по счислению греческому, от С. М. до Р. Х.

Пасхалия древняя, наука узнавать день Пасхи, которой много

занимался диакон и доместик Кирик, ученый человек того времени, сохраняется неизменно, — предлагаем краткое о ней сведение по нынешнему календарю.

В 324 году на первом Вселенском соборе, в Никее, Св. отцы постановили правилом, чтобы христиане праздновали Пасху после еврейской пасхи, потому что Христос воскрес после нее — в тот воскресный день, который будет первым после весеннего полнолуния и еврейской пасхи; если же это полнолуние случится в воскресенье, то пасху следует праздновать через семь дней после него; если в субботу, то на восьмой день. Весеннее равноденствие в 325 году было 21 марта: поэтому положено было чтобы, Пасха праздновалась 22 марта.

Первый воскресный день после весеннего полнолуния и еврейской пасхи может случиться в разные числа двух первых весенних месяцев, в промежуток от 22 марта до 23 апреля, потому и нужно определить, в какое именно число придется день Пасхи в данном году, что показывает Пасхалия, пользуясь следующими определениями: Вруце-лето означает, в какой день недели приходится 1-е сентября, т. е. начало индикта или пятнадцатилетия. (Константин великий начал летосчисление индиктами, то есть пятнадцатилетиями, вместо Олимпиад). Вруце-лето обозначается первыми семью буквами церковной азбуки, по числу семи дней недели: А значит понедельник, Б вторник, и проч. Вруце-летние буквы три года сряду идут по порядку, а в четвертый, високосный, одна буква пропускается, и вместо нее ставится следующая.

Через семь високосных годов, т. е. через 28 лет, порядок возобновляется: числа месяцев приходятся опять в те же дни, как были за 28 лет. Этот 28-летний срок называется в Пасхалии кругом солнца.

Круг луны есть 19-летний срок времени, по прошествии которого все изменения луны, четверти и полнолуния, приходятся опять в одни и те же дни и года.

Основание есть число, которое показывает, сколько дней прошло от новолуния до 1 марта — первого весеннего месяца.

Епакта есть число марта или апреля, показывающее 21-й день луны или конец еврейской пасхи.

Ключ границ показывает самый день Пасхи.

Так как в промежутке от 22 марта до 23 апреля — времени, в которое бывает Пасха, проходит 33 дня, то ключ границ и

обозначается 39-ю буквами церковной азбуки.

Период времени, состоящий из 532 лет, после которого дни Пасхи, со всеми подвижными праздниками, возвращаются в те же числа месяцев и в том же порядке, в каком следовали в предшествующих годах, называется пасхальным кругом или великим иидиктионом. Началом этого круга полагается год С. М.: первый великий индиктион закончился, следовательно, 532 годом.

Перечислим некоторые из древних народных названий для известных праздников и дней, из которых иные продолжаются доныне.

1183. Велик день, 1160. Пасха честная — ныне Светлое воскресение.

1159, 1162. Порознаа, праздная неделя — Святая неделя.

Русальная неделя — от седмицы Св. отец до Троицына дня:

1170. «Володимеру бысть болезнь крепка, еюже скончался Мая в 10, русальное недели в понедельник» (Троицын день был тогда 16 мая).

1176. «Приидоша Половци на Русьскую землю Русальное неделю».

1193. «Приде (Давыд Ростиславич) в Вышегород в среду Русальное недели».

Суббота пянтикостная — перед Троицей.

1159, 1160, 1174. Петров день.

1231. Госпожин день — (испожинки), день Успения.

1173. Неделя мясопустная — как ныне.

1153. Ставров день, Филиппов день; «разболеся Изяслав Мстиславич на Ставров день (?)… и преставися на ночь, на Филиппов день».

1092. От Филиппова дня до мясопуста.

1173. Масленая неделя.

1178. Чистая неделя — первая великого поста.

1175, 1195. Федорова неделя.

1170. Средохрестная неделя.

Воскресенье называлось неделей, и от того первый день после недели, или воскресенья, понедельником.

ПОСТЫ, КРЕСТЫ, ЦЕРКОВНОЕ ПЕНИЕ, ХРАМЫ, ИКОНЫ, СОСУДЫ, ОДЕЖДЫ

Что касается древних постов, которые соблюдала Восточная церковь, те, без всякого сомнения, соблюдала тогда и церковь Русская, как свидетельствуют сохранившиеся месяцесловы. К соблюдению праздников и постов убеждал своих слушателей преп. Феодосий; в частности, он говорит о посте в среду и пятницу, и о Св. Четыредесятнице, которую называет десятиной, приносимой нами Богу из дней года. А митрополит Никифор по случаю четыредесятницы написал известное послание к великому князю Владимиру Мономаху и поучение к народу.

Пост в среду и пятницу у нас отменялся, если в эти дни случался какой-либо Господский или Богородичный праздник.

Впрочем, прения о том происходили самые жаркие, в которых принимали участие и князья (Андрей Боголюбский, 1162 г.), и так называемая ересь Леонтинианская, запрещавшая разрешение, была осуждена патриархом в Константинополе, в присутствии русских послов.

Другие, как епископ владимирский Феодор и печерский архимандрит Поликарп, разрешали пост в продолжение пятидесятницы, даже для всех значительных праздников.

Кресты. Св. крест употреблялся у нас тогда, как и прежде, во всех своих видах. Крест преп. Марка гробокопателя (конца XI в.), доныне хранящийся в его пещере и видимый всеми богомольцами, есть крест четырехконечный; кресты на своде недавно найденной в Киеве пещеры, в которой, как полагают, жили преп. Феофил и Иоанн (в конце XI века), есть четырехконечные и восьмиконечные; крест, начертанный в известном сборнике слов Св. Григория Богослова (XI в.) в конце последнего слова, — шестиконечный; крест из Животворящего древа, присланный по преданию в начале XII века великому князю Владимиру Мономаху из Константинополя и доныне хранящийся в Московском Благовещенском соборе, — восьмиконечный; крест, начертанный, в числе других священных изображений, на окладе Евангелия, писанного в начале XII века для новгородского князя Мстислава Владимировича, — шестиконечный. Также крест Св. княжны Евфросинии, устроенный в 1161 г. Кресты на монете Св. Владимира, на гробнице Ярослава, четырехконечные. Кресты на сосудах преп. Антония Римлянина — все пять четырехконечные; также крест, устроенный в 1224 году в Юрьеве-Польском; каменный крест преп. Антония Римлянина, находящийся при его гробнице, — шестиконечный. Кресты (четыре), найденные в

развалинах Киевской Феодоровской церкви, основанной в 1128 году, — четырехконечные. (Впрочем, они могут быть отнесены и к последующему времени).

Не можем при этом не заметить, что в то время, как у нас православные изображали на себе крестное знамение тремя перстами, и пастыри Церкви крестообразно благословляли православных перстосложением именословным. Доказательствами первой мысли служат мощи некоторых угодников киево-печерских, подвизавшихся в XI и в первой половине XII века. Правые руки преп. Илии Муромца и Иосифа многоболезненного имеют три первые перста соединенными, хотя не равно, но вместе, а два последние — безымянный и мизинец — пригнутыми к ладони. У руки преп. Спиридона три первые перста сложены даже совершенно ровно, а два последние пригнуты. Подобное же перстосложение представляют руки преп. Алипия иконописца и Пимена многоболезненного. Очевидно, что все эти угодники скончались с тем самым перстосложением, каким они хотели ознаменовать себя в минуту смерти. Именословно благословляющими изображены Св. Василий Великий в Святославовом Сборнике 1073 года, и Св. Иоанн Златоуст в Служебнике преп. Антония Римлянина (ум. 1147 г.). Такое же изображение благословляющей руки можно видеть в нотном стихираре XI–XII веков, в публичной библиотеке, на бармах и скиптре, приписываемых великому князю Владимиру Мономаху в Московской оружейной палате, и на одном из сосудов преп. Антония Римлянина, в Московском Успенском соборе.

Осенять себя крестным знамением — принадлежит к древнейшим обычаям.

Церковное пение получило в России значительное усовершенствование. Около 1051 года переселились в Киев из Царьграда три греческих певца со своими семействами, и от этих певцов началось в Русской земле, по выражению Степенной книги, ангелоподобное пение, то есть: изрядное осмогласие, пение на восемь гласов церковных; трисоставное сладкогласование, как догадываются, пение трехголосное, в котором прибавлялись верхние и нижние тоны; и самое красное демественное пение, пение собственно гармоническое, целым хором расположенное на несколько голосов и происходившее под управлением так называемых доместиков (регентов).

Еще прежде 1071 года мы видим в Киево-Печерском монастыре

доместика Стефана, а около 1134 г. в новгородском Юрьевском монастыре доместика Кирика, которые, следовательно, управляли ликами (хорами) певчих в своих обителях. Естественно предположить, что такие же доместики и хоры существовали при митрополитах и епископах или при соборных церквях каждой епархии. В Киеве к концу XI и в начале XII в. известен был двор доместиков за Десятиною церковью, где, должно быть, доместики жили и обучали русских церковному пению.

Около 1130 года пришли из Греции к великому князю Мстиславу (ум. 1132 г.) еще три «гораздые» певца, которые, вероятно, также обучали русских пению, и из которых один, Мануил, поставлен в 1137 г. епископом на Смоленскую епархию.

Достойно замечания, что некоторые краткие молитвы и стихи у нас пелись тогда по-гречески. Многочисленные толпы народа, при двоекратном торжественном перенесении мощей Св. Бориса и Глеба (в 1072 и 1113 г.), единогласно взывали: «Кирие елейсон». Звенигородцы, в 1146 году освободившись от врагов, также взывали: «Кирие елейсон».

Известен также у нас искони древний болгарский напев.

Греческие ноты Дамаскина состояли из букв, поставленных прямо, боком, лежа. После из них составились крюки с определенным значением, которые перешли к нам, удержав греческие названия, и были у нас «по нужде распространяемы».

Самые замечательные храмы сооружены были тогда у нас, как и прежде, князьями. Так, после Св. Владимира и Ярослава, великий князь Всеволод построил каменную церковь Св. Архистратига Михаила (1069 г.) в Выдубицком монастыре, такую же церковь Св. апостола Андрея (1086) в киевском Андреевском монастыре. Великий князь Святополк воздвиг (1108) каменную церковь во имя своего ангела Архистратига Михаила в Киево-Михайловском монастыре, которая существует доныне. Владимир Мономах соорудил каменные церкви: Св. Богородицы в Ростове (прежде 1078), совершенно подобную по высоте, длине и ширине великой Киево-Печерской церкви, в память чудесного исцеления своего при заложении сей последней; Св. Богородицы в Переяславле (1098 г.) на княжем дворе; Св. Богородицы соборную в Смоленске (1111 г.); Св. муч. Бориса и Глеба на р. Алте (1117 г.); Св. Спаса во Владимире на Клязьме (ок. 1116 г.). Последняя, впрочем, была, кажется, деревянная.

Удельный князь черниговский, Олег Святославич, соорудил

каменную церковь в Вышгороде во имя Св. мучен. Бориса и Глеба, куда в 1115 году и перенесены их мощи. Брат Олега, Давыд Святославич (ум. 1123), соорудил церковь Св. муч. Бориса и Глеба в Чернигове.

Мстислав Владимирович построил две каменные церкви в Новгороде: Благовещения Пресвятой Богородицы на Городище (1103 г.), и Св. Николая на княжем дворе (1113 г.), которые существуют доныне, и две каменные в Киеве: Св. Феодора (1129 г.) и Св. Богородицы, называемой Пирогощей, в 1131 году.

Брат Мстислава, Юрий Владимирович Долгорукий, будучи еще удельным князем в Суздале (с 1113 г.), создал в этом городе церковь Богоматери по образцу великой Киево-Печерской церкви.

Сын Мстислава, Всеволод-Гавриил, построил две каменные церкви в Новгороде: Св. Иоанна Предтечи на Петрятине дворе, на Опоках, во имя ангела сына своего (в 1127 г.), и Успения Пресвятой Богородицы на торговище (в 1135 году); каменную церковь, во Пскове во имя Св. Троицы — соборную (прежде 1138 г.): первые две церкви существуют в настоящее время.

Из пастырей церкви летопись упоминает о митрополите Ефреме, который, имея местопребывание в Переяславле, украсил его многими зданиями церковными и другими, обнес каменной стеной, и, между прочим, построил в нем три каменные церкви: великолепную Михайловскую соборную (около 1089 г.), потом церковь Св. мученика Феодора на городских воротах, подобно тому, как и на киевских Золотых воротах была церковь Св. Благовещения, — наконец, церковь Св. апостола Андрея Первозванного. Позднейшие летописи присовокупляют о зданиях митрополита Ефрема в других городах и волостях митрополичьих, т. е. бывших в его владении.

По примеру князей и пастырей строили церкви и частные лица: некто Воигость построил в Новгороде каменную церковь Св. Феодора Тирона (1115) г.), в Земляном валу, между улицами Щирковою и Розважею, а какой-то Ирожнет построил в том же городе каменную церковь Св. Николая Чудотворца (1135 г.), на Яковлевой улице, и др.

Главные церкви отличались великолепием, богатством и красотой. Первое место, по мнению современников, принадлежало великой «небеси подобной» церкви Киево-Печерской. Верхи ее блистали золотом, внутри стены покрыты живописью, а весь алтарь украшен мозаичными изображениями.

Сообщим описание некоторых церквей по летописям, из которого видно и понятие современников об украшениях.

«Церковь преславну Св. Богородица Рожества… камену… созда (великий князь Андрей Боголюбский) в Боголюбом, и удиви паче всих церквий, подобна тое Святая Святых, юже бе Соломон царь премудрый создал… украси ю иконами многоценными, златом и каменьем драгым и жемчюгом великым безценьным, и устрой е различными цатами, и аспидными цатами украси, и всякими узорочьи удиви ю, светлостью же не како зрети, зане вся церкви бяше золота; и украсив ю, и удивив ю сосуды златыми и многоценьными: тако и всим приходящим дивитися, и вси бо видивше не могут сказати изрядныя красоты ея — златом и финиптом и всякою добродетелью и церковным строением украшена, и всякими сосуды церковными, и ерусалим злат, с каменьи драгими, и репидии многоценьными, каньделы различными, из дну церкви от верха и до долу; и по стенам и по столпам ковано золотом, и двери же и ободверье церкви златом же ковано, бяшеть же и сень златом украшена от верха и до дейсуса, и всею добродетелью церковьною исполнена, измечтана всею хитростью».

«Князь Андрей бе город Володимерь сильно устроил, к нему же ворота златая доспе, а другая серебром учини. И доспе церковь камену сборную Св. Богородица, пречюдну вельми, и всими различными виды украси ю от злата и сребра, и пять верхов ея позолоти, двери же церковныя трои золотом устрои, каменьем дорогым и жемчюгом украси ю многоценьным, и всякими узорочьи удиви ю, и многими пониканделы, золотыми и серебреными, просвети церковь, а онъбок от злата и серебра устрои; а служебных сосуд и рипидьи, и всего строенья церковнаго златом и каменьем драгим и жемчюгом великим, вельми много; а трие ерусалими велми велиции, иже от злата чиста, от камени многоценьна устрои, и всими виды и устроеньем подобна бысть удивлению Соломонове Святая Святых. И в Боголюбом и в Володимере городе верх бо златом устрои, и комары позолоти, и пояс златом устрои, каменьем усвети, и столп позлати, изовну церкви, и по комаром же поткы (птахы) золоты и кубкы и ветрила золотом устроена постави, по всей церкви, и по комаром около». «Приведя ему (великому князю Андрею Боголюбскому) Бог из всех земль мастеры».

А вот описание Ростовской соборной церкви.

«Бысть украшение ея чюдно зело, якоже не бысть о прежбывших

епископех, а по нем Бог ве или будеть. Леонтий убо святый, священный епископ, то просвети святым крещеньем град Ростов, се же священный епископ Кирилл украси святую церковь Святыя Богородица иконами многоценьнами, ихже несть мощи и сказати, и с предполы, рекше нелепы; причини же и кивота два многоценна, и индитью (верхняя престольная одежда) многоценну доспе на святей трапезе, ссуди же и рипидьи, ино много множество всякых узорочей; причини же двери церковьныя прекрасны, яже наричються Златыя, сущая на полуденьной стране; паче же ни иначе внесе в святую церковь кресты честныя, многы мощи святых в раках прекрасных, в заступленье и покров и утверженье граду Ростову, и христолюбцю князю Василкови, и княгине его, и сынови его Борису, всем верою приходящим в святую церковь».

Церкви строились: о 13 верхах, например, деревянная Софийская в Новгороде (поставленная епископом Иоакимом), без сомнения с мыслью о Спасителе и 12 апостолах. Вышегородская деревянная с 5 верхами, т. е. в знамение главы Христа и 4 его евангелистов. Церковь Св. Георгия в новгородском Юрьеве монастыре, Суздальской собор Всеволодов, о 3 верхах, в честь Св. Троицы. Богородичная десятинная церковь в Киеве была с 13 главами.

Первые иконописцы приехали также из Греции. Учеником их был киево-печерский инок Алипий. Прославились в особенности семь его картин, написанных по заказу одного богатого киевлянина, которые чудом сохранились во время пожара. Владимир Мономах отослал одну из них, Пресвятой Богородицы, в Ростовскую церковь, им сооруженную.

В Греции также покупались иконы, например, святым Варлаамом.

Известнейшие иконы, сохранившиеся до нашего времени, хотя, вероятно, и подновленные, следующие:

Икона Божией Матери Киево-Печерская, принесенная в 1073 году из Константинополя мастерами.

Икона Божией Матери Смоленская, известная под именем Одигитрии или Путеводительницы, писанная, как говорит предание, евангелистом Лукой, прислана черниговскому князю Всеволоду Ярославичу, следовательно, около 1077 года, и перенесена сыном его Владимиром Мономахом в смоленский храм Успения, им сооруженный.

Икона Божией Матери Владимирская, писанная также по

преданию евангелистом Лукой, принесена из Царяграда в Киев около 1031 года. Некоторое время она находилась в женском Вышгородском монастыре, и в 1153 году перенесена князем Андреем Боголюбским во Владимир на Клязьме, а оттуда в Москву перед нашествием Тамерлана в 1395 году, и находится в Московском Успенском соборе.

Икона Божией Матери Елецкая, явившаяся на ели близ Чернигова, где тогда же был основан монастырь.

Икона Божией Матери, достопамятная тем, что молился перед своей мученической кончиной (1146 г.) великий князь Игорь Ольгович, в киевском Федоровском монастыре; ныне находится в Киево-Печерской лавре, в приделе Св. Стефана, в алтаре, над жертвенником.

Икона святителя Николая, именуемого Мокрым: она в первый раз стала известной по одному чуду, случившемуся, как говорит предание, во дни великого князя Всеволода I (1078–1093): когда, по случаю наступившего праздника Св. мучеников Бориса и Глеба, православные христиане спешили со всех сторон в Вышгород, отправился туда же по Днепру на лодке один богатый киевлянин вместе с женой своей и младенцем сыном. На обратном пути из Вышгорода мать как-то задремала и уронила младенца в реку, который немедленно утонул. Огорченные родители стали призывать на помощь Св. Николая и в крайней горести прибыли в свое жилище. В ту же ночь перед заутреней пономари Киево-Софийского собора, пришедши отпирать церковь, услышали из нее крик и потом нашли в ней младенца, мокрого, который лежал перед иконой святителя Николая. Немедленно дали об этом знать митрополиту, а митрополит велел объявить по всему городу. Родители младенца вскоре нашлись и, к общему изумлению, узнали в нем своего утонувшего сына. С того времени икона, перед которой найден мокрый младенец, стала называться иконой Николая Мокрого. Ныне она находится в приделе Киево-Софийского собора, устроенном на хорах во имя святителя Николая.

Икона святителя Николая, явившаяся около 1113 года близ Новгорода, в одном потоке на острове Липно, находящемся на Ильмене озере. Новгородский князь Мстислав Владимирович, получивший чудесное исцеление от этой иконы, основал на месте явления ее монастырь, называвшийся Липенским, и в самом Новгороде на княжем дворе заложил в 1113 г. каменную церковь во

имя Св. Чудотворца Николая, где икона сохраняется доселе.

Икона, известная под названием «Предста Царица» или «Царь Царем» писана, как уверяет предание, Алипием, первым русским иконописцем: ныне находится в Московском Успенском соборе.

Шесть мусийных икон преп. Антония Римлянина, сохраняющиеся в новгородском Антониевом монастыре: три из них изображают Господа Вседержителя, а три другие — Распятие Господне.

Новгородская икона Знамения Божией Матери, которой новгородцы приписывали свое спасение от рати Андрея Боголюбского.

Мозаичные изображения, уцелевшие от времен великого князя Святополка-Михаила в алтаре Киево-Михайловского соборного храма. Здесь над горним местом представлена Тайная Вечеря точно так же, как и в Киево-Софийском соборе.

Святые мощи временами приносились из Греции. Св. Владимир принес из Корсуня мощи Св. Климента и ученика его Фива. Зодчие, пришедшие из Константинополя (1073 г.) для сооружения великой Киево-Печерской церкви, принесли с собой мощи семи Св. мучеников: Артемия, Полиевкта, Леонтия, Акакия, Арефы, Иакова и Феодора. Мощи положены были в разных местах под стенами церкви, в основание ее, а над мощами по стенам изображены были сами лики этих угодников.

Дочь греческого императора Алексия Комнина, по имени Варвара, бывшая в супружестве за великим князем киевским Святополком-Михаилом, принесла из Царьграда мощи своего ангела, Св. великомученицы Варвары, которые положены были в Киево-Михайловском монастыре, в церкви, сооруженной Святополком (в 1108 году), где открыто почивают и доселе.

В 1218 году принесены были великому князю Константину Владимирскому части мощей Св. Логина Сотника и Св. Марии Магдалины.

Из священных сосудов того времени сохранились сосуды преп. Антония Римлянина, именно: а) две чаши, одна частью из оникса, частью из серебра и золота с драгоценными камнями; другая из яшмы, также с золотыми и другими драгоценными украшениями; б) дискос из яшмы, оправленный в золото; в) серебряная вздездица; г) лжица из агата с серебряным стеблем; д) медное паникадило.

Кроме того, из церковных вещей упоминаются: сосуды

серебряные, индитьи и служебные платы (вероятно — воздухи), шитые золотом, паникадила, кадильницы и кацеи (сосуды с ручками для каждения), колокола и била, употреблявшиеся преимущественно в монастырях.

Относительно колоколов в житии преп. Антония Римлянина повествуется, что когда он чудесно прибыл (1106) в Новгород ночью, в это время начали звонить к заутрене, и он услышал великий звон по городу: доказательство, что в Новгороде уже многие, если не все церкви, имели колокола.

Из священных одежд чудесно уцелело полное облачение Св. Никиты, епископа новгородского (ум. 1108 года), которое 430 лет находилось на теле погребенного в земле святителя, а по открытии мощей его (в 1558 г.), уже около 300 лет находится в ризнице новгородского Софийского собора. Это облачение состоит из фелони, епитрахили, поручь и палицы — штофных кофейного цвета, из пояса гарусного — тканого, белого омофора и синей градетуровой шапочки, опушенной горностаем. Там же хранится и посох святителя Никиты, сделанный из трех тонких тросточек неизвестного дерева с костяными яблоками.

МОНАСТЫРИ

Первыми училищами христианской веры и новой жизни стали монастыри. Предание говорит, что с введением ее и «монастыреви на горах сташа, черноризцы явишася». Первый митрополит Михаил поставил монастырь во имя своего ангела, Архистратига Михаила, неподалеку от того места, где стоял Перун, а иноки, прибывшие с ним, другой, близ Вышгорода, на высокой горе, которая до сих пор называется Спащиной или Белым Спасом. Есть известие и о монастыре при Десятинной церкви, учрежденном Св. Владимиром.

Из Ярославовых монастырей достовернейшими являются: Георгиевский, во имя его ангела, и Ирининский, во имя ангела его супруги.

Старшие сыновья Ярослава и их дети старались каждый основать свой монастырь в Киеве: Изяслав, во имя своего ангела, Дмитриевский (около 1062 г.), Святослав — Симеоновский (1073–1077). Выдубицкий основан великим князем Всеволодом Ярославичем (1069) на том месте, где будто бы выдыбал (выплывал) на берег идол Перун, когда плыл по Днепру, свергнутый с горы

Киевской по приказанию Св. Владимира. Этот монастырь назывался и Всеволожим.

Сын Изяслава Святополк-Михаил (1108) построил Златоверхо-Михайловский. Другой сын, Ярополк, построил в Димитриевском монастыре церковь Св. Петра, в которой и был погребен в 1086 году.

Дочь Всеволодаа Янка учредила монастырь, начатый (1086) ее отцом, Андреевский женский, где и постриглась.

Там же постриглась и сестра ее, Евпраксия, бывшая императрица германская, по возвращении в отечество.

Андреевский монастырь назывался тогда Янчиным.

Сын Мономаха Мстислав основал (1128) монастырь Федоровский, Всеволод Ольгович (до 1146 г.) Кирилловский.

Известны были в это время монастыри: Стефанеч на Клове, основанный (около 1078) нареченным преемником Св. Феодосия Стефаном, и Германеч (до 1072 года), основанный печерским отцом, который после был новгородским епископом.

После Киева по количеству монастырей первое место занимал Новгород, где прославились следующие:

Монастырь Антония Римлянина (1117).

Юрьев, принадлежащий к Ярославову времени, а исторически засвидетельствованное основание его при князе новгородском Мстиславе Владимировиче и сыне его Всеволоде должно разуметь уже о каменном здании (1119). Игумен Кириак и князь Всеволод Мстиславич построили каменную церковь во имя Св. Георгия, и вместе с тем увеличили самый монастырь, умножили число братии.

Хутынский, основанный богатым новгородцем, Алексеем Михайловичем, который в иночестве принял имя Варлаама (ум. 1193).

Древнейший же монастырь здесь предание полагает на холме, близ истока реки Волхова из озера Ильменя, где стоял истукан Перуна. Этот монастырь до сих пор называется Перынем или Перынским.

Число монастырей новгородских возросло до 20, из которых одиннадцать было мужских и десять женских, стоявших крепостями около города.

В Пскове примечательны два монастыря: Спасский Завеличский и Спасский Мирожский, основанные новгородским епископом Нифонтом (1154).

Начало Валаамского монастыря, Св. Сергия и Германа,

некоторые относят ко времени Ярослава.

К древнейшим монастырям принадлежат также Авраамьевский в Ростове и Новоторжский, Св. Ефрема в Торжке, в Новгородской области.

В Чернигове — Успенский-Елецкий, основанный черниговским князем Святославом Ярославичем на Болдиной горе, с церковью Успения Пресвятой Богородицы, по случаю явления в 1060 г. на ели иконы Богоматери, и Ильинский-Троицкий, построенный в 1069 году тем же князем в одной версте от Успенского близ пещеры, которую выкопал себе здесь преп. Антоний печерский, когда находился в Чернигове.

Во Владимире на Волыни — Святогорский, в котором скончался (прежде 1074 г.) преп. Варлаам, первый игумен киево-печерский и дмитриевский.

В Тмуторакани — Богородицкий, основанный (прежде 1062 г.) преп. Никоном киево-печерским.

В Муроме — Спасский, упоминаемый в 1096 году.

Близ Смоленска на Смядине — Борисо-Глебский (упомин. в 1138 году), в котором в 1145 году построена каменная церковь во имя Св. мучеников Бориса и Глеба.

В Великом Устюге — Гледенский-Троицкий, существовавший в начале XII века.

Во Владимире на Клязьме — Георгиевский, основанный в 1129 г. Георгием Владимировичем Долгоруким.

Со второй половины XII столетия умножились монастыри и в северо-восточной России: великий князь Юрий основал (до 1153 г.) монастырь в четырех верстах от Суздаля на берегах Нерли, в селении Кидекше, где было когда-то становище князей Бориса и Глеба по дороге из Ростова и Мурома в Киев — Борисо-Глебский.

Сын его Андрей построил монастырь Боголюбский, на месте, где ему явилась во сне Божия Матерь, при его прибытии из Киева в 1155 году. Это было любимое его местопребывание, почему и получил он прозвание Боголюбского.

Другой монастырь, им основанный, был Покровский, при устье Нерли, от которого осталась ныне одна церковь.

Во Владимире основан (1192) великим князем Всеволодом, на высоком берегу Клязьмы, монастырь во имя Рождества Пресвятой Богородицы мужской, и супругой его Марией в 1200–1202 Успенский женский, где в 1206 г. она и постриглась.

Упоминается в летописях и еще несколько монастырей, неизвестно кем основанных.

ПЕЧЕРСКИЙ МОНАСТЫРЬ

Средоточием духовной жизни, всеучилищем благочестия и рассадником христианской веры стала вскоре эта святая обитель.

Сюда стекались избранники, проникнутые духом нового учения, желавшие спасти душу презрением благ земных, умерщвлением плоти, устремлением мыслей к Богу и молитвой о грехах. Здесь, вдали от мира, в глубине земли, эти великие подвижники богомудрствовали и трудились над своим телом и душой; отсюда думали они достигнуть скорее и вернее другого мира, открывшегося их восторженному воображению, и войти в царство небесное.

Чего стоило жить им в пещерах, во тьме, без движения, не видя подолгу неба, не слыша человеческого голоса! Сколько нужно было твердости и постоянства, чтобы не ослабеть! «Бог знает, а устам человеческим исповедать нельзя», говорит один из подвижников. И все переносили они во славу Божию, с удовольствием и радостью, видя перед собою венцы небесные и попирая все тернии действительности.

«Это были светила, сиявшие на всю Русь», говорит летописец Нестор, и иноки, рассылаемые отсюда на все вновь основываемые архиерейские кафедры, становились главными проповедниками Слова Божия во всех русских областях.

Вот как он, принятый в монастырь семнадцати лет, описывает образ жизни первых подвижников: «Одни были постники крепкие, другие — неутомимы на бдении, на коленопреклонении, иные на пощении через день и через два дня. Пища их была — хлеб ржаной и вода. В субботу и воскресенье позволялось сочиво, иными употреблялась в пищу сырая зелень. Все делали они своими руками, носили работу в город и покупали жито; всякий на ночь брал свою долю и молол своими руками. Лишь ударят в било, они собирались в церковь и совершали утреннее пение, потом расходились каждый к своему делу, копали в огороде, носили дрова из леса, до часов и святой литургии. И так проводили они все время.

Любовь царствовала между ними: меньшие покорялись старшим и принимали их веления без прекословия; старшие обращались с ними как с возлюбленными чадами. Удалялся брат из монастыря, все

скорбели, ходили за ним, призывали и просили игумена о принятии. Если случалось кому-нибудь из братии впасть в прегрешения, прочие утешали его и разделяли между собою его наказание.

Много есть монастырей, заключает Нестор, основанных царями, князьями и боярами, от богатства, от силы, от сокровищ, но не таковы они, как те, которые основаны на слезах, на молитвах, на посте, на бдении». В Печерском монастыре не было ни золота, ни серебра, но слезами и молитвами приобрелось все.

Святые печерские затворники представляли, таким образом, совершенную противоположность с бранными деятелями жизни гражданской, внешней. Как Рюрики, Олеги, Владимиры, Ярославы, Мстиславы, были ее основателями, так Антонии, Феодосии, Иконы, Варлаамы, погруженные в размышления о Боге, о вечности, о царствии небесном, проповедовавшие словом и делом святое учение, были основателями жизни духовной, внутренней, представляли народу высшие идеалы, имели влияние на него своими советами, молитвами, примерами, напоминали беспрестанно о суете мирской, о жизни загробной, о правилах добродетели, преподанных Спасителем, — что завещали и отдаленному потомству. Они представляют другую, светлую сторону русской жизни, и составляют лучшее достояние отечественной истории.

Постараемся теперь изобразить их подвиги, руководствуясь сказаниями современников: Нестора, Симона и Поликарпа, которые, может быть, в иных случаях увлекаются преданием, недостаточно проверенным, но изображают верно удивительный образ жизни святых отшельников, их образ мыслей и действий, — желания, нужды и взгляды современников и тем дополняют картину современной им истории.

ЖИТИЯ СВЯТЫХ УГОДНИКОВ

Св. Антоний, житель города Любеча,[8] воспламенившись новым учением, пожелал увидеть Святую землю и отправился в путь далекий и трудный. Он посетил места проповеди, чудес и страданий Спасителя, обошел все монастыри в Палестине, и, наконец, достиг Афона, около которого жило много славян. Святая гора с сонмом спасающихся отшельников поразила его воображенье: он нашел

[8] Ныне местечко на Днепре, в 40 верстах от Чернигова.

наслаждение в тамошнем иноческом житии и упросил одного игумена возложить на него мнишеский образ. Тот постриг его, нарек по имени отца иноков Антонием,[9] и научил уставу. «Ступай в Русь, сказал святый старец новому иноку, и будь над тобой благословение Святой горы; многие чернцы имут от тебя быти». Антоний повиновался. На Руси он не пожелал водвориться ни в одном из новооснованных монастырей. Он начал ходить по горам и дебрям — и полюбилась ему гора, в которой Иларион, священник берестовский, ископал пещеру и куда приходил к уединению молиться Богу. По назначении его митрополитом в 1031 году, пещера его осталась пустой.

Антоний помолился со слезами: «Господи! утверди меня здесь, и да приложится к этому месту благословение Святыя горы и игумена, что меня постриг».

Он поселился там, «моляся Богу, ядый сухий хлеб, пия одну воду, и то мерой, через день или два, иногда по неделям копая пещеру, не давая себе покоя ни днем, ни ночью, пребывая всегда в трудах, молитвах, бдении».

Добрые люди проведали об отшельнике и стали носить ему все нужное, приходя за наставлениями, советами, благословением. Молва о его святости распространялась более и более, «увидана бысть всеми, и чтим стал повелику Антоний». Бывали и больные, которым он давал от своей яди, вместо врачебного зелия, и они исцелялись его молитвами. По кончине великого князя Ярослава, сын его Изяслав, приходил к Антонию с дружиной, прося благословения и молитвы.

Нашлись скоро и последователи его жития, возбужденные его примером и пожелавшие жить и молиться с ним вместе: священник Никон, благочестивый юноша Феодосий и другие, числом до двенадцати.

Братья выкопали вместе пещеру близ Антониевой, устроив каждый для себя особую келью, общую церковь и трапезную, что и теперь целы под старым монастырем (ныне дальние пещеры), по сторонам длинного подземного хода.

В 1067 году половцы вторглись в Русскую землю. Князья Изяслав, Святослав и Всеволод, решили сразиться с ними на реке Альте и просили благословения у Антония. Он предсказал им поражение. Шимон или Симон, один из варяжских витязей,

---

[9] Мирское имя его было, по некоторым известиям, Антипа.

пришедший на службу в Русь, пав к ногам старца, молил о спасении. Блаженный успокоил его, сказав, что он останется жив, и впоследствии его похоронят в церкви, которая здесь будет построена, что и исполнилось.

Вступление в монашество сына первого Изяславова боярина, Иоанна, внука знаменитого Вышаты, который ходил под Царьград в последний раз, под именем Варлаама, — и Ефрема, княжего ключника, навлекли впоследствии на пещеры гнев великого князя, который грозился раскопать пещеры, но буря вскоре миновала.

Антоний, однако же, не терпя мятежа и молвы, желавший посвятить себя совершенному уединению, без малейшего сообщества, вскоре оставил общество, сказав: «Бог совокупил вас, братия! Буди на вас благословение, первое от Бога, второе от Святой горы; живите себе, я поставлю вам игумена, а сам пойду в гору».

Игуменом Антоний поставил Варлаама, приобретшего себе великую славу, несмотря на свою молодость, подвигами благочестия и праведной жизнью, а сам выкопал себе другую пещеру под новым монастырем (ближние пещеры) и заключился в ней, не выходя никуда, постясь и молясь, беседуя с Богом.

Братии прибавлялось. Они уже не могли помещаться в пещере и решили поставить церковь на горе над пещерой; пришли к Антонию и просили его благословения. Антоний одобрил их намерение, и они поставили малую церковь Св. Успения, а вскоре должны были подумать и о построении монастыря с кельями, потому что число желавших делить с ними труды и подвиги увеличивалось беспрестанно. Они сотворили совет с игуменом и опять пришли к Св. Антонию. Святой отшельник был очень рад такому скорому преуспеянию его братства, молитвами Святой Богородицы и «сущих отец, иже в Святой горе», послал к князю Изяславу — просить у него всей горы над пещерою, что тот с удовольствием и исполнил. Игумен и братия заложили церковь обширную, огородили монастырь тыном, поставили кельи, возвели церковь и украсили ее иконами.

Изяслав взял, однако же, Варлаама из Печерской обители, и определил игуменом в новый монастырь, созданный им в честь своего ангела, Св. Димитрия, желая возвеличить свое здание.

Братья просили себе нового игумена у святого Антония, который считался общим отцом и священно-начальником.

«Кто больше между вами, отвечал святой старец, Феодосия кроткого, смиренного, послушного», — и тот поставлен был

игуменом.

Новое несчастье постигло вскоре юный монастырь. В Киеве произошло смятение. Половцы опустошили землю Русскую; Изяслав был изгнан возмутившимися киевлянами, которые посадили на своем столе Всеслава полоцкого, сидевшего дотоле в темнице: князь бежал, но вскоре вернулся с польской помощью и жестоко наказал людей, участвовавших в его изгнании. По каким-то поводам он заподозрил святого Антония в расположении к прогнанному теперь Всеславу. Святослав, князь черниговский, прислал за ним ночью спасти от братнего гнева.

Великий Никон еще прежде удалился в Тмуторакань вместе с другим братом болгарином, Ефрем — в Константинополь.

Св. Антоний водворился в Чернигове, выкопал себе пещеру в Болдиных горах, и Печерский монастырь на некоторое время лишился своего первоначальника.

Он, однако же, будучи упрошен после великим князем Изяславом, возвратиться и поселился в прежней своей пещере, ведя прежнюю святую жизнь, служа братии и всем приходящим к нему со своими нуждами.

В житии Исаакия значится, что он носил пищу затворившемуся Исаакию в продолжение семи лет.

Скончался он в глубокой старости в 1073 году. Мощи его в ближних пещерах почивают под спудом, подле пещерской его церкви, где он совершал богослужение, и где до сих пор приносится бескровная жертва.

Житие его, о котором несколько раз упоминает Симон в послании к Поликарпу, к сожалению и удивлению, не дошло до нас, между тем как Феодосиево мы имеем в многочисленных списках, начиная с XI века.

Никон был первым сподвижником Святого Антония. Он пришел к нему уже священником и монахом. Ему святой Антоний поручал постригать вновь приходивших. Так постриг он Св. Феодосия, Варлаама и Ефрема.

Пострижение двух последних, близких к великому князю Изяславу, навлекло гнев его на отшельников, и он велел призвать к себе кого-нибудь из пещеры. Приведен был великий Никон. «Ты его постриг?» спросил раздраженный князь. «Я», отвечал бесстрашный отшельник. «Как смел ты постригать без моего повеления?» — «Я постриг его по повелению Царя небесного Иисуса Христа», отвечал

Никон. «Отведи его назад домой, не то я велю раскопать вашу пещеру и разошлю вас всех по темницам», сказал великий князь. «Делай что хочешь, а я не могу отводить воинов от службы Царю небесному».

За духовные подвиги свои он получил в пещере прозвание великого.

Никон, однако же, решил вскоре удалиться из пещеры и жить особо. Вместе с иноком греческого монастыря Св. Мины, пошел он искать себе другого уединенного места. Дойдя до моря, они разлучились: болгарин пошел к Константинополю и поселился на острове, где и скончался, оставив острову свое имя (болгаров или, по другим спискам, боляров), а Никон поселился на острове Тмутораканском, где и основал монастырь по образцу Печерскому, целый еще во времена Нестора.

Жители, по умерщвлении их князя Ростислава Владимировича (1066), просили Никона отправиться к черниговскому князю Святославу за его сыном Глебом. Никон исполнил их желание, отправился в Киев. Он посетил пещеру, и Нестор с умилением рассказывает о его свидании с Феодосием. Они упали друг другу в ноги, обнялись и долго плакали. Феодосий, уже игумен, просил Никона не разлучаться, пока они оба остаются во плоти. Никон обещал возвратиться к нему по исполнении поручения, и, действительно, проводив Глеба в Тмуторакань и учредив свой монастырь, он опять пришел в пещеру.

Феодосий любил Никона, как отца, поручал ему наблюдать на время своего отсутствия и поучать братию. Они часто вместе проводили время в трудах: Феодосий прял нити, нужные для переплета книг, а Никон переплетал книги. Никон опять ушел, однако же, из монастыря с двумя иноками, вследствие неудовольствия, возникшего у великого князя Святослава с Феодосием.

Уже по кончине Феодосиевой, в игуменство Стефаново, он возвратился и был признан от братии игуменом. В продолжение своего игуменства он старался сохранять порядок, заведенный Св. Антонием и Феодосием.

При Никоне великом Печерская церковь была украшена иконами и мозаикой. Он скончался в 1088 году, в маститой старости. Память его празднуется 23 марта.

Св. Феодосий родился в Василеве, в 35 верстах от Киева.

Отец его, принадлежавший, вероятно, к военному сословию,

вскоре переведен был князем на жительство в Курск. В этом городе Феодосий провел свое детство и юность.

С малых лет полюбил он ходить в церковь и слушать божественную службу. Рано начал учиться грамоте и в короткое время выучился читать и писать так, что все дивились его понятливости, не меньше как и благонравию: особенно отличался он покорностью, не только перед учителем, но и перед товарищами; в детских играх не принимал никогда никакого участия, терпеть не мог нарядных одежд и всего более занимался чтением Священного Писания. С годами увеличивалась в нем набожность: всякий день ходил он в церковь и думал только о том, как спасти душу свою, подражая в жизни святым угодникам Божиим. По смерти отца, когда он остался тринадцати лет, начал ходить на поле, и там, в рубище, работать вместе с рабами, несмотря на запрещения матери. Она была женщина крутого нрава, крепкая и сильная; издали, по голосу, ее нельзя было различить с мужчиной; часто она била своего сына за эти занятия. Больше всего занимала молодого человека мысль побывать в Святой земле и поклониться местам, прославленным подвигами и страданиями Спасителя.

Шли паломники. Феодосий упросил их взять его с собой в Палестину. Те обещали, и, оставляя Курск, дали ему знать о том накануне. Ночью, когда все в доме спали, Феодосий собрался, вышел из города и вскоре присоединился к богомольному обществу. Мать, проснувшись, была вне себя от гнева, и, узнав через три дня, куда он скрылся, поспешила вслед за беглецом и вскоре его настигла. Избив его, привела назад связанного и заперла в клети. Юноша радовался своему унижению. Через два дня мать выпустила его из клети, но заковала ноги в железо, в предупреждение нового бегства. Впрочем, несмотря на свою жестокость, она любила его больше всех своих детей и через некоторое время сняла оковы, прося убедительно, со слезами, чтобы он не оставлял ее более.

Феодосий находил себе одно утешение в церкви. Литургия не совершалась иногда за неимением просфор. Молодой человек выучился сам печь просфоры, покупал жито, молол своими руками, и приносил просфоры в церковь. Из полученных за них денег часть шла на новую покупку жита, а остальные раздавались нищим. Сверстники смеялись над таким занятием, мать запрещала, но он привел ее в удивление, как замечает жизнеописатель, премудростью своего ответа, сказав: «По слову Христа Спасителя, сие есть тело Его, за ны

ломимое, мне ли не радоваться, сподобясь приготовлять хлеб, претворяемый в святую плоть Христову».

Мать, однако же, мешала ему беспрестанно, так или иначе, следовать влечению своего сердца, и он решил, наконец, уйти от нее; отправился в соседний город, к священнику, но опять был найден и возвращен в Курск.

Посадник полюбил его за смирение и определил его жить в своей церкви, велел надеть на него чистую одежду, но Феодосию она была в тягость, он тотчас отдал ее нищим, другую — также, что повторилось несколько раз. Случился праздник. У посадника обедали городские почетные лица. Матери хотелось, чтобы ее сын показался в людях прилично, она пришла одеть его сама и увидела сорочку его всю в крови: благочестивый юноша носил вериги. Мать насильно сняла с него железную цепь, которая вгрызлась в тело его и причиняла кровоточащие язвы.

Чтобы навсегда положить конец тягостной борьбе, Феодосий решил постричься. Однажды, когда мать отъехала на село, он выбежал из дома, прямо за город, чтобы идти в Киев и поселиться в одном из тамошних монастырей. Но он не знал дороги. К счастью, туда же случилось идти обозу с купцами. Проведав это, он пошел вслед за ними издали и останавливался близ их ночлегов; но, наученный прежними неудачными опытами, он никому не открыл цели своего путешествия. Так, через три недели он благополучно достиг Киева, куда издавна рвалась его душа.

Новое затруднение! Ни в одном монастыре не хотели принять его: где по молодости, где по бедности, где по разным другим причинам. Услышав о пещере Святого Антония, он воспрял духом и явился к затворнику, прося оставить при себе. «Ты молод, сказал ему старец, а здесь место тесно, пещера скорбна, перенесешь ли ты все лишения?» Феодосий отвечал со смирением: «Бог привел меня к твоей святости, спастимися тобою веля, отче святый. Что повелишь мне сотворити, то и сотворю». И Антоний, прозрев в нем будущего великого подвижника и создателя святой церкви Печерской, приказал великому Никону принять Феодосия и облечь его в святой мнишеский образ.

И юноша, достигнув цели своих желаний, в тишине и уединении, вдали от мира, на свободе, предался, с восторгом сердечным, благочестивым упражнениям и подвигам, проводя ночи в бдении и прославлении Бога, препобеждая сонную тягость, трудясь плотью,

воздерживаясь от богопротивных помыслов, мысленно устремляя взоры в небо и занимаясь чтением Священного Писания. Сам Святой Антоний и великий Никон дивились его трудам в такой юности и прославляли о нем Бога.

Но мать нашла его и здесь. Долго искав по всем соседним местам и обещая большую награду тому, кто известит ее о пребывании ее сына, — она проведала, наконец, что Феодосий, года еще за четыре, ходил по монастырям Киевским и просил о пострижении; тотчас отправилась она в Киев, обошла все монастыри, расспрашивала, но напрасно: его не было нигде. Наконец, после долгих тщетных исканий, она узнала, что сын ее укрывается в пещере Антониевой. Как достать его оттуда? Лестью она послала просить старца, чтобы он сподобил благословить ее: «Мног путь гнавши, и хочу только поклониться ему и насладиться его беседою». Антоний вышел. Жена говорила много, и, наконец, обратилась к настоящей причине своего посещения: «Молю тя, отче, поведай мне, где сын мой; я мучусь неизвестностью». Старец был прост умом, не понял ее лести и отвечал, что сын ее жив, и что ей печалиться о нем нечего. «Так я хочу видеть его, отче, воскликнула хитрая жена. Столько прогнала я пути; неужели я ворочусь домой, не увидев его?» «Приходи завтра, успокоил ее добродушный пустынник. Сын твой не хочет никого видеть, но я упрошу его выйти к тебе поутру».

Антоний передал свой разговор блаженному Феодосию, которому было очень прискорбно узнать, что он не смог утаиться от поисков. Старец убеждал его увидеться на другой день с матерью, но Феодосий решительно объявил, что к ней не выйдет. Наставник должен был сообщить матери о его отказе. Та не могла более притворяться, и, переменив речь, не со смирением, а с гневом, начала упрекать старца: «Ты взял моего сына и укрыл в своей пещере! Выведи мне его. Я умру, если не увижу его; покажи мне его, не то я погублю себя перед вашими дверями».

Антоний в великой горести пошел к Феодосию и молил его показаться. Тому тяжело было ослушаться старца, и он вышел к несчастной. Но кого она увидела! Прежний ли это был прекрасный юноша? Где светлые очи, где алые ланиты, где длинные шелковые кудри, где белое тело, где красота? Бледный, худой, истомленный, с поникшей головой, с тусклыми очами, без кровинки в лице, — одни кости, обтянутые кожей, — вот в каком жалостном виде ненаглядный сын явился перед нетерпеливой матерью. Она бросилась к нему на

шею, сжала его в своих горячих объятиях и долго не выпускала, обливаясь горькими слезами, не в силах произнести ни слова. «Пойдем домой, сын мой, начала она наконец, опомнившись, увещевать юношу. Ты будешь жить, как тебе угодно для спасения души твоей, только чтобы был ты на глазах моих: не могу вынести разлуки с тобою. А когда я умру, тогда ты похоронишь мое тело и воротишься в свою пещеру».

«Если ты хочешь всегда видеть меня, постригись в каком-нибудь Киевском монастыре, сказал ей Феодосий, тогда найдешь ты и меня, и царствие небесное». Мать не соглашалась. Несколько дней они без успеха уговаривали друг друга. Феодосий, оставаясь один, укрывался в пещере и молился Богу неотступно о спасении души матери своей, и Бог услышал теплую молитву праведника.

Мать пришла к нему и, наконец, объявила: «Будь по твоему желанию! Я решилась». Феодосий обрадовался, сообщил свою радость Антонию, и оба вместе прославили Бога, обращающего сердца к покаянию.

Старец преподал наставление новой послушнице, — известил о ее желании княгиню, — и мать Феодосия постриглась в женском монастыре Св. Николая. Сама она пересказала все эти подробности брату, именем Феодору, который был келарем при Феодосии и сообщил их жизнеописателю его Нестору.

Последняя мирская печаль у Феодосия миновала, и он устремился еще с большей ревностью на своем тесном пути, прилагая труды к трудам и подвиги к подвигам. Когда братии около преподобного Антония умножилось, они выкопали обширную пещеру в крутом Днепровском берегу и устроили в ней церковь и кельи, которые целы до нашего времени и привлекают к себе богомольцев со всей России (1056). Феодосий наложил на себя новое послушание: служить всем без исключения; крепкий и сильный, он работал не зная отдыха, колол дрова, носил воду, молол муку. Всякому иноку выдавалось с вечера жито для помола на завтрашнюю пищу. Феодосий ночью, когда братия предавалась сну, собирал все доли, и, измолов собственными руками, клал каждому его часть в известное место. Остальное время ночи проводил в молитвах. Спал он очень мало, и никто не видел его лежащего на ребрах. Когда одолевала его усталость, он прислонялся к столу, и, подремав мало, принимался опять за свои занятия. Иногда выходил из пещеры, стоял на горе, раздеваясь до пояса и открывая свое тело комарам и оводам,

которые тучами летали в лесу над рекою. Злые насекомые терзали его, кровь текла ручьями, а он, неподвижный, прял волну и пел псалмы, пока ударят в било; тогда первый приходил в церковь и становился на свое место, а выходил из нее последний. На тело свое сверху для прикрытия он накидывал ветхую шерстяную свиту, а под исподом всегда носил власяницу, свитую из самых жестких щетинных волос, которыми беспрестанно уязвлялся. Так изнурял он свою плоть, и так боролся с ее требованиями. Все иноки, даже самые старые и строгие, удивлялись его терпению и твердости.

За все эти подвиги Антоний удостоил его пресвитерского сана, а вскоре, по удалении Варлаама, нарек игуменом (1037).

Новое звание открыло новое поприще для подвигов его смирения и показало в новом блеске его добродетели; показало, на какую степень высоты он поставил душу свою. Любовь, любовь и любовь дышала во всех его действиях и поучениях и привлекала к нему сердца.

Он никогда не сердился, и никто не видел в его глазах ни малейшего гневного воспламенения, он никогда не был пасмурен, тихое веселье выражалось постоянно на спокойном лице его.

Число братии увеличивалось с каждым днем: Феодосий, помня, как тяжело было ему самому слышать отказ, по прибытии в Киев, принимал всякого, хотя и не вдруг, а искусив предварительно в службах и послушаниях. «К нему пришел и я, худой, недостойный, меньший всех в монастыре отца нашего Феодосия, и принял он меня на восемнадцатом году», говорит незабвенный Нестор, которому Бог судил после описать его жизнь, судьбы монастыря и всей Руси.

Когда братии умножилось до ста, Феодосий должен был позаботиться о построении новой церкви и новых келий (1062) и начал искать чернеческого правила. Получив устав Студийского монастыря из Царяграда (около 1068 г.), учредил он у себя все пения, молитвы и стояния, весь ряд церковный, «как поклоны держати и чтения почитати» и проч.

У него переняли и другие монастыри русские, для которых Печерский монастырь стал образцом и примером.

Сам Феодосий жил по-прежнему, в беспрерывном бдении, коленопреклонении, молитвословии, что, однако же, старался скрывать всегда от братии. Ночью, услышав, что кто-нибудь подходит к его келье за благословением к утреннему пению, он никогда не отвечал на первый вызов, молчал долго, давая разуметь,

что спит и не слышит прихода, и уже после второго и третьего вопроса «благослови, отче» отвечал он как бы просыпаясь: «Господь Иисус Христос благословит тя, чадо». Но кто подходил тихо и останавливался одаль пред его кельей, тот слышал всегда его глубокие воздыхания и учащенные земные поклоны.

Труды его также шли обыкновенным порядком: по-прежнему ходил он на работу прежде всех, месил тесто, пек хлебы, рубил дрова, повторяя с веселым видом слова Спасителя: «Кто хочет быть начальником, тот будь всем слуга». Однажды кончились дрова. Келарь Феодор, сообщивший все эти подробности Нестору, пришел сказать игумену: «Вели наколоть дров кому-нибудь, у кого нет дела». «У меня нет дела», отвечал Феодосий, взялся за топор и начал колоть. Братия после обеда увидела его за работой, принялись все и заготовили топлива надолго. В другой раз понадобилась в поварне вода для варева, а принести было некому. Тот же келарь Феодор приходит к Феодосию и сказывает. Игумен встал, поспешил к колодцу и натаскал воды.

Случилось ему быть у князя Изяслава по какому-то делу. Князь находился далеко за городом, и, продержав Феодосия до позднего вечера, чтобы дать ему возможность отдохнуть, велел отвезти в монастырь на возу. Дорогою отрок, правивший конем, сказал своему седоку: «Сядь-ка ты сам на коня, а я устал, — пусти меня лечь: ты живешь всегда в праздности, так можешь и потрудиться немного». Феодосий тотчас послушался и сел на коня. Когда одолевала его дремота, он слезал и шел подле коня, ведя его под уздцы, а потом, уставая, опять садился. Между тем, начало рассветать. Феодосий разбудил отрока: «Ну, теперь ты отдохнул, садись же на коня». Бояре собирались к князю, и, встречаясь, кланялись игумену. Отрок, видя общее уважение к своему седоку, испугался, а когда у ворот монастырских вся братия вышла к нему навстречу, был уже вне себя от страха. Феодосий взял его за руку, привел за трапезу, велел накормить и наделить кунами. Все это рассказывал после он сам великому Никону.

Ветхое рубище Феодосия, за которое осуждали его многие, говорит Нестор, сияло на нем как честная багряница царская в глазах благоговейной братии и православного народа, приходившего к нему со своими нуждами, как к своему наставнику и утешителю, земному ангелу и небесному человеку.

Единственное удовольствие, которое он, кажется, позволял себе

иногда, было работать вместе с великим Никоном, которого он горячо любил и чтил как отца, приняв от него и мнишеский образ: Никон связывал книги, а Феодосий готовил для него нити.

Сохранилось известие о совместных трудах его с иноком Ларионом, который был знаток книг: в то время, как тот переписывал, Феодосий прял руками волну, а устами тихо воспевал псалмы.

Видеть иногда ночью перед собой живое существо, другого брата, в трудах, уже было для этих строгих отшельников наслаждением, позволять себе которое они решались только изредка. Иногда Феодосий посещал знаменитого боярина Яна и жену его Марию, любя их за благочестивую жизнь. Выходил также препираться с жидами, желая получить от них смерть.

Никого, щедрый на любовь, не отпускал он без помощи. Его сострадательное сердце внушило ему благую мысль построить для убогих особый дом подле монастыря, с церковью Св. Стефана. Там он велел пребывать слепым, хромым, трудноватым и нищим, подавая им от монастыря десятую часть на содержание. Это был первый странноприимный дом в России, или, лучше сказать, первая наша богадельня.

Всякую субботу посылал игумен воз хлебов в погреб, где содержались узники.

Однажды привели к нему разбойников, хотевших обокрасть монастырское село, связанных по рукам и ногам. Он сжалился над ними, велел их накормить и напоить, дал им всякого добра и своей беседой так умилил их сердца, что они, говорят, оставили свой промысел.

Все обиженные находили в нем своего заступника. Вдова встретила его идущего по монастырскому двору в обыкновенном его рубище и спросила, где игумен. «На что тебе его? отвечал Феодосий, это человек грешный». «Я не знаю, грешный он, или нет, отвечала женщина, а знаю, что он избавляет многих от скорби. Мне надо попросить его, чтобы он заступился за меня перед судьею», и рассказала, в чем состояла ее обида. «Ступай с Богом домой, я передам игумену твое дело», сказал ей Феодосий, отпуская, а сам пошел к судье и убедил его удовлетворить просьбу вдовы.

Принимая живое участие в людских горестях, он учил переносить их без ропота, терпеть все во славу Божию, укреплял примерами святых угодников, — и несчастные уходили от него

утешенными, радуясь иметь и слушать такого боговдохновенного наставника.

О братии своей заботился он более всего. Ночью обходил он все кельи. Если слышал кого творящего молитву, то останавливался и благодарил Бога. К беседовавшим вдвоем или втроем он стучал обыкновенно в дверь и тихо удалялся. Через некоторое время, позвав виновных вместе с прочими, он начинал для испытания говорить издалека о подобных случаях: с легким сердцем кто, тот уразумевал свою вину и просил немедля прощения, а омраченный слагал ее мысленно на другого и осуждался после на епитимью.

Об оставлявших монастырь Феодосий печалился и молился Богу, чтобы всякое заблудшая овца опять возвратилась к избранному стаду. Таких принимал с радостью и увещевал стоять впредь крепче, не поддаваться соблазнам. Ему хотелось, чтобы все, ему вверенные, по слову Евангелия, спаслись.

У себя не держал ничего, так учил и других. Если, ходя по кельям, он находил, что у братии из брашен, одежд или иного имущества, то бросал тотчас лишнее в огонь. «Мы отреклись мира, говорил он, так на что же нам имение! Как можно приносить молитву чисту, если есть сокровище в келье! Что говорит Господь: идеже сокровище ваше, ту и сердце ваше! Или: безумие, в сию нощь душу истяжут твою, а яже собра, кому будут!»

Он особенно старался водворить в себя и в своих учеников надежду на постоянную помощь Божию и не заботиться, по слову Евангельскому, о завтрашнем дне, что ямы и что пиемы.

Однажды, рассказывает Нестор, приспевшу празднику Св. Успения, не стало в монастыре деревянного масла. Строитель рассудил сбить масло из льняного семени и спросил Феодосия. Тот согласился. Когда масло было сбито, строитель увидел вдруг мышь на дне сосуда и пошел донести игумену: «Я накрыл сосуд-от, и не могу понять, откуда заползла гадина». «Божие указание, сказал Феодосий. Нам надо было положиться на вышнюю помощь. Вылей масло на землю. Потерпим». — И в самом деле, вечером кто-то от богатых прислал братии целую корчагу деревянного масла. Все кадила были наполнены, и «на утрий день сотворися праздник великий».

В другой раз доложили Феодосию о недостатке припасов. «Подождите мало, отвечал он, и если не получите ничего, сварите пшено и поставьте братии с медом». Прошло некоторое время, —

вдруг везут на двор от одного боярина два воза всяких брашен: хлеба, рыбы, сыра, пшена, меда. Феодосий сказал келарю: «Видишь, брат, что Господь о нас печется. Сотвори же ныне обед велик: се убо посещение Божие есть. Возвеселимся с братиею». — Братия была угощена, а он все-таки веселился духовно, ел черствый хлеб, пил воду и хлебал зелье, вареное без масла.

Сам послушный, он и других учил послушанию: в день Св. Димитрия Феодосий пошел с братьею в монастырь этого святого к празднику. Навстречу ему, еще в монастырь, принес кто-то хлебов очень белых. Игумен велел предложить их оставшимся инокам. А келарь подумал: «Нет, я подам лучше завтра эти хлебы всей братии, а ныне остающиеся поедят и монастырского хлеба». Так и сделал. Феодосий заметил на другой день за трапезой чужие хлебы. «Откуда эти хлебы?» спросил он келаря, который и сказал ему о своем распоряжении. Феодосий велел их собрать и бросить в реку, как предмет ослушания, а на келаря наложил епитимью, не веля ничему быть без благословения.

Перед наступлением Великого поста, накануне Масляной недели, Феодосий имел обыкновение уединяться в пещеру на всю четыредесятницу, простясь с братьею и преподав наставление, как проводить постное время в молитвах нощных и дневных, как беречься от помыслов скверных, которые называл «бесовским насеянием», — как воздерживаться от излишнего вкушения брашна, ибо «в яденьи и питии многом возрастают помыслы, говорил он, а помыслам возрастшим сотворяется грех. Противьтесь всеми силами пронырствам диаволим, наказывал он братии, будьте бодры на пение церковное, на преданья отеческая и на чтенья книжная, а более всего старайтесь иметь в устах псалтирь Давыдов, им же прогоняется бесовское уныние, и так питая любовь ко всем меньшим и послушание к старшим, в воздержании и смирении проводите пост». Игумен брал с собой в пещеру немного коврижек хлеба, затворялся изнутри, а снаружи дверь засыпалась землей. Если случалась до него крайняя нужда, то говорили с ним через оконце, и то только в субботу или воскресенье.

У святых отшельников, живущих в тишине, никем не возмущаемой, свободных от внешних впечатлений, устремляющих все свое внимание, все силы своей души на размышление о грехах и удаление от искушений, бывает обыкновенно самая тяжелая, самая жестокая борьба со злыми духами, которые мешают им в

благочестивых занятиях. Вдруг иногда поднимается шум и крик, рассказывал о себе сам Феодосий, множество колесниц скачет в тесной пещере. Кони бросаются прямо в лицо. Земля трясется под ногами. Гора обваливается на голову, Феодосий стоит твердо, не обращает никуда взоров, поет псалмы — и все пропадает. В другой раз послышатся гусли и сопели, органы и бубны, раздается музыка и пение, громче и громче, сладкие голоса приближаются к самому уху — Феодосий крепится, творит молитву, и все утихает. Но вот сомкнул он глаза, и опять слышится то же громозвучие, и опять запевает он тихим голосом: да воскреснет Бог и расточатся врази его, — и враги расточаются. Однажды начинает он класть земные поклоны, — вдруг огромный черный пес подвернулся ему под ноги и не дает ему поклониться до земли. Феодосий хочет ударить его, — тот исчезает. «Ужас напал на меня, рассказывал он, и я хотел бежать, но укрепился, участил коленопреклонения, и бодрость возвратилась».

Впоследствии Феодосий так окреп в подобной борьбе, что бесы перестали беспокоить его и скрывались отовсюду, по рассказам братии, где бы он ни являлся со своей святой молитвой.

Одного инока, по имени Ларион, того самого, который занимался переписыванием книг, бесы измучили. Лег он однажды отдохнуть, как вдруг наскочило их множество, так что вся келья наполнилась ими: одни принялись таскать его за волосы, другие схватили стену и хотели обрушить ее на него. Несчастный не мог вытерпеть и пришел к игумену проситься в другую келью. «Нет, нет, отвечал Феодосий, не отходи, чтобы бесы не похвалялись о тебе, и не взяли бы больше власти над тобою. Оставайся и молись». «Не могу, отвечал Ларион, так много бесов!» Тогда Феодосий перекрестил его и сказал: «Иди, отныне они не будут тебе пакостити». Ларион поверил, помолился и уснул сладким сном: никто не смел к нему прикоснуться.

Слово о святой жизни Феодосия распространилась по всей Русской земле: его называли земным ангелом и небесным человеком. Князья, бояре и все люди искали его беседы и приходили к нему за благословением, просили у него советов или утешения. Киевский князь Изяслав посещал его часто, черниговский Святослав завидовал брату, что он имеет такой светоч в своей области, как рассказывали многие черниговские монахи, переяславский Всеволод и его приближенные награждали монастырь беспрерывно вкладами.

Изяслав оказывал великое уважение преподобному Феодосию. Однажды приехал он с немногими отроками и слез с коня у ворот, а

на коне никогда не въезжал он на монастырский двор. Привратник не пускал, говоря, что не велено отпирать ворот до вечерни. «Я князь, сказал Изяслав, меня ли ты не пустишь?» «Не велено пускать и князя. Если хочешь, подожди до вечерни». Изяслав послал его к игумену, а сам остался у ворот и дожидался ответа, пока Феодосий вышел и его принял, объяснив причину монастырского правила.

Изяслав часто оставался за трапезой и, вкушая простых монастырских брашен, говорил: «Отче, всех благих мира сего исполнился дом мой, рабы мои изготовляют мне всякие дорогие яства, но они не приходят мне так по вкусу, как твои; никогда у себя не ем я так сладко, как здесь. Отчего это происходит?» Феодосий, желая «уверить Князя на любовь Божию», отвечал: «Если хочешь знать, так вот от чего: когда у нас братия задумают что стряпать, хлеб печь или варить сочиво, то возьмут сперва благословение от игумена, потом положат три поклона перед алтарем, зажгут свечу от святого престола и разведут ею огонь. Вся служба совершается с молитвой и благословением Божиим, а твои рабы, работая, ссорятся, бранятся, клянутся, приставники их бьют, и все происходит с грехом». Изяслав, выслушав, сказал: «Поистине, отче, так есть, как ты говоришь».

Между тем, произошло смятение в братьях. Младшие, Святослав и Всеволод, выгнали старшего Изяслава, который во второй раз вынужден был скитаться по чужим странам, напрасно ища помощи (1169). Овладев Киевом, победители прислали звать Св. Феодосия к себе на обед. «Не пойду на пиршество Иезавелино, приобщитися вашего брашна: оно исполнено крови и убийства», — сказал он посланному и присоединил еще многое в укоризну князьям, веля передать им все. Они не смели прогневаться на Феодосия, зная его как святого человека, но не послушались его речей; и он начал обличать Святослава, как неправедно восставшего на старшего брата, иногда посылал к нему письма, иногда поручал боярам пересказывать свои упреки изустно. Наконец, написал к нему длинное послание, заключая его словами: «Глас крови брата твоего вопиет на тя к Богу, как Авелева на Каина». Святослав, прочтя послание, пришел в неистовство, «как лев рыкнул на праведнаго», ударил хартией оземь, — и промчалась молва, что быть Феодосию осужденным на заточение. Братия была поражена горестью, и все обратились молить преподобного, чтобы он оставил князя в покое. Сам великий Никон со страха решился уйти в свой тмутораканский монастырь, как ни убеждал его Феодосий не разлучаться с ним до кончины. Бояре

приходили многие, рассказывали о княжьем гневе и просили не противиться ему: «Он ушлет тебя на поточенье». Феодосий оставался твердым. «Чего же лучше, братия, говорил он. Не о чем скорбеть мне: у меня нет ни детей, ни семьи, ни богатства. Я готов на поточение». Ему даже очень хотелось поточену быть. И он начал укорять Святослава еще более о братоненавидении, не велел у себя в монастыре на ектениях поминать его имени, как севшего через закон на киевский стол, а велел поминать только имя Изяслава, законного князя. Святослав, как ни был разгневан на Феодосия, не осмеливался причинить ему ни малейшего зла, в страхе перед его добродетелями. Феодосий, «много молим от братии и бояр, наипаче же разумев, что не успеет ничто же укоризнами», решил лучше иначе убеждать князя, чтобы он возвратил брату его область, — позволил поминать и его имя на ектениях, лишь только после Изяславова.

Святослав, узнав о смягчении Феодосия, обрадовался, потому что очень желал беседовать с ним и насытиться духовных слов его. Тотчас послал он к Феодосию спросить, позволит ли ему придти в монастырь или нет. Феодосий позволил, и Святослав, обрадованный, явился со своими боярами. Игумен с братьею, выйдя из церкви, встретил его и поклонился по обычаю, а князь сказал ему: «Се, отче, не смел придти к тебе, думая, что ты гневаешься, и может быть не пустишь меня в монастырь». А Феодосий отвечал: «Что успеет гнев наш еже на державу вашу. Подобает нам обличать и глаголать вам потребное на спасение души, а вам лепо есть того послушати». Они пошли в церковь, и по молитве сели. Феодосий много говорил от святых книг и потом старался показать князю, как любил его брат, а князь «взносил многие вины на него, за кои не хотел сотворить с ним мира». После долгой беседы Святослав вернулся в дом свой, благодаря Бога, что сподобился беседовать с таким мужем. И с тех пор часто приходил к нему насыщаться «духовного того брашна, которое было для него слаще медвяного сота».

И Феодосий посещал его, всегда напоминая о страхе Божием и братской любви. Однажды святой муж навестил его, когда в палате его шел пир: раздавались шумные клики и радостные возгласы; кто играл на гуслях, кто на органах, кто пел песни, пляска во всем размахе, как есть обычай перед князем. Феодосий взглянул, остановился у дверей и сел, поникнув очами долу. Вдруг шумная толпа увидела святого мужа в его ветхой одежде, сидящего вдали в глубокой задумчивости, — и внезапно все умолкло по знаку

княжескому. Феодосий приподнял тогда голову и произнес тихим голосом: «А будет ли так, чадца, на том свете!» У князя показались слезы, он прекратил празднество. И после всегда прекращал он свои игры, когда показывался игумен в его жилище. Если случалось ему наперед узнать, что идет Св. Феодосий, он выходил встречать за дверями. «Отче, говорил ему Святослав, истинно говорю тебе, что если бы отца возвестили мне восставшего от мертвых, я не обрадовался бы ему столько, сколько радуюсь всегда твоему приходу; его не боялся, его не сомневался я столько, как твоей преподобной души». — «Если ты боишься меня столько, отвечал ему Феодосий, так сотвори волю мою и возврати брату стол его отца». И Святослав умолкал, не зная, что отвечать ему. Так разожжено было сердце у него на брата, что имени его не мог он слышать равнодушно.

Между тем, Феодосий с братьею, по благословению святого Антония, который был еще жив и пребывал в своей пещере в совершенном уединении, молясь и постясь, решил поставить каменную церковь и обнести монастырь оградой. Лишь только в народе стало известно о таком намерении, со всех сторон собралось множество людей на помощь. Приехал князь Святослав и, после молитвы, первый начал копать; за ним принялись все: кто возил землю, кто строгал бревна, кто носил воду. Игумен участвовал во всех работах вместе с братьями. Дело пошло успешно, основанье наполнялось, выходило уже из земли. Но не привел Бог увидеть великий храм Успения Божией Матери ни Феодосию, ни Антонию, ни Святославу. Все трое скончались в продолжение одного года, один за другим: сначала Антоний, потом Феодосий, и вскоре Святослав.

Феодосий, проведя время великого поста по обыкновенно в пещере, отпраздновал потом с братьею день Светлого воскресенья и занемог. Пять дней продолжалась его болезнь — на шестой, почувствовав себя очень дурно, к вечеру велел положить себя на сани и подвезти к церкви, а братию созвать, где бы кто ни был. Собрались все, иноки, приставники и тиуны, все монастырские слуги. Феодосий преподал им наставление в последний раз, завещая каждому оставаться в порученной ему службе, исполнять ее со всяким прилежанием и страхом Божиим, в «покорности любве». Потом долго со слезами говорил о спасении души, о братолюбии, о богоугодном житии, — и в заключение спросил: «Братья моя, и отцы мои, и чада моя! Смерть меня постигает. Кого наречь вам игумена?» — «Кого тебе угодно», отвечали они, рыдая. И он назначил Иакова

Пресвитера. Братия переговорила между собой и стали просить у него Стефана Демественника: «Он твой ученик, служил тебе и взрос под твоей рукой, его нам дай, а Иаков, сказали они, не здесь пострижен». Феодосий, выговоря им за желание исполнить свою волю, а не Божию, благословил Стефана и сказал ему: «Чадо, се предаю ти монастырь, блюди его со опасением и держи все, как устроил я в службе, не изменяй предания монастырского и устава, но твори все по закону и чину». Он умолк. Братья взяли его, и, отнеся в келью, положили на одре. Три дня лежал он почти без чувства, не мог повести и глазами. На шестой день пришел к нему князь Святослав с сыном Глебом. «Я отхожу от света, сказал ему Феодосий, отдаю монастырь под твое покровительство, не дай в обиду игумена Стефана». Князь облобызал его и обещал исполнить все по его воле. На седьмой день, изнемогая совершенно, призвал игумен братию и сказал им: «Если по моем отшествии монастырь обиловать будет черноризцами и всеми потребами, то выдайте, что Бог приял меня, а если вы оскудевать начнете, то значит, что я не угодил Ему». Братия все плакали и говорили: «Отче, молись за нас Богу; мы знаем, что Бог не презрит твоей молитвы». Феодосий велел положить тело свое в пещере, где совершил труды свои многие, и похоронить ночью. Потом перецеловал их всех по одиночке, простился и отпустил. Брат, служивший ему, стал у двери и смотрел через скважину; он увидел, что Феодосий поднялся с одра, упал на колени перед образом Божией Матери, долго молился со слезами, потом поднялся с веселым лицом, лег на свой одр и сложил руки крестом. Братия собрались к нему снова и сидели всю ночь над умирающим. На восьмой день, во вторую субботу по пасхе, в час второй дня, месяца мая в 3 число, индикта в 11 лето, от Р. Х. 1071, от С. М. 6582, предал душу свою в руце Божии.

По наступлении вечера братья взяли честное тело его и с пением молитв, псалмов и песен духовных, со свечами в руках, хваля и славя Бога, отнесли его в пещеру, в указанное им место.

Церковь Печерская довершена была по кончине его через три года преемником его игуменом Стефаном, а освящена в 1089 г. митрополитом Иоанном при киевском князе Всеволоде.

На другой год (1090) по освящении церкви Печерской, игумен и черноризцы, собрав совет, решили: «Не добро отцу нашему Феодосию лежать не в церкви своей, что сам основал», — и выбрали место, где положить его мощи.

Перед праздником Успения Божией Матери, за три дня, игумен призвал к себе инока Нестора летописца. «Пойдем в пещеру к Феодосию», сказал он мне, так рассказывает сам Нестор. «Я пошел с ним, и мы осматривали вместе пещеру, назнаменовали место, где был погребен Феодосий. Игумен велел мне откопать его с кем-нибудь из братии втайне. Я приготовил лопаты, чем копать. Во вторник вечером, не ведущу никому же, пришел я в пещеру с товарищем. Мы пропели псалмы, и я начал копать, устал и передал товарищу; мы копали до полуночи и не могли докопаться. Я начал тужить, не ошибаемся ли мы, копая на ином месте, взял, однако же, лопату и принялся снова за работу; а друг лег отдохнуть перед пещерою. Между тем, ударили в било. Брат закричал ко мне: „Ударили в било!“ А я в самый тот миг коснулся мощей и закричал ему: „Нашел, прокопал!“ И взял меня ужас, я начал молиться: „Господи помилуй, Господи помилуй!“ Потом послал известить игумена, который тотчас и пришел с двумя братьями. Мы окопали много и влезли в яму: Феодосий лежал целый и невредимый; власы только притяскли к голове». На другой день собрались епископы, игумены со всех монастырей с черноризцами, благоверные люди, и, взяв мощи Св. Феодосия, с горящими свечами и кадильями, положили в притворе церковном с правой стороны, в четверг, месяца августа в 14 число, в первый час дня, индикта в 14 лето, — и отпраздновали день тот.

Долго после преставления Св. Феодосия братия ни о чем не говорила более, как о блаженном своем наставнике, которому все они преданы были душой и которого любили сердечно. Повторялись все речи, припоминались его поступки. Некоторым из них он являлся во сне. Многие случаи, остававшиеся при жизни в неизвестности, — иногда по его именным приказаниям, — переходили теперь из уст в уста. Как о жизни, так и о кончине его открывались новые обстоятельства. Князь Святослав рассказывал, что в самый час кончины пр. Феодосия он видел огненный столп над монастырем, почему и понял, что преставляется Св. Феодосий. Замечали, что ко времени перенесения его тела в пещеру, народу собралось множество к святым воротам, хотя не было никому повестки, и дожидались выноса, сидя и ходя около ворот; много было и бояр, но братия, в силу его приказания похоронить его тело в тишине, пережидали, заперши ворота, — и вдруг пролился дождь, так что народ должен был разойтись, и завещание могло быть исполнено в точности, «солнцу возсиявшу».

Так точно, при обретении Нестором мощей его, два брата, сидевшие в своих кельях и смотревшие на пещеру, увидели вдруг над нею три столпа радужных, которые спустились оттуда над церковь. А Стефан, перейдя перед тем игуменом в другой монастырь, увидел через поле над пещерой зарю великую и подумал, что переносят уже тело Феодосия, о чем извещено было предварительно. Ему стало жаль, что это происходит без него; он сел на коня и поехал с братом Климентом, видя перед собою беспрестанно зарю, а как подъехал к пещере, где копал Нестор, так уже ничего не стало видно.

Чудный свет над монастырем многие видели часто ночью и прежде.

Один боярин, проходя полем, верстах в 15 от монастыря, увидел вдруг Печерскую церковь на облаках и погнал к ней со своими отроками, — а как подъехал, то она уже снизошла на землю и стала на свое место.

Другой видел свет около монастыря, а в свете перед церковью Феодосий молился с воздетыми к небу руками.

«Да, заключает Нестор, монастырь казался всему народу небом, где паче солнца сиял Св. Феодосий добрыми своими делами, а звездами около него были его ученики».

Из бесед и совещаний между иноками оказалось ясным, что Феодосий еще при жизни своей удостоился благодати Божией.

Однажды пришел Св. Феодосий к любимому им боярину Яну и его супруге Марии и беседовал о смертном часе, о царствии небесном для праведников, о муке для грешников. Мария сказала: «Где-то придется мне лечь?» Феодосий отвечал: «Ты ляжешь там, где лягу я». И действительно, Мария, скончавшаяся через 18 лет после Св. Феодосия, положена была в церкви Св. Богородицы, против гроба Феодосия на левой стороне.

Один боярин, отправляясь в поход, произнес обет принести две гривны золота в монастырь Феодосиев, на венец Божией Матери, если останется в живых после войны. Он спасся, несмотря на общее поражение, возвратился домой невредим, — и позабыл о своем обете. Уснул он однажды в полдень в своей горнице. Вдруг слышит страшный голос, его зовущий: «Клименте!» Он встал и увидел над своей кроватью икону Божией Матери: «Что же ты не исполнил обета?» произнесла она. Климент бросился со своим даром тотчас к Св. Феодосию, а через некоторое время вздумал приложить еще Евангелие, не говоря о том никому. Лишь только показался он в

монастыре, как Феодосий встретил его словами: «Ну — вынимай же Евангелие из-за пазухи».

Огласились и многие чудеса Феодосия. Пришел однажды строитель донести ему, что хлеба нет в монастыре, Феодосий велел посмотреть в житнице. «Там нет ничего, отвечал инок, я и сусек подмел. К углу только пригреб я пригоршни три отрубей, либо четыре». — «Поди же, и веруй, что от сих пригоршней может умножиться жито». И в самом деле, строитель, подойдя к житнице, увидел ее уже полнехонькой, так что и жито пересыпалось в закроме через стену на землю.

Князь Изяслав просидел однажды поздно в монастыре, заслушавшись сладких речей Феодосия. Наступил вечер. Князь остался на вечернее славословие. Полил дождь. Ехать было нельзя. Игумен велел приготовить ужин для князя. Ключарь отвечал, что у них нет меда. Феодосий спросил: «Нет ли хоть мало?» «Ничего, отвечал ключник, я и бочку опрокинул». «Посмотри истее», сказал Феодосий. — «Говорю тебе, честный отец, что я и бочку опрокинул». — «Иди же по глаголу моему, во имя Господа нашего Иисуса Христа, и обрящеши все на потребу». Эконом удалился и нашел бочку, полную меду. Он вернулся со страхом и возвестил игумену. Молчи, подавай князю и братии. Это благословение Божие.

И обитель его никогда не оскудевала, никогда не было в ней ни в чем недостатка. Эконом Евдоким пришел сказать Феодосию, когда тот трудился в келье с Ларионом, что на завтра нет хлеба для братии. Феодосий отвечал: «Теперь наступает только вечер, утро далеко; потерпи, моляся Богу. Может быть, Он попечется о нас». Прошло еще несколько часов. Эконом приходит с прежним напоминанием: хлеба нет. «Не будет, отвечал Феодосий, так сходишь завтра на торг и купишь взаем, а мы отдадим после, Богу благодеющу». Но лишь только вышел эконом, как является в келью какой-то юноша, и, не говоря ни слова, кладет гривну злата на стол. Феодосий позвал тотчас эконома и отдал ему злато, а кто был юноша, не могли никак узнать. Привратник божился, что ворота были заперты, и не проходил перед его глазами никто.

В вербную пятницу, после тягостных трудов великого поста, Феодосий велел испечь для братии белых хлебов по уставленному обычаю. Келарю почему-то не захотелось исполнить этого приказания, и он отвечал, что нет такой муки. Братия шла уже к скудному обеду, как вдруг увидели все, что на двор везут целый воз

белых хлебов от какого-то добродетеля. А когда через два дня келарь стал печь хлебы из той муки, «коей сказал не быти», и начал месить тесто, то вдруг оказалась в нем жаба.

Пришел священник из города просить вина для совершения литургии. Феодосий призвал келаря и велел дать. Тот отвечал, что у них самих мало, и едва достанет обедни на две, либо на три. «Вылей все, возразил Феодосий, а нам Бог даст». Келарь все-таки ослушался и оставил себе на завтрашний день. Священник принес показать, сколько ему налито. «Вылей все, повторил Феодосий, и о завтрашнем дне не пекись». И в самом деле, когда кончилась трапеза, взъехало на двор два воза с корчагами вина, что ключница Всеволодова приносила в дар Печерскому монастырю.

Так и по кончине его, на полях монастырских всегда был урожай и в стадах приплод, по замечанию всей братии. Как всего прибывало, так все и сохранялось в целости. Обитель Феодосиева, при жизни его и по смерти, была безопасна от всякого злого обстоятельства. Феодосий ежедневно и еженощно обходил монастырь с молитвой, и враги не могли переступить через святую ограду.

Однажды ночью злые люди хотели украсть имущество, скрытое на полатях. Двор был разгорожен по случаю построек. Воры приходят прямо к церкви. Там слышится пение. Они ушли в лес, и, переждав некоторое время, вернулись, но пение все еще продолжается. Они назад, пробыли еще сколько-то в лесу, и опять к церкви, полагая, что теперь наверное кончилась служба, но нет: все те же голоса слышатся, и видится свет, и чуется страх. Несколько раз подходили они таким образом, пока, наконец, в самом деле собрались монахи петь заутреню. «Перебьем же их и возьмем все», закричали злодеи. Бросились, но, о чудо! церковь со всеми сущими в ней поднялась на воздух, так что стрелы не могли долететь до нее. Воры убежали, и уже после некоторые, покаясь, пришли к Феодосию и рассказали о чуде. Иноки же, ничего не сознавая прежде, теперь только поняли, что то служили и пели ангелы, которые охраняли обитель, — и возблагодарили Бога.

А в другой раз разбойники, хотевшие ограбить монастырское село, увидели около него стену столь высокую, что перелезть через нее не было никакой возможности.

Не только разбойники, но и бесы боялись Феодосия: однажды начали они «пакости деяти в поваре»: рассыпали муку, проливали воду, били посуду. Феодосий пришел туда, затворил двери, остался

там всю ночь на молитве, — и бесы пропали. Так же точно изгнал он их в другой раз и из хлева, по рассказам приставников.

Все это рассказывалось, узнавалось, открывалось, — новые чудеса увеличивали веру к почившему Феодосию.

Один боярин «убоялся поточену быть от князя» за какую-то вину; прибег с молитвой к Св. Феодосию и увидел его во сне, предрекающего, что князь отложит гнев свой, что и случилось.

Некий человек, отправляясь в путь, принес иноку Конону луконце серебра на сбережение. Другой увидел и украл. Конон, скорбя о подозрении, на него падавшем, молил Бога открыть похитителя. Св. Феодосий во сне указал ему место, где серебро было спрятано, и тот, проснувшись, нашел все сполна и оправдался.

Крылошанин храма Св. Софии занемог, «огнем жегомый», помолился, — и увидел Св. Феодосия, подающего ему посох и велящего идти. Проснувшись, он выздоровел и пришел в монастырь рассказать братии о своем исцелении.

В уважение всех сих чудес и явлений, Феоктист, игумен печерский, обратился к великому князю Святополку, через 25 лет по кончине Феодосия, просить его, чтобы он велел вписать святого в синодик. Князь был рад и велел исполнить то по всем епископиям.

Таким образом, епископы с 1103 года начали поминать Св. Феодосия на всех соборах, — и православный русский народ, стекаясь ежегодно толпами со всех сторон к киевским пещерам, ублажает святого Феодосия вместе с наставником его святым Антонием, как ревностных своих ходатаев и молитвенников перед престолом Всевышнего о земном благоденствии Отечества.

Вместе со славой святых Антония и Феодосия распространялась слава и о монастыре, ими основанном, — он стал предметом общего благоговения.

Церковь Печерская почиталась Божиим созданием.

Еще Нестор рассказал об одном чудесном явлении, ознаменовавшем ее основание; по его известию весь народ услышал однажды глас бесчисленных людей, поющих в монастыре. Все встали с лож своих и вышли на высокое место, откуда слышно было пение. Свет сиял над монастырем Феодосия. Черноризцы выходили из ветхой церкви, неся икону Пресвятой Богородицы, с горящими свечами: впереди игумен, Св. Феодосий. Все они, дойдя до того места, где после построена была церковь, возвратились в свои кельи.

В другой раз виден был пламень, исходивший от ветхой церкви и

упиравшийся другим концом на место новой.

С течением времени открывались разные подробности, переходившие из уст в уста, и Симон, епископ владимирский, живший в начале XII века, составил из них сказание, которое мы сообщим здесь, чтобы познакомить с духом того времени и представить доказательства славы, которой пользовалась в древности Печерская обитель.

Первое благовестие о Печерской церкви дано свыше, вдали от Русской земли, в диких пустынях холодной Скандинавии. Варяг Шимон, принужденный дядею Якуном Слепым, что помогал великому князю Ярославу в Лиственской битве против брата его Мстислава, оставить родину, решил искать счастья там же, где искали и многие из его соотечественников. Задумав ехать в Гольмгард, он взял с собой из отеческого дома золотой венец и пояс, в 50 гривен золота, с Распятия, написанного по заказу отца его вапным писанием. «Неси в уготованное место, где созиждется церковь от преподобного. Тому отдай, чтобы повесил перед жертвенником», раздался голос, лишь прикоснулся Шимон руками к образу, и он от страха упал замертво.

Плыв по морю, во время бури, когда «плаватели отчаялись живота», Шимон увидел на воздухе церковь и услышал, что эту церковь намерен строить преподобный. Ему велено измерить здание золотым поясом, и оказалось в нем 20 локтей в ширину, 30 в длину, и 30 в вышину. Буря утихла, и Шимон со своими товарищами благополучно прибыл в Киев, все еще не понимая, о какой церкви он слышит во второй раз, какой преподобный хочет ее ставить, и где она будет поставлена.

Ярославичи, собравшись войной на половцев (1067), пришли за благословением к Св. Антонию. Шимон служил тогда в дружине Всеволода. Преподобный со слезами предрек им поражение. Шимон пал к нему в ноги и просил «сохранену быти» от смерти. Антоний ободрил его, сказав, что хотя многие будут убиты и потоплены, но он спасется, и тело его впоследствии будет положено в «имеющей здесь создатися церкви».

Тогда только Шимону блеснула мысль, что, верно, об этой церкви слышал он у себя дома, и ее видел на море.

И он увидел ее еще раз, «лежа в ранах», истекающий кровью, на берегу Альты, где были разбиты половцами русские войска, по предречению Антония: он обратился взорами к небу, и там опять

представилась ему на воздухе эта знакомая церковь, великая и красная. «Господи, воскликнул он, избавь меня от лютой смерти»… И вдруг почувствовал он себя лучше, кровь перестала течь из ран, и он вскоре нашел в себе столько силы, что мог подняться и пойти за помощью.

Тогда-то, выздоровев, он принес Св. Антонию золотой пояс и венец и рассказал о своих видениях: «Се мера и основа, а венец повесьте над святою трапезою».

Старец восхвалил Бога, и передал игумену Феодосию богатое приношение Шимона. И вот через некоторое время являются к ним четыре мужа знатных и спрашивают: «Где хотите строить церковь?» Те отвечают: «Господь наречет место». Незнакомцы возразили: «Дали вы нам столько злата, а места не знаете, где строить церковь».

Преподобные не могли ничего понять, созвали братию и спросили греков: «Скажите нам истину, что все это значит».

«Мы спали по домам. Рано, восходящу солнцу, пришли к нам благообразные мужи и сказали: „Царица зовет вас во Влахерну“. Мы взяли с собой родных и ближних, которым была та же речь, и от тех же знатаев, и обрелися все вместе во Влахерне. Увидели царицу со множеством воев и поклонились ей. Она сказала: „Хочу возградить себе церковь в Русской земле, в Киеве, возьмите себе злата на четыре лета“. Мы поклонились и отвечали: „О госпоже Царица! отсылаешь нас в чужую сторону, к кому же там прийти?“ — „Посылаю пред вами Антония и Феодосия“».

«Зачем же ты даешь нам злата на четыре года: вели им пещися о нас, что ясти и что пити, а нас вознаградишь после сама». Царица сказала: «Сей Антоний, благословив, отыдет света сего на вечный покой, а Феодосий последует за ним на другой год. Возьмите злата, — после вы получите, чего никто не может дать, о чем ухо ничье не слыхало, и что на сердце человеку не входило. Я приду сама видеть церковь». И велела нам выйти на ясно. Мы вышли, и увидели церковь на воздухе великую и красную. Воротясь, мы спросили: «В какое имя церковь?» — «В свое имя хочу наречи церковь». — Мы не смели спросить о ее имени, но она сама сказала: «Богородицына будет церковь», — и дала нам икону наместную, и мощи святых мучеников, что положить в основание.

Слушавшие все прославили Бога. Антоний отвечал: «О чада! великой благодати Христос вас сподобил; Его воли вы свершители. Звали вас — ангелы, а Царица во Влахерне — сама чувственно

явившаяся вам, Пресвятая чистая и непорочная Богородица и Приснодева Мария, а иже воины ей предстояли — то суть бесплотные силы ангельския. Наше подобие и золота подаяше Господь весть якоже сотвори. Благословен приход ваш — добру спутницу имеете, сию честну икону Госпожину. Да даст она вам якоже обещалася, еже ухо не слыше и на сердце не взыде. Никто может того, кроме Ее и Сына Ее Господа Иисуса Христа, Его же пояс и венец зде от Варяг принесен».

Греки поклонились со страхом и просили показать место. Антоний сказал: «Пребудем три дня в молитве, и Господь укажет нам место».

В ту же ночь явился ему Господь со словами: «Обрел еси благодать предо Мною». Антоний сказал: «Если обрел благодать, то пусть по всей земле будет роса, а на месте, идеже великой быти церкви, да будет суша».

Поутру обретено было место сухо, где находится ныне церковь, а вся земля кругом орошена была росою.

В другую ночь Антоний молился: «Да будет по всей земле суша, а на святом месте роса». И было так.

В третий день святой Антоний измерил золотым поясом ширину и длину и «воздвиг руце возопил гласом велиим: „Послушал мене, Господи, водою, днесь послушай мене огнем, да разумеют вси, яко Ты еси хотяй сему“.

И спаде огнь с небесе, и пожже вся древа и терние, и росу полиза, и долину сотвори, якоже рвом подобно, где быть основанию церкви». Все предстоявшие пали ниц, как мертвые. Князь Всеволод случился тут вместе с больным сыном Владимиром, который был перепоясан поясом и выздоровел.

Чудеса не прекратились: когда выведены были стены, явились писцы «из грек», и, осмотрев церковь, начали спор с игуменом: «Поставьте наших рядцев; они показывали нам церковь малую, а это великая, — вот их золото; мы воротимся в Царьград». Игумен Никон спросил: «Кто с вами рядился?» Они отвечали: «Антоний и Феодосий». — «О чада! не можем вам их поставить. Десять лет уже, как они скончались и молятся о нас на небесах».

Греки смутились и привели многих других гостей, с которыми приехали: «Вот мы рядились перед семи, и получили золото из рук Антония и Феодосия, а вы не хотите показать их. Если их нет в живых, покажите образа». Игумен вынес образа. Греки и обезы

признали — точно, это они! Тогда рассказали следующее.

«Приплыв в Канев из Олешья, мы увидели великую церковь в вышине, и, узнав, что это Печерская церковь, которую взялись расписывать, рассердились и хотели бежать назад домой в Царьград. На Днепре поднялася буря, и мы очутились под Триполем: ладья неслася взводу (вверх по воде), как будто поднимала ее какая сила. Наконец, мы остановили ее с великой нуждой и целый день думали, что будет, удивляясь, как могли мы в одну ночь, не гребучи, проплыть столько, что другие не могут в трое суток. На следующую ночь мы увидели эту чудную икону, которая нам возгласила: „Что, человеци, мятетеся всуе, не покоряясь воле Моей и воле Сына Моего!“ Она угрозила нам смертию, если мы не оставим своего намерения, и обещала великие награды за повиновение. Поутру мы, однако же, принялись грести вниз по реке, а нас несло вверх, и мы предались воле Божией. Ночью увидели мы во сне Божью Матерь, которая не велела нам противиться воле ее, — мы покорились, и ладья пристала скоро к подошве вашей горы монастырской».

Мастера и писцы, окончив свою работу, остались жить в монастыре, приняли мнишеский образ, и положены в особом притворе. «Суть и свиты их на полатях, и книги их греческие, блюдоми на полатях, в память такового чуда», говорит Св. Стефан.

Доска каменная для престола принесена и поставлена на месте неизвестно кем, после того как строители отчаялись найти подобную и решили поставить деревянную, к прискорбию игумена и братии. Они долго искали, кто принес им такой дар, посылали с золотом в каменоломни, но нигде по воде и по суху не нашлись следы тех стоп, что привезли святую трапезу на предложение пречистого тела и святой крови.

Освящение церкви сопровождалось новыми чудесами. Все соседние епископы: Иоанн черниговский, Исаия ростовский, Лука белогородский, Антоний юрьевский, явились к великому празднеству, неведомо кем приглашенные. Антоний, епископ юрьевский, прежде больной, выздоровел. Митрополит удивился, увидев их собрание, как некогда собрание апостолов при успении Божией Матери.

Когда, обойдя три раза, священный собор воскликнул: «Возьмите врата князи ваша», — и некому было отпеть: «Кто есть сей царь славы», — в церкви никого не было — последовало долгое молчание. Вдруг изнутри раздалось сладкое пение: «Кто есть сей Царь славы».

И все ужаснулись, поняв, что ангелы довершили священное славословие.

В княжение Всеволода Ярославича, при игумене Никоне, совершилось новое чудо в церкви: когда мастера начали выкладывать алтарь мусией, образ Божией Матери «вообразился сам собою и просветился паче солнца. Все предстоявши, не могуще зрети, пали ниц». Опомнившись, хотели взглянуть, и вдруг вылетел голубь белый из уст Богородицы, подлетел к Спасову образу и там скрылся. Стоявшие озирались кругом, думая, не вылетел ли голубь из церкви, как вдруг вылетел он опять из уст Спасовых, начал носиться по всей церкви, садясь к кому на голову, к кому на плечо, кому на руки, и, наконец, отлетел и скрылся за местной Богородичной иконой. Приставили лестницу, чтобы взять его оттуда, — искали, и не находили, как вдруг он сам вылетел и поднялся к верху. Снизу раздался крик: «Ловите, ловите его», — а голубь влетел опять в уста Спасова образа, из которых вылетел, и «паки свет осиял их паче солнца. Павши ниц, все предстоявшие поклонились Господу».

«Какая церковь в ветхом и новом завете ознаменовалася такими чудесами! восклицает Симон, епископ владимирский, сохранивший нам все эти предания. Пройдите все книги, и вы нигде не найдете подобных чудес. По небесному гласу измерена ее высота, длина и ширина поясом Господа Иисуса Христа, Сына Божия. Богородица дала злато на построение. Мастера присланы из Греции. Писцы привезены в ладье вверх по реке. Иногда являлся столп огненный на ее месте от неба до земли, иногда облако, иногда дуга; часто являлась над церковью икона, носимая ангелами. Многожды церковь была видима до построения. Огнем и росою означено место, и ниспослано свыше благословение».

О следующем времени преп. Симон рассказывает относительно Печерской церкви еще вот какой случай. Были два боярина: Иван и Сергий. Случилось им придти в Печерскую церковь. Они увидели «свет чуден» на иконе Богородичной и заключили между собой союз духовного братства. Через некоторое время Иван, имевший сына Захарию, пяти лет, занемог. Он призвал игумена Никона и отдал ему все имение для маломощных, а сыновнюю часть, тысячу гривен серебра и сто гривен золота, отдал на руки вместе с сыном нареченному брату своему Сергию. Сын, возмужав, спросил у него своего имения. Сергий отвечал, что отец отдал все Богу, «у него и проси, а у меня нет ничего; я не должен ни тебе, ни твоему отцу ни

одного золотника. Отец виноват, раздав все имение в милостыню и оставив тебя в нищете». Сын соглашался на половину. Сергий разругал и отца, и сына. «Ну дай хоть третью, десятую долю». «Ничего». «Так поди же и поклянись пред иконою Божией Матери, где ты взял братство с отцом». Сергий пошел, поклялся, хотел приложиться и не смог. Как бы пораженный, бросился он к дверям, восклицая: «О святые Антоний и Феодосий, не велите этому ангелу немилостивому убивать меня. Прогоните бесов, которым я предан. Возьмите золото мое, запечатанное в клети». Послали за имением, и нашли в указанном месте две тысячи гривен серебра и двести золота. «И бысть страх на всех, и с тех пор не позволено клясться этою иконою». Захария отдал все игумену Иоанну, постригся и скончался в монастыре. На это золото и серебро поставлена церковь Иоанна Предтечи, на полатях, в честь жертвователей, Ивана и Захарии.

Представив жития святых основателей Печерского монастыря, Антония, Никона и Феодосия, приступаем к житиям прочих печерских затворников.

Варлаам. Часто приходил беседовать к Св. Антонию и Феодосию сын первого боярина Изяславова Яна (Иоанна) и внук того Вышаты, что плавал под Царьград в последний раз с Владимиром, сыном Ярослава. Коснулась его благодать, сердце загорелось желанием спастись, и он решился оставить свет, отца и мать, жену, богатство. «Мне хочется жить с вами, сказал он однажды Антонию, и принять мнишеский образ». «Доброе дело, отвечал пустынник, но смотри, чтобы не захотелось тебе после опять вернуться в мир. Тогда хуже будет». Чем более отсоветовал Антоний, тем сильнее ощущал молодой человек желание. На другой день, в светлой и славной одежде боярской, в толпе многочисленных отроков, подъехал он к пещере Антониевой. За ним вели множество коней, навьюченных всяким богатством. Затворники вышли навстречу к посетителям и поклонились до земли. Молодой человек слез с коня, скинул с себя дорогое убранство и положил к ногам Антониевым: «Вот прелести мира сего, сказал он, делай с ними, что угодно. Я хочу жить с тобою в уединении и бедности», — и поклонился перед ним в землю. Антоний боялся принять его. «А если отец твой с воинами придет к нам и уведет тебя, а нам помочь нечем, — и ты явишься пред Богом яко отметник и ложь». — «Хоть бы он мучить меня стал, не возвращусь в мир, ты только постриги меня скорее». — И Антоний велел Никону постричь, при чем и наречен он был Варлаамом. Отец

Варлаама пожаловался князю Изяславу. Князь, услышав, что в то же время и ключник его пострижен, вскипел гневом и велел привести к себе Никона. «Ты его постриг?» спросил он. «Я», отвечал пустынник. «Отведи его назад домой, не то я велю раскопать вашу пещеру, а тебя со всеми товарищами ушлю в заточение». «Что угодно тебе, то и делай, а мне нельзя от Царя небесного отводить Его воинов». — Новая обитель, между тем, была в величайшем страхе. Антоний собрался уйти в другую сторону. Прочая братия поднялась вслед за ним. Насилу уже Изяславова жена, ляховица родом, могла уговорить своего мужа, рассказав, сколько зла причинилось у них в Польше от того, что оттуда выгнаны были когда-то монахи, — и он отпустил Никона, а прочих велел вернуть.

Тогда боярин Ян, увидев, что ничего не сделано князем по его желанию, решился справиться сам. Взяв своих отроков, он поспешил в пещеру, вытащил своего сына, сорвал с него черную рясу, клобук, и велел одеть по-боярски. Варлаам скинул в свою очередь дорогие одежды. Отец велел связать ему руки, одеть снова и отвезти домой. Дорогой он увидел расселину в скале, сбросил туда свою одежду, и начал топтать в грязи. Дома отец велел посадить его с собой за трапезу. Он не прикасался ни к какой пище и сидел, потупив глаза. Отец отпустил его в свои покои и велел молодой жене его нарядиться и всеми силами прельщать его; молодой инок сел в угол, отворачиваясь от нее и моля Бога избавить его от искушения. Три дня потом не вставал он с места в своей клети, не одевался, не ел и не пил ничего. А Антоний и Феодосий с прочей братьею между тем молились за него Богу — и боярин сжалился, наконец, над своим сыном, испугавшись, чтобы он не умер от голода и холода, — поцеловал и отпустил. Жена, отец и мать, провожали его, рыдая; рабы и рабыни плакали о нем, как о мертвом. А он, как птица, вырвавшись из силков или серпа, освободясь от тенет, побежал опрометью, не оглядываясь, из отеческого дома в свою темную пещеру. Иноки, увидев его, обрадовались и прославили Бога, услышавшего их молитву.

Водворившись в пещере со Св. Антонием, Феодосием, Никоном, он вскоре до такой степени успел в духовной жизни, что наречен был от Св. Антония игуменом при увеличении числа братии. Великий князь Изяслав, основав монастырь Димитровский, в честь своего ангела, послал туда игуменом Варлаама. Варлаам ходил оттуда в Иерусалим, и, посетив все святые места, возвратился в свой

монастырь. Потом отправился он во второй раз в Константинополь, обошел все тамошние монастыри и купил все нужное для своего монастыря, но на обратном пути, предпринятом по сухому пути, занемог и скончался в Святогорском монастыре близ Владимира Волынского, 19 ноября, вероятно, 1063 года. Он заповедал своим спутникам отнести тело его в монастырь к Св. Феодосию и передать туда все вещи, купленные им в Константинополе, что и было ими исполнено. Тело Варлаамово положено на правой стороне церкви. Память его празднуется.

Ефрем, каженик, управлял всем домом великого князя Изяслава и был любим им больше всех.

Он также, услажденный беседами святых отшельников, решил жить с ними и был пострижен Никоном, несмотря на гнев государев. Из пещеры через месяц он ушел в Константинополь и водворился в одном из тамошних монастырей. Святой Феодосий присылал к нему за списком Студийского устава, который и был им списан для киевского монастыря.

После, по возвращении, он был назначен епископом в Переяславль, где оставил много памятников своего благочестия, просвещения и любви к ближнему. Нестор в летописи рассказывает, как он украсил Переяславль церковными и прочими зданиями, обвел каменными стенами, окончил церковь Св. Михаила, основал церковь Св. Феодора на городских воротах, другую поблизости Св. Андрея. Им построено несколько церквей и в Суздале с главами.

Он присутствовал вместе с другими епископами при торжественном пренесении мощей Св. Феодосия из пещеры в каменную церковь, 1091 года, августа 14 дня, в четверг.

Степенная книга говорит об учреждении им больниц в разных местах, которыми пользовались бедные. Ему приписывают банное строение, под которым одни понимают крещальни, другие купальни, а иные церковные главы, которых прежде, будто, на Руси не бывало!

Стефан. Он служил доместиком или уставщиком по клиросу во время игуменства Феодосия, который часто поручал ему говорить поучения братии вместо себя. Перед кончиной блаженного игумена братия просила его назначить Стефана ему преемником, вместо Иакова, которого он указывал, ибо-де Иаков не у нас пострижен. «Стефан вырос под твоею рукою, говорили они, и послужил тебе: его нам дай». Феодосий согласился, хотя и с укоризной: «Я назначал по Божьему повелению, а вы хотите сотворить свою волю». — После

Стефан получил его наставления.

Стефан управлял Печерской обителью пять лет, окончил Печерский храм, основание которого до земли было положено Св. Феодосием, — к 11 июля 1075 г. Так как храм отстоял от древнего монастыря почти на двести сажен, то новый игумен построил деревянные кельи около него и перевел в них братию. В древнем оставлены немногие иноки для погребения умирающих и для совершения заупокойных литургий. На дворе между монастырями, древним и новым, устроен был прием странников. Все обнесено было деревянной стеной. Неизвестно, за что братия вознегодовала впоследствии на своего избранника, но он принужден был оставить игуменство и монастырь. Он основал тогда новый монастырь, близ любимой обители, на другом отроге Печерской горы, на Клове, в честь Св. Богородицы Влахернской, которая столько прославилась при создании Печерского храма. В 1091 г. Св. Стефан был епископом владимиро-волынским, присутствовал при перенесении мощей Св. Феодосием из пещеры в лавру. Скончался 27 апреля 1094 года.

Дамиан, великий «постник и воздержник», до смерти своей не ел и не пил ничего, кроме хлеба с водой. Мало спав ночью, он с прилежанием читал книги и старался подражать житию и смирению преп. Феодосия, которого любил всем сердцем. Феодосий отсылал к нему обыкновенно больных детей, что приносились в монастырь, и вообще всех приходящих лечиться от разных недугов. Дамиан читал над ними молитвы, мазал маслом, и многие исцелялись.

Перед кончиной он молился со слезами Богу, чтобы не отлучал его на том свете от наставника и отца его, преподобного Феодосия, — и вдруг видит его пред одром своим. Феодосий пал на грудь к Дамиану, и, любезно поцеловав, сказал ему: «О чем ты молишься, то совершится, послал меня Господь сказать тебе: ты причтешься со святыми, и, когда я умру, то приду к тебе, и мы останемся вместе». С этими словами он стал невидимым. Дамиан понял, что это было явление от Бога, и послал за блаженным Феодосием. Когда тот пришел, то спросил его с веселым лицом: «Будет ли так, отче, как ты обещал?» Феодосий отвечал, что не знает, о каком обещании тот говорит. Дамиан рассказал ему происшедшее. Тогда Феодосий прослезился, поняв видение, и сказал ему: «Брат Дамиан, что обещал тебе ангел, явясь в моем образе, то будет тебе, — я же, грешный, как могу быть общником славы, уготованной праведнием?» Дамиан обрадовался, перецеловал созванную братию и предал с миром душу

свою пришедшим за нею ангелам. Память его празднуется 5 октября.

Иеремия, старец великий, помнивший Владимирово крещение Русской земли. Ему дарован был дар от Бога знать будущее и читать в мыслях человеческих. Он обличал многих втайне и учил беречься от диавола. Задумает брат какой оставить монастырь, он объявлял скрытное намерение, предсказывал доброе и худое, — и все сбывалось. Помнив крещение Владимира и живя при Феодосии, он скончался, вероятно, около 1070 г., следовательно, ему было 90 лет.

Матвей отличался даром прозорливости. «Однажды, рассказывал он, стою я в церкви на своем месте, взглянул на братию, поющую по обеим сторонам на клиросах, и вижу: бес в образе ляха, в луде, ходит вокруг с цветами, что называется лепок, — полные полы, — и бросает в монахов: к кому цветок прильнет, тот, постояв немного, уходит из церкви под каким-нибудь предлогом в келью и ложится спать; а от кого цветок отскакивал, тот стоит крепко, до окончания утрени». В другой раз после заутрени присел Матвей отдохнуть под билом, а келья его была далеко от церкви. Вдруг видит он толпу, идущую из монастырских ворот, а посередине один едет на свинье. «Куда вы?» спросил их старец. «За Михалем Толбековичем», отвечал бес, сидевший на свинье. Пришедши в свою келью, Матвей послал келейника спросить, в келье ли Михаил, и узнал, что он действительно ушел со столпья по заутрени. Много видений он имел и скончался в старости маститой, уже после Феодосия и Стефана, при преп. Никоне, вероятно, в 1088 году. Память его празднуется 3 октября.

Исаакий. Это был богатый торопецкий купец, именем Чернь. Задумав идти в монахи, он раздал свое имение нуждавшимся и в монастыри. Антоний принял его и нарек Исаакием.

«Он возымел житие крепкое» и надел на себя власяницу, потом велел купить козла и, сняв с него шкуру, покрылся ею, — волосами вверх, — которая на нем и высохла. Он водворился в пещере, в самой тесной келье, в 4 локтя, и беспрестанно молился там со слезами: пищей ему была просфора, и та через день, да немного воды. Пищу приносил ему сам Антоний и подавал через малое оконце, в которое едва могла пролезть рука. Так провел он семь лет, не выходя на свет Божий, не ложась спать на ребра, а засыпая, помалу, сидя.

Однажды, «наставшу вечеру», начал он кланяться и петь псалмы до полуночи, по обычаю; потрудясь, присел на одре своем и погасил свечу. Вдруг воссиял свет в пещере, как от солнца, и явились перед

ним двое прекрасных, светозарных юноши и поведали ему: «Христос идет к тебе, пав, поклонися ему». Он поклонился, позабыв положить на себя крестное знамение, и бесы воскликнули: «Наш еси Исаакий!» Вся кельица и вся улица печерская наполнилась бесами. «Возьмите сопели, бубны и гусли, сказал один от бесов, глаголемый Христос, пусть попляшет нам Исаакий». И ударили все в сопели, бубны и гусли, и начали играть. Надругавшись над ним, оставили его утомленного, еле живого, и исчезли.

Наутро Антоний принес для него хлеба к оконцу, по обычаю, и произнес: «Благослови Господи! отче Исаакие!» Ответа не было. Антоний подумал: «Се уже преставился», — послал за Феодосием и братиею. Откопали вход, вынесли Исаакия, как мертвого, и положили перед пещерой. Здесь увидели, что он жив, и Феодосий приписал его состояние бесовскому действу. Тело его положено на одр, и Антоний служил ему.

По удалении Антония к Святославу в Чернигов, вследствие гнева Изяслава, Феодосий взял Исаакия к себе в келью. Два года лежал он здесь расслабленный, не имея сил повернуться на бок, ни встать, ни сесть, черви заводились несколько раз под ним от мокроты и сырости. Глух и нем был Исаакий два года, не вкушал ни хлеба, ни воды, никакого брашна или овоща; Феодосий омывал и одевал его своими руками, творил молитву над ним день и ночь. На третье лето он «проглаголал» и начал слышать, поднялся на ноги и пошел, как младенец. Никак не хотел он идти в церковь, и только насильно приводили его туда. Феодосий начал водить его в трапезную, но сажал отдельно от братии. «Положите хлеб перед ним, велел игумен, но не кладите ему в руки; пусть сам ест». Неделю он не прикасался, а потом начал, оглядываясь, кушать хлеб, и выучился пить.

Исаакий опять возложил на себя потом жестокое воздержание. По кончине уже Феодосия, при Стефане, Исаакий сказал: «Ты прельстил меня, дьявол, сидящего на едином месте, так я не хочу запираться в пещере, а хочу победить тебя, ходя в монастыре». Он надел на себя власяницу, а сверху нее свиту витоляну, пришел помогать поварам, — и между тем начал юродствовать. К заутрени приходил прежде всех и стоял крепко, недвижимо; зимой во время лютых морозов он ходил в прабошнях и черевьях протоптанных, так что ноги примерзали у него к камню, но он стоял твердо до тех пор, как оканчивалась заутреня. По заутрени ходил в поварницу, готовил огонь, воду, дрова, пока соберутся прочие повара. Однажды повар,

тоже именем Исаакий, думая посмеяться над ним, сказал: «Вон сидит ворон черный, поди возьми его». Исаакий поклонился повару, пошел, и, взяв ворона в руки, принес. Все ужаснулись и поведали чудо игумену и братии, которые все начали чтить его особенно. Но Исаакию не хотелось славы человеческой: он начал пакостить то игумену, то братии, то мирским людям, ходя по миру и юродствуя, даже до побоев. Он поселился в прежней пещере Антониевой, собирал к себе молодых людей, одевал их в монашеское платье и получал за то раны от их родителей и упреки от игумена Никона; раны, наготу, стужу, днем и ночью, он все сносил терпеливо. Затопил он однажды печь в истобке у пещеры, разгорелась она, и начало выкидывать пламя углями: заложить ему было нечем, и он стал босыми ногами на пламя, пока оно не погасло. «Много рассказывают о нем, а иное видел я сам, говорит Нестор: совершенную власть приобрел он над бесами, как над мухами, и ни во что ставил их прельщенья и мечтанья. Часто приставали они к нему и твердили: „Ты наш, ты поклонился нам и нашему старейшине“. Он крестился, и бесы исчезали. Иногда они представлялись ему целым народом и кричали: „Раскопаем пещеру, загребем его“; другие кричали: „Беги, Исаакий, хотят загрести тебя!“ Иногда показывался в пещере лютый зверь, медведь, иногда приползали змеи, жабы, мыши и всякий гад. Исаакий крестился, творил молитву, и все исчезало. „Ну, Исаакий, ты победил нас“, сказали они ему, наконец, не сумев ничего сделать с ним». Три года, по его рассказу, продолжалась эта лютая брань. Наконец, он успокоился; пощение, воздержание, бдения стал исправлять по-прежнему. В этих подвигах он провел лет 20 после своего исцеления. Наконец, занемог и вынесен больной в монастырь, где на восьмой день скончался и погребен игуменом Иоанном с братьею, не прежде 1090 года. Память его празднуется 14 февраля.[10]

Моисей Угрин. Это был брат Георгия, отрока Бориса, который был убит вместе со своим князем, за золотую гривну, повешенную на его шее. Он один тогда спасся и бежал к Передславе, сестре Ярослава (1015). После разных превратностей, Болеслав храбрый, король польский, приходил на помощь к зятю своему Святополку, которому снова доставил стол киевский, победив Ярослава, и вернулся в ляхи (1019). Он увел с собой обеих сестер Ярослава и всех бояр, а с ними и

[10] Жития Дамиана, Иеремии, Матвея и Исаакия описаны Нестором в летописи. Большая часть следующих — Симоном и Поликарпом. Остальные жития составлены по другим источникам.

Моисея, скованного железом, под крепкой стражей. Моисей был красавец собой, и в Польше влюбилась в него одна знатная женщина, молодая и прекрасная, и пришла к нему с предложениями. Пленнику, обещала ему власть, богатство, почести. Моисей, девственник от рождения, никак не соглашался: «Не буди мне погубити труда своего пяти лет, что я несу в этих узах, терпя муки, чтоб избавиться от вечных мук». Влюбленная, она выкупила своего любимца за тысячу гривен серебра. Он облечен был в многоценные ризы, сладкие брашна предлагались ему в снедь, ласкам женским не было конца, а преподобный прилежал посту и молитве. Он предпочитал сухой хлеб и воду, с чистотою, сладким брашнам и вину, со скверною. Иосиф вырвался из руки своей прелестницы, оставив в ее руках сорочку, Моисей — всю одежду. Женщину охватила ярость. Она велела морить его голодом. Некоторые слуги смилостивились и подавали ему пищу, другие уговаривали его смягчиться и исполнить желание их госпожи: «Зачем ты не женишься? Она молода, прекрасна собою, жила с мужем только одно лето. Никакой князь не погнушается ею, а ты, пленник, и не хочешь быть ее господином. Из чего же ты мучишься? И Авраам был женат, и Исаак, и Иаков. Иосиф, отказавшись от жены Пентефрия, также женился и получил царство». «Не надо мне Египетского царства, отвечал Моисей советникам, не надо мне чести в ляшской земле, я ищу небесного царства и хочу идти в монахи, ежели избавлюсь от этого плена». Женщина не знала, что делать, истощив все средства, и лесть, и угрозу; велела посадить его на коня и водить по всем селам и городам своим. «Это все твое, говорила она ему, а жителям: вот ваш господин, а мне муж. Все встречные, кланяйтесь ему». Блаженный был глух и нем. «Я не отпущу тебя живого, твердила княгиня, я предам тебя мукам и велю казнить тебя, если ты не исполнишь моего желания». «Не боюсь ничего», отвечал воздержник, и, воспользовавшись случайной встречей с одним священником, шедшим со Святой горы, принял от него монашеский образ. Княгиня в гневе велела растянуть его по земле и бить палками. Кровью обагрилась земля. Слуги уговаривали блаженного изо всех сил. Ничто не помогало. Княгиня обратилась к Болеславу и просила его помощи. Король сам старался убедить юношу. Тот оставался твердым. Тогда Болеслав отдал его в полную власть княгине. Она велела положить его к себе на ложе, истощала все ласки, сжимая в своих объятиях; он оставался как будто мертвый. Тогда раздраженная женщина велела изувечить его и лишить

мужского образа. Блаженный претерпел все с радостью, хваля и славя Бога. Король вследствие этого случая велел изгнать всех чернецов из своих владений. Но Бог не оставил его без наказания. В одну ночь он скоропостижно умер, и произошел мятеж во всей земле Ляшской (1027). Супруга Изяславова, дочь Болеслава, напомнила об этом событии мужу, когда тот, прогневавшись на Печерскую обитель, за пострижение Варлаама и Ефрема, хотел разорить ее. Люди, восставшие в Польше, избили своих епископов и бояр. Тогда и княгиня была убита. Моисей, оправившись от ран, пришел в Печерский монастырь и поселился там. Господь даровал ему власть над страстями. Один брат просил у него помощи. Он ударил его своим посохом в лоно (по причине ран он не мог ходить без посоха), и внезапно помертвели у просившего члены.[11]

Никита, желая прославиться, просил позволения у игумена Никона затвориться. Никон сказал ему, что он молод: «Праздность для тебя вредна, лучше тебе поработать на братию; ты видел сам, как брат Исаакий прельщен был в затворе; благодатью только мог он спастись, и ею творит он теперь чудеса». «Нет, отвечал Никита, я никогда не соблазнюсь такой вещью. Я прошу у Бога, чтобы он подал мне дары чудотворения». «Выше силы прошение твое, возразил игумен, смотри, чтобы ты, восшед, не упал. Наше смирение велит служить тебе на братию, и ты увенчаешься за послушание». Юноша не послушался слов старца и сделал, что захотел, заложил за собою дверь и остался, не выходя. Но вскоре прельстил его диавол! Вдруг во время своего пения он слышит голос, молящийся с ним, и обоняет благоухание неизреченное. Никита перестал петь и думал: «Это ангел молился со мною, это Духа Святого благоухание». И начал он молиться прилежно: «Господи, явись ты мне Сам разумно, да вижу Тебя». Послышался голос: «Не явлюсь, — ты молод, — чтобы ты, вознесшися, не упал». Затворник отвечает со слезами: «Нет, нет, не прельщуся я, наученный своим игуменом, и исполню все, что ты мне повелишь». Бес же, «прием власть на юном», сказал: «Невозможно человеку во плоти видеть меня. И вот посылаю тебе ангела — пусть он остается с тобою, а ты волю его твори». И вдруг явился перед ним бес в образе ангельском. Монах поклонился ему. «Не молись, сказал

---

[11] Если, следуя патерикам и прологам, Моисей жил в монастыре десять лет, пять лет в плену и шесть лет страдал за чистоту, то он умер в 1037 году; в какой же пещере он жил, когда сам Антоний пришел туда после 1051 года и основал свою обитель? Мы думаем, что он жил в Варяжской пещере, прежде выкопанной, а в житии Печерский монастырь поставлен, вероятно, по ошибке, или он пришел в монастырь гораздо позже.

ему бес, а читай книги: в книгах ты будешь беседовать с Богом, и из книг будешь приходящим подавать полезные советы, а я буду молиться своему творцу о твоем спасении». Никита перестал молиться и предался чтению и поучению. Видя, как бес беспрестанно молится о нем, он радовался ангельской за себя молитве, беседовал с приходящими и начал пророчествовать. Слава о нем распространилась, и все дивились совершению его предсказаний. Никита послал сказать князю Изяславу: «Убит князь Глеб Святославич в Заволочье. Пошли скорее сына твоего Святополка на стол новгородский». Как он сказал, так и исполнилось: через некоторое время стала известной смерть Глеба. Затворник прослыл пророком; его слушались князья и бояре; бес, не имевший силы узнавать будущее, знал прошедшее, и внушал Никите, который рассказывал приходившим. Книгами ветхого завета никто не мог состязаться с Никитою: он знал их все наизусть: бытия, исхода, левит, числ, судей и царств, все пророчества и прочие книги, — но Евангелия, Апостола, книг святых, преданных нам в благодати на утверждение и исправление, Никита не хотел ни читать, ни видеть, ни слышать о них и беседовать. Все догадались, что он прельщен дьяволом. Преподобные мужи не могли оставить такого дела без своего участия. Они все собрались и пришли к Никите: Никон игумен, Иоанн, бывший по нем игуменом, Пимен постник, Матфий прозорливец, Исаакий святый печерник, Агапит лечец, Григорий чудотворец, Никола, бывший после епископом в Тмуторакани, Нестор летописец, Григорий творец канонов, Феоктист, бывший после епископом в Чернигове, Онисифор прозорливец. Они все вместе совершили молитвы и изгнали беса, который стал ему невидим. Отцы стали расспрашивать Никиту о Ветхом Завете. Он поклялся, что никогда не читал книг, которые прежде знал наизусть. Он не мог произнести ни единого слова и не понимал даже азбуки, — так что святые отцы должны были учить его грамоте.

После этого удивительного события Никита начал житие чистое, смиренное и послушное. О воздержании и говорить нечего. Он вознесся своими добродетелями и был поставлен епископом в Новгород, где молитвами своими сводил дождь с неба, погасил пожар в городе, а ныне причислен к лику святых. Память празднуется 30 января.

Алимпий отдан был родителями учиться к мастерам иконописцам, пришедшим из Царьграда при игумене Никоне. Будучи

свидетелем чуда, — летавшего святого Духа в церкви, — Алимпий «прием» иноческий образ. Изучившись искусству живописания, он трудился неусыпно, писал иконы и обновлял обветшавшие даром и в пользу нищих.

Принесен был в монастырь больной, прокаженный. Игумен велел напоить его «губою из кладезя» святого Феодосия и омыть голову и лицо. Больной не уверовал и «вскипел по всему телу гноем». Плача и сетуя, вернулся он в дом и вздумал идти через некоторое время к святому Алимпию и исповедаться в своем грехе. Инок похвалил его за раскаяние, взял вапницу[12] и замазал ему струпы шаровными вапами, украсил лицо на первое подобие, потом повел в церковь, приобщил святых тайн и велел умыться святой водой — все струпы мгновенно спали, и больной исцелился.

Некто христолюбец, из города Киева, поставил церковь и поручил двум чернецам заказать у Алимпия деисус и две местные иконы, предлагая плату, какую угодно. Чернцы взяли куны и не передали ничего Алимпию. Строитель спросил через некоторое время, готовы ли иконы, а чернцы отвечали, что Алимпий еще требует злата. Получили, истратили и опять стали просить. Строитель давал с радостью, говоря, что готов дать вдесятеро больше, лишь бы получить молитвы и дело рук Алимпиевых. Ему хотелось только увидеть иконы. Чернцы сказали, что Алимпий икон писать не хочет. Строитель пришел в монастырь. Игумен спросил Алимпия о причине неправды. Тот отвечал, что не знает, о чем его спрашивают. Игумен сказал, что он взял три цены за пять икон, — и велел позвать чернцов и принести иконные доски; чернцы утверждали, что Алимпий взял цену, а икон не написал. На принесенных же досках явились иконы весьма хитро написанные. «Богом написаны иконы», воскликнули все предстоявшие. Чернцы, обличенные в краже, были изгнаны из монастыря. Случилось сгореть церкви, в которой поставлены были те иконы. Иконы одни остались целы. Князь Владимир, услышав о таком чуде, послал икону Божией Матери в Ростов, в созданную им там церковь. Епископ Симон в послании своем к Акиндину свидетельствует, что во время ростовского пожара также икона эта среди пламени осталась невредимой, даже неопаленной.

Григорий пришел к Св. Феодосию, и от него был научен житию иноческому, в особенности нестяжанию, смирению и послушанию.

---

[12] Вап, вапно — краска, известка, всякое красильное вещество. *Прим. ред.*

Молитве прилежал он наиболее и приобрел победу над нечистыми духами. Но всяком пении он творил обыкновенно запретительные молитвы. «Далече от него, сущие, они вопили: о Григорие, ты гонишь нас своею молитвою». Тогда старый враг, «не могши ничем житию его спону (препону) сотворити», научил злых людей обокрасть его, а у него ничего не было, кроме книг. В одну ночь пришли к нему воры и остановились, выжидая, когда Григорий пойдет к заутрени. Григорий услышал их появление: он никогда не спал ночью, но пел и молился беспрестанно, стоя посередине кельи. «Господи, обратился он к Богу, подай сон рабом твоим, утрудившимся врагу угожающе», — и погрузились они в глубокий сон, спали беспробудно пять дней и пять ночей. Тогда Григорий созвал братию и разбудил спавших: «Долго ли вам спать здесь на стороже, сбираясь обокрасть меня? Расходитесь по домам». Проснувшись, они не могли приподняться, потому что «замерли» от голода. Григорий накормил и отпустил их. Властитель градский (посадник), узнав о происшедшем, определил татям наказание. Григорию стало жаль, что из-за него они подвергаются мукам. Он пошел к посаднику и дал ему книг, а татям испросил отпущение. Тогда, покаявшись, оставили они свои первые дела и предали себя в распоряжение Печерского монастыря. Несколько книг Григорий продал, чтобы не вводить никого в искушение. Был у него при келии огородец и несколько деревьев плодовых. Пришли другие воры, обобрали все, что можно было взять, и, взвалив себе на плечи, хотели унести, но не могли двинуться с места и стояли два дня, как вкопанные. «Григорий, воскликнули они наконец, виноваты, каемся и больше грешить не будем». Услышав крик пришли чернецы, но не могли свести их с места. «Когда вы пришли?» спросили их. «Вот уже два дня и две ночи мы стоим здесь». «Как же мы не видали вас, ходя здесь часто?» «И мы сами не видели вас, а то попросили бы отпустить. Изнемогши, уже мы начали кричать. Попросите о нас Григория». Григорий пришел и сказал им: «Всю свою жизнь провели вы в праздности, похищая чужие труды: так стойте и здесь до смерти без всякого дела; но если вы обещаете работать и помогать другим, то я вас отпущу». Они поклялись. Григорий произнес: «Благословен Господь Бог наш» — и они двинулись с места, остались служить Печерскому монастырю, возделывая огороды.

«Потомство их живет, я думаю, до сих пор там», говорит Поликарп.

Пришли три неизвестных человека к Григорию, намереваясь поглумиться над ним: «Вот друг наш, сказали они, осужденный на смерть. Постарайся избавить его от беды, дай, чем откупиться от смерти». Григорий опечалился и сказал: «Горе человеку сему, яко прииде час гибели его». «Если ты дашь что, отче, возразили они, то он не умрет». Им хотелось получить что-нибудь и разделить между собою. Григорий сказал: «Я дам, а он все-таки умрет», — и спросил их, на какую смерть он осужден. Те отвечали: «Быть повешенным на дереве». Григорий подтвердил: «Да, он будет повешен на дереве», — слез в погреб, где обыкновенно молился, чтобы ум не слыхал ничего земного, а очи не видели никакой суеты, вынес оттуда остальные свои книги и отдал пришедшим, чтобы искупить от казни осужденного. Они взяли книги и ушли, смеясь над ним. На ночь же вздумали они опять придти к Григорию и обобрать плодовые деревья. Пришли и заперли инока в погребе. Тот, которому Григорий сказал быть повешенным, влез на дерево и начал обрывать яблоки. Ветвь, за которую он держался, обломилась, и он упал. Летя, он зацепился полою за другую ветвь и удавился ожерельем. А прочие двое, между тем, испугавшись, бежали. Помочь было некому; Григорий был заперт в погребе, а братия находилась в церкви. Выйдя из церкви, они увидели человека висящего, удавленного, и ужаснулись. Отыскали Григория. Выйдя из погреба, он велел снять мертвого и сказал друзьям его, сюда же приведенным: «Вот как сбылась ваша мысль. Бог поруган не бывает. Если бы вы не заперли меня, я пришел бы и снял его с дерева, и он бы не умер». Те пали к ногам его и просили прощения. Григорий назначил им работы.

А вот как он скончался: князь Ростислав Всеволодович, отправляясь в поход на половцев, заехал в монастырь за благословением со своими отроками. Григорий спускался в то время с горы к Днепру за водой. Отроки начали ругаться над ним, «поносяще словеса срамные». Инок сказал им: «О дети мои, вам бы нужно было плакать о своей погибели и каяться в своих прегрешениях, молитвы за себя просить, потому что постигнул вас суд, — все вы погибнете в воде и с князем вашим, — вы злое творите!» Князь, услышав его пророчество в пустошь, закричал на него с гневом: «Мне ли ты пророчишь погибель от воды, мне, умеющему плавать», — и велел ему связать руки и ноги, навязать камень на шею и бросить в реку. Два дня искала его братия и не нашла. На третий день пришли в его келью, чтобы забрать его вещи,

и увидели его мертвого в келье, связанного, с камнем на шее; а лицо было светло, как у живого, — вся одежда его была еще мокра. Никто не приносил его, и двери были заперты. Братия вынесла его и погребла с честью в пещере. Многие годы оставалось оно целым и нетленным.

Ростислав в ярости не покаялся в грехе, не пошел в монастырь и не принял благословения. В сражении под Триполем русские войска были разбиты; несчастный сын Всеволода, в бегстве, переплывая реку, утонул со всеми своими, по слову блаженного Григория. Память 8 января.

Агапит, киевлянин, постриженный при Антонии, был часто свидетелем, как больные, приносимые к святому отшельнику, были исцеляемы от его пищи, под видом врачебного зелия. Следуя своему учителю, он начал ходить сам за больной братьею. Если случится кому занемочь, Агапит служил ему, поднимал и клал его, выносил на своих руках; продолжится долго болезнь, — преподобный не оставлял больного и молился о нем беспрестанно, до тех пор, пока тот выздоравливал. Бог послал ему дар исцеления, и в монастыре получил он прозвание: Лечец. Из города, когда распространилась молва о его чудесном даровании, часто приносили к нему больных, и те получали исцеление. Славился тогда в Киеве врачеваньем один армянин, который, взглянув на больного, предсказывал ему верно исход болезни, назначал даже день и час смерти. И никогда не изменялось слово его, никогда не вставал такой больной. Так, назначил он умереть через восемь дней первому боярину князя Всеволода. Блаженный Агапит дал ему от своей пищи, помолился, и боярин выздоровел. Слово промчалось об Агапите по всей Русской земле. Армянин исполнился зависти: он послал одного осужденного на смерть, дав ему смертного зелия, чтобы тот умер перед глазами Агапита. Блаженный подал ему монастырской пищи, помолился, и преступник избавился от смерти его молитвой. Армянин, посредством своих «тожеверников», хочет уморить монаха смертным зельем: тот пьет, и остается без вреда. Занемог князь Владимир Всеволодович Мономах в Чернигове. Армянин лечил его, но без всякой пользы. Болезнь усиливалась, и он, видимо, приближался к концу. Тогда послал он к игумену Ивану с просьбой прислать к нему Агапита. Игумен велел иноку идти в Чернигов. «Нет, отвечал блаженный, если я пойду к князю, то должен буду и ко всем ходить; не могу я для человеческой славы отойти от врат монастырских: я

произнес обет оставаться здесь до последнего издыхания; если ты изгонишь меня, я отойду в другую сторону и возвращусь сюда, когда минует это дело». Посол княжий, увидя, что инок никак не соглашается идти, просил его, чтобы дал, по крайней мере, зелье. По приказанию игумена он дал зелья от своей пищи, и князь, вкусив от нее, тотчас выздоровел.

Впоследствии Владимир, придя в Киев, посетил монастырь Печерский и желал почтить монаха, даровавшего ему исцеление. До тех пор князь никогда не видел его. Много богатства приготовлено было для награды, но Агапит скрылся, и князь должен был передать все принесенное игумену. После прислал он еще к блаженному одного из своих бояр со многими дарами: тот застал его в келье и положил перед ним гостинцы. Инок отвечал: «Сын мой, никогда ни от кого я не брал ничего, теперь ли лишуся мзды своея ради злата». Боярин отвечал: «Пославший меня знает, что ты не требуешь ничего; но ради меня, утешь сына своего, которому даровал здравие. Возьми это и раздай нищим». «С радостью принимаю, отвечал схимник, для тебя; скажи же пославшему, чтобы все чужое он раздавал требующим. Для того и избавил его Господь от смерти. Я же, без помощи Божией, не успел бы ничего. Ослушание может навлечь такое же страдание». С этими словами Агапит вынес из кельи все принесенное и бросил за воротами, а сам скрылся. Боярин увидел свои дары, собрал их и передал игумену, а князю рассказал о происшедшем. Князь, в исполнение слова блаженного, стал раздавать свое имение просящим и требующим.

Занемог, наконец, и сам Агапит. Армянин пришел навестить его и завел речь с ним о врачебной хитрости: «Каким зельем, спросил его, лечится сей недуг?» «Тем, которым Бог подает здравие». Армянин посмеялся его невежеству, назвал его перед своими неучем, и потом, взяв за руку, сказал, что он умрет на третий день. «Это истина, а если же не умрет, и изменится слово мое, то я сам постригусь в монахи». Агапит услышал с радостью этот обет и сказал ему: «Это ли твоего врачеванья разум, что ты смерть мне предвещаешь, а помощи подать не можешь: если ты хитр гораздо, то дай мне живот; но на это у тебя нет силы, — так нечего тебе осуждать меня и на смерть через три дня: меня известил Господь Бог, что я умру в третий месяц». Армянин стоял на своем, потому что преподобный болел ужасно и не мог двинуться. Между тем, принесен был больной из Киева. Агапит встал, как будто и не был болен, взял

зелье и показал армянину. Тот отвечал: «Это не из наших зелий, должно быть, принесено из Александрии». Агапит посмеялся его невежеству, дал больному своего зелья и отпустил его, здравого. «Сын мой, сказал он армянину, не жалуйся, что мы накормить тебя не можем: у нас, бедных, нет ничего. Покушай моего зелия». Армянин отвечал, что в этом месяце у них пост три дня. «Кто же ты таков? спросил его Агапит, и какой ты веры?» «Разве ты не слыхал, что я армянин?» «Как же ты смел придти ко мне, осквернить мою келью и держать меня за руку? Изыди от меня, нечестивый». Через три месяца блаженный скончался после краткой болезни. Армянин пришел и просил пострижения, рассказывая, что ему явился Агапит и напомнил произнесенный им обет. «Я уверен, сказал новообращенный, что он мог бы жить во век, если бы захотел. Я думал, что он умрет на третий день, а он возразил мне — на третий месяц; если бы я сказал на третий месяц, то он прожил бы три года. Он жив и по смерти. Господь, взяв его, даровал ему вечный живот; верно, по своей воле он оставил нас, желая небесного царства». Армянин постригся в Печерском монастыре и окончил жизнь свою в добром исповедании. Память празднуется 1 июня.

Герман, епископ новгородский, рукоположен в 1078 г., преставился в Киеве в 1096 г. Ему приписывается основание монастыря в Киеве (Германечь) Спасского.

Евстратий, киевлянин, богатый человек, раздал все свое имение бедным и пришел к Антонию, прося его «постричи». Он наложил на себя строгий пост и постился 40 дней, пребывая в монастыре, от чего и прозван постником. Половцы пленили его со многими другими монастырскими людьми (1096). В плену продан он был херсонскому жиду и принуждаем оставить веру Христову. Он не соглашался и наставлял товарищей бедствия крепиться, несмотря на голод и жажду. Все послушались его и умерли, кто через три дня, кто через четыре, а самые сильные через неделю, числом 30 от монастырской челяди, и 20 из Киева. Через 14 дней остался один Евстратий, постник с младых ногтей. Жид, почитая его виной своих убытков, воспылал гневом, и при наступлении Пасхи Христовой, велел пригвоздить его ко кресту. Висевший, Евстратий был жив 15 дней. Жиды приступали к нему, веля вкусить от их пищи. Он неумолчно славил Господа и произносил проклятие убийцам. Жидовин, услышав, что распятый поносит его, взял копье и пронзил его, и так блаженный предал душу свою.

Симон сообщает предание о видении: явилась колесница огненная, запряженная конями огненными. Душа преподобного понеслась, и глас послышался по-гречески: «сей добрый града небесного житель», почему и прозван был простратором.

В тот самый день последовало гонение на жидов, поселенных в царстве Корсунском, за вероломство одного из них, служившего царю епархом. Мучитель Евстратиев был повешен.

Тело блаженного, брошенное в море, производило многие чудеса. Некоторые жиды, пораженные этими чудесами, приняли святое крещение. Привезенное в Киев верующими, оно почивает в пещерах Св. Антония. Память празднуется 28 марта.

Никон. Он также был взят в плен половцами. Пришел после к ним один и хотел его выкупить. Никон не согласился. Киевлянин, возвратившись, сообщил известие о нем его родным, которые отправились к половцам сами с большим выкупом. Никон отказался также: «Если бы Господь хотел свободна меня иметь, то не предал бы в руки врагам. Благая восприял я от него, злых ли не потерплю». Родные ушли с укоризной. Половцы, видя свои лишения, начали мучить инока, в продолжение трех лет: клали на огонь, резали ножами, оставляли нагого в оковах лежать на солнце, не давали есть по два и по три дня, зимой держали на снегу, требуя выкупа. Никон сказал им, что избавится скоро из рук их, прияв извещение, и на третий день будет в своем монастыре. Половчин подумал, что он бежать хочет, подрезал ему мышцы и велел стеречь крепко. На третий день, действительно, половцам беседующим, в оружии, Никон внезапно стал невидим, и послышался голос: «Хвалите Господа с небес». Блаженный пренесен был в Печерскую церковь, во время священнослужения, при пении причастного стиха. Собравшиеся спрашивали, когда он пришел. Никон хотел скрыть чудо, но кровь еще капала из ран, на руках и ногах висели железы, из ран точился гной. Он должен был открыть истину, но не хотел снять с себя оков, пока, наконец, игумен не убедил его: «если бы Бог хотел иметь тебя в нужде, то не извел бы из рабства». Железо было употреблено на укрепление алтаря церковного.

Через некоторое время пришел в Киев договариваться тот половчин о мире, что держал Никона у себя в плену. Увидев его в монастыре, он удивился и рассказал монахам все происходившее. Он уже не возвратился на родину, а принял в Киеве святое крещение со всем родом своим, и потом постригся в монахи. В монастыре он

начал служить своему бывшему пленнику, и после смерти оба они были положены вместе в одном притворе.

Этот половчин рассказывал еще, что дома, находясь при смерти, больной, он велел было жене и детям распять своего пленника, а тот, прозря его обращение, помолился о нем и исцелил его от болезни.

Никон прозывался сухим, потому что весь иссох от истечения крови и сгнил от ран. Память его празднуется 11 декабря.[13]

Феодор, оставив все мирское и раздав свое богатство нищим, пришел в монастырь. Повелением игумена ему было определено жить в пещере Варяжской. Там он жил много лет во всяком воздержании. Вдруг враг внушил ему «стужение имения ради розданного». На него напал страх, что станется с ним, если проживет он долго, и ему не по силам будет довольствоваться монастырской пищей — чем ему тогда содержаться? И стал он раскаиваться, зачем раздал свое имение. Некто, друг его, по имени Василий, всячески старался удерживать его от ропота, чтобы не погубил души своей, и предлагал ему все, что сам имеет, рассказывая о случаях страшного наказания за раскаяние в милостыне. Феодор благодарил его за советы, почувствовал свой грех и старался забыть свои опасения. С тех пор он еще более подружился с Василием, и «добре сияющему в заповедях Господних, и к тому угодная совершающу, велика язва бысть диаволу», который придумал новое прельщение. Василию случилось отлучиться по приказанию игумена, враг принял его образ и завел сначала с Феодором разговор душеспасительный: «Как сияешь ты, перестал ли сожалеть о своем имении, или еще пакости творит тебе враг, принося памяти прошедшее?» Феодор отвечал, что, благодаря его наставлению и молитвам, он спокоен теперь духом и не слушает бесовских шептаний. Но в ответе своем он не упомянул имени Божия, и «диавол, приим дерзновение нань», подал ему совет для большего себе утверждения просить у Бога злата и сребра, чтобы раздавать в милостыню. И видит потом во сне Феодор, что ангел светлый и чистый указывает ему место сокровищ. Сон этот возвращался к нему несколько раз. Через некоторое время нашел он показанное место, начал копать и достал множество золота, серебра и сосудов многоценных. Бес пришел тогда к Феодору в образе брата и спросил его, где сокровища, им найденные, о которых он слышал от являвшегося. Так спрашивал его явно, а втайне внушал мысль не

[13] Кончину его преп. Филарет полагает около 1181 года.

открывать места, взять золото и уйти в иную страну. Бес продолжал: «Ты можешь поступить теперь с богатством, куда угодно». Печерник отвечал: «Я просил богатства у Бога, чтобы раздать все в милостыню, для того лишь и дал мне его Бог». «Смотри, брат Феодор, чтобы враг опять не возмутил твоей души: не лучше ли тебе отойти в другую сторону, накупить сел, — везде можно спастись и избегнуть бесовских козней, а после смерти завещать на память по усмотрению». Феодор возразил, что он произнес обет остаться на всю жизнь в монастыре, и ему стыдно «бегуном явиться». Можно исполнить все и здесь. «Нет, говорит бес, здесь ты не можешь утаить сокровища, оно огласится, и будет у тебя отнято. Послушайся меня, если бы то не было угодно Богу, то не дал бы он тебе ничего, ни мне известил». Тогда печерник поверил и начал готовить возы и ларцы, чтобы оставить монастырь и идти, куда укажет бес.

В это время вернулся Василий по исполнении поручений игумена и пришел навестить брата. «Как ты живешь?» спросил его. Феодор удивился такому вопросу, потому что видел его вчера и третьего дня и внимал его наставлениям. Что это такое — бесовское привидение? «Перестань смущать мою душу, говоря ныне одно, а завтра другое: чему же мне верить», и прогнал его с сердцем. Василий ушел. А бес явился и сказал: «Враг погубил тебе ум; не помяну досады, что нанес мне ночью, и пришел сказать тебе еще: ныне же ступай из монастыря, забрав все свое». С наступлением утра пришел к нему Василий в сопровождении трех иноков, которые засвидетельствовали Феодору, что три месяца был он в отсутствии. Стало явно, что все прежнее было диавольское действо. Иноки посоветовали Феодору, чтобы он заставил придущего сотворить молитву. «Вот ты и увидишь, что это бес». Отцы прочли запретительные молитвы и ушли, утвердив печерника. Бес не смел более показаться к Феодору, который всех приходивших к нему заставлял молиться. Он выкопал глубокую яму, положил туда все найденные сокровища и засыпал землей. Сам же обрек себя на работу, поставил в пещере жернова, брал пшеницу из сусека и молол своими руками, проводя ночи без сна, в труде и молитве. Поутру относил муку в сусек и брал новое жито, в облегчение рабам. Беспрестанно молился он, чтобы Бог отнял у него память сребролюбия, — и Господь освободил его от этой страсти, так что и мысль о серебре или золоте не приходила ему в голову. Послал к нему келарь жита, привезенного из села, многое множество, веля ссыпать у себя в сосуды, чтобы не ходить всякий день в сусек.

Феодор молился, поя псалтирь наизусть, и, устав, прилег отдохнуть. Вдруг загремел гром, и жернова сами начали молоть. Поняв бесовское действие, блаженный встал и сотворил молитву, запрещая бесу действия. Бес же не слушался. Тогда Феодор сказал: «Так мели же до конца, поработай и ты на святую братию». Произнеся повеление, он стал на молитву. Бес уже не смел ослушаться и измолол все жито до света. Феодор возвестил келарю, чтобы прислал за мукой. Тот удивился, как можно в одну ночь перемолоть столько жита.

Феодор вздумал поставить себе келью на старом дворе, а Василий поселиться в пещере. Монастырь был тогда сожжен, и привезено было по Днепру много леса плотами для церкви и для келий. Наняты работники возить лес на гору. Феодор не хотел быть другим в тягость и начал сам на себе носить дрова. Бесы, назло ему, начали скидывать с горы все, им приносимое, желая прогнать блаженного. Феодор сказал: «Господь Бог наш, повелевший вам в свиния внити, велит вы, мною, рабом своим, весь лес снизу перенести на верх». В ту же ночь перетаскали бесы весь лес от Днепра на гору, так что внизу не осталось ни полена, и работники, встав поутру, изумились, не найдя ничего на берегу, а на горе все уложено было по порядку, куда что принадлежит, для крыши, для помоста, и прочее. Все удивились такому чуду ради святых Антония и Феодосия; а бесы «возъярились, уничижаемые и посрамляемые» святыми угодниками: они возбудили работников, которые начали просить за провоз с блаженного: «Мы не знаем, какой кознью велел ты этому дереву на горе быти». И неправедный судия присудил Феодора удовлетворить извозников: «Пусть помогут бесы, что тебе служат».

Был у князя один боярин, свирепый и злобный. Бес явился к нему под видом Василия, ему знакомого, и сообщил, что «Феодор, занимавший прежде мою-де пещеру, нашел там множество золота, серебра и сосудов многоценных. Он хотел бежать со своей находкой, но я удержал его, и вот он ныне юродствует: заставляет бесов муку молоть, дрова с берега носить, а сокровища до времени скрыл, чтобы украдкой уйти от меня, куда задумал». Боярин повел мнимого Василия к князю Мстиславу Святополковичу, которому тот и поверил свой рассказ, еще с прибавлением: «Спросите и все получите, если не будет отдавать, погрозите ранами и муками, призовите меня в свидетели, и я укажу самое место».

На другой день князь выехал в монастырь со многими людьми,

как будто на войну или охоту, «вынял» преподобного Феодора и привез его к себе на дом. Здесь начал расспрашивать его о сокровище с лаской: «Открой мне, говорил он, и мы поделимся с тобой. Ты будешь отец мне и моему отцу». Святополк был тогда в Турове. Феодор отвечал, что это правда, и что сокровище лежит до сих пор в пещере. Князь спросил: «Много ли золота, отче, и серебра, и кем оно положено туда, как слышно?» «Писано в житии святого отца нашего Антония о поклаже Варяжской; так, должно быть, и есть, ибо сосуды все латинские, и пещера зовется до сих пор Варяжской. Золота и серебра без числа много». Князь сказал: «Дай мне, сыну твоему, а себе оставь, сколько хочешь». «Вы сему работаете, а мне ничего не надо, отвечал Феодор, я сказал тебе все, и больше ничего не знаю: я позабыл, где закопал сокровище». Князь запылал гневом: «Заключите в оковы чернеца, по рукам и ногам, не давайте ему три дня ни хлеба, ни воды». Через три дня повторился тот же ответ: не знаю, где скрыл. Князь велел мучить Феодора, так что власяница пропиталась кровью, потом повесить «в дыме велице» и привязать, и, наконец, развести под ним огонь. Все удивились терпению мужа, пребывавшего в пламени, как в росе, огонь не коснулся его власяницы, и один из слуг донес князю о чуде. Князь испугался и сказал иноку: «Напрасно ты губишь себя, удерживая сокровище, которое принадлежит нам». Феодор отвечал: «Молитвою брата моего Василия спасен я был тогда, когда нашел сокровище, Господь взял от меня память сребролюбия, и я забыл, куда положил найденное».

Приведен был из монастыря насильно Василий. Мстислав сказал ему: «Я все сделал сему злому, что ты велел мне; теперь тебя хочу я иметь отцом себе. Скажи, где зарыто сокровище?» «Что я велел тебе?» спросил Василий. Князь рассказал, что у него было с Феодором. «Нет, это козни диавола, который прельстил тебя, оболгал святого мужа и меня. От роду я не видел тебя; я пятнадцать лет не выходил из пещеры». Стоявшие рядом слуги свидетельствовали, что при них он рассказывал князю о скрытом сокровище. Василий сказал: «Всех вас прельстил бес, я не видывал никогда ни вас, ни вашего князя». Князь, рассердившись, велел и Василия предать тем же мукам. Буйный от вина, он взял стрелу и пустил ее сам в Василия. На ночь велел он обоих иноков заключить порознь, а наутро возобновить пытки. Но в ночь они оба скончались. Братия, узнав об их кончине, пришла, взяла их тела и погребла честно в пещере Варяжской, где они провели всю свою жизнь. Кровавая власяница, которую огонь

постыдился предать тлению, с них не была снята, «и я думаю, говорит епископ Симон, что она до сих пор цела».

Немного спустя, сам Мстислав, на войне с Давыдом Игоревичем, был застрелен во Владимире под пазуху той стрелой, которой он поразил Василия, и перед смертью сознался: «Умираю за святого мужа».

Марко и Феофил. Марко жил всегда в пещере и выкопал там многие места, вынося землю днем и ночью на своих плечах; он выкопал много могил и для погребения братии без всякого вознаграждения. Кто сам давал ему что, то отдавал он неимущим.

При нем Феодосий перенесен был из пещеры в великую церковь.

Однажды изнемог он от труда, копая, и оставил место узкое и недостаточно расширенное. Между тем, случилось умереть одному от братии, и принесен он был туда для погребения. Едва с трудом можно было уложить покойника. Монахи возроптали, не имея возможности облачить его и возлить на него масло по причине тесноты. Печерник поклонился им смиренно, прося прощения в том, что не успел закончить могилы. Они стали кричать на него еще больше. Тогда Марко сказал покойнику: «Брат, тесно тебе, покрепись, и, взяв масло, возлей на себя». Мертвый протянул руку, и, приподнявшись немного, взял масло и возлил на себя крестом, на лице и на перси, опрятался перед всеми и почил. Монахи объяты были ужасом.

Умер другой инок; друг его пришел в пещеру осмотреть место, где положить любимого, и спросил Марка. Тот отвечал: «Иди, брат, и скажи умершему, чтобы он подождал до утра, пока я приготовлю ему место». «Отче Марко, возразил пришедший, я уже отер губою труп: кому же велишь ты мне говорить?» Марко: «Ты видишь, что могила не готова, поди и скажи покойнику — говорит тебе грешный Марко, чтобы ты пожил еще день и умер поутру, пока я откопаю могилу в положение и пришлю за тобою». Посланный вернулся в монастырь. Братия совершала обычное пение. Он подошел к покойнику и сказал: «Марко велел тебе сказать, что места нет: пожди до утра». Все удивились такому слову, но мертвый прозрел, и дух его вернулся в тело; он прожил весь день и ночь, имея открытые глаза и не произнося ни единого слова. Поутру приходивший брат пошел опять в пещеру, и Марко велел ему сказать ожившему: «Место готово для приятия тела твоего, оставь временный живот свой и прейди на вечный, отдай свой дух, а тело ляжет со святыми отцами». Так

передал посланный ожившему, и в тот же миг смежились его очи перед всеми братьями, пришедшими посетить его.

Были два брата в монастыре, соединенные в юности узами дружбы. Они просили Марка приготовить им одно общее место, где бы они могли быть положены вместе, когда Богу будет угодно призвать их к себе. Через некоторое время старший брат, Феофил, должен был куда-то отлучиться; младший в его отсутствие разболелся, умер и был положен в приготовленном месте. Феофил, возвратившись, хотел поклониться его гробу и пошел в пещеру вместе с некоторыми приглашенными братьями. Увидев брата, положенного на высшем месте, рассердился и выговорил Марку, зачем младшего брата положил на его месте. Печерник, муж смиренный, поклонился ему и попросил у него прощения, а потом, обратившись к умершему, назвал его по имени и сказал: «Встань, брат, и уступи место старшему брату, а сам ляг на низшем месте». В тот же миг мертвый встал и лег в указанном месте, перед всеми присутствовавшими, и «бысть видети чудо грозно и полно ужасти». Тогда брат, негодовавший и роптавший на блаженного, припав к стопам его, сказал: «Отче, согрешил, подвигнув брата с места, молю тебя — вели ему лечь на прежнее место». Марко отвечал: «Господь отъял вражду между нами, и се сотворил прещения твоего ради, чтобы ты по век не сохранил зла на меня. Мертвеца восставлять — Божье дело, а я человек грешен: я не могу сказать умершему: встань и ляг опять на высшем месте. Тело бездушное показало любовь свою к тебе, предоставляя тебе старейшинство. Ты в сей час положен бы был здесь, но ты не готов, — иди и попекись о своей душе. Через короткое время ты будешь принесен сюда». Феофил огорчился и испугался «страшных ради словес» Марковых, чтобы не умереть тут же, не дойдя до монастыря.

Возвратившись в свою келью, он облился горькими слезами, раздал все свое имение до последней сорочки, оставив себе свиту и единую мантию. Беспрестанно ожидал он себе дня и часа смертного; никто не мог его утешить и удержать от горького плача, никто не мог принудить вкусить от пищи. Утром он говорил: «Не знаю, доживу ли до вечера»; приходила ночь, он говорил, плачущий: «Доживу ли я до света: блаженный Марко сказал мне, что вскоре я умереть должен». Так молился он Богу со слезами, чтобы даровал ему время покаяния. В таком ожидании, не евши и не пивши, среди слез и молитвы, так изнурил он плоть свою, что можно было сосчитать его суставы. Кто

ни хотел утешить его, тот подвигал только на больший плач и большее рыдание. Феофил ослеп, наконец, от слез, и продолжал свою праведную жизнь, угождая Богу великим воздержанием. Перед кончиною прислал за ним Марко. «Брат, сказал ему печерник, прости меня, я огорчил тебя на многое время, вот пришла и моя смерть. Помолись обо мне. Если я прииму дерзновение у Господа, но забуду тебя, да сподобит нас Бог там увидеться и обрестися вместе с отцами нашими, Антонием и Феодосием». Феофил отвечал ему с плачем: «Отче Марко, зачем оставляешь ты меня, или возьми с собой, или даруй мне прозрение». Марко сказал: «Не тужи, ты ослеп очами телесными, но прозрел душевными на разум; я был виной твоего ослепления, желая пользу сотворить душе твоей, высокий твой разум привести на смирение; сердца сокрушенна и смиренна Бог не уничижит». Феофил продолжал просить смерти или прозрения. «Не нужно тебе видеть этого временного света, сказал Марко, проси Бога, чтобы дал тебе там узреть славу его, смерти не желай, она придет, если бы и не захотел когда. Вот тебе знамение твоего отшествия: ты прозришь за три дня до кончины».

Марко скончался и был положен в пещере, которую выкопал сам. Феофил начал плакать еще сильнее по разлуке с отцом. Был у него сосуд, и он ставил его перед собой, когда на молитве показывались у него слезы. Весь сосуд наполнился слезами его, в ожидании кончины, предсказанной Марком, кончины о Бозе, как он стал надеяться по слову блаженного. И стали слезы его быть приятны Богу. Вдруг является перед ним какое-то прекрасное существо и говорит ему: «Что ты хвалишься о тщете слезной, вот сосуд, больше твоего, исполненный благоухания, яко миро добровонное. Здесь твои же слезы, излиянные на молитве к Богу, отертые ризой или убрусцем и упавшие на землю от твоих очей. Они все собраны по повелению Божию, и я послал подать тебе радость, чтобы отошел ты в землю с весельем. Блаженны плачущие, яко тии утешатся». «Сие рек невидим бысть».

Феофил призвал игумена, поведал ему явление ангельское и показал два сосуда со слезами; один, исполненный ароматов, велел он излиять на тело свое. Когда он скончался, тело его было положено близ Маркова и помазано из сосуда ангельского; вся пещера наполнилась тогда благоухания. «Слезный сосуд излиян над ним, да сеявый слезами радостью пожнет». Память его празднуется 29 декабря.

Прохор черноризец. Великий князь Святополк Изяславич, княжа в Киеве, много сотворил насилия, искоренил немало домов без вины, отнял имения, за что и попустил Бог неприятелям иметь над ним силу. К набегам половецким присоединились усобицы, и, наконец, голод. Вследствие чего «скудота» распространилась по всей Русской земле.

В те дни пришел из Смоленска к игумену Иоанну человек некий, которого тот постриг и наименовал Прохором.

Этот Прохор стал славен своим воздержанием: он не вкушал даже хлеба, не употреблял никаких овощей, но собирал лебеду, растирал своими руками и пек из нее себе хлеб. Питьем была вода. Обыкновенно он заготовлял себе лебеды на год, обещая всю свою жизнь не есть хлеба, отчего и был прозван лебедником. Нашествия врагов он не боялся, потому что он, как птица, не имел ни житницы, ни села, ничего, кроме лебеды. Он всегда был весел, всегда радовался, ходил по полям непаханным и приносил на своих плечах в монастырь свою жатву, несеянную пищу, готовил себе «кормлю». Когда распространился по земле голод, Прохор еще прилежнее стал ходить по полям и собирать лебеду для себя и для домашних. Много труда прибавилось ему тогда. Он растирал лебеду своими руками, пек хлебы и раздавал умиравшим от голода. С радостью принимали из рук его эти черные хлебы. Как будто бы с медом казались они им. Настоящему хлебу не были так рады, как этому печенью: светел, чист и сладок был этот хлеб. Один из братии хотел украсть у него хлеба, по краденый хлеб оказывался горьким без меры: невозможно было куска проглотить. Несколько раз повторилось это явление. Стыдно было ему признаться перед святым мужем, а между тем он умирал от голода и открылся игумену Иоанну. Игумен не поверил и велел другому брату сделать то же. Так случилось и с другим. Игумен послал к Прохору попросить одного хлеба, а другой велел украсть. Краденый оказался землей, и горьким, как полынь, а принятый из рук Прохора сладок, как мед. Чудо ославилось, и много алчущих было насыщено преподобным.

Во время войны из-за ослепления Василька, когда галицкие князья не пустили гостей из Галича и ладей из Перемышля, — не стало соли во всей Русской земле, и люди томились без хлеба и соли. Прохор собрал тогда золу из всех келий, «никому не сведущу», и зола обращалась у него в чистую соль. Не только в монастыре не было недостатка в соли, но и приходящие получали от него столько,

сколько угодно, без всякой платы. Чем больше раздавал он, тем количество ее у него умножалось. Купцы вознегодовали, надеясь своей солью приобрести себе богатство, залучить к себе все деньги: прежде давали они только по две головажни за куну, а теперь и десяти от них никто не брал. Они пожаловались Святополку на Прохора за свои убытки. Святополк сам вздумал торговать солью и велел отнять ее у Прохора. Соль привезли, но она оказалась золой. Князь велел беречь ее три дня. Посмотрели через три дня и опять увидели ту же золу. А бедные, приходившие просить соли у Прохора, горько сожалели, что соль у него была отнята. «Соль мою высыпят вон у князя, а вы подбирайте ее», велел им Прохор. Так, действительно, и случилось: через три дня князь велел выбросить воинам золу, и она очутилась солью в руках бедных жителей, подобравших ее. Князь ужаснулся этому явлению, совершившимся на глазах всего города. Он велел разыскать дело и услышал подробности о чудесах Прохора с лебедой и золой, устыдился своих действий и отправился в монастырь принести покаяние игумену Иоанну, которого прежде гнал. Святополк даже заточал его в Турове, в гневе за его обличения в корыстолюбии, и только вследствие ходатайства Владимира Мономаха возвратил на его место. Теперь он совершенно изменился и обрел великую любовь к Печерскому монастырю, святым отцам Антонию и Феодосию, и начал особенно почитать Прохора. Прохор взял с него слово не творить более насилия никому. «Если по Божией воле, сказал князь иноку, я умру прежде тебя, то ты своими руками положи меня в гроб, да сим беззлобие твое на мне явится; если ты скончаешься прежде меня, то я приду в монастырь, и на плечах своих отнесу тебя в пещеру, да простит меня Господь Бог о сотворенном грехе».

Прохор занемог и послал звать к себе Святополка, собиравшегося на войну: «Приди, исполни свое слово и положи меня во гроб, да приимешь отдание от Господа. Больше пользы получишь ты, придя ко мне, чем идучи на войну». Святополк распустил войско и пришел к умирающему иноку. Тот поучил князя о милостыне, о будущем суде, о вечной жизни, о бесконечной муке, произнеся ему прощение и благословение, перецеловал всех его спутников, поднял руки и испустил дух. Князь взял тело, положил в гроб и отнес на своих плечах в пещеру. После погребения отправился на войну и одержал великую победу над половцами, как предрекал блаженный. С тех пор Святополк всегда, отправляясь на войну или на охоту, приходил в

Печерский монастырь поклониться Пресвятой Богородице и святому Феодосию и ходил в пещеру к святым Антонию и Прохору, о чудесах которого любил всегда рассказывать.

Пимен был болен от рождения, и потому остался чистым от всякой скверны. Много раз просил он у отца и матери позволения постричься в монахи, но они не соглашались, желая иметь его при себе наследником. Наконец, когда не осталось никакой надежды к его выздоровлению, они решили отнести его в Печерский монастырь. Там поручили они его молитвам святых отцов, и святые отцы много трудились, молясь за больного, но тщетно; не их была услышана молитва, а больного, который просил продолжения болезни, для того, чтобы выздоровев не был взят он из монастыря родителями, которые не покидали его и в келье. Больше всего молился он о пострижении.

В одну ночь явились у него в келье несколько юношей, неся с собою евангелие, свиту, мантию, куколь, все, нужное для пострижения, и спросили его: «Хочешь ли — мы пострижем тебя?» Пимен отвечал: «С радостью». Они начали спрашивать его по уставу, пропели все гласы, совершили весь обряд, и облекли в схиму. Потом перецеловали его, и, наименовав Пименом, подали ему свечу. «Сорок дней не погаснет эта свеча», сказали они ему. С этими словами они отошли и положили снятые волосы на гроб святого Феодосия. Братия по кельям слышала пение, и, разбудив спавших около, пошли к больному: они подумали, что игумен постригает больного, либо что он уже скончался. Отец Пимена, мать, их рабы, все спали на своих местах. Вместе вошли они к Пимену в его келью. Келья наполнена была благоуханием. Сам он встретил их веселый и радостный, облеченный в одежду мнишескую, державший в руке свечу. «Что с тобой случилось, спрашивали они, мы услышали пение, кто постриг тебя, родители ничего не знают». «Я думал, отвечал он, что меня постриг игумен с братьею и дал мне имя Пимена. Они все пели, — вот и свеча, мне данная, которая должна гореть до сорока дней, а волосы мои отнесены в церковь». Иноки пошли и нашли церковь запертой, разбудили пономаря и спросили его, кто входил в церковь после вечерни. Пономарь отвечал, что не входил никто, и ключи у полатника. Когда отперта была церковь, они увидели волосы в убрусе на гробе Св. Феодосия, искали постригших, и никого не оказалось.

Тогда братии стало ясно, что это Божий промысл, что Бог присылал ангелов Своих или святых сотворить пострижение. Обсуждая происшествие, они рассуждали — вменить ли оное в

уставное пострижение? Свидетельство было налицо перед всеми: церковь заперта; волосы оказались на гробе святого Феодосия; свеча, которой недоставать должно было на ночь, до сих пор не сгорела. Они показали Пимену чин пострижения и спросили его, все ли по оному было исправлено. Пимен отвечал: «Зачем вы искушаете меня, исполнив сами все по написанию сих книг?» Отцы решили, чтобы постриженья ему не творить. «Довлеет тебе благодать, Пимене, сказали они, от Бога». «Помолись обо мне, отче, сказал Пимен игумену, да подаст мне Бог терпение». Несколько лет пролежал Пимен в своей тяжкой болезни, прислужники гнушались им и часто оставляли «гладна и жадна» на два и на три дня. Он все терпел с радостью и благодарил Бога. Случилось быть принесенным в монастырь такому же больному и быть постриженным. Чернцы, приставленные на службу, отнесли его в келью к Пимену, чтобы ходить за ними обоими вместе, но часто оставляли их без всякого присмотра, в совершенном забвении. Пимен сказал этому больному: «Брат, служащие гнушаются нами, не вынося смрада, от язв наших исходящего: станешь ли ты ходить за мною, если Бог тебя восстановит?» Больной обещал служить с усердием до смерти. «Господь отъемлет болезнь твою, сказал Пимен, исполни же свой обет, служи мне и прочим больным. На нерадивых же о службе мне насылает Господь болезнь смертную, да ею наказанные спасутся». Те, действительно, были поражены болезнями. Исцеленный же служил некоторое время, но потом начал также уклоняться от Пимена, по причине смрада, от него исходящего, и оставлял его «алчна и жадна». Однажды лежал этот прислужник в особой храмине, вдруг загорелось у него внутри, и не мог он приподняться три дня. Выйдя из терпения, он закричал: «Помилуйте меня Бога ради, я умираю от жажды».

Братия объявила о том Пимену. Пимен сказал: «Что посеет человек, то и пожнет. Он оставил меня гладна и жадна, солгал Богу, — и вот, понеся ту же скорбь, попал сам в такое же положение. Но Бог не велит платить злом за зло: скажите ему, что зовет его Пимен, и чтобы он пришел сюда». И больной пришел к нему без чужой помощи. «Маловер, сказал ему Пимен, се цел еси, к тому не согрешай; разве ты не знаешь, что одинакую мзду приемлют и болящий, и служащий? Что есть в этой темной и смрадной храмине? Здесь скорбь, туга и недуг вмале, — а там радость и веселие, несть ни болезни, ни печали, ни воздыханий, но жизнь вечная. Для того я и терплю, брат. Бог, исцеливший мною тебя от твоего недуга, мог бы

восставить и меня, но я не хочу. Претерпевый до конца, той спасется». Пимен пролежал в страшной своей болезни двадцать лет. Во время преставления его три столпа явились над трапезной, и оттуда прешли на верх церкви, о чем писано и в летописце.

В тот день Пимен выздоровел, обошел все кельи, кланялся в землю всем инокам и просил прощения, поведав свою кончину. Болящим же от братии он говорил, чтобы они, восставши, провожали его, — и словам его уступала болезнь: они все, здоровые, пошли за ним в церковь. Он причастился, и, «взем одр», понес к пещере, в которой никогда не бывал. Поклонился гробу Св. Антония и указал, где хотел быть положен. «Здесь найдете вы два тела мертва, сказал он, одного в схиме, который много раз хотел пострижения, но не получил от вас желаемого нищеты своей ради. Бог даровал ему схиму по его достоинству, а на вашей душе грех. Другой брат положен здесь вами в схиме, но он не хотел ее в животе своем и спросил только отходящий, почему и взята она у него. Он забыл, что не мертвые восхвалят Тя, Господи, но живые благословим Его. Третий брат, — его схима блюдется, нетленная, ему на обличение и осуждение, — здесь положен от давних лет за его грехи: он повинен суду, если святые Антоний и Феодосий не умолят за него Господа». Объяснив все братии, Пимен заключил: «Постригшие пришли за мною и хотят взять меня к себе». С этими словами он лег и скончался о Господе.

Братия откопали назначенное место и нашли там, действительно, трех иноков, лежавших в том виде, как объявил Пимен: один истлел совершенно, а схима его цела. Из двух новоумерших — с положенного в схиме она была снята и положена на того, кто был непострижен. Со страхом и трепетом разошлись иноки, прославляя Бога, сотворившего эти чудеса.

Кукша и Никон, ученик его, умерщвлены вятичами, во время их проповеди. Память их празднуется 27 августа. «О Кукша мученик, правило для священников, украшение постникам и преподобным, говорит в восторге Мелентий Сирин, сочинитель канонов печерским угодникам, ты как апостол скончался среди проповеди евангельской с учеником твоим; наставь и меня твоими молитвами на путь спасения».

Нестор. Принят был в монастырь Св. Феодосием, семнадцати лет, пострижен Стефаном (который после стал игуменом). В 1091 году ему поручено было тайно откопать мощи Св. Феодосия, что он и исполнил. Нестор писал летопись, почему и называется летописцем в

сочинениях Симона и Поликарпа, житие Св. Бориса и Глеба и житие Св. Феодосия. Память его празднуется 27 ноября.

Феоктист, епископ черниговский. Он был в числе старцев, молитвой которых исцелен пр. Никита. В 1103 г. он был посвящен игуменом обители, после кончины Иоанна. В 1108 г. он построил каменную трапезницу в монастыре на иждивении князя Глеба. В том же году, по его ходатайству, имя Св. Феодосия внесено было в синодики святых Русской церкви. В 1113 г. он был посвящен в сан епископа черниговского. В 1115 г. находился при перенесении мощей Св. Бориса и Глеба. Князь Давыд Святославич был его истинным другом. Они скончались в одно время, один после другого, 1 и 6 августа 1123 года.

Тимофей, игумен печерский. О нем известно только, что он, быв игуменом Печерской обители после Прохора и перед Пименом, обложил золотом и серебром раку преп. Феодосия на присланные из Суздаля от тысяцкого Георгия, сына Шимонова, 300 гривен серебра и 30 гривен золота.

Святоша (в мире Святослав, в крещении Панкратий, в монашестве Николай, сын Давыда Святославича, племянник знаменитого Олега), принимал участие в междоусобиях, вследствие ослепления Василька (1099), но в 1107 г. оставил мирскую жизнь, пришел в монастырь и постригся 17 февраля. Сначала он определился на поварню, работал три года, колол дрова, носил на плечах воду из реки. Братья его, Изяслав и Владимир, насилу уговорили его оставить эту тяжелую работу. Он упросил их, однако же, чтобы позволили ему еще год варить яглы[14] на братию, потом поставлен он был привратником и три года простоял у ворот, не отходя ни на шаг никуда кроме церкви; затем служил братии за трапезою, и, наконец, уже по истечении всех этих послушаний, по решению игумена, получил он особую келью, около которой развел себе собственными руками огород. Во все время чернечества никто не видел его праздна. Всегда было у него что-нибудь в руках. Одежда на нем была его рукоделья, доходы свои он употреблял на общественные нужды и подаяния, а сам довольствовался общим монашеским содержанием. По словам пр. Симона можно заключить, что церковь на вратах во имя Св. Троицы, и больничная церковь Св. Николая, построены Святошею, и, действительно, по новейшим изысканиям постройка

[14] Яглы — род бесцветных растений, близкий к мхам (Даль). Преосв. Филарет говорит о пшенной каше.

врат оказывается древней. С уст его никогда не сходила Иисусова молитва: «Господи Иисусе Христе, Сыне Божий, помилуй мя грешного». Он пел или произносил ее среди всех своих занятий, к числу которых принадлежало чтение. «Книг его много у вас до сих пор», пишет пр. Симон к Поликарпу. Он поручил какому-то иноку Феодосию перевести с греческого языка на русский послание римского папы Леонтия против еретика Евтихия, о единстве божества и человечества в Христе. Переводчик, вероятно, болгарин, прославляет в посвящении смирение князя Николая, который «не всхоте отец своих светый власти отцвитающия… но Мариину благую и богохвальную часть избра… на предняя спея паче и паче… себе же и инем понужаеши… начати и свершити дело драго и изящно, и еще и выше моего видения… яко учившимся от млад ногот Омирьсмим и риторьскыим книгам, таково есть дело, еже от Рима твоея веры ради к нам прииде».

(Последние слова показывают, кажется, что сочинение выписано для князя из Рима).

…«Аз же сведый моего учения немощь… бояся же и злаго преслушания… обаче с воздыханием и страхом начах вышняя моего ума вещи, еже от Греческаго Словенскы преложити. Ведеже господине мой, Кир-Николае, яко никако же достоино твоего чаяния преложение, обаче ни суть моеа мысли деяти, но твоея, — очисти я, теплыя веры плодове. Призываю же раб твой инокый Феодосий моего патриарха молитвы… идеи безмолвия не имый на ясность», и проч.

Служил при нем прежде, во время мирской его жизни, лечец, родом сириец, по имени Петр. Он пришел было вместе с ним в монастырь, но, увидев его многотрудную жизнь в поварней и у ворот, оставил его и поселился в Киеве, врачуя приходящих. Между тем, он часто посещал своего князя в монастыре и старался убедить его, чтобы перестал губить плоть свою и заботился более о своем здоровье. «Бог не требует, говорил он, труда через силу, а только чистого сердца. Ты не привык к такой нужде, подобно нужному холопу.[15]

Братья твои Изяслав и Владимир велику укоризну творят себе твоею нищетою: как — от славы, от чести и богатства, избрать такое убожество, морить себе тело неподобною пищею? От сладкой яди ты

---

[15] В некоторых списках конскому холопу, в других сетному. Сетный, может быть, значит скорбный. Срав. сетовать. Или сетный = заключенный, от сети.

чувствовал иногда болезнь: как же переносить тебе это суровое зелье и сухой хлеб? Ты скоро лишишься живота, и я не в силах буду помочь тебе. Утешь братьев, утешь бояр твоих, которые надеялись велицы быти тобою. Домы великие сотворше, они сидят теперь там в унынии и считают тебя изумевшим. Который князь жил по-твоему — блаженный ли отец твой Давыд, дед ли твой Святослав, или кто из бояр, кроме одного Варлаама, что здесь постригся. Поверь, если не послушаешься меня, то умрешь прежде срока». Часто говорил сириец подобные речи, сидя с князем у ворот или в поварне, подученный братьями. Ничто не могло убедить блаженного. «Нет, отвечал он, брат Петр, много я думал и решил не щадить своей плоти, чтобы склещаемая (стреляемая) трудом смирилася, и чтобы страсти утекли: страсти нынешнего времени не пригодны для будущей славы. Благодарю Бога, что Он освободил меня от мирской работы, и сотворил слугою рабам своим, блаженным черноризцам. Братья мои пусть заботятся о себе и пользуются моей властью; неси каждый свое бремя. Я оставил жену, детей, дом, власть, братию, друзей, рабов, села, да буду жизни вечной наследник. Ты, врачуя, велишь воздерживаться от брашен, и я обнищал Бога ради, да Того приобрящу. Умереть Христа ради для меня прибыток. Ты говоришь, что я сижу на сметнице; нет — я царствую. Ты говоришь, что ни один князь не делал того; ну что же, я буду предвожею; кто захочет, тот мне последует!»

Князь несколько раз занемогал огненным жжением или теплотою кручинною (?), но выздоравливал прежде прибытия врача и не употреблял приготовленных им зелий.

Занемог однажды и сам врач. Святоша послал сказать ему, чтобы не принимал зелья: в таком случае выздоровеет скоро; если же примет, то долго будет страдать. Но сириец схитрил и не послушался; желая избавиться от болезни, он вкусил врачебное растворение и едва не лишился жизни. Только молитва преподобного спасла его.

В другой раз он опять занемог, и князь послал сказать ему, что он выздоровеет на третий день, если не будет лечиться. Так и было.

Перед смертью своей, Святоша призвал своего врача, сказав, что умрет через три месяца и советовал ему постричься. Сириец спрашивал у него о его болезни. «Кто предвещал тебе смерть? Если я не вылечу тебя, то пусть голова моя пойдет за твою голову, и душа моя за твою душу». Князь повел его в пещеру, где выкопал гроб себе и спросил: «Кому из нас приятнее и желанные это место?» Сириец,

умиленный, воскликнул: «Пусти меня прежде, и положи меня в этом гробу, а сам поживи еще и помолись обо мне. Я уверен, что ты это можешь». Преподобный отвечал: «Дерзай, чадо, и приготовляйся к смерти». Сириец постригся, приобщился Святых Тайн, провел в слезах днем и ночью три месяца и опочил о Господе.

Князь же Святоша прожил еще тридцать лет в монастыре и скончался, 14 октября, вероятно, в 1143 году, судя по Степенной книге, в которой сказано, что врач сириец умер на шестом году пребывания Святошина в монастыре. Это очень вероятно, ибо по летописям Святоша был жив в 1142 году: великий князь Всеволод Ольгович посылал его к братьям своим убеждать их к миру.

На погребение его собрался весь город. Брат Изяслав выпросил у игумена себе на благословение крестец с его параманта, возглавницу (подушку) и колбицу (колодку, скамейку?) «на ней же кланяшеся». За что и дал три гривны золота. Этот Изяслав разболелся однажды так, что все отчаялись в его жизни, жена, дети, бояре, «приседяще его одру». Вдруг он очнулся, спросил себе воды из печерского колодца и опять онемел. Игумен прислал ему воды с гроба Св. Феодосия, вместе с власяницей его брата. Прежде чем вернулись посланные с водой и власяницей, Изяслав промолвил: «Идите за город во сретение преподобному Антонию и Николе». Когда посланные вошли в его горницу, Изяслав воскликнул: «Князь Никола, Никола-Святоша». Его напоили водой, одели во власяницу, и он выздоровел. После он носил всегда эту власяницу на себе во время болезни и на войне. В последний же раз, согрешив, не посмел надеть на себя власяницу и был убит в сражении в 1161 году, завещав перед тем похоронить себя в ней. «Много и иного рассказывают об этом муже, князе Святоше», заключает свое повествование епископ Симон.

Дочь его была за Всеволодом-Гавриилом, князем псковским, причтенным к лику святых.

Из волостей его в Черниговском княжестве предание называет: Навоз и Пакуль, по Днепру, отданные после Печерской лавре.

Спиридон. По происхождению был селянин. Игумен Пимен определил его вместе с братом Никодимом печь просфоры. Тридцать лет прослужили они в «пекленице» честно и непорочно, с великим усердием совершая свое дело. Спиридон выучил псалтирь наизусть и пел беспрестанно, среди всех своих занятий, заготавливая дрова, приготовляя тесто. Однажды случился у них пожар. Мантией он закрыл устье печи, а со свитою, завязавши рукава, побежал к

колодцу, и, налив в нее воды, воротился тушить огонь. Братия, собравшаяся на крик, удивилась, видя, как вода не проливалась из свиты, и как мантии не прикоснулся огонь.

Память Спиридона и Никодима, почивающих в Антониевой пещере, празднуется 31 октября. Они жили, вероятно, около 1148 г.

Онисифор, священник, обладал даром прозорливости: он видел на лице всякого человека его грехи и преподавал ему свои наставления. Был у него сын духовный, чернец, который на виду старался подражать его житию, но втайне предавался всякой похоти. Вдруг, здоровый, он умер, и никто не мог приблизиться к его телу: такой начало оно испускать смрад. Нельзя было даже совершить над ним обычных песнопений. Священнослужители, встав вдалеке, исполнили обряд. Когда тело отнесено было в пещеру, то звери отбегали от нее. Св. Антоний явился во сне Онисифору с укором, зачем осквернил святое место, положив туда грешника. Проснувшись Онисифор обратился к Богу с молитвой и вопросом, почему от него были скрыты дела покойника. «В назидание всем согрешающим и некающимся, да, видя, покаются», сказал ему внезапно явившийся ангел, и, сказав, исчез. Священник сообщил о видении игумену. На другую ночь оно повторилось: «Изверзи тело псам на съедение, недостойно оно лежать здесь». Священник обратился с молитвою к Богу и услышал голос: «Если хочешь, то помоги ему». На совете братии с игуменом положено было привести людей, хоть насильно, которые вынесли бы тело и бросили его в воду. Тогда явился священнику Антоний и сказал: «Умилостивила меня душа брата сего, — я обещал помилование всем, здесь положенным, несмотря ни на какие грехи, и Господь благоволил внять моей молитве». Онисифор опять передал все виденное и слышанное игумену Пимену. Тот сотворил молитву и услышал, что молитва его принята ради Св. Антония, и иже с ним. «И се ти знамение: изменение смрада на благовоние». Иноки отправились в пещеру, и она, действительно, уже была наполнена благовонием.

«Вот почему, говорит епископ Симон, я скорблю и плачу, желая быть положенным в блаженной той персти».

Память святого Онисифора празднуется 9 ноября.

Нифонт, епископ новгородский. Мирское имя его было Никита. Родился он близ Киева от благочестивых и зажиточных родителей. После их смерти раздал имение бедным и поступил в Печерский монастырь. Он путешествовал, вероятно, по Востоку. В 1130 г.

посвящен в сан епископа новгородского. Есть грамота ему от патриарха Николая Муцалона (1147–1152): «о Св. Духе сыну и сослужителю смирения нашего доброму пастырю разумных овец, господину епископу Новгорода, Нифонту, желаем радоватися о Господе. Слышали мы о твоем невинном страдании, какое терпишь ты для Бога, за митрополита Климента, без нашего благословения, самовластно, восхитившего Киевскую митрополию; слышали, что ты осуждаешь такую дерзость его, не хочешь служить с ним святительски, не поминаешь его в священной службе, и много перенес от него досад и оскорблений. Но ты, святой отец, потерпи еще за правду, для Господа, и не ослабевай перед тем аспидом и его советниками, дабы быть причтенным к лику святых, пострадавших за православие; покажи пример терпения святителям, которые имеют быть в земле Русской, и всему народу. — Мир тебе, отче! Благословение смирения нашего да будет над тобою, страдалец Христов во веки. Аминь».

Св. Нифонт скончался в Киеве, 21 апреля 1156 г. Празднование ему установлено митрополитом Макарием.

Иоанн пребыл в теснейшем затворе тридцать лет, удручая тело долгим постом, нося железа по всему телу.

Часто приходил к нему один из братии, смущаемый с детства телесной похотью, просить его о молитве, да пошлет Господь «ослабу» страстям его. Блаженный велел ему крепиться и мужаться. «Мочи мне нет, отвечал инок, если ты не подашь мне помощи, я уйду». «Нет, лучше оставайся здесь. Здесь ты далек от пропасти, и если повлечет к ней враг, то Господь изведет тебя от рова страсти и от бренни типна, и поставит на камени нозе твои. Послушай, что было со мною. И я от юности, томим на блуд, пострадал много. Чего уже ни делал я для своего спасения: по два и по три дня я не принимал никакой пищи, иногда даже по неделе; ночи проводил без сна, жаждою изнурял себя, тяжкие железа носил на себе. Три года провел я в таком злострадании и не обрел себе покоя. Наконец, вздумал я пойти к гробу святого Антония. Целый день и целую ночь молился я там и услышал голос: „Иоанн, тебе надо затвориться, чтобы невидением и молчанием упразднилась брань. Бог поможет тебе молитвами своих преподобных“. С тех пор я вселился здесь, в тесном и скорбном месте, живу уже 30 лет, и только недавно обрел покой. Все прежнее время боролся страстно с помыслами телесными, — и не знал уже что и делать: вздумал жити наг, и

возложить на себя тяжкую броню, железным холодом истончаемый. Но особенно послужила мне во благо мысль выкопать яму, до плеча достающую. При наступлении великого поста я влез в яму и осыпал себя землей, оставив на свободе только руки и голову. Так, зло угнетаемый, провел я весь пост, не могши двигнуть ни единым суставом. Но и тут стремление плоти и разжение телес не прекращалось; к тому же и враг диавол творил мне пострахи, хотя изгнать меня оттуда. Я ощутил его действия: ноги мои издну возгорелись, все жилы скорчились, кости троскотали, и пламя приближалось к утробе моей — я радовался душой, что огонь сотворит меня чиста, свободна от всякой скверны. Я решил сгореть лучше в том огне, нежели выйти из ямы. Вдруг вижу я, — страшный и лютый змей, дышущий пламенем, сыплющий искры, идет на меня, как будто хочет пожрать, и это повторялось несколько раз. Наступила ночь Воскресения Христова. Змей напал на меня, голову мою и руки мои вложил к себе в пасть, волосы на голове и бороде опалились, — вот посмотри их и теперь, — в гортани у него. Я возопил из глубины своего сердца: „Господи Боже мой, за что ты меня оставил? Спаси меня, грешного, безутешного, избави мя от уст врага моего, се бо яко лев рыкает, хотя мя поглотити…“ Я кончил молитву, блеснула молния, змий исчез. Свет божественный осиял меня, и услышал я глас: „Иоанн, помощь ти бысть“. Я поклонился и сказал: „Зачем же Ты оставлял меня так долго зде мучиму быти“. И услышал ответ: „Противу силы терпения твоего, на тя наведох, да изжен будешь как золото, — не попущает Бог напасти человеку через силу. Молись мертвецу, сущему против тебя, да облегчит твою брань плотскую. Он выше Иосифа, и может помогать страждущим такой страстью“. Я не знал сначала, о ком слышался голос, и воскликнул только: „Господи помилуй!“ После узнал, что подле меня погребено тело Моисея Угрина. Свет неизреченный пришел на меня, и в нем до сих пор я пребываю, не спрашивая свечи ни днем, ни ночью. Все достойные насыщаются такого света. Это надежа оного света. Приходящие ко мне видят его ночью. Брат, помолись преподобному Моисею, и он тебе поможет».

Иоанн дал кость от мощей его больному приложить к своему телу, и в ту же минуту исчезла его похоть — оба возблагодарили Бога.

Св. Иоанн скончался не ранее 1160 г. Кончина его последовала 18 июля.

Еразм. Он употребил все свое имение на благолепие церковное, и, обеднев, подвергся пренебрежению: с горя он начал вести жизнь беспутную, наконец, занемог, лишился языка и зрения, и чуть дышал. На десятый день пришли к нему братья. «Горе душе брата нашего за бесчинную жизнь, — и вот душа его мятяся не может изыти!» Вдруг Еразм встал, как будто и не был болен. «Точно, братья моя, грешен я, и не каялся, но вот явились мне святые Антоний и Феодосий и сказали мне, что умолили Бога дать мне время на покаяние, за усердие мое к украшению храма Божия. Я увидел и Божию Матерь с предвечным Младенцем на руке. Она изрекла: „Встав, покайся, и приими ангельский образ; в третий день я возьму тебя чистого на небо“.

Еразм рассказал видение, исповедал перед всеми грехи свои, пошел в церковь и облекся в святую схиму.

На третий день он скончался.

Память празднуется 24 апреля.

Симон видел очевидцев умиравшего Еразма, и потому кончину его следует полагать около 1160 г.

Св. Афанасий. С ним совершилось чудо особого рода после смерти: он умер; два брата, „отерши и увивши“ тело его, отошли. Покойник, по своей бедности, оставался целый день непогребенный. Ночью является кто-то к игумену и говорит, что человек Божий остается второй день без погребения. Игумен с братьею идет в его келью и находит его, сидящего и плачущего. Все ужаснулись оживлению и приступили с вопросами к Афанасию. „Слушайтесь, кайтесь и молитесь, отвечал он, чтобы здесь скончаться и погребену быть. Больше ничего не спрашивайте у меня — не возноситесь и простите меня“. С этими словами он ушел к себе в пещеру, затворив за собою двери, и прожил там 12 лет, не произнося ни единого слова, не видев ни разу солнечного света, не выходя на чистый воздух, вкушая помалу хлеба, и то через день, обливаясь слезами день и ночь. Перед кончиной он призвал к себе братию и повторил им прежнее наставление: „Слушайтесь, кайтесь, молитесь“.

Один из братий, именем Вавила, лежал, „боля лядвеями“. Вдруг он видит перед собой Афанасия, который говорит ему: „Приди, и исцелю тебя“. Больной хотел расспросить его, но он стал невидим. Братия уразумела, что покойник угодил Богу, и принесли к его телу больного, который тут же и был исцелен. „Так рассказывал мне сам Вавила“, говорит пр. Симон.

Память Св. Афанасия празднуется 2 декабря. Скончался, вероятно, около 1176 г.

Поликарп, инок и после игумен печерский, любимец великого князя Ростислава Мстиславича, которого он отговаривал от пострижения. „Князь, говорил он, Господь требует от тебя иных подвигов: наблюдай правду в суде и оберегай Русскую землю; впрочем, предоставь себя воле Божией“. Поликарп разрешил у себя пост среды и пятницы для Господних праздников, следуя митр. Никифору, но митр. Константин восстал против него. Был созван собор, и печерский игумен осужден на заключение. Киевляне разорение Киева в 1169 году приписывали наказаниям за митрополичью неправду. В феврале 1170 г. он переносил тело великого князя Владимира Андреевича из Вышгорода в Киев, следовательно, был уже опять на службе. В 1174 г. он встречал нового великого князя. Скончался в глубокой старости, 24 июля 1184 г. Мощи его почивают в Антониевой пещере.

Анастасий диакон, у Кальнофойского называется братом пресвитера Тита. Скончался около 1190 г., память чтится 22 января. Мощи его почивают в Антониевой пещере.

Евагрий, дьяк, и Тит, попин, были связаны между собой теснейшей дружбой. Дьявол возмутил их, и они поссорились между собой так, что не могли видеть друг друга. Братия просила их примириться, но они и слышать не хотели о мире: если Евагрий стоял, а Тит проходил с кадильницей, то он убегал ладана; если же он оставался на месте, то Тит не кадил ему. Долго таким образом пребывали они во „мраке гневном“: Тит, служа, не брал прощения, Евагрий принимал святое причащение, питая гнев. Занемог Тит и приблизился к смерти: он послал к брату просить прощения Бога ради, но Евагрий жестокосердый изрек проклятие. Иноки, видя Тита умирающего, потащили к нему Евагрия насильно, чтобы дал прощение брату. Тит, увидев его, приподнялся и пал к нему в ноги, обливаясь слезами: „Прости меня, отче, и благослови“. Евагрий отвернулся и сказал: „Нет тебе прощения ни в сем веке, ни в будущем“, вырвался из руки старцев, упал и умер. Старцы не могли сложить ему рук, ни свести уст. А больной встал, как будто не был и болен». «Мы ужаснулись, рассказывали они, внезапной смерти одного и скорому исцелению другого, с плачем похоронили Евагрия, с открытыми очами и устами, и распростертыми руками; Тита же спрашивали, как все это случилось. „Я видел ангелов, отвечал он,

отступивших от меня и плачущих о душе моей. Бесы же радовались гневу моему. Тогда я начал молить брата, да прощен буду, и когда велел позвать его к себе, увидел ангела немилостивого, держащего пламенное копье. Когда Евагрий отказался от прощения, ангел ударил его копьем, и он упал мертвый, а мне подал руку, и я встал“. Слушая это повествование, мы убоялись и поминали слова Господни: оставите, оставится вам, и всяк гневаяся на брата, безумно, повинен есть суду».

Память Тита празднуется 27 февраля. Кончина была, вероятно, около 1190 г.

Арефа, родом полочанин, был очень богат, но не подавал никогда ничего бедным, ни единой вещи, ни куска хлеба. Он был одержим скупостью, «яко гладом, и самому уморятися». Однажды ночью пришли к нему воры и украли все. Арефа хотел лишить себя жизни, потом начал искать на невиновных людях. Иноки просили его прекратить тяжбу. Но он не послушался, досаждая всем жестокими словами. Вдруг он занемог, — и не переставал роптать. И видит он сонм ангелов и полк бесов, пришедших к нему. Они начали состязаться о похищенном богатстве. Ангелы говорили: «Окаянный человече, если бы ты возблагодарил Бога за свое лишение, то это вменилось бы тебе в заслугу: милостыня — доброе дело, но благодарность за взятое насильно выше еще милостыни». «Я воскликнул тогда, так рассказывал он сам братии, Господи помилуй. Господи помилуй, согрешил я, Твое бо есть все, не жалею ничего». Внезапно бесы исчезли; ангелы возрадовались, и вписали в милостыни погибшее серебро.

Арефа совершенно переменился в расположении своего ума и нрава и беспрестанно повторял: «Господь даде, Господь отъя». Так как бл. Симон жил с Арефой в Печерском монастыре до 1208 г., то кончину Св. Арефы должно полагать около 1190 г. Память празднуется 24 октября.

Досифей, архимандрит, первый принес в Россию со Св. горы Афонской чин пения дванадесяти псалмов и написал ответ на предложенные ему вопросы о жизни Афонских иноков, не вполне уцелевший в рукописях. Неизвестно, когда принято им имя Феодосия, в малой ли или великой схиме, только в назидательном повествовании его о жизни афонцев по спискам он называется то Досифеем, то Феодосием. Скончался 28 августа 1118 г.

Симон, епископ владимирский. Начал свою духовную жизнь в

Печерской обители. В 1206 г. он был игуменом владимирского Рождественского монастыря и духовником великой княгини Марии. В 1214 г. посвящен в сан епископа владимирского, по желанию великого князя Георгия Всеволодовича. В 1217 г. этот князь был свергнут с владимирского стола и получил себе в удел городок Радилов, куда за ним последовал и Симон, возвратившийся на свою кафедру вместе с ним после смерти Константина. В сентябре 1218 года блаж. Симон, в присутствии великого князя Георгия, освящал новый храм в том монастыре, где он был игуменом. Князь Георгий любил блаж. Симона, который так много оказывал преданности ему в горькое время: он объявил готовность свою открыть для друга его Поликарпа особую епископию в Суздале. Но блаж. Симон, не находя того полезным для Поликарпа, отговорил князя от его намерения. Дочь великого князя Всеволода, Верхуслава, с 1189 г. супруга князя Ростислава Рюриковича, была духовной дочерью блаж. Симона и также готова была на всякие жертвы из уважения к досточтимому епископу. Но Симон твердо шел путем духовной жизни, не увлекаясь счастьем и не давая поблажки самолюбию. В 1225 г. он освящал соборный храм в Суздале, построенный им, вместе с князем, на месте древнего разрушившегося собора. В мае 1226 г., чувствуя близость своей кончины, он облекся в схиму, и 22 мая «блаженный, милостивый и учительный епископ» скончался. Он погребен был во Владимирском соборе, но впоследствии мощи его перенесены в Киевские пещеры, где они и ныне покоятся. Сочинения его: послание к Поликарпу с описанием жития некоторых печерских затворников, и описание основания церкви Печерской.

Акиндин архимандрит. В 1231 г. он был на посвящении ростовского епископа Кирилла. Блаж. Симон епископ называет его «мужем святым». О ревности его к жизни духовной свидетельствует то, что он приказал благочестивому и наблюдательному Поликарпу описать жизнь печерских подвижников в память и назидание черноризцам. Он был игуменом в 1219–1231 гг.

Лукиан, пресвитер, претерпел мученическую смерть при нашествии Батыя в 1239 году.

Из святых отцов, живших в ближней пещере, известны по порядку времени еще следующие: преп. Григорий иконописец (ум. 1105 г.), преп. Исаия чудотворец (ум. 1115 г.), Феоктист, еписк. черниговский (ум. 1123 г.), препод. Нектарий, Савва, Сильвестр, Симон, Онуфрий молчаливый, Анатолий, Феофан постник, Макарий,

Авраамий затворник, Илия Муромец (1 октября 1188 г.?) и преп. мученик Анастасий диакон (ум. 1190 г.). Все эти угодники Божии жили в ближней пещере в 1100 годах. Затем Симеон, епископ переяславский (ум. 1239 г.), Меркурий, епископ смоленский (ум. 1232 г.), преп. Лука, эконом печерский, Алексий затворник, Сергий послушливый, затворники: Элладий, Онисим, Сисой, Феофан, препод. Евстафий; пресвитеры: Ефрем, Мелетий, Серапион, Филарет, Петр, препод. Иоанн постник, Иеремия затворник, Меладий, Пергий и Серапион, еписк. владимирский, жили в 1200 годах.

Они почти все почивают в ближней пещере своими нетленными мощами.

Имена их сохранились в старых памятниках Печерского монастыря, в летописных сказаниях, на надгробных досках. На этих досках сохранились преимущественно имена святых отцов, почивающих в дальних пещерах. Досками, как видно, в старину прикрывались углубления в стенах, в которых почивали мощи, лежавшие сначала на досках, а не в гробах, как теперь. На боковых досках обыкновенно изображались лики почивающих угодников в лежачем положении, а сверху имена и самое краткое сказание об их жизни. В середине же досок делалось обыкновенно отверстие, через которое и прикладывались богомольцы к святым мощам. С таких-то надгробных досок, которых дошло до нас только шесть, списывались надписи, из которых и составилось самое краткое сказание о жизни и подвигах святых отцов дальних пещер. По этому сказанию, вместе с другими известными источниками, вот имена отцов, живших в дальних пещерах, по порядку: в 1100 годах Амфилохий, епископ владимирский (жил около 1122), игумен печерский Тимофей (жил около 1131 г.) и преп. Пимен постник (ум. около 1141 г.). В 1200 годах: священномученик Лукиан (жил около 1239 г.), игумен печерский Досифей (жил около 1218 г.), игумен Акиндин II (жил около 1235 г.), препод. Павел послушливый, Сисой схимник и Евлогий, затворники: Памва, Исидор, Лаврентий, Пафнутий, Афанасий, Софроний, Анатолий, Пиор, Кассиан, Феодор молчаливый и Аммон.

Всех мощей в Антониевой пещере 71, в затворе 9; в Феодосиевой 33, в затворе 13. Общая память их празднуется 28 августа.

Игумены печерские после Св. Феодосия.

Стефан, 1073-1078

Никон, 1078-1088

Иоанн, 1088-1103
Феоктист, 1103-1112
Прохор, 1113-1124
Тимофей, 1124-1132
Пимен, 1132-1141
Феодосий II, 1142-1142
Акиндин I, 1156-1157
Архимандриты:
Акиндин I, 1157-1163
Поликарп, 1164-1182
Василий (священник), 1182-?
Феодосий III,?-1203
Акиндин II, 1203-?
Поликарп II,? — ок. 1240

Кроме печерских отшельников прославились святой жизнью в продолжение удельного периода:

Иоаким Корсунянин, из священников, приведенных Св. Владимиром. Он был епископом новгородским (993), разорил жертвенники и «ссек» Перуна, брошенного в Волхов. Для обуздания язычников присланы при нем Добрыня и Путята с воинами, оставившие будто бы по себе пословицу: «Добрыня крести огнем, а Путята мечом». В училище Ярослава, собравшего от старост и пресвитеров триста детей и повелевшего учить их книгам, Иоаким определил учителем некоего Ефрема, о котором свидетельствует один из древних летописцев; построил храм деревянный Св. Софии, Премудрости Божией, с 13 главами, на берегу Волхова, на том месте, где после новгородец Сотко создал каменную церковь Св. Бориса и Глеба, «конец Пискупле улице», недалеко от Софийского собора, основанного князем Владимиром.

При кафедральном храме еп. Иоаким устроил монастырь, который назывался Десятинным и Софийским. На месте низвержения Перуна освящена им церковь 993 г. Рождества Богородицы. Кроме того, он построил церковь во имя своего ангела — Иоакима и Анны. Здесь он был и погребен в 1039 году.

В конце XVII века мощи его перенесены в каменный Софийский собор, где изображен он в алтаре на стене, между первыми новгородскими святителями.

Под его именем еще известна летопись, найденная Татищевым, впрочем, сомнительная и недостоверная.

Ефрем Новоторжский, угрин, брат Георгия и Моисея. Они все трое пришли из отечества, вероятно, вследствие гонения короля Стефана на православную веру, первоначально там принятую, и поступили на службу к ростовскому князю Борису. Георгий пошел с ним на печенегов, по повелению отца его Св. Владимира, и был убит вместе с ним посланцами Святополка. Ефрем, остававшийся в Ростове, по мнению преп. Филарета, хотел отыскать тело его на месте убийства, и, придя на берег Альты, нашел голову по особенному признаку, принял иночество и удалился на берега Тверцы, на место, которое, вероятно, понравилось ему по пути из Ростова. Здесь, в Новом Торгу, построил он странноприимный дом. Когда открылись мощи святых князей, Ефрем создал каменный храм во имя Св. мучеников, и при нем монастырь. Преподобный Ефрем достиг высокой духовной силы и мирно почил в глубокой старости, 28 января 1053 года. По его завещанию с ним положена в гроб голова брата его Георгия. Древнее житие было цело в обители еще в начале XIV столетия, захвачено в 1315 году, во время междоусобий, тверским князем, и сгорело в Твери.

Лука Жидята, епископ новгородский, мощи которого обретены в 1338 году. Память чтится местно 10 февраля с другими святителями.

Леонтий, епископ ростовский. Древнее, краткое житие его написано около 1163 г., при открытии мощей (оно называет кн. Андрея Боголюбского «нашим князем, повелевающим в Ростове»). Мощи открыты 23 мая 1164 года.

Иоанн II, митр. киевский, прославленный Нестором, написал правило церковное в ответ на вопросы Иакова мниха.

Авраамий Ростовский, в мире Аверкий. Духовные подвиги его начались, по исследованию преосв. Филарета, около 1073 г. и продолжались лет 30. Скончался в начале XII века. Память празднуется 29 октября.

Мощи открыты при великом князе Всеволоде Георгиевиче (1176–1212).

При мощах его хранится шапка архимандрита, не высокая, с горностаевой опушкой, и медный крест, часть того жезла, которым Авраамий сокрушил Велеса. Древнее житие писано не позже XII века.

Антоний Римлянин. Родился, как сам он рассказывал ученику своему Андрею, написавшему первоначально житие его, в Риме, от богатых и православных родителей. На 19 году принял пострижение.

Вследствие воздвигнутого на православных гонения, удалился из Рима, прибыл чудесно, как говорит предание, в Новгород, в 1106 году, во время епископства Св. Никиты; поставил церковь в честь Рождества Богоматери, в 3 верстах от города, на берегу Волхова, так как в этот день ступил он на берег, — и купил землю: «Вот труд, госпожа моя Пресвятая Богородица, над которым трудился я на этом месте: купил я землю в дом пречистой у Симеона и Прокопия, сыновей посадника Иоанна, а дал 100 рублей». Каменный храм основан в 1117 году, освящен в 1119 и расписан в 1125. В храме устроил он себе молельню, где ныне небольшая круглая церковь; по древним описаниям место это называется Антоновой божницей. В храме поныне сохраняются мусийные иконы его на медных досках, с латинскими надписями, и каменный крест. Две чаши — в Успенском соборе. Один служебник — в Синодальной библиотеке. По древнему житию преподобный употреблял монастырские доходы не только на братию, но и на пропитание нищих, несчастных, сирот и вдов. В духовной грамоте он написал: «Вот я, Антоний, сам худой между мнихами, вышел на это место, не получив имения ни от князя, ни от епископа, а только приняв благословение от епископа Никиты; работая на чужой земле, не давал я покоя себе и огорчал братию и сирот, христиан здешних». Сиротами называет преподобный поселян, живших на монастырской земле, и за то работавших на обитель. «Объявляю и то, что когда сел я на этом месте, подал за землю итогом 70 гривен, да за село Волховское 100 гривен».

Антониевым учеником был знаменитый доместик Кирик. Кончина Антония последовала 3 августа 1147 года. Мощи открыты в 1597 году, но чтим он был местно едва ли не с XIII века.

Мартин, старец, служивший поваром в Туровском Борисоглебском монастыре при епископах: Симеоне, Игнатии, Иоакиме (1144–1146) и Георгие. Предание говорит о его праведной жизни и видении им Св. Бориса и Глеба, приходивших утолить его жажду. Память о нем по прологу совершается 27 июня.

Авраамий Мирожский. Известен только как основатель Мирожского монастыря и церкви, доселе сохранившейся в целости, из плитняка. В алтаре открыты недавно фрески XII века. Скончался 24 сентября 1158 года, когда и чтится местно его память. Мощи его почивают под спудом.

Аркадий, епископ новгородский, основал в 1153 году церковь и монастырь во имя Успения Пресвятой Богородицы, в трех верстах от

Новгорода.

В 1157 году он был посвящен в епископы.

Скончался 19 сентября 1162 года.

Герасим Вологодский, родился в Киеве, и там был пострижен в монашество. В 1147 году пришел он из Киева на реку Вологду и у ручья Кайсарова основал обитель с храмом Св. Троицы. Тогда здесь был глухой лес, и в лесу посад с храмом Воскресения, а на Ленивой площади малый торжок. Торговый человек, по прозванию Пятышев, не хотел сначала уступить ему земли под монастырь, но, получив упрек от преподобного, согласился. Род Пятышевых прекратился в наше время.[16]

Св. Герасим проповедовал здесь христианство в продолжение всей своей жизни и скончался 4 марта 1178 года. Мощи его почивают под спудом в Троицком храме его обители, ныне упраздненной.

Кирилл, епископ Туровский, родился в Турове от богатых родителей. Отказавшись от наследства, он принял монашество в Тур. — Борисоглебском монастыре, где жил блаженный Мартин. Он заключил себя на столпе. Многие, видя его святую жизнь, приходили к нему за советами, и он тогда уже «многа божественная писания изложи». По смерти туровского епископа, по общему желанию, возведен был на эту степень. В 1162 г. присутствовал на соборе, осудившем преступного владимирского епископа Феодора, которого «от божественных писаний ересь обличи». Пастве своей с ревностью предлагал поучения в храме, и эти поучения настолько прославили его, что великий князь Андрей Боголюбский пожелал читать их и читал с уважением. В 1182 г. он оставил кафедру по любви к уединению и остальное время своей жизни проводил в молитве, впрочем, недолго: он скончался 28 апреля 1183 года, оставив нам драгоценные памятники своего духовного просвещения.

Иоанн, архиепископ новгородский, прежде чем возведен был в степень архипастыря, священствовал у священномученика Власия на Волосовой улице, на Софийской стороне, там, где некогда стоял кумир Волоса. Затем принял он иночество с именем Илии. Жизнь его была примером благочестия и доставила ему известность. В 1163 году умер епископ Аркадий. На его место «князем, собором черноризцев и священников, и всем народом», возведен Илия во двор епископа. В сан архипастыря посвящен он в Киеве м. Иоанном 28

---

[16] Я видел последнего представителя в Вологде в 1841 году, вместе с преосв. Иннокентием.

марта 1165 г. и возвратился в Новгород 11 мая. В том же году новгородцы отправили в Киев игумена Дионисия ходатайствовать перед митр. Иоанном, чтобы архипастырь их почтен был саном архиепископа, и просьба их была исполнена. Так Св. Илия, десятый епископ великого Новгорода, стал первым его архиепископом.

В 1169 году рать великого князя Андрея Боголюбского осадила Новгород. На третью ночь, говорит предание, когда блаженный архиепископ молился перед образом Спасителя, слышит он голос: «Иди во храм Спаса, что на Илиной улице, возьми оттуда икону Богоматери, неси на стену города и узришь спасение». С наступлением дня архиепископ послал за иконой архидьякона своего с клирошанами: но икона не двинулась с места. С собором духовенства отправился он сам, и после молебствия икона «Свобода» перенесена была на городскую стену. Народ молился с воплем и слезами, осаждавшие пустили целую тучу стрел на город и в молящихся. Икона чудесно отвратилась от неприятелей и обратилась к городу. Святитель увидел слезы, текшие из очей Богоматери; капли падали на фелонь его. На суздальцев внезапно напал страх; в общей суматохе они поражали друг друга. И новгородцы, выступив из города, стремительно ударили на них: одних били, других гнали, третьих брали в плен. Святитель установил праздник в честь чудодейственной иконы.

В 1172 году он ездил во Владимир склонять к миру великого князя Андрея, в чем и преуспел.

Благотворительная любовь архипастыря к бедности, к которому обращались за помощью люди всякого звания и пола, дала повод для клеветы. Поднялись толки о нецеломудрии архипастыря. Народ взволновался, собрался у дома архипастыря и принял решение выгнать архиепископа с бесчестием из города. Сказано — сделано. Святителя потащили к великому мосту, спустили на Волхов, на плот, и предоставили быстроте волн нести, куда им угодно, недостойного, по их мнению, пастыря. Но правда Божия вступилась за Св. пастыря. Плот, вместо того, чтобы быть унесенным по течению реки, пошел к Юрьеву монастырю. Мирная обитель встретила вышедшего на берег архипастыря. Новгородцы пришли в себя, увидели и дерзость, и легкомыслие свое, и со смирением просили святителя простить их. Незлобивый святитель просил Господа простить им грехи их. В память этого события поставлен был у Юрьева монастыря каменный столп. И летопись заметила под 1176 г. «шел Волхов против течения

до пяти дней».

Архиепископу Иоанну принадлежит основание многих церквей в Новгороде.

Незадолго до кончины он отказался от кафедры, назначил себе в преемники брата Гавриила, и, приняв схиму с именем Иоанна, скончался 7 сентября 1186 года.

Святительская мантия его еще цела — василькового цвета и материи, похожей на рытый бархат, с атласными источниками белого и красного цвета, со скрижалями красными, — хранится в Софийской ризнице.

Никита Переяславский. Уроженец Переяславля, он заведовал сбором податей в княжение великого князя Юрия Долгорукого, был беспощаден, грабил бедных, теснил слабых, и между тем роскошествовал в связи с знатью. Однажды рано вошел он в церковь и услышал проповедь пророка: «Измыйтися, и чисты будете». Проповедь поразила Никиту: она так потрясла его душу, что целую ночь провел он без сна, волнуемый мыслями о своей прошлой жизни. Наутро пошел он к друзьям своим и, желая развлечься, пригласил их к себе на веселую беседу. Накупив нужное для стола, приказал жене приготовить обед. Та принялась за свое дело. Но когда стала варить, то сначала увидела кровь на верху воды, потом выплывала из-под нее то рука, то голова. Она пришла в ужас и не знала, что делать. Сказала мужу, и тот увидел то же самое. Совесть грешника пробудилась до самой глубины своей. Никита понял, что его промысел — то же, что грабеж и смертоубийство. «Горе мне, много согрешившему, сказал он с глубоким вздохом, и, не промолвив более ни слова, вышел из дома с мольбою к Господу: Настави мя, Господи, на путь Твой».

В глубокой скорби о грехах, Никита явился в монастырь вм. Никиты, что от Переяславля в трех верстах, и, пав к ногам игумена, омывал пол слезами своими. «Что за скорбь у тебя, сын мой, скажи мне», спрашивал игумен. Никита рассказал все грехи свои и бывшее видение и умолял принять его в обитель. «Можешь ли ты вдруг подчиниться послушанию, столько лет прожив на своей воле?» сказал игумен. «Готов выполнять все, что повелишь, отче», отвечал Никита. «Пробудь же три дня при вратах монастыря и исповедай грехи свои», сказал настоятель. В глубоком раскаянии сел Никита при вратах монастыря и всем входящим и исходящим исповедал грехи своей жизни. Потом, за обителью сняв с себя одежду, сел нагой в тростниковое болото. Спустя три дня игумен послал посмотреть, что

делает Никита. Брат, не найдя его у ворот, нашел его лежащим в тростнике; пауки и мошки осыпали его, а иные ползали по земле, и кровь текла из тела, изъязвленного ими. Брат рассказал игумену о том, что видел. Игумен и братия пошли и нашли Никиту в положении изумительном. «Что это ты делаешь, сын мой?» сказал игумен. Он едва мог проговорить от изнеможения: «Спаси, отче, погибающую душу». Игумен велел принести власяную одежду и одел его: взяв за правую руку, ввел в монастырь и учинил достойным обетований, принадлежащих ангельскому образу. Никита в тесной келье проводил ночи в молитве, в пении псалмов, в чтении житий святых. По благословению игумена он возложил на себя тяжелые вериги. По ночам выходя из обители, выкопал два колодца, — один близ монастыря Св. муч. Бориса и Глеба, другой близ потока студеного.[17]

Разгораясь в любви к Св. жизни, построил он себе столп и прокопал небольшой проход под церковь, которым ходил на общественную молитву, никем не видимый; мало и того — подвижник носил на голове каменную шапку.[18]

Душа блаженного Никиты день ото дня очищалась молитвами, и благодать Божия до того проникла, наконец, в ее сосуды, что обнаруживалась в чудесных явлениях. Юный князь Михаил, сын Всеволода, князя черниговского, страдал тяжким недугом. Услышав, что в Переяславле есть святой старец Никита, еще при жизни удостоенный дара исцелений, больной с верой прибыл к нему; преподобный показал ему жезл свой, и больной, опершись на него, стал здоров. Признательный князь 16 мая 1186 года, велел поставить в память милости Божией каменный столп на том месте, где получил исцеление, и памятник стоит доселе.

Блаженный Никита, некогда преступник, возлагавший руку свою на чужую собственность, умерщвлен был руками, жадными до корысти: родственники преподобного, приходившие для принятия благословения, прельстясь блестевшими веригами, которые приняли они за серебрянные, умертвили Св. столпника. Совершив преступление ночью, убийцы унесли с собой вериги, но, увидев свою

---

[17] О Борисоглебском переяславском монастыре летопись упоминает под 1155 годом. Он находился на берегу Переяславского озера, неподалеку от Никитского монастыря, и назывался Борисоглебским на горе. Без сомнения, его-то остатки недавно открыты на Александровской горе, лежащей в 300 саженях от городища, — где был древний Переяславль. Найдены основания церкви и келий, плита с именем инока Максима 1512 года.

[18] Каменная шапка до 1733 года оставалась в обители, и ее вместе с веригами носили на себе богомольцы, обходя вокруг столпа преподобного.

ошибку, бросили их в Волгу.

Мощи пр. Никиты обретены нетленными при митр. Фотие и при никитском игумене Данииле, и прославились множеством чудес. Ныне Св. мощи почивают под спудом, в каменном храме Св. Никиты, где построен придел во имя столпника в 1564 году.

Варлаам Хутынский. По вкладной пр. Варлаама видно, что он был сын богатых родителей и от них получил богатое наследство. По синодикам, родители его — Михаил и Анна. По твердому местному преданию, они жили в Новгороде, на Софийской стороне, в прежнем Неревском конце. Здесь родился и проводил юные годы свои Алексей Михайлович, будущий великий подвижник Варлаам. Это место впоследствии отмечено было каменным крестом, а потом часовней. В грамоте патр. Никона читаем: «Устроена часовня 1645 г. на Досланной улице, где прежде того стоял каменный крест, и в древнее время жил чудотворец Варлаам».

Алексей Михайлович еще при жизни родителей занимался не земным, а небесным, постился и молился. В дом родителей пришли странники, и из числа их инок Порфирий особенно возбудил в душе Алексия горячую ревность к подвигам. Алексей удалился после того в Лисичий монастырь, где нашли себе вечный покой и родители его. Не довольствуясь монастырской жизнью, Алексей, в иночестве Варлаам, решился подвергнуть себя более строгим подвигам в уединении.

Уединенный холм в лесу, на берегу Волхова, в 10 верстах от Новгорода, понравился пустыннику. И точно, Хутынский холм — самое красивое место из всех окрестностей Новгорода; с холма, даже из лесной чащи, видны окрестности на далекое расстояние. В народном мнении, впрочем, не высоко стояла эта местность: Хутынь — худынь, худое место, место нечистой силы, тут же болото Видень, где видятся нечистые.

Преподобный поставил себе на Хутыне келью и стал жить в посте и молитвах. Как строга была пустынная жизнь его, показывают памятники, доселе целые. Во власянице его 19 фунтов, в веригах 8 фунтов. Итак, 26 фунтов тяжести постоянно было на теле его, и жесткая власяница постоянно терзала тело его.

Вскоре явились к нему благочестивые люди, готовые разделять его подвиги. Он поставил небольшой деревянный храм Преображения Господня, и при храме несколько келий. Варлаам сам копал землю и отправлял другие работы: еще цел колодец,

выкопанный им вблизи кельи, которая построена была также его руками. Осталась его грамота: «Я, Варлаам, дал Св. Спасу землю, огород, рыбныя и гоголивыя ловли и пожни: 1) рель (поемный луг) против села за Волховом, 2) на Волховце рыбную ловлю, называемую Кол, 3) ловлю Корь, 4) ловлю Лозу, 5) землю Вольмину и землю на острове с нивами. Всю ту землю я отдал Св. Спасу с челядью (поселянами) и скотом. Поселяне же 1) один молодой человек с женою, 2) Власий, 3) девка Февронья с двумя сыновьями, 4) Недачь. К тому шесть лошадей и корова. Еще я дал Св. Спасу другое село на Слудице, в котором церковь Св. Георгия, с пашнями и сенокосами, рыбными ловлями, и со всем, что в нем есть. — Все это я, Варлаам, сын Михаилов, дал Св. Спасу. Если же кто, по научению диавола и злых людей, захочет отнять что-либо из пашен ли, из сенокосов ли, из ловлей ли: да будет ему противником Св. Спас в сем веке и в будущем».

В обители преподобного поныне цел крест из серебристой меди с надписью: «Царь славы Ис. Хс.», — памятник уважения преподобного к родителю. Этот крест уже был известен по описанию чуда 1460 г. Целы также священническая риза преподобного из мухояра, кофейного цвета, подризник, поручи и служебник.

Пр. Варлаам дал для обители свой устав: но к сожалению драгоценный устав святого не сохранился до нашего времени во всей целости. Известно, что уставом его предписано было раздавать милостыню бедным и всех странников кормить и поить.

Раз шел он в Новгород к владыке. На мосту народ готов был сбросить в Волхов уличенного преступника. Преподобный, взглянув на бедного осужденного, сказал народу: «Он загладит вины свои в Хутыне, отдайте мне его». И народ отдал уважаемому пустыннику. В другое время точно такая же случилась встреча с Варлаамом; в этот раз даже просили преподобного спасти осужденного от смерти: но он молча прошел мимо. — «Что это значит? Отчего одного спас, а другому не хотел оказать той же милости?» спросили его изумленные ученики. «Господь всем хочет спасения, сказал преподобный. Первый осужденный осужден был по правде: но ему, кающемуся, Господь дал время очиститься покаянием, и он совершает покаяние в обители. Последний осужден несправедливо; но за невинное страдание получил он венец праведника, тогда как иначе земная лесть могла испортить душу его».

Князь Ярослав прибыл в пустыню к преподобному. «Будь здоров,

добрый князь и с сыном твоим», сказал преподобный при первой встрече. Князь изумился, но потом узнал, что у него родился сын. По просьбе князя преподобный крестил новорожденного. Признательный князь дал обители преподобного земли. Это было в 1190 г.

Монастырские рыболовы, вытянув удачную тоню, скрыли большого осетра и принесли обители только мелкую рыбу. Преподобный с улыбкой сказал им: «Вы принесли ко мне детей, где же мать их?» Смущенные рыбаки исповедали грех свой.

Благоговейный селянин по усердию доставлял обители все нужное и неожиданно лишился единственного сына. Он привез мертвого в обитель, и преподобный возвратил его отцу живым.

В другое время плыли люди по Волхову, и один упал из лодки в воду; его вытащили бездыханного и принесли к Варлааму. Преподобный помолился, и утопленник ожил.

Один опыт прозорливости преподобного запечатлен общественной хвалою Богу. Преподобному случилось быть у архиепископа, и святитель (это был блаж. Григорий, брат великого Иоанна), отпуская его после беседы, сказал, чтобы побывал у него старец спустя неделю. «Если Господу угодно, отвечал преподобный в пятницу первой недели поста Св. апостолов приеду к твоей святыне на санях». Архиепископ удивился этому, но не потребовал объяснения. В ночь перед назначенной пятницей выпал глубокий снег, и был сильный мороз. Преподобный прибыл к владыке на санях. Архипастырь скорбел о том, что мороз может повредить хлебу. «Не скорби, святый владыка, сказал преподобный, надобно благодарить Господа за милость, — мороз истребил червей, которые погубили бы хлеб в корне, а снег только напоит жаждущую землю». Действительно, на другой день жар дневной растопил снег, и вода напоила сухую землю, а в корнях ржи найдены погибшие от мороза черви; вследствие того и другого был такой урожай хлеба, какого давно не видели.

В благодарную память об этом событии, в пятницу на первой неделе Петрова поста, совершается крестный ход из Новгорода в Хутынь монастырь.

К последнему году жизни преподобного относится завершение строительства каменного храма в обители. При освящении храма во славу Спасителя, Варлаам почтен был саном игумена. Чувствуя близость кончины своей, назначил ученика своего Антония в

преемники себе и мирно почил 6 ноября 1192 года.

Первый храм во имя Варлаама Хутынского в Новгороде упоминается в 1410 году. Мощи его, говорит древнее житие, видел нетленными архиепископ Евфимий (1429–1458).

Рассказывают, что Иоанн Грозный хотел открыть мощи, но едва только начали, по его приказанию, поднимать каменную доску и копать землю, как из гроба чудотворца вырвался дым, и за дымом пламень, опаливший стены. Царь в ужасе бросился вон из храма со всей свитой, так что выронил в монастыре и трость свою. Трость эта поныне цела в обители; цела и обожженная пламенем дверь.

Григорий, архиепископ новгородский, в миру Гавриил, родной брат Св. Иоанна архиепископа, вместе с ним участвовал в 1179 г. в основании на озере Мячине Благовещенского монастыря, употребляя на то и свою собственность. Назначенный ему преемником, принял с иночеством имя Григория, и в 1187 году посвящен был в архиепископа новгородского. В летописи замечено совершенное им освящение каменного храма в Аркадиевом монастыре. Каменный крест с надписью, поставленный при основании сего храма, доселе еще цел. — Блаженный Григорий управлял новгородской паствой шесть лет, напоминая ей своими добродетелями великого брата. Он скончался 24 мая 1193 года и погребен вблизи его в Софийском соборе; мощи его обретены в 1358 году и почивают под ракой, на которой изображен святитель во весь рост.

Мартирий, архиепископ новгородский, прославился строительством многих церквей в Новгороде. В 1199 г., вследствие сильных неудовольствий великого князя Всеволода на Новгород, блаженный пастырь должен был отправиться с посадником и лучшими людьми во Владимир. Изнуренный годами и трудами, «раб Божий архиепископ Мартирий» скончался по дороге на берегу озера Селигер, 24 августа. Св. тело его привезли в Новгород и положили в притворе Св. Софии, который потом назывался Мартириевой папертью и Золотой папертью.

Авраамий Смоленский родился в Смоленске от богатых и благочестивых родителей, по сказанию ученика его Ефрема. По смерти их раздал наследство по монастырям, церквям и бедным, ходил в рубище и поступил в монастырь Св. Богородицы, в пяти верстах от Смоленска, на месте, называемом Селище. Здесь, облеченный в иночество, проходил он разные послушания и трудился от всей души, читал отеческие сочинения, особенно Златоуста и

Ефрема Сирина, также жития святых отцов восточных Антония, Евфимия, Саввы, Феодосия, Феодосия печерского и других, стараясь по возможности усвоить мысли их и чувства. Как трудолюбивая пчела, собирая отвсюду душеспасительные писания, иные списывал сам, другие поручал списывать писцам. «Жизнь земная, думал и говорил он, война; а для войны нужно оружие, нужны познания опытные: так, для брани духовной нужно учиться многому у опытных Св. мужей, нужно от них узнать, какое духовное оружие полезно в каком случае; от них же можем хорошо узнать и врагов наших». Блаженный усердно трудился и в келье по своему доброму изволению, трудился и по монастырю, исполняя с точностью поручаемые ему дела. Видя добродетельную жизнь Авраамия, игумен убедил его (1197 г.) принять сан священства. В сане священства преподобный каждый день совершал служение, и всегда с глубоким благоговением. Игумен, зная его обширные познания и дар слова, поручил ему должность духовника и дозволил принимать к себе желающих слушать наставления его. Это было при князе Мстиславе Романовиче, когда уже более 30 лет преп. Авраамий прожил в обители.

Но вот настали для блаженного Авраамия искушения, преимущественно от своей братии. Смотря с завистью на то, что познания и красноречие его привлекали к нему многих, как иноков, так и мирян, некоторые стали выдумывать разную клевету на преподобного и наносили ему разные огорчения; пять лет терпел он все неприятности, не преставая наставлять приходивших к нему. Наконец, восстал против него и игумен. Блаженный уступил место вражде и оставил обитель.

Изгнанный праведник перешел в город и стал жить в бедном монастыре Св. Креста. Здесь еще более народ стал стекаться к Авраамию. Многие приносили ему пожертвования, которые употреблял он в пользу монастыря и храма, или же раздавал нищим; он украсил храм Божий иконами, завесами, свечами. Сам он написал две иконы: на одной изобразил страшный суд, на другой мытарства. На этих иконах он часто останавливал внимание свое и других, возбуждая к покаянию.

Он проводил такую строгую жизнь, что от поста и трудов был крайне сух и бледен. Вина он совсем не вкушал и воду пил в меру, не любил дорогих одежд, а одевался в худые. Совершая сам с благоговением литургию, он не терпел того, чтобы предстоявшие

разговаривали во время литургии, и строго внушал стоять в храме со страхом Божиим. Он усердно предлагал наставления, в храме и в келье. «Уста его не умолкали для великих и малых людей, для рабов и свободных, для ремесленников и других, приходивших то на церковное пение, то для бесед… Когда облекался он в священнические одежды, то походил на великого Василия, украшенный такою же черною брадою, но с главою безвласою».

На Авраамия поднялось городское духовенство, огорчавшееся тем, что он привлекал к себе множество духовных чад. Начали распускать слухи, что Авраамий, то еретик, — читает «голубиные книги», то живет нечисто, прикрывая темные дела наружной святостью; наконец, подняли такое волнение в городе, что знать городская явилась к епископу Игнатию, и просила подвергнуть Авраамия суду. Злость против Авраамия до того была велика, что иные требовали сжечь его на костре; другие настаивали, чтобы Авраамия водить по улицам с побоями и потом бросить в воду.

Посланы были слуги привести Авраамия на суд. Авраамий стоял на молитве, они схватили его и двух учеников его и потащили с бесчестьем и бранью к епископу. Один благочестивый инок, Лука Прусин, старался образумить притеснителей праведника. Но его не слушали. На суде епископа, совершавшемся в присутствии князя и вельмож, все обвинения оказались клеветой. Но духовенство требовало осуждения. Князь и вельможи говорили, что не видят они вины в Авраме; епископ, для общего покоя, повелел Авраамию удалиться в Богородичный монастырь, запретив ему беседовать с людьми и совершать священнослужение.

Благочестивый смоленский священник Лазарь, тот самый, который после Игнатия был епископом, пришел к епископу Игнатию и сказал: «Город строго будет наказан, если не раскается в своей несправедливости против Авраамия». И точно, скоро наступила страшная засуха в стране Смоленской. Напрасно совершались молебствия о дожде с крестным ходом вокруг города, — дождя не было. Блаженный Игнатий чувствовал, что он оказал слабость, сделав уступку происках злобы. Он послал сказать врагам Авраамия, чтобы пришли в себя и перестали поносить Авраамия. По их милости он находился под такой строгой опалой, что мечники стерегли на дорогах и не пускали никого к нему, а иных и грабили. Один благоговейный священник, явившись к епископу, сказал: «Мы молились Богу, и не были услышаны — не от того ли это, что

невинному Авраамию запрещено священнодействовать?» Тогда епископ, призвав к себе Авраамия, разрешил ему священнослужение, просил у него прощения себе и городу и молитв его о дожде. Угодник Божий с глубоким смирением называл себя грешником, недостойным милости Божией, но обязанным исполнить волю святителя. Возвращаясь в обитель, дорогой молился он в душе о дожде, и еще не дошел до обители, как сильный дождь напоил жаждущую землю. Все увидели в этом силу молитв праведника, все признали невинность Авраамия и стали высоко уважать его.

Блаженный святитель Игнатий, построив близ города новый монастырь в честь положения ризы Богоматери, «почтительно», через протопопа Георгия, пригласил к себе блажен. Авраамия и поручил ему настоятельство в новой обители. Преподобный скоро украсил новый храм иконами и утварью. По-прежнему стали стекаться к преподобному бояре и простолюдины, богатые и бедные, чтобы пользоваться наставлениями его. Много было желавших поступить в Авраамиеву обитель, но преподобный принимал их весьма разборчиво и после испытаний, так что у него было только 17 братий. Авраамий пережил духовного друга своего, епископа Игнатия. После его смерти он еще более прежнего стал готовиться к исходу из этой жизни, молился день и ночь о том, чтобы не быть осужденным на суде Божием, и внушал братии помнить о смерти.

Авраамий скончался не позже 1220, а ученик его Ефрем не ранее 1238 г.

Служба «на память препод. отца нашего Авраамия Смоленского чудотворца и ученика его Ефрема» молит преподобных: «Молитеся Христови даровати православным людем избавление от поганских пленений… молите милостиво, да нас избавит от Агарянских обстояний». Очевидно, эта служба составлена была под гнетом языческого татарского ига. Поэтому нет сомнения, что если не прежде, то в конце XIII века в Смоленске уже чтили память преп. Авраамия и ученика его.

В 1608 году смольняне писали, что обещали они Господу и угодникам Меркурию, Авраамию и Ефрему, стоять за дом Богоматери до смерти. Мощи преп. Авраамия почивают в каменном храме обители его, где посвящен ему престол.

Антоний Дымский был преемником Св. Варлаама Хутынского. Варлаам близко к кончине своей сказал ученикам своим: «Блюстителем вашим по душе и телу назначаю вам игумена Антония,

который возвратился из Царяграда и Св. мест, и в этот самый час уже не далек от нас». Вслед за тем сказали, что Антоний уже в монастыре, и святой с радостью вручил вошедшему Антонию свое стадо. Это было в 1192 году. Неизвестно, как долго оставался настоятелем Хутынской обители Антоний; но в 1230 г. уже и другой игумен хутынский, Арсений, переведен был на игуменство в Юрьев монастырь. Преп. Антоний, отказавшись от управления Хутынской обителью, основал свой монастырь, на берегу озера Дымского, что в 18 верстах от города Тихвина. На иконах преп. Антоний держит хартию со словами: «се удалихся, бегая водворихся в пустыни». Еще и ныне обитель его окружена лесами. Площадь, на которой стоит она, поднята как холм над окрестностями; при подошве ее тихое, темное озеро, и кругом, в необозримую даль, идут леса, ныне местами исчезающие. Над рукой преподобного лежит железная шляпа его. В ней 13 фунтов веса; широкие поля ее прибиты к тулье толстыми гвоздями; шляпки гвоздей, рубцы окраин, должны были врезаться в головные покровы, останавливаясь только на твердых черепных костях, а тяжесть шляпы усиливала боль язв. Преп. Антоний, кроме Дымской пустынной обители, основал еще Вырдемскую пустынь.

Достигнув 67 лет в трудах и подвигах, блаженный Антоний почил 24 июня 1224 года. Мощи преподобного обретены нетленными в 1330 году, и с того времени, прославленные чудесами, стояли открыто в храме обители, а в 1409 г., перед нашествием Едигея, сокрыты в земле. Память преподобного чтится 17 января, — вероятно, это день первоначального обретения мощей, — а 24 июня, в день кончины его, бывает крестный ход на озеро. В обители ему посвящен храм.

Антоний, архиепископ новгородский. В 1211 г. богатый новгородец, Добрыня Андрейкович, по благочестивому расположению души, путешествовал в Константинополь, и, возвратясь с Востока, постригся в Хутыне монастыре с именем Антония. В это самое время новгородцы вознегодовали за что-то на архиепископа Митрофана, которого сами они избрали в 1201 году на место почившего Мартирия. Они обратились к Антонию. Антоний отличался благочестием и образованностью, о которой свидетельствует описание его путешествия в Константинополь. Он построил несколько церквей. Во время отлучки его в Торжок, новгородцы опять приняли Митрофана, а Антонию послали сказать: «Иди куда хочешь». Образумившись, однако же, они отправили

обоих архиепископов к митрополиту в Киев. Митрополит Матвей назначил Митрофана в Новгород, а Антонию дал Перемышльскую епархию. Митрофан через три года скончался, и новгородцы ввели на архиепископский двор хутынского епископа Арсения. Между тем, в 1225 г. Антоний прибыл из Перемышля, и новгородцы рады были своей воле. Спустя три года, Антоний, сильно заболев, добровольно (1228 г.) удалился в Хутынь монастырь; Арсений снова начал управлять делами епархии. С середины августа до 6 декабря (1228 г.) шли проливные дожди, опустошившие поля. Народ взволновался и приписал непогоду тому, что Арсений купил себе место у князя Ярослава и вытеснил Антония. Арсений был вытащен из архиепископского дома и едва не умерщвлен. Арсений убежал в Хутынь, а Антония, против воли, привели в архиепископский дом и дали ему в пособие для судебных дел двух светских чиновников. Но Антоний вскоре занемог и совсем онемел, лежал более двух лет без движения в Хутынском уединении, и, страданиями очищенный, преставился 8 октября 1231 года. «Душа его, говорит летопись, взошла на небо, а мощи его с честию положены были в притворе святой Софии».

В Софийском соборе хранится крест шестиконечный, в котором находится часть Животворящего древа, в виде четырехконечного креста с надписью: «Господи, помози рабу своему Антону, Архиепископу Новгородскому, давшему крест Святой Софии». Этот крест употребляется при торжественном освящении воды, в день Богоявления.

Св. мученик Меркурий родился где-то на западе, вероятно, в Моравии, от родителей благородных и православных. Каким образом он попал в Русскую землю, неизвестно. Высокий ростом, мужественный и сильный, он был воин в полном смысле слова, но вел жизнь подвижника, был строгий постник, проводил ночи в молитве и хранил девственную чистоту. Православную веру не только исповедовал на словах, но готов был умереть за нее. В 1238 году полчища татар приблизились к Смоленску, разоряя все на своем пути и нагло ругаясь над святынями христианства. Они остановились за 23 версты от города, на месте, называвшемся Долгомостье: это место известно и поныне под тем же именем, и множеством могил указывает на кровопролитную битву, бывшую здесь. Татарами начальствовал могучий и сильный богатырь. Меркурий горел желанием положить жизнь свою за Св. веру, но так, чтобы из того

вышло как можно более славы для Св. веры и более позора для нечестия. Он молился о том пламенно. В Смоленском соборе, где стояла чудотворная икона Богоматери, благоговейный пономарь ночью во время молитвы услышал голос: «Иди к рабу моему Меркурию на Подолье, — среди двора увидишь ты его, и скажи ему тихо: Меркурий! Иди в броне военной. Владычица зовет тебя». Пономарь пошел на Подолье, и вот среди двора видит он — стоит воин с воздетыми к небу руками. Тихо объявил ему небесную волю пономарь, и оба пошли они в храм. Здесь Меркурию сказано, чтобы отправился на Долгомостье и сразился с богатырем, — ему обещана небесная помощь. Меркурий сел на коня и поспешил на указанное место. Он прошел военную стражу, не замеченный никем, и среди неприятельского стана увидел богатыря. Оградясь крестным знамением, призвав на помощь Вызвавшую его на подвиг, Меркурий убил гордого мурзу и с ним много других татар. Озлобленные враги поднялись против города, и сын мурзы убил Св. Меркурия. Мученик перед смертью молился за город, и кочевники, устрашенные смертью лучших воинов из своей рати, поспешили удалиться от пределов Смоленских. Благодарные жители Смоленска благоговейно похоронили тело Меркурия в Смоленском соборе. Это было 24 ноября 1238 г. Над местом погребения воина веры повешено было его оружие. Железный шлем и железная обувь его, простотой отделки указывающие на свою древность, хранятся ныне в соборной ризнице. В 16 столетии смольняне еще знали место крови, где умерщвлен был Св. Меркурий, — за городом, в поле. В службе ему поется: «Как столп и твердую стену даровал тебя, Меркурий, сему городу Христос; здесь ныне источаешь ты струю исцелений и помогаешь побеждать поганых». Мощи Св. Меркурия почивают в смоленском Авраамиевом монастыре, где во имя его есть и храм, освященный в 1776 году.

Константин Косинский обучался духовной жизни под руководством преп. Варлаама и преемника его, преп. Антония. Около 1220 г. оставил он Хутынь монастырь и в трех верстах от старой Русы, на уединенном острове, основал свою обитель во имя Св. Николая. Обитель эта называлась Косинской от того, что реки Полисть и Снежная, омывающие остров, образуют косу. В рукописных святцах замечено, что «преп. Константин, ученик Варлаама Хутынского, игумен монастыря, иже за Русою, преставися июля в 29 д.», но год кончины не показан. Здесь же преп. Константин назван чудотворцем.

Симеон, епископ Переяславский, умерщвлен при нападении татар на Переяславль в 1239 г.

Из мирян к лику святых причтены:

В Новгороде: супруга великого князя Ярослава Ингигерда, в крещении Ирина, в монашестве Анна (ум. 1050).

Сын их, Владимир Ярославич (ум. 1051).

Память его вместе с матерью празднуется 4 октября, вероятно, как строителя Софийской церкви.

Владимиро-Волынский князь Ярополк-Петр, «многы беды прием, без вины изгоним от братья своея, обидим, разграблен, прочее и смерть горкую прият: но вечней жизни и покою сподобися. Так бяше блаженый с князь тих, кроток, смерен и братолюбив, десятину дая светей Богородици от всего своего именья, по вся лета, и моляше Бога всегда, глаголя: Господи Боже мой! приими молитву мою, и даждь ми смерть, якоже двема братома моима, Борису и Глебу, отъчюжю руку, да омыю грехы вся своею кровью, избуду суетнаго сего света и мятежа, сети вражии. Его же прошенья не лиши его благый Бог, восприя благая она, ихже око не виде, ни ухо слыша, ни на сердце человеку не взиде, еже уготова Бог любящим его».

Он был убит на дороге из Владимира в Звенигород неким Нерадцем, 22 ноября 1086 г. Тело его было привезено в Киев и положено в мраморной раке, в церкви Св. Петра, которую он начал строить.

Дочь его была за полоцким князем, Глебом Всеславичем, имела великую любовь к Св. Богородице и к Препод. Феодосию, ревнуя отцу своему Ярополку. Все они, — Ярополк, его дочь и ее муж, осыпали дарами Печерский монастырь.

Анна (Янка), дочь великого князя Всеволода Ярославича, обрекла себя на девство и поступила в монастырь, основанный отцом ее при церкви Св. Андрея, странствовала в Константинополь для знакомства с женскими монастырями и привезла оттуда митрополита, преемника Иоанну II («се навье пришел»).

Сестра ее, бывшая замужем за императором германским, Генрихом IV, императрица Евпраксия, поступила к ней в монастырь (ум. 1109).

Двадцать шесть лет провела Анна по строгим иноческим правилам и скончалась 3 ноября 1112 года.

Константин, князь Муромский. По общему мнению[19] — это есть имя младшего сына Святослава сына, Ярослава, который при отце получил Муром и после лишен был княжества Черниговского, когда получил на него право, племянником Всеволодом Ольговичем.

Великий князь Мстислав-Феодор Владимирович поставлен в числе святых еще в Прологе XII века. Ему принадлежит древнейшая грамота из дошедших до нас, данная Юрьеву монастырю в 1125 г. Для него написано было Евангелие, в Благовещенскую церковь на Городище, также дошедшее до нас (хранится в Архангельском соборе) для которого богатый оклад устроен в Константинополе. Мстислав основал много церквей и несколько монастырей в Новгороде и Киеве, из которых знаменитейшие: Юрьев в Новгороде и Федоровский в Киеве, где был погребен, и где погребались многие потомки его, называвшие этот монастырь отчим, вотчим.

Всеволод-Гавриил, князь новгородский и псковский, старший сын Мстислава. Основал по приказанию отца монастырь Юрьев в Новгороде, церковь Св. Иоанна на опоке, которой дал большие льготы, и Святого Климента. Изгнанный новгородцами и принятый псковичами, он основал во Пскове каменный соборный храм Св. Троицы, и вскоре скончался 11 февраля 1138 г. Мощи его обретены в 1192 г. и почивают в Троицком соборе. Там же показывают и меч его с надписью: honorem meum nemini dabo.

Великий князь Игорь Ольгович, убитый киевлянами вследствие распри с Изяславом Мстиславичем, которого они желали иметь вместо Игоря (1116).

Великий князь Ростислав Мстиславич, учредитель смоленской епископии в 1137 г., основал в Смоленске церкви Св. Бориса и Глеба, на месте кончины Св. Глеба, и Св. Петра и Павла, доныне целую. Он убедил Константинопольский собор принять за правило, чтобы митрополиты в России назначались не иначе, как с согласия великих князей киевских. Часто выражал он печерскому игумену свое желание вступить в монашество. Скончался 14 марта 1168 г.

Евфросиния, княжна полоцкая, дочь младшего сына Всеслава, Святослава, в мире Предслава, на двенадцатом году удалилась в

---

[19] «Мы должны заметить для Читателей, что о князе Константине Святославиче совсем не упоминается ни в летописях, ни в родословных; что от времени Андрея Боголюбского до нашествия Татар господствовали в Муроме потомки Святослава Ярославича, правнука Св. Владимира, из коих ни один не назывался Константином; что от 1175 году до 1204 княжил там Владимир Юрьевич, а от 1204 до 1228 брат его, Давыд Юрьевич». Карамзин, «История Государства Российского». — *Прим. ред.*

монастырь тетки ее, супруги старшего сына Всеслава, Романа: здесь постриглась в монахини, и в затворе занималась переписыванием книг, а получаемую плату раздавала нищим. При дяде князе Борисе (1119–1128) основала свой монастырь, куда поступила, во время гонения на полоцких князей, двоюродная сестра ее, дочь князя Бориса; она принесла к преподобной все дорогие вещи, припасенные для брака, постриглась и наречена Евпраксией. Около 1160 г. Евфросиния построила каменный храм Спасителю в своей обители, вместо деревянного, доселе целый и известный в народе под именем Спас-Юрьевичи (вероятно, по участию, которое принимал в построении князь Юрий?). Для этого храма преподобная приготовила драгоценный напрестольный крест, сохранившийся до нашего времени. Надпись на нем говорит: «честьное древо бесценно есть; а кованье его, злато, и сребро, и каменье, жьнчуг, в 100 гривен, а др… 40 гривен». В храме пр. Евфросинии, по сторонам хоров, целы еще две тесные кельи, — в одной из них жила преподобная. Отсюда слушала она богослужение, а сквозь небольшое окно, пробитое в стене, открывались ее взору обширные поля и вид города. Она пожелала иметь одну из трех икон, писанных, по преданию, Св. Лукою, которая находилась в Ефесе. Император Мануил, по родству (сестра ее была замужем за сыном императора Алексея Комнина), прислал ей эту икону, которая и поныне хранится в Торопецком соборном храме, где поставила ее в 1239 г. дочь полоцкого князя Брячислава, при вступлении в брак с Александром Невским.

Близ своей обители княжна построила храм Богоматери и при нем основала общежитие иноков.

Уже в преклонных летах она решилась, в исполнение давнего намерения, посетить святые места.

Вверив обитель сестре своей Градиславе-Евдокии, преподобная отправилась на Восток в сопровождении кн. Давыда, уже знакомого с Востоком; с нею отправилась и родственница Звенислава-Евпраксия. На пути своем она встретилась с императором Мануилом, шедшим против венгров; потом в Константинополе была обласкана патр. Лукой. Она посетила Св. Софию, поклонилась святыням и в других местах восточной столицы и продолжала путь в Иерусалим. Здесь, остановясь в Русском монастыре Пресвятой Богородицы, святая княжна ходила на поклонение Живоносному гробу Господню и поставила над ним лампаду. Потом обошла разные места, ознаменованные жизнью Спасителя, и в Русском монастыре

занемогла. После 24 дней болезни предала дух свой Господу, 23 мая 1173 года.

Тело ее погребено было в обители преп. Феодосия в Иерусалиме и оттуда перенесено в киевские пещеры, вероятно, около 1187 года.

Великий князь Андрей Боголюбский. Строгий блюститель правды в своих владениях, благодетель убогих и нищих, строитель многих церквей и монастырей, ревностный христианин; он убит своими приближенными в 1174 году, 29 июня. Мощи его почивают во владимирском Успенском соборе, в приделе, посвященном его имени; обретены нетленными 15 октября 1702 года.

Князь Глеб, сын Андрея Боголюбского, неизвестный, впрочем, по летописям, отличался благочестием и праведной жизнью, скончался двадцати лет и после смерти прославился многими чудесами, как говорит местное предание. Мощи его открыты 31 ноября 1702 года.[20]

Князь Мстислав Ростиславич новгородский, сконч. 14 июня 1180 года. Память его чтится местно.

Илья Муромец. По словам Кальнофойского, он жил за 450 лет до его времени, т. е. около 1188 г., и по народному назывался Чеботком, а что это был витязь времен Св. Владимира, об этом нет исторических свидетельств.[21]

Давыд и Евфросиния, муромские чудотворцы, в монашестве: Петр и Феврония. Давыд был вторым сыном князя Юрия Владимировича муромского.[22]

Занял стол по смерти брата Владимира в 1203 году. За некоторое время до того он подвергся болезни: тело его было покрыто струпьями. Славившаяся умом своим дочь «древолазца» (бортника) излечила его мазью, — оставался только один струп, которого не коснулась мазь. По разговорам и поступкам девушки князь признал высокие качества ума и сердца в дочери бортника и дал слово на ней жениться; но потом нашел неприличным для князя супружество с

---

[20] Младший сын Андрея, по имени Глеб, княжил в Новгороде, был изгнан оттуда и явился в Грузии мужем знаменитой Тамары.

[21] Европейский путешественник Эрих Лясотта, посетивший Киев в 1594 г., говорит, что гробница Ильи Муромца, богатыря, находилась вне церкви, а в пещерах, среди прочих мощей, мощи товарища Муромца, Ильи Чеботка, полагая их, таким образом, разными лицами. Книга Кальнофойского, монаха Киево-Печерской лавры, была издана в Киеве в 1638 г. *Прим. ред.*

[22] Не все исследователи придерживаются этого мнения. Так, Карамзин считает Петра не самим Давыдом, а его сыном. Рассказ, приводимый о нем Погодиным, взят из жития, и не соответствует тем немногим сведениям, которые о Давыде (и его сыне) имеются в летописях. *Прим. ред.*

простой девушкой. Болезнь возобновилась. Евфросиния вновь вылечила князя, и признательный князь выполнил тогда свое слово, сочетался с ней браком. Когда же после брата вступил он на престол, муромская знать, подстрекаемая младшим братом и племянником, объявила: или пусть отпустит от себя супругу, оскорбляющую своим происхождением знатных жен, или же оставит Муром.

Князь согласился отказаться от княжества. Он остался после того с небогатыми средствами к жизни, и печальные мысли невольно приходили ему на ум. Но умная княгиня говорила ему: «Не печалься, князь, милостивый Бог не оставит нас в нищете». В Муроме скоро открылись раздоры непримиримые, искатели власти схватились за мечи, и многие из вельмож потеряли жизнь. Бояре муромские вынуждены были просить князя Давыда и княгиню Ефросинию возвратиться в Муром.

В 1207 году великий князь Всеволод за услуги, им оказанные, дал ему рязанский город Пронск. Давыд уступил его рязанским князьям при первом их вызове. Супруги вели жизнь праведную. Один женатый возмущался нечистыми мыслями, смотря на прекрасную княгиню. «Почерпни воды из реки с этой стороны судна», сказала княгиня (это было во время плавания по р. Оке). Тот почерпнул. «Испытай, какова?» Тот исполнил приказание. «Почерпни воды с другой стороны судна и испытай также», сказала княгиня. И когда тот выполнил волю ее, она спросила: «Находишь ли разность между той и другой водой?» «Никакой», отвечал тот. Святая сказала тогда: «Точно так одинаково естество женское; напрасно ты, оставляя свою жену, думаешь о чужой». Когда князь и княгиня достигли старости, то в одно время облеклись в иноческое одеяние, один с именем Петра, другая с именем Февронии. По пасхальной неделе 1228 г. умер сын кн. Давыда, потом на той же неделе преставился сам князь-инок, а в один день с ним почила и блаженная Феврония. Князь и княгиня, согласно с завещанием, положены были в одном гробу.

В начале XVI века по всем странам прошла весть, что в городе Муроме явились славные чудотворцы, дарующие исцеление приходящим к ним. Собором 1547 года положено местно праздновать память кн. Петра и Февронии; тогда же написана и служба им. Впоследствии празднование стало повсеместным, вероятно, вскоре после того, как царь Иоанн Васильевич, в походе против Казани, в 1552 году благоговейно «поклонился в Муроме сродникам своим, великим чудотворцам кн. Петру и кн. Февронии».

Феодор, сын великого князя Ярослава Всеволодовича, родился в 1219 г., участвовал в разных походах его по достижении зрелого возраста. Отец избрал ему невесту. Приготовления все были сделаны для свадьбы, как он внезапно скончался 3 июня 1233 г. Тело юного князя положено было в Юрьеве монастыре.

В 1614 году во время нашествия шведов, надругавшихся над всем святым, гроб Свят. князя был вынут и открыт наглыми шведскими солдатами. По известию 1634 года, «Немцы в церкви великомученика Георгия, в монастыре, ищущи поклажи, обрели человека цела и ненарушена в княжеском одеянии, и выняв из гробницы, яко жива, поставили у церковной стены. Митрополит Исидор, услышав о том, выпросил у Делагардия дозволение перенесть гроб в Новгородский Софийский собор; в это время не только оказались нетленными мощи девственного князя, но оне источили исцеления». Св. мощи с того времени покоятся открыто при входе в приделе Св. Предтечи.

О великом князе Георгии Всеволодовиче, погибшем в сражении при Сити, и племяннике его Васильке Ростиславиче ростовском, не хотевшем покориться татарским обычаям (1237) см. ниже.[23]

ГРАМОТНОСТЬ И ОБРАЗОВАНИЕ

Христианская вера стала источником нашего образования, источником единственным, в противоположность с западными народами, которые, кроме христианской веры, получили в наследство себе, еще прежде ее введения, греческое и римское образование, сильное и многостороннее. Они пропитались этим образованием, и оно дало их новым верованиям свой особый характер, что и было причиной отличий первоначального римского католичества от греческого, и еще более от русского православия.

Второе отличие в образовании русского народа от западных народов состоит в том, что мы получили с самого начала Священное писание и все богослужение на родном, понятном языке.

Священное писание и богослужение на родном, понятном языке — вот что было краеугольным камнем нашего образования. Еще

---

[23] У архимандрита Леонида, в его сочинении «Святая Русь», говорится еще об Иоанне Иоанновиче, путивльском князе, сыне Иоанна Романовича, страстотерпце и чудотворце, убиенного от татар за христианы в XII в. Его память празднуется (или праздновалась) в Киевских пещерах. Кто был этот князь — неизвестно. Кроме того, у Погодина не приводится еще целый ряд князей и лиц княжеской крови, чью деятельность можно отнести к рассматриваемому им периоду и чья память празднуется как местно, так и обще. *Прим. ред.*

современник Св. Феодосия, мних Иаков, глубокомысленно заметил: «Прияша святое крещение, готово имуще святое писание, и книги переведены с Греческаго языка на Русский».

Вот великое благодеяние, которое Богу угодно было ниспослать России в самом начале ее истории и которое сторицей вознаграждает другие наши невыгоды, неудобства или недостатки.

Бессмертные славянские первоучители, Кирилл и Мефодий, и их преемники, обогатили славянский язык сокровищами Слова Божия. Все книги Ветхого и Нового Завета исполнь были переведены ими.

Константин, в монашестве Кирилл (827–869), вместе с братом своим Мефодием, перевел сначала избранные места из Евангелия (или так называемое Евангелие апракос, расположенное по церковным праздникам, начиная с Пасхи), и Апостола, потом все книги, необходимые для церковного богослужения: Псалтирь, Служебник, Требник, Часослов, Октоих, или осмогласник, Минею общую, содержащую в себе восследования праздникам Богородицы, Предтечи и общие целым чинам святых, Паремейник или собрание чтений из Ветхого и Нового Завета, и, наконец, Устав или общий чин православного богослужения.

Кириллу же приписывают: дошедшее до нас Написание о праве вере, в котором он, согласно с православной церковью, исповедует учение о Пресвятой Троице, также догматы о воплощении Сына Божия и иконопочитании; «Слово о злых дусех», с именем Св. Кирилла, обращено к славянам язычникам и нападает на их суеверия; «Сказание об обретении мощей Св. Климента», составленное очевидцем, и молитву о покаянии, исходе души и за всех христиан.

«Осмь частей граматикия переложи» с еврейского на греческий язык, свидетельствует биограф его, Св. Климент. Этот перевод ныне неизвестен, как и сочинение его: «Спор с раввинами», переведенный Св. Мефодием на славянский язык.

Св. Мефодий (ум. 885) участвовал с младшим братом своим в переводе чтений из Евангелия с Апостолом, Псалтири и книг богослужебных, а по смерти брата перевел шестьдесят уставных или канонических книг Св. Писания, кроме Маккавеев. До нас, к сожалению, полностью великое дело Мефодия не дошло.

Биограф Мефодия ему же приписывает перевод Номоканона, древнейшего собрания церковных законов, и отеческих книг, содержащих в себе жития святых Вселенской церкви.

Первоначальный перевод Библии был сделан со списков

Константинопольской церкви, которые, как известно, отличались от текста библейских списков, распространенных в западной церкви и в Александрии.

Разнообразные чтения в дошедших до нас списках служат доказательством, что переводы священных книг у нас издревле рассматривались, изучались и исправлялись по подлинникам. Следовательно, у нас уже были люди, способные к такому делу.

Св. Климент, ученик Кирилла и Мефодия, епископ величский, в земле дреговичей и сакулатов, родом болгарин, скончавшийся в 916 году, по словам биографа ученика его, писал «языком простым и ясным» поучения; похвальные слова Богоматери «на все Ея торжественныя дни» и похвалы Крестителю; жития святых; перевел Цветную Триодь. Доныне найдены у нас по рукописям следующие сочинения Св. Климента епископа: поучения на воскресный день, на день апостола или мученика, на день святого, на Преображение Господне, похвальные слова: на Успение Богоматери, Иоанну Крестителю, на день Св. Захарии, отца Крестителя, Св. Лазарю, великому Дмитрию, архистратигам, Св. Клименту папе Римскому, Св. Кириллу Славянскому, «славным учителям Славян, переложившим Новый и Ветхий закон на Славянский язык, блаженному Кириллу и Мефодию»; два жития — одно Св. Кирилла, первого учителя славянского, другое Св. Мефодия, архиепископа моравского.

Симеон, первый царь болгарский, «книголюбец», знаменитый покровитель просвещения (ум. 927 г.), составил выбор из слов Златоуста на славянском языке, назвав его Златоструем; в его выборе 136 слов Златоуста.

Иоанн, Экзарх Болгарский, или, иначе, «строитель церковный Болгарския земли» при князе Симеоне. Он составил Шестоднев из сочинений Василия Великого, Севериана Гевальского и Иоанна Златоуста, с добавлением своих размышлений о создании мира. Перевел Богословие Дамаскина, или книгу Небеса, Диалектику его, Грамматику. Последнюю переводил он так, что не только объяснял правила славянскими примерами, но и сами правила иногда изменял по духу славянского языка. Он же, без сомнения, перевел мелкие статьи Дамаскина. Известны четыре слова Иоанна Экзарха.

Константин, епископ болгарский, один из учеников Св. Мефодия и сотрудник Экзарха. Он составил недельные поучения, выбрав их из Златоуста (37 слов) и Исидора Пелусианского (5 слов), с

прибавлением своих вступлений и заключений, при чем поместил одно свое слово. Преложил четыре слова Св. Афанасия против ариан, «ученик сый Мефодиев, архиепископа моравского», по свидетельству черноризца Тудора, написавшего книги Афанасия в 907 году.

Тому же переводчику трудов Афанасия следует приписать перевод Афанасиевой жизни, Св. Антония и Св. Панкратия. «Не собою дерзнухом на дело сие, толь велико суще, но принуждени от строителя церковнаго Иоанна Болгарския земли».

Наконец, едва ли не тому же трудолюбивому пастырю и ревнителю к званию народного наставника принадлежит и перевод оглашений Св. Кирилла.

Григорий, «пресвитер и мних, всех церковник Болгарских церквей», т. е. старший иеромонах и судья, «повелением книголюбца князя Семиона, истинее же рещи боголюбца», перевел хронику Иоанна Малалы. Хронику Малалы Григорий дополнял событиями церковно-библейской истории, поместил в ней историю Александра Македонского, вставку из Флавия и проч.

Черноризец Храбр известен исследованием «о писменех» или о славянской азбуке, изображенной Кириллом и Мефодием. Он пишет: «Святый Константин Философ, нарицаемый Кирилл, те письмена сътвори и книги преложи, и Мефодий брат его. Суть бо еще живи, иже суть видели их». Следовательно, Храбр был их современником.

Козма, пресвитер болгарский, написал книгу на новоявившуюся ересь богомилов.

Некоторые митрополиты, приезжавшие из Греции, были люди ученые и любознательные, которые привозили с собой книги, имели, по необходимости, переводчиков, и старались о распространении образования между своей паствой, например, Георгий, Иоанн II, Никифор и др.

Вероятно, были между ними болгары (напр. Иоанн II),[24] которые были еще полезнее в этом отношении для Руси, знакомые с творениями греческих отцов, беспрерывно переводившихся в Болгарии.

Посредством их все труды славянских первоучителей и их

---

[24] Этого митрополита Иоанна считают греком. Но каким образом о греке мог бы Нестор так отозваться под 1089 г.: «Бысть Иоанн муж хитр книгами и ученью, милостив… речист же, книгами святыми утешая печальныя…» Мог ли грек прославиться своим красноречием между русскими, не зная русского языка? Прибавим, что правило митрополита Иоанна мы имеем только на русском языке. Болгарин мог знать греческий и русский языки в одинаковой степени.

преемников дошли к нам очень рано, распространялись в народе и были продолжаемы.

Связь с Грецией и Болгарией поддерживалась путешествиями к святым местам и на Афон, слава которого тогда начиналась, со времени основания великой Лавры преподобным Афанасием (961). Эти путешествия начались уже рано: новые христиане, умиленные учением Спасителя, горели желанием видеть места, где Он родился, учил, творил чудеса, пострадал и принял крестную смерть, искупая грехи человеческие. Несмотря ни на какие препятствия и затруднения, они стремились туда во множестве, получали там благие впечатления, знакомились с жизнью других народов, преимущественно со славянами, умножали свои сведения и приносили их в отечество.

Первое известие мы имеем о преподобном Антонии, которому Афон подал мысль об учреждении монашества на Руси.

В житии Св. Феодосия упоминаются странники, возвращавшиеся из Палестины, которые рассказами своими о чудесах, там виденных, возбудили в нем святой огонь.

Св. Ефрему поручал печерский игумен Св. Феодосий достать в Константинополе Студийский устав для своей обители.

Св. Варлаам (около 1060 года) ходил в Иерусалим, потом в Константинополь, где купил нужные для своего монастыря вещи.

Игумен Даниил обошел (ок. 1115 г.) все святые места и оставил их описание, которое, разумеется, содействовало в свое время возбуждению желания у читателей последовать его примеру. Он встретил там многих своих соотечественников: «Мне же, худому, Бог послух есть. Св. Гроб Господень и вся дружина, Рустии сынове, приключивыйсь в тот день Новогородстии, Киане: Изяслав Иванович, Городислав Михайлович, Кашкича два, и инии мнозии».

Назовем Янку, дочь великого князя Всеволода, которая ходила в Константинополь в 1093 г. и привела оттуда митрополита Иоанна III.

Евфросинию, княжну полоцкую. Она ходила к святым местам около 1173 г.

Из вопросов Кирика видно, что число богомольцев иерусалимских в его время (около 1136 года) увеличилось до такой степени, что нужно было духовному начальству их останавливать.

Некоторые русские оставались на Афоне, где им был предоставлен особый монастырь Св. Пантелеймона, существовавший, несомненно, по крайней мере, с XII столетия, а предание относит его

даже ко времени Св. Владимира.[25]

Первые русские христиане, устремившиеся читать Священное писание, не довольны были одним его текстом, но искали толкования, и уже на первых порах имели важнейшие сочинения этого рода, которые дошли до нас в значительном количестве списков, что доказывает их значительное распространение в народе.

О толкованиях пророчеств мы имеем подлинное свидетельство, что они уже были в Новгороде в первой половине XI столетия (1046) из следующей приписки, повторенной во всех новейших списках: «Слава тебе Господи, Царю небесный, яко сподоби мя написати книги си, ис Куриловице, князю Володимеру, Новегороде княжащю, сынови Ярославлю болшему. Почах е писати в лето 6335, месяца мая в 14, а кончах того же лета, месяца Декабря в 19, аз поп Упир Лихый. Тем же молю всех прочитати пророчество се: велика бо чюдеса написаша нам сии пророци в сих книгах. Здоров же, княже, буди, в век живи».

Толковые псалтири принадлежат также к глубокой древности: известен отрывок XI века (сохранилось 16 листов: 14 в Публ. библиотеке, а 2 в Академии наук).

Беседы (13) Св. Григория, папы римского (377 л.), остались в списке XI в., в Петерб. публ. библиотеке.

Из XII века есть полный список с толкованиями Св. Афанасия Александрийского и такой же с толкованиями Феодорита (270 л.). Там же.

Шестоднев Иоанна, Экзарха Болгарского, заключающий толкование важнейшей части пятикнижия Моисеева, повествования о сотворении мира, имеем в списке XII века.

Толкования на все четыре Евангелия Феофилакта, архиепископа болгарского, стали известными вскоре по их сочинении в XII веке.

Из первой четверти XIII века (1220 г.) дошел до нас толковый Апостол (240 л. в Синодал. библиотеке).

Были известны даже и некоторые апокрифические книги, например: хождение Богородицы по мукам.

Кроме этих толкований были у нас в обращении сочинения отцов церкви: Василия Великого (правила, слова), Григория Богослова, Иоанна Лествичника, Кирилла Александрийского, Анастасия

---

[25] Стефан новгородец (ок. 1350) нашел в Студийском монастыре новгородцев Ивана и Добрилу, которые жили там «списаючи от книг Святаго писания, зане убо искусни были зело книжному списанию». Вероятно, и прежде были там такие списатели.

Синаита, Мефодия Тирского, Ефрема Сирина, Кирилла Иерусалимского. Особенно предки наши любили Златоуста.

Преподобный Феодосий, если сам не поучал братию в церкви, то поручал великому Никону или Стефану доместику. «От книг почитающе, поучение творити братии». В числе этих книг были, без сомнения, огласительные поучения монахам преп. Феодора Студита, устав которого был правилом в Печерской обители.

Черноризец Иаков упоминает о книгах Св. Иоанна Дамаскина, «рекомых Уверие», т. е. о православной вере, переведенных в X веке Иоанном Экзархом (сохранились в списке XII века).

Напомним о сборниках великого князя Святослава Ярославича: первый — 1073 года (написал дьяк Иоанн). Сборник составлен греком и потом переведен на славянский язык для болгарского князя Симеона. В нем заключаются разные рассуждения богословского, нравоучительного, философского и частью церковно-исторического содержания, извлеченные из творений Василия Великого, Иоанна Златоуста, Григория Богослова и других. Большую часть книги занимают Анастасиевы ответы с приложениями (в Синод. библиотеке).

Второй Сборник 1076 года («кончашася книгы сия рукою грешьнаго Иоанна, избьрано из мъног книг княжьих»). По содержанию сходен отчасти со Сборником 1073 г., но богат более статьями нравоучительного содержания (хранится в Петерб. библиотеке).

1095. Диоптра Филиппа пустынника, написанная по-гречески для смоленского инока Каллиника и тогда же переведенная на славянский язык (сохран. в списке 1306 года, в Чудове монастыре).

Еще из XII столетия дошли до нас следующие сочинения:

До 1100 года: Пандекты Антиоха.

До 1142 г. Слово о Халкидонском соборе и епистолия ко Льву, папе Римскому, о божественности Иисуса Христа.

До 1199. Пчела, сборник извлечений из Священного писания, отцов церкви и древних греческих писателей.

До 1200. Сборник воскресных поучений, извлеченных Константином, пресвитером болгарским, из творений Св. Иоанна Златоуста (264 л. в Синод. библиотеке).

Златоструй, собрание учительных слов из творений Св. Иоанна Златоуста (в Петерб. публ. библиотеке, л. 128).

Сборник поучений из произведений Иоанна Златоуста, Василия

Великого, Ефрема Сирина, Исидора Пилусиота, Антиоха (в Троицкой лавре).

1219. Житие Нифонта (175 л. в Синод. библиотеке).

До 1240 г. «Книгы бытийскыя, рекомыя Палея. Обозрение событий от сотворения мира до Христианства и до погибели Жидовьства».

Были известны жития святых, переведенные, вероятно, с греческого языка.

Все эти сочинения были в общем употреблении, и у писателей того времени мы находим беспрерывные ссылки на них.

Св. Иларион говорил: «Мы пишем не для незнающих, а для насыщающихся с избытком книжною мудростью». В его слове приводятся места из Ветхого Завета: из книг бытия, судей, псалмов, пророков, Иисуса, сына Сирахова.

Св. Никита знал все книги Ветхого Завета наизусть: «бытие, исход, левити, числа, судии, царства, и все пророчества по чину и вся книги жидовския».

Иаков мних упоминает о житии чешского князя Вячеслава, которое читал Св. Борис перед кончиной, о страданиях Св. Никиты, мученицы Варвары.

Преп. Нестор ссылается в житии Св. Бориса и Глеба на жития Св. Плакиды и Романа Сладкопевца, в житии Св. Феодосия на Патерик скитский, и делает намеки на жития великих подвижников древней церкви: Антония, Феодосия, Саввы, Евфимия; в летописи приводит места из многих книг Священного писания, из слова Мефодия Патарского.

Владимиру Мономаху известны были сочинения Василия Великого.

Кирик доместик ссылается на правила Тимофея Александрийского, Василия Великого и Иоанна Постника.

Св. Симон ссылается на Лествицу Иоанна Лествичника, на творения Ефрема Сирина.

Даниил Заточник говорит: «Аз, бо, княже господине, ни за море ходил, ни от философ поучался, но был яко падая пчела по различным цветам, и совокупляя, яко медвенный сот, так и аз по многим книгам собирая сладость словесную».

О Кирилле, епископе ростовском, в Суздальской летописи сказано, по поводу его посвящения (1231):

«Все приходящая удивлеся, князи же и велможе, всяк возраст

града Ростова, нетокмо же простьця, но и попы, и игумены, и весь черноризьскый чин, и вся приходящая из окрестных град в святую соборную церковь, ово послушающе ученья его, еже от святых книг, ово же хотяще видети украшенья святыя церкви».

Авраамий Смоленский любил читать отеческие писания, и в особенности Златоуста и Ефрема Сирина.

Книжное учение ставилось высоко и почиталось одним из главных средств для спасения души. Наши отцы учили, согласно со словом великого первоучителя славянского, Св. Кирилла, который сказал в предисловии к переводу Св. Евангелия, по одному сербскому списку:

«Проглас Св. Евангелия, как прорекли о нем пророки: Христос грядет собрать языки — свет бо есть всему миру. Они сказали: слепые прозрят, глухие услышат слово буковное, и Бога познают, как должно. И так услышьте Славяне все: дар сей дан от Бога… Внушите ныне от своего ума, слышите Славянский народ весь, слышите: слово от Бога пришло, слово, которое питает души человеческия, слово, которое крепит сердца и умы, слово, уготовляющее к богопознанию. Без света не будет радости оку видеть творение Божие: так и всякой душе безсловесной, не видящей Божия закона… Душа безбуковная мертва является в человеках».

Св. Феодосий завещал братии читать книги и поручал это чтение своим приближенным.

Приведем драгоценные слова Нестора летописца о пользе книжного учения:

«Велика бывает польза от учения книжнаго; книгами бо кажеми и учими есмы пути покаянью, мудрость бо обретаем и воздержанье от словес книжных; се бо суть реки, напаяющие вселенную, се суть исходяща мудрости; книгам бо есть неисчетная глубина; сими бо в печали утешаеми есмы, си суть узда воздержанью… Аще бо поищеши в книгах мудрости прилежно, то обрящеши великую пользу души своей; иже бо книги часто чтет, то беседует с Богом, или святыми мужи; почитая пророческыя беседы, и Евангельская ученья, жития святых отец, восприемлет душа великую пользу».

В Пчеле (1199), одном из древних наших сборников, сказано о книгах:

«Ум без книг, аки птица спешена. Якож она възлетати не может, такоже и ум недомыслится съвершена разума без книг. Свет дневной есть слово книжное, его ж лишився безумный, акы во тьме ходит и

погибнет во веки».

Св. Кирилл Туровский: «Того ради молю вы — потщитеся прилежно почитати святыя книги, да ся Божиих насытивши словес, и будущаго века неизреченных благ значение стяжете…»

«Аще бо мира сего властели иже в житейских вещах труждаются, прилежно требуют книжнаго почитания: кольми паче нам подобает учитися в них, и всем сердцем взыскати сведения словес Божиих о спасении душ наших писанных».

«Книги Священного писания стали, по верному замечанию Сокольского, силою умственно и нравственно воссозидающей и возрождающей древнерусский народ. В них искали своего утешения и укрепления своей вере люди, принимавшие христианскую веру; по ним воспитывались люди, просвещенные крещением и преданные вере; с них должны были начинать свое образование люди, желавшие учиться грамоте… Самое высшее образование состояло в изучении книг Священного писания, книг церковно-богослужебных и нравоучительных. Вследствие чего, в устах современников заслуживал особенную похвалу тот, кто изучал книги Св. писания и знал их на память. Самое служение книжному делу, — списание и распространение священных книг, — считалось делом богоугодным, святым, приличным монашескому служению, и достойным занятий каждого человека, ревновавшего о распространении и пользе просвещения и образования. Древние сказатели с особенной любовью останавливаются на рассказе о том, как князья, иноки и просвещенные иерархи трудились в списывании и делании книг. Такое значение книги Священного писания имели в деле воспитания и образования древнерусского народа».

Монастыри, будучи училищами благочестия и основами духовной жизни, заключали в себе и источники образования. Печерский и в этом отношении занимал первое место.

Мы видели, что сам преп. Феодосий, оставивший несколько поучений, был охотником до книг: инок Иларион, по свидетельству Нестора, день и ночь переписывал у него книги. Друг его Никон переплетал их иногда, между тем как Феодосий пел псалмы или прял волну. Умирая, он заповедовал братии «бодру быти на пенье церковное и на предания отеческия и почитанья книжная».

Книги греческих мастеров, строивших и расписывавших церковь, целы были еще в Симоново время. Точно то же говорится и о Святошиных книгах. Святоша поручил какому-то Феодосию,

знакомому с Омировыми и риторскими речами, перевести для него знаменитое сочинение папы Леонтия о божественности Иисуса Христа, против ереси Евтихия.

У преподобного Григория все богатство состояло во множестве книг.

Св. Никита знал почти наизусть весь Ветхий Завет.

Св. Дамиан не спал по целым ночам, прилежно читая книги и опять учащая молитву.

Иаков мних, нареченный от Св. Феодосия преемником его, прославился своими сочинениями.

Нестор летописец еще более.

После Нестора упомянем о печерских епископах Нифонте и Симоне, черноризце Поликарпе, известных своей ученостью.

Из Печерского монастыря разносилось образование по областям русским с епископами, назначаемыми из иноков, и всякая новая епархия становилась новым учебным округом, новый монастырь гимназией, и новая церковь народным училищем. Вот почему строительство церквей, учреждение монастырей, столь тщательно записанное нашими летописцами, должно занимать место и в истории.

В богослужебных книгах, в том, что из них пелось и читалось в церкви, начиная с «Господи помилуй», было для народа много нового, любопытного, назидательного, а язык их был для него тогда гораздо ближе и понятнее, чем теперь.

Епископы везде должны были заводить училища, чтобы иметь достаточное число священнослужителей, невозможных без грамоты, — по примеру Св. Владимира, который «поимал у нарочитое чади дети и даяти нача на ученье книжное», — и Ярослава, который приказывал попам учить людей и собрал от пресвитеров и старост в Новгороде триста детей.

В житии Феодосиевом мы видели Курское училище: «Датися веле на учение божественных книг единому от учителей… и вскоры извыче вся граматикия, покорение же и повиновение кто исповесть».

В Новгороде упоминается под 1026 г. Ефрем, ученик епископа Иоакима. который «ны учаше, говорил тамошний летописец. Сей, поучив люди лет 5, святительству же несподобися».

В житии Св. Авраамия Смоленского говорится, что когда он пришел в возраст, родители его «даста и книгам учити», и что он «неунываше, яко же прочие дети, но скорым прилежанием извыче,

сему же на игры со инеми не исхождаше».

О преподобной Евфросинии, княжне Полоцкой, говорит предание: «Случижеся девице сей учене быти книжному писанию, еще недостигши ей в совершен возраст».

Многие князья покровительствовали учению, уважали книжную мудрость и любили беседовать с духовными лицами о спасении души, что в особенности с чувством отмечается летописцами. Назовем Святослава, который высоко чтил преп. Феодосия и для которого написаны были два сборника: 1073 и 1076 года. Хотя послесловие, в котором говорится о его клетях, наполненных книгами, есть перевод с послесловия, обращенного к болгарскому царю Симеону, однако оно, видно, могло быть прилагаемо хоть сколько-нибудь и к нему.

Из князей назовем еще Всеволода, знавшего пять языков, Давыда Святославича, Святошу, Мономаха, Андрея Боголюбского, который «божественному учению зело прилежаше», Ростислава Мстиславича, Константина Всеволодовича, Янку, дочь великого князя Всеволода Ярославича, Евфросинию Полоцкую, Марию, супругу великого князя Всеволода суздальского, Верхуславу, дочь его.

Благодаря всем этим благоприятным обстоятельствам, духовное и нравственное образование стало на высокую степень, и мы имеем из этого периода (1054–1240) множество письменных произведений, принадлежащих лицам всех званий и санов: князьям, митрополитам и епископам, архимандритам и монахам, боярам и простолюдинам, — о предметах самых разнообразных, обнимающих жизнь почти во всех ее проявлениях. Мы имеем летописи, сказания, законы, церковные уставы, грамоты княжеские, монашеские, мирные, торговые договоры, поучительные слова, рассуждения, жития, послания, описания странствий, вопросы и ответы о церковных предметах, правила, притчи, молитвы, письма, похвалы, даже автобиографии. Мы должны присоединить к произведениям духовной и церковной словесности и светские произведения: былины, песни, пословицы, поговорки, Слово о полку Игореве, Слово Даниила Заточника.

Это такое обилие сокровищ, которому нельзя не удивляться, за которое нельзя довольно благодарить судьбу. Никакая история не представляет ничего подобного. Мы так счастливы, что можем рассматривать своих предков в картинах, ими самими написанных, верно, живо и обстоятельно.

Начнем с обозрения духовных сочинений.

Поучительные слова

Поучение архиепископа новгородского Луки Жидяты (1036–1058) к братии.

Слова Илариона, первого из русских киевского митрополита.

Слова Феодосия, игумена печерского, после многих разноречий, догадок, сомнений и вопросов, поступают, наконец, в число источников нашей истории, как памятники языка и образа мыслей.

Слова Кирилла Туровского, епископа, современника великого князя Андрея Боголюбского, драгоценные по своим мыслям, языку и красноречию.

Рассуждения

Илариона, митрополита киевского (посвящен в 1051 г.), О законе, Моисеем даннеем ему, и О благодати и истине Иисусом Христом бывшим, к которому присовокуплена.

Похвала (похвальное слово) кагану нашему Владимиру, от него же крещени быхом, и молитва к Богу от всеа земля нашея.

Рассуждения Кирилла Туровского, под заглавием притчей, сказаний и повестей, помещенные при его словах, например: О душе и теле, О преступлении Божиих заповедей, О премудрости и проч.

Молитвы

Митрополита Илариона.

Кирилла Туровского.

Вопросы и ответы

Иоанна, митрополита русского (1080–1089), нареченного пророком Христа, написавшего правило от святых книг вкратце Иакову черноризцу.

Вопросы черноризца Кирика новгородского с ответами «о разных недоумениях», встречавшихся при богослужении (1136).

В вопросах и ответах заключаются любопытные известия о многих обычаях, остатках язычества и признаках суеверия, вообще о духе времени и личности совопросников.

Жития

Летописца Нестора житие Св. князей Бориса и Глеба.

Его же, житие игумена печерского Феодосия.

Важнейшие сочинения, особенно последнее, даже в литературном отношении, не только в историческом, представляющее черты древней жизни почти во всех ее проявлениях, с драгоценными подробностями о великих князьях, Изяславе и Святославе, о Св. Антонии и о многих их современниках, также об

иноках печерских.

Мниха Иакова, житие великого князя Владимира.

Его же, житие Св. Бориса и Глеба, заключают несколько любопытных известий, которых нет у Нестора, и также несколько разноречий.

Многие жития пропали, из которых особенно жаль жития Антония печерского, о котором часто упоминают Нестор и Симон. Нельзя иначе объяснить себе этой удивительной утраты, при таком множестве рукописных патериков, любимого чтения в древности, как предположением, что все они происходят из одного источника, то есть одной рукописи, принесенной с юга на север и не заключавшей по какой-нибудь случайной причине жития Антония. Но как не сохранилась она на юге? Разве вследствие совершенного опустошения татарского.

Были древние жития Св. Леонтия Ростовского, Ефрема Новоторжского, Авраамия Смоленского, кн. Константина Муромского, Антония Римлянина, Варлаама Хутынского, Евфросинии Полоцкой, которые дошли до нас уже в новейших переделках, сокращенных или распространенных.

Послания

Два послания печерского игумена Феодосия к великому князю Изяславу: О латинех и Об употреблении мясной пищи.

Послание митрополита Иоанна к римскому папе Клименту III (1080–1100) Об опресноцех, написанное первоначально по-гречески и переведенное в то же время на славянский язык.

Иакова мниха к великому князю Изяславу Ярославичу (1054–1073) с увещаниями против запоя и блуда.

Два послания митрополита Никифора, к великому князю Владимиру Мономаху: 1) Об отступлении латин от православной церкви, 2) О посте и вообще о нравственности, с похвалой добродетелям Мономаха.

Послание инока Феодосия (знакомого с Омирскими и риторскими книгами) к князю Святоше, при переведенном им послании папы Леонтия к Флавиану, архиепископу константинопольскому на Евтихия суемудрого и единомышленников его.

Симона, епископа владимирского (1213–1226), к Поликарпу, черноризцу печерскому, Послание, исполненное высоких нравственных правил и чистых понятий о достоинстве епископского

звания, с примерами из жизни печерских угодников. Оно вошло в состав Печерского патерика, равно как и следующее:

Послание Поликарпа к печерскому архимандриту Акиндину. Здесь автор описывает жития других печерских угодников, как слышал их от того же преосв. Симона, со включением многих исторических подробностей.

Есть еще множество произведений древней русской словесности, которые скрываются без имени авторов, и даже под чужими именами, в разных наших сборниках, например, слово неизвестного автора, произнесенное до татар в день Св. Бориса и Глеба, и несколько слов, помещенных в так называемой Златой цепи, древнем сборнике. Это — слова, дышущие простотой, искренностью, кротостью, и живо изображающие характер древней церкви и духовенства, равно как и патриархальность их отношений между собой.

Укажем на описание жизни и чудес Св. Николая, мирликийского чудотворца, разделенное на 40 глав. В главе 33-й автор описывает одно чудо Св. Николая, совершившееся в Царьграде при патриархе Керулларии (1043–1059), когда сам автор находился в Царьграде; в главе 34-й рассказывает о другом чуде того же угодника, бывшем при императоре Константине или Мономахе (1042–1055), или Дуке (1059–1067); наконец, в 40-й главе повествует о событии киевском, — о спасении Св. Николаем младенца, упавшего в Днепр, — которое случилось к концу XI века.

Таково же слово на перенесение честных мощей Св. Николая из Мир Ликийских в город Бар. Здесь автор прямо говорит, что это чудесное перенесение последовало «в нынешняя времена, в нашу память, в наши дни — лета, в тысящное лето и 95-е от воплощения Самаго Бога, при цари Гречестем и Самодръци Констянтина града Алексее Комнине и патриарсе его Николы, а в лето Рускых наших князей, христолюбиваго и Великаго князя нашего Всеволода в Киеве, и благороднаго сына его Володимера в Чернигове». Потом излагает саму историю перенесения мощей Святого Николая, подробно перечисляет совершенные им при перенесении чудеса, повествует о новой церкви, в честь его устроенной, куда поставлены были его Св. мощи, и о новом в честь его празднестве. Это русское сочинение, несомненно, относится к концу XI или к самому началу XII столетия.

Климент Смолятич, митрополит киевский (1147–1155), по отзыву Киевской летописи был «книжник и философ», по другим летописям: «зело книжен и учителен и философ велий, и многа писания написав

предаде». Ему приписывает арх. Филарет красноречивое слово в неделю всех святых.

Мы рассматривали духовное образование и произведения духовной письменности.

Все они без исключения представляют такое сердечное участие, и вместе такое глубокое убеждение в истинах христианской религии, соединенное с таким искренним чувством человеколюбия, что дают высокое понятие о нравственном состоянии того народа, который мог иметь подобных представителей, и в таком множестве.

Перейдем теперь к памятникам мирского содержания.

Летописи

Преподобный Нестор написал житие Св. Бориса и Глеба, житие Св. Феодосия и летопись.

Вот свидетельства и доказательства — в заключении Феодосиева жития он сам себя называет так: «Се бо елико же выше о блаженем и велицем отци нашем Феодосии, оспытовая, слышах от древних мене отец, бывших в то время, тоже вписах аз грешьный Нестор, мьний вьсех в манастыри блаженаго и отца всех Феодосия…»

А в начале: «Се бо исперва писавшю ми о житии и убиении и о чюдесех святою и блаженною страстотерпцю, Бориса и Глеба, понудихся и на другое исповедание приити…»

Летопись приписывается ему на основании слов Поликарпа, инока печерского, в послании к архимандриту Акиндину, который в житии Агапита ставит себе пример Нестора: «Яко же блаженный Нестор в летописце написа о преподобнех отцех, о Дамияне, Иеремии, и Матфеи, и Исаакии», — и эти жития, в этом же порядке, находим мы в дошедшей до нас летописи.

Поликарп и в другом месте, в житии святого Никиты, называет Нестора летописцем.

На некоторых списках летописи стоит имя Нестора, на других — черноризца печерского Феодосиева монастыря.

В пещерах покоятся мощи Нестора некнижного, в противоположность Нестору летописцу.[26]

К числу доказательств о тождестве сочинителя летописи с сочинителем жития Феодосия, Нестором, можно причислить и то, что в летописи не упоминаются те события из жизни Феодосия, которые

---

[26] Мощи Нестора некнижного покоятся в дальней (Феодосиевой) пещере, мощи Нестора летописца в ближней (Антониевой). *Прим. ред.*

описаны в житии, и, наоборот, что есть в летописи, того уже нет в житии, например, о погребении, об открытии мощей.

Сомнение может происходить из следующего разночтения в житии и летописи: в житии Нестор говорит, что он был принят в монастырь Св. Феодосия преп. игуменом Стефаном, «и яко же от того острижен быв, и мнишескыя одежа сподоблен, пакы же и на дияконьскый сан от него изведен сый», а в летописи: «Феодосьеви же, живущю в монастыри, и правящю добродетельное житье и чернечьское правило, и приимающю всякаго приходящего к нему, к нему же и аз придет, худый и недостойный раб, и прият мя лет ми сущю 17 от роженья моего». Может быть, это только обмолвка, неточность, очень извинительная, какая встречается часто и у новых авторов в сочинениях, между которыми прошло много лет: Нестор был принят Феодосием и пострижен Стефаном, который после стал игуменом. Во всяком случае, это сомнение, недостаточно еще объясненное, должно уступить количеству и важности вышеприведенных доказательств.

Расположенный от природы к авторству, познакомясь, вероятно, с летописями греческими в болгарских переводах, которые привозимы были к нам болгарскими и греческими монахами, Нестор написал два жития и потом вознамерился написать русскую летопись. Примером ему служили греческие летописи, из которых он предлагает много выписок. Может быть, он достал записки, веденные на княжеском дворе о происшествиях, может быть, монастырь получил их с поручением княжеским об их обработке. Как бы то ни было, Нестор распространил и дополнил эти записки сведениями, от того или другого лица услышанными (на боярина Яна он сам указывает), и самим, по врожденной любознательности, собранными из преданий, песен, пословиц; наконец, он вставил целые сказания, которые уже тогда находились в обороте, например, о путешествии Св. Андрея Первозванного, о принятии Св. Владимиром христианской веры, и проч. В житии Св. Бориса и Глеба он сам на это намекает: «Се аз Нестор грешный о житии и о погублении, и о чюдесех… опасне ведущих исписая, другая сам сведя, от многих мало вписах», и др.

Летопись Нестора доведена до 1111 г., впрочем, он был жив еще в 1113 году, ибо этот год успел ввести в свою хронологическую таблицу.

Летопись его отличается правдивостью, беспристрастием,

любовью к отечеству, искренним благочестием и во многих местах естественным красноречием. Это есть наше народное сокровище, без которого мы не знали бы ничего ни о нашем происхождении, ни о первых судьбах нашего государства.

Главных списков Нестора было шесть: харатейный Лаврентьевский или Пушкинский (1380 г.) до 1305 г., Ипатьевский (конца XIV или начала XV в.), с которого списаны Хлебниковский (XVI в.) и Ермолаевский, Радзивилловский (XV или начала XVI в.), Троицкий харатейный (сгорел при французах), Троицкий до 1319 г. на бумаге XV века. К ним присоединился в последнее время седьмой, также из XV века, Погодинский.

Нестор нашел любознательных подражателей, которые стали его продолжателями, и мы имеем, благодаря его примеру, летописи: Киевскую, Новгородскую-Суздальскую, Волынскую.

Кроме этих продолжателей, явились особые сочинители, которые описывали те или другие события. Из них самый примечательный был некто Василий, современник Нестора, человек значительный, близкий к князьям: находясь в 1096 году во Владимире Волынском, он был привлечен тамошним князем, Давыдом Игоревичем, для переговоров с тестем своим, князем Васильком Ростиславичем, который находился там в плену, и описал подробно всю историю их отношений между собой и свое посредничество. Описание его вставлено кем-то в Несторову летопись еще в первое время после ее сочинения. Оно представляет такие драгоценные черты, которых не находим мы и у Нестора при всех его достоинствах. Василий в этом отношении имеет преимущество перед всеми русскими летописцами, которые обыкновенно опускали частности и подробности, живо изображающие время. Если бы мы имели летописцев, подобных Василию, то история наша приняла бы другой вид. Василию принадлежат, без сомнения, и еще несколько мест в летописи, начиная с кончины Всеволода.

Сильвестр, игумен Михайловского монастыря в Киеве, переписал в 1116 г. летопись со вставкой Василия (а по одному позднейшему свидетельству продолжил ее), и его список стал прародителем всех последующих, повторяющих его приписку.

Продолжателей было иногда одновременно по два и по три — в Киеве, Новгороде, Владимире, отчего позднейшие редакторы и переписчики (а они только и дошли до нас), еще легче могли сбиваться и повторять. По этой же причине летописи уходят одни

перед другими годом и двумя.

Киевская летопись. Она есть непосредственное продолжение Несторовой. Предмет ее по преимуществу Киевское великое княжество. Продолжатели Нестора писали сплошь, без разделения, и имен своих никогда не открывали. Только по некоторым приметам можно определить, что до 1200 года в Киеве их было трое: первый от 1111 до 1132 или 1140, второй от 1140 до 1170 годов, третий до 1200.

Волынская летопись, сколько ее дошло до нас, имела двух авторов: один жил около 1226 г., начав описывать с 1200 годов. Другой принадлежит уже к следующему периоду, описывая 1289 год, как современник. Списки ее соединяются с Киевской летописью. Изложение имеет особый характер и отличается любопытными подробностями.

В Суздале было, кажется, два летописца: один описывал княжение Боголюбского и видел его погребение, другой жил около 1220 г. Начало Суздальской летописи есть плохое сокращение Киевской. Она имеет предметом в особенности историю Суздальского великого княжества и началась, вероятно, при великом князе Всеволоде (об Андрее Боголюбском должно быть особое сказание).

Новгородская летопись, начинаясь сокращением Нестора, описывает подробно происшествия Новгорода с 1120 годов, заключая в себе признаки древнейших записок, например, о 1067 годе. Первый летописец, начав с 1120 г. окончил около 1161, когда явился другой, писавший до 1200 года. Третьему принадлежит следующее время. Летопись велась, вероятно, при соборной церкви Св. Софии. Она заключает любопытные черты о внутреннем быте, о торговле, ценах, отношениях к чуди и др.

Ростовский летописец, о котором упоминает епископ Симон, пропал.

Так называемый Переяславский есть только список с летописи Нестора и Суздальской с местными дополнениями о последнем времени.

В таком виде наши летописи, с Нестором в основании, переписывались в продолжение XII, XIII, XIV веков. В следующие века явились новые сочинители, которые брали Несторову летопись с продолжениями, как материал, и заимствовали из нее начало своих сочинений, перерабатывая ее по-своему, изменяя более или менее, повторяя ее слова или употребляя собственные, распространяя ее в

одних местах и сокращая в других.

Все эти летописцы были современниками описываемых событий и писали из года в год, иногда даже изо дня в день, приводя не только месяцы, но и числа, дни, часы событий, которые как будто записывались немедленно по своем совершении.

Они были лицами почти служебными, которые в исполнение обязанности делали свое дело, по повелению князей. «Первии наши властодержцы без гнева повелевающи вся добрая и недобрая прилучившаяся написовати», говорит один летописец (под 1409 г.). В монастырях же производилась, может быть, окончательная редакция. Описать, например, период 1146–1152 гг., состоявший из сотни происшествий, нельзя было иначе, как не на месте, при князе.

Летописи наши отличаются верностью. Что записывалось, то записывалось, как было, кратко, просто, ясно, без украшений, без всяких посторонних целей, без рассуждений, разве благочестивых, принадлежащих уже к редакторам. До самого XVI века вы не найдете пяти показаний, неверных или умышленных, и в этом отношении они представляют единственное явление в европейской литературе. Шлецер уже отдавал преимущество им перед западными, слишком хорошо ему известными, перед всеми прочими, а он знал наши летописи и не полные, и в худых списках! Что сказал бы он, увидев все источники, открытые в последнее время?

Они искренны, беспристрастны, и совершенно одинаковым тоном показывают как похвальные действия своих князей, так и «поносные», не стараясь никогда ни оправдать, ни обвинить: рассмотрите сказания их об Изяславе, или Всеволоде, или Боголюбском — чистая правда, одни дела!

С одинаковым беспристрастием судят они дела полезные для своих князей, как и вредные. Давыдовичи, например (1146 г.), изменили своим родственникам, Игорю и Святославу, Ольговичам, в пользу киевского Изяслава, и, однако же, киевский летописец выражается так: «Лукавый бо пронырливый дьявол, не хотяй добра межи братьею, хотяй приложити зло к злу, и вложи има мысль не взыскати брата Игоря, ни помянути отецьства и о Хресте утвержения, ни божественныя любве, яко же бе лето жити братьи единомысленно укупе, блюдучи отецьства своего; но переступиша крестьное утвержение, и забыша страха Божия, и посластася к Изяславу: Игорь како то тобе зол был, тако и нама, а держи твердо. А к Святославу посласта, рекоша: пойди из Новагорода Путивлю, а брата ся лиши».

Точно то же должно сказать о них и в отношении к иностранцам: как передают они, например, похвалы крестоносцам, положившим живот свой для освобождения гроба Господня!

Они нелицеприятны, и учат князей наравне с простолюдинами:

1174 г. «Андрей князь толик умник сы… и погуби смысл свой невоздержанием, располевся гневом, такова убо слова похвална испусти (об изгнании Ростиславичей из Русской земли и о приведении к нему Мстислава). Яже Богови студна и мерьзка хвала и гордость, си бо вся быша от дьявола на ны, иже всевает в сердце наше хвалу и гордость».

Вот как случается говорить им и об архиереях:

1160. «Чюдо сотвори Бог и святая Богородица Володимерьская: изгна злаго и пронырливаго и гордаго льстеца, лжаго Владыку Феодорца, из Володимеря, от Святыя Богородиця церкве Златоверхыя и ото вся земля Ростовская… Сеже списахом, да не наскакают неции на святительский сан, но его же позовет Бог».

Благочестивы: все успехи, по их мнению, зависят от помощи Божией и принадлежат молитвам угодников.

1111 г. «Ангел вложи Володимеру в сердце (звать князей на половцев)… падаху Половци… невидимо бьеми ангелом… с Божьею помощью, молитвами святыя Богородица и святых ангел възратишася Русьстии князи».

Все несчастья приписывают они грехам людским, действиям злого духа, и беспрестанно повторяют: «Сиже вся содеявшася грех ради наших».

Ни одного случая не пропускают они, чтобы не присоединить наставления на пользу души. «Виждь-те, братие, коль благ Бог и милостив, говорят они, описав неожиданное избавление Мономаха от опасности, на смиреныя и на праведныя призирая и мьщая их, а гордым Господь Бог противится силою своею, а смиренным же дает благодать».

Или о жизни епископа Феодорца: «И сбышася слово Евангельское на нем глаголющее: ею же мерою мерите, возмерится вам; им же судом судите, судится вам; суд бо без милости не сотворшему милости».

Любят отечество. При всяком удобном случае напоминают о Русской земле и от души прославляют тех князей, которые делали ей добро. Например:

1125. «Преставися благоверный… христолюбивый Великый

князь всея Руси, Володимер Мономах, иже просвети Русскую землю, акы солнце луча пущая; его же слух произиде по всим странам, наипаче же бе страшен поганым, братолюбець и нищелюбець и доброй страдалець за Русскую землю… Святители же жаляще си плакахуся по святе и добром князи, весь народ и вси людие… яко же дети по отцю или по матери, плакахуся по нем вси людие и сынове его».

1173. Летописец, описывая убийство великого князя Андрея Боголюбского, обращается к нему и говорит: «Ты же, страстотерпче, молися ко Всемогущему Богу о племени своем, и о сродницех, и о земле Руськой, дати мирови мир».

Они имеют образование: очень хорошо знакомы со Священным писанием и часто приводят места из него, имеют общие исторические и богословские сведения.

Говоря о внушении Мономаху ангелом мысли идти на половцев, летописец приводит примеры знамений из истории Иерусалима, делает выписки из хронографов: «Аще кто сему веры не имать, да потчет хронографа».

Знают свою историю, что видно из того, что припоминают иногда события прежние.

В особенных случаях заботятся об украшении своей речи; прочтите, например, наставление великого князя суздальского Всеволода сыну Константину, когда тот отправлялся княжить в Новгород в 1206 г., или заключение Киевской летописи 1199 года.

Описывая преемство князей, рождение и смерть, междоусобные войны, набеги иноплеменников, походы, строение церквей, посвящение епископов и кончины их, знамения небесные, — не вникая никогда в причины действий, не предлагая никаких известий о частной жизни, — летописцы наши вообще сухи и однообразны. Но опытный, тщательный и проницательный исследователь найдет в них многие драгоценные черты, нечаянно приведенные или намеченные, по которым может, хотя и с большим трудом, составить очерк времени.

К сожалению, все эти летописи дошли до нас не в первоначальном своем виде, а в сокращениях, более или менее полных, о чем мы с уверенностью можем судить по тому, что, например, в Киевской летописи встречаем многие события суздальские и новгородские, каких нет в местных летописях, и, наоборот, в Суздальской и Новгородской есть известия киевские,

какие опущены в Киевской летописи. Наконец, надо заметить, что многие ошибки принадлежат переписчикам.

Сведения бытовые (исторические), сохранявшиеся в летописях и сказаниях, велись и преданием, между князьями, духовными лицами и вообще людьми любознательными.

Например, под 1128 годом летопись вспоминает о происхождении вражды между Ярославичами и Рогволодовичами.

1139. «Лепше ми, говорит сын Мономаха, Андрей, съдумав с дружиною своею смерть на своей отчине и на дедине взяти, нежели Курьское княжение: отец мой Курьске не седел, но в Переяславли; хочю на своей отчине смерть прияти. Оже ти, брат, не досити волости, всю землю Рускую держачи, а хощеши сея волости, а убив мене, а тобе волость, а жив не иду из своей волости; обаче не дивно нашему роду, такоже и переже было: Святополк про волость ни не уби Бориса и Глеба? а сам чи долго поживе? но и зде живота лишен, а тамо мучим есть вечно».

Под 1140 г. летопись вспоминает о походах Мстислава на половцев и о заточении полоцких князей.

1145. О пленении Володаря: «Той же зиме Владислав, Лядьский князь, ем мужа своего Петрока, и слепи, а языка ему уреза, и дом его разграби, токмо с женою и с детьми выгна из земли своея, и иде в Русь. Яко же евангельское слово глаголет: ею же мерою мерит, възмерит ти ся — ты ем Руского князя лестью Володаря, и умучивы и, и имение его усхыти все, его же Бог по неколице днев не призре о нем же бе в задних летех писано».

1147. «Рече един человек (из киевлян, при известии об измене черниговских князей) по князи своем, ради, идем; но первое о сем промыслимы, якоже и преже створиша при Изяславе Ярославиче, высекше Всеслава из поруба злии они, и поставиша князя собе, и много зла бысть про то граду нашему. А се Игорь ворог нашего князя и наш, не в порубе, но в святем Федоре, а убивше того к Чернигову поидем по своем князи; кончаимы же ся с ними».

1148. «Ты наш князь, ты наш Володимер, ты наш Мстислав», восклицают новгородцы, встречая приехавшего к ним Изяслава Мстиславича.

1149. «Се ми хощет быти Ярославча смерть Изяславича», говорит Андрей Боголюбский, подвергаясь опасности в сражении под Луцком.

1152. «Поиде Изяслав от Володимеря, с полкы своими, по

королеви дорозе, ею же бяшеть приехал на Андрея на Володимерича с Ярославом Святополчичем, его же и убиша ту у Володимеря».

1154. «Положиша (великого князя Вячеслава) у Св. София, идеже лежит Ярослав прадед его, и Володимер отец его».

1159. «Преставися Борис князь Дюргевич, месяца мая в 2 день, и положиша и братья в церкви святою мученику, юже бе създал отец его Дюрги на Нерли, в Кидекши, идеже бе становище святою мученику Бориса и Глеба».

1170. «Не глаголем же: прави суть Новгородци, яко издавна суть свобожени Новгородци прадеды князь наших; но аще бо тако было, то велели ли им преднии князи крест преступати, или внукы, или правнукы соромляти», и др.

1172. «Богородица церковь десятинная в Киеве, юже бе создал Володимер, иже крестил землю, и дал бе десятину церкви той по всей Руськой земли».

1175. «Горе вам, нечестивии (летописец влагает в уста Андрею Боголюбскому, на которого напали убийцы), что уподобистеся Горясеру».

1178. Мстислав Ростиславич пошел войной на полоцкого князя: «Ходил бо бяше дед его на Новгород, и взял ерусалим церковный и сосуды служебные, и погост один завел за Полтеск».

1178. «Преставися князь Мстислав… и положиша тело его в той же гробнице, идеже лежит Володимер, сын Великаго князя Ярослава Володимерича».

1216. «Мы не хочем изъмрети на конех (говорят новгородцы предводителю своему Мстиславу в Липецкой битве), но яко отци наши билися на Колакше пеши».

1218. При описании убийств рязанских князей воспоминаются злодеяния Святополка.

О Ярославовых грамотах упоминает новгородский летописец, Даниил Заточник о речи Святослава, Поликарп о варягах Феодоре и Иоанне, умерщвленных язычниками при великом князе Владимире, о свойствах князя Святополка Изяславича и сына его Мстислава, о Святославе и Всеволоде Ярославичах, о Мономахе, о дерзости Ростислава Всеволодовича.

Певец о полку Игореве вспоминает и Владимира, и Ярослава, и Мстислава, и Олега, и Всеслава, и Святослава Всеволодовича, и Ростиславичей.

Особые сказания, вошедшие в состав летописей и попадающиеся

в сборниках отдельно:

Об ослеплении теребовльского князя, Василька Ростиславича, и его последствиях, — драгоценное сочинение какого-то Василия, переносящее в древность, представляющее черты личные и живые. Сочинитель принимал участие во многих действиях. Ему принадлежат, кажется, и другие известия в Несторовой летописи, начиная с княжения великого князя Всеволода.

Сказание о нападении владимирского князя Андрея Боголюбского на Новгород.

Об убиении Андрея Боголюбского, которое внесено в летописи, Суздальскую и Киевскую, с разными подробностями, обличающими современника.

Повесть о взятии Царьграда крестоносцами помещена в Новгородской летописи, вероятно, по известиям очевидцев, под годом 1204.

Сказания о битве на Калке и о Батыевом нашествии, написанные очевидцами.

(Так точно и древнейшие сказания: о пришествии в Русь Св. апостола Андрея, о принятии великим князем Владимиром христианской веры, написаны были сначала отдельно, и после внесены Нестором в летопись).

Другие сказания не вошли в летописи, и встречаются в разных сборниках, например, сказание о построении великим князем Ярославом в Киеве на Златых вратах церкви во имя своего ангела, Св. Георгия, встречается в прологах.

Сказание о кончине черниговского князя Давыда Святославича сохранилось в Степенной книге, но попадается особо в сборниках.

Сказание об основании церкви Печерской, исполненное поэзии, сочинение Симона, епископа владимирского.

Законы

Русская Правда Ярослава (1019–1054).

Русская Правда сыновей его (1054–1125).

Устав Мономаха (1113–1125).

Русская Правда, распространенная впоследствии, впрочем, до татар.

Эти подлинные законы представляют живо и ясно быт нашего древнего общества и народа, отношения его к князьям, различные сословия, судебные обязанности, обычаи, признаки нравов.

Участие же церкви в судопроизводстве объясняется греческими

Кормчими книгами, переведенными у нас издревле, и их русскими дополнениями.

Грамоты княжеские

Грамота новгородского князя Мстислава Владимировича Юрьеву монастырю, около 1128–1132 г. с разными примечательными указаниями.

Грамота новгородского князя Всеволода Мстиславича, около 1133 года, данная созданной им церкви Св. Иоанна Предтечи, с важными подробностями о вощаной торговле в Новгороде, о купеческом обществе, о разных сборах, о церковных доходах.

Устав новгородского князя Святослава Ольговича, 1137 г., Софийскому собору, о доходах, принадлежащих новгородскому епископу, со множеством драгоценных географических данных.

Грамоты смоленского князя Ростислава Мстиславича, 1150 г., - наиважнейшие из найденных в последнее время. Из них мы получаем верные сведения о доходах княжеских и епископских, со всеми их составными частями, о разных судах и обычаях, о смоленских владениях, о многих юридических древних терминах.

Монашеские грамоты

Две грамоты пр. Антония Римлянина (ум. 1147 г.) одна — вроде купчей, другая — вроде завещания.

Грамоты вкладные преп. Варлаама (ум. 1243 г.) Хутынскому монастырю на земли и рыбные ловли.

Две грамоты арх. Иоанна: к игумену Луке Архангельского монастыря и к двинским посадникам (1110 или 1165).

Грамот было много, но они пропали. Укажем на некоторые следы: например, под 1156 г. говорится о грамоте патриарха к новгородскому архиепископу Нифонту, о рукописании или жалобе митрополиту Константину на предшественника его Клима, и пр.

1185. Митрополит Никифор (вследствие неудовольствия в Ростове) велел епископу Николе «отписатися земле Ростовьской».

Крестные или договорные грамоты князей между собой из этого периода все пропали.

Торговые договоры

Торговый договор смоленского князя Мстислава Давыдовича, 1228 года, с Ригой, Готским берегом и немецкими городами, в котором сохранились многие любопытные подробности о законах, правах, обычаях, занятиях, товарах русских.

Предположенный договор новгородцев с Любеком, около 1206

года, также богатый разнообразными сведениями о торговле и внутреннем состоянии Новгорода, равно как и об отношениях к иностранным купцам.

Письма

Письмо Владимира Мономаха к его двоюродному брату, Олегу Святославичу, с напоминаниями об их взаимных отношениях, и разными историческими данными.

Письма были в общем употреблении:

В житии Феодосия Несторовом упоминается о частых письмах его к великому князю Святославу Ярославичу.

Мономах упрекает Олега Святославича, зачем он не прислал к нему письма утешительного о гибели его сына на сражении (1096).

Симон, епископ владимирский, говорит о письме к нему Верхуславы Рюриковны, касательно посвящения Поликарпова в епископы: «аще ми и тысяща серебра расточати тебе ради, и Поликарпа ради», и проч.

Он же упоминает о письме к нему Поликарпа.

В прологе читается о многих посланиях Кирилла, епископа туровского, к Андрею Боголюбскому.

1164. «Исписав грамоту (черниговский епископ Антоний) и посла к Всеволодичю, река тако: стрый ти умерл, а по Олга ти послали, а дружина ти по городом далече… Святослав же прочте грамоту в борзе и посла сын свой».

Путешествия

Паломник или хождение Даниила, Русской земли игумена. Этот путешественник, по справедливому замечанию Карамзина, мог быть юрьевским епископом Даниилом, посвященным в 1113 году. Даниил поставил лампаду над гробом Спасителя и записал в обители свят. Саввы для поминания на ектениях имена князей русских (своих современников): Святополка-Михаила, Владимира-Василия, Олега-Михаила, Глеба минского и проч. Путешествие его должно относиться к 1112–1115 г. при жизни великого князя Святополка и перед походом короля латинского Балдуина против Дамаска 1114–1115 г.

Путешествие в Царьград Антония, архиепископа новгородского (1200 г.) не издано.

Поучение

Владимира Мономаха (1098 года), или духовная, лучше сказать, его автобиография, в которой живо представляется нам вообще

древняя княжеская жизнь и занятия, кроме драгоценных подробностей, относящихся лично до этого примечательнейшего князя в нашей древности.

Чтобы познакомить читателей с авторами и их сочинениями, языком, слогом и образом мыслей, приведем из них отрывки.

Лука Жидята. (Начало слова, по переводу преосв. Филарета).

«Прежде всего должны мы, брат, хранить сию заповедь — веровать во единого Бога, в Троице славимого, в Отца, Сына и Св. Духа, как поучали апостолы, и утвердили Св. отцы. „Верую во единого Бога“ и пр. Веруйте воскресению, жизни вечной, вечной муке грешников. Не ленитесь ходить в церковь, к заутрене, к обедне и к вечерне; и в своей клети, отходя ко сну, поклонись Богу, а потом уже ложись на постель. В церкви стойте со страхом Божиим, не разговаривайте, не думайте ни о чем другом, но молите Бога всей душой, да простит вам Бог грехи. Имейте любовь ко всякому человеку, а больше к братии; не будь у вас на сердце одно, а на устах другое. Не рой брату яму, чтобы тебя не ввергнул Бог в худшую. Люби правду, и за правду, за Божий закон, готов будь умереть, чтобы Бог причел тебя к святым. Переносите друг от друга обиду, не платите злом за зло, друг друга хвалите, и Бог вас похвалит. Не ссорь других, чтобы не назвали тебя сыном дьявола: помири, да будешь сыном Богу. Не осуждай брата и мысленно; помни свои грехи, чтобы и тебя Бог не осудил. Милуйте странных, убогих, заключенных в темницы, и к своим сиротам (рабам) будьте милостивы; тот весьма милостив, кто оберегает от скорби своих домашних. Бесовских игрищ (москолудства) творить не следует, так же как и говорить срамные слова и сердиться ежедневно; не унижай других, не смейся ни над кем; в напасти терпи, имея упование на Бога. Не будьте буйны и горды, а считайте других лучшими себя, — помните, что может быть завтра будете смрад, гной, черви. Будьте смирны, кротки, не многоречивы; чтобы быть и слушателями, и исполнителями закона Божия; у гордого в сердце диавол, и Божие слово не прильнет к нему. Почитайте старого человека и родителей своих. Не клянитесь именем Божиим, и другого не заклинайте и не проклинайте. Судите по правде, взяток не берите. Денег в рост не отдавайте. Бога бойтесь, князя чтите; рабы, повинуйтесь сначала Богу, потом господам своим; чтите иерея Божия, чтите и слуг церковных. Не убивай, не крадь, не лги, лживым свидетелем не будь, не враждуй, не завидуй, не клевещи, блуда не твори ни с рабою, ни с кем-либо другим; не пей не

во время, и пей умеренно, а не до пьянства; не будь гневлив, ни дерзок; с радующимися радуйся, с печальными будь печален; не ешьте нечистого; святые дни чтите. Бог же мира со всеми…»

Сочинения преп. Феодосия, которые доныне остаются известными, большей частью, только по имени, и из которых одно сохранились в полном своем составе, а другие в отрывках, можно разделить на четыре класса, говорит преосвященный Макарий.

К первому принадлежат два поучения его, обращенные вообще к народу русскому; ко второму — девять поучений, сказанных собственно киево-печерским инокам; к третьему — два послания к великому князю Изяславу; к четвертому — две молитвы к Богу.

Первое поучение к народу, сохранившееся в полном составе, называется: «Поучение блаженного Феодосия, игумена печерского, о казнях Божиих». Оно написано, вероятно, по случаю нашествия половцев на землю Русскую в 1067 году и поражения Ярославичей, потому что под этим годом летописец делает из него извлечение. В слове можно различать две главные части. В первой проповедник говорит вообще о причинах казней Божиих.

«Бог наводит какую-либо казнь или иноплеменников, по гневу своему, за то, что мы не обращаемся к Нему; а междоусобная брань бывает по наущению от диавола и от злых людей. Бог не хочет зла людям, но добра; а диавол радуется всякому злу, совершаемому между людьми: он издревле враг нам, хочет убийства, кровопролития, воздвигая свары, зависть, братоненавидение, клеветы. Потому если какая-либо страна согрешает, Бог наказывает ее смертью, или голодом, или нашествием иноплеменников, или бездождием и другими различными казнями, чтобы мы, покаявшись, жили так, как Бог велит, вещая нам через Пророка: обратитеся ко Мне всем сердцем вашим в посте и в плачи. Если бы мы пребывали в заповедях Божиих, то и здесь удостоились бы получить блага земными по отшествии из мира в жизнь вечную. Но мы постоянно вращаемся в нечестии, прилагая грехи ко грехам, во всем прогневляя Бога, совершая то пред очами Его. И исполняются на нас слова Его, сказанные через Пророков… Посему-то затворяет Бог небо, не дает дождя, посылает град, погубляет морозом плоды, томит землю зноем за наши беззакония. А если мы покаемся от злоб наших, то, как чадам, Бог подаст нам вся благая, и одождит вам дождь ранний, и поздний, и наполнятся гумна ваша пшеницы. Слыша это, подвигнемся на добро: взыщите суд, избавьте обидимого и приидите

на покаяние, не воздавая злом за зло, ни клеветою за клевету; но обратимся любовию к Господу, постом и рыданием и слезами омывая грехи своя, не словом называясь христианами, а живя язычески».

Во второй части поучения проповедник обличает слушателей в некоторых частных заблуждениях и пороках, господствовавших в его время, и преподает свои наставления. Прежде всего указывает на остатки язычества:

«Не по-язычески ли мы поступаем? Если кто встретит чернеца или черницу, или свинью, или лысого коня, то возвращается назад: разве это не по-язычески? Такого суеверия держатся по научению от диавола. Иные верят чиханью, которое часто бывает на здравие главе; но этим обольщает диавол, равно как и другими обычаями и искушениями, удаляющими нас от Бога, волхвованием, чародеянием, блудом, запоем, резоиманием, приклады (ростовщичеством или лихвою), воровством, лжею, завистью, клеветою, зубами (дракою), скоморошеством, гуслями, сопелями и другими играми и непотребными делами».

Потом — укоряет за непристойное стояние в церкви и учит достойно молиться Богу:

«И вот еще, когда стоим в церкви, как смеем мы смеяться или творить шепот? Припадает окаянный диавол и внушает нам творить смех и шепот и другие непотребства, когда мы стоим в церкви пред Царем небесным: какой муки мы за это не достойны!.. Молю вас, брат, да стоим на молитве со страхом и любовию друг ко другу, и, молясь воистину, будем взывать: да исправится молитва моя, яко кадило пред Тобою, воздаяше руку моею. Если руки твои не совершали никакого грабежа, хорошо говорить: воздеяние руку моею. Потому осматривай руки твои, и испытывай, чисты ли они от грабежа и мздоимства. Если же ты грабил и брал лихву и корчемный прикуп, или кого приобидел чем-либо, что запретило Святое писание, то не говори, не воздевай рук твоих, пока не очистишься от всякого зла…»

Далее преподает урок относительно постов и праздников:

«Ведайте и то, возлюбленные чада, что Св. Отцы наши уставили постные дни по научению Господню и по заповеди Св. Апостолов, и заповедали праздновать Св. праздники не телесно, но духовно, чтобы мы не чреву работали неприличным пьянством, но молились Богу о своих согрешениях, кормили с собою немощных, питая тело земным брашном, а душу духовным, которое называется хлебом ангельским,

и снесено с неба в священных книгах, и все это творили с любовию, без которой никакая добродетель не приносится Богу, живя в мире не только с друзьями, но и с врагами».

Наконец, с особенной силой восстает против пьянства:

«О горе, и еще скажу, о горе пребывающим в пьянстве! Пьянством отгоняем от себя ангела-хранителя и привлекаем к себе злого беса; через пьянство удаляемся от Св. Духа и приближаемся к аду… Бесы радуются нашему пьянству, и, радуясь, приносят диаволу пьянственную жертву от пьяниц. Диавол, радуясь, говорит: никогда я столько не услаждаюсь жертвами язычников, сколько пьянством христиан, потому что в пьяницах находятся все дела моего хотения. Ангелы же святые, пришедши, поведали Св. Отцам с великою печалью, чтобы они писанием отучили христиан от пьянства, но не от питья: ибо иное — пьянство злое, а иное — питье в меру, и в закон, и в приличное время, и во славу Божию…

Слыша это, братие, подвигнемся работать Господу и творить заповеди Его, и поживем в законе Его вся дни живота нашего о Христе Иисусе, ему же слава со Отцем и Св. Духом ныне и присно».

Поучения к братии обнаруживают и слабые стороны иноческой жизни в Киево-Печерской обители, неизвестные из писаний преп. Нестора, который желал выставить преимущественно светлую сторону родной обители в назидание потомству.

Наконец, послания к великому князю Изяславу ясно обозначают те религиозные вопросы, какие занимали тогда самих наших князей.

«Ты, чадо, непрестанно хвали свою веру и подвизайся в ней добрыми делами. Будь милостив не только к своим христианам, но и к чужим; если увидишь кого-либо нагим или голодным, или подвергшимся бедствию, будет ли то еретик, или латынянин, всякого помилуй и избавь от беды, как можешь: и ты не погрешишь пред Богом, который питает и православных христиан и неправославных, и даже язычников, и о всех печется… Когда ты встретишь, что иноверные состязаются с верными и хотят лестью отвлечь их от правой веры, помоги своими познаниями правоверным против кривоверных, и ты избавишь овча из уст львовых… Если кто скажет тебе: ту и другую веру дал Бог, ты отвечай: разве Бог двоеверен? Не слышишь ли, что написано: един Бог, едина вера, едино крещение? И не сказал ли Ап. Павел: аще и ангел, благовестит вам, паче еже благовестихом вам, анафема да будет».

Отрывок из молитвы:

«Владыко, Господи, человеколюбче! Верных, Господи, утверди, да будут еще более верны; неразумных, Владыко, вразуми; язычников, Господи, обрати к христианству, да будут нашими братиями; находящихся в темницах, или в оковах, или в нужде, избави, Господи, от всякой печали. Пребывающим в затворах, и на столпах, и в пещерах, и в пустыне братиям нашим подаждь, Господи, крепость к подвигу. Помилуй, Господи, князя нашего, и град сей, и всех живущих в нем, помилуй милостию Твоею и мене, раба Твоего грешного: спаси Господи, и помилуй епископа нашего и весь монашеский чин, со иереями, диаконами и всеми православными христианами. Помилуй, Господи, находящимся в бедности, и озлобленным нищетою подаждь богатую милость, ради молитв Св. Богородицы… И упокой, Господи, души рабов Твоих, правоверных князей наших и епископов, и всех сродников наших по плоти, умерших во градах и селах, и в пустынях, и на пути, и в море, упокой их в месте светле, в лике Святых, в ограде благого рая и жизни бесконечной, в неизглаголанном, и немерцаемом свете лица Твоего: Ты еси покой и воскресение усопших рабов Твоих, Христе Боже наш, и Тебя славим со Отцем и Св. Духом и ныне и присно».

Поучения Феодосия, указывая на некоторые недостатки и пороки народные, имеют историческое значение, кроме внутренних достоинств.

Иаков мних, черноризец, написал сказание о Св. мучениках Борисе и Глебе, житие Св. Владимира, похвалу ему, послание к великому князю Изяславу-Димитрию.

Иакову мниху надписано правило церковное митрополита Иоанна.

Судя по тому, что преподобный Феодосий назначил его себе преемником, что митрополит Иоанн надписал ему свое церковное правило, и что он писал смелое назидательное слово великому князю Изяславу, своему духовному сыну, следует считать его известным мужем между современниками, как святой жизнью, так и образованием. Вообще и сказание, говорит преосв. Макарий, о Св. мучениках, и рассказ о чудесах их, составлены довольно искусной рукой, изложены довольно ясно, последовательно и занимательно, проникнуты любовью к Св. мученикам, и по местам одушевлением, особенно там, где автор или представляет мучеников говорящими, или изливает перед ними свои чувства.

Вот, например, какие сетования вкладываются автором в уста Св.

Борису, получившему весть о смерти отца своего и о замыслах Святополка.

«Увы мне, свет очий моих, сияние зари моея, бразда юности моея, наставление неразумия моего! Увы мне, отче мой, господине мой! и к кому прибегну, на кого воззрю, или где насыщуся такого благого учения, как прежде от разума твоего? Увы мне, увы мне! Как зашел ты, свете мой, когда я не был там, чтобы, по крайней мере, мог я погребсти честное тело твое, и предать его робу своими руками? Но я не сподобился нести мужественного тела твоего, не сподобился целовать добролепных седин (?) твоих. О блаженниче мой, помяни мя в покои твоем! Сердце мое горит и душа смущается, и не знаю, к кому обратиться, и перед кем излить горькую печаль мою. К брату ли Святополку, которого я имел вместо отца? Но думаю, что он печется о мирском и суетном, и помышляет об убийстве моем… Что же скажу, или что сотворю? Пойду к брату моему и скажу ему: ты будь мне отцом, ты мне брат старейший, — что повелишь мне, господине мой?»

Вот слова святого Глеба перед тем, как убийцы устремились на него, и когда он прощался с жизнью:

«Спасися, милый отче мой и господине Василие! спасися, мати и госпожа моя! спасися, брате Борисе, старейшино юности моея! Спасися брате, — споспешителю Ярославле! Спасися и ты, брате мой и враже Святополче! Спаситесь и вы, братья моя и дружина, спаситесь все! Уже я не увижу вас в житии сем: потому что меня разлучают с вами насильно… Василие, Василие, отче мой! Приклони ухо твое, и услышь глас мой; призри и виждь, что приключилось чаду твоему, как без вины закаляют меня. Увы мне, увы мне! Слыши небо, и внуши земле! И ты, брате мой Борисе, услышь глас мой! Отца моего Василия позвал, и он не послушал меня; ужели и ты не захочешь меня послушать? Взгляни на скорбь сердца моего и язву души моея; посмотри на потоки слез моих, и как никто не внемлет мне: помяни же хоть ты меня, и помолись о мне общему Владыке, имея дерзновение и предстоя у престола Его».

Или вот отрывки из похвалы свят. мученикам, заключающей сказание:

«Как похвалить вас, не знаю, и что сказать, недоумеваю. Назову ли вас ангелами, потому что вы быстро являетесь вблизи скорбящих? Но вы пожили на земле во плоти, как люди. Наименую ли вас царями и князьями? Но вы были просты и смиренны более всякого, и

смирением стяжали небесные жилища. Поистине вы цари царям и князи князьям нашим! Ибо вашим пособием и защищением они державно побеждают врагов своих, и вашею помощию хвалятся. Вы им и нам оружие, вы земли Российской забрало и утверждение и меч обоюду острый, которым побеждаем языческую дерзость и попираем диавола. Поистине могу сказать: вы небесные человеки и земные ангелы, столпы и утверждение земли нашей… О, блаженные гробы, приявшие честные тела ваши, как сокровище многоценное! О, блаженная церковь, в которой поставлены Св. раки ваши, угодники Христовы! Блажен, поистине, и высок более всех городов Русских Вышгород, имеющий у себя такое сокровище, которое дороже всего мира! Справедливо он назван Вышгородом, как высший всех городов, имея в себе врачевство безмездное, которое даровано Богом не одному нашему языку, но и всей земле: потому что от всех стран приходят, и туне приемлют там исцеление… О блаженные страстотерпцы Христовы! не забывайте отечества своего, в котором пожили вы во плоти, посещайте его, и в молитвах всегда молитеся о нас: вам дана благодать молиться за нас…. Глад и озлобление отгоните от нас, от всякого бранного меча и междоусобия брани избавьте нас, и заступите нас от всякого грехопадения, уповающих на вас…»

Житие Св. Владимира заключается молитвой писателя:

«О святые цари Константине и Владимире! Помогайте на сопротивных сродникам вашим, избавляйте от всякой беды людей Греческих и Русских, и о мне, грешном, молитесь Богу, как имеющие дерзновение пред Ним, да спасусь вашими молитвами. Молюсь и преклоняю вас на милость писанием сей малой грамоты, которую, похваляя вас, написал я недостойным умом и невежественным моим смыслом. Вы же, Святые, молясь о нас, о людях своих, примите в сомолитвенника к Богу чад ваших Бориса и Глеба, да все вместе возможете умолить Господа, с помощью силы честного Креста, и молитвами Пресвятой Богородицы, Госпожи нашей и со всеми святыми».

В похвале святому Владимиру, Иаков, между прочим, говорит:

«О блаженный и треблаженный княже, Владимире, благоверне, и христолюбиве, и страннолюбче! Мзда твоя весьма многа на небесах… Сам Господь сказал: иже сотворит и научит, сей велий наречется в царствии небесном. А ты, о блаженный княже, был апостол из князей, приведший к Богу всю землю Русскую Св.

крещением, и научив людей своих кланяться Богу, славить и петь Отца и Сына и Свят. Духа. И все люди земли Русской тобою познали Бога, божественный княже Володимере! Возрадовались тогда ангельские чины, а ныне радуются вернии и воспевают, и восхваляют. Как отроки Еврейские, встретив с ветвями Христа, вопияли: осанна Христу Богу, победителю смерти, так и новоизбранные люди Русской земли вновь восхвалили Владыку Христа с Отцем и Св. Духом, приблизившись к Богу Св. крещением, отвергшись диавола и служения ему… и поют во все дни живота и на всякий час песнь чудную, хвалу архангельскую: Слава в вышних Богу и на земли мир, в человецех благоволение…»

Обращаясь затем к Св. Ольге, автор восклицает:

«О как похвалю блаженную княгиню Ольгу, братие, — не знаю. Телом будучи жена, имея мудрость мужескую, просвещенная Духом Святым, уразумев Бога истинного, Творца неба и земли, пошла она в землю Греческую, в Царьград, где цари христиане, и христианство утвердилось, и пришедши, просила себе крещения, а прияв Св. крещение, возвратилась в землю Русскую, в дом свой, к людям своим, с радостию великою, освященная Духом Святым, неся с собою знамения Честного Креста. И потом требища бесовские сокрушила, и начала жить о Христе Иисусе, возлюбив Бога всем сердцем и всею душою пошла во след Господа Бога, освятившись всеми добрыми делами, украсившись милостынею, нагих одевая, жаждущих напояя, странников упокоевая, нищих, вдовиц и сирот — всех милуя, всем подая потребное с тихостью и любовию сердца, и моля Бога день и ночь о спасении своем. И так поживши и достойно прославив Бога в Троице, Отца и Сына и Святого Духа, почила в благой вере, скончала житие свое с миром о Христе Иисусе, Господе нашем…»

Послание черноризца Иакова к великому князю Димитрию (Изяславу) — полностью нравственного содержания. Сначала Иаков, как духовный отец, извещает князя, что получил его послание — весьма смиренное, хвалит его раскаяние, говоря что все ангелы радуются на небесах о покаянии одного человека, сам Господь хочет обращения, а не смерти грешника, что Он и на землю сходил не для праведников, а для грешников, что жертва Богу дух сокрушен, и разрешает своего духовного сына от всех его грехов, заповедуя ему молиться Богу от сердца. Не довольствуясь преподанием одного разрешения от грехов, Иаков дает далее князю наставления, чтобы исправить его на будущее время.

«Что же, ужели мы сделаемся слабее, когда прежнее миновало (прощено)? Нет, но будь всегда бодрым стражем телу твоему. Блюдись запойства, потому что оно удаляет от нас Свят. Духа, — гордости, потому что гордым Бог противится, — беззаконного смешения, потому что всяк грех, его же аще сотворит человек, кроме тела есть: а блудяй во свое тело согрешает». Против последнего порока писатель вооружается с особенной силой, говорит о том вреде, какой могут причинить человеку жены любодейцы, указывает на примеры падения от них мужей достойных, — на Самсона, Давида, Соломона и других, и убеждает юного князя бороться с плотской похотью, побеждать ее страхом Божиим, довольствоваться своей законной женой и жить в чистоте, как бы в святой церкви.

После этого следуют другие наставления: Иаков советует князю быть благоразумным, чтобы от одного греха не происходило многих, не мстить врагам, быть терпеливым и великодушным, по примеру Господа, столько потерпевшего за нас, любить ближних, — потому что не какими-либо чудесами, а только взаимной любовью друг к другу, как сказал Господь, мы можем доказать, что мы его ученики.

«Впрочем, — продолжает Иаков, — если ты хочешь и чудеса творить по примеру Апостолов и это возможно. Они врачевали хромых, исцеляли сухоруких: а ты храмлющие в вере научи, и ноги текущих на игрища обрати к церкви, руки, иссохшие от скупости, сделай простертыми на подаяние нищим. Можешь, если хочешь, быть подражателем и Святых. Ныне уже нет таких гонений, но время для стяжания таких же венцов не прошло: потому что не прекратилась брань диавола. Не преследуют нас люди, но преследуют бесы; нет мучителей, но есть диавол».

Преподав еще несколько уроков, упомянув о скоротечности жизни и неизвестности последнего часа, о страшном суде, о геенне огненной, автор, наконец, заключает:

«Все это, не лаская, тебе написал я, и не по желанию показать, что я знаю, или что я сам творю доброе; но, Бог свидетель, написал от любви и от печали о душе твоей, чтобы ты преуспевал в добре. А ума моего слабость сам знаешь; разум мой несовершен и исполнен всякого неведения, этого скрыть нельзя. Св. Павел сказал Коринфянам: аще изумехомся то Богови, аще умудрихомся то вам. Не уничижаю силы Божией всемощной, не отметаю дара, туне мне данного. От скверных дел и непотребного сердца, от нечистой души, грубого ума и нестройной мысли, от бесстыдного языка и нищих уст

— вот слово богатое и умноженное силой и разумом Св. Троицы; ни на небеси горе, ни на земли долу, нет ничего важнее, как знать Господа, повиноваться деснице Его, творить волю Его, соблюдать заповеди Его. Одно имя великое не введет в царство небесное, и слово, не сопутствуемое делами, не в пользу слышащим, а сопутствуемое делами становится достойным веры».

Нестор. Отрывок из жития святых мучеников Бориса и Глеба, по переводу преосвященного Макария.

«Между тем, как повсюду умножались христиане, и требища идольские были упраздняемы, страна Русская оставалась в прежней прелести идольской: потому что она не слышала ни от кого слова о Господе нашем Иисусе Христе; не приходили к ним (русским) апостолы, и никто не проповедовал им слова Божия… Но когда соблаговолил небесный Владыка, то в последние дни помиловал их, и не дал им до конца погибнуть в прелести идольской. Был в то время обладателем всей земли Русской князь Владимир, муж правдивый, милостивый к нищим, сиротам и вдовицам, но вере язычник… Этому Владимиру было явление от Бога, что он будет христианином, что и исполнилось. И наречено было ему имя Василий. Потом он повелел всем своим вельможам и всем людям креститься во имя Отца и Сына и Св. Духа. Послушайте о чуде, исполненном благодати; как вчера он (Владимир) заповедал приносить идолам требы, а ныне повелевает креститься во Имя Отца и Сына и Св. Духа; вчера не ведал, кто есть Иисус Христос, а ныне проповедником Его явился; вчера назывался язычник Владимир, а ныне зовется — христианин Василий! Он явился на Руси вторым Константином. Но вот еще что чудно: когда дана была заповедь креститься, — все пошли к крещению, и ни один не сопротивлялся, как будто издавна были научены, и с радостью текли на крещение. Радовался и князь Владимир, видя их теплую веру в Господа нашего Иисуса Христа…

Много было сынов у Владимира, но между ними, как две светлые звезды посреди ночи, сияли Борис и Глеб. Благоверный князь отпустил всех своих сыновей, каждого в его удел; но Св. Бориса и Глеба удержал при себе, потому что они были еще юны, особенно Глеб. Блаженный Борис, будучи уже в разуме и исполненный благодати Божией, брал книги и читал: он был научен грамоте. Читал жития и мучения святых, и, молясь со слезами, говорил: Владыко мой Иисусе Христе! Сподоби меня, как одного из сих святых, и даруй мне по стопам их ходить. Господи Боже мой, да не вознесется мысль моя

суетою мира сего; но просвети сердце мое на уразумление Твоих заповедей, и даруй мне дар, какой даровал Ты от века угодникам твоим…

Когда он молился таким образом непрестанно, Св. Глеб слушал его, сидя, и не отлучался от блаженного Бориса, но с ним пребывал день и нощь, слушая его. Был же Глеб… юн телом, но стар умом; много подавал милостыни нищим, вдовицам, сиротам… И любил их отец, видя на них благодать Божию…»

Из жития преп. Феодосия начало:

«Благодарю Тебя, Господи Владыко мой, Иисусе Христе, за то, что Ты сподобил меня, недостойного, быть провозвестником твоих угодников. Ибо после того, как сперва написал я о житии, убиении и чудесах, святых и блаженных страстотерпцев Бориса и Глеба, вот я понудил себя и на другое исповедание, превышающее мои силы, которого я, грубый и неразумный, не был достоин, тем более, что я не научен никакой мудрости… Но вспомнил я, Господи, слово Твое: аще имате веру, яко зерно горушно, речете горе сей, прейди отсюду тамо, и прейдет: и ничтоже невозможно будет вам. Вспомнил я это, грешный Нестор, в уме своем, и, оградив себя верою и упованием, что все от Тебя возможно, положил начало слову жития преп. отца нашего Феодосия, бывшего игумена монастыря Печерского… Молился Богу, да сподобит меня написать по порядку о житии угодника своего, отца нашего Феодосия, чтобы и имеющие быть после вас черноризцы, читая жизнеописание его и видя такого доблестного мужа, восхвалили Бога, прославили угодника Его, и укреплялись на дальнейшие подвиги, тем более, что такой муж, такой угодник Божий, явился на земле нашей… Послушайте, братие, со всяким прилежанием: потому что слово исполнено пользы для всех слушающих. Но молю вас, возлюбленные, не зазрите моей грубости: только одержимый любовью к преподобному, я осмелился писать о нем, а с другой стороны — опасаясь, чтобы не сказано было мне: лукавый раб и ленивый, подобаше тебе вдати серебро мое торжником, и пришед аз взял бы свое с лихвою… Владыко мой, Господи Вседержителю! благих подателю, Отче Господа нашего Иисуса Христа! Прииди на помощь мне, и просвети сердце мое на уразумение заповедей Твоих, и отверзи уста мои на исповедание чудес Твоих, и на похваление угодника Твоего, да прославится имя Твое Святое, яко ты еси помощник всех уповающих на тя. Аминь».

Заключение:

«…Таким образом, все что слышал я с испытанием о блаженном и великом отце нашем Феодосии от старейших меня отцев, бывших в его время, все то и написал я, грешный Нестор, меньший из всех в монастыре препод. отца нашего Феодосия… Многократно слыша, братие, о добром и чистом житии богоносного отца нашего, я весьма радовался и благодарил его, что он столько потрудился, и так пожил в наши, последние дни. Но, видя, что оно никем не было описано, глубоко я скорбел душою, а будучи одержим любовию к святому и великому отцу нашему Феодосию, я покусился от грубости сердца моего написать о нем, что слышал, хотя немного из многого, на славу и честь великому Богу и Спасу нашему Иисусу Христу».

Из летописи не приводим отрывков, так как много их находится в нашем повествовании.

Я осмеливаюсь привести здесь заключительные слова одной моей лекции о Несторе, в Московском Университете в 1837 г. по окончании разбора всех доказательств, против него направленных.

«…Так, мм. гг., по всем самым точным исследованиям, по всем самым мелким наблюдениям, по всем усильным соображениям, подвергая строжайшей критике все показания летописи и все свидетельства посторонние, хладнокровно, беспристрастно, добросовестно, в том положении, в каком находится ныне наша история и ее критика, сколько до сих пор известно источников и документов, мы признаем несомненным, что первой нашей летописью мы обязаны Нестору, киево-печерскому монаху XI столетия.

Чем разнообразнейшему допросу подвергается он, тем чище, достовернее, почтеннее является пред глазами всякого неумытного судьи, как старый Иродот, на которого также возводимо было много несправедливых подозрений в продолжение веков. Все клеветы и напраслины сбегают чужой чешуей с нетленных его останков. Да, мм. гг., мы обладаем в Несторовой летописи таким сокровищем, какого не представит нам латинская Европа, какому завидуют наши старшие братья славяне. Нестор, во мраке XI века, в эпоху междоусобных войн, возымел первый мысль предать на память векам деяния наших предков, мучительное рождение государства, бурное его детство. Нестор проложил дорогу, подал пример всем своим преемникам в Новгороде и Волыни, Владимире и Пскове, Киеве и Москве, как продолжать его историческое дело, без которого мы блуждали бы во тьме преданий и вымыслов. Нестор исполнил это дело с

примечательным здравым смыслом, искусством, добросовестностью, правдивостью, и, прибавим здесь еще одно прекрасное его свойство, с теплотой душевной, с любовью к отечеству. Любовь к отечеству в эпоху столь отдаленную, в эпоху, когда везде господствовала личность, — выражение о Русской земле, в устах святого отшельника, погребенного заживо в глубокой пещере, обращенного всей душой к Богу и уделявшего, между тем, по несколько минут на размышление о земной своей отчизне, — явление умилительное!

Нестор есть прекрасный характер Русской Истории, характер, которым должен дорожить всякий русский, любящий свое отечество, ревнующий литературной славе его, славе чистой и прекрасной. Нестор, по всем правам, должен занимать почетное место в Пантеоне Русской литературы, Русского просвещения, — там, где блистают имена бессмертных Кирилла и Мефодия, изобретателей славянской грамоты, которые научили наших предков молиться Богу на своем языке, между тем как вся Европа в священных храмах лепетала чуждые, непонятные, варварские звуки; там, где блистает имя Добровского, законодателя славянского языка, обретшего непреложные законы в движениях его коренных элементов, сообщившего филологии ее высокое достоинство; там, где мы благоговеем перед изображением нашего Холмогорского рыбака, Ломоносова, давшего нам услышать новую, чудную гармонию в отечественной речи; где возвышается памятник Карамзина, которого должны мы почитать Нестором нашего времени, идеалом Русского гражданина и писателя; куда перенесли мы недавно со слезами гроб Пушкина, который опустился далее всех в глубину Русской души и извлек из нее самые основные звуки. Туда, туда постановим мы… не портрет, но освященный образ нашего первого летописца, знаменитого инока киево-печерского, Нестора, провозгласим ему вечную память и будем молиться ему, чтобы он послал нам духа Русской Истории: ибо дух только, друзья мои, животворит, а буква, буква одна умерщвляет, по слову Св. Писания; мы будем молиться ему, чтобы он соприсутствовал нам в наших разысканиях о предмете земной его любви, о предмете самом важном в системе гражданского образования, в коем таится все наше настоящее и будущее, об отечественной истории; мы будем молить его, чтоб он подавал нам собою пример трудиться, не для удовлетворения своего бедного самолюбия, не из угождения своим мелким страстям, а в духе того смиренномудрия, которое внушило ему эти прекрасные слова, по

замечанию одного из моих товарищей: „Аз грешный Нестор, мний всех в монастыре блаженного отца всех Феодосия“, — трудиться в духе горячей любви к отечеству, с искренним желанием научиться и узнать истину».

Летописец Василий:

«Приде Святополк с Давыдом Кыеву, и ради быша людье вси, но токмо дьявол печален бяше о любви сей, и влезе сотона в сердце некоторым мужем, и почаша глаголати к Давыдови Игоревичу, рекуще сице: „яко Володимер сложился есть с Василком на Святополка и на тя“. Давыд же ем веру лживым словом, нача молвити на Василка, глаголя: „кто есть убил брата твоего Ярополка? а ныне мыслит на мя и на тя, и сложился есть с Володимером; да промышляй о своей голове“. Святополк же смятеся умом, река: „еда се право будет, или лжа“, не веде. И рече Святополк к Давыдови: „да аще право глаголеши, Бог ти буди послух; да аще ли завистью молвишь, Бог будет за тем“. Святополк же сжалиси по брате своем и о собе, нача помышляти, еда се право будет? и я веру Давыдови. И прелсти Давыд Святополка, и начаста думати о Василке, а Василко сего не ведяше и Володимер. И нача Давыд глаголати: „аще не имеве Василка, то ни тобе княженья Кыеве, ни мне в Володимери“, и послуша его Святополк.

И приде Василко в 4 ноямьбря, и перевезеся на Выдобичь, и иде поклонится к святому Михаилу в манастырь, и ужина ту, а товары своя постави на Рудици; вечеру же бывшю приде в товар свой. И наутрия же бывшю, присла Святополк, река: „не ходи от именин моих“. Василко же отпреся, река: „не могу ждати; еда будет рать дома“. И присла к нему Давыд: „не ходи, брате, не ослушайся брата старейшего“; и не всхоте Василко послушати. И рече Давыд Святополку: „видиши ли, не помнить тебе, ходя в твоею руку; аще ти отъидет в свою волость, да узрит, аще ти не заимет град твоих Турова и Пиньска, и прочих град твоих, да помянешь мене; но призвав Кияны и емь, и дажь мне“. И послуша его Святополк, и посла по Василка, глаголя: „да еще не хощешь остати до именин моих, да приди ныне, целуеши мя, и поседим вси с Давыдом“.

Василко же обещася прити, не ведай льти, юже имяше на нь Давыд. Василко же всед на конь поеха, и устрете и детьский его, и поведа ему, глаголя: „не ходи, княже, хотят ти яти“. И не послуша его, помышляя, „како ми хотят яти? а оно мне целовавше крест, рекуще: аще кто на кого будет, то на того будет крест и мы вси“. И

помыслив си прекрестися, рек: „воля Господня да будет“. И приеха в мале дружине на княж двор, и вылазе противу его Святополк, и идоша в истобку, и приде Давыд, и седоша. И нача глаголати Святополк: „останися на святок“. И рече Василко: „не могу остати, брате; уже еси повелел товаром пойти переди“. Давыд же седяше акы нем, и рече Святополк: „да заутрокаи, брате!“ и обещася Василко заутракати. И рече Святополк: „поседита вы сде, а яз лезу наряжю“, и лезе вон, а Давыд с Василком седоста. И нача Василко глаголати к Давыдови, и не бе в Давыде гласа, ни послушанья: бе бо ужаслъся, и лесть имея в сердци. И поседев Давыд мало, рече: „кде есть брат?“ Они же реша ему: „стоит на сенех“. И встав Давыд, рече: „аз иду по нь, а ты, брате, поседи“. И встав иде вон.

И яко выступи Давыд, и запроша Василка в 5 ноямьбря, и оковаше и в двои оковы, и приставиша к нему стороже на ночь. Наутрия же Святополк созва боляр и Кыян, и поведа им, еже бе ему поведал Давыд, яко „брата ти убил, а на тя свечался с Володимером, и хотят тя убити и грады твоя заяти“. И реша боляре и людье: „тобе, княже, достоит блюсти головы своее; да еще есть право молвил Давыд, да приимет Василко казнь; аще ли неправо глагола Давыд, да приимет месть от Бога, и отвечает пред Богом“. И уведеша игумени, и начаша молитися о Василке Святополку, и рече им Святополк: „ото Давыд“. Уведев же Давыд, нача поущати на ослепленье: „аще ли сего не створишь, а пустишь и, то ни тобе княжити, ни мне“. Святополк же хотяше пустити и, но Давыд не хотяше, блюдася его. И на ту ночь ведоша и Белугороду, иже град мал у Киева, яко 10 верст в дале, и привезоша и на колех, оковина суща, ссадиша и с кол, и ведоша и в истобку малу. И седящу ему, узре Василко Торчина остряща нож, и разуме, яко хотят и слепити, възпи к Богу плачем великим и стенаньем. И се влезоша послании Святополком и Давыдом, Сновид Изечевич, конюх Святополч, и Дьмитр, конюх Давыдов, и почаста простирати ковер, и простерша, яста Василка, и хотяща и повредщи, и боряшется с нима крепко, и не можаста его повредщи. И се влезше друзии повергоша и, и связаша и, и снемше доску с печи, и възложиша на перси его; и седоста обаполы Сновид Изечевич и Дмитр, и не можаста удержат, и приступиста ина два, и сняста другую дску с печи, и седоста, и удавиша и рамяное яко персем троскотати. И приступи Торчин, именем Беренди, овчюг Святополчь, держа нож, и хотя ударити в око, и грешися ока, и перереза ему лице, и есть рана та Василке и ныне; и посем удари и в око, и изя зенищо, и

посем в другое око, и изя другую зеницю, и том часе бысть яко и мертв. И вземше и на ковре, взложиша на кола яко мертва, повезоша и Володимерю. И бысть везому ему, сташа с ним перешедше мост Звиженьскый, на торговищи, и сволокоша с него сорочку кроваву сущю, и вдаша попадьи опрати. Попадья же оправши вложи на нь, и онем обедующим, и плакатися нача попадья, яко мертву сущю оному. И очюти плач и рече: „кде се есм?“ Они же рекоша ему: „в Звиждени городе“. И впроси воды, они же даша ему, и испи воды, и вступи в онь душа, и упомянуся, и пощюпа сорочкы и рече: „Чему есте сняли с мене? Да бых в той сорочке кроваве смерть приял и стал пред Богом“. О нем же обедавшим, поидоша с ним вскоре на колех, а по грудну пути, бе бо тогда месяц груден, рекше ноябрь; и приидоша с ним Володимерю в 6 день. Приде же и Давыд с ним, акы некак улов уловив, и посадиша и в дворе Вакееве, и приставиша 30 муж стеречи и 2 отрока княжа, Улан и Колчко…»

Игумен Даниил.

«Я, недостойный игумен Русской земли, Даниил, худший из всех иноков, смиренный по множеству грехов, несовершивый никакого добраго дела, будучи нудим мыслию своею, с нетерпением желал видеть Св. град Иерусалим и землю обетованную, и, благодатию Божиею, достигал я Св. мест с миром, и своими очами видел Св. места, обходил всю обетованную землю, по которой походил ногами своими Христос Бог наш, и где совершил Он многие чудеса. Все то видел я своими грешными очами, и все показал мне Господь видеть в продолжение многих дней, что желал я видеть. Братие и отцы, и господа мнихи! простите мне и не зазрите худоумию моему за то, что я по грубости моей написал о Св. граде Иерусалиме, и о Св. земле той, и о своем путешествии… Я описал путь мой и Св. места, не возносясь и не величаясь, будто бы я сотворил что доброе на пути сем, — да не будет: я не сотворил на пути никакого добра. Но из любви к Св. местам я писал все, что видел грешными очами, чтобы не забыть того, что показал мне Господь, недостойному видеть… Написал я это также и для верных людей, чтобы иной, услышав о Св. местах, поревновал о них душою и мыслию и чрез то удостоился получить мзду, равную с ходившими к Св. местам. Ибо многие добрые люди, и сидя дома, своими милостынями и добрыми делами достигают Св. мест и большую мзду приимут от Бога. А многие, доходив до Св. мест, и увидев Св. град Иерусалим, вознесшися умом, как будто нечто доброе сотворили, погубляют мзду труда своего,

каков первый — я. Многие же, достигают Иерусалима, спешат назад, не видев многого — тогда как путь сей нельзя совершить скоро, и нужно не торопиться, чтобы видеть все Св. места». (Даниил пробыл в Иерусалиме 16 месяцев).

Вот как описывает Даниил приближение путников к Иерусалиму и вход в него:

«Св. град Иерусалим находится в долине; вокруг него высокие каминные горы, так, что нужно приблизиться к городу, чтобы его увидеть. Прежде всего виден дом Давидов, потом, через несколько шагов вперед, можно видеть Елеонскую гору и церковь Святая Святых. Наконец открывается и весь город. Есть там близ пути ровная гора, на расстоянии одной версты от Иерусалима, и на той горе путники слезают со своих коней, и издали поклоняются храму Св. Воскресения. Тогда великая бывает радость всякому христианину, узревшему Св. град. Никто не может не прослезиться, увидев землю желанную и Св. места, где Христос Бог походил ради нашего спасения. И идут пешие к Св. граду Иерусалиму с радостию великою…»

Послушаем, как повествует Даниил о том, как поставил он лампаду на гробе Господнем от всей Русской земли:

«В великую пятницу, в первом часу дня, пошел я, худой и недостойный, к князю Балдуину и поклонился ему до земли. Увидев меня, он подозвал меня к себе с любовию и сказал: „чего хочешь, игумене Русский?“ Он знал меня хорошо и очень любил: потому что он был человек добрый и смиренный, и нимало не гордился. Я отвечал ему: „Княже мой и господине! молю тебя ради Бога и ради князей Русских, — я хотел бы поставить лампаду свою на Св. гробе Господнем от всей Русской земли, и за всех князей наших, и за всех христиан Русской земли“. Князь с радостью повелел мне поставить лампаду, и послал со мною своего лучшего слугу к иноку храма Св. Воскресения и к ключарю гроба Господня. Оба они велели мне принести кадило мое с маслом. Поклонившись им, я пошел на торжище с великою радостью, купил большую стеклянную лампаду, налил в нее чистого деревянного масла, без примеси воды, и уже вечером принес к гробу Господню, где застал одного только ключаря. Он отпер мне двери к гробу Господню, велел разуться, и босого ввел меня одного ко гробу Господню. Здесь велел мне поставить лампаду мою моими грешными руками в ногах; а в головах стояла лампада Греческая, а на персях гроба стояла от всех монастырей, а на средний

поставил я грешный Русскую лампаду. Благодатию же Божиею все те три лампады зажглись сами собою, а Фряжские лампады, висевшие вверху, не возгорались ни одна. Поставив лампаду мою на святом гробе Господа нашего Иисуса Христа, я поклонился честному гробу тому, и, облобызав любовью и со слезами Св. место, где лежало пречистое тело Господа Иисуса, вышел из гроба с великою радостию».

Нельзя, наконец, не остановиться на послесловии, которым оканчивает Даниил свою книгу — так оно простосердечно и трогательно:

«Я ходил туда (в Иерусалим), говорит он, в княжение Русского великого князя Святополка Изяславича, внука Ярослава Владимировича Киевского. Бог свидетель и Св. гроб Господень, что во всех тех Св. местах я не забыл князей Русских и княгинь их, и детей их, не забыл ни епископов, ни игуменов, ни бояр, ни детей моих духовных, ни всех христиан, но везде поминал их. Благодарю благого Бога за то, что он сподобил меня, худого, записать имена князей Русских в лавре Св. Саввы, где они и ныне поминаются на ектении. Эти имена: Михаил-Святополк, Василий-Владимир, Давыд Всеславич, Михаил-Олег, Панкратий, Ярослав Святославич, Андрей-Мстислав Всеволодович, Борис Всеславич, Глеб Минский. Только я припомнил имен, и все то вписал у гроба Господня, кроме вообще князей и бояр Русских. Во всех Св. местах я отслужил 90 литургий за князей и за бояр, и за детей моих духовных, и за всех христиан, живых и мертвых. Да будет же всякому, кто прочтет это писание мое с верою и любовью, благословение от Бога, и от Св. гроба, и от всех Св. мест, и да приимет таковый мзду от Бога наравне с ходившими до Св. града Иерусалима, и видевшими Св. места сие: блажены не видевшие и веровавшие; верою вошел Авраам в землю обетованную. Поистине вера равна добрым делам. Но Бога ради, братие и отцы, и господие мои, не зазрите моему худоумию и моей грубости, и да не будет в похуление писание сие не ради меня, грубого, но ради Св. мест. Читайте его с любовью, да приимете мзду от Господа Бога и Спаса нашего Иисуса Христа, и Бог мира да будет со всеми вами».

Симон, епископ владимирский

Послание к Поликарпу, черноризцу печерскому: «Брат! сядь в безмолвии, собери ум свой и скажи в себе: О убогий иноче! Не оставил ли ты мира и по плоти родителей ради Господа? Если же, и пришедши сюда для спасения, ты не духовное творишь: то для чего

облекся в иночество? Не избавят тебя от муки черные ризы, если живешь не по-чернецки. Знаешь ты, как величают тебя здесь князья, бояре и все друзья твои, говоря: „блажен он, что возненавидел мир и славу его, уже не печется ни о чем земном, желая небесного“. А живешь не по-монашески. Великий стыд объемлет меня за тебя. Что, если ублажающие нас предварят нас в царствии небесном, и будут в покое, а мы, мучимые горько, будем вопиять? Кто помилует тебя, когда сам ты себя погубил? Воспряни, брат, и попекись мысленно о душе своей; работай Господеви со страхом, и со всяким смиренномудрием. Не будь ныне кроток, а завтра яр и зол; ненадолго молчалив, а потом опять склонен к роптанию на игумена и его служителей. Не будь лжив, а, под предлогом болезни, не отлучайся от собрания церковного. Ибо как дождь растит семя, так и церковь влечет душу на добрые дела. Что ни делаешь в келье, не имеет такой силы, как совершаемое в церкви. Читаешь ли псалтирь, или поешь 12 псалмов, — это не сравняется с одним соборным пением: Господи помилуй. Сам Господь сказал: храм Мой храм молитвы наречется; идеже бо есть два или трие собрани во имя Мое, ту есмь посреди их. А когда собирается такой собор — более ста человек братии, тем более веруй, что посреди их Господь Бог наш. От церковного огня приготовляется и обед их, которого одна крупица для меня вожделеннее всего, что предо мною. Свидетельствуюсь Господом, что не желал бы вкушать иного брашна, кроме укруха хлеба и гороху, приготовленного для святой братии. А ты, брат, не делай так, что ныне хвалишь соучастников трапезы, а завтра ропщешь на повара и служащего брата, и тем оскорбляешь начальствующего. Терпи, брат, и досаждение: претерпевый до конца, той спасется. Если и случится тебе быть оскорбленным; и кто-нибудь придет и скажет тебе: такой-то очень нехорошо говорил о тебе, — скажи вестнику: хотя он и укорил меня, но он мой брат, я достоин этого, и он не сам собою делает, но враг его подучил, чтобы рассорить нас между собою. Господь, да поразит лукавого, а брата да помилует. Скажешь: он в лицо оскорбил меня пред всеми. Не смущайся, чадо, и не предавайся скоро гневу, но падши до земли, поклонись брату, и скажи ему: прости меня. Исправь в себе прегрешение, и победишь всю силу вражию. Если на поношение будешь отвечать грубость, то вдвойне досадишь себе. Разве ты более царя Давида, которого Семей поносил в лицо? А он намеревавшемуся отмстить за него слуге своему сказал: не делай сего, да видит Господь смирение мое, и воздаст ми благая

клятвы его ради.

Довольно, брат, и того, что ты сделал по своей гордости: теперь тебе следует оплакивать то, что, оставив святой монастырь и Св. отцов Антония и Феодосия и Св. черноризцев, которые с ними, взялся быть игуменом в монастыре Св. Безмездников. Хорошо ты поступил, когда вскоре оставил это начинание и не дал плещи врагу своему, который хотел погубить тебя. Разве ты не знаешь, что дерево не поливаемое, но часто пересаживаемое, скоро засыхает? И ты, отказавшись от послушания отцу и братии своей, скоро погиб бы: овца в стаде безопасна, а отделившись от стада, скоро гибнет от волков. Тебе бы прежде надлежало размыслить, для чего ты хотел выйти из святой, блаженной и честной обители Печерской, где так удобно всякому желающему спастись. Я думаю, брат, что сам Бог попустил сему быть в наказание твоей гордости, — за то, что ты не захотел служить мужу святому, своему господину, а нашему брату, архимандриту Акиндину, игумену печерскому. Печерский монастырь, как море, не содержит в себе гнилого, но извергает вон.

А что писал ты ко мне о своей досаде, — горе тебе, ибо ты погубил свою душу. Спрашиваю тебя: чем ты хочешь спастись? Будь ты постник, всегда трезвен и нищ, проводи ночи без сна, но если не переносишь оскорблений, не спасешься. Порадовались было о тебе игумен и вся братия, и мы утешились вместе о твоем обретении. Но ты и еще попустил быть твоей воле, а не воле игумена, захотел еще раз быть игуменом у святого Димитрия, хотя никто тебя не принуждал: ни игумен, ни князь, ни я. И вот теперь ты уже испытал…

Пойми же, брат, что Богу не угодно твое старейшинство, и потому Он послал тебе слабость зрения. Но и этим ты не вразумился, чтобы сказать: благо мне, яко смирил мя еси, да научуся оправданием Твоим. Я вижу, что ты самолюбец, и ищешь славы от людей, а не от Бога. Разве я недостоин, говоришь ты, такого сана? чем я хуже, например, эконома или кого другого?.. Пишет ко мне супруга князя Ростислава, Верхуслава, желая видеть тебя епископом в Новгороде на место Антония, или в Смоленске на место Лазаря, или в Юрьеве на место Алексия, и говорит: я готова ради тебя и Поликарпа истратить хотя бы до тысячи серебра. Но я отвечал ей: дочь моя, Анастасия! Дело не богоугодное хочешь ты сделать. Если бы Поликарп остался в монастыре, и с чистою совестью, в послушании игумену и всей братии, в совершенном воздержании проводил жизнь, то не только во святительскую одежду был бы облечен, но удостоился бы и

небесного царства. А ты, брат, епископства ли пожелал? Добра дела желаеши, но прочитай, что говорит апостол Павел к Тимофею, и подумай, находишь ли ты в себе те качества, какие должен иметь епископ. Если бы ты был достоин такого сана, я не пустил бы тебя от себя, но своими руками поставил бы тебя наместником в обе епископии: во Владимир и в Суздаль, как хотел князь Георгий; но я не согласился… Брат, не в том совершенство, чтобы быть славимым от всех, но в том, чтобы исправить свое житие и явить себя чистым. Из Печерского монастыря многие поставлены во епископов. Как от самого Христа Бога нашего Апостолы посланы были во всю вселенную, — так от Его Матери Госпожи нашей Богородицы, из монастыря Ее, многие поставлены были во епископов по всей земле Русской. Первый — Ростовский Леонтий, великий святитель, которого Бог прославил нетлением. Это был первый престольник, которого неверные много мучили и били, и он стал третьим гражданином Русского Мира, получив вместе с двумя Варягами венец от Христа, ради которого пострадал. О Иларионе митрополите ты сам читал в житии Св. Антония, что им он пострижен и после того сподобился священства. После них поставлены были епископами: Николай и Ефрем в Переяславль, Исаия в Ростов, Герман в Новгород, Стефан во Владимир, Нифонт в Новгород, Марин в Юрьев, Мина в Полоцк, Николай в Тмуторакань, Феоктист в Чернигов, Лаврентий в Туров, Лука в Белгород, Ефрем в Суздаль. Если хочешь знать обо всех, прочти старую летопись Ростовскую, и найдешь, что всех было более 30, а если считать далее и до нас грешных, то думаю, будет около 50. Пойми ж, брат, какова слава того монастыря, и, утвердившись, покайся и возлюби тихое и безмятежное житие, к которому Господь привел тебя: я бы рад оставить епископство и служить игумену в том святом Печерском монастыре, но знаешь, что удерживает меня… Кто не знает, что у меня, грешного епископа Симона, соборная церковь во Владимире — красота города, а другая в Суздале, которую я сам создал? Сколько они имеют городов и сел? И десятину собирают по всей земле той, и всем этим владеет наша худость. Но пред Богом скажу тебе: всю сию славу, власть, за уметы вменил бы, если бы мне хоть колом торчать за воротами, и сором валяться в Печерском монастыре, и быть попираему людьми. Один день в дому Божией Матери лучше тысячи лет временной чести; в нем хотел бы я жить лучше, нежели в селениях грешничих».

Так оканчивается первая часть послания Св. Симона,

нравоучительная.

Инок Поликарп.

Вот начало его послания к игумену Акиндину:

«При содействии Господа к твоему благоумию слово, пречестный архимандрит всей России, отец и господин мой Акиндин! Приклони же благоприятный слух твой, да возглаголю тебе о житии, деяниях и знамениях, дивных и блаженных мужей, живших в святом Печерском монастыре, что слышал я о них от епископа Симона, Владимирского и Суздальского, брата твоего, и бывшего черноризца того же Печерского монастыря. Он рассказал мне грешному о святом и великом Антонии, начальнике Русских монахов, и о Св. Феодосии, и о подвигах других святых и преподобных отцов, скончавшихся в дому Пречистой Божией Матери: да послушает твое благоразумие моего младоумия и несовершенного смысла. Некогда ты спросил меня, и повелел мне поведать тебе о деяниях тех черноризцев, но сам знаешь мою грубость и не добрый нрав, как я всегда со страхом беседую пред тобою о всякой вещи: мог ли же я пересказать тебе ясно о преславных знамениях и чудесах? Кое-что немногое я сказал тебе от тех чудес, но гораздо более я забыл от страха, и исповедал неразумно, стыдясь твоего благочестия. Посему я понудил себя теперь изложить тебе в письмени о святых и блаженных отцах Печерских, чтобы и будущие после нас черноризцы уведали благодать Божию, бывшую в этом святом месте, и прославили Отца небесного, показавшего такие светильники в Русской земле и в Св. Печерском монастыре».

Некоторые рассказы Поликарпа сопровождаются обращениями к Акиндину и нравственными соображениями. Вот, например, приложение в житии пр. Агапита:

«Такие-то и даже большие дела совершены теми священными черноризцами. И я, воспоминая добродетельное житие их, дивлюся, как доселе умолчаны были великие исправления Св. отца нашего Антония. Если такое светило угаснет по нашей небрежности: то как воссияют от него лучи? Разумею препод. отцов наших Печерских. Но, по слову Господа: несть пророк честен во отечестве своем. Я бы готов написать тебе, честный архимандрит, господин Акиндин, об упомянутых Св. отцах и изобразить — одних чудотворения, других исправления, третьих крепкое воздержание, иных послушание, еще иных прозорливость, как слышал я от твоего собрата, а от моего господина, епископа Симона. Но некоторым кажутся невероятными

мои сказания по величию самых дел, а вина их неверования та, что они знают меня, Поликарпа, как грешника. Впрочем, если повелит твое преподобие, я напишу, сколько мой ум постигает и память пособит, хотя и неудачно будет, да оставим написанное будущим после нас пользы ради, как и блаженный Нестор написал в летописце о блаженных отцах: Дамиане, Иеремии, Матфие и Исакие, и как в житии Св. Антония вписаны жития их, хотя и кратко. Я скажу о прежде упомянутых черноризцах ясно, а не в тайне, как сказал уже о других: ибо, если я умолчу, то они останутся забвенными навсегда, и имена их не помянутся, как было до сего дня. Вот я сказал об них в 15-е лето твоего игуменства, а в продолжение 160 лет доселе не было им поминовения. Ныне только, по твоей любви, утаенное сделалось известным, и память любивших Бога присно чтится и восхваляется; потому, что они угодники его, и увенчались от него. И я, грешный Поликарп, исполняя твою волю, державный Акиндин, написал тебе это. Но и еще исповем тебе нечто о блаженном и преподобном отце нашем Григории Чудотворце…»

Другие рассказы Поликарпа, не имеющие подобных приложений в конце, имеют их в начале. Например, житие преп. Марка печерника начинается так:

«Мы, грешные, подражаем древним жизнеописателям, но они употребляли много труда, странствовали в пустынях и горах и пропастях земных, и одних из преподобных мужей, о которых писали, видели сами, а о других — об их жизни, чудесах и богоугодных делах слышали от прежде бывших отцов, и таким образом составили патерик, который мы, читая, наслаждаемся теми духовными словами. Я же, недостойный, и разума истины не постиг, и ничего такого не видел, а только последуя мною слышанному от епископа Симона, написал это твоему отчеству. Я никогда не обходил Св. мест, не видел ни Иерусалима, ни Синайской горы, дабы приложить что-нибудь к моей повести, как имеют обычай украшаться хитрословесники. Я же не хочу хвалиться ничем, как только Св. монастырем Печерским, и бывшими в нем Св. черноризцами, их житием и чудесами, которые воспоминаю с радостью: ибо и я, грешный, желаю молитвы тех Св. отцов…»

Св. Кирилл Туровский.

Отрывок из слова в первую неделю по пасхе, по переводу С. П. Шевырева.

«В минувшую неделю (т. е. воскресение) все изменилось: небом

стала земля, очищенная Богом; обновилась тварь; не нарицаются уже богами стихии… Отселе ад не приемлет в требы младенцев закалаемых отцами; ни смерть не знает уже почести; престало идолослужение; не только спасен человеческий род, но и освятился Христовою верою. Христос один — жертва за всех. Перестал праздник субботе; царствует во днях неделя, день Воскресения. Увенчаем же, братие, царицу дней; принесем же ей драгоценные дары с верою; дадим по силе всякой что может: кто милостыню, беззлобие и любовь; другие девство чистое, и веру правую, и смиренно нелицемерное; иные пение псалмов, апостольское ученье, и молитву с воздыханием перед Богом… Все ветхое конец прияло, и стало новым: как видимое, так и невидимое. Ныне небеса просветились, совлекли с себя темные облака, как вретища, и светлым воздухом исповедают славу Господню; эти видимые небеса — символ небес разумных, или Сионской горницы, соединившей Апостолов. Солнце восходит красуясь и радуясь, землю согревает; так восстал из гроба праведное солнце Христос и спасает всех верующих. Луна уступила честь высшему светилу: ветхий закон — закону Христову. Зима языческого кумиролужения престола, лед Фомина неверия показанием ребр Христовых растаял. Весна красная — то вера Христова, оживляющая естество человека; бурные ветры — грехотвореные помыслы, покаянием претворенные в добро, возращают плоды душеполезные; земля естества нашего, приняв, как семя, слово Божие, рождает дух спасения. Новорожденные агнцы и юнцы бегут с веселием на поля к матерям своим, и пастухи играют в свирели: кроткие из язычников люди, — агнцы, кумиролужители неверных стран — юнцы, возвращаются к святой церкви и сосут млеко ее учения; пастухи — учители Христова стада: они молятся о всех и славят Христа Бога, собравшего волков и агнцев в единое стадо. Деревья распускаются… так мы были прежде древами дубравными, не приносили плода, а ныне привилася к нам вера Христова. Земледельцы, — ратаи слова, приводят словесных юнцов к духовному ярму, погружают крестное рало в браздах мысли, всыпают семя духовное и веселятся надеждами будущих благ. Реки полны вод, совершаются рыбные ловы: так Апостолы, испытав глубину Божия вочеловечения, обретают церковную мрежу, полную ловитвы. Трудолюбивые пчелы летят на цветы и творят медвяные соты: то иноки, которые в пустынях сами себя питают, удивляют ангелов и человеков, и готовят сладость людям и потребное церкви. Наконец,

птицы — веселые лики всей церкви… На этот новый праздник Воскресения приносятся разные дары: от языков вера, от христиан требы, от иереев святые жертвы, от миродержителей боголюбная милостыня, от вельмож церковное попечение, от праведников смиренномудрие, от грешников истинное покаяние, от нечестивых обращение к Богу, от ненавидящихся духовная любовь. Войдем ныне и мы, братие, мысленно в Сионскую горницу, где собрались Апостолы и сам Иисус Христос…»

Отрывок из слова на Вознесение:

«На ту гору сам Христос Бог сегодня пришел, и собралися чины всех святых: соборы Праотцов, Патриархов множество, полки Пророков, лики Апостолов, толпы верных. Тут в небесах и на земле готовится торжество Вознесения. Собрались Ангельские силы и Архангельские воинства: одни приносят облака на крыльях ветряных для взятия от земли Христа Бога нашего; другие готовят престол Херувимский. Бог Отец ожидает Того, Кого в лоне Своем имел еще и прежде с Собою. Небеса веселятся, украшая свои светила, готовя их к тому, чтобы принять благословение от Творца, когда он с плотию Своею через их же врата на облака вознесется. Земля радуется, видя на себе Бога явственно ходящего, и вся тварь красуется, просвещаемая от Елеонской горы, которая святостью превзошла Синайскую. Началось песнословие небесное во славу Вознесения; сначала, как громы, раздаются голоса Пророков: вознесися силою твоею, Боже, поем и воспоем силы Твоя. За ними поют Ангелы; патриархи начинают песнь: се Бог наш возносится! Возглашают преподобные, велегласуют праведные. Давид, как старейшина ликов, уясняя песненные голоса, говорит: все языцы, восплещите руками, воскликнете Богу гласом радости, да взыдет Бог в воскликновении и Господь во гласе трубнем. Все голоса заключает Павел и Апостол, присущий также Вознесению не по времени последования сказаний новозаветных, но по вечной мысли тайны Христовой, так ясно открывшейся ему во всех событиях Спасителевой жизни».

«Иисус, произнеся слово утешения, воздвиг руки, благословил их и начал возноситься на небо; Апостолы поклонились ему, и светлое облако подняло его от очей их, и взошел Он на херувимах, и полетел на крыльях ветряных, и вознося с Собою души человеческие в дар Отцу Своему».

Воззвание к народу в заключении слова в неделю ваий:

«Излием, как миро на главу Его, веру и любовь нашу; изыдем

любовью, как народы, в сретение ему; сломим гневодержание, как ветви; постелим ему как ризы добродетели; воскликнем молитвами и беззлобием, как младенцы; предъидем милостынями к нищим; восследуем смирением и постом, бдением и блаженным покаянием, и не погубим труда четырехдесятидневного поста, да и в наш Иерусалим внидет ныне Христос».

Начало слова на 5 неделю по пасхе:

«Я надеялся, друзья и братья, на всякую неделю собирать людей более на послушание божественных словес, а ныне прошло менее: если бы говорил я от себя: вы сделали бы хорошо, не приходя (в храм)… Я же возвещаю вам слово, читаю вам грамоту Христову. Когда кто приносит грамоту царскую или княжескую в город подвластным, не допытываются, каков по жизни принесший, богат ли он или беден, грешник ли или праведник; и со вниманием выслушивают только что читается, и заботятся о том, как бы чего не проронить… и если бесчинный человек произведет при том шум, то прогоняют его побоями, как пакостника. Если же для земного царя столько внимания, еще более вы должны оказывать внимание здесь, где Владыка Господь беседует с ангелами. Потому-то умоляю вас, пришедших сюда, — вразумляйте неприходящих, чтобы ходили в храм…»

Из заключения слова:

«Не понимаете, что поется? Научу вас и большему того, если станете внимать и учиться. Если же не будете внимательны, я умолкну, а вы будете осуждены за то, что имели учителя, да не внимали. Не для меня приходите в церковь, — я грешник, — но для евангельской проповеди и апостольскаго учения. Скажите мне, братия, если при восходе солнца станет кто-нибудь закрывать свои глаза с нежеланием увидеть свет и будет говорить: для меня мрак лучше света, — одобрите вы его, или же осудите? То же и слово учения. Божие слово называется в писании светом, при том таким, который выше всякого видимого света. Видимый свет озаряет плотские очи, а тот — душевные. Если бы раздавал я вам каждый день мед или пиво: не стали ли бы вы ходить даже без зова? Вы перегоняли бы друг друга. Но вот я раздаю слова Божии, лучшие золота и дорогих каменьев, более сладкие, чем мед и сот, и вы лишаетесь их, не приходя в церковь! Я порицаю и осуждаю тех, которые не ходят в церковь слушать слово Божие; но вас, приходящих, хвалю и благословляю» и проч.

Заключение молитвы на день воскресный:

«Надеясь на милость Твою, вопию к Тебе воплем сильным: вспомни, Господи, слова пречистых уст Твоих; Ты сказал: ищите и обрящете, просите и дастся вам. Не пришел Ты, Владыко, звать праведных, а грешников на покаяние, из них я первый. Против себя говорю о грехах моих: но если бы и молчал я, Ты знаешь их. Приими меня, премилостивый, как разбойника, мытаря, блудницу, блудного сына. За тех все отчаялись, а Ты принял их, и сотворил жителями рая. Прими и мое покаяние, недостойного раба Твоего, Господи Иисусе Христе! Очистивший прокаженных! очисти скверны души моей; будь мне помощником, огради меня силою креста твоего, утверди Св. Духом Твоим, прогони борющихся со мною. Пусть уста мои вещают великую милость Твою, что Ты — помощник в скорби моей. Спаси, Господи, раба Своего благоверного князя, и помилуй всех христиан, молитвами Богородицы и всех святых. Ты Бог наш, и тебе с умилением поклоняемся; все небесные силы хвалят Тебя, Отец, Сын и Дух Св., ныне, всегда и во веки веков, аминь».

Слова из Златой цепи, неизвестного проповедника[27]

В поучение всем христианам

Милые дети мои! прежде всего имейте искреннюю веру в Бога, Отца и Сына и Св. Духа; потом послушание Его Св. Апостолам и Св. Отцам, которые за Христа страдали во все дни своей жизни. А ослушания остерегайтесь, чтобы не погибнуть, как погиб первозданный Адам, через Еву, приведенную в непослушание Богу. Любовь имейте ко всем, со всеми пребывайте в мире, как и Христос весь мир возлюбил, без выбора, и подал нам совершенный образец в Себе. Ибо пришел Он, Господь милостивый, с небес, и родился в вертепе от девы — для нас; жил с человеками и принял крещение не имея греха; светло преобразился для нашего уверения; был связан и затворен в темнице, внушая нам не унывать в таком же несчастии; был распят на кресте, все для того, чтобы наше спасение устроить; возлег во гробе не за свои грехи; воскрес, чтоб нас извести на свет; вознесся на небеса, чтобы и нам, по Апостолу, быть восхищенными в сретение Его. Все сие сотвори Он премудро, с любовию и уверенностью, что своим примером нас приведет ко спасению и для того, чтобы нас избавить от муки в будущем веке.

---

[27] Преп. Филарет приписывает эти слова митрополиту Кириллу, греку, 1223–1233, но они, очевидно, сочинение, а не перевод.

Слово о князьях

Князю земли своей будьте покорны; не желайте ему зла в сердце вашем; но с охотою служите ему головою своею, и мечом своим, и всею мыслью своею; и другие не в состоянии будут противиться вашему князю. Если хорошо будете служить своему князю, то земля ваша будет богата, и сами получите от сего добрый плод. Если же, оставив своего, станете радеть другим князьям, то подобны будете жене распутной, которая от своего мужа готова со всеми распутствовать; будет время, что муж подстережет ее, и накормит ею псов, и весь род ее покроется великим стыдом. Еще скажу вам, дети мои: кто от своего князя отпадет к другому, хотя и пользовался от своего достойной почестью, тот подобен будет тому, который, хотя любим был Господом, но умыслил продать его старейшинам жидовским, и куплены были на деньги предателя с прочими приношениями село крови и гроб. От великой печали он отек; метался туда и сюда по Иерусалиму, но от всех проклинаемый бежал по пути из Иерусалима; от великой скорби и печали сделался болен, отек, и, как полный зла, разселся по полям. Епископство его принял другой, и дети его впали в погибель. И вы, дети мои, не могите радеть чужому князю, чтобы вам не подвергнуться такому же бедствию.

Слово о прислуге

Еще говорю вам, любезные дети мои, прислугу свою кормите досыта, одевайте и обувайте. Если же не будете кормить и обувать, а раба твоего или рабу убьют на воровстве, то тебе придется отвечать за кровь их. Снабдевайте сирот своих во всем и наставляйте их, чтобы они крестились, каялись и исполняли весь закон Божий. Ибо ты в своем доме, как Апостол, вразумляй их грозою и лаской. Если же не будешь учить, то дашь ответ за сие пред Богом. И Авраам наставлял своих 318 домочадцев во всяком добром законе и добрых нравах. Снискав страх Божий, они не причинят тебе скорби в старости твоей. Если же нисколько не будут слушаться тебя, то не жалей на них лозы, как и премудрость Божия говорит — даже до 4, или 6, или 12 ударов. Если раб или раба не слушает тебя и не исполняет твоей воли, то позволительно наказать их от 6 до 12 ударов лозами. Если же велика вина, то можешь дать и 20 ударов. Если весьма велика вина, то 30 ударов лозою. А более 30 ударов давать не велим. Если так будете наказывать, и вместе хорошо одевать и кормить, то получишь от Бога доброе воздаяние.

Слово о рабах

И к рабам мое слово: и вы, добрые слуги, смотрите на то, что не человеку служите, но самому Богу… помыслите, что не господину вы являете милость, но исполняете волю Божию.

Сочинения греческих митрополитов, управлявших нашей церковью, имеют содержание преимущественно полемическое и каноническое. Георгий (ок. 1065–1079), Иоанн II (1080–1088) и Никифор (1104–1121).

Сочинение митрополита Георгия носит заглавие: «Георгия, митрополита киевского, стязанье с Латиною. Вин числом 70».

Особенным поводом к написанию этого сочинения против латинян мог послужить для митрополита Георгия известный случай, когда папа Григорий VII пытался обратить к своему исповеданию нашего великого князя Изяслава и даже написал к нему (1073 г.) послание.

«Стязанье с Латиною» начинается словами:

«Когда великий Константин принял от Христа царство, и вера Христианская с того времени начала более расти и распространяться всюду, и царство ветхого Рима преложилось в Константин-град, — тогда последовали седмь святых вселенских Соборов. На эти седмь Соборов папы старого Рима или приходили сами, или присылали своих епископов, — и Св. церкви имели между собою единство и общение, то же мыслили, то же проповедовали. Потом старым Римом и всей той землей овладели Немцы, и, спустя немного времени, старые мужи правоверные, которые хранили закон Христов и правила Св. Апостолов и Св. Отцов, скончались. По смерти их, люди молодые и неутвержденные, увлекались прелестью Немецкою и впали в вины различные и многие, запрещенные и осужденные Божественным законом, и когда, несмотря на советы многих других церквей, не захотели оставить творимого ими зла, — то и отвержены были от нас. Евангелие их, как доброе и поклоняемое, почитается в великой церкви, но почитается на обличение их и на суд, потому, что не живут, како оно велит».

«Латиняне служат на опресноках и едят их: это по-жидовски. Христос же не предал того и совершил Св. Тайны не на опресноках, а на хлебе совершенном и кислом… На Св. литургии не совершают ни великого, ни малого выхода и службу творят не в алтаре, а во всей церкви, три, четыре и пять раз в один день в той же церкви. В Св. правиле: „верую во единого Бога“ сделали злое и неразумное приложение. Св. Отцы написали: и в Духа Святого, Господа

животворящего, иже от Отца исходящего, — а они (латиняне) от себя приложили: „иже от Отца и от Сына“. Это есть великое зловерие и ведет к Савеллиевой ереси. Через такое приложение они извращают веру Св. отцов первого и второго вселенских соборов, и слова Спасителя, который сказал: егда приидет Дух истины, иже от Отца исходит, той свидетельствует о Мне. Не сказал Христос: иже от Нас исходит; значит — это приложение есть зловерие и великая ересь».

Послание от Иоанна, митрополита русского, к Клименту, папе римскому.

Случай к написанию послания подал сам Климент II. Противоборствуя законным папам, не признаваемым в Риме, он хотел сблизиться с восточными иерархами, хвалил православную веру, желал соединения церквей и прислал с такими известиями к нашему митрополиту своего епископа. Отсюда объясняется, почему наш первосвятитель, вопреки духу своего времени, обращается в послании к римскому первосвященнику с любовью, говорит с кротостью, называет его законным пастырем, нимало, однако же, не колеблясь обличать заблуждения латинян. Достойно также замечания, что при изложении этих заблуждений Иоанн II не раз выражается: «якоже слышахом» или «аще тако суть, аще воистину творимая нами, яко же слышахом», и тем показывает, что у нас тогда, как и на всем Востоке, судили о латинских заблуждениях преимущественно по слухам и потому могли говорить о них не всегда верно.

«Я узнал (с любовью), пишет наш первосвятитель к римскому, твою любовь о Господе, воистину человек Божий, достойный кафолического седалища и призвания: потому что находясь далеко от нашей худости и смирения, ты достаешь даже до нас крылами своей любви, и приветствуешь нас законно и любезно, и молишься о нас в духе, и догматы нашей непорочной и православной веры приемлешь и почитаешь, как возвестил и подлинно изъяснил нам всечестный и добродетельный епископ твоего священства. Если же это так, и такой нам дан от Бога архиерей, а не подобный тем, которые немного прежде сего архиерействовали противно истине и извратили благочестие (разумеются, вероятно, предшественники Климента III, папы Лев IX и Григорий VII), то и я, худший из всех, приветствую твою священную главу, и мысленно лобызаю ее, и всегда желаю, да хранит тебя всегда свыше всесильная десница, и да дарует всеблагий милосердый Господь совершиться воссоединению между нами и

вами. Но знаю, как возникли соблазны и преграды на Божественном пути, и крайне удивляюсь, как и почему даже и до ныне не последовало исправления. Не знаю, какой лукавый закон, какой завистливый враг истины и противник благочестия произвел все это и расторг нашу братскую любовь и единодушие всего христианского общества. Не вообще я это говорю: ибо мы знаем вас, благодатию Божиею, и во многом совершенно принимаем, как Христиан; но знаем также, что вы не во всем с нами согласны, и в некоторых вещах от нас отделились. Вот смотрите, — я покажу вам…»

«…Прошу тебя, и умоляю, и припадаю к священным стопам твоим, чтобы вы отстали от всех этих заблуждений, особенно же от употребления опресноков и приложения к символу: потому что первое опасно по отношению к таинству Св. Причастия, а последнее по отношению к православной вере. Хотел я написать к тебе еще об удавленных и нечистых животных, и о монахах, вкушающих мясо; но даст Бог, что все это и многое тому подобное вы исправите впоследствии. Ты же прости мне ради Господа, написавшему сие от великой любви. И если истинно, как мы слышали, совершаемое вами, то испытайте писания, и вы увидите, что все такие вещи требуют исправления. Еще молю любовь твою о Господе прежде всего, если пожелаешь, написать к святейшему нашему патриарху Константинополя и к находящимся там святым митрополитам, которые имеют слово жизни, сияя в мире, как светила, и могут благодатию Божиею все таковое наследовать вместе с тобою и исправить: а потом, если будет тебе благоугодно, написать и худшему из всех — мне. Приветствую любовь твою о Господе, я, Иоанн, недостойный митрополит Русский, и весь подвластный тебе клир и народ. Приветствуют вас также вместе с нами и все наши святые и боголюбезнейшие епископы, и игумены, а с ними и весь священный клир и народ».

Другое послание Иоанна II известно только по славянским рукописям под заглавием: «Иоанна, митрополита Русского, нареченного пророком Христа, написавшего правило церковное от Св. книг вкратце, Иакову черноризцу».

Митрополиту Никифору приписываются: три послания против латинян (одно к великому князю Владимиру Мономаху, другое к неизвестному князю, третье к князю муромскому Ярославу Святославичу), и два сочинения о посте церковном, одно в виде послания к великому князю Владимиру Мономаху, другое в виде

поучения к духовенству и народу.

«Ты спрашивал нас, благородный княже, — за что отлучены Латыняне от святой, соборной и православной церкви: и вот я, как обещался благородству твоему, поведаю тебе вины их…

Ты же, княже мой, прочитай послание сие не однажды, не дважды, а многократно, прочитай ты, пусть читают и сыны твои. Князьям, от Бога избранным и призванным к православной вере его, должно хорошо знать учение Христово и твердое основание церковное, да послужат сами подпорами для Св. церкви в назидание и наставление порученным им от Бога людям. Один Бог царствует на небесах, а вам с помощью Его определено царствовать здесь — на земле в роды и роды. И так как вы избраны от Бога и возлюблены им, и сами возлюбили Его: то разумейте и испытывайте слова Его, чтобы и по отшествии из сего тленного мира, соцарствовать вам с Ним на небесах, как веруем и надеемся молитвами Св. Богородицы и всех святых».

Лучшее сочинение митрополита Никифора, и вообще одно из лучших произведений нашей древней словесности, говорит пр. Макарий, есть послание его к великому князю Владимиру Мономаху о посте и воздержании чувств. Тут виден и сам достойный первосвятитель с его умом, образованием, с пастырским дерзновением и ревностью к своему долгу; виден и достойнейший князь с его высокими качествами человека-христианина. Послание написано по случаю великого поста, когда, — замечает митрополит, — устав церковный и правило заповедовали говорить нечто полезное и князьям. Почему первое слово в послании, как и естественно было, — слово о посте:

«Благословен Бог, и благословенно Св. имя славы Его, благословенный и прославленный мой княже! По многой благодати своей и человеколюбию Он сподобил нас достигнуть настоящих пречистых дней Св. поста, которые узаконил, как строитель нашего спасения, для очищения наших душ, когда постился и Сам, в показание своего вочеловечения, сорок дней, не потому, чтобы имел нужду в посте, но чтоб явить нам образ поста. Если бы первый Адам, праотец наш, постился от древа разумного и сохранил заповедь Владыки, тогда второй Адам, Христос Бог наш, не требовал бы поста. Но вследствие преступления первого Адама, по соблюдению поста, постился Он, да разрушит преслушание. Принесем же благодарение и поклонение Владыке, постившемуся и узаконившему для нас пост, и

даровавшему нам былие душевного здравия! Двойственно наше бытие: разумное и неразумное, духовное и телесное. Разумное и духовное есть нечто божественное и чудное, и подобно бесплотному естеству, а неразумное страстно и сластолюбиво. Оттого в нас постоянная брань; плоть противится духу и дух плоти. И поистине, нужен нам пост; он укрощает телесные страсти, обуздывает противные стремления и покоряет плоть духу… От этого же первого блага происходят в нас все прочие. Видишь ли, княже мой, благоверный и кроткий, как пост есть основание добродетели? Потому-то он, как солнце, сияет во всем мире: все языки совершают пост ради преступления праотца, — одни в то время, другие в другое, — одни более, другие менее, — но силы поста, как неразумные не разумевают, и суетен их пост и непотребен; только люди Христовы, язык святый, царское священие, ведают силу поста, и, живя в правоверии, и благословляют Бога, вразумившего их, да не смутятся и не будут поглощены от древнего врага, не хотящего нашего спасения. И многое еще имел бы я сказать в похвалу поста, если бы писал к кому-либо другому. А так как слово мое к тебе, доблестная слава наша и всей земли христолюбивой, — к тебе, которого Бог издалеча проразумел и предопределил, которого от утробы матерной освятил и помазал, смесив от царской и княжеской крови, которого благочестие воспитало, и пост воздоил, и Св. купель Христова измлада очистила: то излишнее беседовать к себе о посте, а аще более о непитии вина или пива во время поста. Кто не знает, что ты соблюдаешь все это? Знают даже крайние невежды и бесчувственные, и все видят и чудятся. Вместо же научения о посте, чтобы исполнить устав церковный, мы изложим твоему благоверию нечто иное, и скажем о самом источнике, из которого проистекают в людях всякое добро и всякое зло, смотря по тому, как пользуются они источником, правильно или неправильно.

Ведай, благоверный княже, — что душа наша создана дуновением Божиим и по образу Божию. В ней три части или силы; разум выше других: им-то мы отличаемся от животных; им познаем небо и прочие творения; им, при правильном его употреблении, восходим к разумению самого Бога. И вот Авраам, не знакомый с звездословием, познал чрез рассматривание неба Творца и веровал в Него; Енох угодил Богу и преложися, Моисей видел задняя Божия, и чрез то возшел к уразумению Зиждителя. Таково правильное употребление разума! Но есть и неправильное: разумен и денница-

ангел, ныне диавол, но, низвратив свой разум, возмечтав быть равным Богу, над с чином своим; разумны и Еллины, но, несоблюдши разума, дошли до идолопоклонства.

Вторая сила — чувство — выражается в ревности по Боге и в неприязни ко врагам Божиим; при неправильном же употреблении обнаруживается злобою, завистью и под. И вот Каин злоупотребил чувством, и по зависти убил брата своего Авеля; а Моисей, Финеес и Илия, ревновали по Боге, когда первый убил Египтянина, второй — иноплеменницу и грешившую с Израильтянином, третий — жрецов Вааловых. Убивают и разбойники, но убивают по злобе и своекорыстию.

Третья сила — воля; при добром употреблении ее человек имеет постоянное желание к Богу, забывая о всем прочем; ждет просвещения от Него; наслаждается веселием в самых злостраданиях ради Бога, — от сего веселия произрастает семя жизни, бывают чудотворения, пророчества и человек мало-помалу приближается к Богу, и еще на земле становится живым образом и подобием Его.

Ты узнал теперь, человеколюбивый и кроткий князь, три силы души. Узнай же и слуг ее, чрез которых она действует. Душа находится в голове, имея ум, как светлое око, в себе, и наполняя своею силою все тело. Как ты, князь, сидя на своем престоле, действуешь чрез воевод и слуг по всей твоей стране, а сам ты господин и князь, так и душа действует по всему телу чрез пять слуг своих, т. е. чрез пять чувств: зрение, слух, обоняние, вкус и осязание. Зрение чувственное верно: что видим мы при здравом уме, то видим верно; но слух иногда передает истину, а иногда ложь. Потому, что сами видим, тому можно верить; а что слышим от других, то надобно принимать с великим испытанием и судом, и тогда давать ответ. Об обонянии, которое должно отвращаться благоухания, что сказать такому князю, который больше спит на земле, мало сидит дома, чуждается светлых одежд и, ходя по лесам, носит убогую одежду, и только по нужде облачается в княжескую ризу во граде — ради властей? Также о вкусе, услаждающемся пищею и питием? Мы знаем, что для других ты приготовляешь светлые обеды по-княжески, а сам служишь, и когда гости пресыщаются за столом, ты ограничиваешься малым вкушением и малою водою. Что касается до осязания, которое обыкновенно простирается на имения: я знаю, что с тех пор, как утвердился в тебе разум, ты постоянно благотворишь всем, не собираешь сокровищ, ни злата, ни серебра, а раздаешь все

общими руками, и между тем сокровищница твоя, по благодати Божией, не оскудевает и не истощается…

Зачем же я простер слово свое и так долго говорил? Да разумеешь, княже мой, что я болю о тебе. И как телесные врачи, если любят больного, бодрствуют над ним и стараются найти первую причину недуга; так и я поступил, искал первой причины и, рассмотрев тебя по душевным силам, нашел ее. По разуму я нашел тебя благоверным, благодатию Божиею, и не уклоняющимся от правой веры. По чувству — ревнующим о Боге до сего дня, — и молю Бога, да соблюдет тебя таковым навсегда, если не допустишь войти волку в стадо Христово и не дашь насадить терния в винограде Божием (разумеются, вероятно, покушения латинян), но сохранишь древнее предание своих отцов… По воле — нельзя счесть за малое то, что уже совершил ты в твоем возрасте. Испытав тебя по пяти чувствам, я обретаю тебя по зрению непреткновенным, так же по третьему чувству, — обонянию, по четвертому и пятому. О втором же чувстве, т. е. слухе, не знаю, княже мой, что сказать тебе; а кажется мне, что так как ты сам не можешь все видеть своими очами, то служащю тебе орудиями иногда представляют тебе донесения ко вреду души твоей, и чрез отверстый слух твой входит в тебя стрела. Подумай об этом со вниманием, княже мой, и помысли об изгнанных тобою и осужденных; вспомни о всех, кто на кого донес, и кто кого оклеветал, и сам рассуди о всех и прости, да получишь прощение от Бога… Не огорчись, княже мой, словом моим, и не подумай, чтобы пришел ко мне кто-либо, опечаленный тобою, и потому я написал тебе. Нет, я просто написал тебе в напоминание: ибо великие власти имеют нужду и в частом напоминании! Я осмелился написать тебе потому, что устав церковный и правило требуют в настоящее время говорить нечто полезное и князьям. Знаем, что мы сами грешники и немощны, а думаем врачевать других; но слово Божие, сущее в нас, здраво и цело. Оно-то учит, и учимым должно искушать его, и принимать от него исцеление…»

В заключение митрополит говорит:

«Наконец, скажу тебе еще одно, христолюбивый княже мой, — помни третий псалом первого часа, именно сотый, и со вниманием пой его: Милость и суд воспою тебе Господи, и проч. В нем верное изображение, каков должен быть царь и князь. Если ты будешь испытывать и соблюдать то, о чем говорится в этом псалме, он просветит еще более умные очи твои, отвратит от них всякую суету,

освятит твой слух, очистит сердце, исправит стопы, предохранит ноги твои от поползновения и сподобит тебя достигнуть праздника Воскресения Господа в радости телесной, в здравии и веселии духовном, и воссияет тебе свет, сияющий праведникам, на много лет останешься неосужденным и неповинным. А потом от царства дальнего вознесешься в горнее, где истинная пасха и истинный праздник».

«Поучение Митрополита Русского Никифора в неделю сыропустную, в церкви, ко игуменом, и ко всему иерейскому и диаконскому чину, и к мирским людем» прежде всего замечательно по своему началу, которое показывает, что митрополит грек, по незнанию русского языка, не произносил сам поучений своих к народу, а только писал их и, вероятно, в переводе поручал произносить другим.

Вот это начало:

«Много поучений, о любимцы мои и возлюбленные чада о Христе, мне надлежало бы предлагать вам языком моим, чтобы водою его напоить добрую и плодоносную землю, — разумею души ваши. Но не дан мне дар языков, о котором свидетельствует божественный Павел, и посредством которого я мог бы творить порученное мне: оттого я стою посреди вас безгласен и совершенно безмолвен. А так как ныне потребно поучение по случаю наступающих дней Св. великого поста, то я рассудил предложить вам поучение чрез писание…

Приимем наступающие дни с радостью и вместе с пророком возопием: Приидите возрадуемся Господеви, воскликнем Богу Спасителю нашему, предварим лице Его во исповедание. Никто да не будет лишен доброго пения, никто да не будет дряхл, но все будем тихи и светлы: о грехах только будь печален. Пусть никто не думает без сокрушения очистить свои грехи и без поста омыть свои скверны. Очистил тебя Христос крещением и омыл твои скверны: а ты опять осквернился грехами? Про жизнь же восплачи горько, воздохни; потерпи на земле всякое страдание, бдение, неядение; покажи крепкую молитву и милостыню к нищим, отпусти должником долги; а если это невозможно, то отпусти, по крайней мере, большой рост, который, подобно змию, снедает убогих. Если же ты постишься, и между тем с брата берешь рост, нет тебе никакой пользы. Ты считаешь себя постящимся, а вкушаешь мясо, — не мясо овцы или других животных, — но плоть брата твоего, закалая его злым ножем

лихомания, исправедной мзды, тяжкого роста. Не устыдимся объявить грехи наши, чтобы не остаться нам неисцеленными, чтобы вместо срама временного, не подвергнуться вечному осуждению и посрамлению пред избранными Ангелами Божиими, и вместе людьми… Умолим Судию прежде, нежели Он осудит нас… Отложим дела тьмы, и облечемся во оружие света, отгоняя всякую злобу от душ наших и насаждая в них всякую добродетель…

Не могу здесь оставить без зазрения некоторых, которые, не внимая божественному ученью Христопроповедника-Апостола, дерзают утверждать, будто не творят никакого зла чрез свое пьянство… Послушание Апостола, называющего пьянство матерью всякой злобы, всякой нечистоты и блуда; а ты говоришь, якобы нимало не согрешаешь, предаваясь пьянству? Пьянство есть вольный бес, пьянство есть дщерь дьявола, пьянство есть смерть уму… Все это сказал я не для того, чтобы посрамить своих, — да не будет. Я их от души люблю; но чтобы отстать от них на постное время такое зло, каково пьянство».

БЫЛИНЫ

До сих пор говорили мы о духовном, благоприобретенном, образовании и о письменных памятниках; но в народе велось по наследству, из поколения в поколение, свое образование, светское, мирское, и сохранялись устные произведения словесности.

Памятниками этого образования остались былины, духовные стихи, песни и два сочинения в рукописях: Послание Даниила Заточника и Слово о полку Игореве.

Поговорим сначала о былинах.

Былины, или песни былевые, дошли до нас в самом поврежденном виде, почти изуродованные, но основание их, без всякого сомнения, относится к глубокой древности и ко времени главного лица, около которого все они, так или иначе, обращаются, — стольного князя киевского Владимира. Киев, Чернигов, Волынь, Галич, Дунай, Днепр — вот имена, которые беспрестанно слышатся в этих песнях и показывают место их сочинения или происхождения, — на юге, в Киеве и около Киева.

Подлинность их доказывается убедительнее всего «от противного», как говорится в логике.

Объяснимся сначала по вопросу о времени. Ни к какому времени,

кроме Владимирова, всего менее после татар, нельзя приурочить наши былины. После татар общее внимание возбуждали другие предметы: каменна Москва, Грозный царь, Казань и Астрахань, нашествие поляков. Заметим, что даже эти предметы, животрепетавшие занимательностью, находили певцов относительно меньше, другого склада, как будто бы источник непосредственного народного вдохновения оскудел, если не совсем иссяк. Каким образом можно было бы объяснить, в это новое время, такое обращение от настоящего к давно прошедшему, которое, между тем, почти совсем забывалось? Итак, песни не могли быть сочинены после татар, а при татарах тем более: юг был опустошен и обезлюдел; северу было не до песен, когда иго только что легло на народ, и беспрестанные набеги, наезжавшие баскаки, держали население в постоянном страхе. Обычая, расположения петь, надолго не стало. Князья все более и более отделялись от народа, и устраивалось особое правительство. Другие нравы возникали вследствие государственного рабства, и если есть песни из этого периода, то большей частью подражания древним, или переложения древних на новый лад, прилаживанье их к своему времени. Этим объясняются все так называемые анахронизмы о татарах, литве и поляках, при Владимире, какими обезобразились дошедшие до нас былины. Ими более всего подтверждается достоверность и подлинность древних былин. Заплаты ясно указывают собой, что под ними некогда была другая ткань, обветшавшая и утраченная; они указывают на древнюю основу, не подходившую под обстоятельства современные, которая и была ими заменена.

Как ни одно время не подходит к сочинению этих песен, так и ни одно место нельзя предположить, где бы они могли быть сочинены; север и восток при татарах и после татар не имели почти никакого отношения к югу. Где, кому, по какому поводу и с какой целью пришло бы в голову поминать тогда Владимира с Ильей Муромцем, Добрыней Никитичем, Чурилой Пленовичем, Алешей Поповичем и прочими его богатырями? Откуда даже взять такие имена на финском востоке и севере мнимым сельским Макферсонам? Все собственные имена былин были там, как и теперь, почти неизвестны, разве в темных преданиях и между богомольцами. Но не были ли былины сочинены на юге? На юге водворилось, если не образовалось новое общество, с новым наречием, которого нет и духа в древних былинах. Там возникли совершенно другие отношения, и, после многих лет

безмолвия, раздались новые песни, не имеющие ничего общего с древними.

Кроме времени и места остается еще вопрос о самом сочинении: кому можно приписать сочинение этих песен? Одному лицу или многим? Одному лицу приписать нельзя, потому что в былинах встречаются различные и противоречивые между собой показания: они должны быть сочинены многими лицами. Эти многие должны жить в одно время, ибо все их сочинения обращаются около одних и тех же лиц и имеют средоточием одно и то же место.

Сочинителей, подходящих под эти условия, знакомых с данными лицами и местами, и вообразить нет возможности.[28]

Если нельзя приискать сочинителей, если нельзя с какой-нибудь вероятностью указать ни на время, ни на место сочинения, то остается во всей силе первое мнение, что былины сочинены в Киевской стране, народом, или его представителями в этом случае, особыми певцами, скоморохами, в то время, как именуемые в них лица действительно существовали, преимущественно до введения христианской веры.

В устах народа былины родились, в устах народа они после сохранялись, изменялись и пришли в настоящее положение.[29]

Все это рассуждения a priori, от противного, но есть много убедительных доказательств о древности былин и a posteriori.

Откуда бы, и где, после татар или при татарах, появилась шляпа земли Греческой, медь козарка, гость Соражанин, кроватка — рыбий зуб, клюка — кости рыбьей, жеребцы Латинские, корабли червленные, Садко купец Новогородский со своими богатыми кораблями, Леонтий, поп Ростовский, Путятична, Хотен Блудович, земля Волынская, Почай река?

Когда и где, кому, после татар, могли быть известны древние

---

[28] Надо иметь в виду и те обстоятельства, при которых древние былины стали известными: о них никто у нас и не думал, до нынешнего столетия. В Сибири, на демидовских заводах, записал их кто-то, и список этот попал случайно в Москву, где и был напечатан в восьмисотых годах. Петру Васильевичу Киреевскому удалось собрать несколько былин, петых в разных российских губерниях. Наконец, недавно г. Рыбников нашел их множество на крайнем севере, в Олонецкой губернии, и обнародовал в четырех частях своего драгоценного сборника.

[29] Некоторые из новых наших критиков стараются доказать, что былины заимствованы нами у финнов, татар и турок. Ни с которым из этих племен в древности мы не были в слишком близких сношениях, по крайней мере, сравнительно с нынешними связями, — а ныне заимствования никакого у нас не примечается: с чего же допускать его в древности, и в таких размерах? Странное дело: мы принимаем народное творчество у кого угодно: у финнов, татар и турок, — и только отказываем в нем своему народу, несмотря на его древность, многочисленность, талантливость и певучесть!

слова летописей: паволоки, аксамиты, гридницы, которые встречаются в былинах?

Как и где могла бы сочиниться подобная тирада:

Завелся у солнышка почестен пир На всех на князей, на бояр, На сильных могучиих богатырей. Все на пиру наедалися, И все на пиру порасхвастались. Как солнышко Владимир Князь По хорому по гридне похаживал, Правой ручкой помахивал, На богатырей службы наметывал: На первого богатыря старого Илью Муромца, На другого богатыря молодого Добрыню Микитича, На третьего на душечку Михаилу Потыка Ивановича. Наливал по чаре зелена вина, По ковшу давал-то меду сладкого. На старого казака Илью Муромца Наметывал службу великую: Съездить за горы Сарочинские, Убить силу поганую, от мала до велика, Не оставить силы на семена; А на другого богатыря Добрыню Микитича Наметывал службу великую: Ему ехати богатырю за славное сине море, Ему бить — земли прибавливати, Коренить языки человечески, Прибавливать земельки Святорусския. А на третьего богатыря душечку Михаила Потыка Ивановича Наметывал службу великую: Ему ехати богатырю во тыли во гридни во черные, Во тые-ли Подолье Лиходеево, Справить-то дани-выходы, За старые горы и за нынешни, За двенадцать лет с половиною.

Не ясно ли мы видим в этих стихах положение великого князя киевского, который сам идет, или посылает своих воевод, на соседние племена, как то было при Игоре, как думал действовать Василько (первая служба); который ходит или посылает в поход беспрестанно для распространения пределов земли Русской, как Олег, Святослав, Владимир (вторая служба); который посылает своих бояр (Свенельда, Яна) собирать дань с подвластных племен (третья служба).

Кому, при татарах, могла придти в голову мысль о дальних походах о покорении земель, о собирании дани, которую сами мы должны были нести с покорностью татарам?

Владимир советуется с боярами в былинах, точно как в летописи, угощает их так же и исполняет их желания, не щадя казны своей.

Заметим, наконец, что в былинах Владимир является более язычником, чем последователем христианства, что очевидно подмалевано впоследствии.

Кому при татарах, или после татар, могло придти в голову воспоминание о богатырях киевских, о богатстве Черниговском, о роскоши Новгородской, что читаем мы в следующих стихах:

Что ни лучшие богатыри в Киеве, Золота казна в Чернигове, А цветно платье в Новегороде, А хлебцы запасы в Смоленском городе, А мхи да болота в заморской стороне, А расструбисты сарафаны по Моще реке, А худые сарафаны в Каргопольской стороне.

Последние три стиха, без сомнения, есть прибавление позднейшего, местного, певца.

Добрыня выезжает в чистое поле на промысел, как Гаральд, как Мстислав, племянник Давыдов, ходивший на море и проч.

«Приезжал Добрыня к своим посельям дворянскиим».

(Также и Илья Муромец подъезжает ко подворью дворянскому).

Этот стих испорченный, встречающийся и в простых песнях, указывает на древние боярские поселения, слободы или земли, возделывавшиеся закупами Русской правды.

С какого образчика могло быть списано следующее описание житья-бытья матери Дюка Степановича в Волынской земле, которое свидетельствовал Добрыня Никитич по поручению князя Владимира, вследствие похвальбы Дюковой.

Добрыня приезжает в дом Дюковой матери.

В первой комнате сидит старая женщина; не много на ней шелку, вся в серебре. Добрыня Никитич принимает ее за Дюкову матушку и говорит ей: «Здравствуешь, Дюкова матушка, честная вдова Мамелфа Тимофеевна!» Старуха отвечает ему: «Я не Дюкова матушка, а Дюкова портомойница». Идет Добрыня дальше по комнатам: в каждой сидит по старой женщине; первая вся в красном золоте — то Дюкова постельница; другая в скатном жемчуге — то Дюкова стольница; третья вся в каменьях драгоценных — то Дюкова чашница. Последняя говорит Добрыне: «Ты напрасно спины не ломай и шеи не сгибай, а ступай в церковь соборную: там есть Дюкова матушка».

Пошел он во церковь соборную. Идет она из церкви соборныя: Впереди идут лопатники, За лопатниками идут метельщики; За метельщиками идут суконщики, Расстилают сукна одинцовые. Честную вдову Мамелфу Тимофеевну Ведут тридцать девиц со девицею. Вся она обвешана бархатом, Чтобы не запекло ее солнце красное, Не капала роса утренняя. — Здравствуешь, Дюкова матушка! — Здравствуешь, удаленький добрый молодец! Ты откулешний, добрый молодец? — Есть я из города из Киева, От твоего от сына от любимого: Захвастал он своим посельицем. — Ступай за мною, добрый молодец. Пришла во гридню столовую.

Полагали скатерти браныя, Посадили за столики дубовые, Поставляли напиточки стоялые: Напился, наелся добрый молодец; Отводили его в ложню на кроваточку — рыбий зуб. Спал молодец три сутки без просыпа, На четверты вставает на резвы ноги, Поидет смотреть Дюково посельице. Привели его в конюшенки стоялые: Не знает коням и цены-то дать, — В челках и хвостах вплетено по камню драгоценному и проч.

Откуда бы взяться в былинах мифологическим следам, например, лебединым и прочим превращениям, чарам на след и т. п. указывающим на близость к времени язычества?

В самом языке былин, несмотря на все повреждения, еще сохранились признаки древности — в словах и оборотах, например: ряды рядить, крутиться, занимать места не по отчине; употребление винительного падежа в форме именительного. Особенное употребление деепричастия согласно с языком летописей также указывает на древность, например:

Как видели Илюшиньку сядучись, А не видели уедучись.

День они бьются неедаючись, И другой они бьются непиваючись, И себе отдыха недаваючись.

Приедучись не качаются.

И тут Дунаюшка ко стыду Начала плакать уливаючись.

Ты глупой Король Бутеян Бутеянович, Не учествовал молодцев приедучись, А не ужаловать ти молодцов поедучись.

Заметим еще некоторые обороты чисто русские:

Долиною море долинешенько, Шириною море широкошенькое.

А у тя просто-запросто, пусто-запусто.

Кормите коня скоро-наскоро, сыто-насыто.

Чудным чудно, дивным дивно.

Стоя стоять, сидя сидеть, лежа лежать.

Красно золото не медеет (не становится медью).

Чисто серебро не железится (не становится железом).

Ввела его в силушку богатырскую, В прежнюю храбрость великую.

Ешь до сыта, пей до люби.

Труднички работнички Дьячок выдумщик.

Беспрестанно встречаются любимые обороты, прилагательные, как в древней греческой поэзии:

Красная девица, белые руки, резвые ноги, русая коса, буйная головушка, ключевая вода, пшеница белоярая, столы белодубовые,

скатерти браные, меда ярого, пива пьяного, пески рудожелтые, бел горюч камень, меч кладенец, калена стрела, тугой лук и проч.

К числу доказательств о древности былин присоединим важное замечание г. Майкова в его рассуждении о былинах Владимирова цикла:

«В Германский эпос еще в XII веке, а может быть и раньше того, введены были Русские действующие лица, известные нам по былинам Владимирова цикла: в Исландской, Thidrekssaga, в половине XIII в., составленной из древних Саксонских песен и преданий упоминается король Русский Вольдемар-Владимир и его брат Ярег Илья Греческий или Русский наш Илья Муромец. Tidrekssaga называет его Греческим по его Греческой вере. О Владимире еще можно сомневаться, — перешел ли он в Немецкий эпос из Русского предания, т. е. былины, или из исторической действительности, но относительно Ильи сомнений быть не может: Илья существует не в истории, а в одном эпосе, и именно подле Владимира, как и в Thidrekssaga; кроме того, имя его передано по-исландски не Elias, как бы следовало по обще-германскому употреблению этого ветхозаветного имени, но Ilias von Rinzen, очевидно со Славянского: Илья. Должно, однако, заметить, что происшествия, в которых участвует ярл Илья, не имеют ничего общего с известными из былин подвигами Ильи Муромца. Путь, по которому могли перейти эти Русские имена в эпос Германский, — без сомнения, рассказы нижне-немецких торговых людей, посещавших Русь».

Мы сказали, что обычай петь на пирах песни этого рода, при татарах, вероятно, исчез, а до татар, а еще более того, до христианства, мы видим его в полном ходу по историческим свидетельствам: вспомним о Владимировых пирах и отношениях его к дружине по летописи Нестора, о Святославовых (Ярославича) пирах по житию Св. Феодосия, о пире богатого в отдельном сочинении. Вся наша древняя летопись о дохристианском времени основана, очевидно, на таких песнях.

Мы имели целую пиитическую литературу, мы имели Слова или Саги обо всех важных и не важных подвигах древних князей наших, начиная от Рюрика до нашествия монголов, и далее, — словесность, о которой мы можем судить по Слову о полку Игореве, к счастью, до нас дошедшему, и по другим следам, открывающимся в древних памятниках, при тщательном их рассмотрении.

Олег, приплывающий со множеством судов из Новгорода к

Киеву, выдающий себя за греческого купца, приглашающий к себе на лодке киевских князей, Аскольда и Дира, смотреть его товары, и приказывающий убить их, вынося на руках Игоря, — разве это не извлечено из Саги, из Слова?

А поход его под Константинополь с 2000 судов и 20 племенами; а суда его на колесах, на которых подплыл он по суху, при попутном ветре, под стены города; а яд, подосланный императором в брашнах, отгаданный киевским князем; а щит, как знак его победы, на вратах Цареградских; а парчовые паруса, устроенные им на своих судах для обратного пути — неужели это исторические, летописные показания? Перевод их из Саги, из Слова, в летопись, вне всякого сомнения.

Такова и смерть Олега от любимого коня, которую предсказали ему кудесники. Он велел держать этого коня в удалении, и через четыре года, после своего возвращения из похода, пошел посмотреть на его кости, смеясь над предречением, как из-под черепа выползла змея и ужалила витязя в ногу.

Не нужно доказывать, что об Ольгиной мести мы также имели обширное Слово, обширную Сагу, — как она научила послов древлянских требовать, чтобы киевляне понесли их в терем в ладье, и по дороге велела бросить в яму и засыпать землей; как она сожгла других послов в бане; как она покорила Коростень посредством голубей и воробьев, пустивши их ночью в город с огнем.

То же следует сказать об избавлении Киева от печенегов, посредством юноши, который, пробежав через печенежский стан, бросился в Днепр и известил черниговского воеводу Претича об опасности, угрожавшей городу, о болгарской войне Святослава, о походе Владимира на Рогволода, об избавлении Белгорода от печенегов хитростью старца, присоветовавшего наполнить колодец сытой и проч. Не говорим об именах трех славных морских разбойников в одной скандинавской саге, сходных с нашими, которые нашел Шлёцер, и которые, может быть, попали на север уже от нас, представляя древнейшую нашу сагу. (А может быть, братья прославились на севере до прибытия к нам). Одним словом, саги, слова, были одним из важных источников Нестора, и им обязаны мы известиями о древнейших происшествиях нашей истории, точно так история соплеменных руси норвежцев, датчан, шведов, сохранилась в многочисленных сагах Исландии. Наши слова, наши саги, имели один и тот же источник с исландскими. Заметим, в подтверждение нашей мысли, что даже многие обстоятельства, встречающиеся у

Нестора, мы находим в северных сагах, например, о смерти Олега от коня, о взятии города Ольгой посредством птиц. В самом образе выражений замечается много сходства: оружие поет, например, по исследованиям профессора Буслаева, в скандинавской поэзии (меч, топор), и у нас в Слове о полку Игореве: «копиа поют на Дунаи». Также «стязи (знамена) глаголят» в Слове, и в скандинавских памятниках. «Вообще, продолжает г. Буслаев, взгляды немца и славянина на оружие и воинские доспехи во многом сходятся: так, в Слове: „щиты червленые“ (прибавим, и в былинах, и в рисунках к житию Св. Бориса и Глеба, и на древнем образе Св. Георгия) и в немецких памятниках эпитет щиту: красный. Выражение в Слове: „конец копия вскормлени“ согласуется с представлением в Эдде: „копьями кормил гадов змеиных“, т. е. трупами падших от копий».

Эти саги, эти песни, рассказы, были первой принадлежностью пиров княжеских на севере и, без всякого сомнения, у нас на Руси.

Вспомним места из былин о скоморохах.

В самих летописях мы находим известия, хоть неясные и неопределенные, о древних певцах, в дополнение к известиям о скоморохах в былинах, например, под годом 1243, в Волынской летописи читается: «Андрей же не удоси его, но удоси владыку и слуги его разграби гордые, и тулы их бобровые раздра, и прилбице их волчье и борсуковые раздраны быша; словутьнего певца Митусу, древле за гордость невосхотеша служити Князю Данилу, раздранаго акы связаного приведоша…»

Даниилу с братом (1251) «песнь славну пояху» по возвращении из удачного похода на ятвягов.

О Владимире Васильковиче, под годом 1288, сказано: «Володимер… бе разумея притчи много тых слов».

Окончательно же убеждает в существовании старых былин сам автор Слова о полку Игореве, у которого беспрестанно встречаются места, доказывающие множество прежних сочинений этого рода, множество Слов. С самого начала он говорит о старых словесах, потом о песнях старому Ярославу, храброму Мстиславу, «иже зареза Редедю пред полки Косожьскими, красному Роману Святославичю»; о песнях Бояна, которого называет соловьем древнего времени, внуком Велесовым, который «аще кому хотяше песнь творити… своя вещия персты на живыя струны воскладаше, они же сами Князем славу рокотаху».

Упоминания об Олеге Святославиче, Борисе Вячеславиче,

Всеславе Брячиславиче, кажутся отрывками из Слов об этих князьях.

Говоря о Всеславе, певец приводит слова Бояна: «тому вещей Боян и пръвое припевку смысленый рече: ни хитру, ни горазду, ни птицю горазду, суда Божия не минути».

В заключении говорится что-то о «песнотворце Святославле старого времени Ярославля, Ольгова, Коганя…» и опять упоминается о пении песни старым князьям, а потом молодым.

Некоторые места очень неясны, несмотря на усилия наших исследователей. По крайней мере, мы получаем из них понятие о существовании древней исторической поэзии, перенятой с севера, между тем как лирическая развивалась из собственных, т. е. славянских элементов. Впрочем, и историческая, по свойству нашего языка и народного характера, приняла у нас другой, свой характер, и наше Слово о полку Игореве, например, представляет несравненно более живости, теплоты, нежели саги, главная прелесть которых состояла в поэтическом языке.

Исландские саги двести, триста лет, сохранялись в изустном предании, и после уже были записаны на острове Исландии, где много особых обстоятельств содействовало этому явлению, — а у нас через двести, триста лет, после Олегов, Владимиров, Ярославов, нагрянули татары, — и нам было не до записывания песен, особенно на юге, где с явлением казачества появляются другие саги, как замечено выше, казацкие, исторические песни и думы, сменившие, приведшие в забвение прежнюю поэзию.

Вторая причина, почему не сохранились наши древние былины в рукописях, это — отвращение духовенства от всех мирских светских сочинений, а кроме духовенства писцов было мало.

Дошедшие до нас в устах народа былины составляют как бы середину между древними исландскими сагами и сохраненными у Нестора основами первых наших саг с одной стороны, а с другой со Словом о полку Игореве, одном из последних проявлений этой словесности.

В заключение этих рассуждений, приведем отрывок из Стрингольмова классического сочинения о норманнах — очерк северного скальда, и вспомним опять о наших скоморохах, какими они изображены в сохранившихся былинах.

«Северный Скальд должен быть богат в изобретении, остроумии и мышлении; он должен быть знаком не только с современными примечательными происшествиями, ибо их надо ему воспевать, — он

должен обладать сведениями о происшествиях прежнего времени и преимущественно знать обстоятельно северное учение о богах, как основание пиитического языка и мифологических образов. Быстрый и смелый ход, богатство и смелость в образах, глубокое и сильное чувство, часто высокомерие и приятность, господствуют в песнях древних. Редкие, устарелые, в ежедневной речи неупотребительные слова и названия, были приняты в языке Скальдов или удержаны в нем, чтобы возвысить его над ежедневным и сообщить ему больше торжественности. Она выражается особенно в искусственном, обработанном своем виде, описаниями лиц и вещей, заимствованными из мифологии и природы, смелыми, исполненными образов. На счастливом выборе описаний изысканных, метких мыслей, изображений, основывалась преимущественно красота и искусство языка Скальдов. Простое название вещи считалось принадлежностью ежедневного языка. Скальды любили описательные названия и старались роскошным разнообразием многознаменательных образов, в коих заключались слова и целые положения, напрягать мысли слушателей и воспламенять их воображение. Они употребляли в то же время ужасную перестановку слов, и умели, если хотели, так сокрыть свои мысли посредством запутанных оборотов, темных, изысканных описаний и особенно мудреных слов, что нужен был великий дар соображения, дабы выразуметь их смысл.

Песни, переходя от поколения к поколению, питали любовь к пению и производили новых Скальдов. Многие такие следовали за Гаральдом Гильдетаном на Бравальское сражение, и воспоминание об этом великом происшествии было прославлено в песнях. У всех северных князей были Скальды.

Песни были различны: Drapa (множ. drapor) героические, торжественные, величественные стихотворения, песни во многих отделениях, с возвратными стихами (Kehrreimen), в коих воспевались деяния и жизнь Королей и великих героев. О мужах, менее славных и высоких, о происшествиях менее значительных и важных сочинялись Flokr, песни меньшего объема без отделений и возвратных стихов. В древних песнях, особенно в Drapor, бывает обыкновенно род refrein из двух или четырех стихов, которые принадлежат к правильной строфе, и только в конце каждого нового отделения песни повторяются и пр.

Скальды путешествовали по всем странам, где употреблялся

северный язык, чтобы собирать предметы для своих песен и приобретать честь и награду. Скальд входил в Княжескую палату, где Король со своими мужами сидел и пировал, просил о позволении представить песнь в честь Короля, произносил ее мужественным голосом и получал золотые (Ringe) гривны, знатные оружия, драгоценные одежды и содержание при дворе Княжеском. Стихотворение выучивалось наизусть придворными людьми, и должно было оставаться, передаваться в воспоминании, чтобы довести до потомства Княжескую славу. От Скальдов требовалось, чтобы они не только обладали искусством сочинять и произносить стихи с достоинством и живостью, но они должны были иметь в памяти песни древних Скальдов, и память их посредством упражнения была так изощрена, что один Скальд мог пропеть Королю Гаральду Гардраде (мужу нашей Елизаветы Ярославны) шестьдесят песней, и когда Король, слушавший их до глубокой ночи, спросил Скальда, знает ли он еще, то сей отвечал, что может еще пропеть полстолька. Путешествуя от двора ко двору, из страны в страну, Скальды в древности были сведомые люди своего времени, потому что многое видели и опытом изведали.

К пению присоединялись повести, рассказы из древних северных героических саг, — самое любимое провождение при княжеских дворах, частных обществах и в домашнем кругу крестьянина».

Прервем наши доказательства, оставим сомнения, проистекающие из предвзятых мыслей, и познакомимся лучше с самими былинами. Содержание их: подвиги витязей. Телесная сила, по замечаниям Шевырева, удальство, бесстрашие, самоотверженность, отсутствие всякой личности, хитрость и оборотливость, ирония и шутка, грубость, вызываемая (дикими) племенами, с которыми мы имели дело, иногда доходящая до жестокости, — вот черты, проявляющиеся с первого раза в наших витязях. Важность их заключается преимущественно в подробностях разного рода.

Как из славного города Мурома, Из того села Корочарова; Как была-де поездка богатырская — Наряжался Илья Муромец Иванович Ко стольному городу ко Киеву, Он тою дорогою прямоезжею, Котора залегла ровно тридцать лет, Чрез те леса Брынские, Чрез черны грязи Смоленские: И залег ее, дорогу, Соловей разбойник. И кладет Илья заповедь велику: Что проехать дорогу прямоезжую, Которая залегла ровно тридцать лет, Не вымать из налушна тугой лук, Из колчана не

вымать калену стрелу. Берет благословение великое у отца с матерью. А и только его Илью видели — Прощался с отцом с матерью, И садился Илья на своего добра коня, А и выехал Илья со двора своего Во те ворота широкие. Как стегнет он коня по тучным бедрам — А и конь под Ильей рассержается, Он перву скок ступил за пять верст, А другого ускока не могли найти. Поехал он через те леса Брынские, Через те грязи Смоленские. Как бы будет Илья во темных лесах; Во темных лесах во Брынских, Наезжал Илья на девяти дубах, И наехал он Илья Соловья разбойника. И заслышал Соловей разбойник Того ли топу кониного, И тоя ли он поездки богатырския. Засвистал Соловей по-соловьиному; А в другой зашипел разбойник по-змеиному, А втретьи зрявкает по-звериному; Под Ильею конь окорачился, И падал ведь на кукорачь. Говорит Илья Муромец Иванович: «А ты, волчья сыть, травяной мешок! Не бывал ты в пещерах белокаменных, Не бывал ты конь во темных лесах, Не слыхал ты свисту соловьиного, Не слыхал ты шипу змеиного, А того ли ты крику звериного, А звериного крику туриного». Разрушает Илья заповедь великую, Вымает калену стрелу, И стреляет в Соловья разбойника; И попал Соловья да в правой глаз, Полетел Соловей с сыра дуба Комом ко сырой земли. Подхватил Илья Муромец Соловья на белы руки, Привязал Соловья ко той ко луке ко седельныя, Проехал он воровску заставу крепкую, Подъезжает ко подворью дворянскому.

Укажем на некоторые своеобразные описания, обороты, выражения, замечательные по своей поэзии или по признакам древности.

Родился Волх Всеславьевич. Рыба пошла в морскую глубину, Птица полетела высоко в небеса, Туры да олени за горы пошли, Зайцы, лисицы, по чащицам, Волки, медведи, по ельникам, Соболи, куницы, по островам.

Будет Волх в полтора часа — он говорит, как гром гремит. Что же он говорит своей матери?

А не пеленай во пелену в червчатую, А не пояси в поясья шелковые, Пеленай меня, матушка, В крепки латы булатные, А на буйну голову клади злат шелом. Во праву руку палицу, А и тяжку палицу свинцовую.

Как был-то я (мастер) в молоду пору По темным лесам летать черным вороном, По чисту полю скакать серым волком, По крутым горам тонкиим белым горносталем, По синим морям плавать серою

утушкою. Ах ты старость моя глубокая, Да не в пору молодца старость состарила! У меня-ль головка состарила, Сердце молодецкое соржавело, Русы кудри поседатели. Ай же, сила моя, войско сорок тысячей! Седлайте-уздайте добрых коней, Туго-натуго и крепко-накрепко, Поедем мы в след сугоною За этою щепятью белогубою…

Как засвистал Соловей разбойник по-соловьиному, Закричал, злодей, он по-звериному. От этого от посвиста соловьиного, От этого от покрика звериного, Очень велик шум пошел: Темные леса к земле наклонилися, Околенки хрустальные порассыпались, Что есть людюшек, все мертвы лежат. И все князья-бояра на землю припадали, Все старые домы во Киеве приломалися, А новые домы пошаталися, Оконницы все из домов припадали, От его ли крику богатырского Тихая заводь сколыбалася, С песком вода помутилася, У него конь на коленки пал. И упадал Добрыня с добра коня На сыру землю в ковыль траву; Лежал три часа замертво.

Разгорячился Добрынюшка Никитич, Он берет да плеточку шелковую, Он бьет бурка промежу ноги, Промежу ноги между задние, Что стал его бурушка поскакивать, С горы на гору, с холма на холмы, И реки, озера перескакивать, Широкие раздолья между ног пущать. Как не ясный сокол в перелет летит: Добрый молодец перегон гонит, Пошел его добрый конь чистым полем, Стал он по раздольицу поскакивать, С горы на гору он перескакивать, С холмы на холму перемахивать, Мелкие озерка-реченьки промеж ног спущал. Так по молвия тут по чисту полю промолвила, Проехал-то Добрыня на добром коне. Подъехал он к сыру дубу ко Невину, Ко славному ко камени ко Латырю.

Будет Василий семи годов, Стал он по городу похаживать, На княженецкий двор он загуливать, Стал шутить он, пошучивать. Шутить-то шуточки недобрые Со боярскими детьми, со княженецкими: Которого дернет за руку, рука прочь, Которого за ногу, нога прочь. «Ай же, любезна моя дружина хоробрая! Поди-тко теперь опочив держать, А я теперь стану с ребятами поигрывать». И зачал Василий по мосту похаживать. И зачал он вязом помахивать: Куды махнет, туды улица, Перемахнет — переулочек. И лежат-то мужики увалами, Увалами лежат, перевалами, Набило мужиков как погодою.

И едет Василий, помахивает, С горы на гору конь его поскакивает, С холма на холму конь его поплясывает. Реки, озера, межу ног пущал, Синие моря около скакал. Хвост по земле

расстилается, А грива под копыта подвивается, Искра с ноздрей рассыпается, Огненное пламя распаляется, Огненным щитом обороняется.

Тут Михайла Потык сын Иванович Берет-то тугой лук разрывчатый, Натянул он тетивочку шелковеньку, И наложил-то он стрелочку каленую, Хочет подстрелить эту белую лебедушку. Этая белая лебедушка Поднималася от синя моря На своих на крыльях лебединых, Садилась она на черлен корабль, Обернулась красной девицей…

Чурило сын Пленкович Обул сапожки-то зелен сафьян: Носы шилом, а пяты востры, Под пяту хоть соловей лети, А кругом пяты хоть яйцем кати; Надел он шубу-то соболью: Во пуговках литы добрые молодцы, Во петельках шиты красные девицы; И наложил он шапку черну мурманку, Ушисту, пушисту, завесисту: Спереди не видно ясных очей, А сзади не видно шеи белыя. А молодой боярский сын Дюк Степанович По Киеву не снаряден шел: И обуты были лапотцы семи шелков; В эти лапотцы были вплетены Дорого каменье все яхонты, — Который же камень самоцветный Стоил города всего Киева, Опричь Знамения Богородицы, И опричь прочих святителей. И надета была у него шуба-та расхожая, Во пуговках литы люты звери, Во петельках шиты люты змеи, И брал Дюк плеточку шелковую, Матушкино благословение, Подернул Дюк по пуговкам — Заревели во пуговках люты звери; Подернул Дюк по петелькам, Засвистали во петельках люты змеи. И от того реву от звериного, И от того свисту от змеиного, Во стольном городе во Киеве, Старый и малый на земле лежит; Только малые люди оставалися, За Дюком всем городом Киевом качнулися: А почни тут Дюк Степанович своим пугвицам поваживать, — Вповал тут все повалилися, ужаснулися: Что во всякой во златой пуговице Сорок сороков змей пещерских шипит, И во всякой того пуговице Сорок сороков зверей лютыих ревом ревет. А почни тут в другу сторону пуговицам поваживать: Что во всякой-то златой пуговице Сорок сороков птиц Божьих песни затягивают. Весь люд Божий тут удивленье взяло. Все они ко Дюку Степанычу честно приближаются. Ко его мудрецкому кафтану стар-млад приклоняются.

В день едут по красному по солнышку, В ночь едут по светлому по месяцу. Времечко-то идет день за день, День за день, как трава растет, Год за год, как вода течет.

Как день за днем, будто дождь дожжит, Неделя за неделей, как

трава растет, А год за годом, как река бежит.

Нагнано-то силушки черным черно, Черным черно, как черного ворона. И не может пропекать красное солнышко Между паром лошадиным и человеческим. Вешним долгим денечком Сырому зверю вокруг не обрыскати, Меженным долгим денечком Черну ворону этой силы не обграяти, Осенниим долгим денечком Серой птицы вокруг не облететь.

У меня во череве младенец. Того младенца во граде нет: По колен ножки-то в серебре, По локоть руки-то в золоте, По косицам частые звездочки, А в теми пекет красно солнышко!

Встал Добрыня на резвы ноги. Походил Добрыня на широкий двор. Пришедши Добрынюшка разжалился, Что мать нссчастливого породила, Смелостью меня не смелого, Силою меня не сильного, И красотою меня не красивого, Богатством меня не богатого, Кудрямы меня не кудрявого. На что меня несчастного молодца спородила, Гребешком мою головушку загладила, Копылком бородку наладила, Спустила доброго молодца во далече-далече во чисто поле.

Пошла женка путем да дорогою: Мелкие-то ручейки бродом брела, Глубокие реки плывом плыла, Широкие озера кругом обошла, Чистые поля разбойников о полночь прошла: О полночь разбойники опочин держат. Темные леса — лютых зверей о полдень прошла: О полдень люты звери да опочин держат.

Тут не две утушки серые сплывалися, Не две белые лебедушки слеталися: Садилася свекровушка да невестушка в одно место, Плачут-обливаются, Да молода Добрынюшку из чиста поля дожидаются, Приедучись не начаются.

ДУХОВНЫЕ СТИХИ

Духовные стихи, до нас дошедшие, сильно поврежденные и подновленные, должны быть несколько моложе былин, но своими приемами, оборотами и языком, показывают близкое родство с ними. Воспеваются в них разные святые, примечательные по каким-либо особенным происшествиям в своей жизни: Иосиф прекрасный, Лазарь убогий, Алексей Божий человек, Иоасаф пустынник, Феодор Тирон. Мы предлагаем в качестве образца стихи о Георгии Храбром и Дмитрии Селунском, которые особенно чтутся в русском народе.

Стих о Егории Храбром

Во святой земле, православной, Нарождается желанное детище У

тоя ли премудрой Софии; И нарекает она по имени Свое то детище — Георгий, По прозваньицу — храброй. Возрастает Георгий храброй Промеж трех родных сестер, От добра деда не отходючи, Святым словом огрожаючи, Миру крещеному угожаючи. Как и стал он, Георгий храброй, В матер возраст приходити, Ум-разум спознавати, И учал во те поры Думу крепкую оповедати Своей родимой матушке, А и ей ли, премудрой Софии: «Соизволь, родимая матушка, Осударыня премудрая София, Ехать мне ко земле Светло-русской Утвержать веру христианскую». И дает ему родимая матушка, Она ли, осударыня премудрая София, Свое благословение великое: Ехать ко той земле Светло-русской, От востока до запада поезжаючи, Святую веру утверждаючи, Бесерменскую веру побеждаючи. Наезжает он, Георгий храброй, На те леса, на темные, На те леса, на дремучие; Хочет он, Георгий, туто проехати, Хочет он, храброй, туто проторити, Нельзя Георгию туто проехати, Нельзя храброму туто проторити. И Георгий храброй проглаголует: «Ой вы, леса, леса темные! Ой вы, леса, леса дремучие! Заростителеся, леса темные, По всей земле Светло-русской, Раскиньтеся, леса дремучие, По крутым горам по высокиим, По Божьему все веленью, По Георгиеву все моленью!» По его слову, Георгиеву, По его ли, храброго, велению, Зарастали леса темные По святой земле Светло-русской. Раскидалися леса дремучие По крутым горам по высокиим…

Точно то же произошло с встреченными горами, морями, реками, вихрями, к которым Георгий относился со своими приказаниями.

«Ой вы, горы, горы высокие Ой вы, холмы, холмы широкие Рассыпьтеся горы высокие, По всей земле Светло-русской; Становитесь холмы широкое, По степям, полям зеленыим, Ой вы моря, моря глубокие! Ой вы реки, реки широкие! Потеките моря глубокие, По всей земле Светло-русской, Побегите, реки широкие, От востока да и до запада. Ой вы, звери, звери могучие! Ой вы, звери, звери рогатые! Заселитеся, звери могучие, По всей земле Свято-русской, Плодитеся звери рогатые, По степям, полям без числа. А и есть про вас на съедомое. Во полях трава муравчата, А и есть про вас на поилицо Во реках вода студеная».

Наезжает он, Георгий храброй, На то стадо, на змеиное, На то стадо, на лютое: Хочет он, Георгий, туто проехати, Хочет он, храброй, туто проторити; И стадо змеиное возговорит Ко тому ли Георгию храброму: «Али ты, Георгий, не ведаешь, Али ты, храброй, не знаешь: Что та земля словом заказана, Словом заказана,

заповедана. По той земле заповеданной Пеш человек не прохаживал, На коне никто не проезживал. Уйми ты, Георгий, своего коня ретивого, Воротися ты, храброй, сам назад». Вынимал Георгий саблю острую, Нападал, храброй, на стадо змеиное. Ровно три дня и три ночи Рубит-колет стадо змеиное: А на третий день ко вечеру Посек, порубил стадо лютое. Наезжает он, Георгий храброй, На ту землю Светло-русскую, На те поля, реки широкие, На те высоки терема, златоверхие. Хочет он, Георгий, туто проехати, Хочет он, храброй, туто проторити. Как и тут ли ему, Георгию, Выходят навстречу красны девицы, Как и тут ли ему, храброму, проглаголуют: «А тебя ли мы, Георгий, дожидаючись, Тридцать три года не вступаючи С высока терема, златоверхого. А и тебя ли мы, храброго, дожидаючись, Держим народу велик обет: Отдать землю Светло-русскую, Принять от тебя веру крещеную». Принимает он, Георгий храброй, Ту землю Светло-русскую Под свой велик покров, Утверждает веру крещеную По всей земле Светло-русской.

Стих о Дмитрии Солунском

С первого века-начала Христова Не бывало на Салым град Никакой беды, ни погибели. Идет наслание Божие на Салым град, Идет неверный Мамай царь, Сечет он, и рубит, и по плен емлет, Просвещенные соборные церкви он разоряет.

У святой у соборной у церкви Стоял старец Онофрий на молитве, У всеночной всю ночь на паперти. Молился он Спасу и Пречистой Богородице, И святому Дмитрию, Солунскому чудотворцу, И увидел он чудо у престола: Два ангела лик ликовали Святому Димитрию Солунскому чудотворцу. Пошел он по Салыму граду объявляти, Князьям-боярам и воеводам, И Митрием-митрополитам. Попам-священникам и игумнам, Да и всем христианам: Вы гой еси, князья-бояре, воеводы И митрия-приполиты, Попы, священники и игумены, Все православные христиане! Не сдавайте вы Салыму града и не покидайте: Не быти нашему Салыму граду взяту, А Мамайской силе побитой.

Оповещенные спросили его, почему он это знает, и получили в ответ известие о его видении.

Поутру было раным-ранехонько, Не высылка из Салыму граду учинилася: Един человек из-за престола восставает, Пресветлую он ризу облекает, Един на бела осла садился, Един из Салыму граду выезжает, Един неверную силу побеждает, Сечет он и рубит, и за рубеж гонит. Победил он три тмы И три тысячи неведомой силой, Да

и смету нет! Отогнал он неверного царя Мамая Во его страну в порубежную. А злодей неверный Мамай царь, Когда бежал, захватил он двух девиц полонянок, Увозил он их в свою сторону порубежную, Начал он двух девиц вопрошати: Вы гой еси, две девицы, две русские полонянки. Скажите вы мне, не утаите: Какой есть у вас могучий богатырь, Един на бела осла садился, Един из Салына града выезжает, и пр.

(Повторяются вышеприведенные стихи).

Две девицы неверному царю Мамаю отвечали: О злодей, неверный Мамай царь: Это у нас не могуч богатырь, Это наш святой отче Димитрий Солунский чудотворец. Возговорил неверный царь Мамай Ко двум ко девицам. Кто это у вас святой отче, Димитрий Солунский чудотворец? Вышейте вы мне на ковре Лик своего чудотворца Димитрия Солунского, Коню моему на прикрасу, Мне, царю, на потеху, Передайте лице его святое на поруганье.

(Две девицы отказались)

Тогда же неверный царь Мамай На двух девиц опалился; Вынимает он саблю мурзавецкую, Да и хочет он головы их рубить По их плечи по могучие. Две девицы убоялись, К неверному царю Мамаю приклонились: О злодей, собака, неверный Мамай царь, Не руби-ка ты наши головы По наши плеча по могучие, Дай ты нам время хоть до утра.

Две девицы шили ковер, вышивали, Святое лицо на ковре вышивали, На небеса возирали, Горючие слезы проливали. Молились они Спасу, Пречистой Богородице, И святому Димитрию Солунскому чудотворцу. Поздно вечером они просидели, На ковре спать ложились, и приуснули. По Божьему все по веленью, И по Димитрия святому моленью, Восставали сильные ветры, Подымали ковер со двумя со девицами, Подносили их ко гряду ко Солуну, Ко святой соборной Божьей церкви, Ко празднику Христову, Ко святому Димитрию Солунскому чудотворцу: Положило их святым духом за престолом. Поутру было раным-рано, Церковный пономарь от сна восставает, Приходил он во святую соборную церковь К утренней заутрени благовестити, Утренние молитвы говорить. Приходил он в соборную Божию церковь, Увидел он чудо за престолом: Спят на ковре две девицы, Две русские полонянки. Церковный пономарь убоялся, Из церкви вон утекает, Ко священнику прибегает, Ото сна его разбуждает: Батюшка ты наш поп, Священник, отец духовный! Восстань ты ото сна, пробудися, Гряди скоро во соборную церковь —

Великое чудо явилось, Спят на ковре две девицы, Две русские полонянки. Поп-священник от сна восставает, Животочною водой лицо свое умывает, На ходу он одежду надевает, Грядет он скоро во святую соборную церковь, До Господнего престола доступает, Животворящий крест с престола принимает, Святой их водой окропляет, Ото сна разбуждает: Встаньте вы, две девицы, Две русские полонянки, Ото сна вы пробудитесь. Скажите вы мне, не утаите, Как вы здесь явились Из той земли из неверной, Во славном городе во Салуне, Во святой соборной церкви за престолом? Как вам замки отмыкались, Как двери отворялись, И как свечи зажигались? Две девицы от сна пробуждались. Поначаяли они, что неверный Мамай: О злодей, собака, неверный Мамай царь! Не руби-ка ты наши главы По наши плечи по могучие. Мы вышили тебе на ковре Лик святого Димитрия Солунского чудотворца Предали лицо его тебе злодею на поруганье. Поп-священник, стоя на месте, изумился, На двух девиц прослезился, На небеса возирает, Горючи слезы проливает, Во слезах он отвечает: Вы гой еси, две девицы. Две русские полонянки. Ведь не неверный Мамай царь, Я ваш священник, отец духовный. Две девицы от сна восставали, Животочной водой лицо умывали, Животворящим крестом себя ограждали, Священнику отвечали: Батюшка, священник, отец духовный! Мы сами про то не ведаем, Как мы у вас явились, Из той земли неверной, Во славном городе во Салуне; Знать, по Божьему повелению, По Дмитрия святого молению, Сама нам Божия церква отмыкалась, И сами нам двери отверзались, Сами нам за престолом свечи зажигались! Поп-священник, отец духовный, Заблаговестил в многие колокола, И услышали по всему граду по Салуну Князья-бояре, воеводы, И митрии-митрополиты, Попы-священники, игумны, И все православные христиане; Собирались они в соборную Божию церковь, Подымали они иконы местные, Служили они молебны честные, Молилися они Спасу, Пречистой Богородице И святому Димитрию Солунскому чудотворцу. Его же света величаем, Святого Димитрия Солунского чудотворца. Да и Богу нашему слава Отныне и во веки, аминь.

Кроме былевых духовных стихов было (и есть) много стихов общего нравственного содержания: о страшном суде, о великих муках, о расставании души с телом, о смертном часе. Мы приведем некоторые из них в главе о нравах. Так называемая голубиная книга, будучи памятником устной словесности, свидетельствует вместе о

предметах любознательности русского народа, о его вопросах и о характере ответов на оные, сходных во многих чертах с древними немецкими памятниками.

Восходила туча сильная грозная, Выпадала книга голубиная, И не малая, не великая: Длины книга сорока сажень, Поперечины двадцати сажень. Ко той книги ко божественной Сходилися, соизжалися, Сорок царей со царевичам, Сорок князей со князевичам, Сорок попов, сорок дьяконов, Много народу, людей мелкиих, Христиан православных. Никто ко книге не приступится, Никто ко Божьей не пришатнется. Приходил ко книге премудрый царь, Премудрый царь Давыд Евсеевич: До Божьей до книги он доступается. Перед ним книга разгибается, Все божественное ему писание объявляется. Еще приходил ко книги Володимер князь, Володимер князь Володимерович. Возговорил Володимер князь, и т. д. «Ты премудрый царь, Давыд Евсеевич! Скажи, сударь, проповедуй нам, Кто сию книгу написывал, Голубицу кто напечатывал?» Им ответ держал премудрый царь, Премудрый царь Давыд Евсеевич: «Писал сию книгу сам Исус Христос, Исус Христос царь небесный. Читал сию книгу сам Исай пророк Читал он книгу ровно три года, Прочитал из книги ровно три листа».

Владимир просит Давида прочесть книгу…

Объяви, сударь, дела Божии Про наше житие, про Святорусское, Про наше житие света вольного.

Затем следуют частные вопросы, видные из ответов. Давыд начинает:

Ой ты гой еси Володимер князь: Не могу я прочесть книгу Божию, Уж мне честь книгу не прочесть Божию. Это книга не малая, Это книга великая, На руках держать — не сдержать будет; На налой положить Божий — не уложится. Умом нам сей книги не сосметити, И очам нам книгу не обозрити, Великая книга голубиная! Я по старой по своей по памяти Расскажу вам, как по грамоте: У нас белый вольный свет начался от суда Божия; Солнце красное от лица Божьего, Самого Христа Царя небесного; Млад-светел месяц от грудей его; Звезды частые от риз Божиих; Ночи темные от дум Господниих; Зори утренни от очей Господних; Ветры буйные от Святого Духа; Дробен дождик от слез Христа Самого Христа, царя небесного. У нас ум-разум самого Христа, Наши помыслы от облац небесныих; У нас мир-народ от Адамия; Кости крепкие от камени; Телеса наши от сырой земли; Кровь руда наша от черна моря. От того

у нас в земле цари пошли От святой главы от Адамовой; От того зачались князья, бояры От святых мощей от Адамовых; От того крестьяны православные От свята колена от Адамова. Возговорит Володимер князь, Володимер князь Володимерович: «Премудрый царь Давыд Евсеевич! Скажи ты нам проповедуй: Который царь над царями царь? Кая земля всем землям мати? Кая глава всем главам мати? Который город городам отец? Кая церковь всем церквам мати? Кая гора всем горам мати? Который камень всем камням мати? Кое древо всем древам мати? Коя трава всем травам мати? Которое море всем морям мати? Кая рыба всем рыбам мати? Кая птица всем птицам мати? Который зверь всем зверьям отец?» Возговорит премудрый царь, Премудрый царь Давыд Евсеевич: У нас Белый царь над царями царь. Почему ж Белый царь над царями царь? И он держит веру крещеную, Веру крещеную, богомольную; Стоит за веру христианскую, За дом Пресвятыя Богородицы. Потому Белый царь над царями царь. Свята Русь земля всем землям мати: На ней строят церкви Апостольские: Они молятся Богу распятому, Самому Христу царю небесному: Потому свято-Русь земля всем землям мати. А глава главам мати — глава Адамова. Потому что когда Жиды Христа Распинали на лобном месте, То крест поставили на святой главе Адамовой. Иерусалим город городам отец. Почему тот город городам отец? Потому Иерусалим городам отец: Во том во граде во Иерусалиме Тут у нас среда земле. Собор — церковь всем церквам мати. Почему же Собор церковь церквам мати? Стоит Собор церква посреди града Иерусалима; Во той во церкви во соборноей Стоит престол божественный: На том на престоле на божественном Стоит гробница бела каменная. Во той гробнице белой каменной Почивают ризы самого Христа, Самого Христа царя небесного. Потому Собор — церква церквам мати. Ильмень озеро озерам мати. Не тот Ильмень, который под Новым Градом, Не тот Ильмень, который в Царе Граде, А тот Ильмень, который в Турецкой земли Под начальным городом Иерусалимом. Почему же Ильмень озеро озерам мати? Выпадала с его матушка Иордань река Иордань река всем рекам мати. Почему Иордань всем рекам мати? Окрестился в ней сам Исус Христос, Со силою со небесною, Со ангелами со хранителями, Со двухнадесятьми апостольми, Со Иоанном, светом, со крестителем. Потому Иордань река всем рекам мати. Фавор гора всем горам мати. Почему Фавор гора горам мати? Преобразился на ней сам Исус Христос, Исус Христос, царь небесный, свет, С Петром, со Иоанном, со Иаковым, С

двунадесятью Апостолами, Показал славу ученикам своим. Потому Фавор гора горами мати. Белый латырь камень всем камням мати. На белом латыре на камни Беседовал, да опочив держал, Сам Исус Христос, царь небесный, С двунадесяти со апостолам, С двунадесяти со учителям. Утвердил он веру на камени, Распущал он книгу голубиную, По всей земли по вселенныя. Потому Латырь камень всем камням мати. Кипарис дерево всем деревам мати, На том дереве на кипарисе Объявился нам животворящий крест. На том на кресте на животворящем Распят был сам Исус Христос, Исус Христос, царь небесный свет; Потому кипарис всем деревам мати. Плакун трава всем травам мати. Почему плакун всем травам мати? Когда жидовья Христа распяли, Святую кровь его пролили, Мать Пречистая Богородица По Исусу Христу сильно плакала, По своем сыну по возлюбленном; Ронила слезы пречистые На матушку на сыру землю; От тех от слез от пречистыих Зарождалася плакун трава. Потому плакун трава травам мати. Почему Океан всем морям мати? Посреди моря Океанского Выходила церковь соборная, Соборная, богомольная, Святого Климента попа Римского: На церкви главы мраморные, На главах кресты золотые. Из этой из церкви из соборной, Выходила царица небесная; Из океана моря она омывалася, На собор-церковь она Богу молилася, От того океан всем морям мати. Кит рыба всем рыбам мати. Почему же кит рыба всем рыбам мати? На трех рыбах земля основана. Стоит кит рыба — не сворохнется Когда ж кит рыба поворотится, Тогда мать земля восколыбнется, Тогда белый свет наш покончится. Потому кит рыба всем рыбам мати. Основана земля Святым Духом А содержана Словом Божиим. Стратим птица всем птицам мати. Живет стратим птица на океане море, И детей производит на океане море. По Божьему все повелению, Стратим птица вострепенется Океан море восколыхнется; Топит она корабли гостиные Со товарами драгоценными: Потому стратим она птица всем птицам мати. У нас Индрик зверь всем зверям отец, Почему Индрик зверь всем зверям отец? Ходит он по подземелью, Прочищает ручьи и проточины, Куда зверь пройдет, Тута ключ кипит; Куда зверь тот поворотится, Все звери зверю поклонятся. Живет он во святой горе, Пьет и ест во святой горе, Куды хочет, идет по подземелью, Как солнышко по поднебесью. Потому же у нас Индрик зверь всем зверям отец. Возговорил Володимер князь: «Ой ты гой еси, премудрый царь, Премудрый Давыд Евсеевич! Мне ночесь, сударь, мало спалось, Мне во сне много виделось, Кабы с той

страны со восточной, А с другой стороны то полуденной, Кабы два зверя собиралися, Кабы два лютые собегалися, Промежду собой дралися-билися, Один одного зверь одолеть хочет». Возговорил премудрый царь, Премудрый царь Давыд Евсеевич: Это не два зверя собиралися, Не два лютые собегалися: Это Кривда с Правдой соходилася, Промежду собой они бились-дрались, Кривда Правду одолеть хочет; Правда Кривду переспорила. Правда пошла на небеса, К самому Христу, царю небесному; А кривда пошла у нас по всей земле, По всей земле по Свет-русской, По всему народу христианскому; От кривды земля восколыбалася, От того народ весь возмущается; От кривды стал народ неправильный, Неправильный стал злопамятный: Они друг друга обмануть хотят, Друг друга поесть хотят. Кто будет кривдой жить, Тот отчаянный от Господа… Кто не будет кривдой жить, Тот причаянный ко Господу. Та душа и наследует Себе царство небесное.

Старым людям на послушанье, А молодым людям для памяти. Славу поем Давыду Евсеевичу, Во веки его слава не минуется.

ПЕСНИ

Наконец, к периоду нашего повествования и исследования принадлежит множество песен, так называемых народных, обрядных, свадебных, хороводных. Основательно сказал о них почтенный собиратель и толкователь, П. В. Киреевский:

«Едва ли есть в мире народ певучее русского. Во всех почти минутах жизни русского крестьянина, и одиноких, и общественных, участвует песня; почти все свои труды, и земледельческие, и ремесленные, он сопровождает песней. Он поет, когда ему весело; поет, когда ему грустно. Когда общее дело или общая забава соединяет многих, — песня раздается звучным хором; за одиноким трудом или раздумьем ее мелодия, полная души, переливается одиноко. Поют все: мужчины и женщины, старики и дети. Ни один день не пройдет для русского крестьянина без песни; все замечательные времена его жизни, выходящие из ежедневной колеи, также сопровождены особенными песнями. На все времена года, на все главные праздники, на все главные события семейной жизни, есть особые песни, носящие на себе печать глубокой древности, и особенно там, где меньше чувствительно городское влияние. Русский крестьянин — верная отрасль своих предков, — не отступивши от

них даже и в мелких подробностях своего домашнего быта, до сих пор поет эти древние песни, потому что они вполне сливаются с его чувством и с его обычаем, так же как выражали чувство и обычай его прапращура. Он дорожит своими песнями: можно сказать, что они составляют любимую и лучшую утеху его простой жизни».

Мы обратим внимание на эти народные песни, равно как и на народные сказки, которых осталось множество, хотя также подновленных и поврежденных, как былины, стихи и песни, когда будем говорить о нравах и обычаях, так как из них, собственно, и может сколько-нибудь составится понятие о народе в этом отношении.

СЛОВО О ПОЛКУ ИГОРЕВЕ

Слово о полку Игореве есть целая поэма, в которой воспевается несчастный поход новгород-северского князя Игоря Святославича на половцев в 1183 году. Эта поэма изобилует истинными поэтическими красотами, смелыми сравнениями, счастливыми выражениями, искусным расположением. Теплое чувство, любовь к отечеству, забота о благосостоянии Русской земли, слышатся во всякой строке даровитого автора.

Что касается подлинности Слова — важнейшее доказательство состоит в языке, носящем явные признаки древности.

Пусть сомневающиеся попытаются теперь, со всеми пособиями «Грамматики» Добровского, со всеми филологическими трудами Востокова и прочих наших исследователей, со всеми напечатанными нашими памятниками, пусть, говорю, попытаются обмануть нас и написать слово о каком-нибудь Мстиславе Удалом, или Романе волынском, или Данииле галицком.

Выражения о поющих копиях, о глаголющих стягах, о червленых щитах, сравнение действий ветра со стрелами и птицами представляют совершенное сходство с языком древних скандинавских памятников. Этого сходства подделать было невозможно, так как оно открывается только ныне, благодаря новым исследованиям сравнительной филологии.

Второе доказательство, — согласие с показаниями летописей во всем, что касается истории, с небольшими, однако же, отличиями, показывающими, что автор, вероятно, участник, очевидный свидетель похода, подобно северным скальдам, имел случай знать

сам происшествие в подробностях.

Третье доказательство, отрицательное, состоит в том, что подделыватель неминуемо избрал бы себе предметом какое-нибудь происшествие важное, громкое, великое, а не несчастную войну малого удельного князя.

Притом — когда оно могло быть подделано? В эпоху своего обнародования, т. е. при императрице Екатерине? Но многие выражения, слова, встречаются в древних наших памятниках, например, в былинах в приписке к Евангелию XIV века, только что недавно открытому, — кроме слова о побоище Дмитрия Донского.

А поэтический талант автора? С таким талантом всякий приобрел бы себе славу поэта, употребляя его на сочинения современные. Кто решился бы пожертвовать ею и променять на бесславие обманщика? Вместо подделки автор выдал бы сочинение от своего имени.

Но не было ли оно подделано прежде? Прежде — мысли о подделывании быть не могло: разве при Анне, Елизавете, Петре, можно было возбудить участие, произвести действие сочинением или находкой такого документа?

Не было ли оно подделано в древности? В древности никакой цели для подделки придумать нельзя. Через пятьдесят лет после похода Игоря вся Малороссия была опустошена татарами, и имя этого удельного князя, со всеми его братьями и племянниками, позабылось в народе, оставаясь только на страницах современных летописей. Тогда не думали ни о сочинениях, ни о выдумках.

Слово, по разделению М. А. Максимовича, состоит из следующих частей: запев, сбор Игоря и брата его Всеволода к походу, выступление, победа, начало новой битвы на реке Каяле, воспоминание о прежних князьях, поражение русских на Каяле, новая беда от половцев, сновидение и печаль великого князя киевского Святослава Всеволодовича, воззвание к князьям о помощи, воспоминание о прежних князьях, плач Ярославны, бегство Игоря из плена, возвращение в Русскую землю.

Предложим несколько отрывков из Слова в переводе А. Н. Майкова.

Не начать ли нашу песнь, о братья, Со сказаний о старинных бранях, Песнь о храброй Игоревой рати, И о нем, о сыне Святославле! И воспеть их, как поется ныне Не гоняясь мыслью за Бояном! Песнь слагая, он, бывало, вещий, Быстрой векшей по лесу носился, Серым волком в чистом поле рыскал, Что орел ширял под

облаками! Как воспомнит брани стародавни, Да на стаю лебедей и пустит Десять быстрых соколов вдогонку; И какую первую настигнет, Для него и песню пой та лебедь, — Песню пой о старом Ярославе ль, О Мстиславе ль, что в бою зарезал, Поборов, касожского Редедю, Аль о славном о Романе Красном… Но не десять соколов то было; Десять он перстов пускал на струны, И князьям под вещими перстами Рокотали славу сами струны!.. Поведем же, братия, сказанье От времен Владимировых древних, Доведем до Игоревой брани, Как он думу крепкую задумал, Наострил отвагой храброй сердце, Распалился славным ратным духом, И за землю Русскую дружины В степь повел на ханов половецких. У Донца был Игорь, И воззрел на светлое он солнце — Только видит — Словно тьмой полки его прикрыты, Князь же Игорь: «Братья и дружина! Лучше быть убиту, чем пленену! А посядем на коней на борзых, Да хоть позрим синего-то Дону!» Не послушал знаменья он солнца, Распалясь взглянуть на Дон великий! Преломить копье свое, он кликнул, «Вместе с вами, русичи, хочу я, На конце неведомого поля! Хоть за то б и голову сложити, А испить шеломом Дону — любо!» О Боян, о вещий песнотворец, Соловей времен давно минувших! Ах, тебе б певцом быть этой рати! Лишь скача по мысленному древу, Возносясь умом под сизы тучи, С древней славой новую свивая, В путь Троянов мчась чрез дол на горы, Воспевать бы Игореву славу! То не буря соколов помчала, И не стаи галчьи побежали, Чрез поля-луга на Дон великий… Ах, тебе бы петь, о внук Велесов!.. За Сулой-рекою да ржут кони, Звон звонит во Киеве во стольном, В Новеграде затрубили трубы; Веют стяги красные в Путивле… Поджидает Игорь мила брата. А пришел и Всеволод, и молвит: «Игорь брат, един ты свет мой светлый! Святославли мы сыны, два брата! Ты седлай коней своих ретивых, А мои оседланы уж в Курске! И мои куряне ль не смышлены! Повиты под бранною трубою, Повзросли под шлемом и кольчугой Со конца копья они вскормлены! Все пути им сведомы, овраги! Луки туги, тулы отворены, Остры сабли крепко отточены, Сами скачут, словно волки в поле, Алчут чести, а для князя славы!..» И вступил князь Игорь во злат стремень, И дружины двинулись за князем. Солнце путь их тьмою заступало: Ночь пришла — та взвыла, застонала, Стоном-воем птиц поразбудила. Вкруг стоянки свист пошел звериный. Высоко поднявшися по древу, Черный Див закликал, подавая Весть на всю незнаемую землю, На Сулу, на Волгу и Поморье, На Корсунь и Сурожское море, И тебе, болван

Тмутораканский! И бегут неезжими путями К Дону тьмы поганых, и отвсюду От телег их скрип пошел, — ты скажешь: Лебедей испуганные крики. Игорь путь на Дон великий держит, А над ним беду уж чуют птицы, И несутся следом за полками: Воют волки по крутым оврагам, Ощетинясь, словно бурю кличут; На красны щиты лисицы брешут, А орлы, зловещим клектом, словно По степям зверье зовут на кости… А уж в степь зашла ты, Русь, далеко! Перевал давно переступила! Ночь редеет. Бел рассвет проглянул, По степи туман понесся сизый; Позамолкнул щекот соловьиный, В поле Русь, с багряными щитами, Длинным строем изрядилась к бою, Алча чести, а для князя славы.

Вот еще несколько мест из продолжения, и конец Слова.

От зари до вечера, день целый, С вечера до света реют стрелы, Гремлют остры сабли о шеломы, С треском копья ломятся булатны, Середя неведомого поля, В самом сердце Половецкой степи! Под копытом черное все поле Было сплошь засеяно костями, Было кровью алою полито, И взошел посев по Руси — горем!..

От усобиц княжих — гибель Руси! Братья спорят, то мое и это! Зол раздор из малых слов заводят, На себя куют крамолу сами, А на Русь с победами приходят Отовсюду вороги лихие!

Стонет Киев, тужит град Чернигов, Широко печаль течет по Руси, А князья куют себе крамолу, А враги с победой в селах рыщут, Собирают дань по белке с дому… А все храбрый Всеволод да Игорь! То они зло лихо разбудили: Усыпил было его могучий Святослав, князь Киевский великий… Был грозой для ханов половецких! Наступил на землю их полками, Притоптал их холмы и овраги. Возмутил их реки и озера, Иссушил потоки и болота! А того поганого Кобяка, Из полков железных половецких, Словно вихрь, исторг из лукоморья, И упал Кобяк во стольный Киев, В золотую гридню к Святославу.

Плачь Ярославны, супруги Игоревой.

Игорь слышит Ярославнин голос… «Там в земле незнаемой, кукушкой Поутру она кукует, плачет: „Полечу кукушечкой к Дунаю, Омочу бебрян рукав в Каяле, Оботру кровавы раны князю, На белом его могучем теле…“ Там она в Путивле раным рано». На стене стоит и причитает: «Ветр-ветрило, что ты, господине, Что ты веешь, что на легких крыльях Носишь стрелы храбрых воев лады! В небесах под облака бы реял, По морям кораблики лелеял, А то веешь, веешь-развеваешь На ковыль траву мое веселье…» Там она в Путивле

раным рано На стене стоит и причитает: «Ты ли Днепр мой, Днепр ты мой Словутич! По земле прошел ты Половецкой, Пробивал ты каменные горы! Ты ладьи лелеял Святослава, До земли Кобяковой носил их… Прилелей ко мне мою ты ладу, Чтоб мне слез не слать к нему с тобою По сырым зарям на сине море…» Рано-рано уж она в Путивле На стене стоит и причитает: «Светлое пресветлое ты солнце, Ах для всех красно, тепло ты солнце! Что ж ты, солнце, с неба устремило Жаркий луч на лады храбрых воев! Жаждой их томишь в безводном поле, Сушишь-гнешь не смоченные луки, Замыкаешь кожанные тулы…»

Сине море прыснуло к полночи. Мглой встают, идут смерчи морские; Кажет Бог князь-Игорю дорогу Из земли далекой Половецкой К золотому отчему престолу. Ветер воет, проносясь по степи, И шатает вежи Половецки; Шелестит-шуршит ковыль высокий, И шумит-гудит земля сырая… Горностаем скок в тростник князь Игорь, Что бел гоголь по воде ныряет, На быстра добра коня садится; По лугам Донца что волк несется, Что сокол летит в сырых туманах, Лебедей, гусей себе стреляет На обед, на завтрак и на ужин. Вран не каркнет, галчий стихнул говор, И сорочья стрекота не слышно. Только дятлы ползают по ветвям, Дятлы тёктом путь к реке казуют, Соловьин свист зори повещает… (Вот) на небе солнце засветило, Игорь-князь в земле уж скачет Русской. На Дунае девицы запели: Через море песнь отдалась в Киев. Игорь едет, на Боричев держит, Ко святой иконе Пирогощей. В селах радость, в городах веселье, Все князей поют и величают, Перво — старших, а за ними — младших. Воспоем и мы свет-Игорь слава! Буй-тур-свету Всеволоду слава! Володимер Игоревичу слава! Вам на здравье, князи и дружина, Христиан поборцы на поганых! Слава князьям и дружине! аминь.

В жизни муромского князя Давыда и супруги его столько поэтических подробностей, что невольно зарождается мысль, не вошло ли в состав ее многое из Слова, посвященного этому князю? Замечательно, что есть еще муромское произведение — о князе Константине, в котором обнаруживается такой же склад.

СЛОВО ДАНИИЛА ЗАТОЧНИКА

Это слово полусерьезное, полушутливое, очень остроумное, замысловатое, наполненное пословицами и поговорками, рядом с местами из Священного писания, содержит просьбу, моление, к

князю (вероятно, Юрию Владимировичу Долгорукому)[30] об оказании милости сочинителю, который сослан был на озеро Лаче (в нынешней Олонецкой губернии) и находился в крайней нищете.

Предлагаем несколько отрывков из слова — вот его начало:

«Вострубим, братие, яко во златокованные трубы, в разум ума своего, и начнем бити сребряные арганы, и возвеем мудрости своя. Боже, Боже мой! въскую мя еси оставил?.. Да разверзу во притчах гадание мое, провещаю во языцех славу мою. Сердце бо смысленого укрепляется в телеси его мудростию. Бысть язык мой трость книжника скорописца, и уветлива уста, аки речная быстрость. Но боюсь, Господине, похуления твоего на мя; аз бо есмь яко она смоковница проклятая, не имея плода покаянию: имею бо сердце аки лице без очию, и бысть ум мой яко нощны вран на нырищи…

Аз бо есмь, княже, яко трава блещанна, растуще за стению, на ню же ни солнце сияет, ни дождь идет: тако и аз, княже господине, всеми обидим есмь, зане огражен есмь страхом грозы твоея, яко оплотом твердым. Но не возри на мя, княже Господине, яко волк на ягня, но возри на мя, Господине мой, аки мати на младенца. Возри Господине, на птицы небесныя, яко ти ни орют, ни сеют, ни в житницу собирают, но уповают на милость Божию; тако и мы, княже Господине, желаем твоея милости: зане, Господине, кому любово, а мне горе лютое; кому Било озеро, а мне черные смолы; кому Лачь озеро, и мне, на нем седя, плачь горьки; кому ти есть Новъгород, а мне углы опали: зане не процвете часть моя…

…Господине княже! яви ми зрак лица твоего, яко глас твой сладок, и образ твой государев красен, и лице твое светло и благолепно, и разум твой государев, якоже прекрасный рай многоплодовит.

…Егда веселишися многими брашны, а мене помяни, сух хлеб ядущ, или пиеши сладкое питие, а мене помяни теплу воду пьюще, и праха нападша от места заветреня. Егда ляжеши на мягъкых постелях под собольими одеялы, а мене помяни под единым платом лежаща, и зимою умирающа, и каплями дождевными яко стрелами сердце пронизающе…»

Сочинитель был молодой человек:

«…Господине мой! не зри внешняя моя, но зри внутренняя: аз бо одеянием есмь скуден, но разумом обилен; юн возраст имею, а стар

[30] Есть списки с обращением к князю переяславскому Ярославу Всеволодовичу.

смыслом; бых мыслию, яко орел паряй по воздуху. Но постави сосуды скудельничи под поток капли языка моего, да накаплют ти сладчаиши меду словеса уст моих!»

Странная вставка в Слове есть о злых женах, которая не имеет никакого отношения к его содержанию: не заставлял ли Даниила князь жениться против его желания? В списке Ундольского: «луче бо ми железо варити, (нежели) ни со злою женою быти» и проч.

ЯЗЫК ГЛАВНОГО ПЛЕМЕНИ

«Словенский язык и Русский одно есть», сказал наш древнейший летописец XI в.

В Сербии в XV столетии было мнение, что Священное писание было переведено первоначально «на тончайший Русский язык».

«Церковный язык есть русский язык», сказал знаменитый серб Юрий Крижанич (XVII в.) недавно из-под спуда открытый.

А мы ту же мысль выразим так: великороссийское нынешнее наречие есть древний церковный, наш древний письменный язык, проходивший с течением времени через известные степени развития и пришедший в нынешнее положение — есть органическое продолжение, развитие древнего языка, на который Св. Кирилл и Мефодий перевели Священное писание, или, по крайней мере, самое близкое к нему, родственное наречие.

Болгарским или сербо-болгаро-македонским можно называть его только в географическом смысле, ибо словенцы или словинцы, говорившие этим наречием, жили тогда в стране, известной вообще под именем Болгарии.

Формы письменного языка часто костенеют, между тем как народная речь течет своим потоком. Она врывается по временам в письменный язык, который, между тем, и сам, под пером писателей, подвергается своим изменениям. Сравните настоящую великорусскую речь с письменным и литературным языком; сравните язык петровский, ломоносовский, карамзинский, нынешний — между собой: сколько изменений на нашем веку, и в письме, и в устах! Еще больше должны мы предполагать их в древности, когда в языке было более жизненной силы.

На этом основании легко понять органическую связь между языком Св. Кирилла в Солуни, вариантом его (отменой) на Черном море, или Днепре, на Волхове, в IX веке, языком Нестора и Киевской

летописи в XI и XII веке, языком летописей Московского периода, языком петровским, ломоносовским, карамзинским и нынешним.

Так точно замечает и г. Григорович, что «в развитии языка нашего, вместо влияния церковно-славянского языка справедливее признать постепенное исчезновение старых и возникновение новых форм».

Но каким же образом могло случиться, чтобы в Киеве, на Днепре, говорили тем же, или почти тем же языком, какой употреблялся где-то около Солуни, в нынешней Македонии, и на какой переведено Св. писание Св. Кириллом и Мефодием, языком, который так долго мы отыскиваем и не обретаем?

А как могло случиться, отвечаю я, что племена славянские рассыпались по всей Европе и представляли собой в историческое время растасованную колоду карт?

Это мы знаем, в этом мы уверены, и это мы положительно говорим:

Словене жили на Ильмене и в Словении, близ Адриатического моря.

Хорваты в Галиции, в Исполинских горах, в Полабье, Штирии и Иллирии.

Дреговичи между Припетью и Западной Двиной, в Булгарии и Германии.

Дулебы по Бугу и в Чехии, Паннонии.

Древляне в Волыни и Полабье.

Северяне по Десне, Семи, Суле и в Польше, по Дунаю.

Поляне на Днепре и Висле, и др.

Племя, что мы называем теперь великороссийским, могло, по расселении славянских племен с юга, жить в окрестностях Селуня, близ берегов Черного моря, на Днепре в Киеве, на Волхове в Новгороде, и в нынешней Великороссии.

Положение историческое мы принимали бесспорно, — нам следует теперь только распространить, так сказать, его, и придать ему смысл.

Если одно и то же племя жило в разных местах, то и говорило в этих местах одинаково: словене говорили сначала одинаково на Ильмене и на берегах Адриатического моря; хорваты в Галиции и Иллирии, дулебы по Бугу и Чехии.

Великороссияне (которых мы теперь так называем), могли жить и говорить сначала одинаково около Селуна, в Киеве, и нынешней

Великороссии.

Эта одна речь в разных местах подверглась впоследствии разным влияниям.

Сам церковный язык, заключенный, так сказать, в формы, остановленный в своем движении, носит теперь по местам следы этих явлений. Но несмотря на их разность, все-таки единство языка, сходство в переводе Евангелия по Остромирову списку, в языке летописей и в настоящем живом русском языке, или великорусском, повторяю, гораздо виднее, чем в каких-нибудь других наречиях, например: нынешнем болгарском и церковном, нынешнем сербском и церковном и т. д. До сих пор из всех славянских, живых наречий, самое близкое к церковному, кирилло-мефодиеву языку, есть, без всякого сравнения, великороссийское. Сравните, например, молитву Отче наш на русском наречии и на всех прочих славянских наречиях: которое ближе к кириллову переводу? Наше.

Поведем рассуждение далее. Воображаю себе летописца Нестора или другого монаха, — как могло придти ему в голову ломать себе язык и завести новую речь, постоянно соображаясь с церковными образцами, которых не знал же он сполна наизусть? Можно ли писать на чужом наречии, не зная его? А знать его было нельзя! За всякой формой ему надо бы справляться. Как бы не забыл он ту или другую, и не запутался в своих выражениях. Что за насилие должно было делать себе! Кто мог выдержать это? Вероятно ли это? Если теперь во всяком нашем сочинении на церковном языке, например, молитвах, сочиняемых на новые случаи, просвечивают наши руссизмы, каким образом можно бы уберегаться от них в древности, без нынешних грамматических и филологических исследований и познаний? А в летописях, в грамотах, вы везде замечаете естественность, правильность, живость, а не мертвенность!

В повествовании нашем приведено много мест из летописей, по которым можно судить о живости языка: присоединим еще несколько строк, доказывающих ее разительно.

«Се, брате, ты еси ко мне от отца пришел, оже отец тя приобидил, и волости ти не дал; яз же тя приял в правду, яко достойнаго брата своего, и волость ти еси дал, яко ни отец того вдал, что я тебе вдал, и еще есмь и Русской земли приказал стеречи тобе».

Или:

«В правду-ли идеши на Изяслава? Гюрги рече ему: како хощу не в правду ити? Сыновец мой Изяслав на мя пришед, волость мою

повоевал и пожегл, и еще и сына моего выгнал из Русьской земли, и волости ему не дал, и сором на мя возложил; а любо сором сложю, и земли мьщю, любо честь свою налезу, пакы-ли и голову свою сложю».

«Изяславль же посол приеха у Киев, поведа ему Святославлю речь, и что ему Володимир сказал. Изяслав же слышав, и не устряпа, но посла опять посол свои к Святославу, река ему: брате! хрест еси честный целовал ко мне, ако со мною быти, а ворожбу еси про Игоря отложил и товары его».

«Сыновец ваю Изяслав… перед вами не творится прав, но кланяеться и милости ваю хочеть; аз же не прост есмь ходатаи межи вами…»

«Яз переже всих дал есмь тобе волость сю, говорит великий князь Рюрик Ростиславич зятю своему Роману волынскому, ноже Всеволод наслал на мя, жалуяся про тебе, аж есми на нем чести не положили преже; я же есмь тобе являл вси речи его, ты же ми еси ее отступился по воле, а нам како любо ему было ю даяти. А нам без Всеволода нельзя быти, положили есмы на нем старейшиньство вся братья во Володимере племени, а ты мне сын свой, а то ти волость иная, той ровна».

Неужели это не естественный, не живой язык?

Если бы Нестор и продолжатели его, киевские летописцы, были малороссияне, то каким бы образом могло случиться, чтобы они, писав на чужом, церковном наречии, как предполагалось ранее, не обронили там-сям какого-нибудь малороссийского слова, не употребили малороссийского оборота, не вставили иной поговорки или удержались от междометия? Употребляя язык чужой, нельзя по местам скрыть вовсе свой: малороссиянин проговаривается подчас по-малороссийски, великороссиянин по-великороссийски, белорус по-белорусски, серб по-сербски и т. д.

В летописи беспрестанно встречаются слова и обороты, точно так же и не церковные, как не малороссийские, которые, следовательно, и следует считать признаками племени летописцев, а с ними и обитателей. Так точно и в прочих сочинениях духовного содержания, нами исчисленных, мы встречали везде слова, обороты, формы великороссийские.

Эти слова, обороты, формы, следует считать частными, местными отличиями говора киевского от говора солунского.

Еще более — слова, относящиеся до жилища, до одежды, до

пищи, в летописи, отнюдь не малороссийские. Везде вы видите избу, истопку, а не хату; сапоги, лапти, а не чоботы; квас, мед, жито, и т. п.

Дайте прочесть летописи Нестора, Киевскую и прочие любому великороссиянину, не знающему церковного наречия: он поймет их, говоря вообще, кроме того или другого старого слова, вышедшего из употребления, а малороссийской страницы он не поймет, даже образованный.

Дайте прочесть летописи малороссиянину, не знающему великороссийского наречия, он поймет их только, поскольку понимает великороссийское и церковное наречие, а свое наречие не окажет ему никакой пользы для понимания.

Следовательно, в летописях господствует великороссийское наречие, а малороссийского нет.

Следовательно, летописи принадлежат не малороссиянам, а какому-нибудь другому племени. Следовательно, племя другое жило в Киеве, около Киева, а не малороссияне, — поляне-великороссияне.

Много собственных имен в Киевской, Волынской и Подольской губерниях звучат великороссийскими.

Мнимые малороссияне с Юрием Долгоруким, Андреем Боголюбским, переселились на север, в землю Суздальскую: казалось — они должны бы оказать свое малороссийское влияние на что-нибудь — в обычаях, в языке. Нет — мы не видим тогда никакой перемены на севере: следовательно, пришли туда не малороссияне, а те же великороссияне.

Малороссияне есть народ самый певучий: почему же не сохранилось у них никаких былин о нашем древнем времени, между тем как эти былины о Владимире и его витязях поются у нас везде: в Архангельске и Владимире, Костроме и Сибири. Следовательно, опять то же заключение: не малороссияне жили в Киеве во время Владимира, а великороссияне, которые разнесли местные былины по всему пространству Русской земли, песни, носящие признаки чистого великороссийского наречия, без малейшей примеси малороссийского.

Точно так и в древнейших духовных стихах, песнях свадебных, обрядных, загадках, пословицах, приговорках, — нигде не услышите ни малейшего звука малороссийского.

Характер князей, после того как норманнство подверглось влиянию местному, славянскому, гораздо ближе к настоящему великороссийскому характеру, чем к малороссийскому, обнаружившемуся в казачестве, или известному ныне. То же можно

сказать и вообще о характере древнего военного сословия и самой войны.

Следует разобрать, по возможности, племена славянские, пересчисляемые Нестором: мы причисляем теперь южные и юго-западные к одному, которое называем малороссийским, но справедливо ли, и на каких основаниях? При таком понятии должен бы возникать вопрос: откуда же и когда явились великороссияне, самое многочисленное и самое распространенное племя?

Если великороссийское племя есть самое многочисленное из всех племен славянских и наиболее распространенное, то оно должно быть и одно из самых древних: естественно ли думать, чтобы самое многочисленное (даже без всякой соразмерности), племя народилось в короткое время, без известных предков? Нет, великороссияне скрывались (как и вообще долго скрывались все славяне), под другим именем.

Потому-то Нестор, описывая расселение племен по пространству нынешней России, оставляет нашу великую Россию почти пустую. Туда приходили великороссияне — поляне с юга, как после с юга же начали наступать и малороссияне, к Курску, Харькову, Воронежу.

Поляне резко отличаются от прочих племен даже по словам Нестора: «Поляне бо своих отец обычай имут кроток и тих, и стыденье к снохам своим, и к сестрам, к матерем и к родителем своим, к свекровем, и к деверем великое стыденье имеху, брачные обычаи имеху; но хожаше зять (жених) по невесту, но приводяху вечер, а завтра приношаху по ней что вдадуче».

Может быть, великороссиянами обитаем был только Киев с окрестными странами, т. е. великороссиянами были только поляне. Может быть, единоплеменны с полянами были еще северяне, суличи.

После татар поляне отодвинулись на север, да и до татар они беспрестанно распространялись на север вместе с князьями. Галиция, Волынь, Подолия, может быть, искони были заселены малороссийскими племенами.

Малороссияне могли придти после татар еще и от Карпатских гор и занять Киевскую губернию, так, как потомки их в XVI столетии заняли Харьковскую, подвинулись к Воронежу и Курску; так, как славянские племена отодвинули финнов к востоку и заняли их место в губерниях Московской, Владимирской и Рязанской.

А как объяснить то, что летописи после татар писались прежним языком, и малороссийского элемента все так же в них не указывается,

хотя малороссияне распространились уже тогда по всему юго-западу?

На это отвечу я вот что: летопись, которая может навести на это сомнение, есть одна, Волынская, и только до конца XIII столетия. Может быть, малороссияне тогда еще недостаточно возобладали в стране, и еще оставались следы полянские великороссийские в княжеских родах, боярских, в духовенстве, в военном сословии. Пришли же туда поздние литовцы или белорусы, с Гедимином, и ввели в письменное употребление свой язык, ведшийся даже до позднейшего времени, между тем как там, несомненно, уже жили малороссияне. Я говорю о времени после татар, и даже хоть до Петра I. Как белорусское наречие употреблялось в этот период, так великорусское, господствовавшее сначала при великороссиянах, могло вестись там еще в XIII столетии. Укажу и на значительный пример из Волынской летописи (под годом 1203): «бе Тимофей в Галиче премудр книжник, отцество имея во граде Кыеве».

Как бы то ни было, язык есть наша древнейшая летопись, и первые страницы нашей истории должны быть извлечены из этой летописи, по обработании ее наукой филологии, которая теперь только зарождается.

Заметим древнейшие заимствования нашего языка из иностранных: Слова, относящиеся к гражданскому быту, управлению, принесены к нам норманнами — бояре, смерды, тиуны, гридни, метельники, ябедники, верви, губы, ряды.

(Немецкое слово мастер является еще в XII столетии).

Слова, относящиеся к христианской вере, принесены греками: грамота, евангелие, апостолы, митрополиты, архиереи, иконы, иконостасы, кадила, индитии и пр. и пр.

От греков получили мы свеклу, коноплю, аксамиты, паволоки, фофудьи, мантии, тесмы, паполамы и проч.

Арабы с торговлей доставили: бисер, бусы, жемчуг, алмаз, яхонт, топаз, яшму, бирюзу, цветы — алый, бурый и пр.

(С востока досталась нам издревле лошадь).

НРАВЫ И ОБЫЧАИ

Нравы, в этом периоде Русской Истории, надо различать по родам жизни, по занятиям, на которые, собственно, разделялся народ, так как сословий в западном смысле у нас никогда не было.

Князья вели бранную жизнь, которая требовала, разумеется,

отваги, храбрости, мужества, неустрашимости, — и мы видим эти доблести у всех, в большей или меньшей степени. Особенно отличались ими из сыновей Ярослава: Владимир, Святослав, из внуков: Мономах, Олег Святославич, Ростислав Владимирович, далее — великий князь Мстислав, Василько, Изяслав Мстиславич, Андрей Боголюбский, Мстислав Ростиславич, Мстислав Мстиславич, Владимир Глебович, Игорь и Всеволод Святославич северские, Роман волынский, Даниил галицкий — славные витязи Русские.

Об отсутствии этих доблестей почти нет и известий: одного Всеволода Мстиславича обвиняли однажды новгородцы, что он «с полку ушел прежде всех». Отступления бывали, но по военным соображениям и расчетам, например, в войне Изяслава Мстиславича с Юрием Долгоруким. Рать Андрея Боголюбского бежала почти от Вышгорода, вследствие ложных известий, а может быть, и измены, от Новгорода, вследствие разнесшейся молвы о чуде.

Злобы, взаимной вражды, у князей вообще не примечается. Вчерашние враги становились с нынешнего дня друзьями: «Мир стоит до рати, а рать стоит до мира», — вот была их любимая пословица; «Либо побьем, прогоним, либо помиримся», говаривали часто противники; они искали владений друг у друга, «волостились», удалось — хорошо, не удалось — так и быть. Войны их были иногда как бы состязания об заклад, охотничьи, полюбовные схватки — чья возьмет, вроде нынешних кулачных боев; бывали случаи, что они так прямо и предлагали друг другу, например, в 1180 году, великий князь киевский Святослав Всеволодович великому князю суздальскому Всеволоду Георгиевичу, на берегу Влены.

В 1216 году Мстислав новгородский великому князю Юрию Всеволодовичу под Липицами.

1149. Изяслав говорит дяде Вячеславу: «Прими меня в любовь, а не то волость твою пожгу».

Давыдовичи несколько раз переходили с одной стороны на другую, от Изяслава Мстиславича к Святославу Ольговичу и Юрию, и от них опять к Изяславу Мстиславичу.

В 1147 г. Святослав Всеволодович из рода Ольговичей, служивший дяде (по матери), великому князю Изяславу Мстиславичу, перешел к его врагам, родным с отцовой стороны, в Чернигов, с его разрешения.

Он же (1155), после смерти великого князя Изяслава Мстиславича, призван был из Чернигова в Киев для распорядков, во

враждебный, так сказать, стан, престарелым Вячеславом, в ожидании на стол великокняжеский Ростислава смоленского, а когда приблизился Юрий, то ударил ему челом, говоря: «избезумился есмь», и получил прощение, благодаря, впрочем, ходатайству двоюродного брата Святослава Ольговича, к которому также находился часто во враждебных отношениях.

Точно таким же образом получил прощение от Юрия и Ростислав смоленский, долго воевавший с ним, помогая брату, великому князю Изяславу Мстиславичу, и, по его уже ходатайству, Изяславичи.

Старший сын Юрия, Ростислав, перешел (1148) на сторону врага его, великого князя Изяслава, во время самого разгара войны, и получил от него удел. Через некоторое время Ростислав подвергся там подозрению и был отпущен назад к отцу, который принял его без всякого гнева и пошел мстить за него.

1196. Ярослав черниговский, приняв оборонительные меры, послал сказать своим врагам, великому князю Всеволоду суздальскому и Давыду смоленскому: «Брате и свату, отчину нашу и хлеб наш взял еси; ажь любишь с нами ряд правый, и в любви с нами быти, то мы любви не бегаем, и на всей воле твоей станем; пакы ли что еси умыслил, а того не бегаем же, да ны како Бог разсудит с вами и святый Спас».

Большого кровопролития в войнах предполагать нельзя, если в продолжение почти двухсот лет на месте междоусобных битв пало только пять князей, хотя они всегда сражались наряду с простыми воинами: Изяслав Ярославич (1078), Борис Вячеславич (1078), Владимир Давыдович (1151), Изяслав Давыдович (1161), Изяслав Глебович (1182).

Это — общее замечание о войнах, но бывали войны ожесточенные, внушенные местью, вследствие явного нарушения права или личного оскорбления, например, войны Олега Святославича (1078, 1096). Юрий Долгорукий с запальчивостью искал Киева, на который имел право больше племянника Изяслава Мстиславича. Когда он услышал о сожжении своего последнего убежища на Руси, городка Остреческого, то собрался в поход (1152), восклицая: «Отожгу!» Роман волынский преследовал своего тестя, Рюрика Ростиславича, с неистовством, и постриг его, наконец, в монахи (1102, 1205).

1196. «Ростислав Рюрикович с Володимером и Черным клобуком ехавше, повоевавше и пожгоша волость Романову около Каменца, и

тако ополонишася челядью и скотом, и отместившеса, возвратишася во свояси».

Жестокость на войне можно назвать общим явлением, по крайней мере, обыкновенным. Действия этого рода вызывались, впрочем, иногда необходимостью, а иногда увлечениями гнева. Так, в 1068 г., Мстислав Изяславич, вернувшись в Киев, после изгнания, с отцом, перебил 70 человек чади, а других ослепил и погубил, без испытания.

1097. Ростиславичи перебили жителей города Всеволожа, принадлежавшего к уделу врага их, Давыда Игоревича, и потом расстреляли бояр Василья и Лазаря, наушничавших ему на Василька.

1144. Владимирко убил многих жителей Галича за сношения с его племянником.

В 1146 г. великий князь Изяслав Мстиславич, в войне со Святославом Ольговичем северским, советовал вятичам: «Ловите убить его лестью, и дружину его избити».

1153. Он же велел убить всех пленных галичан, которых было у него больше, чем собственных воинов, «а лучшие мужи с собою поя, — и бысть плач велик по всей земле Галицкой».

1161. Брат его, Ростислав, услышав об изгнании новгородцами его сына, велел всех новгородцев, случившихся в Киеве, побросать в Пересеченский погреб, где и задохнулось их 14 человек за ночь, в чем он после горько раскаивался.

1216. Ярослав Всеволодович, разбитый новгородцами под предводительством Мстислава Мстиславича, прибежав в свой Переяславль, велел всех новгородских купцов побросать в погреба и затворить в тесных избах, — так «издушил» он их полтораста.

Нечего удивляться после того сожжению городов, то есть укреплений, и истреблению жителей, то есть военной части населения, так как это принадлежало собственно к праву войны — лишать неприятеля его вспомогательных средств:

Ярославичи (1066), заняв Минск, перебил мужей, а жен и детей взяли в плен.

Глеб рязанский (1173) предал все огню и мечу во Владимирской области.

Великий князь Всеволод (1208) сжег город Рязань, а потом Белгород.

Бояре, и вообще воины, ничем не отличались в этом отношении от князей: так, в 1067 г., они советовали великому князю Изяславу привлечь к себе Всеслава обманом и убить. В 1150 г. бояре

советовали великому князю Изяславу захватить дядю Вячеслава или подсечь под ним сени. В 1173 г. Владислав присоветовал великому князю Глебу киевскому перебить колодников.

1177. Бояре требовали у великого князя Всеволода, чтобы он выдал им пленных суздальцев и ростовцев: «Либо и казни, либо и слепи, али дай нам».

1178. «Дружина Всеволожа начаша князю жаловатися: мы не целовать их приехали… И се рекше удариша в коне, и взяша город (Торжок), мужи повязаша, жены и дети на щит и товар взяша, а город пожгоша весь».

1208. Рязанцы, после присяги великому князю Всеволоду, захватили людей его и поковали, а других заморили в погребах. Напомним убийство киевлянами Игоря Ольговича (1146), измену полочан Рогволоду Борисовичу и Ростиславу Глебовичу (1151, 1158), отношения смольнян к Роману Ростиславичу (1180) видные из причитанья его вдовы, наконец, взятие и ограбление Киева в 1169 году соединенной ратью Андрея Боголюбского, и в 1202 году сборной ратью Рюрика Ростиславича с половцами. Галичане сожгли любовницу Ярослава (1173).

В Новгороде с 1136 г. часто происходили смятения, среди которых терпели много виноватые и правые. Разграбить дома, сбросить в Волхов — это были обыкновенные явления.

Самыми вопиющими злодеяниями, из ряда вон, должно почесть вероломное умерщвление на пиру Глебом, князем рязанским, шестерых братьев, вместе с множеством их бояр и слуг (1203).

В 1208 г. северские князья, Игоревичи, призванные княжить в Галич, перебили галицких бояр, до 500 человек, в гневе за беспрестанно возобновлявшиеся их мятежи. Вскоре, захваченные врасплох, князья сами были повешены ими.

В сношениях с погаными, то есть половцами, военное сословие оказывало еще менее милосердия. Так, например, в 1103 году, Мономах велел убить пленного Бельдюза, дававшего за себя золото и серебро, коней и скот: «Знай то, сказал он, что вас казнит клятва; сколько раз приходили вы воевать Русскую землю, нарушая клятву».

Однажды он даже сам решился сам преступить клятву, данную половцам, и согласиться на умерщвление их послов, Итларя и Китана, в своем Переяславле.

В 1149 году великий князь Изяслав Мстиславич велел половчина (захваченного под Переяславлем), «перетяти и с опоною». В 1224

году перед сражением на Калке были убиты татарские послы.

К числу особенных пороков в дружине принадлежит наушничество, чему известны многие примеры — в истории Василька, Мономаха, Изяслава Владимировича, Андрея Боголюбского, Мстислава Мстиславича. Митрополит Никифор убеждал даже Мономаха не верить наушникам. Слово Даниила Заточника также свидетельствует об этом пороке.

Проповеди и послания о пьянстве и блуде показывают, что эти пороки были нередки как между князьями, так и в дружине. Резоимство или лихоимство, распространенное в городах, сильно осуждалось.

По окончании споров и войн, при заключении договоров, важное значение имела присяга (клятва — рота), которую обыкновенно давали все участники, ходили роте, целовали крест.

Нарушение клятвы было, впрочем, не совсем необыкновенным явлением:

В 1066 г. Ярославичи поклялись полоцкому князю Всеславу, призывая его к себе на мир, что не причинят ему никакого зла, а когда он пришел, заключили его в оковы и посадили в темницу в Киеве.

В 1096 году, вслед за общей присягой, ослеплен был несчастный Василько, по наветам Давыда Игоревича.

В 1146 году киевляне изменили великому князю Игорю Святославичу после присяги.

Вероломством отличался в особенности галицкий князь Владимирко. По договору с великим князем Изяславом Мстиславичем он поклялся возвратить ему захваченные города на Волыни, и когда тот прислал к нему своего боярина Петра, напомнившего о крестном целовании и указавшего на крест, который целовал Владимирко, то он отвечал: «Сий ли крестец малый?» и потом насмеялся, смотря на проезжавшего мимо Петра: «Вот, Русский муж отправляется обимав все волости».

О Владимире Мстиславиче летописец замечает вообще: «Бяше ко всей братьи своей вертлив, и не управливаше к ним хрестьнаго целования».

Разумеется, все действия этого рода относились преимущественно к военному времени, в остальное — и князья, и дружина, и воины, были гораздо человечнее и благодушнее, и в отношениях их между собой видны даже значительные успехи

общежития.

Находясь в брачных союзах с многими европейскими государями, императорами: греческим и германским, королями: венгерским, польским, шведским, князья стояли на одинаковой с ними степени житейского образования.

Между собой они уважали родство, а всего более старшинство: «Ты старше, говорит Мономах великому князю Святополку на совете о войне с половцами, подавай голос первый» (1111).

Мономах, и после его сын Мстислав, были в полном смысле главами своего рода и пользовались общим уважением.

Исполнены почтительности отношения Ростислава смоленского к старшему брату, великому князю Изяславу Мстиславичу. Последний, например, отдавал ему на усмотрение просьбу Ольговичей о мире, — он отвечал: «Кланяюсь тебе, брат, ты меня старше, как ты рассудишь, так и будет — я готов за тобой. Но если ты оказываешь мне честь, спрашивая моего мнения, то я люблю лучше мир, чем войну» и проч. По возвращении из-под Чернигова Изяслав, извещая о своих успехах брата Ростислава, говорит ему: «Бог привел нас в Киев благополучно; я спрашиваю тебя, в здоровье ли ты живешь, и как тебе Бог помогает». Свидание их было торжественное: «Увидяся братья в здоровье (1148), пребыли в великой любви и в веселье, с мужами своими и Смольнянами, и одарилися многими дарами: Изяслав дал дары, что от Русской земли и от всех царских земель, а Ростислав — что от верхних земель и от Варягов».

Отношения Ростислава к дяде, великому князю Вячеславу, представляют образец покорности младшего старшему.

Ярослав Владимирович галицкий поручал послу великого князя Изяслава Мстиславича (1152) сказать ему: «Бог сотворил волю свою и отца моего взял. Что у вас было между собою, то рассудит он. Я кланяюсь тебе и прошу — прими меня сыном: сын твой Мстислав будет ездить подле твоего стремени с одной стороны, а я с другой со всеми своими полками».

Ростиславичи плакали по своему старшему брату Роману, как по отцу (1190).

1197. Великий князь Святослав Всеволодович с глубоким чувством относился к памяти отца своего.

Великий князь Рюрик Ростиславич звал брата Давыда смоленского в Киев (1195): «Вот, брат, мы остались старше всех в Русской земле, приезжай ко мне в Киев: мы покончим вместе, что

будет думы о Русской земле и о своей братье, а сами повидаемся в здоровье».

Многие выражения в сношениях князей между собой служат свидетельством их нравственного развития. Мономахово поучение представляет лучшее тому доказательство. В письме своем к Олегу Святославичу, после того как сын его Изяслав погиб в сражении с черниговским князем, он говорит:

«Я пишу к тебя по принуждению сына моего (Мстислава), которого ты крестил и который теперь находится близ тебя. Он прислал ко мне своего мужа с грамотою; уладимся и смиримся, а братцу моему суд пришел, не будем мстить за него, а положимся на Бога, он рассудит их, а мы Русской земли не будем губить.

Ты можешь понять, мне ли достойно было написать к тебе, или тебе ко мне? Хоть бы сыну (Мстиславу) ты сказал: слися ко отцу, я ответил бы десять раз.

Если бы ты раскаялся и прислал ко мне грамотку утешительную, пустил бы сноху мою ко мне, потому что нет в ней ни добра, ни зла — мы оплакали бы вместе с нею мужа ее вместо свадебных песней: я не видел их венчанья. Бога ради пусти ее ко мне вборзе с первым словом — кончав слезы, я устрою ее на место: пусть она сядет, как горлица на сухом дереве, прискорбная, а я утешуся о Боге».

Трогательна привязанность Святослава Ольговича к плененному брату его Игорю: «Ни волости хочю, ни иного чего, отвечал он Давыдовичам, разве только пустите ми брата». Получив известие о его убийстве, он горько плакал (1146).

1177. «Мстислав не хотя вередити сердца брату старейшему», то есть не хотел огорчить старшего брата, Романа, который не советовал ему начинать войну с Полоцком, отложил свое намерение.

1185. Великий князь Святослав Всеволодович горько плакал о несчастии Игоря северского. Летописи замечают, с какой радостью некоторые князья встречали рождение детей, например, Всеволод Мстиславич, Рюрик Ростиславич.

Князья вообще дорожили своей честью, под которой понимались, впрочем, всего чаще почет, значение, право на уважение, но иногда и настоящее благородство.

1146. Вячеслав, надеясь на старейшинство, послушав бояр своих, от радости (по смерти великого князя Всеволода Ольговича) «не приложив чти к Изяславу» (не уважив Изяслава), отнял города, захваченные у него покойным великим князем.

1171. «Честь его с душею исшла», отвечал Давыд Ростиславич игумену Поликарпу, просившему у него почетных проводников к телу умершего князя Владимира Андреевича.

1175. Глеб (рязанский князь), услышав о намерении владимирцев посадить к себе на стол его шуринов, «рад бысть, оже на него честь воскладывают».

1195. «Поеди не стряпая (зовет на Смоленск Олег Святославич дядю Ярослава черниговского), совокупив дружину свою, ныне возьмем честь свою».

1195. Великий князь Рюрик Ростиславич оправдывался перед зятем Романом волынским в отдаче некоторых русских городов великому князь Всеволоду Юрьевичу: «Я дал тебе сначала волость, но Всеволод пожелал ее и жаловался, что мы не положили на нем чести, а мы признали его старшинство во Владимировом племени… Ты ведь согласился» и проч. Роман уступил, но начал умышлять злое, и Рюрик послал просить помощи у Всеволода: «Ты старший, гадай о Русской земле, о своей чести и о нашей».

Иногда честь принималась, как мы заметили выше, и в настоящем, благородном смысле, например, Ростиславичи (1170) никак не хотели выдать великому князю Андрею Боголюбскому затребованных им бояр, которых он подозревал в изведении его брата Глеба, и Мстислав велел даже, на повторное требование, обрить бороду его послу.

Так точно новгородцы несколько раз отказывались от выдачи враждовавшим князьям своих граждан, несмотря ни на какие угрозы. Также и псковичи.

Благородные чувства обнаруживались преимущественно при мысли о всей Русской земле, единство которой князья всегда сознавали, несмотря на свои междоусобия, чем доказывается развитие их гражданского чувства, любви к отечеству.

1152. «Братья и дружина, говорит великий князь Изяслав Мстиславич в Галиче во время войны, Бог всегда Русския земли и Русских сынов в бесчестье не положил есть: на всих местех честь свою взимали суть. Ныне же, братья, ревнуимы тому вси, в сих землях и пред чюжими языки, дай ны Бог честь свою взяти».

1169. Великий князь Мстислав Изяславич зовет князей на половцев «поискати отец своих и дед своих пути и своей чести. И угодна бысть речь его прежде Богу, и всей братье, и мужем их, и рекоша ему братья вся: Бог ти брате, помози в том, оже ти Бог

вложил таку мысль в сердце, а нам дай Бог за крестьяны и за Русскую землю головы своя сложити, и к мучеником причтеными быти». Поход был успешен, князья отошли потом к Каневу охранять гречников: «Тако буди, то есть нам, на честь и всее Русскеи земли».

1185. «Аз славы деля, говорит Игорь Святославич северский в ответ на предложение бежать из половецкого плена, не бежах тогда (в сражении) от дружины, и ныне неславным путем неимам ити».

С честию и славою — это любимое выражение летописей о всяком успешном походе.

Ростислав Рюрикович, одержав победу над половцами, объехал всех родных со взятыми сайгатами.

Русская земля была беспрестанно на устах у князей, у духовенства, у летописцев.

Кроме приведенных мест, укажем еще на следующие.

Св. Борис и Глеб объявляются везде заступниками земли Русской.

1111. Мономах предлагает рассуждение, «так быхом промыслили о Русской земле».

Василько хотел сложить голову «за Русскую землю».

1097. Князья собрались в Любече на совет: «Почто губим Русскую землю, сами на ся котору деюще, а Половцы землю нашу несут розно… Блюдем Русскыя земли».

Митрополит Никола убеждал Мономаха оставить осаду Киева: «Молимся, княже, тобе и братома твоима, не мозете погубить Русьские земли… Се слышав Володимер, росплакався и рече: по истине отцы наши и деды наши соблюли землю Русьскую, а мы хочем погубити…»

1125. Мономаха по кончине летописец называет добрым «страдальцем (тружеником) за Русскую землю».

1139. «Мы ведаем милосердие Ярополче, говорят черниговцы своему князю, Всеволоду Ольговичу, тъ бо соблюдает землю Русскую».

1148. Великий князь Изяслав Мстиславич соглашался на мир «Русския деля земли и крестьян деля».

1149. Вячеслав туровский предлагал мир, чтобы «земля Русская расплодилася и розмогла в братолюбьи князеи».

Уважалось общее мнение: Мономах обращает на него внимание детей своих в Поучении. Великий князь Изяслав Мстиславич сказал, услышав об убийстве соперника его в Киеве, Игоря Ольговича (1147):

«То мне есть порока всякаго от людей не уйти; тем есть речи: Изяслав велел убити, но тому Бог послух, яко не повелел, ни науцил».

Гостеприимство между князьями, как и в народе, было развито и обнаруживалось иногда в широких размерах. Укажем на некоторые приглашения и угощения, отмеченные в летописях.

Ярополк (1084) приходил к дяде Всеволоду на велик день.

Святополк звал Василька к себе на именины (1096).

Изяслав Мстиславич, с сыном Ярославом, послали (1148) подвойских и бирючей кликать по улицам, «зовуче к князю на обед (новгородцев) от мала и до велика, и тако все обедая веселились радостью великою и честию».

Юрий Долгорукий давал союзнику своему, Святославу Ольговичу, обед сильный в Москве, в 1147 году.

Давыд смоленский, приехав в Киев по приглашению брата, великого князя Рюрика Ростиславича (1195), «обедал у него в великой любви и многом веселье», потом приглашен был на обед к племяннику Ростиславу в Белгород. Затем пригласил он брата Рюрика к себе на обед с детьми, далее — монастыри, раздавая в то же время милостыню нищим, наконец, черных клобуков, которые «попишася у него вси». В заключение киевляне позвали Давыда к себе на пир и воздали ему честь великую. Давыд отблагодарил их обедом и дарами.

Дарами обоюдными сопровождались все эти обеды.

Братчинами назывались пиры в монастырях на счет мирян, и были в большом употреблении.

Некоторые обычаи, относящиеся к общественной жизни, видны в песнях, например, Добрыня Никитич

Идет он княженецкой двор безобсылочно, А в палаты идет бездокладочно; Не спрашивал у ворот приворотников, У дверей не спрашивал придворников, Всех он взашей прочь отталкивал. Смело проходил в палаты княженецкие. Крест кладет по-писанному, Поклон ведет по-ученому, Солнышку Володимеру в особину.

Общественная благотворительность была очень развита:

Мономах учит детей своих: «Всего же паче убогых не забывайте, но елико могуще по силе кормите, и придавайте сироте, и вдовицу оправдите сами».

Святой Феодосий «сотвори двор близ монастыря… туже повеле пребывати и нищим, и слепым, и хромым, и трудноватым, и от монастыря подавание им, еже на потребу, и от всего сущаго

монастырскаго десятую часть даяше им, и еще по вся суботы посылаша в потребу воз хлеба сущиим во узех».

Исаакий, Феодор, Евстратий печерские, раздали все свое имение нищим перед вступлением в монастырь.

Блаженному Ефрему переяславскому приписывается устройство больниц в разных местах.

Андрей Боголюбский, как и Владимир святой, рассылал угощения для бедных по улицам на возах: «Видя всякаго нища приходящаго к собе просить, подавая им прошенья их, глаголя тако: еда се есть Христос прешед испытать мене».

Милостыня раздавалась в особенности на похоронах.

У князей заметно расположение и к красотам природы: Всеволодово загородное убежище называлось Красным двором. Юрий называл свой двор за Днепром Раем. Другой двор у него был Красный.

Некоторые князья пользовались за свои достоинства особенной преданностью и любовью народной. О кончине Мономаха (1125) сказано: «Святители жалящи си плакахуся по святом добром князи; весь народ и вси людие плакахуся, яко же дети по отцю или по матери».

Даже потомки его долго были предметом особенного уважения. В 1147 г. киевляне отвечали великому князю Изяславу Мстиславичу: «Княже, ты ся на нас не гневай, не можем на Володимире племя рукы възняти, олняже Ольгович хотя и с детьми». Точно так же говорили жители Курска Мстиславу Изяславичу: «На Володимере племя, на Гюргевича, не можем рукы подняти».

Новгородцы в один голос восклицали Изяславу Мстиславичу (1148): «Ты наш князь, ты наш Владимир, ты наш Мстислав: ради с тобою идем твоих деля обид».

Смольняне встретили великого князя Ростислава на пути в Новгород за 300 верст, — лучшие мужи, потом внуки, сын Роман, епископ Мануил, «и мале не весь град изиде противу ему, и тако вельми обрадовашася вси приходу его, и множество даров подаяша ему».

О Мстиславе Ростиславиче, по случаю кончины его в 1179 году в летописи сказано: «не бе бо тое земля в Руси, которая же его не хотяшеть, не любяшеть».

Владимирцы, призывая Ростиславичей по смерти Андрея Боголюбского (1175), говорили ему: «Ваю отец добр был, коли у нас

был, а поедьте к нам княжить, а иных не хочем». Ростиславичи отвечали: «Помози Бог дружине, оже не забывают любви отца моего».

Галичане, удерживая от участия в сражении князя своего Ярослава Владимировича, говорили: «Ты еси молод, а поеди прочь и нас позоруй; како ны будет отец твой кормил и любил, а хочем за отця твоего честь и за твою головы своя сложити».

Вообще, княжеское достоинство уважалось как в дружине, так и в народе, что можно видеть особенно в посланиях митрополита Никифора к великому князю Владимиру Мономаху.

Летописцы приписывают князьям иногда даже царский титул — 1147, 1149, 1151, 1154, 1180.

Князья и их жены отличались набожностью, которую доказывали строительством церквей, основанием монастырей и вступлением перед смертью в монашество, надеясь тем искупить свои грехи.

Духовенство, чем древнее и ближе к началу христианской веры, тем было чище, ревностнее и усерднее. Мы видим его всегда впереди в делах миротворства и человеколюбия. Поучения к народу, дошедшие до нас, дышат искренностью и исполнены правил простых, верных и действительных для спасения. Множество лиц высоконравственных было из этого сословия, святая жизнь которых засвидетельствована памятниками.

Бывали, разумеется, исключения. Сам Св. Феодосий указывает в своих поучениях на некоторые недостатки братии. Печерские иноки не хотели принять игуменом предложенного им Св. Феодосием Иакова мниха и пожелали иметь Стефана, которого также вскоре принудили удалиться от них. В житиях печерских, изложенных нами выше, встречаются случаи, несогласные со святыми обетами: в житии Евагрия видно злопамятство, в житии Феофила самолюбие, в житии Феодора, Арефы корыстолюбие и проч.

В гонении на добродетельного Авраамия Смоленского духовенство более всех участвовало из зависти.

Некоторые известия о святокупстве относят преимущество к греческим пришельцам. Супруга Ростислава Рюриковича говорит, например, что она не пожалеет тысячи гривен серебра за поставление епископом Поликарпа (писателя житий печерских).

«Поставлен на мзде» выражение, часто встречающееся в летописях.

В слове Даниила Заточника (по сп. Ундольского): «Мнози

отшедше мира сего, паки возвращаются аки пси на своя блевотины, на мирское гонение: обиходят села и домы славных мира сего, яко пси легкосердии; идеже брацы и пирове, ту чернцы и черницы, и безаконнии, отческий имея на собе сан, а блядив норов, святительски имея на собе сан, а обычаем похаб».

Роскошные братчины в монастырях осуждаются еще в правиле митрополита Иоанна: «Иже в монастырех часто пиры творят, созывают мужи вокупи и жены, и во тех пирех друг другу преспевают, кто лучший сотворит пир — сия ревность не о Бозе» и проч.

Владимирский епископ Феодор представляет своей жизнью явление особенное, из ряда вон. Летописи рассказывают ужасы о его злодеяниях: «Многие люди пострадали в его управление, лишась своих сел, оружия и коней, другие обречены работе, подверглись заточению и грабежу, не только простцы, но и монахи, игумены, священники. Это был безмилостивый мучитель: одним он резал головы, бороды; другим выкалывал глаза, выжигал языки, распинал по стене, и мучил немилостивне, хотя восхитить от всех имения; был он не сыт, как ад». Отосланный в Киев великим князем Андреем (1172) он был осужден митрополитом Константином, и на Песьем острове «его осекоша и языка урезаша, яко злодею еретику, и руку правую отсекоша, и очи ему выняша, зане хулу измолви на святую Богородицю».

Замечательно завещание киевского митрополита Константина — бросить тело его по кончине на съедение псам (1169).

Сельское сословие, то есть большинство народа, народ в собственном смысле этого слова, живя вдали от шума междоусобиц, в которых не принимал почти никакого участия, и занимаясь единственно возделыванием земли и другими подобными трудами, сохранял большей частью свои древние, патриархальные нравы — тихий, смирный, терпеливый. Ни в летописях, ни в каких других памятниках, нет следов его сопротивления правительству, какое было, нет признаков беспокойства или возмущения, — и даже нет вообще известий о нем, как будто бы его и на свете не существовало: доказательство жизни мирной и покойной.

С другой стороны, в народных песнях не слышится никаких жалоб на притеснения со стороны князей и бояр, на худую или тяжелую жизнь: значит, жить было хорошо, сносно, и, заплатив, что положено, поселяне пользовались полной свободой.

Множество святых мужей, вышедших из народа и достигших высокой степени нравственного совершенства в духовной жизни, представивших великое развитие ума, сердца и воли, свидетельствуют в пользу того народа, из которого они вышли: такие блистательные плоды могли возникнуть только на доброй, благодатной и подготовленной для христианства почве. Писатели — Иларион, Нестор, Иаков, Даниил, Симон, Поликарп, Кирилл Туровский, принадлежали к простолюдью.

Преданность в волю Божию, принятие всяких бедствий наказанием за грехи свои, отсутствие ропота и жалоб, искреннее раскаяние — вот отличительные черты народного характера, при общественных бедствиях, судя по летописям.

Суеверия, которых было много, принадлежали к остаткам язычества, вместе со знахарями и колдунами, преемниками древних волхвов. В Новгороде еще в 1230 году сожгли четырех волхвов. В монастыре Никиты Переяславского скрывался при нем так называемый колдун.

Единственный источник, из которого черпаются сведения о ежедневном житье-бытье, образе мыслей, чувствований и действий простого народа, есть песни, до нас дошедшие, со множеством разноречий, — источник, не обработанный еще критикой, но представляющий достаточные данные, чтобы составить по ним приблизительное понятие.

Песни, с течением времени, были значительно повреждены, но они еще до сих пор носят верные признаки древности — и вместе современности с былинами. В песнях наших слышатся беспрестанно: синее море, море Хвалынское, Дунай река, Почай, Киев, Чернигов, Новгород, Ладо, Дид-ладо, Лелю, люли, терема, сени, куны, золотые, серебряные гривны, соболи, куницы, веверицы, лебеди, виноград, вина заморские, рыбий зуб, ковры, аксамиты, паволоки, золотошвейное искусство. Когда могли б попасться в песне все эти слова, кроме древнего периода?

Когда могли бы попасться в песни — князья, бояре, боярские дети, воеводы, тысяцкие, кроме удельного периода, когда они были близки к народу.

О существовании песен есть много древних свидетельств, например, в Слове христолюбца, по древнему списку, осуждается плясание, гудьба, песни бесовские (в одном списке XIV века: мирские).

Песни есть свадебные, обрядные, подблюдные, хороводные, игорные.

Свадебные песни, по своему количеству, занимают между ними первое место.

Свидетельство о свадебных песнях в древности мы находим у Владимира Мономаха, в письме его к Олегу Святославичу, после сражения, в котором убит был сын Мономаха, Изяслав. «Ты должен бы к Богу покаятися, а ко мне грамотку утешительную (написати)… а сноху мою послати ко мне, зане несть в ней ни зла, ни добра, да бых обуим оплакал мужа ея, и оны сватьбы ею, песний место: не видех бо первее радости, ни венчанья ею, за грехи своя».

«Плясание, гудение и плескание», вместо священного обряда, осуждается еще в правиле митрополита Иоанна II.

Древняя русская свадьба есть целая поэма в действии, состоящая из знаменательных обрядов, с присоединением множества разнообразных песен, которые живо представляют величие древней русской семейной жизни.

Перечислим ее составные части по Сахарову.

Приготовления к свадьбе: благословение жениха; выбор невесты; смотр; нарекание венценосной невесты. — Наряды к свадьбе: тысяцкий и тысяцкого жена, посаженый отец и посаженая мать; дружки; свахи; выдающие молодую; вскрывающий молодую; поезжане; бояре и боярыни сидячие; конюший; ясельничий; свечники; фонарщики; коровайники; мовники; носильщики — с ковром, с подножиями, с скляницею, с платьем к бане, со скамейкою; держащие: осыпало, чару, гребень, сороки соболей; сидельщик на княжьем месте. — Наряды в избе: место чертожное; столы; размещение гостей; осыпало; свечи; фонари; караваи. — Сенник: уборка стен, постеля; кадь; оловяники; оберегатели. — Кушанья: караваи; вина; перепеча; каша; куря. — Сбор в палате: выход жениха; посылка за невестой; выход невесты; посылка от посаженого отца за женихом; чесание головы; опахивание; подарки. — Поезд к венчанию: выход из палаты; аргамак; сани; поезд к церкви; обряды. — Поезд от венчания: шествие в палату: столование; выход в сенник; выдача невесты; кормление; вскрытие невесты. — Второй день свадьбы: мыльня; кормление новобрачных; рассылка каши; поздравления; пирование княжое; зов; дары. — Третий день свадьбы: пирование; награды.

Вот одно старинное описание свадьбы с явными следами

язычества: «Се слышим некое небогоугодное дело, наипаче же мерзко и студно, яже творят христиане, от диавола научени суще. — Егда же убо у них брак совершается, и готовлена храмина бывает, жениху с невестою, идеже ложу быти, и постилают под них класы, рекше снопове с зернами… Как приидет жених по невесту, и свахи жениха с невестою вместе за навесом сажают, и с невесту снем шапку на жениха надевают, а мужскую шапку на невесту; и свещами со огнем волхвуют круг главы с четырех стран, и трижды к главе притыкают, и в зеркало смотреть велят. Да у того же жениха те же свахи гребнем голову чешут; да ины вражьи есть затеи: круг стола всем поездом ходят, а как крутят невесту, и покроют ее пеленою, и учнут хмелем осыпати. И как прийдет жених с невестою — и с поездом своим, так бабу поставят на кадь, и облекут на нее шубу выворотя (!)… и станет та баба всех людей хмелем осыпать, и в то время все шапки подставливают. Да от венчания жених приходит с невестою на подклеть, а не за стол, как не во истинных крестьянех ведется, по христианскому обычаю, а не по странному сему деянию. И тамо принесут им курицу жареную, и жених возьмет за ногу, а невеста за другую, и учнут тянути ея разно, и приговаривают скверно, еже несть мочно и писанию вдати. Тако враг научил действовати старых колдунов, баб и мужиков, и жених с невестою, по их научению, и неволею тако творят, и яди той зело ругаютца. Да еще к ним приносят тут же на подклеть каши, и они кашу черпают и за себя мечут. Все тое есть бесовское действо. Да когда жених с невестою пребывают, ино таково скверно и зазорно вельми зрети: понеже странно не токмо рещи, но и помыслити…»

Предложим несколько песен, замечательных, как по древности языка, так и по указаниям на обычаи, на нравственные отношения.

Со веном я хожу, С животом я хожу; Мне куда будет вена положить? Мне куда живота положить? Положу я вьюна, положу живота, Уж я Паве на поволоку, Свет Андреевне на паволоку, Красной девице на правое плечо. Чем мне вена выкупать? Чем живота выкупать? Уж я дам ли, уж дал за вена Три гривны серебряные, и проч.

Ты камочка, камочка моя, Ты камка мелкотравчатая! Не давайся развертываться, Ни по атласу, ни по бархату, Ни по аксамиту на золоте. Как аксамит-то волю взял, Хрущату камку развернул, Все узоры высмотрел, Все круги позолоченные. Ты Машенька Ефимовна, Не давайся насматриваться Ни купцам, ни чернавцам, Ни тому сыну

боярскому. Как боярской сын волю взял, Он Машеньку за ручку брал, Он Ефимовну за белую, Он повел за дубовый стол, За скатерти браные, За яства сахарные.

Что Ефимов двор — море, Что Гавриловичев двор — море, Что круты берега — его тесаный терем, Что сильны ветры — его крепки стражи. А у него на море белая рыбица, Машенька Ефимовна. Ловили ловцы, Купцы молодцы; Те ловцы неудальцы: Невода у них не шелковые, Крючья у них не серебряные. Что Ефимов двор — море, Что Гавриловичев двор — море, Что круты берега — его тесаный терем, Что сильны ветры — его крепки стражи, А у него на море белая рыбица, Машенька Ефимовна. Ловили ловцы, Бояре молодцы; Те ловцы все удальцы: Невода у них шелковые, Крючья у них серебряные. Поймали они белую рыбицу, Поймали Марью Ефимовну, Поймавши, за стол сажали Со Петром да Петровичем.

Как у Ефима на дворе Выростало деревцо кипарисное, На то ли деревцо соловьям был слет, Молодым был слет. Как ко Ефиму во терем Был боярам съезд. Как у Ефима-то дитя, Марья, душа Ефимовна, Умное, разумное, Вежливое, приветливое. Поутру встанет ранешенько, Умоется белым-белешенько, Оденется чистым-чистешенько, Помолится Богу низешенько. Уж про то ли бояре прослышали, Уж про то ли проведали; Приехали ко Ефиму во терем, Ко Гавриловичу во высок, Хотят ее с собою взять: Не близко, не далеко, Во Божью церковь, С молодым князем рядом поставити, Со Петром Петровичем, Золоты венцы положити.

У Ивана у Петровича Новые сени разрешетилися, Новые крылечки понавесилися; Что из тех ли, из новых сеней, Вылетала пташечка, перепелочка, Перепелочка свет Аннушка, Златокрылая Ивановна и проч.

Стоит на горе бел шатер, Шатер бел полотнян, Во том ли во шатре спал-почивал Иван, господин Петрович. Его будили молодцы, Будили, побуживали: Ты встань, пробудись, Иван, сударь, Петрович! Как у нас ли на море, Как у нас ли на синем Корабль плывет, Корабль с чистым серебром. Ой вы, братцы молодцы, Вы товарищи мои! Этого добра много в доме у меня.

Стоит на горе бел шатер, Шатер бел, полотнян, Во том ли во шатре спал-почивал Иван, господин, Петрович. Его будили молодцы, Будили, побуживали: Ты встань, пробудись, Иван, сударь, Петрович: Как у нас ли на море, Как у нас ли на синем, Корабль плывет, Корабль с красным золотом. Ой вы, братцы молодцы, Вы, товарищи

мои! Этого добра много в доме у меня.

Стоит на горе бел шатер, Шатер бел, полотнян, Во том ли во шатре спал-почивал Иван, господин, Петрович, Его будили молодцы, Будили побуживали: Ты встань, пробудись, Иван, сударь, Петрович! Как у нас ли на море, Как у нас ли на синем, Корабль плывет, Корабль с красной девицей, Машенькой, душой Ивановной. Ой вы, братцы молодцы, Вы, товарищи мои! Этого добра нет у меня. И мы встанем-те, пойдем-те, К себе в дом его переймем-те.

Не тесан терем не тесан, Только хорошо украшен, Разными красками расцвечен. Не учен Лука, не учен Иванович, Только хорошо снаряжен, Снаряжала его матушка, Отпускала его в гости к тещенке. Зелен-сосенка, желтый цвет! Почто тебя, Лука, дома нет, Почто тебя, Иванович, дома нет? Ждала я тебя день, ждала другой, Не бывал, писала б письмо, не умею, Послала б посла, не смею, Сама б я пошла, стыжуся, Родного батюшки боюся, Родной матушки кроюся. Ты заря ль моя, зорюшка, Ты душа ль моя, Просковьюшка, Ты душа ль моя, Андреевна. Городом прошла зарею, Ко двору пришла тучею, Ударила в ворота бурею, Пустила по двору сильный дождь, Сама поплыла уткою, На крыльцо взошла павою, Во новы сени лебедем, Во высок терем соколом, Садилась за стол с молодцом, Махнула платком во терем. Вы раздайтеся, бояре, Расступитеся, дворяне! Чем меня батюшка жалует? Небольшим даром — теремом. Чем меня матушка жалует? Ведь большим даром — женихом, Вековым дружком Лукой, Вековым дружком Ивановичем.

Пойду млада по двору, Взгляну млада по морю: Какой по морю рай плывет, По синему раюшка плывет? Ах, ты, Анна Петровна свет! Сойди же ты с терема высокого, Поймай, поймай раюшка дружка. На что же мне раюшка? У меня есть ладушка, Свет сударь, Иван Андреевич.

Соболем Прасковьюшка все леса прошла, Крыла леса, крыла леса черным бархатом, В путь катила, в путь катила золотым кольцом, Прикатила, прикатила ко синю морю, Всвистнула, взгаркнула громким голосом: Кто у нас на море перевозчиком? Кто бы меня, кто бы меня, девицу, Кто бы меня перевез на ту сторону? Где ни взялся, где ни взялся Иван господин. Я тебя, Прасковьюшка, перевезу на ту сторону; Я за тобою, за тобою корабль пришлю, Корабль пришлю, судно крепкое, колыхливое. Не присылай за мной судна крепкого, колыхливого: Я у батюшки дитя пугливое, торопливое. Я за тобою, я за тобою сам прилечу, Сам прилечу, под крылом унесу, и проч.

Уж как по морю, морю, По синему морю Хвалынскому, Что плыла сера утица, За собой вела селезня, Молодого, хохлатого, Хохлатого, мохнатого. Уж как ей утушке завидовали, Уж и ей, серой, завидовали: Ай да наша утушка! Ай да наша серая! Вот какого нашла себе селезня, Селезня молодого, хохлатого! А и тут говорит утушка, А и тут говорит серая: Не завидуйте, утушки, Не завидуйте, серые! И у вас будут селезни, Селезни еще лучшие. Уж, как по терему, терему, Шла-прошла Машенька, Шла-прошла свет Ефимовна, За собой вела молодца, Молодца хорошего. Как ей девушки завидовали: Добро тебе, Марьюшка, Добро тебе, свет Ефимовна: Что нашла себе молодца, Молодца хорошего! А и тут говорила Машенька, А и тут говорила Ефимовна: Не завидуйте девушки, Не завидуйте красные! И вам будут молодцы, Молодцы еще лучшие. Тогда вам не позавидую, И позавидовать не вздумаю, А порадуюсь радостью, Поеду за вами в поезжаные.

Долго по долгу сокол не летит, Знать что сокол за лес залетел. Долго по долгу к нам Петра нет. Едет Петр-то, едет Петр-то, Едет Васильевич на вороном коне. Конь под ним словно зверь лютой, Грива у коня златом перевита, Хвост у коня как лютая змея, Сам на коне, сам на коне, Как сокол на руке. Разыгрался, разыгрался Петров-то конь, Разыгрался, разыгрался Васильевичев конь, Он перескочил через тын в зелен сад, Переломил, переломил, Переломил он железную тынь, Отломил он у яблони сук, Отломил, отломил, Отломил у кудрявой сук. Возговорит свет Василий господин. Возговорит свет Васильевич: Кто без меня в зеленом саду был? Кто железную тынь переломил? Кто без меня у яблони сук сломил? Кто без меня у кудрявой сук сломил? Возговорит свет Петр господин, Возговорит свет Васильевич: Я без тебя во зеленом саду был, Я без тебя железну тынь сломил, Я без тебя у яблони сук сломил. Я без тебя у кудрявой сук сломил. Долго по долгу сокол не летит, Знать что сокол за лес залетел; Долго по долгу к нам Петра нет. Едет Петр-то, едет Петр-то. Едет Васильевич на вороном коне, Конь под ним словно зверь лютой, Грива у коня златом перевита, Хвост у коня, как лютая змея, Сам на коне, сам на коне, Как сокол на руке. Разыгрался, разыгрался Петров-то конь, Разыгрался, разыгрался, Разыгрался Васильевичев конь, Расшатал дубовы вереи, Разогнал красных девушек, Душу Пашеньку с собою взял. Возговорил свет Василий господин, Возговорил свет Васильевич: Кто без меня в доме был? Кто без меня вереюшки расшатал? Кто без меня красных девушек

разогнал? Кто без меня Прасковьюшку взял? Возговорит свет Петр господин, Возговорит свет Васильевич: Я без тебя в доме был, А мой конь вереюшки расшатал, Я без тебя красных девушек разогнал Я без тебя Прасковьюшку душу взял.

Уж, ты где был-побывал Свет наш тысяцкий воевода, Уж где ты был-побывал, Свет Иван Иванович, воевода? — Я был-побывал, (Во каменной Москве). А что же ты, воевода, поделывал? — Я девицы там торговал, Я красныя там торговал. А чем же ты торговал? А чем же ты за товар брал? — Я торговал дорогими парчами, Я брал не кунами, не черными соболями, Я брал все со русыми со косами, Я брал со девичьими красотами.

Матушка, что во поле пыльно, Сударыня, что во поле пыльно? — Дитятко, кони разыгрались, Свет мое милое, кони разыгрались. Матушка, на двор гости едут, Сударыня, на двор гости едут? — Дитятко, не бойся, не выдам, Свет мое милое, не бойся, не выдам. Матушка, на крылечко гости идут, Сударыня, на крылечко гости идут? — Дитятко, не бойся, не выдам, Свет мое милое, не бойся, не выдам. Матушка, в нову горницу идут, Сударыня, в нову горницу идут? — Дитятко не бойся, не выдам, Свет мое милое, не бойся, не выдам. Матушка, за дубовый стол садятся, Сударыня, за дубовый стол садятся? — Дитятко, не бойся, не выдам, Свет мое милое, не бойся, не выдам. Матушка, образ со стены снимают, Сударыня, образ со стены снимают? — Дитятко, не бойся, не выдам, Свет мое милое, не бойся, не выдам. Матушка, меня благословляют, Сударыня, меня благословляют? — Дитятко, Господь Бог с тобою, Свет мое милое! Господь Бог с тобою!

Как у месяца золоты рога, А у солнышка лучи ясные, У Ивана кудри русые, У Алексеевича по плечам лежат, По его плечам могучиим. Соезжалися князья и бояры, Дивовались на это дитя! Еще чье это дитя милое? Хорошо очень вспорожено. Да не солнушко ли вспородило? Не светел ли месяц вспоил, вскормил? Не частые ль звезды взлелеяли? Возговорит дитя милое: Уж вы, князья, бояре, Вы разумные, люди добрые! Вспородила меня родна матушка, Вскормил, вспоил родной батюшка, Возлелеяли мамки, нянюшки, Завила кудри сестра милая.

Ты взойди, Анна-душа, на новы сени, Ты взойди, Михайловна, да на новые! Посмотри Анна-душа, во чисто поле, Посмотри, Михайловна, да во чистое: Сколь силён едет Иван-та князь. Сколь силён едет Александрович! По одну сторону пятьдесят человек, По

другую сторону еще пятьдесят. Глядючи Анна-душа испугалася, Глядючи Михайловна испугалася. Зашатри, батюшка, шатром ворота! Занавесь, матушка, камкою терём! Оберните, сестрицы, меня полотном! Едучи Иван-та князь похваляется, Едучи Александрович похваляется: Быть, быть шатру да разломанному, Быть, быть камке да разодранной, Быть, быть Анне-душе во полон взятой, Быть, быть Михайловне во полон взятой.

Не бывать бы ветрам, да повеяли, Не бывать бы боярам, да понаехали, Травушку, муравушку притолочили, Гусей, лебедей поразогнали, Красных девушек поразослали, Красную Анну-душу в полон взяли Красную Михайловну в полон взяли. Стала тужить-плакати Анна-душа, Стала тужить-плакати Михайловна. Стал унимать-разговаривать да Иван-та князь, Стал унимать-разговаривать Александрович: Не плачь, не тужи, свет Анна-душа! Не плачь, не тужи, Михайловна! Я тебя, Анна-душа, да не силой брал. Я ж тебя, Михайловна, не неволею. Бил челом, кланался твоему батюшке, Бил челом, кланялся твоей матушке, Сняв шапку, сняв шапку соболиную, Распустив полы сарачинские, Износил кафтан китайчатый, Все до тебя, Михайловна, доступаючи.

Как на синем на море, Что ль на белом камени, Строила Анна-душа, Строила Ивановна, Строила себе широкий двор, Со высокиим теремом. Строючись она похвалялася, Похвалою великою, Что ль не взять моего широка двора, Со высокиим теремом, Что ль ни стом, ни тысячей, Что ль ни стольным городом, Что ль ни славным Киевом. Как услышал ту Похвалу великую Иван-князь, да Иванович, — Не хвалися Анна-душа, Не хвалися Ивановна, Своим широким двором, Со высокиим теремом; Я возьму твой широкий двор, Со высокиим теремом, Я без ста, без тысячи, Я без стольна города, Я без славна Киева. Я возьму твой широкий двор, Со высокиим теремом, Я сам-друг со священником, Сам-третей со диаконом, Сам-четверт со тысяцким, Сам-шестой со боярами, Сам-восьмой со дружками, Сам-девять со свахою, Да тебя десятую, Душу красную девицу, Да что ль Анну Ивановну!

Ах вы, гуси, Ах вы, лебеди, Вы куда, гуси, летали? А мы уж летали, летали: С моря да на море. Да уж что вы, гуси, видели? Серу утищу на море. Для чего ж вы ее не взяли? Хотя мы ее не взяли, Крылья, перья вон повыщипали, Горючую кровь пролили; Уж теперь же она наша. Вы князья, вы бояре, Вы куда, князья, ездили? А мы ездили, ездили, А мы из города в город. Уж и что, князья, видели? А

мы видели, видели, Душу Полиньку в тереме, Свет Тарасьевну в высоком. Для чего ж вы ее не взяли? Хоть мы ее не взяли, По рукам ударили: Быть сговору, девишнику, Быть девичьему вечеру. Мы русу косыньку расплели, Мы по плечикам распустили, Уж теперь она наша стала.

Ах вы девки, девушки, Голубины гнездышки! Много вас посеяно, Да не много выросло: Одно поле Киевско, А другое Черниговско. Промеж тех двух полей, Не лебедь вскликала, Не куна взыграла, Да что ль Анна всплакала, Что ль Ивановна всплакала. По своей русой косе, Что ль по красной-то красоте: Ты коса ль, краса моя, Коса бескручинная, Коса беспечальная! Как вчера русу косу В парной бане парили, А сегодня русу косу, Под венец поставили, Женою называли: Женою Ивана-князя, Женою Ивановича.

Прочие песни связаны большей частью с праздниками, имеющими начало еще в языческие времена. Они подверглись влиянию христианства и заключают ныне совершенное смешение понятий. Первоначальное значение многих обрядов пропало и может быть отыскано разве что путем исследований.

НАРОДНЫЕ ПРАЗДНИКИ

Главные праздники были следующие: коляда и святки, авсень, красная горка, радуница, семик, троицын день, русальная неделя, купальница и купало, ярило и проч.

Коляда отправлялась 24 декабря. «На навечерии Рождества Христова и Крещения, сказано в Стоглаве, сходятся мужи и жены на нощное плещование, игры и глумление, и бесовские песни».

Поется и в песне:

Уродилась коляда Накануне Рождества.

Значение этого древнего праздника позабылось: ныне осталось от него только пение особых песен под окнами домов, с прошением о награде. Некоторые соединяют коляду с общим у скандинавов праздником иольским, который с переодеванием, как ныне у нас на святках, справлялся и в Константинополе, примерно в то же время, по описанию императора Константина Багрянородного.

Приведем несколько песен с явными признаками древности.

Виноградье красно, почему спознать: Что Устинов дом Малафеевича, Что у его двора все шелкова трава, Что у его двора все серебряный тын, Ворота у него дощатые, Подворотички рыбыя зубья.

На дворе у него да три терема: Во первом терему да светел месяц, Во втором терему красно солнышко, Во третьем терему часты звезды; Что светел месяц, то Устинов дом, Что красно солнце, то Улита его, Что часты звезды, малы детушки. Да дай Боже Устину Малафеевичу С борзых коней сыновей женить. Да дай Боже, Устинее Ховроньевне С высока терема дочерей выдавать. Подари, государь, колядовщиков. Наша коляда ни рубль, ни полтина, А всего пол-алтына.

За рекою, за быстрою Ой колюдка! ой колюдка! Леса стоят дремучие. По тем лесам огни горят, Огни горят великие. Вокруг огней скамьи стоят, Скамьи стоят дубовые. На тех скамьях добры молодцы, Добры молодцы, красны девицы, Поют песни колядушки. Ой колюдка, ой колюдка! В средине их старик сидит, Он точит свой булатный нож. Котел кипит горючий Возле котла козел стоит.[31] Хотят козла зарезати Ой колюдка, ой колюдка! Ты братец Иванушка, Ты выди, ты выпрыгни! Я рад бы выпрыгнуть Горюч камень К котлу тянет, Желты пески Сердце высосали.[32] Ой колюдка, ой колюдка! По Дунаю, по реке, По бережку по крутому, Лежат гусли неналаженные Коляда! Кому гусли налаживати? Коляда! Наладить гусли Зензевею Андреяновичу. Коляда! Зензевея дома нет: Он уехал в Царь город Суды судить, ряды рядить. Коляда! Он жене-то шлет Кунью шубу. Коляда! Сыновьям-то шлет По добру коню. Коляда! Дочерям-то шлет По черну соболю. Коляда!

Из святочных песен, что поются до сих пор, среди гадания, вот примечательные и вместе самые распространенные:

И я золото хороню, хороню, Чисто серебро хороню, хороню, Я у батюшки в терему, в терему, Я у батюшки в высоком, в высоком. Пал, пал перстень В калину, В малину, В черную смородину. Гадай, гадай девица, отгадывай, красная! В коей руке былица (змеиная крылица)? И я рада бы гадала, И я рада бы отгадывала, Кабы знала, кабы видала, Чрез поле идучи, Русу косу плетучи, Шелком перевиваючи, Златом приплетаючи.[33]

Ах вы кумушки, вы голубушки Вы скажите, не утаите, Мое

---

[31] Вероятно, жертвенный.

[32] Здесь изображается жертвоприношение, по замечанию г. Снегирева: в насыпанный песок, у северных народов, изливалась кровь жертвы; это выражается в песне словами: пески сердце высосали.

[33] В иных местах вставляются здесь еще следующие стихи: Куда утка шла, Туда пыль прошла. Куда я молода, Туда рожь густа.

золото отдайте; Меня мати хочет бити, По три утра, по четыре, По три прута золотые, Четвертым жемчужным. Еще девицы гадали, Еще красные гадали, Да не отгадали, Пал, пал перстень В калину, малину, В черную смородину. Очутился перстень Да у боярина, да у молодого, На правой на ручке, На малом мизинце. Еще девицы гадали, Да не отгадали, Еще красные гадали, Да не отгадали, Наше золото пропало, Чистым порохом запало, Призаиндивело, призаплесневело. Молодайка отгадай-ка!

Идет кузнец из кузницы, Слава! Несет кузнец три молота, Слава! Кузнец, кузнец! ты скуй мне венец,[34] Слава! Ты скуй мне венец и золот и нов, Слава! Из остаточков золот перстень, Слава! Из образочков булавочку, Слава! Мне во том венце венчатися, Слава! Мне тем перстнем обручатися, Слава! Мне тою булавочкою убрус притыкати, Слава!

Растворю я квашенку на донышке, Слава! Я покрою квашенку черным соболем, Слава! Опояшу квашенку ясным золотом, Слава! Я поставлю квашенку на столбичке, Слава! Ты взойди, моя квашенка, с краями ровна, Слава! С краями ровна, и со всем полна, Слава!

Жемчужина окатная, Слава! До чего тебе докатитися? Слава! Пора тебе выкатитися, Слава! Князьям и боярам на шапочку. Слава!

Слава Богу на небе,[35] Слава! Государю нашему на сей земле, Слава! Чтоб нашему государю не стариться, Слава! Его цветному платью не изнашиваться, Слава! Его добрым коням не изъезживаться, Слава! Его верным слугам не измениваться, Слава! Чтобы правда была на Руси, Слава! Краше солнца светла, Слава! Чтобы Царева золота казна, Слава! Была все полным полна, Слава! Чтобы большим то рекам, Слава! Слава неслась до моря, Слава! Малым речкам до мельницы, Слава! Эту песню мы хлебу поем, Слава! Хлебу поем, хлебу честь воздаем, Слава! Старым людям на потешение, Слава! Добрым людям на услышание, Слава!

Канун нового года, Васильев вечер, богатый вечер, прозывается еще по местам авсенем, овсенем, усенем, таусенем, и соединяется иногда с колядой. По замечанию г. Снегирева великорусский авсень, — древний земледельческий праздник. Ему соответствует преобразовательный обряд обсевания на свадьбах и после, даже при

---

[34] Кузнецом золотых дел мастер назывался только в древности.

[35] В этой песне из древнего остался, вероятно, только склад, а выражения все подновленные.

венчании на царство русских государей.

Вот две из особых песен, принадлежащих к этому празднику:

Ай во боре, боре, Стояла там сосна, Зелена кудрява, Ой овсень! ой овсень! Ехали бояре, Сосну срубили, Дощечки пилили, Мосточик мостили, Сукном устилали, Гвоздьми обивали. Ой овсень! ой овсень! Кому ж, кому ехать По тому мосточку? Быть там овсеню Да новому году. Ой овсень! ой овсень!

Походи, погуляй, По святым вечерам, По веселым теремам! Ой овсень! ой овсень! Посмотри, погляди, Ты взойди, посети К Филимону на двор, Ой овсень! ой овсень! Посмотрел, поглядел, Ты нашел, ты взошел, К Филимову на двор. Ой овсень! ой овсень! Как в средине (Москвы), Здесь вороты красны, Вереи все пестры. Ой овсень! ой овсень! Филимонов весь двор Обведен, за тынен Кипарисным тыном Ой овсень! ой овсень! Филимонов-то тын, Серебром обложен, Позолотой увит! На дворе у Филимона Три теремчика стоят: И светленьки, и красненьки, Золотые терема! Первый терем — Светел месяц; Другой терем — Красно солнце; Третий терем — Часты звезды. Светел месяц — Хозяин наш, Красно солнце — Жена его, Часты звезды — Их детушки. Ой овсень! ой овсень!

Красная горка — Фомина неделя, Фомин понедельник, вторник. Вероятно, этот праздник назывался от места, где был первоначально отправляем. До сих пор играются свадьбы преимущественно на Красную горку.

С этого дня начинаются хороводные игры, со множеством древних разнообразных песен. Главная песня — это о сеянии проса, которая явно происходит с юга.

А мы просо сеяли, сеяли, Ой Дид, Ладо, сеяли, сеяли! А мы просо вытопчем, вытопчем, Ой Дид, Ладо, вытопчем, вытопчем. А чем же вам вытоптать, вытоптать, Ой Дид, Ладо, вытоптать, вытоптать? А мы коней выпустим, выпустим, Ой Дид, Ладо, выпустим, выпустим. А мы коней переймем, переймем, Ой Дид, Ладо, переймем, переймем. А чем же вам перенять, перенять, Ой Дид, Ладо, перенять, перенять? Шелковым поводом, поводом, Ой Дид, Ладо, поводом, поводом. А мы коней выкупим, выкупим, Ой Дид, Ладо, выкупим, выкупим. А чем же вам выкупить, выкупить, Ой Дид, Ладо, выкупить, выкупить? А мы дадим сто рублей, сто рублей, Ой Дид, Ладо, сто рублей, сто рублей. Не надо нам тысячи, тысячи, Ой Дид, Ладо, тысячи. А что же вам надобно, надобно, Ой Дид, Ладо, надобно, надобно? Нам-то

надобно девицу, девицу, Ой Дид, Ладо, девицу, девицу! А нашего полку убыло, убыло Ой Дид, Ладо, убыло, убыло! А нашего волку прибыло, прибыло Ой Дид, Ладо, прибыло, прибыло!

Вторая песня, столько же общая, это — плетень.

Заплетися плетень, заплетися, Ты завейся, труба золотая, Завернися камка крущатая! Из-за гор девица утей выгоняла: Тига, утушка, домой! Тига, серая, домой!..……. Расплетися плетень, расплетися, и т. д.

Заинька беленькой! Хожу я по хороводу Гляжу я, смотрю я, По всему народу, Ищу себе ладу милую. Нашел я, нашел я себе ладу милую. Будь ты мне лада невестой, А я тебе женихом и проч.

Ты не пой, соловей, Ты не пой, молодой, При долине. Ты не вей гнезда, Ты не вей гнезда, При тереме. Как во тереме девица Дорогой ковер вышивает; Она золотом ковер вышивала, Она жемчугом ковер унизала. Уж кому мой ковер достанется? Доставался мой ковер Старому мужу. Я могу ковра убавить, Я со всех сторон, со четыриих, Я со всех углов, с золотыих. Как во тереме девица Дорогой ковер вышивает; Она золотом ковер вышивала, Она жемчугом ковер унизала. Уж кому мой ковер достанется? Доставался мой ковер Ладу милому. Я могу ковра прибавить, Я со всех сторон, со четыриих, Я со всех углов, со золотыих.

Как у нас было за дворьем Росла трава шелковая: Ой люли, шелковая! По той траве лада шла, За ладой муж бредет. Ой люли, шелковая! Ты постой, лада моя, Ты подожди, лада моя. Ой люли, шелковая и проч.

Взойду на церковь на маковку, Уроню шелковину серебряную. Ехал Людин, Селиван Петров, Поднял шелковину серебряную и проч.

Ах и по морю, ах и по морю, Ах и по морю, морю синему, — Плыла лебедь, плыла лебедь, Лебедь белая, со лебедушками, Со малыми, со дитятами. Ни тряхнется, ни ворохнется; Плывши лебедь встрепенулася, Под ней вода всколыхнулася, Плывши лебедь вышла на берег. Где ни взялся, где ни взялся, Где ни взялся млад ясен сокол, Убил-ушиб, убил-ушиб, Убил-ушиб лебедь белую; Он кровь пустил по синю морю; Он пух пустил, он пух пустил Он пух пустил по поднебесью. Сорил перья, сорил перья, Сорил перья по чисту полю. Где ни взялась, где ни взялась, Красна девица душа; Брала перья, брала перья, Брала перья лебединые; Клала в шапку, клала в шапку, Клала в шапку соболиную, Милу дружку, милу дружку, Милу дружку на подушечку, Родну батюшке, родну батюшке, Родну батюшке на

перинушку. Где ни взялся, где ни взялся, Где ни взялся добрый молодец. Бог на помочь, Бог на помочь, Бог на помочь красна девица душа, Она ж ему, она ж ему, Она ж ему не поклонится. Грозил парень, грозил парень, Грозил парень красной девице: Добро девка, добро девка, Добро девка, девка красная! Зашлю свата, зашлю свата, Зашлю свата, за себя возьму. Будет время, будет время, Будет время и поклонишься мне; Будешь девка, будешь девка, Будешь девка у кроватушки стоять; Будешь девка, будешь девка, Будешь девка, белы руки целовать; Будешь держать, будешь держать, Будешь держать шелкову плеть в руках. Я думала, я думала, Я думала, что не ты идешь, Что не ты идешь, не мне кланяешься; Я думала, я думала, Я думала, что поповской сын, Что поповской сын, поп Алешинька.

Я пойду, пойду во зеленой сад гулять, Поищу я молодого соловья. Соловей ты мой, батюшко! Ты скажи, скажи мой млад соловей: Кому воля, кому нет воли гулять? Молодушкам нет волюшки, Красным девицам своя воля гулять. У молодушки три кручинушки: Да как первая кручинушка — Слать пуховую перинушку; А другая-то кручинушка — Растворяй, жена, широки ворота; А как третья-та кручинушка — Едет, едет мой ревнивый муж домой: Он везет, везет гостинец дорогой, Шелкову плетку, гнуто кнутовье, Да ударит меня меж белых плеч. Стану с мужа я кафтан скидывати, Часты пуговки расстегивати; Хоть и рученьки белешеньки, Хоть и пальчики тонешеньки, На руках ли золоты перстни, Только стану, стану разувать, Про замужню жизнь вспоминать.

Ходил наш светлый князь, Ходил около своего города, Ходил около своего высокого. Ищет наш светлый князь, Ищет наш добрый князь, Свою ли светлую княгиню, Свою ли добрую княгиню. Ходит, ходит князь Ходит кругом города: Он сечет, он рубит Своим мечом ворота. Скоро ли светлый князь Сыщем красну девицу? Уж я ли где найду Красну девицу, княгиню, Ту ли девицу княгиню, Златым перстнем подарю.

Княжий сын хоробер, Да ты что ходишь, гуляешь? Княжий сын хоробер, Да ты что примечаешь? Скажу вам друзья-подруженьки: Как хожу я, как гуляю, Как хожу я, как примечаю, Все свою лишь молодую. Ведь моя-то княгиня, Ведь моя-то молодая, Во Нове городе гуляет, На торговой стороне играет. Уж на моей ли княгине, Уж на моей ли молодой, Красен венчик сияет, Сарафан на ней камчатный, Убрусец весь жемчужный, Алы бархатны башмачки, Два яхонта во

серьгах, Два алмаза во глазах, Со походкой лебединой, Со поступью орлиной.

Бояре, да вы почто пришли, Молодые, да вы почто пришли? Княгини! да мы невест смотреть, Молодые, да мы невест смотреть! Бояре! покажите жениха, Молодые, покажите жениха! Княгини! во се наш женишок, Молодые, во се наш женишок! Бояре! покажите терем, Молодые, покажите терем! Княгини! во се девичий терем, Молодые, во се девичий терем! Бояре! покажите кафтан, Молодые, покажите кафтан! Княгини! во се наш кафтан, Молодые, во се наш кафтан! Бояре! покажите кушак, Молодые, покажите кушак! Княгини! во се наш кушак, Молодые, во се наш кушак! Бояре! покажите сапоги, Молодые, покажите сапоги! Княгини! во се наш сапожок, Молодые, во се наш сапожок! Бояре! идите во терем, Молодые, идите во терем! Княгини! поздороваться! Молодые, со всем поездом!

Около сыра дуба, Люли, люли, дуба! Растет чернь-черница, Люли, люли, черница! А во той ли во чернице, Люли, люли, во чернице, Черен соболь скачет; Люли, люли, скачет! Поскачи, поскачи соболь, Люли, люли, соболь! По чисту полю, Люли, люли, полю! Поплови, поплови, утя, Люли, люли, утя! По тиху Дунаю, Люли, люли, Дунаю! Ищи себе друга, Люли, люли, друга! Ищи себе любушку, Люли, люли, любушку! Около сыра дуба, Люли, люли, дуба, Растет чернь-черница, Люли, люли, черница! А во той ли во чернице. Люли, люли, во чернице! Красных девиц хоровод. Люли, люли, хоровод. Скачите вы, девушки, пляшите, Люли, люли, пляшите! Вы холостые, не смотрите, Люли, люли, не смотрите! Смотрючи, девушку не взяти, Люли, люли, не взяти! Взять ли не взять по любови, Люли, люли, по любови! По батюшкину благословению, Люли, люли, благословению! По матушкину умоленью, Люли, люли, умоленью!

Ай во поле, ай во поле, Ай во широком раздолье, Стоят шатры, стоят полотняные! Во шатрах сидят князья, бояре, За шатром гостин сын гуляет. Он во гусли играет, Девушку утешает: Не плачь, не плачь, девушка, Не плачь, не плачь, красная! Сошью тебе, девушка, Шубку, юбку, телогрейку, Монисту со камнями, Серьги с жемчугами. Ай во поле, ай во поле, Ай во широком раздолье, Стоят шатры, стоят полотняные! В шатрах сидят князья, бояре, За шатром красна девица гуляет. Она речи ведет К гостину молодцу. Не надобно, молодец, Ни шубки, юбки, телогрейки, Ни монисты со камнями, Ни серег с жемчугами. Пусти меня, молодец, Ко девичью стадичку! Тогда я тебя

отпущу, Когда русу косу расплету.

Сиди, сиди ящер — ладу, ладу! На золоти стуле — ладу, ладу! Грызи, грызи ящер — ладу, ладу! Ореховы ядра — ладу, ладу!

Как за горницей, за повалушею, Не в гусли играют, Не в свирели говорят; Говорят мои подруженьки На игрища идти. А меня ли, молодешеньку, Свекор не пускает, Заставляет свекор-батюшка Гумно чистить, Гумно чистить, Метлой мести; Уж я в сердце взойду, И метлу изломлю, И гумно истопчу, Сама ли, молодешенька, На игрища пойду: Наскачуся, напляшуся, Наиграюсь молода. А меня, молодешеньку, Свекровь не пущает, Заставляет свекровь-матушка Красенца ткать. Уж я в сердце-то взойду, Красна изорву, бердо изломлю, Как на игрище уйду, Наскачуся, напляшуся, Наиграюсь молода!

Пойду, пойду, Под Царь город подойду, Вышибу, вышибу, Копьем стену вышибу! Выкачу, выкачу, С казной бочку выкачу! Подарю, подарю, Люту свекру батюшке! Будь добр, будь добр, Как родимый батюшка! Пойду, пойду, Под Царь город подойду! Вышибу, вышибу, Копьем стену вышибу. Вынесу, вынесу, Лисью шубу вынесу. Подарю, подарю, Люту свекровь матушку: Будь добра, будь добра Как родима матушка.

Пойду млада по Дунаю, (Погуляю млада по тихому). Ой люли, погуляю! Зайду млада во беседу: Ой люли, во смиренну! Во беседе сидит старой, (Мой муж постылой). Ой люли, постылой! На коленях держит гусли, Ой люли, лубяные! На гуслицах струны, Ой люли, мочальные! Старой в гусли заиграет, Ой люли, заиграет! Мое сердце ноет, ноет, Ой люли, занывает! Скоро ноги подломились, Ой люли, подломились, Белы руки опустились, Ой люли, опустились! Ясны очи потупились, Ой люли потупились! Пойду млада по Дунаю Ой люли, погуляю! Зайду млада во беседу; Ой люли, во веселую! Во беседе сидит молодой, Ой люли, мой любезной! На коленях держит гусли, Ой люли, звончатые! На гуслях струны, Ой люли, золотые! Молодой в гусли заиграет, Ой люли, заиграет! Мое сердце радо, радо, Ой люли, возвеселилось! Скоры ноги расплясались, Ой люли, расплясались! Руки белы размахались, Ой люли, размахались! Очи ясны разгляделись, Ой люли, разгляделись!

Радуница, ныне великие поминки на Фоминой неделе — в одних местах в понедельник, в других во вторник, в воскресенье. Прежде это был, вероятно, какой-нибудь языческий праздник. Вторник называется в некоторых местах навьем днем. Навье — мертвец.

Семик, седьмой четверг по пасхе, имеющий связь с Троицыным днем.

Как у нас в году три праздника, Первый праздник — Семик честной, Другой праздник — Троицын день, А третий праздник — Купальница.

Семицкая неделя называлась в древности Русальной. Семик справляется народом в рощах, лесах, на берегах рек и прудов. К этому дню рубят березки, красят яйца в желтую краску, готовят караваи, драчены, яичницы. Березки расставляют по домам, дворам и улицам. В семик завивают венки, которые в Троицын день с гаданием пускаются на воду.

Завивание венков и украшение себя цветами осуждается в Стоглаве, как обряд языческий.

Благослови Троица, Богородица, Нам в лес пойти, Нам венки завивать, Ай Дидо! ай Ладо! Нам венки завивать, И цветы сорывать; Ай Дидо! ай Ладо! А мы в лес пойдем, И цветов нарвем, Мы цветов нарвем, И венок совьем. Ай Дидо! ай Ладо! Свекрову батюшки, Свекрови матушки, Свекрову батюшки, малиновый, Свекрове матушки, калиновой. Ай Дидо! ай Ладо! Пойду ль я тишком, Лужком, бережком, Сломлю ль с сыра дуба веточку, Брошу на быструю реченку. Ай Дидо! ай Ладо! Не тонет, не плывет, С сыра дуба веточка, Не тужит по мне Свекор батюшка, свекровь матушка! Ай Дидо! ай Ладо!

Ай во поле, ай во поле, Ай во поле липинка! Под липою, под липою, Под липою бел шатер. Во том шатре, во том шатре, Во том шатре стол стоит. За тем столом, за тем столом, За тем столом девица, Рвала цветы, рвала цветы, Рвала цветы со травы, Вила венок, вила венок, Вила венок с городы, Со дорогим, со дорогим, Со дорогим яхонтом. Кому венок, кому венок, Кому венок износить? Носить венок, носить венок старому. Старому венок, старому венок, Старому венок не сносить; Мою молодость, мою молодость, Мою молодость не сдержать. Ай во поле, ай во поле, Ай во поле липинка! Под липою, под липою, Под липою бел шатер, Во том шатре, во том шатре, Во том шатре стол стоит, За тем столом, за тем столом, За тем столом девица. Рвала цветы, рвала цветы, Рвала цветы со травы, Вила венок, вила венок, Вила венок с городы, Со дорогим, со дорогим, Со дорогим яхонтом. Кому венок, кому венок, Кому венок износить! Носить венок, носить венок, Носить венок милому, Милому венок, милому венок, Милому венок износить; Мою молодость, мою

молодость, Мою молодость содержать.

В этот день совершалось также поминовение по убогих покойниках, в убогих домах или богадельнях.

В Троицкую субботу, как видно из Стоглава, сходились мужи и жены на жальники, то есть на кладбища, «и плакали на могилах с великим кричанием, и когда там станут играть скоморохи и гудошники, то они перестанут плакать и начнут скакать, плясать и в ладоши бить на тех жальниках…»

Купало и Купальница, — Иванов день. Местом купальского праздника бывают обыкновенно горы, поля и воды; на одних зажигаются огни, через которые перескакивают мужчины и женщины и перегоняют скот для предохранения от очарования злых духов; а в других купаются для очищения себя и сохранения от болезней на целый год. В Купальнице, по мнению Снегирева, более заключается идея водопоклонения, какая сродна была славяноруссам, а в Купале идея травоволхвования, смешиваемого с врачеванием, и огнепоклонения. Отличительные обряды этого празднества, говорит Сахаров, составляют: зажженные костры, песни, игры, перепрыгивание через огонь и крапивные кусты, купание ночью в росе и днем в реках, пляски вокруг дерева марины и погружение его в воду, зарывание трав, поверье о полете ведьм на Лысую гору.

Коляда и Купало, по замечанию Снегирева, как главнейшие и древнейшие годовые празднества, не только в славянорусском мире, но почти известные во всей Европе под разными именами, находятся в тесной связи с солнцестояниями. Как на юге, так и на севере России, купало празднуется в один день, хотя пора созревания плодов там не одинакова.

Ярило отправляется во Всесвятское заговенье, но не везде, и сопровождается разными игрищами и обрядами, против которых в прошедшем еще столетии восставал сильно Св. Тихон Воронежский.

Примеры плясовых песен:

Во поле береза стояла, Во поле кудрявая стояла, Люли, люли, стояла, Люли, люли, стояла. Некому березу заломити, Некому кудряву заломити. Люли, люли, заломити. Я пойду, погуляю Белую березу заломаю. Пойду ль я на новые сени, Пойду ль я на новые сени, Люли, люли, на новые сени. Встань, мой милый, пробудися, Встань, мой милый, пробудися. Люли, люли, пробудися, Люли, люли, пробудися. Войди в терем, веселися, Войди в терем, веселися, Люли, люли, веселися, Люли, люли, веселися.

Во лузех, во лузех,[36] Еще во лузех, зеленых лузех, Еще во лузех, зеленых лузех! Выросла, выросла, Выростала трава шелковая, Выростала трава шелковая. Расцвели, расцвели, Расцвели цветы лазоревые, Расцвели цветы лазоревые! С той травы, с той травы, И я с той травы выкормлю коня, И я с той травы выкормлю коня! Выкормлю, выкормлю, И я выкормлю, выглажу его, И я выкормлю, выглажу его! Поведу, поведу, Поведу я коня к батюшке, Поведу я коня к батюшке! Батюшка, батюшка, Ах ты, батюшка, родимой мой, Ах ты, батюшка, родимой мой! Ты прими, ты прими, Ты прими слово ласковое, Полюби слово приветливое! Не отдай, не отдай, Не отдай меня за старого замуж, Не отдай меня за старого замуж! Старого, старого, И я старого на смерть не люблю, И я старого на смерть не люблю! С старыим, с старыим, И я с старыим гулять нейду. И я с старыим гулять нейду!

Повторяется начало песни и оканчивается тем же заключением.

Со младыим, со младыим, И я со младыим гулять не пойду, И я со младыим гулять не пойду!

Новое повторение начала, которое оканчивается:

Ты отдай, ты отдай, Ты отдай меня за ровнюшку замуж, Ты отдай меня за ровнюшку замуж! Ровню я, ровню я, Уж я ровню душой люблю, Уж я ровню душой люблю! С ровней я, с ровней я, Уж я с ровней гулять пойду, Уж я с ровней гулять пойду!

Ах, сени мои, сени, Сени новые мои! Сени новые, кленовые, Вы решетчаты мои! Уж как знать ли мне, младой, По вас, сеничкам, не хаживати, Уж как мне мила дружка За рученьку не важывати, и проч.

За реченькой яр хмель, Яр, яр хмель!

Припев повторяется после всякого стиха.

Перевейся наш яр хмель, На нашу сторонку; На нашей сторонке, Удача большая, Тычья золотые, Витья шелковые, Я выщиплю хмелю, Хмелю ярого. Позову я гостя, Гостя дорогого, Батюшку родного. Мой батюшка пьет, ест, Домой ехать хочет. А я молодешенька, Горе горевати; Ведь я не умею Горе горевати Только я умею, Скакати, плясати, Яр, яр хмель.

Различные сельские работы по временам года: сеяние, жатва, молотьба, соединяются также с особенными песнями, например: закликанье весны.

---

[36] Древняя форма предложного падежа свидетельствует о древности песни, и вместе о сродстве языка народного с церковным.

Весна красна, На чем пришла, На чем приехала? На сошечке, На бороночке. Как и все девки на улице, И все красные на широкой, Одной девушки нет: Сидит она во тереме, Ширинку шьет золотом, Узду вязет тесмяную. Ах горе великое — Кому-то достанется? Достанется моему суженому Моему ряженому.

Первой весенний дождь встречается песней:

Дождь, дождь! На бабину рожь, На дедову пшеницу, На девкин лен, Поливай ведром.

Вот осенняя песня при варении пива:

Ай на горе мы пиво варили, Ладо мое, Ладо, пиво варили! Мы с этого пива все вкруг соберемся; Ладо мое, Ладо, все вкруг соберемся! Мы этого пива все разойдемся; Ладо мое, Ладо, все разойдемся! Мы с этого пива все присядем, Ладо мое, Ладо, все присядем! Мы с этого пива спать ляжем, Ладо мое, Ладо, спать ляжем! Мы с этого пива опять встанем, Ладо мое, Ладо, опять встанем! Мы с этого пива все в ладоши ударим, Ладо мое, Ладо, в ладоши ударим! Мы с этого пива все перепьемся, Ладо мое, Ладо, все перепьемся! Теперь с этого пива все передеремся, Ладо мое, Ладо, все передеремся!

Из всех этих песен ясно видно, что женщина пользовалась в древнем русском обществе всеми принадлежащими ей правами, всем подобающим ей уважением, любовью, что подтверждается и былинами, равно как и летописями. Вспомним великую княгиню Ольгу, мудрейшую из всех людей, по признанию современников, которая была правительницей земель русских во время малолетства Святослава и путешествовала в Константинополь.

Рогнеда с сыном получила от супруга своего, великого князя Владимира, в удел Полоцкое княжество.

Ингигерда принимала участие в управлении своего супруга, великого князя Ярослава.

Янка, дочь великого князя Всеволода, путешествовала в Константинополь с поручением привезти митрополита.

Мономах отложил намерение осаждать Киев из уважения к своей мачехе. За дурное обращение с дочерью он начинал войну с зятем Ярославом Святополковичем.

Дружеская близость Рогнеды к брату, великому князю Ростиславу Мстиславичу, засвидетельствована летописью (1268).

Святослав Всеволодович (1180) советовался с супругой своей о войне против великого князя Всеволода.

Мономах, Рюрик Ростиславич, Мстислав Мстиславич, отняли

своих дочерей от их мужей за дурное обращение.

Выше описан великолепный поезд с Всеславой, дочерью великого князя Всеволода, отданной в Киев, в замужество за Ростислава Рюриковича.

Под 1198 годом описана в летописи общая радость о рождении у нее дочери, «и нарекоша имя ей Ефросенья, прозванием измарагд, еже наречется дорогый камень; и бысть радость велика во граде Кыеве и Вышегороде; приеха Мстислав Мстиславич и тетка ей Передслава, и взяста ю к деду и к бабе, и тако воспитана бысть в Кыеве на горах».

Мария, супруга великого князя Всеволода Георгиевича суздальского, была предметом общего почтения, как видно из описания последних дней ее жизни (1206). «Проводи ю великый князь Всеволод сам со слезами многими, до монастыря, и сын его Георгий, и дщи ею Всеслава Ростиславляя, иже бе приехала ко отцю и матери своей, и не мочи видети туги. И бысть епископ Иоанн, и Симон игумен, отец ей духовный, и инии игумени и чернци вси, и бояре вси, и боярыни, и черници изо всех монастырев, и горожане вси, проводиша ю со слезами многими, зане бяше до всех преизлиха добра… издетска в страсе Божьи любяше правду, воздающи честь епископом, и игуменом, и чернцем и презвитером… бяшет бо нищелюбица и страннолюбица, печалныя, и нужныя, и больныя тех всех утешаше, и подаваше им требование».

Нездиловая, теща Давыда Вышатича, убедила своего зятя предать город Ярослав (1231) Судиславу, у которого, или у его сына она была кормилицей и почитаема от него матерью: «Теща бо его беша верна Судиславу, кормильчья Нездиловая, матерью, бо си наречашет ю».

В Слове Даниила Заточника строго осуждаются злоупотребления женской власти и женского влияния, которое было, видно, отнюдь не необыкновенно.

Красота чувствовалась и уважалась искони: «у Ярополка жена Грекина бе, и бяше была черницею; бе бо привел отец его Святослав, и вда ю за Ярополка, красоты ради лица ея».

Ярополк Изяславич привел себе жену ясыню, разумеется, по той же причине. Изяслав Мстиславич также из обез. Владимир, на пиру, между своими боярами, выражая желание жениться, предъявлял такое требование, по былинам:

Чтобы лицюшком-то была супротив меня, Очушки-то у ней ясных соколов, Бровушки-то у ней черных соболей, Походочка была

бы лани белыя, Белыя лани напольския, Напольския лани златорогия…

Такая невеста была найдена, и вот ее описание:

Она ростом высокая, Станом она становитая, И лицом она красовитая, Походка у ней часта и речь баска. Будет тебе, князю, с кем жить да быть, Дума думати, долгие веки коротати, И всем князьям, всем боярам, Всем могучим богатырям, И всему красному городу Киеву, Будет кому поклонятися.

Что этот дар Божий имел такую же цену и во всем народе, свидетельствуют все песни. Красная девица — любимое выражение в песнях.

Спусти-ка меня девицу-красавицу Погулять во далече далече, чистом поле, С нянкамы и с мамкамы, И с сенныма девкамы служащима.

Мужская красота имела также свое значение и свою цену.

Идет Чурилушка Опленков сын: Под пяты-пяты воробей пролети; Около носа-то яичко кати; На его девки глядят — золоты пелы ломят, Стары бабы глядят — прялицы ломят. Премладое Чурило сын Пленкович Ходит да ставит дубовы столы, Желтыми кудрями сам потряхивает: Желтые-то кудри рассыпаются, Быв скачен жемчуг раскатается. Премладая-та княгиня Апраксия Рушила мясо лебединое, Да обрезала руку белу правую, И сама говорила таково слово: Не дивуйте-ка, жены мне господские, Что обрезала я руку белу правую: Я смотрючись на красоту Чурилову, На его на кудри на желтые, На его на перстни злаченые, Помутились у меня очи ясные!

Так произошло и на улицах:

Старицы по кельям опакишь дерут Смотрючись-де на красоту Чурилову Молодые молодицы в голенище… Красные девки очелье дерет.

Прелести девической жизни изображены в песнях яркими красками. Песни и игры — первое их удовольствие. Свободная жизнь, чуждая затворничества, видна во всех песнях.

Трогательны отношения девушки к родителям, особенно к матерям, братьям. Подруженьки свидетельствуют об обществе. Хороводы, любимые пляски.

Чужая сторона представляется страшной. Свекор и свекровь, старый муж с его ревностью, вот чего особенно боится девушка. Неизвестность судьбы особенно мучила ее, но она покорялась ей, в лице своего суженого. Брак почитался судом Божиим.

ПОСЛОВИЦЫ, СКАЗКИ, ЗАГАДКИ, ЗАКЛЯТИЯ

Многие пословицы и поговорки, выражение народного образа мыслей, игры ума, принадлежат к этому периоду. Некоторые сохранены в летописи: Погибоша, аки Обре, от них же нет ни племени, ни остатка. Беда, аки в Родне (где погиб великий князь Ярополк Святославич). Пищанцы волчья хвоста бегают (так прозывался один из Владимировых воевод, победивший радимичей на реке Пищане). Рать стоит до мира, а мир до рати.

(Рать в смысле войны употреблялось только в древности).

Место к голове, а не голова к месту (1151). Повадится волк к овцам, выносит все стадо (946). Один камень много горнцев избивает (1217). Не погнетши пчел, меду не есть (1231).

Полонив вскликнет, а стят николи. В мертвые уста не проидет, а в кровавые пройдет. Молодой на битву, а старый на думу. В лесу птицы, в тереме девицы, а у браги старые бабы. Звалася баба княгинею за пустою братиною.

Есть много пословиц, напоминающих языческие обряды: По деде сшибок (тризна, пир погребальный, поминки), а по бабке щипок. Из пустого дупла либо сыч, либо сова, либо сам сатана.[37]

Родила тетка, жил в лесу, молился пням. Обреченная скотинка уже не животинка. Моленой (назначенный к закланию) баран отлучился, ин гулящий прилучился. Егорий да Влас всему богатству глаз (Св. Влас занял место Волоса, скотьего бога). Церкви не овины, в них образа все едины. Сужено ество да ряженому ести. Взял боженьку за ноженьку, да и об пол. Венчался вкруг ели, черти пели. Тут они обручалися, круг ракитова куста венчалися.

Следующие пословицы напоминают древний суд: Железа и змея боится; братчина судит, ватага рядит. Идеже закон, ту и обид много. Не клади судибоги, т. е. не предавай суду Божью.

В слове Даниила Заточника есть много поговорок, из которых многие употребляются и ныне, доказывая, что и другие, подобные, нигде не записанные, могут относиться к древнему времени:

«Их же ризы светлы, тех и речь честна. Никто же может соли зобати, ни в печали смыслити. Всяк человек хитрит и мудрит о чюжей беде, а о своей не может смыслити. Злато искушается огнем, а

[37] Дупло считалось пребыванием злого духа.

человек напастьми. Пшеница, много мучима, чист хлеб подает, а в печали обретает человек ум совершен. Молеве ризы изъедают, а человека печаль: печальну мужу засышут кости. Очи бо мудрых желают благых, а безумнаго (очи) дому пировнаго. Лепши слышати прение умных, нежели безумных наказание. Дай премудру вину, премудрее будет; не сей бо на броздах жита, ни мудрости на сердце безумных; безумных бо ни орют, ни сеют, ни в житницы собирают, но сами ся ражают. Как во утел мех воду лити, так безумнаго учити; псом и свиниям ненадобе злато и сребро, ни безумному мудрая словеса; ни мертвеца разсмешити, ни безумна наказати. Коли пожрет синица орла, коли камение воспловет по воде, коли свиния почнет на белку лаяти, тогда безумный уму научится. Дети бегают рода, а господь (господин) пьяного человека».

«Не имей себе двора близ княжа двора. Не держи села близ княжа села».

«Не скот в скотех коза, а не зверь во зверех еж, не рыба в рыбах рак, не птица во птицах нетопырь: а не муж в мужех, кем своя жена владеет… не работа в работах под жонками воз возити. Червь бо древо тлит, а злая жена дом мужа своего теряет. Лутчи есть во утле лодье по воде ездити, нежели зле жене тайны поведати: утлая лодья порты помочит, а злая жена всю жизнь мужа своего погубляет. Лепши есть камень долотити, нежели зла жена учити, или железо варити: железо уваришь, а злы жены не научишь».

«Да не уподоблюся жерновом яко те многия люди насыщают, а сами себе не могут насытитися. Речь продолжна не добро, продолжена паволока. Люте беснующемуся дати нож, а лукавому власть».

В Слове о полку Игореве также встречаются поговорки вроде пословиц, например: «Тяжко ти голове, кроме плечю; зло ти телу, кроме головы; Русской земли без Игоря».

Мы еще имеем от древности много сказок, испорченных и также не разработанных критически.

Свидетельство о существовании сказок в древности мы находим в словах проповедника, призывающего слушать учения о правой вере, а не пустошных басен. Многие образы и предметы в наших сказках совершенно тождественны с образами и предметами во всех индо-европейских сказках, доказывая тем свою древность и единство происхождения во время доисторическое, например: баба-яга, жар-птица, сивка-бурка, вещая каурка, шапка-невидимка, ковер-самолет,

черные брови, очи соколиные, шея лебединая, встречаются везде.

Предлагаем заключения о сказках гг. Котляревского и Афанасьева.

«Строгое повиновение воле отца идет за нерушимый вековечный закон, отступление от которого всегда ведет за собою наказания и несчастье преступивших, и наоборот, покорность ей венчается счастьем и успехом; супружеская любовь рисуется довольно слабо, преимущественно со стороны верности жены, напротив, любовь матери к детям, сестры к братьям — выступают в довольно ярких очертаниях; отношения отца к детям не обнаруживают особенной мягкости и очень смутны; еще менее она видна в отношениях между братьями, наследниками отцовского имущества: сказка представляет их постоянно несправедливыми и завистниками относительно младшего брата. Целый ряд сказок преследует нелюбовь и ненависть мачехи к падчерицам и пасынкам, и излишнюю зловредную привязанность ее к своим собственным детям. Этот тип мачехи составляет одно из самых характерных указаний на особенности патриархального быта и вполне оправдывается и древним значением сиротства, и свадебными песнями о судьбе молодой среди чужой для нее семьи».

«Любопытны в сказках сословные отношения и занятия. Виднее других выступают на сцену купцы, почти всегда торгующие за морем, в чужих краях. Резкого различия сословий не замечается в русской сказке: все они находятся между собою в свободных отношениях».

«Следы пастушьего и охотничьего быта довольно значительны: любимое занятие — охота, притом всегда с луком; вержением стрелы, чья упадет далее, решаются и спорные дела, и выбор невест, и выбор старейшины; в некоторых сказках занятие пастуха рассматривается как занятие низкое и определяется в наказание».

«Много чрезвычайно любопытных и важных археологических подробностей предлагают наши сказки: вот несколько примеров:

1) По древне-германскому праву, находящему подтверждение в юридических постановлениях народов Востока, греков и римлян, отец новорожденного ребенка имел право выбросить его, оставить на произвол судьбы. Поводом к такому суровому обычаю бывали обыкновенно или физические недостатки ребенка, делавшие его неспособным к труду воинской жизни, или подозрения в незаконности по его происхождению, или, наконец, недостаточное

существование его родителей. Славянские сказки свидетельствуют, что этот обычай имел место и у славян, но так как эти племена отличали себя в истории преимущественно мирным характером, то сказка по большей части забывает настоящую причину и объясняет ее иными побуждениями, иногда же, впрочем, прямо указывает на бедность или на подозрения в незаконности происхождения.

2) Между многими родами смертной казни, о которых упоминается в наших сказках, чаще всего встречается размычка конями. Преступника привязывали к хвосту дикой лошади, или к нескольким лошадям, и пускали в открытое поле.

3) Выбросить тело усопшего зверям на съедение, оставить кости без погребения — по понятиям языческой старины было величайшим несчастьем для души усопшего: она не находила себе покоя до поры, пока не совершено погребение бренных останков и не исправлена тризна по них.

Этих немногих примеров, думаем, достаточно для убеждения, что сказка не пустой вымысел, а важный памятник народной жизни, драгоценный материал исторической науки».

Есть у нас много загадок, также сходных с европейскими и имеющих одно происхождение в глубокой древности:

Красная девица по садику гуляла, Цветы алые девица собирала. Мимо ехал тут гостиный сын. Уж Бог помочь тебе, красная девица, Цветы алые тебе, девица, собирати. Благодарствуй, сын гостиный, благодарствуй. Загадать ли тебе, красная девица, Шесть мудреных загадок, загадать ли? Загадай-ка, сын гостиный, загадай-ка, Шесть мудреных загадок, загадай-ка! Уж как что у нас, девица, выше лесу? Еще что у нас, девица, краше свету? Еще что у нас, девица, чаще лесу? Еще что у нас, девица, без коренья? Еще что у нас, девица, без умолку? Еще что у нас, девица, без известно? Отгадаю, сын гостиный, отгадаю. Выше лесу, сын гостиный, светел месяц; Краше свету, сын гостиный, красно солнце; Чаще лесу, сын гостиный, часты звезды; Без коренья, сын гостиный, белый камень; Без умолку, сын гостиный, сине море; Без известно, сын гостиный, Божья воля. Отгадала, красная девица, отгадала, Шесть мудреных загадок отгадала. Уж и знать тебе, девица, быть за мною, Уж знать быть тебе купеческой женою.

Некоторые загадки отзываются периодом мифическим; например:

Сивый жеребец под вороты глядит (месяц).

Заря-заряница, красная девица, к церкви ходила, ключи обронила, месяц увидел, солнце скрало (роса).

К загадкам относятся толкования слов и разные приметы. В следующей песне, по замечанию г. Буслаева, совмещаются предметы одной немецкой поэмы и одной скандинавской саги.

Ох ты мать моя, матушка, Ох ты мать, государыня! Ты взойди, моя матушка, Ты взойди в мой высок терем, И ты сядь под окошечком. Что севоднешную ноченьку Нехорош сон мне виделся: Как у нас на широком дворе, Что пустая хоромина — Углы прочь отвалилися, По бревну раскатилися; На печище котище лежит, По полу ходит гусыня, А по лавочкам голуби, По окошечкам ласточки, Впереди млад ясен сокол. Ты дитя ль мое, дитятко! Уж как я тебе сон расскажу, По словам я тебе расскажу: Что пустая хоромина — Чужа дальня сторонушка; Углы прочь отвалилися, По бревну раскатилися — Род-племя отступилися. На печище котище лежит — То лютой свекор-батюшка, По полу ходит гусыня — То люта свекровь-матушка; А по лавочкам голуби — Деверья ясны соколы, По окошечкам ласточки — Что золовки-голубушки, Впереди млад ясен сокол — То (имя жениха).

Следует сказать несколько слов о заклятиях: тот же археолог приводит следующий заговор для предохранения от всяких враждебных или опасных столкновений в обществе: «Господи, благослови! Отче Господи Иисусе Христе, Сыне Божий, помилуй мя, грешного! Святый Государь, Иван учитель! Научи нас дел добрых творити! Помилуй нас, Боже, как стал свет и заря, и солнце, и луна, и звезды, как взошло красно солнце на ясное небо, и осветило все звезды и всю Русскую землю, и священные церкви, и митрополитов, и владык, и игуменов, и священников, и весь мир, и всех христиан. Святой Государь Спас и святой Государь Архистратиг Михаил! Помилуй, Господи, меня (имярек), грешного! Освети, Господи, меня (имярек) князьям и боярам, и властям, и тиунам, недельщикам и их дворянам, и гостям, и мужам, и женам, и всему православному христианству, что нареклось на сем свете, и на всяк час, и на всяко время, и на всякое сердце, и на всякие очи моему сердцу (имярек), от всякого зла и от злых очей закрой, Государь Михаил Архангел, своею ризою нетленною раба Божия (имярек)».

А входить во двор, вперед левою ногою в порог, в ворота, а как отворят ворота, то опереться в правую верею ворот правым плечом, молвить всю молитву, перекреститься и молвить: «Святой Государь

Спас и Святой Архистратиг Михаил! Закрой, Господи, от лиха человека и супостата на всяк час и на всяко время, и ныне, и присно, и во веки веков, аминь».

«Высоким эпическим складом, говорит г. Буслаев, отличается заговор оборотня… из числа тех упиров или волкодлаков, история которых теряется в глубокой старине:

„На Море на Океане, на острове на Буяне, на полой поляне, светит месяц на осинов пень, в зелен лес, в широкий дол. Около пня ходит волк мохнатый, на зубах у него весь скот рогатый; а в лес волк не заходит, а в дол волк не забродит“. Далее оборотень просит месяц оказать свое содействие, чтобы никто с волка не драл теплой шкуры. В этом заговоре упоминается осиновой пень, потому что оборотня в могиле им протыкают; выражение: на зубах у волка весь скот рогатый стоит в связи с пословицей: „У волка в зубах, то Егорей дом“; наконец, теплая шкура мохнатого волка-оборотня согласуется с названием волкодлак от длака — мохнатая шерсть».

В истории наговоров занимает важное место заклятие от лихорадок, особенно потому, что записано было уже в старину в древнерусских, а также и болгарских сочинениях о книгах истинных и ложных.

Вот еще заговор или заклятие от перелома, ушиба и вывиха, сходное с древним немецким, сохранившимся в рукописи X столетия.

«Пристани Господи к добру сему делу, Святый Петр и Павел, Михаиле Архангел, Ангелы Христовы, рабу Божию (имярек); зъбасалися-сцепалися две высоты вместо… Сростася тело с телом, кость с костью, жила с жилою; запечатал сам Христос во всяком человеке печать; запеки ту рану у раба Божия (имярек) в три дни и в три часы, ни боли, ни сверби, без крови, без раны, во веки аминь».

В Слове о полку Игореве Ярославна ясно произносит заговор на оружие, на солнце, ветер и реку.

ОБЩЕЕ ОБОЗРЕНИЕ

Мы изложили события первых четырехсот лет Русской Истории в их последовательном порядке; мы познакомились с действовавшими лицами; мы рассмотрели их отношения между собой, законы, занятия, промыслы, торговлю, введение христианской веры и ее влияние, церковное управление, грамотность и нравы; одним словом, мы обозрели, по возможности, древнюю жизнь во всех ее

проявлениях.

Подведем теперь итоги под наши известия, окинем взглядом все прошедшее, соберем рассеянные черты воедино и составим картину Русской земли перед нашествием татар и покорением ее под их иго.

Для освещения этой картины, для лучшего понимания совокупности событий, предпошлем сравнение, которое можно приложить, кажется, к нашей истории и во все ее продолжение даже до настоящего времени.

Течет широкая, глубокая река, берущая начало из каких-то неведомых стран, и несет свои волны в далекое море. Часто возмущается она ветром, и поверхность ее покрывается пеной, грязью и всякой нечистотой. Случаются бури, волны поднимаются высоко и сшибаются между собою, брызги летят во все стороны. В весеннее водополье нет преграды яростному стремлению, а в летнюю межень река по местам мелеет на песчаных перевалах. Иногда встречные утесы, сдвинувшись вдруг между собою, преграждают ее течение. Зимою жестокий холод сковывает ее быстрые струи, в ледяной толще останавливается всякое движение, — и страшно становится за царственную реку: не донесет она своей живой воды до назначенного ей предела, не исполнит она своего высокого предназначения и потеряется в сыпучих песках, ее окружающих! Нет, нет, при всех невзгодах, при всех превратностях, при всех тревогах, внизу, глубиною, по твердому дну, катится спокойно чистая струя крепкой, холодной воды, которую редко захватывает даже верхнее замешательство, которая сохраняет всегда силу своей живучести. Иногда вдруг, неожиданно, вырывается откуда-то из земли новый ключ, — он бьет чудодейственной силой и освежает надолго мутную воду. Обильные притоки обещают вознаградить сторицей временную убыль. Вот поднимается высоко на небе животворное солнце: оно пускает от себя теплые лучи, лед тает, зимние оковы разрушаются, пропадают одно за другими, и освобожденная река, озаренная полуденным сиянием, воспринимает с новыми силами свой торжественный, задержанный бег, опять несется, несется… Счастливый ей путь!

Вот изображение Русского человека, Русского народа, Русской жизни, как в первые, так и последующие времена их исторического бытия.

Северо-восточная треть Европы, прорезанная поперек, на юге, Днепром, Доном и Волгой, на севере Невою и Двинами, Северной и

Западной, была по большей части покрыта дремучими, непроходимыми лесами. Славянские племена, двигавшиеся со стороны Дуная, который слышится до сих пор в наших песнях, заселили ее, в незапамятные времена, преимущественно по берегам рек и по соседним с ними долинам, — столкнувшись на крайнем севере и востоке с финнами и латышами.

Финны пришли, вероятно, прежде их из Азии через Урал и заняли огромное восточное пространство, в некоторых местах до Волги и Оки, в других переправившись через эти реки, а на севере опоясали на значительном протяжении Балтийское море, встретив здесь латышские племена, первых, вероятно, переселенцев с Дуная.

Славяне в некоторых местах отодвинули финнов, а в других поселились между ними.

Отличаясь по преимуществу характером тихим, смирным, терпеливым и покорным, они уже были знакомы с разными первоначальными ремеслами и орудиями для удовлетворения своих насущных нужд и имели разные обряды, обычаи и верования о природе и другой жизни, перенесенные ими на Дунай еще из своей прародины Индии. Главным доказательством их относительного развития служит богатый и сильный язык, в котором нашлись еще в IX столетии выражения для перевода всего Священного писания, — и народная способность освоиться вскоре с его святыми истинами.

Сообщение славянских племен было по естественным причинам затруднительно, и они, живя почти особняком, подвергались только влиянию местности, доставшейся тому или другому племени в удел для жительства: одни грубели и дичали в лесах, другие смягчались и преуспевали среди полей и по долинам, не заботясь, впрочем, знать, что делается за живым рубежом и решая возникавшие между ними дела на сходках своего поселка, который был для них и назывался миром.

Необходимого для удовлетворения главных потребностей везде было вдоволь: девственная новь давала хорошие урожаи, леса изобиловали дичью, пушные звери бегали чуть не по задворьям, в реках ловилась вкусная рыба, от пчел получался мед и воск, рогатый скот доставлял мясо, кожи, молоко. Нужда учила делать все для себя потребное, очень, впрочем, ограниченное, дома, собственными средствами: муж пахал землю и добывал хлеб, жена пряла лен и ткала полотно. С овец снимали они шерсть для сукна на свиты, а шкуры шли на кожухи. Для обуви на лапти все было готово в соседнем лесу.

Сыты, одеты, обуты, мирные поселяне жили себе припеваючи, — песни искони были их услаждением, — пользуясь жизнью по-своему, довольствуясь малым, крепко сидя на своих местах, в теплых избах, топить и строить которые было очень легко и удобно. Из соседей кое с кем они менялись своими произведениями, ибо у одних было больше хлеба, у других мяса, у третьих рыбы, или меда, воска, шерсти.

На некоторых заселенных пространствах, вследствие этого обмена, а равно и для общего богослужения, возникли города, более или менее укрепленные слободы, жители которых, благодаря большему сообщению, становились, разумеется, смышленее, деятельнее и богаче.

Из них самые важные были — на юге, у полян, на Днепре, Киев, и на севере, на Волхове, у словен, Новгород.

Словене отличались особой деятельностью из славянских племен: пользуясь местоположением, они завели, со времен первого водворения, торговлю с соседними племенами; овладев Заволочьем, проникли далеко на север, к югре и печере, за Урал, и разослали свои поселения по всем сторонам: Торжок, Ростов, Бежецк, Волок Ламский причислялись издревле к их владениям.

Кроме Новгорода и Киева рано стали известными даже грекам: Вышгород, Любеч и Смоленск на Днепре, Чернигов на Десне. К древнейшим городам принадлежат также Полоцк, Изборск, Белозерск, Муром.

К счастью племен славянских, у них на руках было обилие такого произведения, которое пользовалось великим почетом, имело большее употребление по всей Европе и Азии и ценилось везде очень высоко: меха — собольи, бобровые, лисьи, куньи, медвежьи, волчьи, горностаевые.

Меха издревле привлекли на наш север торговлю, лишь только она осведомилась, что может добывать отсюда дорогой и нужный товар для нее с большой для себя выгодой.

Два народа отличались тогда особой деятельностью, и, занимаясь войной, производили вместе повсюду и обширную, живую торговлю: в Европе норманны, в Азии аравитяне.

Норманны, самое отважное и неустрашимое из всех европейских племен, гонимое нуждой из дома, от каменистых пустынь бедного севера, возобладало с начала средних веков всеми морями, забиралось в устья всех больших рек и везде заводило торговые

связи, устраивало свои поселения.

Как норманнам, так и арабам, нужны были меха, которые и послужили в то время через них связью Запада и Востока с Севером, нашей Залесской стороны с Европой и Азией, точно как пряные коренья и благовония привлекали в древности торговлю в Индию, а после в средние века кофе — в Аравию, табак и сахар — в Америку.

Норманны очень рано появились в соседних к ним устьях — Невы и Западной Двины, и узнали богатый Новгород, который стал известен у них под именем Гольмгарда, и прославился в сагах. Они проникли в глубь страны, где, на водоразделе «Оковьскаго леса» представился им Днепр, приведший прямо в Черное море.

Богатый, роскошный Константинополь-Царьград-Миклагард стал любимой целью их торговых плаваний. Там они нашли себе еще выгодное и почетное занятие служить в императорской гвардии или варангии.

(Последнее имя послужило, кажется, славянам поводом называть норманнов варягами).

Путь в Грецию прославился также на Севере и получил в их летописях и сагах особое имя austerueg. Он записан так в нашей древнейшей летописи: «Бе путь из Варяг в Греки, и из Грек по Днепру, и верх Днепра волок до Ловоти, по Ловоти внити в Илмерь озеро великое, из него же озера потечет Волхов, и втечет в озеро великое Нево, того озера устье впадет в море Варяжское».

Варяги так часто плавали по этому пути, что дали свои имена Днепровским порогам, которые дошли и до императора Константина Багрянородного и им записаны: Нессупи, Варуфорос, Ульворси, Геландри, Леанти, Струвун, — имена, объясняемые легче всего из языков норманнских.

Точно так же открылся варягам путь из Оковского леса в Каспийское море: «Из того же леса (откуда течет Днепр), потече Волга на восток, и втечет семидесятью жерел в море Хвалисское, тем же из Руси может идти в Болгары и Хвалисы».

Новгород был на перепутье для норманнов и к Черному, и к Каспийскому морям.

Словене-новгородцы, сами торговые и промышленные, приняли живое участие в действиях новых гостей, служили как бы посредниками, доставляли им товары, получаемые из их поселений, и, разумеется, присоединялись к ним и в их путешествиях.

При устье Волги находился знаменитый на Востоке город Итиль,

нынешняя Астрахань, принадлежавшая хозарам. Здесь норманны сошлись с арабами, которые приходили туда из Азии и плавали также вверх по Волге до Бертасов и Булгаров.

Арабские монеты, чеканенные в VIII, IX, X, XI и XII столетиях, находимые во множестве по всему пространству нынешней европейской России, вплоть до Уральских гор, доказывают это древнее живое сообщение. Торговля обогащала наш Север, содействовала распространению сведений, расширяла кругозор, — и она же возбудила жадность, привлекла враждебные нашествия.

Из мирных гостей, проезжих путешественников, норманнам захотелось, как то бывало и везде, стать хозяевами, господами.

Удостоверясь в отсутствии у жителей склонности к войне, надеясь не встретить значительного сопротивления, одна их дружина явилась из-за моря в устья Невы и Западной Двины и обложила данью северные племена — словен новгородских, кривичей, чудь, весь и мерю.

Летопись относит это событие к 859 г.

Около того же времени хозары, жившие в Итиле, или нынешней Астрахани, и в Крыму, народ не воинственный, но имевший гвардию (аларезио) из арабов и турок, подчинил своей власти южные племена: полян, северян, вятичей, определив дань по белой веверице с дыма.

Варягов на севере осталось немного после первого набега, и жители, в добрый час, вооружившись, прогнали их за море, откуда те приходили, а после, по исконному свойству славянской природы, перессорились между собой. Они понимали, однако же, благодаря природному своему толку, что им придется скоро расплачиваться за недавнее возмущение, и решили призвать к себе начальников, защитников, — князей, также из норманнов, которые властвовали тогда по всему Северу и с которыми бороться никому в тех краях не было возможности.

Посланцы отправились к трем братьям из племени руси: Рюрику, Синеусу и Трувору, известным, вероятно, в Новгороде прежде, по каким-либо отношениям. «Земля наша велика и обильна, сказали братьям словене, а наряда в ней нет. Придите княжить и володеть нами по праву».

Вот начало нашей государственной истории, — добровольное призвание, — начало полюбовное, которое в соединении с другими соответственными обстоятельствами, народным характером, пространством, местоположением, климатом, отношением числа

пришельцев к числу туземцев, и проч., дало Русской Истории направление, противоположное истории Запада, где с самого начала, вместо нашего единства, оказалось раздвоение, зародились, с одной стороны, у туземцев, ненависть и злоба, с другой, у завоевателей, гордость и недоверчивость, произведшие беспрерывную и постоянную так называемую оппозицию, которая и служит до сих пор основанием всего управления западного.

Братья пришли со своими родственниками и дружинами (862) и заняли главные города призывавших племен: Ладогу и Новгород у словен, Изборск у кривичей и Белозерск у веси.

Все их племя, варяги-русь, перебралось вслед за ними, — разумеется, со своим языком, верой, законами, обычаями, и дало свое имя нарождавшемуся государству: «от тех прозвася Руская земля — Новугородьци: ти суть людье Новугородьци от рода Варяжьска, преже бе беша Словени». Они начали везде рубить города, устанавливать точки опоры, по норманнскому обычаю, и межевать веревкой доставшуюся землю, какая часть ее где должна тянуть на содержание князя, какая определялась для дружины и какая оставлялась в пользование прочих воинов.

Новое правительство в нашей стране оставило след во всех словах, введенных им в употребление, которые своими звуками, или приданным им значением, очевидностью перевода, указывают именно на свое норманнское происхождение: князья, бояре, огнищане, детские, люди, смерды, закупы, тиуны, гридни, ябедники, метельники, верви, губы, виры, дружина, дума, гривны, скот (в смысле денег)…

Рюрик, утвердившись крепко в Новгороде, начал распространять свои владения за счет соседних, чудских и латышских племен, живших к западу и востоку от Новгорода. По всей вероятности, он покорил себе Балтийское прибрежье, вплоть до Немана, северный рукав которого получил название Руссы, Курский залив — Русны, а смежная Латышская страна — Порусья, Пруссии. Двое из единоплеменников Рюрика, Аскольд и Дир, отпросясь у него, пошли было на службу в Грецию, но по дороге увидели Киев, который им понравился, и они решили там остаться, воспользовавшись мирным свойством жителей, — те платили дань хозарам, а теперь согласились признать своими господами пришлых искателей приключений.

Варягов набиралось в Киеве больше и больше, — и они недолго усидели на одном месте, — вздумали с двумястами судов решиться

на подвиг, достойный норманнской смелости, — напасть на богатый Константинополь; напали, и город откупился от них золотом по свидетельству патриарха Фотия, в 866 году. Они привезли домой начатки христианской веры, для которой тогда же в Болгарии и Моравии переведено было все Священное писание и книги богослужебные бессмертными славянскими первоучителями, Св. Кириллом и Мефодием, так, что Русская земля, по удивительному стечению обстоятельств, получила, почти в одночасье, все три благодатных семени: государственности, веры и просвещения.

Утренняя звезда о трех лучах сверкнула с высокого неба над нашей рекой.

Аскольд и Дир владели Киевом лет пятнадцать, пока Рюрик устраивался по берегам Варяжского, или Балтийского, моря, — и должны были уступить его преемнику Олегу. Недовольный жизнью на севере, увлекаемый духом движения, он отправился с набранными воинами на юг, и, выманив обманом к себе в ладьи киевских начальников, сказал им: «Вы не князья, и не княжеского рода, а я князь, и вот сын Рюриков», велел их умертвить и остался владеть в Киеве (882), встретив такую же покорность жителей, какой пользовались Аскольд и Дир, а прежде их хозары.

Из Киева Олег, уставив дани северных племен, стал ходить ежегодно, преимущественно по рекам, на восток, юг и запад, и облагать данью славянские племена: северян, радимичей, вятичей, угличей, тиверцов, дулебов, хорватов, которые покорились ему почти все беспрекословно. «Кому дань даете?» «Хозарам». «Не давайте козарам, а дайте мне», — и они давали ему дань, как бы присоединяясь таким образом к первому призванию со своим согласием и добровольным подданством.

Олег, истый норманн, по примеру Аскольда и Дира, пошел (906) с двумя тысячами судов на Константинополь, устрашил греков, получил богатую дань, прибил свой щит к городским воротам и заключил через некоторое время договор (после 911 г. подтвержденный письменно), по которому сверх укладов на все его подданные города, князьям, под его рукою сущим, он выговорил значительные преимущества для ходивших в Константинополь послами и торговцами варягов — выдавать им месячное содержание, пускать даром в бани, снабжать веревками, веслами и парусами для обратного плавания.

После Олега, при Игоре, дружина его ходила на восток (913) и

произвела нападение на берега моря Хвалисского, или Каспийского, где торговали их единоплеменники. Рассыпавшись по всем его западным берегам до Баку, как свидетельствуют современные арабские писатели, они ограбили все города, разбив ополчения, но на обратном пути, по Волге, истреблены восставшими мусульманскими племенами. Здесь погибла часть дружины Игоря, а другая в первом несчастном походе на Грецию (941), описанном греками.

Второй поход под Константинополь, с новой норманнской помощью (943), доставил руси обычную дань и также кончился письменным договором, в начале которого стоят норманнские имена послов, заключавших его от имени князя.

И на берега Каспийского моря второй поход (944) был также удачен, окончившись разрушением Берды, на берегу Куры.

Супруга Игоря, Ольга, жестоко наказав за его смерть возмутившихся древлян, утвердила подданство племен и уставила некоторые дани.

Сын ее Святослав ходил на ясов, касогов, хозар, по северному предгорию Кавказа. После успешной войны в Болгарии, он хотел переселиться там и утвердить центр Руси в Переяславце на Дунае, посадив сыновей в Киеве, Коростене и Новгороде. Греческий император Иоанн Цимисхий не допустил совершиться этому намерению. В жестокой войне, подробно описанной Львом Диаконом, который видел лицом к лицу Святослава и описал его наружность, храбрый русский князь был разбит, вынужден удалиться в Киев, и на обратном пути в Днепровских порогах убит печенегами, — кочевым племенем, которые еще при Игоре (914) начало тревожить русские пределы со стороны Черноморских степей.

Между тремя сыновьями Святослава тотчас по его кончине началось междоусобие, и Владимир новгородский, приведя нанятую свежую дружину с Севера, победил сперва нового поселенца в Полоцке Рогволода, нареченного тестя Ярополкова, а потом самого Ярополка, от которого погиб перед тем средний их брат Олег, — овладел Киевом и отпустил наемных варягов в Грецию, кроме некоторых выбранных, оставшихся в полной от него зависимости.

Владимир ходил на волжских болгар, ятвягов, и, еще дальше своих предшественников, на запад, покорил себе города Червенские, т. е. нынешнюю Галицию.

Он разделил свои владения между двенадцатью сыновьями, которых и разослал по главным городам: в Новгород, Ростов, Муром,

Псков, землю Древлянскую, Тмуторакань… предоставив каждому часть своей дружины.

Наследство всех сыновей Владимировых досталось, после нескольких междоусобий, одному Ярославу, которого следует считать последним представителем норманнского периода Русской истории. При нем закончились походы на Константинополь, впрочем, неудачно, он смирил печенегов, ходил на чудь северо-западную, — и для собрания дани с нее построил Юрьев или Дерпт, — на емь, на пермь, на ятвягов, на литву, на мазовшан. Братом его Мстиславом тмутораканским уничтожена окончательно держава хозар в Крыму.

Границами Ярославовых владений были: к северу Балтийское, или Варяжское, море, к западу Неман, Буг, Сан, Карпаты, к югу Новороссийские степи, к востоку Волга, Урал.

Вот как исчисляет Нестор племена, подданные Ярослава:

«Се бо токмо Словеneск язык в Руси: Поляне, Древляне, Новгородцы, Полочане, Дреговичи, Северы, Бужане… а се суть инии языцы, иже дань дают Руси: Чудь, Меря, Весь, Мурома, Черемись, Мордва, Пермь, Печера, Ямь, Литва, Зимегола, Корсь, Норова, Либ».

Таким образом, в продолжение двухсот лет, очертилась окружность Русского, основанного норманнами, государства, с центром в Киеве, о котором еще Олег сказал: «Се буди мати градом Русским!»

Ярослав был в родственных союзах со многими европейскими государями, и двор его был надежным пристанищем для знаменитых изгнанников, преимущественно из норманнских стран.

С его именем сохранилось собрание законов русских, подвергшихся влиянию христианства и славянских обычаев, Русская Правда, которая приметна еще в договорах с греками и заключает уголовные постановления о праве мести, о пенях за убийство, за побои, за увечье, за кражу, укрывательство, со свидетелями, поручителями, судом 12 целовальников или присяжных, с судебными поединками или полем, испытанием железом и водой.

Племена славянские были соединены норманнскими князьями в одно целое, и в патриархальной их жизни произошла важная перемена: северный вихрь возмутил реку и поднял со дна ее тихие струи. Хотя князья, занятые своими исходами, внешними и внутренними, распространением пределов своей дани, имели к ним мало непосредственного отношения и оставляли их жить на прежней воле, — хотя дань, положенная на племена, была не тягостна, и

отдать куницу или белку, которую поймать можно было неподалеку, в соседнем лесу, никому не стоило больших трудов, — но все-таки произошло между племенами небывалое движение, зародились иные чувства, возникли совершенно новые отношения, и началось понятие об обязанностях. Естественная воля стеснилась. Для пришлого непоседливого племени надобно было припасать содержание и все нужные вещи. Иное шло в дань, другое покупалось. Уже император Константин Багрянородный свидетельствует о закупаемых варягами у славян зимой ладьях, на которых они пускались весной в свои путешествия, торговые и военные. Промышленность и соединенная с ней торговля, получили сильный толчок. Сообщение селений с городами, и городов между собой, усилилось.

Норманнское влияние обнаруживалось преимущественно в городах, где со времен Рюрика расселились «находники Варязи, а первии насельници, сказал Нестор, в Новегороде Словене, Полотске Кривичи, в Ростове Меря, в Белеозере Весь, в Муроме Мурома». К ним беспрестанно наезжали соотечественники с Севера на житье, или по пути в Грецию. Иные основывали свои особые поселения: Рогволод с сыновьями в Полоцке, Тур в Турове. Их образ жизни, рассказы о виденных странах и народах, знакомство с греческой и восточной роскошью, даже домашний скарб — все действовало на воображение туземцев. Между последними находились и такие, которые принимали участие в их всякого рода странствиях; кругозор расширялся. Женщины, как и везде, были посредницами, и, служа к утверждению связей, оказывали обратное влияние, тем более значительное, что пришельцев было несравненно менее туземцев. Норманнство растворилось в славянщине, как капля вина в сосуде с водой, сообщив ей несколько своего вкуса.

В хозяйственном отношении надо заметить еще одно явление: некоторые из пришлых бояр, из дружины, живя при князьях, захотели иметь, подобно им, собственные усадьбы, особенно под городами, занимали пустую землю, — ее везде было с избытком, — и приглашали к себе в работники смердов, в дополнение к многочисленной пленной и прочей челяди, которую приводили они из своих походов. Такие временные работники известны в Русской Правде под именем закупов. Получая известные выгоды, и в особенности большую безопасность и спокойствие от всяких притязаний, они охотно оставляли свою землю, которую всегда достать себе могли, и шли в услуженье, составляя с боярской

челядью слободы, первоначальные поместья. Вот первая степень произвольного крепостного права, со свободным переходом!

Такая перемена произошла в древнем славянском быту, вследствие нашествия и расселения норманнов!

Впрочем, никаких сословий, несмотря на соединение двух племен, господствующего и подчиненного, не образовалось, а разделялся народ по занятиям — военное, торговое, земледельческое, между которыми никаких преград не было, и переход от одного занятия к другому свободный. Самые рабы не лишены были надежды на освобождение.

Важнейшая и благодетельнейшая перемена произведена в народе христианской религией, которой мы также обязаны почину норманнов. Первое семя ее принесено, без сомнения, Аскольдом и Диром из константинопольского похода, о чем свидетельствует грамота и проповеди патриарха Фотия, равно как и церкви, построенные на местах погребения несчастных витязей. Мало-помалу число ее поклонников умножалось, и при Игоре у них уже была церковь Св. Илии, в которой дружинники-христиане присягали перед греческими послами в сохранении договора (944). Великая княгиня Ольга подала пример, приняв святое крещение в Константинополе, куда ездила с многочисленными спутниками, и привезла оттуда крест, оставив там на память золотое блюдо, которое долго показывалось нашим паломникам. Сын ее Святослав, однако же, не внял ее просьбам о крещении, опасаясь насмешек дружины. При Владимире два варяга, отец и сын, пришедшие из Греции, обреченные по жребию на жертву богам, запечатлели кровью преданность христианской вере: первые священномученики Киевские — Феодор и Иоанн.

Этому князю предназначено было просветить всю Русскую землю ее светом. Выслушав предложение от иудеев, магометан, католиков, он решил принять ее от греков, и для того пошел на Корсунь, знаменитый греческий город на Таврическом берегу Черного моря. Там он крестился и вступил в брак с греческой царевной Анной, сестрой императоров Василия и Константина. Забрав все нужное для богослужения, он возвратился в Киев, велел низвергнуть кумиры Перуна, Волоса и проч. и объявил, чтобы на другой день утром все жители, богатые и убогие, нищие и работники, шли на реку принимать святое крещение, а кто не придет, тот будет ему противен, — и все пришли с радостью, говоря: «Если бы это не

было хорошо, то великая княгиня Ольга, мудрейшая всех людей, князь и бояре, не поступили бы так».

Добровольное принятие христианской веры совершенно соответствовало полюбовному основанию государства, и церковь не получила сначала семян западной реформации, точно как государство не имело семян западной революции.

Владимир велел везде рубить церкви по местам, где стояли кумиры. В Киеве основана была церковь Св. Василия, — имя его ангела, — на том месте, где стоял Перун со своими товарищами. У нарочитой чади взяты были дети и отданы на книжное ученье. Потом из Киева были посланы епископы по странам, вероятно, большей частью из болгар, разносить везде свет христианской веры.

Благодатное солнце воссияло над рекой.

Христианская вера с самого начала возымела могущественное действие на народ, без сравнения с прочими европейскими государствами, вследствие особого счастливого обстоятельства — проповеди на родственном, близком, понятном языке.

В избранных душах произошел совершенный переворот: от земли взоры обратились к небу. Сам Владимир преобразился, и из человека, преданного страстям и похотям, стал кротким и воздержанным. Сыновья его, Борис и Глеб, как прежде Феодор и Иоанн, приняли с радостью мученические венцы.

Ярослав, сын Владимира, продолжал ревностно дело своего отца; «при нем вера христианская начала плодиться и расширяться, говорит Нестор, основаны монастыри, и размножились черноризцы. Ярослав чтил церковные уставы, попов любил повелику и черноризцев, прилежал книгам и читал их днем и ночью, собрал многих писцов, которые прелагали с еврейского на славянский и переписывали многие книги, ими же поучались верные люди, и наслаждались божественным учением. Отец его Владимир взорал землю и умягчил, т. е. просветил крещением, а он насеял книжными словесы, мы же пожинаем, принимая учение книжное».

Строение церквей, основание монастырей, учреждение епархий, имело великое просветительное значение. Всякая вновь построенная церковь становилась, говоря по-нашему, училищем, новый монастырь гимназией, а новая епархия учебным округом. «Господи помилуй, подай Господи, буди святая воля Твоя, остави нам долги наша, якоже и мы оставляем должником нашим» — эти простые молитвы и правила распространялись в народе и принимались к

сердцу, становясь у многих основанием жизни, как свидетельствуют современные памятники.

Великолепные соборы Софийские, в Киеве и Новгороде, Десятинная церковь, построенные греческими мастерами, представили удивленным взорам славян новое поразительное зрелище. Печерская обитель, учрежденная Св. Антонием и Феодосием, стала средоточием русской духовной жизни, истинным ее святилищем; так водворилось и первое наше христианское просвещение: книги Священного писания, творения первых отцов церкви, жития, переписывались, читались, изучались, и отсюда разносились во множестве по всем обширным областям нашего отечества. В монастырях сохранялись и дополнялись летописи, веденные при князьях. Болгария сообщала нам труды своих учителей, преемников Кирилла и Мефодия.

Святые семена находили везде плодоносную, подготовленную почву: в Киеве и Смоленске, Любиче и Курске, Торопце и Турове, везде находились люди, даже между простолюдинами, способные принимать новое учение, претворять его в свою плоть и кровь, и на основании его подниматься на высоту первых ревностных христианских исповедников.

Солнце проникало своими лучами до самой глубины реки.

Первые печерские подвижники явили свету великие образцы веры и любви, кротости, самоотвержения, терпения, всех христианских добродетелей, вместе с примечательной для того времени нежностью и тонкостью чувствований. Из среды их явились писатели или проповедники, глубоко постигшие таинства христианской веры. Вот наши великие люди, которым Россия обязана просвещением духовным, нравственным образованием!

Рассылаемые отсюда епископы заводили по городам училища. Многие из греческих митрополитов отличались просвещением и ревностью к распространению образования в народе. По окраинам и по глухим местам, впрочем, еще долго держались следы язычества, по которым люди назывались от проповедников двоеверцами.

Между тем, как духовная жизнь таким образом возвышалась и процветала, пшеница Божия множилась на удобренной ниве, в продолжение двухсот лет после принятия христианства, — государственное устройство, утвержденное и возвеличенное единодержавием, в продолжение норманнского периода, постепенно ослабевало, вследствие увеличения числа князей и раздробления

княжеств, и, наконец, очутилось на краю гибели.

Ярослав разделил свои владения, — «Русскую землю, налезенную трудами отцов и дедов», — между пятью сыновьями, предоставив еще прежде Новгород старшему, шестому, который умер ранее его — первые удельные княжества в пределах прежних племен. (Новгород, Киев, Чернигов, Переяславль, Владимир Волынский, Смоленск, Полоцк оставался во владении Рогнедина сына Изяслава).

Ярослав разделил, но так, что разделенная им Русская земля составляла все-таки одно целое, одно общее владение, где главный город должен был принадлежать всегда старшему в роде, брату после брата, мимо сыновей, которым следовало дожидаться своей череды. Так точно и во всяком уделе стольный город должен был принадлежать старшему в роде того Ярославова сына, которому он по его завещанию был предоставлен. Русская земля стала одной большой общиной, в которой все потомки Ярослава имели право каждый на свою часть, как ныне в сельских общинах земля находится в общем владении. Как бы по лестнице князья поднимались поочередно, и становились, наконец, кому случалось дожить, на верхнюю ступень, то есть получить стольный город Киев.

Этот обычай, принесенный, вероятно, с Севера, имел решительное влияние на всю нашу древнюю государственную историю и обусловливал все ее явления.

Вследствие этого обычая у князей не было постоянного пребывания, поземельной, наследственной, государственной собственности, а только временное пользование. Они даже и не думали о ней, никакое место не считали своим, а смотрели с него на старшее и лучшее, вплоть до Киева, который по порядку мог достаться каждому из них и составлял предмет его задушевных желаний. Отец, умирая на том или другом столе, отдавал малолетних детей на руки своего преемника иногда без ничего, или отсылал в другое княжество на воспитание к брату, дяде или другому какому родственнику. Могли оставаться у них волости по особым обстоятельствам, как оброчные статьи, на правах частного владения.

Сами княжества не имели определенных границ, которые изменялись смотря по личным правам и обстоятельствам того или другого владевшего князя, иногда соединялись, иногда разделялись.

Но, говорят, где право, там и обида. Первоначальный обычай имел исключения: князь лишался права на тот город, которым не приходилось прежде владеть его отцу; он также мог потерять свое

право за вину. Встречались недоразумения. Разные посторонние обстоятельства могли нарушить обычай: народное избрание, воля умирающего князя, имевшего почему-нибудь особенную силу, малолетство законного наследника. У иных князей недоставало терпения ожидать очереди, и они спешили воспользоваться благоприятными обстоятельствами, в которых случайно находились. Притом ломоть в чужой руке всегда кажется длиннее, чем в своей; стремление усиливаться, распространять свои владения за чужой счет, обнаружилось еще в первом периоде, когда бывало только по два, по три князя; теперь же, когда число их с каждым годом становилось больше и больше, споры возникали гораздо легче, за которыми следовали распри и междоусобие: князья начали волоститься, воевать между собой за владения, ценимые по мере доходов, и входить в союзы с этой целью, под тем или другим предлогом, по тому или другому праву. Ни княжеские съезды, которые придумал Владимир Мономах, представитель удельного периода с хорошей его стороны, ни убеждения духовенства, всегда ревностного к прекращению междоусобий, не могли воспрепятствовать развитию этого зла. Во всех княжествах происходили одни и те же явления: войны, впрочем, не слишком кровопролитные. Иногда они уменьшались, благодаря способностям того или другого великого князя; иногда увеличивались вследствие побочных обстоятельств. Война вообще была главным занятием князей.

Кроме междоусобий — они должны были беспрестанно стеречь Русскую землю от набегов литовцев и кочевых половцев, которые заместили на юге печенегов, и отражать их нападения. Иногда же они сами призывали их на помощь против своих соперников.

Дружина, которая разделялась на старшую и младшую, бояр и отроков или детских, жила одной жизнью с князьями. Дружиной всякий князь дорожил потому, что она составляла всю его силу, и без нее он был, как без рук: от дружины он получал первую помощь и первый совет. «С добрым думцею, говорит Даниил Заточник, князь высока стола додумается, а с лихим думцею и малого стола лишен будет». Дружина обходилась с князьями запанибрата, участвовала во всех их делах, и пировала с ними вместе. Она не водворялась нигде на постоянное жительство, а следовала постоянно за своим князем, от которого, разумеется, всегда могла ждать лучшего, чем от чужого, приходившего на его место со своими людьми. Если князю надеялся

где-то устроиться лучше, то и дружина его также, а положительное содержание, кормление, определялось везде, вероятно, одинаково, из предназначенных на то волостей.

Княжеский обычай столонаследия имел, следовательно, великое влияние и на отношения дружины к государственному устройству: как в первый, норманнский период Русской истории, не могло установиться у нас на особых правах высшее гражданское сословие, аристократия, потому что дружина была не постоянной, а сборной, иногда даже наемной, сбродной, часто переводилась и возобновлялась, и состоя при всяком князе из новых пришлых людей, всегда на особенных условиях, зависела от князя, — так и в удельный по преимуществу период, странствуя за князьями из города в город, без поземельной, наследственной собственности, а только с правом, или лучше, обычаем пользования, притом очень малочисленная и рассеянная по отдельным княжествам, она не могла составить сильного сословия и всегда находилась в полной зависимости от князей, как князья зависели от нее, — они были связаны между собой одинаковыми выгодами.

Переходя обыкновенно с князем, бояре имели право переходить от одного князя к другому, оставляя в том и другом случае частные свои владения, если у кого какие были. Они дорожили этим правом перехода, которое сочлось бы наказанием на Западе, где всякий прирастал к тому месту, к тому владению, которое досталось ему при первом дележе и поступало в его роде от поколения к поколению. Об оседлости у бояр не было мысли, как и у князей. Война была главным их занятием, вместе с князьями.

Иноплеменники часто встречаются в приближении у князей: из чуди, половцев, ясов.

Города, с военным своим населением, к которому присоединились и первоначальные их жители, принимали по временам участие в текущих делах, в избрании и удалении князей, в согласии или несогласии на ведение войны: «Новгородцы бо изначала и Смолняне, и Кыяне, и Полочане, и вся власти, якоже на думу, на веча сходятся; на что же старейшие думают, на том же пригороди станут». Князья при вступлении на стол всякий раз договаривались с людьми.

Народу сельскому в удельный период стало тяжелее против прежнего, потому что при уделах князь стал ближе лицом к нему, и он должен был нести лишние повинности. Полюдья, или княжие

объезды, как для суда и расправы, за которые получалась пошлина, так и для собирания дани, исправлялись чаще лично. Мономах велит, правда, детям «худого смерда не давать в обиду», но не все князья были так благодушны. Междоусобия отражались и на селах. Надо было содержать прохожие толпы и доставлять им все нужное. Походами вытаптывались поля, пожарами истреблялись жилища и запасы. Верхние волнения захватывали реку глубже и глубже. Но зато, если народ подвергался неизвестным ему прежде тревогам, если увеличивались его потребности, то, с другой стороны, больше возбуждался его ум, ощущалась необходимость в труде, увеличивалась его самодеятельность. Нужда учила народ есть пироги, и он становился смышленее, заботливее, подвижнее. Значительная торговля, продолжавшаяся с Грецией и немецким западом, содействовала его благосостоянию. Жизнь вообще была сносной, и песни распевались по-прежнему, за работой и по праздникам, на свадьбах, в хороводах и в посиделках, — песни, в которых слышится нужное чувство и развитие мирных добродетелей, любовь родительская, в особенности к дочерям, и вообще живо представляется величие русской семейной жизни. Древняя русская свадьба со своими знаменательными обрядами представляет целую поэму и свидетельствует о значительных успехах общежития.

Путешествия в Константинополь, на Афон, в Иерусалим, на Запад, одни с духовной, другие с торговой целью, служили средством для распространения познаний, вроде того, как у западных народов крестовые походы.

Духовенство сеяло благие семена и открывало пути для образования, появлялись такие деятели и учители, как митрополит Никифор, Кирилл Туровский, Авраамий Смоленский, Симон и Поликарп печерские, которые были достойными преемниками Иларионов, Антониев, Феодосиев, Варлаамов.

Постановления церковные, и в особенности обряды, соблюдались строго, и малейшее уклонение подавало повод к сомнениям и прениям. Вопрос, например, о разрешении мяса по средам и пятницам, во дни господских праздников, взволновал всю Русь, и князья принимали в нем живое участие, пока, наконец, уже в Константинополе он был решен.

Князья строили монастыри в искупление своих грехов, и перед кончиной часто принимали схиму.

Но вот число князей увеличивается все более и более: в первой

степени от Ярослава, в шестой от Рюрика, было их 11, во второй 15, в третьей — 39, в четвертой 49, в пятой 66. Доблести их не умалялись: та же храбрость, та же неустрашимость, та же деятельность, — и Роман волынский, Мстислав Удалой, Даниил галицкий, Игорь северский, Всеволод курский, Владимир Глебович переяславский, не уступают ни в чем своим отцам, как те первым витязям древности: Олегу, Святославу, Ростиславу Владимировичу, Васильку, Олегу Святославичу, Мономаху, Мстиславу, Изяславу Мстиславичу, Андрею Боголюбскому, Мстиславу Храброму. Избытка силы было у них поровну, бранный дух не ослабевал, они не хотели уступать друг другу и дрались, дрались до истощения сил.

Бывали князья умные и способные, которым, благодаря счастливому стечению обстоятельств, доставались под власть многие княжества и волости, но такое положение оставалось недолго. Порядок наследства и обычай дележа между детьми приводил все в старую колею. По смерти их даже при жизни, возобновлялись одни и те же явления: так, Всеволод (Ярославич) «бе един владея в Руси» (1074–1093), но племянники не давали ему покоя своими просьбами: кому нужна была та волость, кому другая, — и он должен был раздать им многие города.

Сильнее его был сын Мономах, владевший и заправлявший силами многих княжеств: Киевского, Переяславского, Владимирского, Курского, Смоленского, Суздальского, даже Новгородского (1113–1125), — они все распределились между его сыновьями и внуками.

Старший сын Мстислав (1125–1132) присоединил еще княжество Полоцкое, но раздробил наследство Мономаха, раздав из своей части уделы сыновьям, кроме уделов братьям, имевшим своих детей.

Всеволод Олегович (1139–1146) владел княжеством Черниговским, овладел Киевским и хотел покорить себе всю Русскую землю, но должен был вскоре отказаться от исполнения своих замыслов, найдя сильное сопротивление Мономаховичей.

Во всех княжествах, к концу этого периода, оказывалось совершенное расстройство: бывало по два князя в одном городе, иные владели лишь половиной города; бедные волости стали местопребываниями князей, за неимением лучших уделов, как, например, Вщиж. «Не могу я умирать с голоду в Выри», говорит один князь. «Что мне делать с семью городами, где живут одни псари», жалуется другой.

Киевское княжество, раздробленное и обрезанное, переходившее по десяти раз из рук в руки в продолжение короткого промежутка времени, подвергшееся двум страшным опустошениям, совершенно ослабело, и стеснилось в своих пределах чуть не до стен.

Черниговское княжество, от которого отделилось Новгород-Северское и Муромское, раздробившиеся в свою очередь на мелкие части, окончательно истощилось в последней борьбе с Киевом, с которым постоянно соперничало.

Переяславское, разделявшее по большей части судьбу Киевского, с которым часто бывало в соединении, подвергалось сверх того больше всех частым нападениям половцев.

В прочих княжествах западных: Полоцком, Туровском, Владимиро-Волынском, Смоленском, происходило то же: князья умножались, уделы дробились, соседние враги усиливались.

Средоточие тяжести с юго-запада переместилось в середине XII столетия на северо-восток; там возникло и скоро усилилось новое великое княжество, Суздальское, или Владимирское, которое отделилось от Переяславского еще при Мономахе, и зажило особой жизнью. Тамошние князья стеснили Новгород, подчинили князей муромских и рязанских, приобрели верх, на некоторое время, даже над дальним юго-западом. Они также распространили завоевания к востоку за счет болгар, мордвы, черемисы. Юрий Долгорукий, сыновья его, Андрей Боголюбский (1155–1175) и Всеволод Большое гнездо (1176–1212), один за другим, были сильнейшими князьями, и при жизни не давали у себя уделов никому.

Эти князья на севере, как прежние на юге, поднимались, следовательно, на высоту мысли о единовластии и сознавали ее пользу, хотя, может быть, и без государственных соображений, а в удовлетворение личного властолюбия или честолюбия, но на ней и останавливались, не имели силы, смелости или смысла, подниматься выше и обеспечить наследство, сохранение силы. Потому все их здания, воздвигнутые с великими усилиями, разрешались тотчас по их кончине.

Всеволод, сильнейший из них, еще при жизни своей увидел пагубные следствия векового обычая, когда старший сын его Константин «воздвигнул брови» на меньшого брата своего Георгия, которому отец назначал Ростов.

После его смерти междоусобия начались в Залесской стороне точно такие же, какие были и на юге. Сыновья Всеволода вновь

поссорились между собой и начали войну, которую закончил новгородский князь Мстислав Удалой, придя на помощь к старшему Константину, против младших братьев Георгия и Ярослава.

Всеволод оставил четырех сыновей. У каждого из них были дети, и к концу этого периода во Владимирском княжестве оказались уделы: Владимир и Суздаль, Ростов и Ярославль, Юрьев, Переяславль, Стародуб, Москва. Число князей возросло до десяти, они прибегали несколько раз к оружию.

Рязань представляла еще более печальное зрелище. После неудачной борьбы с Владимиром, она должна была подчиниться сильному соседу. Князья беспрестанно ссорились и просили суда во Владимире, а наконец один из них, вместе с братом, зазвав остальных братьев к себе на пир, изменнически перебил их в своем шатре с их боярами.

Два княжества представили особые явления в древней Русской истории: Новгород и Галич, которые жили более самостоятельной жизнью, особенно первое, и в которых при княжеской власти образовалось свое значительное боярство.

Новгород с самого начала находился в особых обстоятельствах: до Рюрика он уже был независимым, значительным обществом, с обширными владениями. Вероятно, уже тогда завелись там старшины, которые пользовались влиянием на общественные дела. После удаления из Новгорода преемника Рюрика, остались там, может быть, некоторые из его бояр, которые и укрепились на своих местах, утвердили за своими родами земли и положили основание городской аристократии, вместе с местными старожилами и богатевшими купцами. При Ярославе они исходатайствовали себе право, за услуги, выбирать князей из его рода. Право это уважалось до такой степени, что никто без их приглашения не являлся туда со своими притязаниями. Новгород опять стал особняком, сначала как будто майоратом, и, не делясь, как прочие княжества, на уделы, сохранил все свои владения в целости, даже увеличил их за счет соседних финских племен, не принимал почти никакого участия в русских междоусобиях, торговал беспрепятственно, богател и пользовался совершенной свободой на бурных своих вечах при решении домашних дел, — но несмотря на все эти благоприятные обстоятельства, не имел и не достиг никакой цели, не успел сделать ничего важного в государственном смысле, кроме славного отражения некоторых нападений со стороны владимирских князей,

кроме совершения некоторых личных подвигов. Внутренние распри у бояр с простым народом, у тех и других с князьями, заменяли место междоусобных войн на юге. Князей новгородцы беспрестанно выгоняли, и, не умея жить без них, призывали снова, как во время до Рюрика. Владимирские князья, усилясь в их соседстве, получили большое влияние на Новгород, тем более, что имели возможность морить его голодом. Между новгородцами образовались их сторонники, от которых прибавлялось смуты; свободный Новгород потянуло в общий водоворот к участию в судьбах всей остальной Руси.

В Галиче усилились бояре, потому что долго оставались на своих местах при единодержавных князьях, следовавших один за другим поодиночке законным порядком, или после кратких междоусобий — так было при Владимире и Василие, при Володимерке и сыне его Ярославе Осмомысле. Может быть, имело здесь влияние и польское происхождение некоторых граждан, остававшихся еще от времен Олега и Игоря. Но при беспутном наследнике Ярослава и после него, появились иностранные притязатели, ляхи и угры, — и Галич стал яблоком раздора между ними и русскими соседними князьями. Начались войны, в которых бояре принимали большое участие, склоняясь то на ту сторону, то на другую, и призывая русских князей. Сыновья известного северского князя Игоря Святославича были призваны туда, и, выведенные из терпения кознями бояр, решились на вероломное злодеяние: до пятисот человек было ими убито. Смятения не прекращались, и Игоревичи, в свою очередь, при перемене обстоятельств были повешены боярами. Тогда поляки, поссорясь с уграми из-за добычи, призвали новгородского князя Мстислава Мстиславича решить распрю.

Вот в каком положении находились дела во всех княжествах!

Присоедините к междоусобиям, половецким и литовским набегам, беспрерывные переходы с места на место князей, бояр, воинов, и отчасти самых поселян, — и нигде никакого установленного твердо порядка, которого тщетно, видимо, искали словене за морем: полная, совершенная свобода, подвижность, изменяемость, господствовала во всех учреждениях — в преемстве князей, и их отношении к людям, между собой, в собрании веч, в избрании духовных сановников; какая-то недоверчивость или отвращение от всякого положительного определения, привычка, ставшая второй природой, решать все дела, вне правил, смотря по

обстоятельствам и требованиям времени, как в ту или другую минуту представлялось нужным, полезным и целесообразным.

Сколько источников и поводов для замешательств всякого рода!

А нравственный, духовный уровень в передовых деятелях стоял, между тем, высоко, поднимался беспрестанно, — и во всех областях, во всех слоях общества, являлись люди глубоко просвещенные о едином, «еже есть на потребу», — исключительный предмет древней русской любознательности и просвещения, — но голоса их были голосами вопиющих в пустыне.

Народ принимал все бедствия, как естественные, так и гражданские, справедливым наказанием за грехи и приносил покаяние устами своих летописцев, — но помочь злу он был не в силах и не в понятиях.

Что же грозило государству, до такой степени распущенному, далее, — при естественном увеличении числа князей!

Мелкопоместность, черезполосность, разнобоярщина, однодворчество!

Враждебные соседи, некогда усмиренные и покорные, теперь ободрились, и, пользуясь общим расстройством, уже начали угрожать всем окраинам. Одним словом, государственное положение было отчаянное.

К утешению должно сказать только то, что при всех междоусобиях, при всех неурядицах, при всех дроблениях, единство Русской земли чувствовалось и сознавалось у всех, — и у князей, и у бояр, и у духовенства, и у летописцев.

Вера, язык и единокровие служили к укреплению этого чувства и понятия.

И святые отшельники, по пещерам, на столпах, среди пустынь, в монастырях, молились с горькими слезами о спасении отечества… Бог услышит их молитву: государство спасется, но пройдя через огнекровавое испытание, к описанию которого мы теперь и приступаем.

ПЕРВОЕ ТАТАРСКОЕ НАШЕСТВИЕ

Мы видели, что главным действующим лицом, в первой четверти XII столетия, стал Мстислав Мстиславич Удалой, из рода смоленских князей, который призван был из Новгорода в Галич, где, после смерти знаменитого Романа волынского, сосредоточились действия

всего юга.

Туда, в 1223 году, явился неожиданно из своих кочевьев, в нынешних Новороссийских степях, тесть Мстислава, старший половецкий хан Котян, в сопровождении своих подручников, — все трепещущие от страха. Никогда не видали половцев в таком смятенном, странном состоянии. И признаков нет прежней дерзости, назойливости, прежнего высокомерия! Тихие, смиренные и униженные, с поклонами и дарами, приходят они к Мстиславу и просят: «Помогите нам, напали на нас сильные враги и разорили нашу землю. Если вы теперь нам не поможете, они придут и к вам и сделают с вами то же. Помогите нам!»

«Что случилось с вами? Кто погубил вас? Какие враги?» спрашивает князь и его бояре испуганных беглецов, и не могут получить никакого удовлетворительного ответа. Половцы сами толком ничего не знали, показывали различно, умели описать только свое поражение: «враги их пришли со стороны Каспийского моря, числом их было очень много, храбрость и силу явили они великую, злобы еще больше; лицом они смуглые, глаза у них узкие врозь, губы толстые, плечи широкие, скулы выпуклые, волосы черные. Сначала по предгорию Кавказскому победили они ясов, обезов, касогов. Половцы стали было им в отпор с самым сильным своим князем Юрьем Кончаковичем, и не могли устоять. Многие были побиты, другие загнаны в луку моря, за Дон, за Днепр. Остальные перебрались через вал Половецкий, в Русскую землю…»

Вот все, что можно было понять и разобрать из их слов; впрочем, в их голосе, на их лицах, во всем их расстроенном виде, заключалось самое ясное и убедительное доказательство о справедливости жалоб, об опасности положения, о силе врагов.

«Но, по крайней мере, как их зовут?» спрашивают русские, удивляясь, в свою очередь, смутным рассказам.

«Зовут их татарами» — и вот в первый раз услышалось на Руси зловещее, роковое имя!

Мстислав решил созвать русских князей в Киев на совет, для рассуждения об этих новых происшествиях, касающихся всей Русской земли. Понеслись гонцы с повестками во все стороны.

Оповещенные князья собрались — Мстислав Романович киевский, с сыном Всеволодом и зятем, Мстислав Святославич черниговский с сыном, Михаил Всеволодович черниговский (будущий мученик), молодой Даниил Романович волынский,

Мстислав Немой волынский, Олег курский, и многие другие.

Туда прибыли и знатнейшие половцы. Они обходили князей, от одного к другому, кланялись, просили, дарили — коней, верблюдов, буйволов, девок-невольниц. Один из них, Бастей, даже принял христианскую веру. Они употребляли все средства, чтобы привлечь русских к их защите. Котан действовал в особенности на зятя своего Мстислава галицкого, и мудрено ли было воспламенить этого неустрашимого витязя, в котором с годами не угас бранный дух. Его уже и самого волновало любопытство, что это за новые воины, пред которыми все так преклонялось; его самого уже брало нетерпение помериться с ними силой, которой также до сих пор никто не мог противиться — и чудь, и угры, и ляхи, и половцы. А теперь его умоляют о помощи, от него ожидают спасения! Земле Русской предстоят опасности! Надо же предупредить их!

Князья долго думали и толковали между собой. Мстислав убедил их на общем совете таким соображением: «Если мы теперь не поможем половцам, то они передадутся татарам и нападут вместе с ними на Русскую землю. Тогда силы будет у них еще больше». Определено было помочь половцам, а так как борьба с врагами лучше в чужой земле, чем в своей, то и решились князья идти им навстречу.

Половцы, едва дождавшись этого решения, возрадовались. Перед ними блеснула надежда отомстить за свое поражение. Князья немедля разъехались по своим волостям готовить полки, и по всей Русской земле, свидетельствует ливонский летописец, пронеслось решение — биться с татарами. К великому князю суздальскому послано было известие с просьбой скорее приходить на помощь.

К весне снарядились князья. Сборным местом был назначен на Днепре, близ Заруба, остров Варяжский, свидетельствовавший своим именем об удалых набегах первых норманнских витязей. С апреля месяца потянулись туда со всех сторон полки, кто в ладьях, кто на конях, кто пеший. Там собрались киевляне и черниговцы, галичане и волыняне, смольняне и переяславцы, весь Днепр покрылся ладьями, из-под которых не видать было и воды: «Мы переходили реку по ладьям, как по суху», говорит очевидец. А жители Курска, Трубчевска и Путивля пришли конными, все со своими князьями. Слышался уже из Залесской стороны и Василько Константинович, племянник великого князя Юрия, шедший с вспомогательной дружиной ростовской и суздальской. Выгонцы галицкие, в тысяче ладей, приплыли Днестром в море, поднялись в Днепре до порогов и

стали у реки Хортицы, на Протолчьем броду, под начальством Юрия Домамирича и Держикрая Володиславича.

Половцев прибывало ежедневно. Услышав о походе, они как будто из земли вырастали и стекались со всех сторон, ободренные, испытать еще раз счастья. Все отправились в путь.

Лето в тот год было жаркое. Дождей не перепадало ни капли. Солнце палило жестоко. От необыкновенной засухи земля трескалась, леса и болота загорались. Воздух наполнился дымом и смрадом, и мгла прилегала к земле. Вблизи не видать было ничего. Птицы не могли летать. По ночам являлась необыкновенная звезда на западе, пуская лучи не в лицо человеку, а сбоку, как бы к полудню. Она выходила с вечера, после солнечного заката, и сияла ярче других звезд семь дней, а потом на четыре дня оборотила она лучи к востоку и пропала.

Между тем, татары, разбившие половцев, медленно двигались вверх по их земле. Услышав о приближении многочисленного русского ополчения, вдали от главной своей силы, они, кажется, усомнились и выслали послов к князьям. «Слышим, что вы поднялись против нас, поверив половцам, но мы не на вас пришли, — мы вашей земля не занимали, ни сел ваших, ни городов ваших; мы пришли на холопей своих, на конюхов, половцев: возьмите с нами мир. Прибегут они к вам, бейте их, а имение их берите себе. Мы знаем, что и вам они причинили много зла». Так говорили послы.

А половцы шептали русским князьям другое, побуждая к битве и стараясь всеми силами, чтобы они не соглашались мириться, — и русские князья велели перебить послов, пошли не останавливаясь далее, вниз по Днепру, — судьба их как будто влекла, — и достигли Олешья (против нынешнего Херсона).

Татары прислали других послов: «Видим, что вы слушаетесь половцев, вы убили наших послов, идете против нас — идите, а мы опять говорим, что вас не трогаем».

Вторых послов князья отпустили.

Они шли все далее. Вдруг в стане послышалось, что сторожа завидели впереди татар, которые пришли высматривать русских. Молодой князь Даниил Романович волынский вскочил на коня и понесся вперед — взглянуть, что это за люди. Несколько других молодых князей погнали вслед за ним, увлеченные тем же любопытством «к невиданной рати».

Соглядатаи, впрочем, многочисленные, завидев их приближение,

с поспешностью скрылись.

Впечатление произвели они различное. Одни говорили, что это «простые люди», другие возражали: «Нет, это ратники, добрые вои». Юрий Домамирич твердил, что они стрельцы получше половцев, но молодые князья переспорили всех, и пристали к старшим: «Княже Мстиславе и другий Мстиславе, не стойте! пойдем противу им! Мы их побьем». Мстиславу самому хотелось скорее к делу — столько же пылкий, он послушался молодежи и переправился через Днепр с тысячью человек. Это было во вторник. Бесстрашный, пошел он вперед, по полю Половецкому, встретил сторожей татарских, напал, и разбить их стоило ему одного удара. Его воины угнали множество рогатого скота, который татары водили за собой, так что стало его на всю нашу рать, — и пустились в погоню «секуще». Татары, в бегстве, желая спасти начальника своего Гемябека, засыпали его живого землей, «в кургане Половецком», но русские нашли его. Половцы выпросили пленника себе у Мстислава, и, пылая местью, убили. Первый успех ободрил рать.

Все князья переправились через Днепр и поспешили вслед за Мстиславом, который, в жару от первой удачи, шел вперед не останавливаясь и горел желанием сразиться с главной ратью. Девять дней шли они, и достигли реки Калки[38] — роковая черта: за ней стояла вся сила татарская.

Мстислав, у которого никто не мог оспаривать военачальства, велел Даниилу волынскому с полком своим и некоторыми другими перейти реку, потом перешел сам, послал своего верного слугу, храброго Яруна, с половцами, в сторожах, расположился станом, но не утерпел и поскакал вслед за Яруном. Окинув издали взглядом полки татарские, — Бог знает, как они ему представились, и что за затмение в очах его приключилось, — он повернул коня, и, прискакав к своим, велел немедленно готовиться к бою.

А Мстислав киевский и Мстислав черниговский стояли поодаль в своих станах, ничего не зная о том, что битва скоро начнется. Ослепленный витязь, в распре с ними, — старый славянский порок, — не дал им никакой вести, уверенный в победе и желая всю ее славу присвоить одному себе.

Даниил ехал впереди, «бе бо дерз и храбр, от главы и до ног не бе в нем порока». С боярами своими, Васильком Гавриловичем и

---

[38] Ныне Калец, Мариупольского уезда, Херсонской губернии.

Симеоном Олюевичем, — помянем здесь храбрых, — они первые начали битву. Боярин Василько «сбоден был на первом сступе». Даниил получил удар в грудь, но молодой и сильный, «буести ради», говорит очевидец, не почувствовал раны и не видел, как из нее лилась кровь. Мстислав Немой, увидев его раненого и бьющегося, поспешил к нему на помощь, — он дружен был с его отцом и любил его как сына. Нечего говорить о Мстислав Удалом. Олег курский крепко бился рядом с ним. Татары бежали от мужественных витязей. Казалось — дело пошло счастливо. Ярун с половцами начал тогда биться также на своей стороне, но половцы, — они погубили нашу рать! С робостью ли приступили они к делу, или страх напал на их сердце внезапно, или увидели они невозможность и бесполезность спора, — но только после первой стычки на своем крыле они дрогнули, замешались. Татары наперли крепче с криком и воплем — передние попятили задних, задние крайних, — еще напор, еще удар, — и половцы побежали, побежали всеми своими толпами, прямо на станы наших князей, которые, не зная ничего, еще не успели выстроить все полки. Половцы совершенно смяли их. Никто не понимал, что происходит; никто не знал, что ему предпринять. Крики отчаяния варваров, лишавшихся последней надежды, заглушали все. Они разбежались во все стороны, пешие, конные, с телегами, и произвели общее замешательство. Татары навалились на остальные, еще державшиеся полки, всеми силами; началась сеча злая и лютая, но дух падал, сомнение овладевало, а врагов становилось больше и больше, они стреляли неудержно и пронзали противников. Князья увидели, что стоять им больше нельзя. Храброму Даниилу не стало мочи. Огонь снедал его внутренность. Жажда мучила его, — он повернул коня к реке и припал напиться воды; только тогда он почувствовал свои раны, оглянулся, увидел, что все бежит во все стороны, и побежал с прочими. Бежал и Мстислав галицкий, бежал в первый раз от роду, разумеется, истощив все силы в битве, бежал, вероятно, с горьким чувством своей вины. Татары погнались за ними до Днепра и убили шесть князей: Святослава яневского, Изяслава Ингваревича луцкого, Святослава шумского, Мстислава черниговского, Юрия несвижского. Из бояр Иван Дмитриевич пал еще в первой схватке с двумя своими товарищами. Иные летописи называют Александра Поповича с его слугою Торопом, и Добрынею Рязаничем, златым поясом. До семидесяти витязей русских погибло, и киевлян одних пало до десяти

тысяч, из всех воинов спасся едва десятый. Эта злоба и победа над князьями русскими, какой никогда не бывало, от начала Русской земли, говорят летописи, «убийство безчисленное сотворися» 31 мая, в пятницу, на память Св. мученика Ермия. Среди общего бегства и половцы убили многих из наших, иного из-за коня, иного из-за одежды. Мстислав, прибежав к Днепру, переправился и велел уничтожить ладьи, — зажечь и изрубить, — чтобы татарам нельзя было гнаться.

Но не все воины, не все князья русские, бежали. Остался один, Мстислав старый, великий князь киевский. Не уведомленный о сражении, он стоял со своим полком на каменной горе над рекой Калкой. Увидев с высоты бегство русских князей, Мстислав не двинулся с места со своим зятем Андреем, и Александром, князем дубровицким; он решил, кажется, принять добровольную смерть за отечество и сохранить честь русского имени, — старший из князей русских. Укрепив свой стан, он три дня с горы бился с татарами, которые напрасно вступали с ним в переговоры, обещая отпустить его за выкуп. Наконец, воевода бродников, племени, нам подданного, поклялся за них в исполнении слова. Князь поверил, и был предан изменником, связанный, с зятем, татарам. Они взяли укрепление и перебили людей. Князей положили под доски, а сами сели сверху обедать, со смехом слушая, дикие варвары, как под досками хрустели их кости, — и «тако ту скончаша князи живот свой».

Татары, остервенелые, шли вперед, предавая все огню и мечу. Некоторые жители по дороге выходили к ним навстречу с крестами: пощады не было никому. Дойдя до Новгорода Святополческого, на Днепре, близ Витичева, верстах в ста от Киева, грозные враги вдруг повернули назад и скрылись столь же быстро, как и появились. Никого не осталось, и ничего не стало слышно. Все утихло и успокоилось.

Народ образумился. Как будто свирепый вихрь пронесся по пространству, ломая и разрушая все встречное, помрачая зрение. Он пронесся, — и опять воссияло солнце, открылось небо, ожила природа.

Что это за люди? Откуда они? Куда ушли? Какой язык у них? Какая вера? Какого они рода? — спрашивали себя русские люди в недоумении, опомнившись после первого переполоха, и не видя перед собой никого более. Все спрашивали друг друга, но ответов никто не знал. Одни толковали, что это прежние печенеги, которые

нападали при святом Владимире, другие называли их таурменами, безбожными моавитянами. Книжники рассуждали, что это должны быть те люди, которых загнал Гедеон, что они, верно, пришли из пустыни между востоком и севером, что о них предсказывал и святой Мефодий Патарский: «придти им к скончанию века, и попленить всю землю от востока до Евфрата, и от Тигра до Понтского моря, кроме Ефиопии». «Нет, заключали православные, выслушав ученые речи, Бог один знает, что это за люди, а насылал Он их на нас за грехи наши; обратил же вспять, ожидая нашего покаяния».

ПРОДОЛЖЕНИЕ МЕЖДОУСОБИЙ

Что же произошло на Руси после этого неожиданного нашествия, упавшего как снег на ее голову, — после такого ужасного поражения почти всех ее сил? Какое впечатление осталось в наших князьях по удалении дикой восточной орды? Собирались ли они где-нибудь толковать о мерах на случай ее возвращения? Подумали ли они о своем настоящем положении? Переменили ли образ своих действий в отношениях друг к другу, в виду угрожающей опасности?

Увы! Ничего не изменилось в их взаимных отношениях; ни рассуждений, ни мер, ни совещаний никаких нигде не было. Все пошло по-прежнему, как будто не случилось ничего особенного, как будто никакой опасности извне не грозило им ниоткуда, и все происшедшее они видели только во сне. Они тотчас принялись за прерванные распри, поднимая опущенные в них петли, и междоусобия на всех концах возобновились с прежней горячностью, — в Галиче и на Волыни, в Киеве и Курске, Новгороде и Владимире, Смоленске и Чернигове.

В первый же год в Галиче загорелась война между двумя лучшими князьями того времени, близкими родственниками — Мстиславом, который призвал к себе на помощь половцев, и зятем его Даниилом, который имел на своей стороне ляхов.

Тогда же, на другой стороне, война началась между Олегом курским и Михаилом черниговским, в которой приняли участие и суздальские князья.

За этими войнами поднялся на Волыни спор за Луцк, Пересопницу и Черторижск у Даниила галицкого, которому эти города были завещаны Мстиславом Немым, с соседними князьями — Ярославом Ингваревичем, и племянником покойного, Ростиславом

пинским.

Галич, среди боярских смут, с вооруженным участием угров, ляхов, половцев и соседних русских князей, переходил несколько раз из рук в руки Даниила и королевича Андрея, потом достался Михаилу черниговскому и сыну его Ростиславу, и, наконец, опять к Даниилу.

В Киеве один за другим сменялись князья, также с боем: Владимир Рюрикович, Изяслав Владимирович, Ярослав Всеволодович, Михаил черниговский и его сын Ростислав.

Чернигов со своими волостями подвергался нападениям Олега курского, Даниила галицкого, Ярослава переяславского и его племянников, князей ростовского и ярославского.

В Новгороде, кроме походов на литву, на чудь, на емь, внутренние смятения не прерывались, и по нескольку раз призываемы были то Михаил черниговский, то Ярослав Всеволодович переяславский, из которых каждый имел своих сторонников между боярами. С этими переменами соединялись и военные действия: были взяты Торжок, Волок Ламский, под угрозой находился Новгород.

Псков воевал с литвой, ссорился с Новгородом и начал сговариваться против него с немцами.

В Смоленске было кровопролитие после смерти Мстислава Давыдовича, вследствие сопротивления граждан, которые не хотели принять к себе на стол его двоюродного брата Святослава Мстиславича.

Владимирские князья, кроме походов на мордву, воевали с Черниговом и Новгородом и начинали враждовать между собой.

Вот краткий очерк междоусобий, происходивших в продолжение пятнадцати лет, следовавших за первым нашествием.

Мы опишем теперь подробнее галицкие происшествия, на юге, и новгородские, на севере, как самые важные, к которым, более или менее, примыкали все прочие.

Главным действующим лицом в Галиче оставался Мстислав Мстиславич Удалой. Но он недолго пережил Калкское поражение: на третий год он скончался, — проведя свое последнее время среди измен, в беспрестанных тревогах, недоумении и горестях.

Даниила, своего зятя, он любил от души, — и кто же был достойнее любви его! Это говорил Мстислав на своем смертном одре, как засвидетельствовал и при первом появлении своем в Галиче,

отдав за него свою старшую дочь и приняв вместе столько трудов для изгнания иноплеменников. Александр бельзский, ненавидя Даниила, равно как и брата его Василька за «злую ночь», старался всеми силами вредить им. «Зять твой хочет убить тебя, зять твой поваживает на тебя ляхов», — твердил он беспрестанно в уши Мстиславу, представлял доказательства, — и столько же легковерный, как и добродушный, Мстислав поверил было клеветнику и вышел с ратью на Лысую гору для соединения с Александром, — а Даниил призвал ляхов. Началась брань, мужественные Романовичи брали верх, Мстислав вынужден был отступить и вернулся в Галич; на другой год призвал он тестя Котяна с половцами, уцелевшего при Калке, своего верного Владимира Рюриковича, занимавшего киевский стол — как будто собираясь на ляхов, все по совету Александра. Но ему была противна вражда с Даниилом, и он вздумал вдруг решить дело иначе, не прибегая к оружию, не обнажая меча — очной ставкой, на общем сейме соседних князей. Александр, не смея идти на сейм, прислал своего боярина Яна. Мстислав объявил всем князьям, призванным на сейм, о причинах, побуждающих его к войне, и, оборотясь к послу Александрову повторил: «Твоя речь, Яню, что Даниил возводит второе на меня Ляхов». Доказательств не привелось, и клевета Александрова, ложь Янева, обнаружились. Тогда все князья решили, что волость Александра должна быть отдана Даниилу. Но добродушный витязь простил виновного, оставив его спокойно владеть своей волостью, и все князья похвалили его за бескорыстие и братолюбие. Даниил, невинно оболганный, был принят Мстиславом с еще большей любовью, чем прежде. Мстислав почтил его, равно как и дочь свою Анну, дарами великими, и дал ему своего борзого коня актаза, какого тогда нигде не бывало.

В Перемиле князья утвердили мир между собою.

Это происходило в 1125 году, а в 1126 году он испытал новое огорчение. Жирослав, один из мятежных галицких бояр, выдумал на него басню, будто он хочет уйти в поле и предать всех бояр тестю своему Котяну на погибель; те поверили и бежали в Угорские горы; оттуда прислали они послов к князю спросить о речах Жирослава, а у него и в уме ничего подобного не было. Он поручил духовнику своему Тимофею заверить бояр, что Жирослав оклеветал его перед ними. Тимофей поклялся, и привел всех удалившихся. Мстислав обличил клеветника и изгнал из Галича. Бояре остались, однако же,

не расположенными, как прежде, и старались избавиться от князя. Он был со всех сторон окружен изменниками и предателями; был один чистый человек, который любил его от сердца, и которого он любил от сердца, по сходству их нравов и расположений, — и от того старый князь был беспрестанно отвлекаем.

Венгерский король Андрей, получив, еще до слуха о татарах, для сына своего Перемышль, вздумал воспользоваться благоприятными для себя обстоятельствами, и, вероятно, подстрекаемый боярами, появился в Галицкой волости, занял Перемышль (откуда сын его перед тем ушел), Звенигород и, наконец, послал рать под Галич. Сам он не пошел туда, боясь смерти, предсказанной ему волхвами, «узревши Галич». Днестр, между тем, разлился, и нельзя было переправиться. Мстислав вышел из города сам против угров, расположенных впереди, но они посмотрели на нас, говорит летописец, и ушли в свои станы к королю. Король обратился к Теребовлю и взял его, потом взял Тихомль, потом пришел под Кременец, под которым убито и ранено было много угров.

Мстислав послал к Даниилу боярина Судислава сказать: «Не отступай от меня». Даниил отвечал: «Имею правду в сердце моем».

Князь галицкий, убедившись в его преданности, решил идти вперед на короля, который стоял тогда в Звенигороде. Угры вышли навстречу из королевского стана; произошло сражение, и они были разбиты, Мстислав победил, — последняя его победа, — и преследовал беглецов до стана. Сам королевский воевода Мартыниш был убит. Андрей устрашился и поспешил скорее уйти. Даниил и Василько, которые мешали Лешку подать ему помощь, загораживая ему дорогу на Буге, присоединились теперь к Мстиславу и убеждали его преследовать венгерского короля, потому что Андрей вовсе изнемог, а хитрый Судислав, вкравшийся в доверенность к Мстиславу, старался отговорить, не желая гибели королю и возлагая на него свои надежды.

Мстислав поддался на обман, и Андрей благополучно выбрался восвояси.

Этого было Судиславу мало. Он начал приставать к своему князю, чтобы тот, во избежание новых распрей, отдал по прежнему договору Галич Андрееву сыну с дочерью, с ним уже обрученной: «Галича не можешь ты держать сам, потому что бояре не хотят тебя». Мстислав, напротив, склонялся отдать Галич Даниилу, а бояре его Судислав и Глеб Еремеевич толковали: «Если ты отдашь королевичу,

то можешь взять у него назад, когда захочешь, а если отдашь Даниилу, то уже не видать его тебе никогда, потому что галичане желают Даниила».

Начались переговоры, и Мстислав предоставил (1127) Галич королевичу Андрею, а себе взял Понизье, или нынешнюю Подолию, и отошел в Торческ. Королевич Андрей с Судиславом водворились в Галиче.

Около этого времени Мстислав Немой, который оказал помощь в Калкском побоище храброму Даниилу, умирая, передал ему на руки сына Ивана и завещал ему свою волость, но после смерти Ивана Луцком завладел Ярослав Ингваревич, а Черторижском пиняне.

Даниил вскоре добыл Луцк, а о Черторижске послал заслуженного своего тысяцкого, боярина Демьяна, жаловаться тестю: «Не подобает Пинянам держать Черторижска». Мстислав, неизвестно по каким обстоятельствам, видел уже тогда свою ошибку, чувствовал раскаяние и собирался исправить испорченное. Много толковав с Демьяном, добрый князь заключил свою речь к Даниилу следующими словами: «Сыну! Я согрешил, не отдав тебе Галича, но дав иноплеменнику. Обольстил меня льстец Судислав! Но, Бог даст, мы пойдем на них опять, ты со своими полками, а я призову половцев. Если Бог нам поможет, ты возьмешь себе Галич, а я останусь в Понизье. Что же касается до Черторижска, то ты прав». Даниил, получив согласие тестя, пошел на виноватый город и взял его.

Между тем, Мстислав, хоть еще не в глубокой старости, разнемогся. Почувствовав приближение смерти, он пожелал видеть Даниила, «жадящу ему видети сына своего Даниила, бе бо имея до него любовь велику в сердце своем». Ему думал он препоручить детей своих и дом свой, — но злонамеренные бояре, особенно Глеб Еремеевич, из зависти не допускали его, — и славный князь галицкий умер один, в Торческе, закончив свою жизнь, исполненную таких тяжелых трудов, таких блистательных подвигов, такой почти постоянной удачи, — самой печальной, безвестной кончиной, оставляя все семейство на произвол судьбы. Счастлив еще: он умер не под игом, — счастлив еще: он умер не рабом, — без мысли, что придут опять татары, — и останутся!

Кончина Мстислава имела следствием новые смятения. Соседние князья сдерживались его силой, решительностью и храбростью, и еще более уважением, которое питали к нему все, получив от него или

важные услуги, или сильные уроки. Без него они почувствовали себя как бы на воле и принялись за преследование своих личных целей. Поводов и предлогов было много. Успехи Даниила, который занял между тем Понизье, возбуждали их зависть и вместе опасения, чтобы он не пошел по следам своего отца, славного Романа волынского, слишком для всех памятного. Первый выступил против Даниила, великий князь киевский Владимир Рюрикович, вспомнив, что отец его был не только согнан со стола киевского его отцом, но и пострижен в монахи. «Бе бо ему боязнь велика в сердце его». Ростислав пинский, из рода старшего Ярославова сына, Изяслава, «не престаяше клевеща», потому что дети его томились в плену у Даниила. Образовался союз из князей: киевского, черниговского, новгород-северского, пинского, туровского; подговорены угры с королевичем и Судиславом, призваны половцы, и соединенная рать обложила Каменец. Даниил притворился желающим сотворить мир, «переводя ими», то есть князьями, а между тем старался отвлечь от них Котяна, послав просить его: «Отче, измяти войну сию, приими мя в любовь собе». Котян уступил его убеждениям, обошел ратью Галицкую землю и удалился в свои земли. Союзники не могли сделать ничего и отступили от Каменца, а Даниил с Пакославом, воеводой ляхов, «и Олександро с нима», двинулся на Киев. К нему вышли послы от князей киевского и черниговского просить мира, который и был им дан.

Покончив так благополучно дела с домашними противниками, Даниил должен был принять участие в польских междоусобиях: Лешко, князь краковский, был убит на сейме. У преемника его Конрада, князя мазовецкого, друга Романовичей, завязались споры, и он просил их помощи. Оставив в Берестье Владимира пинского стеречь землю от ятвягов, Даниил пошел вместе с братом Васильком к Конраду. Все вместе они опустошили волости противников Конрада, и, обогатившись всякой добычей, осадили Калиш (1229). Решено было взять город приступом. Погода не благоприятствовала — лил сильный дождь, «Кондрату же, любящу Русский бой, и понужающу Ляхы свое», они не хотели идти на город. Наутро Даниил и Василько пошли на штурм одни; по болотистой почве, наполнившейся водой от дождя, трудно было двигаться; жители бросали камни со стен, — и храбрые русские витязи, запалив подъемный мост, должны были вернуться в свой лагерь. Там один из польских военачальников, посланный в обход, заявил: «Кде мы

стояли, ту несть воды, ни гребли высокой». Даниил, сев на коня, тотчас отправился осмотреть место, и удостоверился в справедливости показания. Вернувшись, он сказал Конраду: «Если б мы знали про то место, город был бы взят». Конрад просил его возобновить приступ, и он на другой день, послал людей, «теребить» леса с указанной стороны. Жители увидели неизбежную опасность и просили прислать к ним под стены для переговоров Пакослава и Мстивоя. Конрад, не имея доверия к последнему, просил Даниила идти с ними. Даниил отправился переодетый. Жители говорили со стен боярам: «Скажите Конраду, за что он утесняет нас? Разве мы не его люди, не братья ваши? Какая слава будет для Конрада, если Русь заберет нас в полон к себе? Когда Русское знамя разовьется на наших стенах, кому достанется честь? Разве не Романовичам, а Конраду унижение? Мы служим ныне твоему брату, а завтра будем служить тебе: не давай славы Руси и не бери города». Пакослав отвечал: «Конрад рад бы оказать вам милость, но Даниил лют зело есть, не хочет отойти прочь, не прием града. Вот он здесь, заключил Пакослав рассмеявшись, говорите с ним». Даниил толкнул его оскепищем, и, также засмеявшись, снял с себя шлем. Граждане закричали: «Имей службу нашу, молимся, сотвори мир». Начавшиеся переговоры продолжались долго. Даниил взял у них двух талей и вернулся с известиями к Конраду, который и заключил мир. Русь и ляхи поклялись между прочим не воевать, в случае усобицы, ляхам русской челяди (т. е. не брать людей в плен), а руси — лядской. Даниил и Василько, подав важную помощь Конраду, возвратились с великой славой в свои княжества: ни один русский князь, по замечанию летописца, кроме Владимира Святого, не заходил так глубоко в Ляшскую землю, как они.

После возвращения Даниила галичане прислали звать его к себе: «Судислав ушел в Понизье, и королевич остался один — иди скорее». Даниил отрядил тысяцкого Демьяна против Судислава, а сам, с малой дружиной, отправился в Галич и подступил к городу, который затворился. Даниил занял под городом двор Судислава, где найдено было множество всякого корма, вина и овощей, а потом перешел на другую сторону Днестра. Судислав, между тем, не устоявший перед Демьяном, прибежал в город. Галичане и угры выехали на лед и стреляли по воинам Данииловым, а к вечеру, когда лед вдруг тронулся, и река наводнилась, зажгли мост по совету лихого Семьюнка, «подобнаго лисице чермности ради», и вернулись в город.

Зато к Даниилу, к великой его радости, тогда примкнул Демьян со многими галицкими боярами, вернувшись из похода на Судислава. Забота была теперь только о том, как перейти Днестр; Даниил поскакал к мосту и к своему удовольствию увидел, что огонь погас. Наутро подоспел к нему Владимир Ингваревич, и они перешли на другой берег реки, окружили город со всех сторон. Осажденные изнемогли и сдались. Даниил отпустил королевича, поминая любовь отца его, и проводил его до Днестра. С ним отправился и наставник его Судислав. Граждане бросали в него камнями, восклицая: «Изыди из града, мятежниче земли».

Но Судислав не успокоился, и, прибыв в Венгрию вместе с королевичем, начал приставать к Андрею и его детям: «Идите на Галич и занимайте Русскую землю: если не пойдете теперь, то после вам не сладить будет с нею». Король послушался и дал старшему своему сыну Беле сильное войско с присоединением Бегобарсовых половцев. С великими затруднениями, по причине дождей, перешли они Карпатские горы, и, уже изнеможденные, осадили Галич, где начальствовал верный Демьян. Даниил привел ляхов и половцев Котяновых, осаждающие не могли сделать ничего и вынуждены были думать о своем спасении. Они выбрали другую дорогу к Пруту за горы. Множество их погибло — одни убиты, другие взяты в плен, многие утонули, и «Днестр сыграл Уграм злую игру».

Опасность со стороны угров миновала, но Даниилу было еще далеко до покоя. Александр бельзский продолжал «строить ковы втайне», и под его руководством неугомонные бояре составили заговор (1230).

Они уже сговорились зажечь дворец, как Василько нечаянно вышел оттуда и обнажил, шутя, свой меч на слугу короля, который зачем-то оставался в Галиче и принадлежал, видно, к числу заговорщиков — они испугались, подумав, что умысел их открыт, и разбежались.

У князей же еще не было никакого подозрения: Василько поехал по своему делу во Владимир, а Даниила пригласил к себе на пир в Вишню боярин Филипп. Уже на дороге нагнал князя посол от тысяцкого Демьяна: «Берегися, пир зол уготован, тебя убить хотят». Даниил вернулся, велел Василько идти на Александра, а Ивана Михайловича послал за Молибоговичами, участвовавшими в заговоре, как было узнано. Василько взял Бельз, откуда Александр бежал в Перемышль к своим приятелям. Из заговорщиков было

схвачено 26 человек, которые получили прощение, но неуличенных оставалось еще много, и дерзость их доходила до того, что один на пиру облил лицо Даниила из чаши, — и то он должен был перенести.

Надо было идти на Перемышль, где гнездилась измена. У Даниила были только 18 отроков с тысяцким Демьяном. Он созвал вече (1231) и спросил людей: «Хотите ли быть мне верными, и пойдете ли со мною на врагов моих?» Все отвечали в один голос: «Мы верны Богу и тебе, господину нашему». Сотский Микула прибавил: «Господине, не погнетши пчел, меду не есть». Даниил выступил, по пути примкнул к нему Мирослав. Подошли якобы на помощь и неверные, «творя втайне совет лютый». Но Бог помогал Даниилу: он смело подступил к Перемышлю. Александр «не стерпев» убежал, и оставил все свое имение.

Неверный Володислав Юрьевич послан был преследовать его, но, в заговоре с ним, допустил его пробраться до Санока, ворот угорских. В погоне «сбоден» был некто Шелв, славный своей храбростью, и «в великой чести» скончался.

Александр прибыл в угры. Там, с изменником Судиславом, непримиримым врагом Даниила, он уговорил короля опять идти на Галич, и король пошел, с обоими своими сыновьями, Белой и Андреем, собрав многочисленное войско. Настоящий поход был для него счастливее, и несчастнее для Даниила. Началось с осады Ярославля. Там начальствовали оставленные Даниилом бояре — Давыд Вышатич и Василий Гаврилович. Целый день, до захода солнца, продолжалась битва, и угры не могли взять города. Теща Давыдова, Нездиловая, была дружна с Судиславом, будучи кормилицей у него или у его сына, и он называл ее матерью; она убедила Давыда предать город, за невозможностью якобы удержать его. Напрасно товарищ его Василий просил: «Не погубим чести князя своего, — эти вои не могут отнять у нас город». Чак, видя угорские полки, подтверждал это мнение: «Не могут вас уже прияти, ибо вельми суть биени». Но Давыд настоял на своем и сдал город, выговорив право отойти со своими воинами. От Ярославля король пошел к Галичу. Бояре, один за другим, покидали Даниила, воевавшего тогда около Буска, и переходили в угорский стан. И Галич был взят.

Королю мало было и этого: он пошел к Данииловой отчине, Владимиру. Увидев этот город, он удивился и сказал: «Такого города нет и в немецких странах». Воины стояли по стенам, и щиты их,

оружие, блестели как солнце. Боярин Мирослав, до сих пор верный слуга, дядька Романовичей, спасший Даниила еще младенцем на седле своем, при покушении Игоревичей взять Владимир, отдал теперь город уграм без сопротивления. «Иногда же храбру ему сущу, Богу ведать, тогда бо смутися умом» он заключил с королем мир без совета со своими князьями и уступил ему Бельз и Червен, куда король и посадил тогда же Александра.

В Галиче на столе он оставил своего сына, и победителем отошел за Карпатские горы домой в угры.

Романовичи были сильно поражены. Они упрекали Мирослава, что тот сдал город имея много воинов. Старый воевода отпирался, впрочем, от уступки Червена, — но эти пререкания не приносили, разумеется, уже никакой пользы. Смелые братья, однако же, не унывали, и принимали свои меры, чтобы вернуть себе отнятое и прогнать угров.

Но им добавилась новая забота. Великий князь киевский Владимир Рюрикович попросил у них помощи против Михаила черниговского, грозившего ему войной. Даниил пошел и помирил противников. Город Торческ, полученный за труды, он уступил своим шуринам Мстиславичам: «Держите за добродеянье отца вашего». Между тем, на него к Белобережью шел королевич Андрей из Галича, вероятно, по предварительному договору с уграми.

Владислав, отошедший из Киева от Даниила, разбил угорские полки, им встреченные. Даниил, получив это известие, пустился вслед за ними и нагнал их у Шумска. Угры остановились, принимая сражение. Даниловы воины были на горах; угры под горою. Бояре Даниловы не советовали ему сходить с гор. «Кто медлит на брань, тот трус, „страшливу душу“ имеет», отвечал он и велел воинам спускаться. В происшедшем сражении Даниил оказал великую храбрость: копье его, вонзенное в неприятеля, сломалось, он обнажил меч и, осмотревшись кругом, увидел стяг Василька. У Василька вся сулица была в крови, и оскепище иссечено «от ударенья мечевого». Даниил поспешил на помощь к брату, рубя направо и налево, поражая многих. Братья много трудились. Тысяцкий Демьян и дядька, старый Мирослав, принимали деятельное участие в сражении, которое несколько раз обращалось в пользу то той, то другой стороны, но было, наконец, выиграно Даниилом. Угры бежали с королевичем в Галич. Эта победа Даниила имела ту пользу, что Александр бельзский, свидетель успехов Романовичей и слабости

королевича, перешел на их сторону, говоря: «Не лепо ми есть быти, кроме ваю», и они, приняв его с любовью, пошли вместе на Плеснеск, который держали Арбузовичи, и захватили богатую добычу. Дела Даниила поправлялись (1232).

Королевич выпросил у отца новое вспомогательное войско с Данишем.

Даниил отправился в Киев, вызвал половцев, привлек к себе враждебного ему дотоле Изяслава Владимировича и взял с него клятву, как и с великого князя киевского Владимира Рюриковича.

Королевич с Данишем уже шли на Владимир. Союзники выступили против Даниша, но Изяслав тотчас изменил, ограбил волости около Тихомля и ушел.

Противники сошлись под Перемилем и бились «о мост». Угры были разбиты, и, бросив свои пороки, вернулись в Галич. Даниил и Владимир пошли за ними. В Бужске присоединились к ним Василько и Александр. Там было совещание, после которого Владимир и Котян отошли домой (1234).

В следующем году (1234) Глеб Еремеевич, один из значительнейших бояр галицких, передался Даниилу, увидев, верно, улучшение его положения.

Братья пошли вперед к Галичу. Большая часть жителей встретила их с радостью. Они заняли многие города и раздали их держать своим боярам и воеводам, потом приступили к самому Галичу, остановившись на левом берегу Днепра. Девять недель продолжалась осада, в ожидании, когда станет лед, и можно будет по льду переправиться через реку. Королевич с Судиславом и Данишем изнемогали от голода. Судислав ухитрился отвлечь Александра от союза. «Отойди от брата, послал сказать ему, я дам тебе Галич», — и Александр, как прежде Изяслав, ушел из стана. Но эта измена не помогла осажденным. Королевич внезапно умер, может быть, вследствие нужды или возникших болезней, — и с его смертью все дело решилось окончательно в пользу Даниила. Бояре галицкие прислали за ним Семьюнка Чермного, и он занял Галич в четвертый раз.

Судислав ушел в угры, вероятно, с телом умершего королевича.

Весною (1233) Александр «убояся злаго своего сотворения», обратился к тестю в Киев. Даниил погнался за ним со своими воинами. Три дня и три ночи сряду не спали они, и, наконец, настигли Александра в Полоном, на Хоморском лугу и взяли в плен,

в котором, вероятно, он и умер.

Бельз присоединен был к Владимирскому княжеству.

Великий князь киевский Владимир Рюрикович прислал к Даниилу в Галич сына Ростислава «и прия с ним братство и любовь велику», но Михаил черниговский, равно как и Изяслав Владимирович, не переставали враждовать с ними обоими. Владимиру понадобилась помощь. Даниил отправил в Киев Глеба Еремеевича и Мирослава, но Владимир звал его самого: «Помози мне, брате». Даниил, зная его любовь, спешно собрал полки и пошел. Вместе они отразили Михаила, подступившего под Киев, опустошили его волости по Десне, заняли города Хоробор, Сосницу, Сновск. Под Черниговом произошел лютый бой. Такой таран был поставлен, что «метал на полтора перестрела камни, четырем человекам едва в подъем». На стол в Чернигове был посажен Мстислав Глебович, двоюродный брат Михаила, помогавший союзникам. Воины Даниловы устали, воюя от Крещения до Вознесения, и князь галицкий спешил на отдых домой.

Между тем, прошел слух, что Михаил и Изяслав ведут половцев на Киев и уже вступили на Русскую землю. Владимир с Мирославом убедили Даниила, после многих его отказов, идти к ним навстречу. Полки сблизились с половцами около Звенигорода. Только тогда была опознана вражеская сила, и Владимир, вместе с Мирославом, вопреки прежнему своему мнению, подали новый голос отступить. Даниил воспротивился и сказал им: «Я не хотел идти вперед и говорил, что нельзя усталым воям идти на здоровых и целых; вы настояли, и я пошел, — теперь отступать я не хочу. Если воин вышел на брань, то должен или победить, или умереть. Нечего робеть, пойдем вперед».

Русские были разбиты. Под Даниилом убит его гнедой конь. Владимир и Ярослав взяты в плен в Торческе, по указанию безбожного Григория Васильевича и Молибоговичей, Изяслав занял Киев.

Даниил спасся бегством в Галич, где застал Василька с его полком. Борис межибожский, советом Доброслава и Сбыслава, дал знать ему ложно, будто Изяслав с половцами идет на Владимир. Он послал туда Василька и остался один в Галиче, но услышав вскоре, что бояре, по своему обычаю, строят против него козни, и ему грозит гибель, должен был оставить город и отправился к уграм.

Михаил, шедший по следам его, занял Галич. Напрасно зимой

Василько тревожил его, напрасно Даниил, вернувшись из угор, действовал со своей стороны — они ничего не могли сделать и вернулись по домам.

Зато галичане повоевали по Хомору и пошли на Каменец, со всеми болоховскими князьями. Много пограбив, они возвращались в Галич, но были настигнуты боярами Даниловыми из Каменца и торками, присланными на помощь от Владимира киевского, который выкупился из плена половецкого. Пленники приведены были к князю во Владимир.

Летом Михаил и Изяслав потребовали с угрозой их освобождения: «Отдай нашу братью, не то придем на тебя войною». Действительно, они призвали на Даниила половцев, некоторых русских князей и ляхов с Конрадом мазовецким, позабывшим услуги, оказанные ему Романовичами.

Остановившись на месте нынешнего Холма, Конрад послал воевать к Червену, где его встретили Васильковы воины, пленили лядских бояр и привели в Городок к Даниилу. Михаил тогда стоял на Подгорье, ожидая Изяслава с половцами и думая потом снестись с Конрадом. Половцы пришли, но отказались идти на Даниила, повоевали Галицкую землю и вернулись домой.

Услышав это, Михаил должен был без успеха спешить в Галич, а Конрад в ляхи, причем в Вепре потонуло множество его воинов.

Летом ободренные Романовичи приходили на Галич, но не могли отнять его у Михаила и Ростислава, у которых было много угров, — и только повоевали около Звенигорода.

Весной (1236) они собрались на ятвягов, но должны были остановиться из-за разлития рек. Потом пустились на рыцарей, призванных Конрадом мазовецким против языческих пруссов. «Нелепо есть держати нашей отчины крыжевником Тепличем, рекомым Соломоничем». Так называл Даниил рыцарей Немецкого ордена, поселенных на русском рубеже, смешивая их с тамплиерами или рыцарями храма. Романовичи взяли их город, пленили старейшину Бруна со множеством воинов, и воротились во Владимир.

Отдохнув, они опять двинулись на Галич, и на этот раз Михаил вынужден был просить у них мира, уступив Даниилу Перемышль.

В отмщение Конраду за его измену, Даниил навел тогда на него Миндовга из Литвы и Изяслава из Новгорода.

Король венгерский, вознамерившись венчаться на царство,

пригласил Романовичей к себе «на честь». Венгерские летописи говорят, что Даниил, участвуя в совершении торжественных обрядов, вел его коня в знак подданства, но это унижение невероятно, потому что Даниил, тогда достаточно сильный, не имел нужды в его покровительстве.

В уграх услышал он о притеснениях императором Фридрихом австрийского герцога и хотел, неутомимый, идти к нему с братом на помощь, но король не дал на то своего согласия. Романовичи возвратились во Владимир, не переставая думать о походе на Галич.

Вот какое смятение господствовало на нашем юге и западе!

Рассмотрим теперь север и восток.

Новгород, угрожаемый немцами и литвой, никак не мог ужиться со своими князьями, из которых к каждому приставали те и другие бояре, и тем прибавляли смуты, ссорясь еще между собой, вовлекая и народ в свои ссоры.

В 1224 г. сын великого князя владимирского Всеволод уехал ночью тайком из Новгорода со всем двором своим, по неудовольствию на некоторых бояр, и сел в Торжке. К нему пришел, по предварительному, видно, уговору, отец великого князя Георгий со своими полками, брат его Ярослав, Василько с ростовцами, Михаил с черниговцами. Новгородцы прислали к великому князю двух мужей со словами: «Княже, пусти к нам дитя, а сам иди с Торжку». Георгий отвечал: «Выдайте мне Якима Ивановича, Никифора Тудоровича, Ивана Тимошкинича, Вячка, Ивача, Радка, — не выдадите, а я поил коней Тверцою, напою и Волховым». Новгородцы «скопили всю волость около города, доспели острог» и послали к великому князю Полюда Вячеслава Прокшинича, Ивана Ярышевича, с ответом: «Княже, кланяемся тебе; а братьи своей не выдаем; крови не проливай, а впрочем — твой меч, а наши головы». На путях поставили они сторожевые отряды, везде устроили тверди, решившись умереть за святую Софию с поездником Иваном Дмитриевичем. Георгий предложил им в князья шурина своего, князя Михаила черниговского. Они согласились, и должны были заплатить еще семь тысяч гривен новых.

Михаилом (1228) новгородцы были очень довольны, но он оставался у них недолго. Выправив сам товар, захваченный Георгием в Торжке и по волости, объявил им, что не может у них оставаться более, и предлагал им торговать в Чернигове как у себя дома. Убеждения их не помогли, и они, скрепя сердце, послали опять за

Ярославом Всеволодовичем в Переяславль.

Ярослав, не доходя до Новгорода, повернулся со своей дружиной и торопецким князем Давыдом на литву, которая приходила перед тем грабить Новоторжские волости. Ярослав отбил у них всю добычу на Усвяте; причем пало их до двух тысяч. Новгородцы не присылали от себя подмоги. Ярослав (1226) не затаил, однако же, гнева на них за то, ходил с успехом на емь (1227), которая, в свою очередь, отплатила набегами по Ладожскому озеру и опустошила по берегам его Исады и Олонес (1228).

Ладожский посадник, не дождавшись новгородцев, сразился с ними и отбил добычу. Они просили мира, и, не получив, перебили пленников, побросали лодки, разбежались по лесам, где их перебили ижоряне и корелы до двух тысяч, «а то все мертво!» Новгородцы стояли несколько дней на Неве, сотворили вече и хотели убить за что-то боярина Судимира, которого спас в своем насаде Ярослав.

Ярослав пошел во Псков с посадником Иванком и тысяцким Вячеславом, но псковитяне заперлись в городе и не пустили его к себе, прослышав, что князь везет оковы и хочет оковать лучших мужей: он постоял на Дубровне и должен был вернуться в Новгород, где созвал вече на владычнем дворе и пожаловался: «Я не мыслил никакого груба на псковичей, и вез им дары в коробах, паволоки и овощи, а они меня обесчестили!»

Тогда же привел он полки из Переяславля. Воины, приведенные Ярославом, расположились шатрами около городища и по дворам в Славне, отчего на торгу все вздорожало: хлеб, мясо, рыба. Хлеб продавался по две куны, кадь ржаной муки по три гривны, пшено по семи гривен.

Князь говорил, что хочет идти на Ригу, а общее мнение было то, что он, раздраженный, собирается опять на Псков, о чем новгородцы их и предупредили. Псковичи, услышав о сборах Ярослава, заключили мир с Ригой «выложивше Новогородцев: то вы, сказали они, а то Новгородцы; нам ненадобе», то есть, до ваших отношений между собой нам дела нет. «Если пойдут на нас, то вы помогайте нам». Немцы согласились, взяв сорок мужей «в тальбу».

Ярослав послал Мишу звать псковичей: «Выдайте, кто меня вам обадил, и идите со мною в путь. Я не мыслил никакого зла на вас». Псковичи прислали к нему Гречина: «Княже, кланяемся тебе и братьям Новогородцам, на путь нейдем, и братьи своей не выдаем, а с Рижанами мы взяли мир. К Колываню вы ходили, серебро получили,

а правды не сотворили, ушли в Новгород не взяв города, а в Кеси также, в Медвежьей голове также. За то наши братья избиты на озере, другие уведены в плен. Вы раздразнили врагов, да и прочь. Думаете ли идти на нас, мы против вас со Святою Богородицею и с поклоном. Ступайте, иссеките нас, жен и детей возьмите себе в плен, а не лучше погании, — кланяемся».

Новгородцы также отказались: «Мы без братьи своей Псковичей на Ригу не пойдем, а тебе кланяемся». Ярослав никак не мог их уговорить и должен был отпустить свои полки домой. Тогда и псковичи отпустили призванных немцев, чудь, летголу, ливь, а сторонников Ярослава выгнали из города: «Идите к вашему князю, вы нам не братья».

Ярослав в досаде ушел из Новгорода со своей супругой, но, не желая упустить из рук прибыльное княжество, оставил там двух своих сыновей, Федора и Александра, с Федором Даниловичем и тиуном Якимом.

К пущему горю настало в Новгороде ненастье; дождь шел день и ночь, и от Госпожина дня до Николина не видели жители ни одного светлого дня. Народ приписал это бедствие архиепископу Арсению, который подкупил будто князя, отстранив Антония, заключившегося в Хутынском монастыре. Созвали вече на Ярославовом дворе, вытолкали архиепископа за ворота, и он насилу спасся в церкви Св. Софии. На другой день пошли на Хутино, взяли оттуда больного Антония и ввели на владычен двор, приставив к нему двоих мужей; потом во оружии пошли с веча на тысяцкого Вячеслава, разграбили двор его и многих других сановников за то, что они наводят будто князя на зло. Липенского старосту хотели повесить, и он едва спасся на двор к князю, а жена его попала им в руки. Тогда же отнято тысяцкое у Вячеслава и отдано Борису Негочевичу, а князю Ярославу дано знать: «Приезжай к нам, забожничье (налог церковный) отложи, судей по волости не рассылай, и клянись нам на всей воле нашей и на всех грамотах Ярославовых, ты наш князь, или ты себе, а мы себе».

В ответ на это требование князь велел сыновьям своим, вместе с их приставниками, оставить Новгород, и они удалились ночью сыропустной недели во вторник (1229). Новгородцы говорили: «Мы их не гнали и князю никакого зла не сотворили; мы свою братью только казнили. Он, видно, задумал лихо на Святую Софию, Бог с ним, мы себе князя промыслим». Поклялись все быть за один, и послали в Чернигов Хота Станимировича и Гаврилу с Лубяницы,

которых не пропустил князь смоленский по научению Ярослава.

Михаил, однако же, был тогда в Брыне с сыном, узнал о желании новгородцев и поспешил в Торжок на вербницу, а в Новгород прибыл под конец Фоминой недели.

Новгородцы были довольны, и Михаил поцеловал крест на всей воле новгородской и на всех грамотах Ярослава. Он дал свободу смердам на пять лет не платить дани; кто сбежал в чужую землю, тому платить, кто где живет, по уставу прежних князей.

На Ярославовых любимцах и на городищанах новгородцы взяли много кун, но дворов их не грабили, и определили собранное на великий мост, отняли посадничество у Иванка Дмитриевича и дали Внезду Водовику. Иванко был послан в Торжок, но новоторжцы его не приняли, и он ушел к Ярославу, с которым вражда не прекратилась, ибо он не хотел отказаться от Новгорода.

Между тем, архиепископ Антоний, больной и немощный, не мог управлять церковными делами. Михаил сказал новгородцам: «Нелепо быть городу без владыки. Выберите, кого вам угодно». Одни указывали на Иосафа, епископа волынского, другие на какого-то грека, многие на диакона Спиридона при церкви Св. Георгия. Князь подал совет положить три жребия на святую трапезу: «Изволи Бог служителя себе и пастуха словесных овец Новугороду и всей области его». Княжич Ростислав вынул жребий — Спиридонов.

К Ярославу послал он Нездилу Прокшинича и Иванка Тудорковича с речами: «Отступись Волока, вороти, что ты силою зашел Новогородскаго, и поцелуй на том крест». Ярослав отвечал: «Волока не отступаю и креста не целую: вы себе, а я себе», и продержал послов у себя все лето.

Михаил между тем уехал в Чернигов, и оставил в Новгороде сына Ростислава. Взяв с собой несколько нарочитых мужей новгородских он сказал: «Дай Бог исправить мне всю правду Новогородскую и принять от вас сына моего».

Литва набегала на волости Серегерские; новгородцы нагнали ее и отбили добычу.

В 1230 г. Михаил приезжал в Новгород, но оставался короткое время, обещаясь на Воздвиженье сесть на коня и идти на Ярослава; тогда же он совершил постриги своему сыну Ростиславу. Архиепископ Спиридон обрезал отроку волосы во храме Св. Софии.

Ярослав собирался на войну. Во Владимир явилось тогда посольство к великому князю Георгию — митрополит Кирилл,

Порфирий, епископ черниговский, и боярин Владимира Рюриковича киевского, просить великого князя о примирении брата его Ярослава с Михаилом черниговским. Послы приняты были с честью, и мир обещан.

В нынешнее отсутствие Михайлове новгородцы возмутились еще сильнее, чем прежде.

Степан Твердиславич рассорился с посадником Водовиком; кажется, Водовик был представителем партии Михайловой, а Степан Ярославовой. Его сторону принял Иванко Тимошкинич, которого избили парубки посадничьи.

На другой день созвано было вече против посадника на Ярославле дворе, и двор его был разграблен. Он, со своей стороны, вместе с Семеном Борисовичем, поднял весь город на Иванка и на Якима Влунковича. Яким бежал к Ярославу, Иванко был убит и брошен в Волхов. Был убит еще Волос Блуткинич. Много дворов было разграблено с веча, другие сожжены.

Зимою, 8-го декабря, в воскресенье, посадник Водовик отъехал в Торжок с княжичем Ростиславом. На другой день поутру был убит Семен Борисович, сторонник Михаилов, и жена его захвачена, двор и села разграблены, также двор и села Водовиковы и его сторонников, Бориса тысяцкого и проч., которые все убежали к Михаилу в Чернигов. Имение их разделено. Одолевшая сторона показала путь и Ростиславу из Торжка в Чернигов: «Поди прочь — отец твой обещался и крест целовал сесть на конь на войну со Вздвиженья, а вот уже Николин день настал. Крестное целование с нас снимается. Мы промыслим себе князя», и послали за Ярославом.

Ярослав спешно приехал в Новгород, 30 декабря, и целовал крест на всех грамотах Ярославлих.

1230 год и начало 1231 были тяжелы для новгородцев во всех отношениях, особенно вследствие голода и мора, о которых будем говорить ниже.

Ярослав пробыл только две недели в Новгороде, и, оставив опять двух своих сыновей, Федора и Александра, уехал в Переяславль.

На осень Ярослав ходил ратью на Михаила, который, несмотря на недавно заключенный мир, принимал к себе новгородских беглецов. Ярославу сопутствовали племянники, Константиновичи. Они пожгли Шеренск и осадили Мосальск.

На следующий год пришли из Чернигова (1232) сторонники Михаила: Борис Негочевич, Петр Володикович, Глеб, Семенов брат,

Миша, с подговоренным ими князем Святославом трубчевским. Они думали восстановить свою сторону в Новгороде. В Буице, селе Св. Георгия, на средоговение, князь увидел ложь и несостоятельность их намерения и оставил их, но они явились в Пскове, схватили и заковали посадника Ярослава — Вячеслава.

В Новгороде, где князя не было, началось смятение. Он поспешил приехать, засадил случившихся там псковичей в гриднице на городище и послал в Псков с требованием: «Мужа моего пустите, а тем покажите путь, откуда пришли».

Псковичи не соглашались и стояли за них крепко. «Пришли к нам их жены, отвечали они, и товар их, и мы отпустим Вячеслава, а не то — вы себе, а мы тебе». И так прошло все лето без мира. Князь не пустил к ним гостей, и они покупали соль по 7 гривен за берковец. Тогда они смирились и отпустили Вячеслава, а князь отпустил к ним Борисовую, Глебовую, Мишную, но мира не дал. На зиму пришли псковичи и поклонились: «Ты наш князь, дай нам сына Федора». Ярослав сына не дал, а дал шурина Георгия. Они взяли его и указали путь Борисовой чади с женами. Изгнанники отправились в Медвежью голову.

В 1233 г. Борисова чадь заняла Изборск с немцами и Ярославом, сыном бывшего псковского князя Владимира Мстиславича. Псковичи оступили их, пленили и отвели к князю Ярославу, который отослал их окованных в заточение в Переяславль. Он готовился играть свадьбу старшего сына своего Феодора в Новгороде, — все приготовления были сделаны, — как тот внезапно скончался и был похоронен в монастыре Св. Георгия. Князь удалился в свой город, а немцы в его отсутствие захватили в Тесове Кирила Синкинича, которого князь по возвращении выправил, приведя с собой множество полков.

Он пошел на Юрьев (1234), разорил окрестности и разбил немцев, пришедших из Юрьева и Медвежьей головы, которые ему поклонились. Зато литва захватила Русу до самого торга. Рушане поднялись — засада, огнищане, гридьба, купцы и гости, выгнали их из посада и сразились на поле. Литва была побита и отошла на Клин.

Ярослав, услышав об этом нападении, сел в насад и пустился по Ловоти. Другие последовали на конях. Под Моровийском у лодейников недостало хлеба, и князь отпустил их в город, а сам пошел с конниками, и настиг литву в Торопецкой волости на Дубравне. Произошла битва. Бог помог Ярославу одержать победу

над погаными, и он отнял у них 300 коней и весь захваченный товар. Литовцев много пало на месте, а остальные побросали оружие и щиты и разбежались по лесам. Из новгородцев убито десять мужей: Федя Якунович, тысяцкий, Гаврило щитник, Нежило серебреник, Гостилец с Козмодемьянской улицы, Федор Ум, княжой детский, другой городищанин и проч.

Ярослав Всеволодович ушел из Новгорода (1236) Киеву на стол, взяв с собой лучших новгородцев сто мужей, Судимира из Славна, Якима Влунковича, Косту Вячеславича, и проч., которых через неделю отпустил всех из Киева, одарив помногу.

В Новгороде оставлен сын Александр. В 1237 году был общий поход на литву — немцы, рижане, чудь, новгородцы. Псковичи послали от себя 200 человек. Они все были разбиты, и едва десятая часть спаслась домой.

Во Владимире, значительно ослабленном сражением при Липице и потом междоусобием после кончины великого князя Константина Всеволодовича, на некоторое время водворилось спокойствие.

Жители утешены были пренесением мощей Св. Авраамия, замученного в 1229 г. в Великом Болгарском городе. Это был, говорит Суздальский летописец, человек иного языка, нерусского, но христианин, богатый, торговавший, «гостешбу дея» по разным городам. Болгары убеждали его много времени, «ласканьем и прещеньем», отступиться от Христа и христианской веры. Он не слушал их, «изволи паче умереть за Христа», оставил свое имение, подвергся мукам и был усечен 1-го апреля. Русские, торговавшие в Болгарии, сохранили тело его в гробу, хотя он был иноплеменник, и, вероятно, не православного исповедания, и принесли во Владимир, что приносит большую честь их терпимости, — и православию.

Великий князь Георгий, с княгиней и детьми, епископ Митрофан, со всем клиросом и игуменами, и все люди, со свечами, встретили святые мощи за версту от города. Положен Авраамий был с великой честью в монастыре великой княгини Всеволожей, любимой матери великого князя Георгия.

Начинались новые распри, и «Ярослав усумнеся брата своего Юргя, слушая некоих льсти, и отлучи от Юргя Константиновича три: Василька, Всеволода и Володимера, мысляшет противиться Юргю брату своему», — который некогда, жертвуя собой, помогал ему, но великий князь успел на время примирить вражду. Это было в 1229 году.

ВТОРОЕ НАШЕСТВИЕ

И в этом самом году пронесся опять слух о татарах, показавшихся на границах Азии, в окрестностях реки Яика или Урала, — и все сердца вздрогнули на Руси, почуя новую беду. Сторожа болгарские, сколько их осталось там от избиения вместе с половцами и саксинцами, племени, вероятно, киргизского, прибежали снизу домой известить о собирающихся на Востоке тучах.

Само небо необыкновенными чудесными знамениями как будто предвещало идущую в них грозу.

1230 года, 10-го мая, в пятницу, на пятой неделе по пасхе, в Новгороде, рано поутру солнце «являлось о трех углах яко коврига, потом мнеи (менее) бысть аки звезда, тако и погибе (пропало), потом мало опять взиде в своем чину». Через четыре дня, «в торгов год (в час торга)», солнце начало умаляться «зрящим всем людям и осталось его мало, и сделалось, аки месяц три для (в меру месяца трехдневного)», потом начало опять полниться, и многие думали, что месяц «идуще через небо», потому что тогда было межимесячье, а другие думали, что солнце идет назад, от того, что малые облака, кучей, быстро бежали на солнце с северной стороны на южную.

В Киеве, в тот же день и час, рассказывали очевидцы, бывшие там, было и еще того грознее: солнце стало месяцем, явились около него с обеих сторон столпы красные, зеленые, синие, и огнь с небеси облаком великим опустился на Лыбедь — люди все отчаялись своей жизни, думали, что наступает кончина, целовались, прося друг у друга прощения, плакали горько, молились Богу со слезами; «и милостью своей Бог преведе страшный тот огнь через весь город без пакости (без вреда)».

Накануне, 3 мая, было повсеместное землетрясение. В Киеве Печерская церковь расступилась на четыре части — во время обедни, когда митрополит Кирилл, великий князь Владимир с боярами, и множество народу там находились, празднуя память Св. отца Феодосия; в трапезнице уготованный корм и питье, столы, скамьи, разбиты были падавшими сверху из потолка каменьями.

В Переяславле Русская церковь Св. Михаила расселась надвое, и упал свод с кровлей трех камор.

Во Владимире Залесском, говорит летописец, иконы подвиглись по стенам, и паникадила со свечами поколебались. Люди изумились

«мняхутся тако, яко голова обои шла коего их».

«То же братья, говорит новгородский летописец, не на добро, но на зло, грех деля наших, Бог нам знамения кажет, да быхом ся покаяли от грех наших. Колику Бог, прибавляет он, наведе на ны смерть той весны, да то мы видяще, не разумехом своея погибели, но скорейши быхом на зло», — и предлагает описание страшного голода в Новгороде, и следовавшего за ним мора.

На Воздвиженье мороз избил весь хлеб, и он вздорожал еще больше прежнего. Хлеб продавался по 8 кун, кадь ржи по 2 гривны, а на дворах по 25, пшеница по 40 гривен, пшено по 30, овес по 13. Жители расходились по чужим сторонам.

За голодом следовал мор. Трупы валялись по всем улицам, Архиепископ Спиридон построил скудельницу в яме, на Прусской улице, и приставил к ней мужа благого и смиренного Станилу, веля свозить сюда на конях мертвецов со всего города. В короткое время навезено было 3030.

Следующая весна была еще тяжелее зимы: голод свирепствовал страшно не только в Новгороде, но и по всей стране. Жители употребляли в пищу мох, желуди, сосну, ильмовый лист, кору липовую, нечистых животных, — доходило до человекоубийства. Таких злодеев сжигали, осекали, вешали. Отцы и матери отдавали детей гостям из хлеба в одерень. Иные злые люди зажигали дома, где предполагалась рожь. Мертвецы на улицах, на торгу, по мосту, лежали непогребенными, псами пожираемые; поставлена была другая скудельница, на поле, в конце Чудинцовой улицы, третья на Колени, за Рожеством, и те наполнились скоро.

Случился еще пожар большой: погорел весь конец Славенский до конца Холма, кроме церквей. Город был уже при конце. Но Бог умилостивился, немцы прибежали с житом и мукой, и город ожил.

После первых слухов татары двигались медленно: только в 1232 году подошли они к Волге, и, не доходя до Великого города Болгарского (на левой стороне Волги, Казанской губернии, в Спасском уезде), остановились зимовать. Здесь почему-то кочевали они больше трех лет, и уже в 1236 году взяли древнюю столицу Болгар, ограбили и сожгли.

На следующую зиму они появились в Рязанских пределах, подойдя лесами с восточной стороны, и остановились станом в Онузе (?), которую взяли и сожгли.

Их было множество, без числа, говорит современный русский

летописец, а арабский описывает так их нашествие: земля стонала, звери безумели, испуганные птицы падали мертвые.

Рязанский князь Юрий Игоревич при первых слухах оповестил родных и соседних князей. В родственный Чернигов и ближний Владимир отправлены послы за помощью.

В стольном городе Рязани успели собраться только ближние князья: брат Олег Красный, племянники Олег и Роман Ингваревичи, Всеволод Михайлович пронский, один из князей муромских.

Татары прислали к ним послов, двух мужей и жену чародейку, требуя себе десятины во всем: и в князьях, и в людях, и в конях, — десятое в белых, десятое в вороных, десятое в бурых, десятое в рыжих, десятое в пегих.

Князья отвечали смело: «Не будет нас, тогда возьмете все».

Послы препровождены были к великому князю Георгию Всеволодовичу во Владимир.

На предложение татар: «Мирися с нами», он отвечал: «Брань славная лучше мира постыдного», и начал военные приготовления, а рязанской просьбы не уважил, рать не прислал и сам не пришел, «хотя особь брань сотворити».

Из Чернигова еще не было слуха, и рязанские князья вынуждены были одни идти навстречу татарам к Воронежу, решась умереть, но не покоряться.

Преданье дополняет летопись известием, что, посоветовавшись между собой, они попытались умилостивить татарского хана богатыми дарами, с которыми был отряжен к нему сын старшего рязанского князя, Феодор. Батый принял дары благосклонно и потребовал у Феодора жены его, славной своей красотой, как дошла до него молва. Рязанский князь отворотился с негодованием, услышав требование, и тут же был умерщвлен; тело брошено зверям на растерзание.

Молодая жена, услышав о его гибели, кинулась из высокого терема на берегу Осетра, с младенцем на руках, которого звали Иоанном постником, и заразилась, т. е., убилась до смерти, отчего ближняя церковь получила название Николы Заразского или Зарайского. (Тело убитого князя после принесено было и погребено, вместе с телами его жены и сына. В Зарайске показывают еще до сих пор три креста, поставленные, говорят, первоначально над их могилами. Подле построена была церковь во имя Св. Иоанна Предтечи).

Татары двинулись к Воронежу, где стояли русские князья, и вступили с ними в бой. Сеча была злая. Кровь потекла по полю, как новая река. От стремительного натиска бесчисленных татарских полчищ наши рати устоять не могли. Разбитые, они вынуждены были уступить, и князья спаслись бегством, каждый в свой город. Один из них, Феодор Красный, изнемогающий от ран, еле живой, был взять в плен и приведен к Батыю, которому понравился. Батый обещал ему помилование, если он обратится «на их прелесть». Он не соглашался. Батый, рассерженный, «дохну огнем от мерзкаго сердца своего», говорит летопись, и несчастный был изрезан ножами до полусмерти.

Татары устремились вперед, опустошая огнем и мечом Рязанскую землю, «грады разбивающе и жгуще, люди ськуще и пленующе». Так были разорены до основания: Пронск, Белгород, Ижеславль, Борисоглебск, и имена их с тех пор не слышатся в летописях, кроме Пронска. Арабские современные писатели выражаются очень живо о городах, опустошенных татарами, что они исчезали, как будто и не красовались вчера.

16 декабря обступили татары стольный город Рязань. Князья затворились, решившись защищаться до последней капли крови. Пять дней продолжалась осада. Граждане отчаянно оборонялись, стояли по стенам не сменяясь, между тем как нападавшие обновлялись беспрестанно свежими силами. Каждый день падало множество, но никто не думал о сдаче. На шестой день подступили татары с огнем, с пороками, или стенобитными орудиями, и лестницами, и 21 декабря город был взят, и, по разграблении, сожжен. Все жители, попадавшиеся под руку, были перебиты без милости, одни расстреляны стрелами, другие посечены мечами, потоплены в реке, женщины на улицах подвергались поруганиям, дети бросаемы были в огонь, и не осталось в городе никого из живых, говорить летопись: некому было стонать и плакать, некому скорбеть о погибших, родителям о детях, детям о родителях, братьям о братьях — все вместе лежали мертвые.

Из князей остался один Роман Ингваревич, который успел убежать и поведать во Владимире великому князю о гибели Рязани.

Татары пошли вперед, не останавливаясь, на Владимир. Вдруг сзади, когда они уже выходили из пределов Рязанских, говорит древнее сказание, показались рязанские воины и ворвались в их становище. Татары всполошились, не понимая, откуда взялись они: не мертвые ли, павшие в Рязани, встали и прискакали мстить за

смерть свою. Неизвестные воители рубили направо и налево изумленных, оторопевших варваров. Притупленные мечи они бросали и хватали другие из рук поверженных на землю татар. Во всех станах произошло страшное смятение. Пятерых из воителей удалось, наконец, схватить, и они приведены были в ставку Батыя. «Кто вы такие?» спросил их удивленный хан. «Мы слуги великого князя Ингваря Ингваревича, от полка боярина Евпатия Коловрата, посланы тебя, великого царя, почтити и честно проводити, да не подиви, царю, что не успеваем наливать чаш на великую силу Татарскую».

Шурин Батыев, Таврул, вызвался идти на Евпатия, взял с собой сильные полки и обещал привести его живого. Он бросился на витязя, но тот, исполин силой, рассек его на две части до седла. Татары навели на Евпатия, как на крепость, множество саней со стенобитными орудиями, окружили его, и, наконец, одолели. Товарищи его были убиты. Мертвый принесен был к Батыю вместе с остальными воинами, которые были взяты в плен. Батый похвалил мужество и отпустил их на волю, отдав им тело погибшего вождя.

Каким же образом случилося это нападение?

Рязанский боярин, Евпатий Коловрат, был послан при слухах о татарском нашествии в Чернигов за помощью. Услышав там, что татары уже появились в пределах Рязанских, он поспешил с князем на родину, которую нашел совершенно опустошенной; собрал, сколько мог, дружины, тысячу семьсот человек, которых «Бог соблюде», и погнался вслед за татарами, решив испить мертвую чашу заодно со своими государями, и испил ее до дна, совершив и исполнив со славой великодушное свое намерение.

Поздно понял великий князь суздальский свое положение и увидел свою ошибку. Он отрядил старших сыновей, незадолго обвенчанных, — Всеволода, с бывшими наготове воинами, к Коломне, навстречу татарам, а другого — Владимира — в Москву.

Под Коломной произошло сражение. Татары окружили суздальцев со всех сторон, по своему обычаю. Наши бились крепко, но напрасны были все усилия. Множество везде одолевало. Татары приперли русских к надолбам. Тут пал воевода Еремей Глебович, рязанский князь Роман Ингваревич, и много других мужей добрых. Враги опять остались победителями. Всеволод с малой дружиной бежал во Владимир. Татары двинулись к Москве.

Москва, городок, только что начинавший возникать среди лесов,

ее окружавших, не могла противиться долго. Ее защищал другой сын великого князя, Владимир Юрьевич. Он взят был в плен. Воевода Филипп Нянька был убит. Жители истреблены. Имущество пограблено. Татары повернули к Владимиру.

Великий князь уехал перед тем с племянниками на Волгу собирать рать для сильнейшего отпора врагам. Он предполагал, кажется, что враги не могут еще так скоро угрожать его столице, и что он успеет заблаговременно вернуться с новыми, свежими полками. Он мог думать, по крайней мере, что крепкий город во всяком случае продержится до его прибытия. Вместо себя он отрядил двух сыновей, Всеволода и Мстислава, к которым воеводой был приставлен Петр Ослядюкович, — но он ошибся в своих расчетах. Татары не шли, а летели, как птицы, и между тем, как Георгий расположился станом еще по реке Сити, впадающей в Мологу, ожидая своих братьев с полками, 3 февраля, во вторник, прежде мясопуста за неделю, появились они перед Владимиром и тьмами тем окружили его со всех сторон.

Владимирцы затворились накрепко в городе с молодыми князьями. Татары хотели уклониться от боя и потребовали сдачи. Владимирцы отказались отворить Золотые ворота.[39]

Епископ Митрофан увещевал народ: «Чада, не убоимся смерти, не приимем себе во ум сего тленного и скороминующего житья, но о том не скороминующем житье попечемся, еже со ангелы жити. Поручник я вам, аще и град наш пленше копием возьмут, и смерти нас предадут, получим венцы нетленные на том свете от Христа Бога». «О сем же словеси слышавше все, замечает летописец, начаша крепко боротися». Татары подъехали к Золотым воротам, имея при себе плененного в Москве княжича, Владимира Юрьевича, и спросили о великом князе, тут ли он в городе. Владимирцы вместо ответа пустили в них по стреле. Татары ответили тем же, пустив также по стреле на город и на Золотые ворота, и потом закричали: «Не стреляйте!» Наши остановились. Тогда татары подошли ближе к Золотым воротам и выставили перед ними Владимира. «Узнаете вы своего княжича?» спрашивали они осажденных. На несчастном не было лица, бледный и худой, он едва мог держаться на ногах.

---

[39] К воротам с обеих сторон присыпан был вал, частично сохранившийся до настоящего времени. Сообщения другого не было.

Всеволод и Мстислав, стоявшие на Золотых вратах,[40] узнали брата и залились слезами, бояре и граждане с ними, смотря на Владимира, в руках у лютых врагов. «Ударим, воскликнули пылкие молодые князья, обращаясь к дружине и воеводе, ударим, лучше умереть за святую Богородицу и в правую веру, неже воли быти поганых». Воевода не согласился.

Татары объехали город и потом расположились станом перед Золотыми воротами, «яко зреемо», то есть, на виду у жителей, приготовляясь на Студеной горе к приступу.

Один отряд ходил, между тем, к Суздалю — город взят и сожжен, княжий двор, монастырь Св. Димитрия, церковь святой Богородицы, ограблены, жители перебиты, другие отведены в плен. Оставшиеся в живых, нагие и босые, беспокровные, должны были погибать от стужи. (Уцелел только, говорит предание, девичий монастырь, скрытый чудом из виду татар, — тот, где иноческое борение проходила страдально Евфросиния, дочь будущего мученика, святого Михаила черниговского).

В субботу мясопустную отряд вернулся к Владимиру. Приготовления к приступу кончились, и татары начали ставить леса и пороки от утра до вечера, а на ночь огородили тыном весь город. Поутру, когда совсем рассвело, князья и граждане увидели, что городу спасения нет при таких средствах осады, и что он будет взят непременно. Оставалось только приготовляться к смерти. Супруга великого князя, с дочерью, с молодыми женами своих сыновей и внучатами ушли во храм Пресвятой Богородицы, приобщились там Святых тайн и приняли ангельский образ от рук епископа Митрофана. За ними последовали много бояр и людей, — старики, женщины и дети.

Князья Всеволод и Мстислав отошли к старому городу, который был окружен валом так же, как и средний.

Все ждали со страхом и трепетом своей погибели, предаваясь в волю Божию.

По заутрени в неделю мясопустную, 7 февраля, на память святого мученика Феодора Стратилата, татары бросились на стены и ворвались в город, через стену от Золотых ворот у Св. Спаса, — место это приметно до сих пор, — с севера от Лыбеди к Орининым воротам и к Межным от Клязьмы (к Волжским). До обеда весь новый

[40] Дверь к накатнику над нижней аркой сохранилась доныне.

город был занят и зажжен. Татары отбили церковные двери в соборе Божией Матери. Семейство великокняжеское с ближними людьми укрылось на палатях. Злодеи ободрали все иконы, захватили все драгоценности, сосуды, кресты, оклады, ризы, порты древних князей, что вешали себе на память. Узнав, что великая княгиня, со снохами и внучатами, находится на палатях, татары звали их сойти, обещая помиловать. Никто не послушался. Тогда они натаскали леса в церковь, наклали вороха около церкви и зажгли. Дым и смрад распространился повсюду. Люди задыхались. Епископ Митрофан, объятый пламенем, благословил погибающих и воскликнул: «Господи, Боже сил, седяй на херувимех, простри руку Твою невидимую, и прими с миром души раб Твоих!»

Владимирский собор Успения, славный памятник князя Андрея Боголюбского, на крутом берегу Клязьмы, сохранился почти совершенно до нашего времени. Целы еще приснопамятные палати, где избранные русские люди, в минуту общей гибели, положили живот свой, покоряясь безропотно воле Божьей с верой и любовью. Место свято есть!

Молодые князья, Всеволод и Мстислав, были настигнуты за городом и убиты вместе с прочими, искавшими спасения в бегстве. Там же погибли Пахомий, архимандрит Рождественского монастыря, игумены Успенский и Спасский. О пленном Владимире нет известий: вероятно, он подвергся той же участи.

Из Владимира татары рассыпались отрядами к Ростову, Ярославлю, Городцу, и пошли по Волге, даже до Галича, другие пошли на Переяславль, ограбили и разорили Юрьев, Дмитров, Волок, Тверь, где был убит сын Ярослава, племянник великого князя, — вплоть до Торжка. Нет почти места в Суздальской земле, где бы они не побывали; городов взято 14, кроме слобод и погостов, в продолжение одного месяца февраля. Ростовская область была разорена также. Единственное убежище для народа были леса.

«Такими дремучими лесами была покрыта эта страна, говорят современные арабские летописцы, что в них и змее не было прохода. Татары должны были в иных местах прорубать себе дорогу, и они прорубали такую, чтобы четырем телегам можно было проехать рядом».

А великий князь Георгий еще стоял станом на Сити, вместе со своими племянниками, ожидая братьев, Ярослава и Святослава, с их дружинами.

Вдруг приходит к нему роковая весть: Владимир взят, церковь соборная разорена, жена твоя, княгиня, с детьми и снохами, огнем скончалися, сыновья убиты, люди погибли, — на тебя идут!

«Господи! возопил несчастный гласом велем, из глубины сердца, обливаясь слезами. Так ли судил Ты? Буди воля Твоя святая! Готов умереть и я: одному что делать мне на этом свете?»

И недолго оставалось ему жить. Дорож, один из воевод, посланный разведывать с 3 тысячами человек, прибежал к нему скоро назад с известием: «Княже! обошли нас татары».

Едва Юрий начал строить полки с братом Святославом, только что пришедшим, с воеводой Жирославом Михайловичем, внуком славного Андреева воеводы, и племянниками, как вдруг принеслась новая весть, громовая: идут, идут!

Не успев распорядиться, князья решились отступить вниз по Сити. Татары не дали им опамятоваться, пересекли дорогу и внезапно появились перед ними: сторожей после Дорожа, видно, не было оставлено впереди, или не успели они дать знать о приближении врагов, которые нагрянули на оторопевшее ополчение.

Князь Юрий, отложив всю печаль, бросился в бой. Полки его, обрекшие себя на смерть, последовали за ним. Началась сеча, кровь полилась; сломить малочисленную дружину несметной силе было нетрудно. Она подалась. Татары за ними. Это было уже не сражение, а побоище. Князь Юрий был убит. Голова у него отрублена. Около него повалены снопами его верные воины. Остальные должны были искать спасения в бегстве на все стороны.

Побоище на Сити произошло 4-го марта: вот как быстро шли татары, взявшие Владимир 25-го февраля.

Кучи курганов, рассыпанных по течению Сити до ее устья и по впадающим в нее рекам, так же, как и по Мологе, обозначают путь татарского натиска и русского жертвоприношения.

Судя по расположению этих курганов, следует заключить, что сражение происходило во многих местах, начиная от села Боженок, где настигнут был Дорож с передовым отрядом, и оканчиваясь при устье Сити и за Мологою. Русские воины, видно, отступали, бежали, останавливаясь усталые, где и настигали их татары, возобновляя сечу.

Многие из открытых в курганах скелетов сохранили на костях следы ударов-проломов, разрубов, усечений.

Некоторые собственные имена, до сих пор сохранившиеся в этой пустынной дикой стране, как глухие звуки, донесшиеся из древности,

напоминают несчастное событие: Резанино, Станилово, Станово, Сторожево, Губино, Боронишино, Могилицы, Юрьево.

Есть несколько бедных церквей, где даже до последних времен служились панихиды за убиенного князя Юрия или Егория. Есть и приделы во имя Св. Егория, а кто был этот Егорий, как он был убит, народ не имеет никакого понятия.

Ясно, что жителей старых здесь не оставалось, и до позднейших поселенцев дошли уже темные предания, дающие повод к разноречивым показаниям.

Василько, племянник великого князя, был живой взят в плен, и отведен «со многой нужей» до Шернского леса, где татары остановились станом. Там принуждали они его быть с ними заодно и воевать на своих. Василько отвечал им укоризнами: «О глухое царство и скверное! Не отлучите вы меня от святой христианской веры. В великой беде мы, но ее наслал на нас Бог, за грехи наши! А вас он накажет за души, что губите без правды». Отощалый, он не принимал ни пищи, ни пития; лицо его было уныло от многого томления. Татары бросились на него. Летописец влагает в его уста следующие восклицания: «Господи, Иисусе Христе! Вижу, что младая моя память железом погибает и тонкое тело у меня увядает. Помоги христианам, помилуй раба Твоего, спаси жену мою, детей моих, епископа Кирилла».

Он был тут же изрублен.

Шернский лес находится на границе между Ярославским и Углицким уездами, на реке Шерне, на половине дороги между Ростовом и Ситским побоищем. Здесь до сих пор одна пустошь называется Васили, и жители рассказывают о каких-то всадниках и схватке, когда-то бывшей. Говорят, что несколько лет тому назад здесь найдена была древняя каменная плита, которая куда-то затерялась.

Гибель Василька видела какая-то верная женщина и поведала поповичу Андреяну. Они взяли изрубленное тело, завернули в понявину и спрятали в сокровенном месте. Вдова его и епископ, узнав о том, впоследствии приезжали за ним и торжественно похоронили в Ростовском соборе.

«Бе же Василько лицем красен, очима светел и грозен взором, храбр паче меры, на ловех вазнив, сердцем легок, а кто ему служил, тот не можаше забыти и до смерти».

И Юрьево тело было найдено, без головы, епископом Кириллом,

возвращавшимся из Белоозера, и похоронено там же. После привезена была и голова и приложена к телу. Потом оно было перенесено во Владимир, где и ныне находится.

Другой татарский отряд обложил Торжок на сбор по Федорове неделе. И здесь жители не сдавались тем более, что надеялись на новгородскую помощь. Две недели враги били пороками крепость. О помощи не было слуха: «всякий стал о себе, замечает летописец, в недоумении и страхе».

Средства осажденных истощились, и сопротивляться более не осталось сил. Город взят, люди перебиты от мужского пола и до женского, все изобнажено и поругано, и нужной смертью погублено, 23-го марта, в среду средокрестную, на память Св. мученика Никона. Тут были убиты Иванко, посадник новоторжский, Яков Влункович, Глеб Борисович, Михайло Моисеевич.

От Торжка окаянные погнались Серегерским путем, «людие секуще, яко траву», даже до Игнача креста, верст за сто до Новгорода, а Новгород заступил Бог и спасла Св. София.

Батый вдруг повернул назад, опасаясь, вероятно, зайти, перед вскрытием рек, слишком далеко, в страны неизвестные, все более и более дикие, болотистые и гористые.

Обратный путь его лежал по другому направлению, к западу. О нем не сохранилось никаких известий в летописях, кроме осады города Козельска (в нынешней Калужской губернии), где княжил молодой князь Василий, из рода черниговских князей. Жители, «имея ум крепкодушевен», не хотели сдаваться, как и жители больших городов русских. «Нужды нет, что молод наш князь, сказали они на вече, умрем за него и примем славу здесь, на этом свете, а там, на том свете, венцы небесные получим». Семь недель бились храбрые. Татары решили, наконец, взять город приступом, разбили стены и вскочили на вал.

Жители приняли их там в ножи и не пускали дальше. Много времени продолжалась резня, и татары вынуждены были сойти вниз, но и жителям нельзя стало более держаться в городе. И пищи и питья у них недоставало, они решили выйти в поле, бросились на пращи, иссекли пращников, и сами были все побиты, как на поле, так и в городе, куда путь открылся, «даже до младенцев, сосущих молоко».

О князе Василии пронесся слух, что он утонул в крови.

Козельск получил от татар славное прозвание Злого города. Четыре тысячи татар легло под деревянными стенами его, и три сына

темничих нашли там себе смерть.

Батый, свершив свою губительную смертоносную прогулку, отошел в землю Половецкую.

А что делалось там, на юге, на западе — в Киеве, в Галиче, между тем как татары громили восток и север. Прекратились ли хоть теперь тамошние междоусобия? Успокоилась ли хоть теперь раздираемая столько времени войной страна?

Нет, на юге и западе земля не успокаивалась, и междоусобия продолжались безостановочно.

Киев, оставленный (1236) переяславским князем Ярославом Всеволодовичем, при первом известии о приближении татар к Рязани, был тотчас занят Михаилом черниговским, который приехал сюда из Галича, оставив там сына Ростислава.

Ростислав отнял у Даниила Перемышль, уступленный ему незадолго, и между ними началась распря: они то воевали, то мирились. Ростиславу понадобилось отлучиться на литву со своими боярами. Даниил, воспользовавшись его отсутствием, появился под Галичем и подал голос жителям: «До каких же пор вы хотите терпеть державу чужих князей?» «Ты наш князь, держатель, Богом данный», закричали они в ответ и бросились к нему, как дети к отцу, как пчелы к своей матке. Дворецкий Григорий с епископом Артемием, увидев невозможность сопротивляться, вышли навстречу к Даниилу и сказали ему: «Иди, князь, бери город». Даниил вступил в Галич в пятый раз и поставил свое знамя на воротах Немецких, сказав: «Теперь никто уже не возьмет у меня Галича».

Ростислав, возвращаясь из своего похода, услышал о взятии города и удалился к уграм, где надеялся получить себе королевскую дочь в супружество. Некоторые из бояр его пришли в Галич, пали к ногам князя, просили прощения: виноваты, что держали другого князя. Он отвечал: «Бог вас простит, только не грешите больше, а то будете наказаны». Прочие пошли за Ростиславом и были преследуемы до горы.

Все это происходило в продолжение 1236 и 1237 годов.

В следующем году Батый прислал еще несколько отрядов прогуляться по России. Одни пришли к Переяславлю Русскому и взяли город, ограбили церковь Св. Михаила, убили епископа Симеона и множество жителей, попавших под удары.

Другие напали на Чернигов, где князь Михаил Глебович также решил защищаться. Татары долго не могли взять города, поставили

тараны и метали такие камни, что только вчетвером можно было поднять. «Лют бе бой у Чернигова», но, наконец, побежден был Мстислав, и множество воинов его погибли, город взят и сожжен, как и прочие.

Батый велел Мангухану «соглядети Киева». Смотря на Киев из-за Днепра, от города Песочного, татары удивились красоте его и величеству. Батый прислал послов к Михаилу Всеволодовичу и к гражданам, «хотя прельстити их». Те не послушались и убили послов. Следовало ожидать нашествия и расправы…

«Бе же пополох тогда зол по всей земле»: люди бегали, сами не зная куда от страха.

Михаил, не имея надежды оборониться от врагов, удалился в угры, где уже был сын его Ростислав. Киевский стол остался незанятым, но и в такое грозное время нашелся на него охотник: Ростислав Мстиславич, из Смоленска, пришел занять Киев, оставленный Михаилом, а Ярослав Ингваревич напал тогда на Каменец и пленил супругу Михаила, сестру Романовичей.

Даниил явился, отнял Киев у Ростислава смоленского, вытребовав сестру у Ярослава, и поручил защиту города боярину своему Димитрию, а сам удалился во Владимир.

Михаил, между тем, должен был оставить Венгрию, где король Бела, при перемене обстоятельств, отказался выдать свою дочь за его сына, изгнанника. Он прибег под покровительство своего дяди, Конрада мазовецкого. Оттуда он отправил послов во Владимир к Даниилу с выражением раскаяния. «Много раз бывал я виноват пред тобою, много раз причинял тебе вред, не исполнял своих обещаний; случалось — хотел я иметь любовь с тобою; неверные галичане мешали мне; теперь я клянусь никогда не враждовать тебе».

Романовичи не помянули зла, послали к нему сестру свою и звали его из ляхов. Даниил, посоветовавшись с братом, обещал Михаилу Киев, а сыну его Ростиславу Луцк. Но Михаил «за страх татарский», не посмел идти в Киев, и Романовичи позволили ему походить по земле своей, снабдив его пшеницей, медом, говядами, овцами, в обилии.

Между тем, гроза приближалась. Даниил решил искать помощи в уграх, чтобы соединенными силами противостать татарам, взял с собой малолетнего сына Льва и поехал к королю, но не успел убедить его и должен был вернуться. В Синеводске (в Стрынском округе), в монастыре Св. Богородицы, он увидел множество народа, бежавшего

от татар, и побоялся идти далее с малой дружиной по Русской земле, чтобы не попасть с сыном в руки неверных галичан. Вот каково было положение в этой несчастной стране, игралище бояр, что мужественнейший из русских князей, в виду приближающихся диких врагов, не смел там показаться без достаточной дружины. Он отправился назад в угры, оставил там сына и пошел домой через Польскую землю. В Сендомире он услышал, что его семейство, княгиня, дети и брат, бежали из Руси перед наступлением татар и находятся также где-то в ляхах. Даниил пошел искать их и нашел на реке Пали (?). «Недобро нам стояти зде близ воюющих нас иноплеменников», сказал он и отошел в землю Мазовскую к Конрадову сыну Болеславу, который дал ему Вышгород.

Михаил черниговский искал также спасения у ляхов.

Дошла очередь и до Киева. В 1240 году Батый пришел со всей своей силой, как будто саранча налетела. Видимо-невидимо полков вражеских окружило город. От ржания коней, мычания стад, рева верблюдов, скрипа телег, не слышно стало в городе людской речи. Один захваченный татарин, именем Таврул, известил граждан о количестве силы Батыевой и об именах его воевод: Урдюй, Байдар, Бирюй, Кайдан, Бечан, Бедай-богатырь, Бурундай-богатырь, что взял землю Болгарскую и Суздальскую. Батый поставил пороки к городу против ворот Ляшских. День и ночь беспрестанно били осаждавшие из этих пороков, и выбили часть стен. Защитники столпились на оставшихся в целости, «и ту бе видети лом копейный и щитов скепание, стрелы омрачаша свет». Мужественный воевода Дмитр ранен. Татары взобрались на стены и расположились там ночевать. Граждане ночью устроили другой крепкий город около святой Богородицы. Поутру напали на них и здесь татары, и сеча возобновилась. Множество укрылось на камарах церковных со своим имуществом, но стены обвалились от тяжести, и люди погибли под развалинами. Нигде не было спасения. На Николин день, 6 декабря, Киев был взят и сожжен. Камня не осталось на камне, кроме двух-трех главных церквей, не до основания разрушенных, а дерево все сгорело.

Дмитра пощадили сами татары, ради его мужества, и взяли с собой в поход. Узнав, что князь Даниил в уграх, пошли искать его, приступили по дороге к городу Лодяжину (на Буге, в Подольской губернии), который также не думал сдаваться. Татары поставили двенадцать пороков, но не могли разбить его стены. Наконец, люди,

обманутые, сдались, и были перебиты.

Также взяли татары Кременец, город Изяславов, Владимир, Галич и множество других городов, но Каменца, города Даниила, не могли взять и прошли мимо.

Так, вслед за северо-восточной Россией, или Великороссией, покорена была другая половина России, юго-западная, ныне называемая Малороссией. Городское сословие было почти истреблено как там, так и здесь. Воины, как там, так и здесь, дружины с боярами и отроками, честно исполнили долг свой и положили живот свой за отечество, за веру христианскую, в надежде иметь венцы мученические на том свете. Киев, Чернигов, Переяславль, Лодяжин, Кременец, на юге, защищались до последней капли крови, как на севере — Рязань, Коломна, Москва, Владимир, Торжок, Козельск, и, уверенные в неизбежной гибели, нисколько не колебались предпочесть постыдное рабство мучительной смерти.

Умилительное, высокое зрелище представила Русская земля в эту критическую минуту своей истории, о которой нельзя вспоминать без благоговения!

Терпение, русская добродетель по преимуществу, преданность в волю Божию, проявились здесь блистательно, и смиренные летописцы заключают обыкновенно свои прискорбные описания следующими словами: «Се же бысть за грехи наши… Господь силу от нас отъя, а недоумение и грозу, и страх, и трепет вложи в нас за грехи наши».

Плано-Карпини, посланный вскоре папой Иннокентием IV к татарам к великому хану со словами мира, проезжая через Киев, пишет в своих записках, что «жителей по дороге везде мало: они истреблены монголами или отведены в плен. В Киеве, продолжает он, наняли мы татарских лошадей, а своих оставили: ибо они могли бы умереть с голода на дороге, где нет ни сена, ни соломы, а татарские, разбивая копытами снег, питаются одной мерзлой травой».

Вот как в народной песне выразилось горевание о положении Руси:

Зачем мать сыра земля не погнется? Зачем не расступится? От пару было от кониного, А и месяц, солнце, померкнули. Не видать луча света белого. А от духа татарского Не можно крещеным нам живым быть.

Дмитр успел, наконец, убедить Батыя, чтобы он оставил несчастную Русь, разоренную и опустошенную. «Если ты замедлишь

здесь, сказал он, то угры, племя великое, соберутся с силами и не допустят тебя возвратиться восвояси благополучно». Батый принял совет и отошел в угры.

Король Бела и Коломан были побеждены татарами, которые гнали их до Дуная.

Провоевав в западных странах три года, до Владиславы, Батый удалился в свои улусы.

Татары расположились кочевать в низовьях Волги, по привольным степям, где в Астраханской губернии странствуют ныне прямые потомки их, калмыки. Отсюда легко и удобно им было посылать свои летучие отряды во все покоренные страны, держать их в повиновении и уничтожать всякое покушение, если бы где обнаружилось какое, свергнуть их иго. Отсюда татары могли как бы держать меч над головами всех своих подданных, чтобы никто из них не мог шевелиться.

ЗАКЛЮЧЕНИЕ

Страшных врагов получила Русь в лице татар, дикого, необузданного азиатского племени.

Но не одни татары посягали в это злополучное время на ее целость и независимость, на ее существование.

Татары утвердились преимущественно на юге и Востоке.

Поляки и венгры терзали ее юго-западную окраину и пытались покорить себе знаменитое Галицкое княжество, нынешнее королевство Галицию.

Далее к северу усиливались литовцы, жившие в глубине лесов Подляшья (на пределах нынешних губерний Гродненской, Виленской, Ковенской), и платившие некогда дань соседним русским князьям. Литовцы выдвинулись теперь из лесов и начали тревожить своими набегами области полоцкие и новгородские, угрожая близкими завоеваниями.

На северо-западе, в устье Западной Двины, появились немцы, построившие первое укрепление с позволения русских князей, но в 1201 году они основали Ригу, с помощью вновь учрежденного ордена Меченосцев, тотчас обнаружили властолюбивые замыслы и овладели всей страной ливов и леттов, нынешней Лифляндией, подданной прежде Полоцку.

На востоке от них в Эстляндии утвердились датчане, они

построили в 1210 году Ревель и угрожали Пскову и Новгороду.

Еще далее на восток, в устье Невы, начали проникать шведы…

Вот в каком ужасном, отчаянном положении, находилось наше отечество в середине XIII столетия. Враги сильные, грозные, многочисленные, одни других лютее, с востока, юга, запада, севера и моря, как хищные звери с зияющей пастью, стали над ним и грозили порабощением. Татары, литовцы, поляки, венгры, немцы, датчане, шведы, окружили святую Русь как бы облавой, напирали на нее, грозясь разнять ее по суставам, готовясь поделить ризы ее по себе, и об одежде метати жребий.

Была ли какая человеческая возможность сладить с таким страшным сборищем врагов стране, изнуренной двухсотлетними междоусобиями, лишенной теперь почти всего своего военного сословия, опустошенной огнем и мечом вдоль и поперек, от одного конца до другого?

Казалось, погибель ее неизбежна, нигде не видать было исхода, надежды никакой не мелькало на перемену обстоятельств к лучшему, — пропадет святая Русь. Казалось тогда, что на роду написано ей: не быть! Такую горькую, тяжелую думу думал, вероятно, святой отшельник в глубине пещер киевских или черниговских, смиренный летописец, заносивший в летопись не чернилами, а слезами и кровью, описание страшных событий — думал, и молился со страхом и трепетом о спасении дорогой отчизны, — Господи помилуй!

Помилует ли Он?

Да, Он помилует, она спасется, она перенесет тяжелое огнекровавое испытание, она превозможет всех своих врагов, она восстанет с новой силой и славой: «аще бо паки возможете, и паки побежени будете, яко с нами Бог!»

Кто же спасет святую Русь?

Спасет ее народ терпеливый, смиренный, твердый, толковый, талантливый, носивший во глубине своего сердца сознание о государственном и земском единстве.

Спасет ее земля просторная, плодоносная, разнообразная, беспредельная, достаточная для бесчисленных грядущих поколений.

Спасет ее язык, творческий, сильный, многосмысленный, обильный, благозвучный.

Спасет ее вера православная, горячая, безусловная, готовая в избранных душах на всякие жертвы.

Народ, земля, язык, вера — вот четыре твердыни, крепкие столпостены, на которых, под державой Мономахова потомства, святая Русь удержалась, удерживается и удержится до тех пор, пока они не будут поколеблены в своих заветных, священных основаниях.

Спасибо, что скачали книгу в бесплатной электронной библиотеке Royallib.ru
Оставить отзыв о книге
Все книги автора